Журнальный фонд
Московск-й обл. библиотеки

Николай Карамзинъ.

Москва,
8 Апрѣля, 1901.

Факсимиле
обертки журнала того же формата и цвѣта.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА, 1802.

Въ Университетской Типографіи
у Люби, Гарія и Попова.

Первая книжка части I-й вышла въ началѣ января.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXVI. — ТОМЪ CCCLXXXVII. — 1/14 ЯНВАРЯ 1902.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

№ 1 январь

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1902

3112

ИСПОВѢДНИКИ

ПОВѢСТЬ.

I.

Лѣсная дорожка то съуживалась, то раздавалась вширь. Между стволовъ хвойныхъ деревьевъ розовѣлъ закатъ. Небольшое общество возвращалось въ Петровскій паркъ — подъ Москвою — и сдѣлало уже двѣ-трети пути, все лѣсомъ.

Впереди двигалась группа изъ одной дамы и двоихъ мужчинъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, подальше, — еще двое мужчинъ шли, взявшись подъ руку.

Молодая женщина — высокая, съ гибкой тальей, въ длинномъ тюлевомъ пальто, въ родѣ мѣшка, съ кружевами и оборками, и въ такой же, огромной шляпѣ — шла лѣнивой, замедленной поступью. Худощавое лицо сильной брюнетки все точно уходило въ огромные глаза съ пушистыми рѣсницами. Тонкій носъ и вырѣзъ губъ очень ее красили, при матовомъ цвѣтѣ щекъ нѣсколько удлиненнаго овала. Волосы только сзади виднѣлись изъ-подъ бортовъ шляпы — черные, бархатистаго оттѣнка, безъ искусственной „ондуляціи“.

Изъ двоихъ мужчинъ справа былъ штатскій; другой — студентъ въ свѣжемъ кителѣ, съ золотыми пуговицами, и бѣлой фуражкѣ съ бирюзовымъ околышемъ; оба большого роста. Штатскій — уже не первой молодости, блондинъ, въ бородѣ, одѣтый въ свѣтлую пару и въ соломенной шляпѣ — съ чопорно-барской манерой передвигать ноги — смотрѣлъ иностранцемъ. Студентъ былъ плотнѣе его въ туловищѣ, свѣжій, красивый, съ усиками

и кудрявыми темнорусыми волосами на вискахъ. Онъ шелъ, немного покачиваясь на ходу, и держалъ въ рукѣ вѣтку, которой хлопалъ себя по ногѣ.

Изъ двоихъ мужчинъ позади, шедшихъ подъ-руку, одинъ казался постарше—черноватый, худой, довольно высокій, загорѣлый — и сильно горбился. Его спутникъ велъ его подъ-руку, исполняя роль кавалера. Тотъ былъ на полголовы ниже его, широкій въ плечахъ, весь круглый, и въ лицѣ, и въ тѣлѣ, гладко выбритый, безъ усовъ, съ здоровымъ цвѣтомъ щекъ, въ шолковомъ картузѣ и фланелевомъ костюмѣ, при желтыхъ башмакахъ. Свѣтлорусые волосы плотно были подстрижены на вискахъ; сѣрые, русскіе глаза бойко глядѣли по сторонамъ, и на сочныхъ губахъ то-и-дѣло появлялась пытливая усмѣшка.

Черноватый, худощавый его товарищъ запускалъ себѣ бороду и казался плохо выбритымъ. Онъ былъ одѣтъ совсѣмъ по-зимнему, въ черную пару; а на дворѣ стоялъ теплый, душный, даже и въ лѣсу, вечеръ, какіе задаются еще во второй половинѣ августа.

Общество это возвращалось на дачу Костровиныхъ. Молодая дама была жена худощаваго, некрасиваго и загорѣлаго брюнета. Его велъ подъ-руку его товарищъ Булашовъ. Ни тому, ни другому не было еще полныхъ тридцати лѣтъ. Съ женой Костровина шли богатый помѣщикъ изъ-за Москвы, Манилинъ, и петербургскій студентъ, проживающій на вакаціи у родныхъ, графъ Бунинъ.

Костровинъ остановился и своими впалыми глазами показалъ товарищу на шедшихъ впереди.

— О чемъ они? — спросилъ онъ слабымъ, нутрянымъ голосомъ.

— Я не прислушивался. Ина Николаевна о чемъ-то выспрашиваетъ того... Манилина.

— А ты... какъ его понимаешь? Кто онъ собственно... по твоему?

— Нѣчто въ родѣ русскаго церковнаго піэтиста.

— Ты читалъ его писанія?

— Кое-что читалъ.

Раздался голосъ Ины Николаевны:

— Поль!

— Здѣсь!—откликнулся Костровинъ.

— Мы сдѣлаемъ привалъ. Трава еще сухая... вонъ тамъ, на бревнахъ.

Ина говорила лѣниво, съ полудѣтской капризностью нѣкоторыхъ интонацій, съ мягкими, московскими гласными.

— Мы всѣ трое сядемъ на это бревно,—указала она обоимъ кавалерамъ.—А для тѣхъ, вонъ, какъ-разъ, два большихъ пня. Ха, ха!

И смѣялась она такъ же лѣниво, какъ и говорила, съ игрой въ глазахъ. Губы ея выговаривали отдѣльныя слова тоже съ особаго рода игрой.

Мужчины сѣли. Ина опустилась на бревно послѣднею, между Манилинымъ и студентомъ, и ея мѣсто пришлось противъ того широкаго, обрубленнаго пня, на который сѣлъ Булашовъ.

Для него эта Ина Николаевна не была особенно заманчивой и новой. Онъ уже встрѣчалъ такихъ, или въ этомъ родѣ, въ послѣднія пять лѣтъ. Она—прежде всего—изъ тѣхъ, кто не можетъ видѣть около себя мужчину, чтобы его не приручить, не произвести надъ нимъ опытовъ своего обаянія. Мужа — этого чудаковатаго Костровина—она, должно быть, сразу обвела. Онъ до сихъ поръ все еще состоитъ „при ней", хотя женатъ уже около двухъ лѣтъ. Съ той поры Булашовъ и не видался съ Костровинымъ.

— Скажите, Леонидъ Петровичъ,—обратилась Ина къ Манилину:—вы вѣдь никакого сектантства въ вашихъ мужикахъ не разводите?

— Помилуйте!—Манилинъ сдѣлалъ чопорный жестъ обѣими руками вверхъ.—Если вамъ угодно было заглянуть въ тѣ вещи, какія я вамъ поднесъ въ началѣ лѣта, вы могли, конечно, оцѣнить...

— Простите!.. Одну книжку, самую главную... я прочла. Или, лучше, заставляла Поля,—она кивнула головой въ сторону мужа,—и слушала внимательно, увѣряю васъ.

— Très flatté,—манерно выговорилъ Манилинъ и наклонилъ голову, сидя въ такой же манерной позѣ.

— Что-жъ! Это прекрасно—оставлять народу поэзію мистики. Въ немъ только и живетъ она; а мы ее утратили... и тщетно взыскуемъ.

Она протянула это слово „взыскуемъ" и, прищуривъ свои огромные глаза, обвела ими всѣхъ.

Булашову было ясно—какъ слушаетъ себя и какъ собою любуется эта несомнѣнно соблазнительная женщина и „большая ломака",—прибавилъ онъ про себя.

Студентъ прислушивался съ серьезной миной своего свѣжаго,

красиваго лица и нетерпѣливо встряхивалъ ногой въ узкихъ рейтузахъ. Ему давно уже хотѣлось вставить свое слово.

— Это еще вопросъ, Ина Николаевна, — заговорилъ онъ очень громко, точно забрался на каѳедру, и съ замѣтной шепелявостью: — еще вопросъ, и большой! — почти выкрикнулъ онъ: — мистицизмъ есть ли преобладающая черта въ психіи русскаго народа? Иначе какъ же объяснить нарожденіе въ народной средѣ чистѣйшаго евангелизма?..

— Позвольте... — остановилъ-было его Манилинъ.

— Дайте мнѣ досказать! — еще громче воскликнулъ студентъ, съ жестомъ магистранта, стоящаго на каѳедрѣ.

— Доскажите! — Ина приласкала его тѣмъ — *какъ* выговорила это слово.

— Я не стану входить въ подробное разбирательство... чисто богословскаго характера. Для меня все это важно съ соціологической точки. Если раціонализмъ есть будущее достояніе хотя бы одной только доли великорусскаго народа, то возникаетъ вопросъ: церковь — въ ея связи съ государственной властью — пойдетъ ли она по пути все бо̀льшаго подчиненія, или же выработаетъ, со временемъ, свой особый, независимый modus vivendi? И какое тогда будетъ ея отношеніе къ государству въ странѣ, какъ наше отечество, гдѣ великорусскій народъ призванъ играть роль объединяющей расы, хранительницы государственнаго уклада?

Булашовъ поглядѣлъ съ усмѣшкой своихъ круглыхъ сѣрыхъ глазъ на Костровина. Тотъ тоже усмѣхнулся. Ихъ обоихъ забавлялъ этотъ рѣчистый студентъ, воображающій, вѣроятно, что онъ, въ эту минуту, защищаетъ тезисы своей будущей диссертаціи.

Этотъ титулованный молодой человѣкъ, смотрѣвшій военнымъ хватомъ, повидимому, былъ изъ очень начитанныхъ и, быть можетъ, готовилъ себя въ „соціологи".

— Теперь помолчите, графъ, — мягко приказала ему Ина. — Это все по части учености. А мы совсѣмъ не о томъ.

Повернувъ лицо къ Манилину, сидѣвшему отъ нея справа, она продолжала, все такъ же капризно растягивая слова, точно она говоритъ подъ мелодію:

— Сколько я васъ понимаю, Леонидъ Петровичъ, вы неспособны лишить народъ того, что̀ его поднимаетъ надъ узкой моралью, надъ здравымъ смысломъ, надъ безвкуснымъ евангелизмомъ. Онъ весь — великій мистикъ!..

— Весь ли? — замѣтилъ Булашовъ, точно про себя.

— Толкованіе благодати, — отвѣтилъ ему съ особеннымъ вы-

раженіемъ Манилинъ,—пущенное въ ходъ нашими евангелическими сектами, только подтверждаетъ всеобщую вѣру въ непосредственное дѣйствіе искупляющаго начала...

Костровинъ и жена его поняли особенную интонацію Манилина, когда онъ отвѣчалъ Булашову. Она была по адресу человѣка, котораго этотъ „церковный піэтистъ"—какъ его опредѣлилъ Булашовъ—принималъ за сектанта, зная, что отецъ его, недавно умершій за границей, даже, какъ говорится, „пострадалъ".

Ина не хотѣла, чтобы ихъ общій разговоръ перешелъ въ препирательство. Она поднялась и сдѣлала пригласительный жестъ правой рукой, въ которой, вмѣсто зонтика, держала тросточку съ металлической закругленной рукояткой.

— Споровъ не нужно, господа! А то это будетъ похоже на публичное преніе миссіонеровъ съ раскольниками. Леонидъ Петровичъ не хочетъ ничего разрушать. Напротивъ! Онъ—за настоящую мистику... не сухую, протестантскую, а высоко-поэтическую, допускающую чудо!

Она пошла съ Манилинымъ подъ-руку и крикнула мужу:

— Поль!.. Не отставайте отъ насъ. Пора къ чаю. Только и за чаемъ я не допущу споровъ.

А кивнувъ головой Булашову, она добавила:

— И васъ попрошу не вдаваться въ принципіальныя пренія. Это такъ безплодно и сухо!

Студенту Ина сказала тономъ старшей сестры:

— И ваша соціологія подождетъ.

Ея музыкальный лѣнивый смѣхъ еще долго раздавался высокой нотой, когда ея стройная фигура уже исчезла за поворотомъ лѣсной тропки.

— Погоди!—остановилъ Костровинъ Булашова.—Торопиться намъ нѣтъ надобности. Посидимъ еще.

Они пересѣли на бревно. Обоимъ одинаково захотѣлось перемолвиться такъ, какъ они не стали бы говорить при тѣхъ.

— Не нравится мнѣ этотъ баринъ,—началъ Булашовъ.

— Манилинъ?—тихо спросилъ Костровинъ.

— Не имѣю причины подозрѣвать его въ лицемѣріи... и въ позировкѣ. Но все это — затѣи досужаго барина, который желаетъ насаждать въ народѣ піэтизмъ въ государственно-вотчинномъ духѣ...

— Позволь, Булашовъ,—остановилъ его мужъ Ины:—я вѣдь боюсь взять съ тобою какую-нибудь неподходящую ноту... на эту самую тему...

— Почему?

— А потому, что я не знаю—*кто* ты собственно... Мы съ тобой такъ давно не видались.

— И ты, какъ и господинъ Манилинъ, считаешь меня сектантомъ, потому что я—сынъ моего отца?

— Во всякомъ случаѣ...

— Нѣтъ, Костровинъ. Батюшка положилъ всю свою душу на дѣло, которое считалъ святымъ, лишился свободы, умеръ въ изгнаніи. Но онъ никогда не насиловалъ духовной свободы своихъ дѣтей.

— И ты...

Костровинъ затруднился договорить.

— И я былъ и при его жизни, и теперь—самъ по себѣ.

— Самъ по себѣ,—медленно повторилъ Костровинъ.

— Во всякомъ случаѣ, не то, что̀ называютъ сектантомъ.

— Но и не пойдешь также въ сотрудники къ господину Манилину?

— Нѣтъ, не пойду!—громко и весело вскричалъ Булашовъ.

Они за это время немного отстали другъ отъ друга. Это сказывалось и въ тонѣ ихъ разговора, хотя съ студенческихъ лѣтъ они были на „ты". Здѣсь, въ Разумовскомъ, они цѣлый годъ состояли слушателями. И раньше, въ университетѣ—на одномъ и томъ же факультетѣ—физико-математическомъ.

Въ Костровинѣ, съ его женитьбы, что-то есть новое, во что̀ Булашовъ еще не проникъ. Даже лицо перемѣнило выраженіе. Онъ сталъ гораздо молчаливѣе, говорилъ какъ-то отрывочно, глухимъ голосомъ; взглядъ—или затуманенный, или куда-то уходящій. Но все-таки же „душевный" малый. Обрадовался встрѣчѣ съ товарищемъ чрезвычайно, и лишь только узналъ, что Булашовъ поживетъ еще въ Москвѣ, сталъ усиленно звать его—погостить на дачу—въ Паркъ, предложилъ ему цѣлый мезонинъ. Булашовъ согласился.

— Такъ ты самъ по себѣ?—вдумчиво переспросилъ еще разъ Костровинъ и положилъ руку на колѣно Булашова.—А я думалъ, что ты одного толка съ твоимъ покойнымъ отцомъ.

— Нѣтъ, другъ.

— Стало... дѣла своего онъ тебѣ не могъ передать?

— И безъ меня оно—въ вѣрныхъ рукахъ.

— Послушай, голубчикъ,—заговорилъ Костровинъ, замѣтно волнуясь:—Я не хочу влѣзать тебѣ въ душу. Для меня всякое „credo" священно... Но мы съ тобой столько времени не видались. И, судя по тому, что̀ ты и прежде говаривалъ... помнишь

—какъ разъ здѣсь вотъ, въ Разумовскомъ?.. За сектанта ты себя и тогда не выдавалъ; но у тебя была любимая одна тема...

— Какая?—улыбнувшись, спросилъ Булашовъ.

— А вотъ та, что у насъ въ интеллигенціи — постыдное равнодушіе къ самымъ кореннымъ устоямъ духовной жизни... къ вопросу совѣсти, къ ея свободѣ... А главное—къ тому, что... безъ какого бы то ни было исповѣданія нельзя жить... другими словами: безъ Бога!..

Все это Костровинъ выговорилъ съ опущенной головой, поводя ее немного изъ стороны въ сторону, не глядя прямо въ лицо пріятеля.

— Я и теперь то же скажу,—спокойно подтвердилъ Булашовъ, все съ той же улыбкой въ глазахъ.

— Ты тогда вернулся изъ заграничной поѣздки... въ Англіи былъ... въ одномъ изъ тамошнихъ университетскихъ городковъ. И много разсказывалъ про тамошніе порядки. По воскресеньямъ—до пяти службъ! И на всемъ лежитъ печать опредѣленнаго credo...

— Не мало, братецъ, и лицемѣрія, и казенщины въ этомъ обязательномъ хожденіи студентовъ, въ колледжахъ, на ежедневную утреннюю службу... По моему, все это—пережитокъ средневѣкового католичества. Даже и молитву передъ обѣдомъ и послѣ него читаютъ не по-англійски, а по-латыни.

— Я не спорю. Я самъ не наблюдалъ; но все-таки тамъ есть укладъ, такъ сказать. Ты знаешь, съ чѣмъ ты имѣешь дѣло. И притомъ—свободная, непринудительная вѣра...

— Ну, ты этого не скажи!—возразилъ Булашовъ. — Тамъ, какъ-разъ, государственная религія...

— Однако... къ ней никого насильно не притягиваютъ? Сегодня ты англиканской вѣры, а завтра перешелъ въ какую хочешь секту.

— Если нѣтъ гнета власти, то есть гнетъ обычая; а это—очень часто—одно и то же!..

— А что̀ хуже?—какъ бы про себя вставилъ Костровинъ.

— Кто споритъ! Вотъ ты и попалъ въ самую суть того, что̀ для меня, Булашова, дороже всего... всякаго положительнаго вѣрованія...

— Да ты, пожалуйста, не высказывайся... если не расположенъ.

— Напротивъ! Нѣтъ ничего мудренаго, что ты считалъ меня единовѣрцемъ покойнаго отца и думалъ, что я занимаюсь тайнымъ или явнымъ совращеніемъ... Вѣдь такъ у насъ это назы-

вается? У меня пока одна заповѣдь, которую мнѣ передалъ отецъ мой: вотъ то, о чемъ ты, Костровинъ, сейчасъ упомянулъ, возмущенный постыднымъ равнодушіемъ нашего общества,—свобода совѣсти... то-есть, свобода всякаго вѣрованія! Для меня они всѣ равны.

— Однако... для себя самого?.. Разъ ты сознаешь, что нельзя жить безъ своего внутренняго уклада—какъ же не искать истины?

— Каждый, милый мой, ищетъ ее по своему... Но разъ ты вообразилъ себѣ, что *ты только* распозналъ ее,—все равно, дана ли она тебѣ свыше, или ты до нея дошелъ своимъ умомъ—ты не можешь быть терпимъ!

— Пожалуй... Но этакъ прямой путь къ индифферентизму... къ тому, что̀ насъ обоихъ печалитъ въ русскомъ обществѣ.

— Не стану тебѣ возражать... Къ чему приду я въ концѣ концовъ—я не знаю. Но если намъ—интеллигентамъ—нельзя жить безъ высшаго уклада, какъ ты называешь, то народу и подавно...

— Я о немъ ничего не говорю!

— И вотъ для этого народа я всѣми силами души моей желаю полнѣйшей свободы его совѣсти. Довольно и этого!

— Желать... мало...—проговорилъ глухо Костровинъ.

— Завоевать ее во имя всего народа—я одинъ не въ состояніи и не берусь за это. Что̀ въ моихъ средствахъ и силахъ, то и буду дѣлать.

— Пока не поймаешься!

— Ловить меня на чемъ же? Я никого совращать не намѣреваюсь. Я—простой обыватель, занимаюсь своимъ частнымъ дѣломъ. Сегодня здѣсь, завтра на Волгѣ, или на Кавказѣ, или въ Сибири.

— Ты вѣдь теперь богатый человѣкъ,—замѣтилъ Костровинъ.

— Своимъ имѣніемъ я всего менѣе буду заниматься. Хозяйства я не веду.

— А прежде мечталъ... помнишь, здѣсь, въ Разумовскомъ?

— Нѣтъ, другъ, лучше подальше отъ грѣха. Запашку въ обоихъ имѣніяхъ я отдалъ нашимъ же крестьянамъ. Лѣса̀ охраняю... вотъ и все. Возни и безъ того много. Я—даровой управляющій моей матери и двухъ сестеръ. У матушки—большое личное состояніе. Здоровье плохо. Она врядъ-ли и вернется въ Россію. Сёстры—при ней. Для меня такая жизнь шатуна—самая любезная. Я и пробираюсь теперь на Волгу...

— Вотъ оно что̀!.. Но все-таки, Булашовъ, остается свое

нутро, та святая святыхъ, безъ которой не было бы никакихъ вѣрованій? Ты отстраняешь себя... до поры, до времени... но уйти совсѣмъ нельзя! Я это самъ испытываю...

Костровинъ чего-то не договорилъ и оглянулся такимъ жестомъ, точно боялся, что ихъ кто-нибудь услышитъ.

— Тебя... и, кажется, твою жену занимаютъ эти вопросы? Я съ Иной Николаевной такъ мало знакомъ, всего третій день, какъ увидалъ ее въ первый разъ. Ты, когда-то, былъ то, что называютъ свободнымъ мыслителемъ. Терпимость проповѣдывалъ всегда, но никакой особой наклонности къ чему-нибудь мистическому... я не замѣчалъ. Извини, братъ, за эти, быть можетъ, нескромные вопросы.

— Почему? Почему?—заволновался Костровинъ.—Это должно быть взаимно... Видишь, Булашовъ, я не скрою отъ тебя... прежняго—какъ я называлъ—умственнаго равновѣсія у меня нѣтъ. Это долго разсказывать... а намъ пора. Ина будетъ недовольна.

— А ты уже въ подчиненіи? — спросилъ Булашовъ шутливымъ тономъ и положилъ руку на плечо пріятеля.

— Что-жъ... я не скрою!.. Въ любовь къ ней я положилъ много душевныхъ силъ. Съ высшей... нравственной точки, пожалуй, нехорошо впадать въ такое преклоненіе передъ женщиной —кто бы она ни была.

— Разъ ты... счастливъ!..

— Счастье! Знаешь... Я, кажется, возненавижу это слово. Какъ будто оно все оправдываетъ и все освящаетъ?

— Я этого не говорю!

— Ты видишь самъ... Ина изъ ряду вонъ... не по одной красотѣ—и по уму, и по всему своему складу.

Онъ наклонился къ уху Булашова и заговорилъ, приближаясь къ нему головой:

— Она горда... никому не показываетъ. Но у нея настоящее дарованіе.

— Въ какомъ родѣ?

— Она—поэтъ!

— Завидная доля!

— И вотъ... по ея взглядамъ, если хочешь—эстетическимъ, выходитъ, что не можетъ быть ни поэзіи, ни вообще искусства безъ... какъ бы это сказать... безъ мистической основы.

— Ина Николаевна и сегодня начала развивать эту тему. Только изъ-за этого она такъ поддакиваетъ этому Манилину, или потому, что сама наклонна къ тому, что я называю церковнымъ піэтизмомъ?

— Піэтисткой она никогда не будетъ. За это я ручаюсь. У нея это—внѣ всякаго положительнаго credo. Но, видишь ли, Булашовъ,—отъ нея что-то начало передаваться и мнѣ. Заново стали передо мною подниматься вопросы, которые я считалъ давнымъ-давно поконченными и сданными въ архивъ.

— А теперь они тебя теребятъ?

— И вотъ когда я присутствую при такихъ разговорахъ, какой сегодня былъ у Ины съ этимъ Манилинымъ—я чувствую, что и онъ, и она, каждый по своему, чѣмъ-то обладаютъ, чего лишенъ я.

— И ты готовъ искать... Чего же? Благодати?

— Оставимъ такія слова.

— Или кодекса морали... христіанской или иной?

— Не пытай меня, Булашовъ! Я не могу тебѣ отвѣтить такъ ясно и просто, какъ ты... Ты—сколько я тебя понялъ—тоже на полпути.

— Какъ и всѣ мы.

— Положимъ. Но все-таки у тебя есть завѣтъ: ты не помиришься ни съ какимъ видомъ насилія совѣсти, хотя и не станешь одинъ „противъ рожна прати“...

— А гдѣ это говорится?—остановилъ Булашовъ Костровина, взявъ его за руку.

— Въ писаніи.

— А гдѣ? Это—слова, услышанныя Савломъ, по дорогѣ въ Дамаскъ. Но не эти слова важны, а то, что фанатизмъ преслѣдователя превратился въ могучую вѣру проповѣдника ученія любви и милости.

— Павелъ сразу нашелъ путь. Не намъ на это разсчитывать!

Чего-то опять не досказалъ Костровивъ, поднялся и быстро поглядѣлъ на часы.

— Полчаса пролетѣло. Пора идти. Можетъ, ты находишь такой разговоръ совершенно ненужнымъ, даже и между старыми товарищами?

— Когда же я тебѣ это сказалъ, любезный другъ?

— Во всякомъ случаѣ... спасибо тебѣ за полную искренность! Я теперь знаю...

— Кто я?—весело окликнулъ Булашовъ и также всталъ.

— А ты развѣ торопишься... на Волгу?

— Мнѣ надо захватить развалъ макарьевской ярмарки.

— Все бы хоть денька три пожилъ еще.

— Поживу.

Они пошли опять подъ-руку, ускореннымъ шагомъ.

— Ты, вотъ, шатунъ, Булашовъ. А я... какъ улитка — прилипъ къ Москвѣ. Профессіи у меня нѣтъ. Презрѣнный буржуй и рантьѐ. Одно слово—домовладѣлецъ,—протянулъ онъ.

— Неужели никакого дѣла себѣ не выбралъ?

— Пробовалъ. Болѣлъ нѣсколько разъ. Потомъ, вотъ, женился. Особенно ни къ чему не тянуло. Ина начинаетъ тяготиться прѣснотой московской жизни. Тянетъ и меня въ Питеръ.

— Что же мѣшаетъ? Дѣтей у васъ нѣтъ.

— Да, можетъ быть, и не будетъ. Пожалуй, оно и лучше.

Костровинъ махнулъ рукой и пошелъ еще скорѣе. Черезъ нѣсколько минутъ они были уже на опушкѣ. До дачи пути оставалось еще на добрыхъ четверть часа.

II.

Было еще рано—даже и по дачному. Булашовъ, въ низковатой, но просторной комнатѣ мезонина, на дачѣ Костровиныхъ, умылся и одѣлся, стараясь дѣлать все безшумно, чтобы не разбудить хозяевъ,—ихъ спальня приходилась какъ разъ подъ его комнатой,—спустился по узкой лѣсенкѣ въ сѣни и вышелъ въ паркъ.

Давно онъ не живалъ въ Москвѣ, лѣтомъ, съ того почти времени, когда состоялъ слушателемъ въ Разумовскомъ, съ годовъ своего пріятельства съ Костровинымъ. Все ему здѣсь казалось какъ будто такъ же мило, какъ и тогда. Его потянуло опять туда, въ сторону академическаго лѣса; но онъ боялся опоздать къ утреннему чаю, который условился пить вмѣстѣ съ хозяевами.

Онъ прошелъ только поглубже, по одной изъ тѣнистыхъ аллей, къ крайней линіи дачъ.

Ночная свѣжесть убывала подъ ласковыми лучами солнца. Но кое-гдѣ, направо и налѣво, уже мелькалъ желтый листъ, и на дёрнѣ луговинъ, и въ чащѣ листвы.

И ему подумалось, что вотъ такъ и въ немъ: молодость еще играетъ, все еще хочется захватывать жизнь въ ея многообразномъ теченіи, а вдругъ какъ будто пахнётъ и дуновеніемъ ранней осени.

Ужъ онъ не тотъ студентъ Булашовъ, который увлекался въ Разумовскомъ разными мечтами. Тогда наука и преклоненіе передъ крестьянскимъ трудомъ сливались въ нѣчто, сулящее непоколебимую твердость духа и полную нравственную гармонію.

Многое уже было позади. На землю онъ не „сѣлъ“ и считаетъ себя отъ этого именно неизмѣримо болѣе свободнымъ. И для народа, для всей необозримой громады крестьянскаго люда онъ, прежде всего, желаетъ просвѣтленія его *души*, чтобы тотъ зналъ: чему онъ вѣритъ, за что стоитъ, и чтобы онъ всегда и вездѣ смогъ и съумѣлъ постоять за свободу своей совѣсти.

Вчерашній—довольно долгій — разговоръ за чаемъ припомнился ему. Онъ не хотѣлъ вступать въ принципіальный обмѣнъ взглядовъ съ этимъ „церковнымъ піэтистомъ“ Манилинымъ. Вообще, онъ уже не со вчерашняго дня взялъ за правило—не спорить о вопросахъ вѣры, не нападать, не ставить себя въ необходимость высказывать свои коренныя убѣжденія, безъ крайней надобности.

Піэтистъ ему не по душѣ,—ни онъ, ни его писанія. Это—все та же замаскированная опека надъ „мужичкомъ“, упрощенный способъ держать его подъ своей указкой, отводить его отъ высшихъ потребностей души, отъ выработки *своего* пониманія истины и своихъ способовъ спасенія.

Манилинъ—сладко и вкрадчиво—но опять сталъ дѣлать прозрачные намеки на его сектантство и на то, что онъ, вѣроятно, унаслѣдовалъ „положеніе“ его покойнаго отца.

Онъ имѣлъ бы поводъ осадить его; но воздержался. Характеръ дала ему природа такой, при которомъ не трудно было слѣдить за собою. Прежде и онъ былъ позадорнѣе. А теперь онъ если не „созерцатель“, то человѣкъ — „со стороны“, съ тѣми симпатіями, упованіями и протестами, о какихъ высказался вчера Костровину,—но не исповѣдникъ, не агитаторъ.

Гораздо больше интересовалъ его самъ Костровинъ, и отдѣльно, и при женѣ своей. Въ немъ—несомнѣнно — происходитъ какой-то внутренній поворотъ. У жены своей онъ въ рабствѣ. Она скучаетъ и примѣриваетъ на себѣ модныя накидки новыхъ „настроеній“. До сихъ поръ, кажется, никакого „друга“ еще нѣтъ; но она—изъ тѣхъ женщинъ, которыя должны имѣть въ своей свитѣ всѣхъ мужчинъ, бывающихъ въ домѣ.

Теперь она играетъ въ какой-то модный мистическій символизмъ и—быть можетъ, сама того не замѣчая—тянетъ своего Поля куда-то... по опасной, именно для него, дорогѣ.

Булашовъ не ожидалъ даже, что этотъ московскій товарищъ вызоветъ въ немъ такой живой интересъ. Еслибъ онъ могъ—онъ бы его сейчасъ же увезъ отсюда, хоть на нѣсколько недѣль, взялъ бы съ собою къ Макарію, а потомъ на Каму, на Уралъ.

То, что въ немъ забродило—нуждается именно въ такомъ „наперсникѣ“, какъ онъ.

Замедленнымъ шагомъ Булашовъ сдѣлалъ большой обходъ парка и возвращался—къ девяти часамъ—мимо той площадки, гдѣ стоитъ театръ.

Было еще очень малолюдно. Кое-гдѣ проѣзжала извозчичья пролетка, взбивая пыль. Слышались изъ-за рѣшотки дѣтскіе голоса. Крики разносчиковъ тянулись долгими переливами голоса вдоль троттуара.

Ему показалось, что на одной изъ скамеекъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, влѣво, у перекрестка, сидѣвшая тамъ дама кивнула ему головой и даже сдѣлала привѣтствіе рукой.

Онъ не сразу призналъ Ину Николаевну Костровину.

— Вы—такъ рано?—спросилъ Булашовъ, переходя къ ней черезъ дорогу.

— Я пью воду и должна дѣлать моціонъ. Это довольно скучно... да и не знаю, будетъ ли толкъ.

Она была въ томъ же длинномъ и полупрозрачномъ пальто, что и вчера; но въ другой шляпѣ, въ родѣ капора, которая защищала ее отъ солнца. Въ свободной рукѣ она держала кружку.

Утромъ она казалась Булашову гораздо менѣе свѣжей. Онъ даже подумалъ, что она не успѣла придать цвѣту кожи должную бѣлизну, не разсчитывая встрѣтить знакомыхъ.

— Вы вѣдь съ нами пьете вашъ кофе?—окликнула она.— Я сегодня немного запоздала; но я буду во-время готова. Поль плохо спалъ.

— Что съ нимъ?

— Невралгія... Къ утру немного постихла. Сядьте сюда. Что же вамъ все стоять?

Онъ сѣлъ, не оборачивая къ ней лица.

— Вчерашніе разговоры слишкомъ взволновали его, — выговорилъ онъ искреннимъ звукомъ.

— Развѣ вы его не знаете?—спросила Ина съ полунедовольнымъ движеніемъ головы.

— Мы долго не видались. Я нашелъ въ немъ...

— Большую перемѣну?—подсказала она.—Вы скорѣе можете судить, какъ совсѣмъ свѣжій человѣкъ.

— Мнѣ, признаюсь,—началъ онъ, опуская низко голову,— хотѣлось самому поговорить съ вами о Полѣ.

— Въ одно слово!

— И вы хотите...

— Да... видите... это бываетъ. Только... monsieur... Була-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

19028

шовъ... Простите, вы вѣдь не любите, чтобы васъ такъ называли... Викторъ Сергѣевичъ?—вопросительно добавила она.

— Совершенно вѣрно.

— Только я попрошу... полной искренности. Вчера и третьяго дня, мнѣ такъ, быть можетъ, показалось... но вы относились къ мужу моему—точно онъ жертва, которую ведутъ на закланіе.

— Съ какой же стати?—спросилъ Булашовъ и пытливо взглянулъ на нее своими сѣрыми, круглыми глазами.

— Не знаю... Мнѣ такъ показалось.

— И вамъ угодно, чтобы я вамъ высказался... по вопросу вашей интимной жизни? Кто же меня къ этому уполномачивалъ? Вопросъ вашего супружескаго счастья...

— Полноте, Викторъ Сергѣевичъ!—остановила она его жестомъ руки.—Совсѣмъ не то! А вы точно думаете, что Поль теперь волнуется, когда задѣваютъ нѣкоторыя темы... потому что я на него вліяю... въ этомъ смыслѣ?

Булашовъ помолчалъ и прутикомъ чертилъ по песку.

— Я вижу, что вы не хотите быть со мной откровенны,—съ нѣкоторой нервностью выговорила Ина, поглядывая на него вбокъ.

— Вовсе нѣтъ, Ина Николаевна. Совсѣмъ даже напротивъ! Я, можетъ быть, и самъ обратился бы къ вамъ... по праву моего пріятельства съ Костровинымъ. Хитрить не буду. По моему, не слѣдовало бы волновать его въ этомъ направленіи.

Тутъ онъ повернулъ къ ней лицо и сѣлъ бокомъ.

— Скажите, Ина Николаевна, въ васъ самихъ всегда жило... или недавно только-что открылось... если не самое чувство... то интересъ къ этому...

— Вы хотите сказать?—протянула она, впадая въ свою манеру, и прищурилась.

— Склонность къ мистикѣ?—выговорилъ онъ спокойно и отчетливо.

— Вотъ видите... вы все-таки начинаете съ меня. Стало быть, вы хотѣли говорить со мной потому, что считаете меня... какъ бы это сказать... подстрекательницей, что-ли?

Ина тихо и раздѣльно засмѣялась. Смѣхъ былъ музыкаленъ, но „дѣланный"—на оцѣнку Булашова.

— Зачѣмъ?! Но вы сами пожелали имѣть со мной искренній разговоръ. И я жду прямого отвѣта на свой запросъ. Ни осуждать, ни безъ толку умничать я не способенъ. Но я не знаю...

— Вы хотите знать,—спросила она:—настоящій ли я, при-

рожденный мистикъ?.. Или только такъ... это у меня поза? минутное настроеніе? Если вамъ нужно это знать въ интересахъ Поля, къ которому вы, я вижу, очень хорошо относитесь — извольте. Моя исповѣдь, по этой части, не будетъ долга. Ребенкомъ я считалась очень набожной. Надо мной въ домѣ даже подтрунивали, называли меня одни просвирней, а другіе даже Ѳеклушей... изъ „Грозы“ Островскаго. Встать ночью къ заутрени... было для меня чѣмъ-то... ужасно привлекательнымъ. Это дѣлалось тайно отъ матери... Нянька была богомольная и тайкомъ водила меня... Совершенно какъ Тургеневскую Лизу. Я жила въ церкви своимъ міромъ. Ничего не боялась, объ адѣ никогда не думала, ни о чертяхъ, ни о раскаленныхъ сковородахъ... Меня окружалъ рой видѣній. И все было такъ таинственно... и какъ бы это выразиться?.. умилительно. Полутемнота, иконы, паникадилы, пѣніе, ладанъ, царскія врата... И непремѣнно—чтобы забиться въ уголъ и часто закрывать глаза. И молилась я—по своему. Рѣдко наизустъ... молитвы. Нянька учила меня... разные возгласы изъ акаѳиста, и начала нѣкоторыхъ псалмовъ. Я сама все сочиняла... Ха, ха! И такъ длилось года два. Въ домѣ стали находить, что я дѣлаюсь слишкомъ нервна, худѣю. Явилось большое малокровіе. Кто-то надоумилъ, что главная причина та, что я—„Ѳеклуша“. Няньку разочли. Я долго ревѣла. Потомъ отдали меня въ частную гимназію—съ *здоровымъ* направленіемъ,—съ юморомъ выговорила Ина, поведя губами.

— Вы хотите сказать?

— Въ трезвыхъ идеяхъ! Научно-позитивныхъ... И отмѣнно либеральныхъ! Содержательница—изящная барыня, съ культомъ господъ профессоровъ и литературныхъ знаменитостей, особенно изъ тѣхъ, кто пострадалъ, хотя бы только въ видѣ высылки въ Бологое... или въ Клинъ. Ха, ха!

Этотъ оттѣнокъ мнѣній Ины Булашовъ отмѣчалъ уже не въ первый разъ; но раньше онъ только проскальзывалъ... въ общемъ разговорѣ. Ей вторилъ вчера, за вечернемъ чаемъ, и Манилинъ.

— И вотъ-съ... меня тамъ годика въ четыре обработали... въ наилучшемъ видѣ. Все было такъ серьезно, и архичестно, и благоприлично... и главное... отмѣнно либерально. И чтобы послѣднее слово науки торжествовало! Противъ религіи никто насъ не возстановлялъ. Боже избави! Водили аккуратно къ обѣднѣ, и батюшка преподавалъ, какъ слѣдуетъ. Но только вся поэзія храма слиняла... И въ какихъ-нибудь два года во мнѣ не было уже ничего изъ прежнихъ моихъ дѣтскихъ настроеній, за которыя такъ начали бояться. Все—и въ домовой церкви, куда насъ

водили, и въ службѣ, въ молитвѣ, въ исповѣди, во всемъ, во всемъ—было также высокоприлично и гладко, и прѣсно, какъ и та гражданская мораль, которой насъ пичкали. И я стала совершенно равнодушна, до полнаго безразличія. Поэзія отлетѣла, а съ нею и все... И на меня начало нападать какое-то фрондёрство. Я накидывалась на самыя разрывныя книжки, уроковъ въ классѣ батюшки никогда не знала, въ церковь ходила только „по наряду"—какъ у насъ звали самыя libres penseuses... старшаго класса. Я въ нихъ, своимъ чередомъ, попала, и даже раньше, въ предпослѣднемъ классѣ. Такъ и кончила. Потомъ походила на курсы... на Лубянскіе... разумѣется, по естественнымъ наукамъ... какъ же иначе? И тогда уже меня начала глодать ужасная скука... И еслибъ...

Она остановилась.

— Еслибъ вы не начали писать? — подсказалъ Булашовъ, взглянувъ на нее.

— Поль... вамъ... разболталъ... Тогда мое призваніе...—выговорила она дурачливо—еще не выяснилось. Это пришло послѣ. Мы встрѣтились съ вашимъ товарищемъ. И онъ былъ такого же направленія, какъ наша гимназія. Тотъ же тонъ, тѣ же авторитеты, та же проповѣдь своего долга передъ народомъ и меньшей братіей вообще. Но я какъ-то сразу увидала въ немъ другое существо, не похожее на то, за что онъ выдавалъ себя.

— Вашъ мужъ былъ всегда ходячая искренность! — отозвался какъ бы про себя Булашовъ.

— Ахъ, Боже мой! Ну да, вы правы. Но точно мы не можемъ искренно носить форму, которую намъ построили, по извѣстной выкройкѣ? Вѣдь и я не хитрила. И я была передовая дѣвица съ идеями и прынцыпами.

Букву „ы" въ этомъ словѣ она подчеркнула и опять тихо разсмѣялась.

— И вы тронулись его страстью?

— Страстью?—переспросила Ина. — Положимъ. Вы, какъ будто, хотите сказать, что я только позволила себя любить? Не знаю. Можетъ быть... Я не изъ тѣхъ, кто выше всего ставитъ страсть. Въ ней не вся поэзія... А иногда и ничего поэтическаго нѣтъ. Но... не будемъ уклоняться въ сторону. Въ Павлушѣ—она въ первый разъ такъ назвала его—меня привлекалъ тотъ внутренній человѣкъ... въ мундирѣ. А скажите, развѣ вы, его товарищъ, никогда этого сами не замѣчали?

— Если хотите... онъ всегда былъ склоненъ къ страстному мышленію... Его глубоко волновали судьбы человѣчества.

— Это все была книжка!

— Не скажите... Это была тоже своего рода...

— Мистика, хотите вы сказать?

— Пожалуй.

— Вотъ видите. Но я не стала намѣренно будить въ немъ эти затаенныя... и коренныя струны его души... Я только сама начала стряхивать съ себя всю свою... выучку.

Она поглядѣла на него и продолжала:

— Я не знаю вашихъ вкусовъ, Викторъ Сергѣевичъ... Вы, можетъ быть, прохаживаетесь надъ новымъ теченіемъ въ литературѣ и искусствѣ. Вамъ я могу показаться декаденткой... une poseuse... ломакой... Это какъ вамъ будетъ угодно! Но вѣдь вы просили моей исповѣди? Да? Я не боюсь ничьихъ приговоровъ. Когда мнѣ стало дорого то, что̀ есть самаго цѣннаго въ жизни— я опять вернулась душой къ міру моихъ образовъ и порываній, уже не дѣтскихъ... Я уразумѣла только недавно, уже замужемъ— что̀ такое истинная мистика, не связанная ни съ какимъ клерикализмомъ. Вы понимаете? Что-жъ! Прежней дѣтской вѣры во мнѣ нѣтъ. Да я и не хочу вставлять себя въ рамки какихъ бы то ни было неподвижныхъ догматовъ, уставовъ, благословеній, проклятій. Не чувствую и никакого личнаго ужаса передъ загробной жизнью. А того, что̀ католики называютъ „faire son salut“—я не желаю... хотя, быть можетъ, я и великая грѣшница. Но что̀ такое мое *я*? Что̀ оно передъ тѣмъ... чѣмъ-то безконечнымъ, что̀ окружаетъ насъ своей предвѣчной тайной? И въ ней—вся поэзія и весь высшій смыслъ нашей жизни. Безъ нея нѣтъ творчества, нѣтъ поэзіи! И кто этого лишенъ—не будетъ ни писателемъ-художникомъ, ни живописцемъ, ни музыкантомъ. Вотъ, Викторъ Сергѣевичъ, мое исповѣданіе вѣры!—громко и съ широкимъ жестомъ воскликнула Ина и поднялась.

За ней всталъ и онъ. То, *что* и *какъ* она говорила, вызвало въ немъ нѣчто совсѣмъ не такое, чего онъ, быть можетъ, ожидалъ. Кривлянья, рисовки, фразерства онъ что-то не подмѣтилъ. Натуру мужа она понимала.

Со всѣмъ этимъ онъ соглашался мысленно; но вѣдь дѣло идетъ не о ней. Пускай она увлекается своими эстетическими теоріями и играетъ въ дилеттантскій мистицизмъ. Но она „заражаетъ“ мужа и можетъ вызвать въ немъ не такую игру, какъ въ ней, а что-нибудь для него прямо опасное.

Они прошли нѣсколько минутъ молча, по направленію къ ихъ дачѣ.

— Теперь ваша очередь, Викторъ Сергѣевичъ, — начала Ина.—Выступайте, если угодно, въ роли прокурора.

— Боже избави! Все, что вы сказали—вѣрно. И я благодарю васъ за такую искренность... Но если въ Полѣ сидитъ влеченіе къ мистикѣ—подумайте, Ина Николаевна... Для васъ это...

— Забава? скажете вы.

— Нѣтъ... Положимъ, даже основа того, что вы считаете поэзіей жизни... и вдохновительницей талантовъ. Но въ Костровинѣ оно можетъ принять другой оборотъ... въ воздухѣ тѣхъ настроеній, которымъ вы... желаете предаваться, какъ поэтесса. Этимъ огнемъ играть опасно!

— Я не ожидала, Булашовъ, что вы мнѣ это скажете... именно вы...

— Потому что я—сынъ моего отца? И мужъ вашъ, не дальше, какъ вчера, когда мы съ нимъ позамѣшкались—тоже удивлялся... что я внѣ всякой пропаганды... и, главное, внѣ всякаго...

— Неужели всякаго религіознаго чувства?

— Нѣтъ! Но той особенной, нервной мистики, которую вы такъ высоко ставите. Будь я и сектантъ, учитель, пресвитеръ, тайный или явный пропагандистъ одной чистой морали—я и тогда бы не сталъ дѣйствовать на душу такого человѣка, какъ вашъ мужъ.

— Почему?

— Потому что я не вижу въ немъ никакой душевной нормы. Вы посмотрите на меня. Не даромъ меня принимаютъ за англичанина. Выше всего для меня, Ина Николаевна, свобода моей совѣсти. Она должна создать себѣ свой идеалъ, свое credo, свою вѣчную правду, насколько она доступна человѣку. И эта свобода совѣсти—мой культъ, не для одного меня, но для всѣхъ. Пускай всякій имѣетъ своего Бога и свою правду, какъ онъ ихъ разумѣетъ; но чтобы каждый былъ волёнъ исповѣдывать ихъ открыто, всегда и вездѣ!

Голосъ Булашова не поднимался; но внутреннее одушевленіе сказывалось въ силѣ, съ какою онъ произносилъ нѣкоторыя слова.

— Прекрасно! Но почему же вы не хотите, чтобы Поль, съ его потребностью въ Богѣ, былъ тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть? Вы думаете, что я... его жена... хочу овладѣть его душой одна и вести его, куда я желаю? Вы ошибаетесь! Напротивъ, я потому и вызвала васъ на этотъ разговоръ... Вы—какъ разъ такой человѣкъ, въ которомъ онъ нашелъ бы себѣ и откликъ, и указаніе...

— Нѣтъ, Ина Николаевна, я въ вѣроучители ни къ кому не пойду.

— Ахъ, Боже мой!—нервнѣе заговорила она и остановила его.—Вы не хотите меня понять. Васъ точно сама судьба посылаетъ. Сколько я васъ понимаю, вы интересуетесь каждымъ свободнымъ исповѣданіемъ, и васъ сильно занимаетъ вопросъ вполнѣ свободной народной церкви, начиная съ той, которая у насъ господствуетъ...

— Такъ что же?—спросилъ онъ.

— Вы хоть и не занимаетесь никакой пропагандой... но вы должны видаться со всякимъ народомъ, и съ старообрядцами, и съ сектантами евангелическихъ толковъ. Заинтересуйте всѣмъ этимъ Поля. Пускай онъ самъ себѣ...

— Найдетъ Бога?—подсказалъ Булашовъ.

— Да, да. Поводите его здѣсь. Возьмите съ собой въ интересныя мѣста. Развѣ это не лучше, чѣмъ оставлять его такъ... въ пустомъ пространствѣ? Пускай онъ самъ себѣ выберетъ вѣру... по душѣ.

И опять ея смѣхъ скорѣе непріятно прошелся по нервамъ Булашова.

Все это уже казалось ему слишкомъ складнымъ, точно она нарочно готовилась и говорила какъ по печатному.

Потомъ въ головѣ его быстро-быстро мелькнула мысль:

„Не желаетъ ли она, просто-напросто, удалить, на время, мужа? Можетъ быть, это ей, въ эту минуту, особенно нужно“?

Но онъ какъ бы устыдился такого подозрѣнія.

Она кокетлива и властолюбива—это чувствовалось; но тонъ у нея былъ открытый, безъ всякой рисовки или умышленнаго подхода.

На поворотѣ въ ихъ аллею, Ина еще разъ остановила его.

— Вы видите, Викторъ Сергѣевичъ,—съ особой ласковой вибраціей выговорила она и глянула на него сквозь полуопущенныя рѣсницы:—я ваша союзница. Развѣ вы и вчера, и сегодня не говорили: „пускай каждый ищетъ своего Бога, создаетъ себѣ свою вѣру и защищаетъ свободу своей совѣсти“? Чѣмъ бы Поль ни сталъ: такимъ вотъ піэтистомъ, какъ Манилинъ, или ревностнымъ сыномъ... господствующей церкви, или сектантомъ... но ему нуженъ исходъ для того, что въ немъ бродитъ и проситъ выхода!

— Пожалуй, вы и правы,—точно нехотя согласился Булашовъ.

— Ему нужна... диверсія. Онъ сталъ впадать въ задумчи-

вость и дѣлаться до-нельзя нервенъ. Помогите тому, чтобы онъ нашелъ...

— Истину и путь? Легко сказать!

— И не бойтесь, пожалуйста, моего женскаго захвата! Ха, ха! Моя мистика—не мрачная, не изувѣрская. Она вся соткана изъ прекрасныхъ образовъ.

Заслышались опять пѣвучія, капризныя интонаціи.

Идя съ нимъ, она немного опиралась на его руку, и онъ чувствовалъ близость ея бюста.

„Особа... очень опасная!—думалъ онъ.—Но то, что она говоритъ—весьма неглупо и, пожалуй, вѣрно“...

За нѣсколько саженей до ихъ дачи, Ина высвободила руку, простилась съ нимъ крѣпкимъ пожатіемъ и почти побѣжала, крикнувъ ему:

— Вы погуляйте еще. Раньше, какъ черезъ полчаса, я не буду готова...

Онъ долго провожалъ ее глазами, двигаясь медленно.

III.

Къ часу завтрака Булашовъ отправился изъ Лоскутной гостинницы, гдѣ онъ стоялъ по возвращеніи изъ поѣздки,—на Никольскую, къ „Славянскому Базару“.

Они поѣхали-таки съ „Павлушей“, какъ и Булашовъ сталъ звать Костровина. Ина Николаевна сдѣлала такъ, что тотъ самъ попросился „провѣтриться“. И цѣлую недѣлю они были почти неразлучны: въ Нижнемъ, на ярмаркѣ „бѣгали“; на пароходѣ заѣхали въ большое раскольничье село, на Волгѣ; побывали и въ другой мѣстности, гдѣ водятся еще евангелическіе сектанты, по старому муромскому тракту. Булашовъ звалъ Костровина и дальше, на Каму; но тотъ слегка простудился и вернулся въ Москву одинъ.

Эта поѣздка очень ихъ сблизила. Для Павлуши все было ново въ томъ освѣщеніи, какое народная жизнь получала около его пріятеля, котораго онъ прозвалъ: „свѣдущій человѣкъ по вѣроисповѣднымъ дѣламъ“.

Тому, что такъ дорого было Булашову, т.-е. свободѣ церкви, которую народъ способенъ былъ отстаивать вѣками—онъ безусловно сочувствовалъ. Въ приволжскомъ раскольничьемъ селѣ они попали къ безпоповцамъ. Павлуша, впервые, былъ въ такой обширной моленной, слышалъ стройное пѣніе, насмотрѣлся на

истовыя лица мужиковъ съ бритыми маковками, и—въ особенности—на бабъ, съ глубокими глазами, строго глядящими на васъ изъ-подъ надвинутаго на лобъ темнаго платка, съ распущенными по плечамъ концами; присутствовалъ и при бесѣдахъ Булашова съ двумя начетчиками.

Тамъ Булашовъ былъ уже свой человѣкъ. На него смотрѣли какъ-то особенно. И онъ, не поддѣлываясь умышленно подъ ихъ тонъ, умѣлъ говорить съ ними не какъ баринъ, отъ скуки забавляющійся чѣмъ попало, а съ нелицемѣрнымъ интересомъ къ тому, что̀ происходитъ въ ихъ толкахъ и „согласіяхъ", съ большой начитанностью по этой части. Костровинъ даже удивился, что Булашовъ интересуется именно старообрядцами, и въ ихъ средѣ—безпоповцами разныхъ толковъ.

— Вѣдь это все-таки изувѣрское буквоѣдство, мертвечина?

— Нужды нѣтъ!—говорилъ ему Булашовъ.—Далеко не все одно буквоѣдство и мертвящее топтаніе на одномъ мѣстѣ.

И тотъ сталъ ему разсказывать многое, о чемъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія: какъ въ расколѣ старообрядчества, въ послѣдніе годы, зачуялись разныя новыя теченія. Мысль заиграла, и нравственные запросы пошли дальше, и мистика получаетъ другую окраску.

Павлуша, во всю поѣздку, о себѣ совсѣмъ почти не говорилъ, былъ замѣтно подвинченъ тѣмъ, что̀ „показывалъ" ему пріятель, и досадовалъ на то, что „глупо расклеился" и не поѣхалъ туда, куда звалъ его Булашовъ.

И только-что узналъ про его возвращеніе, сейчасъ же прибѣжалъ къ нему въ гостинницу и сталъ опять тащить къ себѣ. Они уже переѣхали въ городъ, въ собственный домъ, на Покровкѣ.

Отъ новаго „гощенія" Булашовъ отказался, подъ разными предлогами. Ему не хотѣлось быть слишкомъ много съ „обаятельной" Иной Николаевной, хотя она всячески выказывала ему свою симпатію и усиленно благодарила его за поѣздку съ Павлушей.

— И здѣсь,—утѣшалъ его Булашовъ,—я похожу съ тобой. Это будетъ какъ бы продолженіе нашей поѣздки въ раскольничье село.

Вотъ онъ и назначилъ ему сойтись въ „Славянскомъ Базарѣ" къ завтраку, а потомъ навѣстить тутъ же, въ „городѣ", его „благопріятеля", изъ старообрядцевъ, котораго они, навѣрное, захватятъ, послѣ часа, въ лавкѣ.

Костровину и завтракъ вдвоемъ, въ ресторанѣ, и такая „экскурсія" пришлись весьма по душѣ, и онъ все повторялъ:

— Вотъ ты опять упорхнешь, а я останусь здѣсь... съ собственной особой... все въ томъ же званіи московскаго обывателя, владѣющаго капитальными домами.

Жаль Булашову стало добрѣйшаго Павлушу, и еслибъ онъ зналъ, къ чему его сейчасъ „пристроить"—онъ взялся бы за это съ большой радостью.

Влюбленъ въ жену, въ эту безсознательную „ломаку" Ину Николаевну, и еслибъ она была позлѣе—она бы продѣлывала надъ нимъ какіе ей угодно опыты. Врядъ ли она принимаетъ особенно къ сердцу, что Павлуша только носитъ мундиръ свободнаго мыслителя, и что ему нужна... мистика въ ея вкусѣ... *Ей* нужно, чтобы онъ ей вторилъ, пѣлъ съ ея голоса, проникался высшей красотой, которая только и возможна при полетахъ въ „надчувственные міры".

Настолько Булашовъ къ ней уже присмотрѣлся, чтобы дать ей оцѣнку, какъ женщинѣ: она безъ темперамента, безъ чувственнаго пыла и безъ задушевности, безъ потребности въ отдачѣ себя любимому человѣку. Ей нужно преклоненіе и—вѣроятно—ненасытная игра въ „сухую" любовь, въ баловство воображенія.

Павлуша—рабъ ея, но она не наполняетъ всей его жизни. Онъ еще чего-то „взыскуетъ". Ина Николаевна намѣтила отдушину для того, что бродитъ въ его душѣ.

Еще вчера она, оставшись одна съ Булашовымъ, сказала ему:

— Спасибо вамъ большое, Викторъ Сергѣевичъ,—Поль теперь стряхиваетъ съ себя прежній мундиръ. На чемъ онъ остановится — это не важно. Разсудочнымъ сектантомъ онъ не будетъ... и не того я для него желаю... Но онъ уже стыдится своего прежняго избитаго просвѣтительства... и не стыдится сознавать, что душѣ его близка великая Тайна.....

Когда Булашовъ вошелъ въ громадный „hall" ресторана, его издали поманилъ Костровинъ, занявшій одно изъ боковыхъ углубленій, вправо отъ буфета.

— Вотъ сюда! Попросторнѣе. По-московски! По водкѣ не желаешь пройтись?

— Я не пью.

— И я отрѣшилъ себя. Одной скверной привычкой меньше.

— Да, я вижу, и курить отъучаешь себя,—замѣтилъ Булашовъ, садясь сбоку, такъ что ему вся половина залы сдѣлалась видна вдоль.

— Отъучаю—это точно. Но не потому, чтобы смотрѣлъ на это какъ на грѣхъ... по ученію мудреца, проживающаго въ

Хамовникахъ. Да и какіе грѣхи? Развѣ можно называть такъ порывы и настроенія?.. И классифицировать ихъ? У Ины есть превосходное стихотвореніе на эту тему. У твоихъ вѣдь безпоповцевъ давно сложилась прибаутка: „коли не согрѣшишь, такъ и не покаешься“!

И обведя глазами всю половину залы, Костровинъ головой показалъ на обычную публику завтраковъ.

— Всѣ грѣшатъ, а не унываютъ! Но въ чемъ я многимъ настоящимъ руссакамъ завидую... Руссакъ и въ вѣрѣ твердъ, и въ дѣло ушелъ. И одно другому у него не мѣшаетъ... Не то, что̀ у нашего брата, интеллигента... Однако, прости. Вѣдь надо же и заказать... Возьми это на себя, голубчикъ... Я плохъ по этой части, даромъ что коренной москвичъ.

Булашовъ опять замѣчалъ въ Павлушѣ возбужденіе, которое сказывалось въ этомъ перекидываніи себя отъ одной мысли къ другой.

Первое блюдо онъ заказалъ холодное, и имъ тотчасъ же подали его.

Чувствовалось, что Костровинъ былъ сильно подвинченъ возможностью „пространно“ излиться пріятелю.

— Ты скоро скроешься? — спросилъ онъ Булашова послѣ того, какъ торопливо поѣлъ перваго блюда.

— Сначала надо побывать въ Петербургѣ.

— Въ Питерѣ? Вотъ что̀... Знаешь: насчетъ этого у насъ съ Иной съ прошлаго года идетъ все одинъ и тотъ же разговоръ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Ее туда тянетъ... Понимаешь... съ ея вкусами, идеями... Тамъ есть большой кружокъ...

— Декадентовъ?

— Она не любитъ этого слова. Они называютъ себя „индивидуалисты“.

— Кажется, и здѣсь завелись курьезные стихотворцы... и даже художники? — весело спросилъ Булашовъ.

— Водятся... и очень... да они ей, должно быть, пріѣлись. Жалуется на то, что здѣсь очень ужъ бѣдно... людьми... и талантами.

— А по моему, Москва... куда интереснѣе, чѣмъ Петербургъ, и для писательницы.

— Вѣрно, вѣрно! Но вѣдь Ина презираетъ изученіе быта... реальную тамъ правду, что-ли... Ей не нужно ничего этого! Жизнь видимая, осязательная—въ ея глазахъ—не имѣетъ ни-

какой цѣны. Для нея цѣнны только личныя настроенія... высшіе символы, полеты въ надчувственную область.

— Будто тамъ, въ этой слякоти и мглѣ... такіе полеты легче, чѣмъ здѣсь?.. Въ Москвѣ есть климатъ... есть солнце... задается прекрасная весна... и ясная, сухая осень... какъ теперь, напримѣръ.

— Ничего этого ей не нужно! Она солнце... какъ это сказать...

— Отрицаетъ? Ха, ха!

— Въ родѣ этого. Ты еще не попадалъ въ ея рабочую комнату?

— Ина Николаевна... не приглашала меня... да и когда же было? Я всего разъ былъ у васъ.

— Въ этой комнатѣ никогда нѣтъ свѣта. Она вся обтянута чернымъ атласомъ... съ разными арабесками. Освѣщеніе сверху... электрической грушей... въ видѣ чего-то...

— Тоже символическаго?—подсказалъ Булашовъ.

Лицо Костровина внезапно затуманилось.

— Ты не подумай, Булашовъ,—заговорилъ онъ горячѣе,—что я все это разсказываю тебѣ, чтобы за глаза пройтись надъ моей женой въ юмористическомъ вкусѣ. Теперь всѣ хихикаютъ надъ декадентами... Кличку эту надо бы бросить!.. Я ими не увлекаюсь. Есть не мало и блажи, и пожалуй психопатіи... Все это облетитъ, какъ пустоцвѣтъ. Но развѣ Ина не имѣетъ полнаго права—развивать талантъ, уходя въ свой міръ видѣній?

— Конечно!

— И не думай, что это какая-нибудь мертвечина. Нѣтъ! Она совсѣмъ не восхищается вотъ хотя бы тѣмъ, что у насъ теперь имѣетъ фурорный успѣхъ на театрѣ. Всѣ эти жалкіе нытики, кисляки и тоскующія „дѣвули“... Для нея это все такъ не нужно, и ничтожно, и плоско, и скучно, и ординарно!

Онъ сдѣлалъ передышку, и у него вырвалось тихое восклицаніе:

— Счастливица она! Вотъ что я тебѣ скажу! Но у нея талантъ. Ей ничего не нужно, кромѣ своихъ настроеній... Посмотрю я на тебя, Булашовъ... Вотъ и ты тоже счастливецъ! И большой!

— Будто бы?

— А то какъ же?!. Все въ тебѣ такъ уравновѣшено. Если ты ищешь также исхода для твоего... нутра... ты и въ этомъ никогда не потеряешь почвы подъ ногами. Фанатизма у тебя, кажется, нѣтъ ни на грошъ, но ты преданъ высокой идеѣ—

свободы совѣсти! И ты годами будешь собирать факты, бить все въ одну точку... и когда настанетъ моментъ—выпустишь въ свѣтъ своего рода „Хижину дяди Тома“.

— Ты предвосхитилъ мою мечту, Павлуша.

— Видишь! Я вѣрно угадалъ! А я, въ это время, все буду... какъ говоритъ Ина, сидѣть между двухъ стульевъ.

— Да почему же?—возразилъ Булашовъ, слегка подаваясь головой впередъ.—Ты молодъ, образованъ, не мало учился; здоровье, правда, не первый сортъ, но не такъ уже плохо. У тебя хорошія средства...

— Знаю, знаю... Средства! Гораздо лучше было бы—не имѣть ихъ. Я, другъ мой сердечный, самая нескладная разновидность. По отцу... дворянинъ. По матери... вотъ отсюда, изъ „города“, изъ царства ихъ степенствъ. А ты присматривался ли къ тому, какое быстрое вырожденіе происходитъ въ этомъ самомъ царствѣ, въ родовитыхъ купеческихъ семьяхъ, въ „династіяхъ“, какъ здѣшніе газетные остроумцы называютъ ихъ?

— Нѣтъ, не приводилось.

— Поразительно быстрое вырожденіе! Казалось бы, они-то и должны были влить свѣжую кровь, живительные соки. Анъ выходитъ наоборотъ. У дворянъ—оскудѣніе... но больше матеріальное. Ну, разумѣется, и физіологическое, отчасти и душевное. Но не такое быстрое... По отцу я бы долженъ быть богатырь. Онъ былъ настоящій отставной кавалеристъ, покучивалъ, ѣздилъ въ клубъ, ходилъ на охоту, умеръ ударомъ, также какъ и его отецъ. А вѣдь родъ-то служилыхъ людей Костровиныхъ извѣстенъ, даже документально, съ четырнадцатаго вѣка, вотъ когда Москва была еще дряннымъ поселкомъ, и гдѣ теперь Боровицкія ворота—былъ *боръ*, лѣсная чаща, и въ ней срубили первую церквушку—Спаса-*на-бору*. Сообрази: пятьсотъ слишкомъ лѣтъ они несли службу, ломали походы, пьянствовали, обжирались... и все—ничего! А тутъ—въ два какихъ-нибудь поколѣнія—и распадъ! Матушка моя—по себѣ... Воротилина. Начальникъ ихъ рода пришелъ на Москву мужичкомъ... былъ сначала простымъ прядильщикомъ. Кончилъ милліонами. Основалъ династію. Кстати, перешелъ изъ старообрядцевъ въ единовѣріе; а дѣти уже стали „церковными“. И что же? Въ главной, прямой линіи сынъ его выказывалъ уже признаки психическаго вырожденія. Дожилъ, правда, до старости... но съ особымъ норовомъ. Каждый годъ, раза по два, по три—пропадалъ.

— Запой?—спросилъ Булашовъ.

— Нѣтъ. Запирался... у себя. И такъ, что никто въ домѣ

не зналъ: что съ нимъ. А съ нимъ были припадки мрачной меланхоліи. Никого не допускалъ до себя. Даже жену. Приносили ему поѣсть, ставили въ первую комнату, какъ узнику... А въ послѣдней генераціи... у двоюродныхъ братьевъ и сестеръ покойной матушки—уже полное вырожденіе. Только старшій, глава фирмы, и держится. Меньшой братъ—форменный неврастеникъ. На дорогѣ къ прогрессивному параличу... Возятъ его по разнымъ курортамъ... Блажитъ! И языкъ у него заплетается: хочетъ сказать одно слово—выговариваетъ другое. Эротоманъ... Ни съ одной женщиной нельзя его оставить съ глазу на глазъ. При немъ всегда врачъ. Сестра такъ и совсѣмъ уже сковырнулась... Это—цѣлая трагедія.

Костровинъ оглянулся—кругомъ прибывало народу, и онъ сталъ говорить гораздо тише.

— Вышла замужъ... по любви. Красавецъ, умница, изъ дворянъ. Прекраснѣйшій человѣкъ, дѣловой, по всей Москвѣ самая лестная репутація. Сначало шло все ладно. Пошли дѣти. И вотъ, такъ лѣтъ уже шесть-семь назадъ, начала и она запираться, совершенно какъ отецъ... Только ее захватилъ уже злой душевный недугъ... Манія преслѣдованія и всякая штука. Хуже того... возненавидѣла дѣтей, мужа, всѣхъ своихъ родныхъ. Никого на глаза себѣ не пускала! И такъ идетъ до сего дня!

Полушопотомъ онъ досказалъ:

— Между нами... чуть не покушалась на жизнь... не свою,—это было бы не такъ ужасно,—а собственнаго чада.

— Нѣтъ?—протянулъ съ невольной дрожью Булашовъ.

— Такой пошелъ слухъ... и что-то въ этомъ родѣ дѣйствительно было.

— Но твоя матушка?

— Скончалась отъ воспаленія легкихъ—точно; но передала мнѣ и мои лихія болѣсти... И въ послѣдніе годы, еще не старой женщиной, была въ постоянно подавленномъ состояніи духа. Училась она какъ барышня, взглядовъ была либеральныхъ... на все. Много дѣлала добра. Особой религіозности не было. А подъ конецъ и по этой части совсѣмъ какъ бы переродилась. Страхи загробной жизни... даже, если правду сказать, какая-то экзальтація на мистической подкладкѣ... И поживи она еще—кто знаетъ, во что бы это перешло!

— Смущаться этимъ, Костровинъ, нѣтъ никакого серьезнаго повода.

— Эхъ, милый другъ, всякому своя слеза солона! Намъ съ тобой подъ тридцать лѣтъ. Кажется,—пора найти свое мѣсто

на этомъ свѣтѣ! Вотъ ты сейчасъ перечислялъ: и молодость, и образованіе, и средства... А твой пріятель—въ пространствѣ. Пробовалъ... и ничего изъ этого не выходитъ. И благотворительность, и даже городскія дѣла. Сейчасъ оскомина... безплодность верченія въ колесѣ. А за кускомъ хлѣба бѣгать—нечего. Что маменька принесла съ собою, то папенька не успѣлъ прожить, и я—владѣлецъ цѣлыхъ двухъ домовъ, не считая дачи въ Паркѣ.

— Испробуй Петербурга... Тамъ, дѣйствительно, больше людей. Ты когда-то все мечталъ о популяризаціи знаній въ извѣстномъ направленіи... Чего же лучше? Займись этимъ. Ты найдешь сотрудниковъ.

Костровинъ махнулъ рукой.

— Не тянетъ, другъ! Все это просвѣтительство выдохлось въ моихъ глазахъ... О, еслибъ найти исходъ тѣмъ затаеннымъ потребностямъ души... которыя Ина первая стала будить во мнѣ! Она проницательна. У нея—вѣщая душа. И я бы пошелъ въ ихъ вѣру... въ исканіе высшей мистической красоты... Да нѣтъ во мнѣ совершенно такой именно жилки. Мы съ тобой любили искусство, были у насъ любимые авторы, любимые художники, актрисы, композиторы; но не такъ... Это не было для насъ настоящей религіей. И натаскать себя—нельзя, коли жилки такой нѣтъ. Мое положеніе и тутъ двойственное. Я бы и радъ былъ душой сливаться, въ этомъ, во едино съ Иной... Личины на себя не могу надѣвать, да она сейчасъ бы и распознала. И я только ассистентъ... смотрю и слушаю. Не возмущаюсь, не смѣюсь, но и не проникаюсь...

Булашовъ слушалъ пріятеля, опустивъ голову. Имъ давно уже подали кофе. Кругомъ значительно опустѣло.

— Надоѣлъ я тебѣ... съ моими ламентаціями,—заговорилъ Костровинъ другимъ тономъ, и отхлебнулъ изъ чашки.—Что-жъ! Ты немножко и самъ въ этомъ виноватъ, милый другъ.

— Я?

— Ты, вотъ, возилъ меня на Волгу... и теперь хочешь немного втянуть въ знакомство съ тѣмъ, какъ русскіе люди ищутъ и находятъ Бога... и крѣпко держатся—каждый—своего духовнаго уклада... Но вѣдь для этого надо имѣть твою натуру, твою уравновѣшенность, чтобы идти дальше одного дилеттантства. А то какъ-то, братъ, и совѣстно: точно газетный репортеръ какой, на американскій фасонъ, вывѣдываетъ—какъ люди вѣрятъ, какъ молятся...

— Зачѣмъ же такъ?—остановилъ его Булашовъ и, не воз-

вышая голоса, заговорилъ другимъ тономъ, съ блескомъ въ своихъ сѣрыхъ глазахъ: — Почему же ты не хочешь войти въ то негромкое дѣло, которое мнѣ дорого? Оно—каждому доступно, каждому по силамъ. Только захоти—и я тебѣ открою всѣ тѣ ходы, какіе мнѣ извѣстны. Согласись, Костровинъ, мы, интеллигенты, принадлежащіе къ высшему сословію и оффиціально къ господствующему исповѣданію, непростительно ведемъ себя въ вопросѣ, выше котораго нѣтъ ни одного, ни у народа, ни у господъ, ни у рабочаго, ни у купца, ни у чиновника, ни у солдата.

— Но что же мы можемъ сдѣлать?

— Все, еслибъ только захотѣли!.. Но дѣло въ томъ, что для насъ это — „abgedroschenes Zeug“, — какъ нѣмцы говорятъ! Стоитъ ли этимъ заниматься?.. Ну, есть тамъ какіе-то раскольники, какіе-то сектанты, молокане, духоборы, или хлысты, или малёванцы...

— Какіе такіе?

— Вотъ видишь! Ты даже не слыхалъ про такую секту?!.

— Грѣшный человѣкъ, не слыхалъ.

— А того мы не хотимъ понять и запомнить, что мы сами себѣ роемъ яму... этимъ жалкимъ индифферентизмомъ! Примѣръ моего отца и его послѣдователей—на лицо... И они были равнодушны къ великому вопросу, пока сами не стали открыто исповѣдывать то, что они считаютъ истиной. Но и они были—господа.

— Не спорю, другъ,—вставилъ Костровинъ.

— Ты вотъ сейчасъ вскричалъ:—„да что же мы можемъ сдѣлать?!“—Ничего, потому что наша хата съ краю... Намъ все равно... Мы отбываемъ повинность въ видѣ исполненія обрядовъ... И довольно. А другіе тамъ пускай сами изворачиваются, какъ знаютъ!..

Голоса Булашовъ не поднималъ; но румянецъ замѣтно проступилъ въ щекахъ. Глаза скорѣе улыбались, и со стороны можно было подумать, что онъ разсказываетъ что-нибудь веселое.

— Согласенъ! Тысячу разъ согласенъ! Но все-таки мы безсильны,—замѣтилъ Костровинъ.

— А вотъ тѣ смерды,—продолжалъ Булашовъ,—и посадскіе люди, и московскіе гости, которые откололи себя отъ государственной церкви,—чѣмъ они добыли, послѣ двухсотлѣтнихъ мытарствъ, что ихъ терпятъ и что у нихъ есть свой укладъ и своя іерархія? Вотъ тотъ добрый знакомецъ мой, куда я тебя сейчасъ поведу, если ты желаешь... туда, къ толкучкѣ... что онъ: умнѣе, образованнѣе, богаче, родовитѣе насъ? А попробуй, предложи

ему компромиссъ... самый невинный... Надъ нимъ нѣтъ, въ дѣлахъ совѣсти, никакой указки, кромѣ того, что онъ — худо ли хорошо, правильно или неправильно — считаетъ непреложной истиной. И этого могъ бы достичь каждый въ нашей средѣ!

Онъ вынулъ часы.

— Надо идти!.. Теперь самое время застать Тимоѳея Кузьмича.

— Твоего благопріятеля?..

— Я уже говорилъ ему о тебѣ, не дальше, какъ вчера.

Костровинъ позвалъ человѣка и спросилъ счетъ. Минутъ черезъ пять они, выйдя съ подъѣзда, взяли влѣво, по Никольской.

IV.

Они вошли подъ навѣсъ ряда, примостившагося къ стѣнѣ „города", гдѣ пріютились лавки и лавчонки со всякимъ невзрачнымъ товаромъ.

— Вотъ сейчасъ и лавка Сыркова! — сказалъ Булашовъ, указывая впередъ движеніемъ головы.

Троттуаръ былъ весь изрытъ, и Костровинъ то-и-дѣло спотыкался.

— Еще два створа!

Боковой свѣтъ проникалъ подъ навѣсъ, оставляя лавочку въ полутемнотѣ. Трудно было сразу распознать, чѣмъ торгуетъ ея хозяинъ. Въ узкихъ окончцахъ, по обѣ стороны входной двери, выставлено было разное старье: книги въ кожаныхъ переплетахъ, кресты, образки, подсвѣчники; висѣли кожаныя „лѣстовки", рядомъ съ связками какихъ-то листовъ и съ брошюрами, разбросанными куда попало.

— Тимоѳей Кузьмичъ! — громко окликнулъ Булашовъ, переступая черезъ порогъ лавочки.

— Ихъ нѣтъ... — отозвался высокій женскій голосъ, и изъ чуланчика, отгороженнаго вправо, вышла не старая еще женщина, большого роста, полная, въ шляпѣ и драповомъ пальто.

— А я думалъ его захватить именно объ эту пору; я даже и предупредилъ Тимоѳея Кузьмича... Вы меня не знаете? — спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ-съ... извините, сударь.

— Мы съ Тимоѳеемъ Кузьмичемъ пріятели. А это вотъ мой товарищъ, — указалъ Булашовъ на Костровина.

Она молча подала и тому, и другому руку.

— Булашовъ—моя фамилія. Вы хозяину какъ приходитесь?

Немного конфузливо она отвѣтила:

— Жена я его.

И, разсмѣявшись, добавила:

— Думаете—онъ такой старикъ. Онъ только изъ себя такой. А годами не больно старше меня.

Одумавшись, она спросила:

— Вамъ время терпитъ?

— И очень.

— Я схожу... Онъ тутъ неподалеку. Можно бы и мальчика спосылать, да онъ напутаетъ. Вы изволили говорить—фамилія ваша?..

— Булашовъ... Да вотъ моя карточка.

— Этакъ еще лучше. Митюнька! — крикнула она въ глубь лавочки: — я иду!.. А Тимоѳей Кузьмичъ мѣшкать не станетъ.

Откуда-то, изъ-за бокового прилавка, выставилась голова мальчика, въ огромномъ ваточномъ картузѣ. Бойкіе, плутоватые глазки выглядывали изъ-подъ длиннаго козырька.

Митюнька пододвинулъ имъ два убогихъ стула; но они не сѣли, а начали разглядывать разнохарактерное добро, которымъ была переполнена лавочка Тимоѳея Кузьмича.

— Антикварщикъ... выражаясь по современному,—выговорилъ Костровинъ.

— И какой еще! — подтвердилъ Булашовъ. По своей спеціальности замѣчательный, особенно по части рукописныхъ фоліантовъ.

— И какъ онъ это можетъ разбираться во всемъ этомъ Капернаумѣ?

— А ты загляни... вонъ туда, въ закуту... гдѣ онъ работаетъ. Видишь, какой ворохъ всякой всячины! Тутъ же онъ ведетъ и свою корреспонденцію.

Въ дверяхъ показалась какая-то мужская фигура и совсѣмъ заслонила тотъ слабый свѣтъ, который проникалъ въ лавочку.

Оба пріятеля разомъ обернулись.

— Тимоѳей Кузьмичъ у себя?—зычнымъ голосомъ спросилъ незнакомецъ.

Въ лавочку вошелъ средняго роста баринъ, въ осенней крылаткѣ и шляпѣ съ широкими полями, очень смуглый, бородатый, въ очкахъ, уже немолодой, но безъ просѣди.

— Хозяинъ сейчасъ будутъ,—доложилъ Митюнька жиденькимъ голосомъ.

Его чуйка, слишкомъ для него длинная, была перепоясана кушакомъ, и онъ путался въ ея полахъ.

— Ладно. И вы, господа, поджидаете его?—спросилъ баринъ, воззрившись больше въ Булашова, чѣмъ въ его спутника.

— Какъ же,—отвѣтилъ Булашовъ.—Тимоѳей Кузьмичъ—мой пріятель. И я привелъ къ нему товарища, еще мало знакомаго съ міромъ „древляго благочестія", — прибавилъ онъ особенной интонаціей.

— Позвольте... боюсь обознаться, но, кажется, мы съ вами встрѣчались... только вы были помоложе? — спросилъ баринъ, пристально глядя на Булашова.—Вы не Сергѣя ли Васильевича сынокъ?

— Да, это мой отецъ.

— Видите! Значитъ, не ошибся. Я съ вашимъ батюшкой водилъ знакомство... только не въ предѣлахъ россійской имперіи, а за „кордономъ". И вы тогда тамъ проживали. Это было года три назадъ. Только вы меня запамятовали. Батюшка вашъ представилъ мнѣ васъ. Но вы не долго побыли. А на лица у меня память... могу сказать, феноменальная!

— Позвольте узнать?..

— Арбузовъ... Ѳедоръ Ивановичъ Арбузовъ. Разрѣшите присѣсть маленько. А это вашъ товарищъ?

— Да, Костровинъ.

— Одного съ вами согласія, или какъ? хе, хе!

Короткій смѣшокъ барина несовсѣмъ пріятно прошелся по нервамъ Костровина. Онъ отошелъ къ прилавку и спиной прислонился къ нему.

Булашовъ присѣлъ на одинъ изъ стульевъ, поставленныхъ мальчикомъ, лицомъ къ бородатому барину.

— Вы изволили сказать—*согласія*?—переспросилъ онъ, взглянувъ, съ усмѣшкой въ глазахъ, на своего собесѣдника.

— Какъ же иначе выразиться, благо мы здѣсь, у нашего пріятеля Сыркова, въ царствѣ вещественныхъ оказательствъ всякаго рода? хе, хе!

— Къ прямымъ единовѣрцамъ моего отца я не принадлежу.

— А-а... Что-жъ! Дѣлаетъ ему честь! Значитъ, своего родительскаго авторитета не употреблялъ ни для какого нарочитаго давленія. У меня съ батюшкой вашимъ бывали обширныя пренія... и въ Россіи, и за „кордономъ". Онъ въ своей вѣрѣ твердъ! И никто у него этого права отнимать не можетъ, кромѣ тѣхъ насильниковъ, которые всѣхъ хотятъ обратить къ одному знаменателю!..

Собесѣдникъ Булашова поглядѣлъ на него искоса, съ своеобразнымъ движеніемъ головы.

— Вы, стало быть, съ моими немудрыми писаніями не знакомы?

— Виноватъ! Я сразу не сообразилъ; но теперь припоминаю. Кажется, у меня была въ рукахъ одна ваша брошюра.

— Которая? Та, что̀ съ греческими текстами?

— Да, да!

— Значитъ, вамъ извѣстно, какихъ я держусь основныхъ взглядовъ... на нашу церковность?

— И я имъ... въ общихъ чертахъ—сочувствую,—искренно выговорилъ Булашовъ.

— Въ добрый часъ! Насъ вотъ такихъ, въ русской интеллигенціи—не то, чтобы весьма изобильно, однако есть малая толика, да и не въ одной интеллигенціи. Вотъ они—онъ обвелъ рукой, указывая на полки лавочки, — старозавѣтные люди, отстояли же свою самобытность! Положимъ, ихъ могутъ всегда ограничить и придавить во всѣхъ видахъ оказательства. Къ этому опять и пошло. Но съ ними нельзя не быть въ единомысліи, не принадлежа вовсе къ ихъ согласію. Въ чемъ?—громко выговорилъ онъ и сдѣлалъ крутой поворотъ головы.—Въ томъ, что они стоятъ за полную независимость своего вѣроисповѣднаго уклада, что они держатся выборнаго начала, что для нихъ стадо должно имѣть единаго высшаго пастыря... какъ это было въ московской Руси... Нужды нѣтъ, что они всѣхъ церковныхъ величаютъ никоньянами!..

Онъ говорилъ очень вѣско, кругло и звонко выговаривая отдѣльныя слова. Булашовъ слушалъ его съ внимательнымъ наклономъ головы впередъ. Сталъ прислушиваться отъ прилавка и Костровинъ, который, въ первыя минуты, не могъ опредѣлить—что̀ это такое за человѣкъ и къ какому „толку“ его пріурочить?...

— Царитъ мертвечина! — вскричалъ тотъ еще громче.—И надо еще удивляться, что отпаденія происходятъ сотнями и тысячами, а не десятками и сотнями тысячъ.

И какъ бы перебивъ себя, онъ немного наклонилъ голову и заговорилъ тише, въ тонѣ болѣе интимной бесѣды.

— Батюшка вашъ... сколько я наслышался отъ довольно свѣдущихъ людей... пришелъ къ принятію двухъ символическихъ обрядовъ—вы знаете, какихъ,—и это движеніе охватило всѣхъ нашихъ евангеликовъ? Я васъ спрашиваю объ этомъ потому,

что вы сами заявили сейчасъ, что не считаете себя принадлежащимъ къ тому же вѣроученію...

— Да, это движеніе—теперь повсемѣстно,—вдумчиво выговорилъ Булашовъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но остановился, увидавъ хозяина лавочки, шедшаго слѣва, подъ навѣсомъ ряда.

— А вотъ грядетъ и самъ Тимоѳей Кузьмичъ!—окликнулъ посѣтитель и поднялся со стула.

Сырковъ — небольшого роста, на видъ еще не старикъ—съ рѣдкой свѣтло-русой бородой и худымъ, нервнымъ лицомъ, одѣтый въ долгополое пальто и картузъ съ мягкимъ козырькомъ, торопливо вошелъ, остановился на порогѣ, обнажилъ свою большую, почти совсѣмъ лысую голову и заговорилъ поспѣшно, неявственно, точно глотая слова:

— Прошу великодушно извинить... господа!.. Викторъ Сергѣичъ! Еще разъ! Съ пріѣздомъ! Душевно радъ!

Онъ поцѣловался троекратно съ Булашовымъ.

— Поджидалъ васъ... думалъ, вамъ что̀ помѣшало... Сбѣгалъ тутъ по близости... грѣшнымъ дѣломъ... чайкомъ съ хорошимъ человѣкомъ побаловаться. И Ѳедоръ Иванычъ!—привѣтствовалъ онъ бородатаго барина. И также поцѣловался съ нимъ.

Булашовъ подвелъ къ нему Костровина.

— Вотъ, Тимоѳей Кузьмичъ, привелъ къ вамъ моего товарища, Павла Алексѣевича Костровина. Прошу любить да жаловать!

Костровину Сырковъ крѣпко пожалъ руку; но цѣловаться не сталъ.

— Гости дорогіе... не осудите! Сѣсть-то у меня скудно... Живемъ въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... хе, хе!

— А свое обѣщаніе попомнили, дружище? — спросилъ баринъ, беря Сыркова за локоть. — Или запамятовали? Насчетъ того документа?

— Всенепремѣнно... Ѳедоръ Иванычъ... глубокоуважаемый! Еще третьяго дня нарочно ѣздилъ... туда... на Пятницкую.

— Господа! — крикнулъ баринъ: — парень онъ душевный... но память у него все равно что рѣшето, а пообѣщать любитъ!

— Конфузна для меня, Ѳедоръ Иванычъ, такая рекомендація.

И обращаясь больше къ Костровину, чѣмъ къ Булашову, Арбузовъ добавилъ, подмигивая однимъ глазомъ:

— Ежели вы по части разнаго вотъ здѣсь собраннаго добра... или достать что-нибудь... рѣдкое—на это его взять,— выищетъ; а по прочему—туговатъ!

— Въ какомъ же смыслѣ, Ѳедоръ Иванычъ?—спросилъ Сырковъ.

— Да вотъ... попроси эти господа, интересующіеся вашими дѣлами... повести куда... на службу поторжественнѣе... или побесѣдовать съ какимъ-нибудь владыкой?..

— Ѳедоръ Иванычъ, глубокоуважаемый!.. вы сами достаточно знаете—какъ и что. Нашимъ нельзя иначе вести себя, какъ съ особой оглядкой. Вотъ они—онъ указалъ рукой на Булашова—очень бы желали побесѣдовать... и все такое. И мы всѣ превосходно знаемъ, что у нихъ на насъ самый просвѣщенный взглядъ... и всякое благожелательство. А обѣщать попусту нельзя. На это надо особое стеченіе обстоятельствъ. И времена теперь надвигаются... сумнительныя.

— Ладно, ладно!

Арбузовъ похлопалъ Сыркова по плечу и спросилъ его дѣловымъ тономъ:

— Такъ, значитъ, надо повременить съ тѣмъ документомъ?

— Всепокорнѣйше прошу... будьте совершенно благонадежны... Еще денька три, много недѣлю... дамъ знать, или самъ забѣгу.

— Ну, господа, нахаживайте сюда. Много кое-чего можетъ поразсказать вамъ Тимоѳей Кузьмичъ... за послѣднія тридцать лѣтъ въ особенности. И про самого Алимпія Милорадова вамъ поразскажетъ.

Для Костровина это былъ совсѣмъ новый звукъ.

— Старецъ... основатель ихъ метрополіи,—пояснилъ ему Булашовъ.

— Давно на свѣтѣ болтаюсь, всякаго народа знавалъ!

Сырковъ запахивался въ свое долгополое пальто, и его узкіе, блестящіе глазки перебѣгали отъ одного гостя къ другому.

— До свиданья, господа!—попрощался Арбузовъ, приподнявъ шляпу.—Здѣсь вѣдь родъ клуба, у Тимоѳея Кузьмича. Надѣюсь встрѣтить еще разъ!

За нимъ выбѣжалъ подъ навѣсъ Сырковъ, взялъ его подъ локоть и что-то такое скоро-скоро говорилъ, провожая до самаго перекрестка.

— Юркій антикварщикъ!—въ полголоса замѣтилъ Костровинъ.—Особеннаго проникновенія... въ религіозномъ смыслѣ что-то, однако, не замѣчаю.

— Да почему же ты хочешь, чтобы каждый изъ нихъ былъ фанатикомъ и аскетомъ? Они просто члены свободной церкви... Безъ всякаго излишняго изувѣрства.

— Но съ преданностью буквѣ.

— Это ихъ способъ отстаиванія традиціи. Когда станутъ больше знать—стряхнутъ съ себя и буквоѣдство, а самостоятельность сохранятъ... и...

Булашовъ не досказалъ, увидавъ Сыркова въ правое оконце.

— Чѣмъ могу служить дорогимъ гостямъ?—заговорилъ Сырковъ, потирая свои узловатыя руки ревматика.—Не угодно ли чайку стаканчикъ? Я бы мальчика спосылалъ за кипяткомъ.

— Спасибо, Тимоѳей Кузьмичъ,—отозвался первый Булашовъ:—мы уже пили кофе послѣ завтрака.

— Хорошо во всякое время прочистить всю внутреннюю...

— Богомерзкой травой?—подсказалъ Костровинъ.

— Предки наши, дѣйствительно, считали китайскую траву зельемъ. По недомыслію... Я такъ полагаю... Это не то, что куреніе табаку.

— Неужели и оно—богомерзкое зелье?—спросилъ Костровинъ.

— Это совсѣмъ не одно и то же. Да присядьте... гости дорогіе... Сдѣлайте одолженіе.

Сырковъ засуетился, подставляя пріятелямъ убогіе стулья; а самъ принесъ изъ своей закуты табуретъ, какіе бываютъ въ кухняхъ, и примостился на немъ, подобравъ полы своего пальто.

— Позвольте, Тимоѳей Кузьмичъ,—возразилъ ему съ тихой усмѣшкой Костровинъ:—развѣ въ Писаніи не говорится, что не важно входящее въ уста, а только то, что̀ выходитъ изъ нихъ? Вы навѣрно укажете мнѣ сейчасъ, въ какомъ мѣстѣ Новаго Завѣта это говорится.

— Всенепремѣнно! Но вѣдь куренье... это совсѣмъ особая статья. Не то чтобы это была тоже богомерзкая трава... Всякій злакъ произрастаетъ по соизволенію свыше.

— А потому,—подсказалъ Костровинъ,—что куреніе опьяняетъ и вводитъ въ грѣхъ?

— Опьянѣніе... пожалуй, и не больно какое, хотя курильщикъ уже не волёнъ быть себѣ господиномъ. Какъ только онъ хоть полчаса не можетъ затянуться... онъ совсѣмъ разстроился. Нешто не правда?—обратился онъ къ Булашову.

— Правда, Тимоѳей Кузьмичъ!

— Только, дорогіе гости, сдѣлайте одолженіе, я чураться не буду.

— Да вѣдь онъ васъ пытаетъ,—указалъ Булашовъ на Костровина,—а самъ не курильщикъ.

— Ха, ха! Вотъ оно что̀!.. А коли такъ, то они меня сей-

часъ поддержатъ въ моемъ немудромъ разсужденіи... Чайку напиться—кому отъ этого вредъ? Напротивъ, однѣ только пріятныя мысли навѣваетъ. Сколько мы съ Викторомъ Сергѣевичемъ за самоваромъ по душѣ калякали! А ежели я злостный курильщикъ, то вѣдь я не себѣ одному вредъ наношу, а другимъ сугубо досаждаю.

Обернувшись въ сторону Булашова, онъ продолжалъ:

— Вы меня не обезсудьте, Викторъ Сергѣевичъ. Осуждать никого не имѣю права.

— Да и я плохой курильщикъ.

— Но вѣдь теперь... на желѣзной дорогѣ, или въ буфетѣ что-ли... не подверженному оной слабости хоть задыхайся. Слѣдственно, это привычка... какъ это помягче сказать?..

— Себялюбивая,—подсказалъ Булашовъ.—Безъ всякаго сомнѣнія!

— И ежели уже основываться на словахъ Писанія, то про табачный дымъ ужъ никоимъ образомъ нельзя сказать, что не важно, молъ, то, что входитъ въ уста. Тутъ входящее въ уста отравляетъ самого человѣка, а выходящее въ видѣ дыма—и всѣхъ его ближнихъ. Ха, ха!

Смѣхъ у Сыркова былъ высокій, отрывистый и очень веселый.

— Вашъ другъ—мой высокопочитаемый благопріятель Викторъ Сергѣичъ—указалъ онъ Костровину на Булашова—подтвердитъ вамъ, что изувѣрствомъ мы не зашибаемся. Какъ видите, не боимся мірщенья... со всякимъ достойнымъ человѣкомъ, хоша бы онъ и не принадлежалъ къ нашему толку. Да и у тѣхъ, кто не пріемлетъ священства, промежъ болѣе образованныхъ... или, по просту сказать, толковыхъ, нѣтъ ужъ такого чуранья... съ нами же или съ церковными. Въ простомъ людѣ—статья особая. Виктору Сергѣичу извѣстно... Племяннику моему—дѣтей у меня мужского пола нѣтъ—мы дали образованіе... по технической части. Меньшая дочь кончила курсъ съ медалью... Безъ свѣта науки какъ же возможно?

— Тимоѳей Кузьмичъ,—перебилъ его Булашовъ...—Мнѣ, къ сожалѣнію, нельзя засиживаться. Я къ вамъ еще заверну, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. А пока, вотъ, поручаю вамъ моего пріятеля. Вы къ нему можете относиться съ такимъ же довѣріемъ, какъ и ко мнѣ самому. Познакомьте его съ стоющими людьми... напримѣръ, хоть бы съ отцомъ Паисіемъ... Онъ не изъ одного празднаго любопытства... Но въ русской интеллигенціи—сами знаете—рѣдко кто интересуется такимъ великимъ вопросомъ, какъ свобода совѣсти.

— Это вѣрно-съ!—подтвердилъ Сырковъ, кивнувъ раза два головой.

— А теперь мы съ вами попрощаемся.

— Минуточку... Викторъ Сергѣичъ... Позвольте мнѣ и вамъ, и вашему другу показать рѣдкостную вещь.

Сырковъ выбѣжалъ въ свою закуту, минуты три-четыре тамъ рылся и вышелъ оттуда съ чѣмъ-то завернутымъ въ шолковый платокъ съ фіолетовыми цвѣтами, обшитый поблеклымъ отъ времени позументомъ.

— Вашъ другъ... быть можетъ любитель... рѣдкихъ экземпляровъ?.. Извольте полюбопытствовать.

Онъ развернулъ покрывало и высвободилъ большого формата книгу съ застежками кожанаго переплета.

— Что̀ такое?—заинтересованно спросилъ Костровинъ, наклоняясь надъ фоліантомъ и прищуривая близорукіе глаза.

— Апокалипсисъ... толковый... съ изображеніями... и подъ конецъ... двѣ повѣсти... тоже съ рисунками.

Фигуру съ мечомъ въ устахъ и звѣздами вокругъ головы Костровинъ долго разглядывалъ.

— Такой рисунокъ есть въ изданіи Буслаева?—вопросительно пояснилъ Булашовъ.

— Такъ точно... Но есть изображенія, не вошедшія въ его текстъ. Ежели ихъ—Сырковъ указалъ головой на Костровина—интересуетъ, я съ великимъ удовольствіемъ прислалъ бы имъ на дняхъ эту вещь, и Буслаевское изданіе.

— Это рискованно...—нерѣшительно отозвался Костровинъ. —Слишкомъ цѣнныя вещи.

— Не суть важно! Буду особенно польщенъ.

— Отчего же... если ты мало знакомъ... это тебя займетъ? —сказалъ въ полголоса Булашовъ.

— Адресо̀къ соблаговолите. Я запишу сейчасъ.

И такъ же поспѣшно Сырковъ побѣжалъ опять въ свою закуту и вернулся съ клочкомъ бумаги и карандашомъ.

Костровинъ далъ адресъ своего дома.

Когда всѣ трое вышли на троттуаръ, Булашовъ нагнулся къ Сыркову и въ полголоса сказалъ:

— А вѣдь слова-то „антихристъ“ во всемъ Апокалипсисѣ нѣтъ, Тимоѳей Кузьмичъ,—вамъ это, небось, извѣстно?..

— Конечно... ежели въ буквальномъ смыслѣ.

— И въ греческомъ текстѣ нѣтъ...

— Вамъ и книги въ руки! Добраго здоровья!..

И онъ облобызался съ обоими, проводивъ ихъ до угла.

V.

Въ томъ домѣ, гдѣ жили сами хозяева, на Покровкѣ, квартира Костровиныхъ была въ бель-этажѣ—слишкомъ обширная для двоихъ.

Дѣтей у нихъ нѣтъ. Ина Николаевна этимъ не огорчается. У каждаго—цѣлая половина. На ея половинѣ, кромѣ той комнаты, обитой чернымъ атласомъ, о которой Костровинъ говорилъ Булашову, есть еще гостиная, кабинетикъ, спальня, ванна, библіотека, двѣ комнаты для шкаповъ съ шубами, туалетами, бѣльемъ.

У Ины Николаевны въ ея кабинетикѣ, часу въ четвертомъ, сидѣлъ Манилинъ, пріѣхавшій изъ своего подгороднаго имѣнія, на нѣсколько дней.

Она охотно поддѣлывалась подъ его тонъ и выслушивала его длинныя тирады на религіозно-нравственныя темы, хотя, про себя, подмѣчала, какъ онъ -или говоритъ про самого себя, или къ чему-то подбирается—вѣрнѣе всего, къ тому, чтобы сдѣлать ее и ея мужа своими „соратниками", какъ онъ выразился.

Вотъ и теперь, узнавъ отъ нея, что Павелъ Алексѣевичъ ѣздилъ съ Булашовымъ на Волгу и здѣсь ходитъ съ нимъ по старообрядцамъ, онъ сладко повелъ своимъ еще красивымъ ртомъ и спросилъ въ полголоса:

— Это по вашему внушенію, Ина Николаевна? Или самъ Булашовъ желаетъ его довести до извѣстной точки?

— Вовсе не онъ! Если хотите, я буду очень рада, что Поль заинтересуется... вообще религіознымъ движеніемъ... А Булашовъ вовсе не занимается пропагандой. Вы вѣдь знаете, Леонидъ Петровичъ, что онъ не сектантъ.

— Не имѣю ни повода, ни права не вѣрить ему, если онъ это скажетъ во всеуслышаніе.

— Онъ мнѣ это категорически заявилъ, и мнѣ, и мужу.

— Да?—протянулъ Манилинъ, выпрямляясь.—Но тогда,—помните, у васъ на дачѣ, когда у насъ завязался такой долгій и—какъ всегда у русскихъ—безрезультатный споръ... развѣ вы не чувствовали въ Булашовѣ сектантскаго духа? Je ne fais aucune allusion. Этому господину всякое скромное дѣло ненавистно.

— Почему же?

— Ça crève les yeux. Онъ, вѣроятно, зоветъ меня... какъ и многіе впрочемъ... церковнымъ піэтистомъ.

Ина знала отъ мужа, что именно такъ опредѣляетъ его Булашовъ.

Но она повела губами такъ, будто слышитъ въ первый разъ такое опредѣленіе.

— Или что-нибудь въ такомъ вкусѣ... По моему... такой... какъ бы это сказать?—commis-voyageur по части сектовѣдѣнія... гораздо хуже, чѣмъ настоящій совратитель.

— Вотъ какія вы употребляете выраженія!

Ина покачала головой.

— Съ моей точки зрѣнія я иначе не могу выражаться... Но я не стою—прошу васъ вѣрить—за какія-нибудь принудительныя мѣры... за насиліе, исходящее отъ власти. Боже избави! Но pardon... Мы уклонились отъ нашей первоначальной темы.

— Насчетъ Поля? Но что же васъ смущаетъ, Леонидъ Петровичъ?

— Вы сами мнѣ говорили, что Павелъ Алексѣевичъ начинаетъ испытывать... родъ тоски... и душевной неудовлетворенности оттого, что онъ боится отдаться своему влеченію къ высшей Правдѣ.

Манилинъ конецъ фразы произнесъ съ опущенными рѣсницами.

— Сразу... его нельзя привлекать къ тому, что вы проповѣдуете...

— Простите великодушно!—остановилъ ее Манилинъ съ брезгливымъ жестомъ.—Я не имѣю притязанія...

— Хорошо, хорошо! Но вы сами понимаете... Пускай Поль...

— Производитъ экскурсіи?

— Его никакое сектантство, особенно такое, гдѣ только одна сухая мораль... не удовлетворитъ. Я въ этомъ увѣрена. Быть можетъ, онъ кончитъ тѣмъ же, чѣмъ и вы... Леонидъ Петровичъ.

Она тихо усмѣхнулась и прошлась по немъ взглядомъ, смягченнымъ длинными рѣсницами.

— Только,—продолжала она,—Поль не вѣроучитель.

— Но и я, смѣю васъ увѣрить...

— Полноте! Вы исполняете апостольскую миссію... Вы у себя тамъ создаете цѣлыя общины вѣрующихъ, которые должны представлять собою соль... прихожанъ... Поль будетъ искать истины... для себя... не потому, что онъ эгоистъ... вовсе нѣтъ! Но потому, что онъ лишенъ этой жилки.

— Alors—quoi .. le salut personnel?—спросилъ Манилинъ.

— Какіе у него грѣхи? У Поля! Ха, ха! Нѣтъ, не къ этому тайно стремится его душа...

Она не досказала, заслышавъ чьи-то шаги.

— Это онъ...—тихо сказала она и повернула голову къ двери.

Костровинъ не зналъ—кто сидитъ у жены. Онъ только-что откуда-то вернулся.

Съ Манилинымъ онъ поздоровался, немного удивленный.

— Вы опять здѣсь?—спросилъ онъ, здороваясь съ нимъ, послѣ чего поцѣловалъ у жены руку.

— Я довольно часто наѣзжаю въ Москву,—отвѣтилъ Манилинъ, какъ бы нѣсколько задѣтый его вопросомъ.

— Простился... съ Булашовымъ,—заговорилъ Костровинъ, опускаясь на очень неудобный стулъ съ высокой спинкой, въ англійскомъ стилѣ, какъ и вся отдѣлка комнаты его жены.

— Какъ же онъ не пріѣхалъ проститься?

— Просилъ извиниться передъ тобой, Ина. Сегодня у него множество дѣлъ.

— По сектовѣдѣнію,—замѣтилъ съ особой интонаціей Манилинъ.

— За кого-то сейчасъ надо хлопотать... въ Питерѣ. Если правда... возмутительное дѣло... Россійская дѣйствительность по этой части жестока.

— По какой? — освѣдомился съ той же интонаціей Манилинъ.

Костровинъ взглянулъ на него пристально.

— По части насилія... надъ душой человѣка,—отвѣтилъ онъ твердо и глухо. И, повернувъ голову къ женѣ, продолжалъ:— Тотъ студентъ... нашъ сосѣдъ по Парку...

— Графъ Бунинъ?—подсказала Ина.—Онъ что-то глазъ не кажетъ.

— Былъ въ отсутствіи... ѣздилъ въ Крымъ.

— Такъ что же?

— Вотъ онъ сейчасъ явился къ Булашову... въ Лоскутную... отъ своей кузины, графини Буниной.

У Ины Николаевны сейчасъ же измѣнилось выраженіе лица. Она на особый ладъ прищурилась.

— Вы ее знаете?—спросила она Манилина.

— Встрѣчалъ... въ Петербургѣ. Это—самая упорная радикалка... вся въ движеніи... dans le mouvement féministe.

— Страшно богата?

— Да. Ей досталось, кромѣ состоянія родителей, и все, чѣмъ владѣла ея бабушка... Она—сирота... на полной волѣ.

— Твой пріятель... какая потихоня! — обратилась Ина къ мужу:—полный молчокъ о томъ, что они знакомы.

— Кажется... нѣтъ... По крайней мѣрѣ, я такъ понялъ. Но Булашову надо было захватить ее здѣсь... по экстренному дѣлу. И вотъ она прислала ему студента... своего кузена... сказать, что она его ждетъ... къ четыремъ часамъ... Въ пятомъ—ему еще въ нѣсколько мѣстъ. Ты на него не претендуй, Ина. А вечеромъ онъ возьметъ скорый поѣздъ.

— Можетъ быть, она съ Булашовымъ одного толка?—выговорила съ усмѣшкой Ина.

— Какого? — возразилъ Костровинъ. — Тебѣ прекрасно извѣстно, что Викторъ ни къ какой сектѣ не принадлежитъ.

— Графиня Бунина,—пояснилъ Манилинъ, точно процѣживая слова,—сколько я про нее наслышанъ... une libre penseuse. Изъ самыхъ заядлыхъ... Позитивистка. Можетъ быть, и марксистка. Во всякомъ случаѣ, что-нибудь въ этомъ родѣ. Еслибъ вашъ другъ,—обратился онъ къ Костровину,—занимался пропагандой, и ему удалось бы сдѣлать изъ нея... ну, хоть баптистку... ce serait une prise de premier ordre.

— Почему же?—спросилъ Костровинъ, построже взглянувъ на Манилина:—потому что она богачка?

— Ты слышалъ, — вмѣшалась Ина, — что̀ Леонидъ Петровичъ сейчасъ сказалъ. Она—libre penseuse... невѣрующая.

— Булашовъ не мѣтитъ въ проповѣдники.

Костровинъ выговорилъ это такъ, что гость могъ принять слова его на свой счетъ. Ему этотъ „церковный піэтистъ“ былъ сегодня особенно несимпатиченъ; но онъ не ревновалъ къ нему, какъ вообще не ревновалъ ни къ кому изъ мужчинъ, на которыхъ его жена „упражняла свою привлекательность“.

Онъ зналъ, что этотъ Манилинъ произноситъ въ деревнѣ поучительныя „слова и рѣчи“ и считаетъ себя духовнымъ ораторомъ.

Гость подобралъ свои блѣдноватыя, тонкія губы и, обратившись къ хозяйкѣ, церемонно выговорилъ:

— Долженъ откланяться. Ту брошюру, которую вы желали имѣть, позвольте прислать вамъ.

— Merci! И надолго вы скроетесь?—спросила Ина, подавая ему руку.

Манилинъ поцѣловалъ руку. Съ хозяиномъ онъ гораздо чопорнѣе раскланялся, въ видѣ молчаливаго пожатія.

— Поль!—тихо окликнула мужа Ина Николаевна и сдѣлала жестъ головой, чтобы онъ проводилъ гостя.

Костровинъ довелъ его до дверей въ переднюю и не удержался, сказалъ:

— Вы напрасно такъ относитесь къ Булашову. Побольше бы такихъ друзей свободы совѣсти. И всякія вѣрованія онъ уважаетъ.

— Всякія,—повторилъ Манилинъ.—Можетъ быть, оттого, что далекъ отъ каждаго изъ нихъ.

— Это его право.

Сдѣлавъ уходившему гостю короткій поклонъ, Костровинъ вернулся къ женѣ.

Онъ ожидалъ отъ Ины какого-нибудь замѣчанія въ полушутливомъ тонѣ, какъ всегда.

— Ты его съ трудомъ выносишь, Поль?—спросила Ина, поднимаясь съ дивана.—Или потому, что онъ недолюбливаетъ Булашова?

Она стала прохаживаться короткими шажками по гостиной. Ее драпировалъ длиннѣйшій халатъ съ трэномъ изъ темно-огненнаго бархата. Волосы были взбиты на вискахъ, и на маковкѣ высился густой узелъ.

Ина любила очень сильные духи, отъ которыхъ у ея мужа часто дѣлался мигрень.

И теперь у него подергивало уже въ правомъ вискѣ.

Не присаживаясь, онъ остановился посреди комнаты и, разводя неловко руками, глухо выговорилъ:

— Рисовальщикъ... по моему... этотъ піэтистъ.

— Пожалуй. Есть тотъ грѣшокъ! Но, видишь ли, Павлуша... Какой бы онъ ни былъ, все-таки въ немъ есть несомнѣнное стремленіе... куда-то... dahin!—она указала своей бѣлой рукой вверхъ.—Подъ его благочестіемъ кроется жажда тайны... А у твоего уравновѣшеннаго Булашова нѣтъ вотъ... на столько,—она указала на кончикъ пальца,—никакого полета.

— Какъ это знать?.. Каждый ищетъ по-своему.

— Манилинъ довольно ядовито назвалъ его сегодня „un commis-voyageur по сектантскимъ дѣламъ“. И это вѣрно.

— Онъ не изъ пустого дилеттантства.

Ина подошла къ мужу и положила ему на плечи свои до локтя открытыя, худощавыя, красивой формы руки.

— Развѣ я тебѣ мѣшаю водить съ нимъ дружбу? Ты безъ него заскучаешь. Вотъ лишній поводъ произвести переѣздъ въ Петербургъ.

— Онъ тамъ на всю зиму не останется.

— Ну, хоть на первыхъ порахъ. Москва, Поль, такъ пріѣлась... ужасно! Ты самъ это не менѣе меня чувствуешь.

— Если тебѣ такъ хочется, я не стану упираться.

— Спасибо, милый!

Она прикоснулась своими слегка влажными губами къ его щекѣ и, не отнимая рукъ, прибавила:

— Сдѣлаемъ опытъ. Потянетъ опять къ Москвѣ—чего же легче вернуться?

Правая рука ея приласкала его еще разъ по лицу.

— Мнѣ этотъ Манилинъ помѣшалъ работать... Я пойду къ себѣ. Ты отправишься, послѣ обѣда, провожать Булашова на вокзалъ?

— Нѣтъ, я не собирался.

Онъ умолчалъ о томъ, что Булашовъ просилъ не провожать его.

Ина беззвучно выплыла изъ гостиной. Мужъ ея сдѣлалъ еще два-три шага взадъ и впередъ, и лѣнивой, колеблющейся поступью побрелъ на свою половину.

Его кабинетъ, съ массивными шкапами, и мебель изъ рѣзного дуба уже давно наводятъ на него уныніе.

Обои—подъ стиль мебели—темныя и двѣ-три картины въ рамкахъ подъ черное дерево.

Съ нѣкоторыхъ поръ, Костровинъ, оставаясь одинъ, все чаще и чаще испытываетъ неопредѣленную, внутреннюю тревогу, и она усиливаетъ то недовольство собою, о которомъ онъ такъ горячо говорилъ пріятелю за завтракомъ, въ „Славянскомъ Базарѣ“.

И смутный страхъ „вырожденія“, о чемъ онъ говорилъ тогда, возвращается къ нему, когда онъ начинаетъ разбирать, почему у него нѣтъ ничего „за душой“, и онъ „виситъ въ пространствѣ“.

Онъ любитъ такую женщину, какъ Ина. Между ними — до сихъ поръ—ни облачка. Своей безусловной свободой она не злоупотребляетъ. Ея кокетство—чисто головное. Она ничѣмъ не дразнитъ, не волнуетъ и не мучитъ его, а напротивъ, ищетъ за него исхода тому, что̀ заложено въ его душу.

То, что̀ сейчасъ сказалъ Манилинъ о Булашовѣ, быть можетъ, и правда! Врядъ ли онъ самъ когда-нибудь станетъ исповѣдникомъ... съ мистическимъ настроеніемъ.

Но такой именно человѣкъ и нуженъ, если хочешь разобраться въ томъ—куда тебя самого потянетъ. Булашовъ не надѣ-

ваетъ маски терпимости. Онъ дѣйствительно глубоко терпимый человѣкъ.

Не было бы ни лицемѣріемъ, ни двоедушіемъ, еслибъ Булашовъ вдругъ сдѣлался членомъ какой-нибудь церкви, стоящей внѣ всякаго общенія съ міромъ „властной опеки", еслибъ онъ призналъ для себя обязательными нѣкоторыя чисто обрядовыя разногласія. Онъ поступился бы своимъ свободомысліемъ для того, чтобы еще сильнѣе принять къ сердцу дѣло освобожденія народной совѣсти.

Въ его обществѣ, въ воздухѣ тѣхъ наблюденій, знакомствъ, бесѣдъ, черезъ какіе проведетъ его Булашовъ, онъ можетъ пройти превосходный искусъ и стряхнуть съ себя, прежде всего, то „постыдное равнодушіе" къ самымъ кореннымъ запросамъ человѣческаго „я".

Нельзя закрывать глаза на то, чѣмъ живы милліоны людей! Позорно считать себя „интеллигентомъ" и возиться только съ своей праздной, скучающей личностью.

И переѣздъ въ Петербургъ уже мало смущаетъ его и за себя, и за Ину...

Онъ присѣлъ къ своему громоздкому бюро и вынулъ изъ бокового ящика книжку въ крупную осьмую, переплетенную въ синеватую тисненую кожу, съ золотымъ обрѣзомъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ онъ записываетъ въ этой книжкѣ свои мысли и настроенія.

Вотъ что̀ онъ записалъ сегодня:

„Чему—въ душѣ моей—взять окончательно верхъ? Холодному скѐпсису или поэтической мистикѣ, куда зоветъ меня Ина?..

„Я не хочу подозрѣвать ее въ неискренности или рисо́вкѣ. Не считаю ее и способной на то, чтобы толкать меня къ тому, что̀ могло бы вызвать во мнѣ болѣзненное развитіе извѣстныхъ душевныхъ предрасположеній. Еслибы оно было такъ, она совсѣмъ иначе смотрѣла бы на мое сближеніе съ Булашовымъ.

„Развѣ та область, куда онъ вводитъ меня—не самая сто̀ющая интереса? Даже если и не искать ничего для себя.

„Но въ этомъ-то и вопросъ... Можетъ ли человѣкъ изъ-за одной идеи служенія свободѣ совѣсти всей душой входить въ это?

„Булашовъ—на-лицо. Но кто знаетъ—чѣмъ онъ кончитъ? Онъ—не даромъ—сынъ сектанта".

И тотъ же жуткій вопросъ поднимается и передъ нимъ въ эту минуту.

„Чѣмъ кончишь ты самъ? Не сбираешься ли ты играть съ огнемъ? Или не предстоитъ ли тебѣ полное безразличіе и отрѣ-

шеніе отъ всего, что духъ человѣческій сохраняетъ отъ высокихъ заблужденій или откровеній истины?

„Не ускоряешь ли ты свою душевную смерть, идя по прямому пути къ безусловному отрицанію?“

VI.

Между тремя и четырьмя часами, Булашова ждала къ себѣ графиня Бунина въ отель „Дрезденъ“, по тому экстренному дѣлу, о которомъ глухо говорилъ Костровинъ при Манилинѣ.

Къ нему явился нѣкій Топорковъ.

Фамилію онъ слыхалъ, и тотчасъ вспомнилъ, когда увидалъ ее на визитной карточкѣ, что читалъ его брошюры, написанныя въ извѣстномъ духѣ.

Со сторонниками этого ученія онъ, до сихъ поръ, не водилъ ближайшаго знакомства и въ разговорахъ никогда не высказывался ни за, ни противъ него; но за всѣмъ слѣдилъ и не мало думалъ о прочитанномъ.

Топорковъ обратился къ нему по недоразумѣнію. Ему сказали, что онъ—близкій родственникъ графини Буниной, находящейся, проѣздомъ, въ Москвѣ. Но когда Булашовъ узналъ, въ чемъ дѣло, онъ вызвался поѣхать къ графинѣ, и потомъ условился съ Топорковымъ, что тотъ явится къ ней немного позднѣе.

Онъ вспомнилъ, что они даже въ дальнемъ родствѣ, чрезъ княжну Рукавицыну, ближайшую „духовную“ дочь его покойнаго отца.

Въ началѣ четвертаго онъ входилъ въ подъѣздъ гостинницы „Дрезденъ“.

Его ввели въ гостиную, гдѣ онъ нашелъ худощавую, бѣлокурую даму или, скорѣе, пожилую дѣвицу, въ черномъ, въ pince-nez, и студента.

Студентъ былъ тотъ самый, съ которымъ онъ познакомился у Костровиныхъ, когда они ходили въ Разумовское и потомъ долго сидѣли за чайнымъ столомъ, на дачѣ.

Студентъ всталъ первый, громко и развязно подошелъ къ нему.

— Моя кузина сейчасъ выйдетъ. Весьма пріятно опять встрѣтиться. Позвольте познакомить васъ... Mademoiselle Исѣева, Марья Евграфовна... пріятельница графини.

Онъ могъ бы прибавить: „ея бывшая преподавательница“.

Эти два гостя были некстати. Булашовъ просилъ графиню

принять его и Топоркова отдѣльно. Вѣроятно, она ихъ предупредила.

— Вы уѣзжали съ милѣйшимъ Павломъ Алексѣевичемъ,— также громко и развязно продолжалъ студентъ, затянутый въ длинный сюртукъ изъ толстаго драпа съ зеленымъ отливомъ и въ узкіе рейтузы:—въ экскурсію отправлялись, на Волгу... если не ошибаюсь, къ раскольникамъ?.. Я что-то такое слышалъ отъ Ины Николаевны.

Тонъ этото бойкаго юнца совсѣмъ уже не подходилъ къ тому, съ чѣмъ Булашовъ пріѣхалъ сюда.

— Monsieur Булашовъ,—продолжалъ пояснительнымъ тономъ студентъ,—спеціалистъ по расколовѣдѣнію...

— Извините меня...—остановилъ онъ студента.—Вы меня, кажется, смѣшиваете съ „экспертами", которые завелись въ послѣднее время?..

— О, я знаю! Ха, ха! Вы, такъ сказать, совсѣмъ наоборотъ. Но все-таки... У насъ это большая рѣдкость. Рѣдко кто въ курсѣ дѣла. Меня бы это интересовало только... съ точки зрѣнія связи между принципомъ государственнаго главенства и поддержкой господствующей церкви. Мы, конечно, по этой части, если вамъ угодно, въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Но возьмите такую передовую націю, какъ англичане. Сколько времени длился запретъ, который тяготѣлъ надъ католиками! Почти-что до нашего вѣка! И короли должны, до сихъ поръ, принимая присягу конституціи, обличать католицизмъ. Есть на это обязательная формула!

Булашовъ слушалъ студента съ сдержанной усмѣшкой. Онъ такъ еще долго могъ бы продолжать передачу своими словами отрывка изъ лекціи.

— Марья Евграфовна,—продолжалъ студентъ, указывая на гостью рукой,—представительница научнаго міровоззрѣнія... Долго изучала естественныя науки... сначала здѣсь, потомъ за границей. Вы вѣдь, если не ошибаюсь, филологъ? — спросилъ онъ Булашова.

— Нѣтъ, я былъ естественникъ.

— Скажите!

— Я съ вами, сколько припомню, провела вечеръ у профессора Грязева?—обратилась къ нему Исѣева.

— Очень можетъ быть. Это былъ, когда-то, мой любимый преподаватель.

— Одинъ изъ немногихъ, кто остался вѣренъ традиціямъ своего времени,—вѣско выговорила Исѣева.

— Марья Евграфовна!—вскричалъ студентъ.—Вы это такъ сказали, точно мы какіе-то... ренегаты.

— Не берусь судить.

— Однако! Вся разница въ томъ, что въ ваше время все было, такъ сказать, прямолинейнѣе. А ныньче дифференцировалось...

— И только?—подчеркнула она.—Растяжимое выраженіе.

Дверь изъ комнаты отворилась, и вошла хозяйка.

Булашовъ видѣлъ ее въ первый разъ.

Большого роста, скорѣе полная, чѣмъ худая, выразительныя черты и нѣсколько строгій взглядъ сѣрыхъ продолговатыхъ глазъ —она сразу дѣйствовала внушительно, прежде чѣмъ можно было отвѣтить: красива она или нѣтъ.

Ея крупную фигуру облегало свѣтлое суконное платье, съ высокимъ полуотложнымъ воротникомъ. Русые волосы волнисто обрамляли ея высокій лобъ.

Она не носила никакихъ украшеній, ни колецъ, ни серегъ.

Нѣсколько суховатымъ, на англійскій ладъ, жестомъ подала она руку Булашову.

— Простите,—извинилась она, садясь ближе къ нему.—Вы знакомы?.. Я, кажется, прервала очень интересный разговоръ?

Графиня говорила быстро, съ какимъ-то своеобразнымъ придыханіемъ, и дѣлала такіе же быстрые жесты кистью правой руки, съ удлиненными пальцами очень красивой формы.

— Нѣтъ, кузина. Это такъ, обмѣнъ нѣкоторыхъ взглядовъ,— выговорилъ студентъ, не мѣняя своего увѣреннаго тона.—Вамъ... кажется... надо о чемъ-то конфиденціально переговорить съ m-r Булашовымъ?.. Я и безъ того долженъ былъ удалиться.

Онъ всталъ. Хотѣла-было подняться и Исѣева.

— Марѝ... Посидите... — удержала ее графиня. — Вы мнѣ писали,—обратилась она къ Булашову:—тотъ господинъ явится немного позднѣе?..

— Да, графиня, мы такъ условились съ нимъ.

— Я боюсь только, что мое участіе можетъ оказаться недостаточно вѣскимъ. Видите... старуха Налимова приходится мнѣ въ родѣ тетки. Она была двоюродной сестрой матери. Но я почти что ея не знала... и когда бываю въ Москвѣ—а я здѣсь бываю раза три-четыре въ годъ—я не являюсь къ ней на поклонъ.

— Графиня... это случай исключительный.

— Конечно! Признаюсь, меня это слишкомъ сильно волнуетъ! —воскликнула она и сдѣлала большой, энергическій жестъ рукой.

—Скажите... этотъ Топорковъ ѣздилъ, кажется, туда... въ Канаду?

— Кажется... Я его не зналъ прежде.

— Онъ, онъ! Я недавно читала его письма въ газетѣ.

— Былъ, былъ!—увѣренно подтвердилъ студентъ.

— Вы интересовались всѣмъ этимъ? — спросилъ Булашовъ и поглядѣлъ на нее пристально.

— Такъ, чтобы участвовать какъ слѣдуетъ,—рѣзче отвѣтила она,—нѣтъ! Видите, объ этомъ надо много говорить. Съ общей точки они, конечно, заслуживаютъ интереса. Но вѣдь тутъ, у господъ, какъ этотъ Топорковъ, дѣйствуетъ доктрина, parti pris... И я знаю людей,—ужъ, конечно, не ретроградныхъ,—которые смотрятъ на все это—на особенный ладъ. Проповѣдь непротивленія, въ видѣ отказа отъ службы... можетъ прикрывать и полное равнодушіе ко всему, что̀ не они...

— Еще бы!—подхватилъ студентъ. Онъ собрался идти, но сталъ за кресло и положилъ руку на спинку.

— И очень,—подтвердила Исѣева. — Всякій можетъ уклоняться отъ прямыхъ обязанностей добраго гражданина—подъ предлогомъ исполненія своего символа вѣры.

Булашову что-то уже не особенно нравилось въ графинѣ. Ея тонъ—прежде всего. Онъ не былъ такой, какъ у ея кузена—тотъ производилъ скорѣе забавное впечатлѣніе. Или, быть можетъ, она напускала на себя особаго рода умственную независимость и сразу хотѣла дать почувствовать, что ни съ какимъ видомъ сектантства, хотя бы и самаго „раціональнаго“, она заигрывать не намѣрена.

— Вы конечно... тоже по своему смотрите на этихъ *интеллигентныхъ* духоборовъ?—спросила она Булашова.

И въ тонѣ вопроса онъ почуялъ также намекъ на то—кто былъ его отецъ, а стало быть и на большую вѣроятность того, что и онъ того же толка.

— Объ этомъ надо, графиня, много говорить, какъ вы сейчасъ выразились...

— Еще бы!—тѣмъ же звукомъ воскликнулъ студентъ и сталъ раскланиваться. Пожимая руку Булашову, онъ прибавилъ:—Полная обособленность извѣстной группы гражданъ—status in statu—не согласима съ существованіемъ государства.

Исѣева что-то тихо сказала хозяйкѣ и минуты черезъ двѣ-три удалилась.

— Простите, графиня,—началъ Булашовъ, — за мое внезапное обращеніе къ вамъ.

— Въ чемъ же тутъ извиняться? Вы думаете, возможность такой исторіи не возмущаетъ меня? Я очень цѣню то, что вы приняли это къ сердцу... не потому, что вы ихъ... единовѣрецъ...

Она не сразу нашла слово.

— Сколько я понимаю,—продолжала она возбужденно,—тутъ два вопроса: то, что сынъ Налимовой такъ пострадалъ... за свою, положимъ, пропаганду, и то, какъ съ нимъ и съ его женой поступили, какъ съ родителями...

Раздался легкій стукъ въ дверь, и въ портьерѣ показался корридорный во фракѣ.

— Господинъ Топорковъ!—доложилъ онъ.

— Просите.

Графиня встала и встрѣтила новаго гостя ближе къ входной двери.

— Топорковъ!—отрывисто проговорилъ тотъ, подавая ей руку.

У него въ нумерѣ онъ показался Булашову небольшого роста и не такъ похожъ на мастерового, какъ здѣсь.

Топорковъ держалъ одно плечо нѣсколько выше другого и весь горбился; довольно широкій въ плечахъ, съ большой головой и блѣднымъ, загорѣлымъ лицомъ. Борода—рыжеватаго оттѣнка—шла до половины груди, и на головѣ волосы были расчесаны боковымъ проборомъ и вились на вискахъ. На немъ была темно-сѣрая, изъ шерстяной матеріи блуза, до колѣнъ, стянутая простымъ ремнемъ. Панталоны носилъ онъ поверхъ сапоговъ.

Немного приподнятыя къ угламъ брови придавали взгляду его свѣтло-карихъ глазъ грустно-кроткое выраженіе.

— Пожалуйста!—указала ему графиня на свободное кресло, послѣ того какъ онъ поздоровался съ Булашовымъ.

Контрастъ между ними былъ разительный.

Одинъ каждому говорилъ своимъ обликомъ, что онъ не похожъ на другихъ, не желаетъ ни жить, ни пить, ни ѣсть, ни думать, ни поступать такъ, какъ всѣ.

Другой—безъ малѣйшаго внѣшняго отличія, корректно одѣтый, аккуратно выбритый и подстриженный, смахивающій немного на иностранца, съ веселымъ взглядомъ и круглыми манерами.

— Графиня... вотъ Викторъ Сергѣевичъ былъ такъ добръ,—заговорилъ Топорковъ слабымъ, высокимъ голосомъ, очень пріятнымъ, и правой рукой сталъ поправлять на вискѣ прядь курчавыхъ волосъ.—Обращаемся къ вамъ въ увѣренности...

— Но Викторъ Сергѣевичъ не имѣлъ еще времени... поставить меня въ курсъ дѣла.

Это петербургское „въ курсъ дѣла“—почти непріятно прошлось по слуху Булашова.

— Видите... я былъ увѣренъ, что Викторъ Сергѣевичъ—вашъ старый знакомый и даже въ родствѣ...

— А знаете, графиня, — отозвался Булашовъ. — Я теперь вспомнилъ. Вѣдь это правда. Княжна Рукавицына... вы знаете Зизи... старая пріятельница моего отца... развѣ она не въ родствѣ съ вами по матери?

— Кажется .. Но я съ ней не знакома,—суховато отвѣтила графиня.

— Тутъ родство у всѣхъ одно,—сказалъ Топорковъ, грустно улыбнувшись глазами. Родство по человѣчеству. Къ чему долгіе комментаріи?.. Факты говорятъ за себя. У родителей отняли дѣтей. Вамъ это извѣстно. Къ утратѣ свободы надо было прибавить еще эту кару...

— Да, это ужасно! Но—сколько я знаю—тутъ есть какое-то осложненіе?..

— Никакихъ!—рѣшительно и кротко произнесъ Топорковъ и поднялъ голову.—Никакихъ. Это клевета. Сколько несчастная мать выстрадала... Сколько просила, умоляла... Въ видѣ милостыни, подачки, ее допустили—въ первый ея пріѣздъ сюда—видѣть дѣтей; а теперь опять не пускаютъ. Я ужъ не говорю о душевныхъ страданіяхъ нашего друга... ея мужа... который до сихъ поръ томится... тамъ...

Лицо графини затуманилось. Она сидѣла съ полуопущенными рѣсницами, опершись подбородкомъ о полураскрытую ладонь.

— Я готова... но мое вмѣшательство можетъ показаться...

— Она проситъ васъ принять ее. Отъ нея вы все услышите. Вы съѣздите къ ея свекрови. Сочувствіе такой личности, какъ вы, покажетъ старухѣ, что всѣ честные люди возмущены тѣмъ, что она дѣлаетъ, прикрываясь любовью къ своимъ внукамъ...

Онъ опять не договорилъ отъ внутренняго волненія. Булашова его голосъ замѣтно трогалъ, больше, чѣмъ графиню.

— Что-жъ... я готова. Но сказать вамъ правду, господа,—въ такихъ семейныхъ драмахъ каждый посторонній рискуетъ очутиться въ фальшивомъ положеніи. Это бы ничего... А дѣйствовать или говорить безъ полнаго знанія, въ чемъ дѣло, кто правъ, кто виноватъ?.. Можетъ быть, вамъ мои слова кажутся слишкомъ скептическими, но тутъ надо различать два факта—

она освободила руку и сдѣлала свой обычный жестъ обѣими ладонями—тутъ насиліе... надъ совѣстью.

— А этого мало? — тихо спросилъ Булашовъ и вбокъ посмотрѣлъ на графиню.

— Кто же это говоритъ?! Но это касается не одного... отца этихъ дѣтей. Онъ пострадалъ первоначально не отъ того, что онъ отецъ, а отъ того, что онъ занимался... какъ это называется... совращеніемъ. Оказательства...

— Никакихъ оказательствъ у тѣхъ, кто держится его вѣрованій,—Топорковъ приложилъ ладонь къ груди,—и быть не можетъ. Оказательства—значитъ сборища, пѣніе, обряды; а все это только ведетъ къ поддержанію какого-нибудь заблужденія, если не къ прямому грѣху. Это—въ духовной жизни—почти все равно, что вино или наркотическое вещество.

Графиня поглядѣла въ сторону Булашова, какъ бы желая дать ему понять:

„Намъ это извѣстно. Иначе вѣдь онъ не можетъ говорить".

— Вы позволите ей быть у васъ?—съ вибраціей въ голосѣ обратился къ ней Топорковъ послѣ маленькой паузы.

— Пожалуйста.

— Когда же?

— Да хоть сегодня... послѣ обѣда.

— Часовъ въ восемь не будетъ рано?

— Нѣтъ.

— Я привезу ее.

Топорковъ торопливо поднялся съ мѣста.

— Она вамъ.... все сообщитъ. Конечно... она очень нервная и больная. Но все, что она приведетъ фактическаго — все это правда!

— Я не сомнѣваюсь,—выговорила графиня, вставая.

— Безбожное это дѣло!—вырвалось у Топоркова.

Онъ пожалъ руку у обоихъ одинаково быстро и крѣпко и вышелъ.

Оба поглядѣли ему вслѣдъ.

Графиня пригласила Булашова присѣсть.

— Лишній поводъ сдѣлать доброе дѣло,—какъ бы про себя замѣтилъ онъ.

— Да... но все это, къ сожалѣнію, на особенной почвѣ.

Надъ правой бровью у ней явилась складка.

— Вы хотите этимъ сказать, графиня?—не докончилъ онъ своего вопроса.

— Тутъ не просто насиліе... не общечеловѣческій вопросъ... А замѣшалось и сектантство...

Слово „сектантство“ прозвучало у нея гораздо рѣзче всего остального.

— Топорковъ и тѣ, кто раздѣляетъ его вѣрованія, строго говоря, вовсе не сектанты.

— Какъ же нѣтъ?—еще рѣзче выговорила графиня.

— Ихъ нельзя смѣшивать съ религіозными толками, какіе у насъ водятся.

— А развѣ они не считаютъ себя братьями сектантовъ?

— Братья для нихъ всѣ люди. И въ этомъ смыслѣ у нихъ строго-христіанская мораль.

— Извините, m-r Булашовъ... можетъ быть, вы сами...

— Я не ихъ толка,—отвѣтилъ онъ твердо и спокойно поглядѣлъ на нее.—Вы можете говорить со мною совершенно свободно. Сектанта во мнѣ нѣтъ!

— Однако... сколько я поняла изъ этого разговора... да и кромѣ того... я имѣла поводъ считать васъ...

— Я не обижаюсь, графиня,—веселѣе выговорилъ Булашовъ.—Но позвольте... Неужели васъ не возмущаетъ не одна только исторія съ этими несчастными дѣтьми... а тотъ коренной, основной фактъ судьбы ихъ отца... возможность каждому изъ насъ попасть въ его положеніе?

Онъ посмотрѣлъ на нее—какъ ей показалось—съ недоброй усмѣшкой въ глазахъ.

— Кто же вамъ это сказалъ?—нервнѣе возразила она.—Это само собою разумѣется. Но позвольте,—она подняла указательный палецъ правой руки:—развѣ такая же участь, и даже болѣе жестокая, не ожидаетъ каждаго... и каждую,—протянула она,—кто хочетъ бороться за свои идеи... кто отъ слова переходитъ къ дѣлу? Кто идетъ на войну, тотъ напередъ знаетъ, что̀ его ждетъ!..

Графиня закинула голову назадъ и поглядѣла на него, слегка прищуриваясь.

— Безъ сомнѣнія. Но для васъ... вопросъ совѣсти... не вообще, а въ смыслѣ вѣрованій... кажется, совсѣмъ не первенствующій?

— Выше всего, m-r Булашовъ, я ставлю освобожденіе русской женщины отъ всего, что̀ сковываетъ ея умъ и чувства.

Жестомъ и выраженіемъ глазъ она пояснила смыслъ этихъ словъ.

— Другими словами,—культъ феминизма?—выговорилъ Булашовъ уже съ явной усмѣшкой своего свѣжаго рта.

— Феминизмъ!..

Съ этимъ возгласомъ графиня встала и начала ходить позади своего кресла.

— Феминизмъ!—повторила она.—Эта кличка совсѣмъ не смущаетъ меня. Прежде всего, эмансипація ума... женщины... А потомъ уже все остальное.

Поднялся и онъ.

— Я самъ такъ думалъ... когда-то, графиня,—выговорилъ онъ.

— А теперь больше не думаете? Напрасно!

— До тѣхъ поръ, пока міръ вѣрованій—какія бы они ни были—въ оковахъ, не можетъ быть рѣчи ни о какомъ освобожденіи ума и чувства! Наша передовая интеллигенція, къ которой вы, конечно, себя причисляете, освободила свой умъ... и только умъ. А все, что не ея „credo"... то—сектантство!

— Съ такой редакціей я не согласна!—такъ же горячо воскликнула она.—Это явное непониманіе...

— Простите, графиня!.. Я затронулъ неподходящую тему... и лишилъ васъ, быть можетъ, хорошаго настроенія... Но если позволите... буду у васъ въ Петербургѣ.

— Милости прошу! Я возвращаюсь туда черезъ недѣлю.

Имъ хотѣлось продолжать эту щекотливую бесѣду; но оба они чего-то боялись.

Послѣ рукопожатія, графиня ничего ему не сказала, кромѣ:

— До свиданія!

VII.

Надо было еще укладываться; а въ свой нумеръ Балашовъ попалъ только къ половинѣ шестого.

Онъ рѣшилъ ѣхать не со скорымъ поѣздомъ, а съ курьерскимъ, чтобы не такъ торопиться.

Теперь надо было еще послать двѣ депеши—одну за-границу, другую въ Петербургъ—и написать письмо по городской почтѣ.

Разговоръ съ графиней оставилъ въ немъ давно небывалое раздраженіе.

Онъ еще не встрѣчалъ „феминистки" съ такимъ обликомъ, тономъ, манерами.

Про нее онъ слыхалъ, какъ про самую рьяную поборницу

женскаго движенія. Она сама была долго курсисткой и свои большія средства употребляетъ исключительно на этотъ видъ благотворительности.

И раньше его не тянуло къ такимъ феминисткамъ. А въ этой дѣвушкѣ его очень скоро стала коробить слишкомъ явная увѣренность въ своемъ умственномъ превосходствѣ, въ томъ, что она—тамъ, гдѣ-то, на неизмѣримой высотѣ, надъ всѣми этими несчастными, въ родѣ Топоркова и другихъ „сектантовъ", не освободившихъ во-время свой интеллектъ отъ всякихъ „пережитковъ средневѣковья": навѣрное она, про себя, именно такъ и выражается.

И, въ то же время, въ ней есть что-то сильное и смѣлое, вызывающее желаніе помѣряться съ нею, даже въ такомъ незадорномъ человѣкѣ, какъ онъ.

За письменнымъ столомъ, когда онъ писалъ депеши и записку—онъ не вполнѣ владѣлъ собою, и обрывки разговора съ глазу на глазъ выскакивали въ его головѣ.

А время летѣло. Уже десять минутъ седьмого. Надо гдѣ-нибудь пообѣдать. Въ своей гостинницѣ онъ никогда не ѣлъ. Подъ бокомъ—два хорошихъ трактира—Московскій и Тѣстова.

И вдругъ ему представилась фигура пожилой дѣвицы—должно быть, бывшей преподавательницы графини, госпожи Исѣевой. Она ему напомнила о вечерѣ, проведенномъ съ нимъ когда-то у профессора Грязева.

Вѣдь того всего скорѣе было найти у Тѣстова, въ тѣ дни, когда онъ не обѣдаетъ у знакомыхъ, или въ клубѣ, по субботамъ. Сегодня—четвергъ. Грязевъ—вдовецъ, и дома хозяйства не держитъ.

Поспѣшно спустился Булашовъ въ контору, отдалъ тамъ депеши и письмо и, въ нѣсколько минутъ, перешелъ къ тому дому, гдѣ помѣщается, на углу Театральной площади, ресторанъ Тѣстова.

Почему-то ему особенно сильно захотѣлось видѣть профессора, и онъ упрекнулъ себя за то, что не удосужился навѣстить его, въ оба пріѣзда въ Москву.

Не было ли на это и особой причины?..

Когда-то онъ считался однимъ изъ любимыхъ учениковъ этого даровитаго натуралиста. И тотъ предлагалъ ему оставить его при университетѣ. Все время студенчества, и потомъ, года съ два, онъ находился подъ вліяніемъ его строго-научнаго воззрѣнія на міръ и душевную жизнь человѣка. Позднѣе, послѣ долгой паузы, когда они опять встрѣтились здѣсь, въ Москвѣ, Грязевъ

первый почувствовалъ, что его ревностный слушатель „куда-то ушелъ“—какъ онъ выражался—и заподозрилъ въ немъ тайнаго сектанта съ „атавизмомъ мистики“: тоже—его выраженіе.

Принципіально, они не говорили въ ихъ послѣднее свиданіе; Булашовъ боялся размолвки, зная, что Грязевъ, до конца дней своихъ, останется съ тѣмъ же позитивнымъ credo, съ тѣмъ же безусловнымъ отрицаніемъ какихъ-либо источниковъ познанія, кромѣ опыта и наведенія.

У одного изъ швейцаровъ въ поддёвкахъ Булашовъ спросилъ:

— Вы не знаете профессора Грязева? Такой худой, съ бородкой?..

— Знаемъ-съ.

— Нѣтъ его здѣсь?

— Здѣсь они,—отозвался другой малый, приставленный къ вѣшалкѣ.

— Въ отдѣльномъ кабинетѣ?

— Они одни... въ угловой, налѣво, всего вѣрнѣе...

Отъ этой удачи Булашову стало какъ-то особенно весело, и онъ, черезъ ступеньку, вбѣжалъ по лѣстницѣ.

Все тѣ же запахи хорошей ѣды колыхались въ воздухѣ. Гулъ „машины“ смягчала мягкая ходьба по половикамъ половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ. Давно не обдавало его такой своеобразной московской жизнью, гдѣ ѣдятъ и пьютъ, и суесловятъ, разсказываютъ анекдоты, громко смѣются, обдѣлываютъ дѣла, не задаваясь никакими сторонними темами; вдали отъ всякаго „ненужнаго“ умничанья и коренныхъ запросовъ совѣсти, отъ исканія вѣчной правды и царства божьяго на землѣ...

Это все—тамъ гдѣ-то, за стѣнами заведенія, гдѣ подаютъ и московскія селянки на сковородкѣ, и растегаи со свѣжей икрой, и нѣжно-розоваго поросенка подъ хрѣномъ.

Булашовъ взялъ налѣво изъ комнаты съ „машиной“ и заглянулъ въ болѣе просторную угловую.

И сейчасъ же узналъ съ затылка небольшую, аккуратную голову профессора, еще очень молодую по темнорусымъ волосамъ съ боковымъ проборомъ. И худая шея, и посадка плечъ—все сохранилось, какъ было нѣсколько лѣтъ назадъ. Среди своихъ коллегъ Грязевъ всегда выдѣлялся своей необычайной моложавостью.

Онъ сидѣлъ у окна, одинъ, на диванѣ. Напротивъ мѣсто было незанято.

— Валерьянъ Ильичъ!—мягко окликнулъ Булашовъ, прежде чѣмъ поровнялся съ диваномъ.

— А! Вотъ сюрпризъ!.. Булашовъ!

Голосъ у профессора былъ сильный, съ особенной звонкостью гласныхъ и несовсѣмъ подходилъ къ его головѣ,—до сихъ поръ головѣ молодого человѣка семидесятыхъ годовъ, студента, или художника. Лицо—очень худое, съ острымъ носомъ и большими глазами, глубоко вдавленными во впадины. Тонкіе усы и остроконечная борода, еще не сѣдѣющая—дѣлали его совершенно непохожимъ на профессора, приблизившагося къ тридцатилѣтнему сроку службы.

И одѣтъ онъ былъ моложаво, съ маленькимъ цвѣтнымъ галстухомъ, въ вестонѣ.

— Чутьемъ угадалъ, что могу найти васъ здѣсь... по примѣру прежнихъ лѣтъ.

— Обязательно!.. Садитесь. Вы тоже пришли кушать подъ „машину"?

— Благодарю васъ. Если позволите.

Въ тонѣ съ нимъ Булашовъ сохранилъ прежнія интонаціи слушателя.

— Откуда и куда?—спросилъ Грязевъ и ласково оглядѣлъ его своими темными глазами.

Быстрый взглядъ этихъ глазъ красилъ его лицо, особенно когда онъ улыбался ими.

— Сегодня долженъ взять курьерскій.

— Въ Питеръ? А меня совсѣмъ забыли. Нехорошо! Небось который ужъ разъ пріѣзжаете въ Москву?..

— Виноватъ, Валерьянъ Ильичъ.

— Что-жъ! Были, вѣроятно, смягчающія обстоятельства...

И что-то какъ бы вспоминая, Грязевъ спросилъ:

— Вѣдь... вы лишились отца?

— Какъ же, Валерьянъ Ильичъ.

— И давно уже?

— Больше года.

— Имѣете свободное движеніе въ предѣлахъ имперіи?—спросилъ Грязевъ немного потише и съ своеобразной усмѣшкой.

— Какъ и прежде. На меня мѣра не распространялась. Да и вообще, Валерьянъ Ильичъ, вашъ когда-то усердный слушатель и почитатель выше всего ставитъ свою душевную свободу. Никакого хомута, въ видѣ безусловнаго догмата, онъ на себя не надѣвалъ.

— Въ добрый часъ!

Они говорили не очень громко. На нихъ никто не обращалъ вниманія. Въ комнатѣ обѣдали еще трое, въ другомъ углу.

Но то, что̀ сейчасъ сказалъ Булашовъ, такъ мало шло ко всей обстановкѣ, къ обоямъ, мебели и драппировкамъ трактирнаго вкуса и къ тѣмъ звукамъ „машины“, которые доносились изъ смежной комнаты!

Оба узнавали мотивъ изъ оперетки, и въ этомъ контрастѣ звуковъ, запаховъ ѣды и мелканья бѣлыхъ рубашекъ—съ тономъ и содержаніемъ ихъ бесѣды—было что-то чудно̀е.

— Что-жъ, Булашовъ... наука... настоящая, а не мнимая—отошла окончательно? А почему? Вы—свободный человѣкъ, средства есть... Молодость, свѣжесть... Вонъ вы какой, чтобы васъ не сглазить,—что твой малосольный огурецъ!

Оба засмѣялись.

— Жизнь по своему передѣлываетъ, Валерьянъ Ильичъ.

— Вамъ что же на нее особенно жаловаться, Булашовъ?

— Объ этомъ надо пространно говорить... выражаясь по-московски. Но это все равно, что строгая обитель... тамъ, на высотахъ, гдѣ тишина и студеный воздухъ... и куда не доходитъ ничего снизу, изъ людского муравейника. Надо, чтобы все въ душѣ перегорѣло и впереди была одна цѣль—законъ природы... безстрастной истины.

— Красиво выражено, но не вѣрно!—возразилъ Грязевъ и тряхнулъ головой.—Вы говорите о наукѣ, точно она мертвечина какая... совсѣмъ отрѣшенная отъ жизни! Вотъ видите, Булашовъ, какихъ вы уже набрались разслабляющихъ ингредіентовъ современнаго разброда!..

Онъ положилъ локти на столъ и подался къ своему собесѣднику.

— Не знаю, Валерьянъ Ильичъ, можетъ быть,—тихо, какъ бы про себя,—выговорилъ Булашовъ.

— Все это не то, батенька мой!—сильнѣе воскликнулъ Грязевъ.—Развѣ вы не видите, что, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ идетъ крестовый походъ противъ... положительнаго знанія?.. И разомъ, и на Западѣ, и у насъ, клерикалишки, переодѣтые іезуиты... съ каѳедръ Сорбонны и другихъ высшихъ школъ стали провозглашать банкротство науки!

Половой подавалъ новое блюдо профессору; тотъ торопливо положилъ себѣ на тарелку и также поспѣшно съѣлъ нѣсколько кусковъ. Булашовъ ѣлъ медленнѣе и аккуратнѣе, какъ все, что̀ онъ дѣлалъ; но бесѣда такъ его втягивала, что онъ почти не замѣчалъ, что̀ ему подаютъ.

— Банкротство науки! — глухо вскричалъ Грязевъ и засмѣялся. — Чувствуете ли вы все шутовство такого приговора

обскурантовъ и гасильниковъ?.. Когда, гдѣ, въ чемъ она обанкротилась?

— На нее возлагали слишкомъ большія надежды, Валерьянъ Ильичъ, — тихо промолвилъ Булашовъ, не поднимая глазъ на Грязева.

— Развѣ она давала обѣщаніе: разомъ разрѣшить всѣ... такъ называемые „проклятые“ вопросы, отвѣтить на все, что̀ гнѣздится въ развинченной душѣ новѣйшаго упадочника? Все это— пережитокъ средневѣкового рабства передъ жупелами, созданными подлымъ страхомъ... передъ Непознаваемымъ!

— Потребности души, Валерьянъ Ильичъ, нельзя регулировать по своему желанію. Все послѣднее десятилѣтіе полно другихъ исканій...

— Эхъ, полноте, Булашовъ! Какъ будто мы—когда были юнцами—не искали, не имѣли чаяній и упованій? Но клички были другія. Насъ объединяло нѣчто, стоящее выше всѣхъ этихъ ковыряній въ своемъ гниленькомъ и пошленькомъ *я*. А тутъ и у насъ сложилось цѣлое ученіе, свое, доморощенное... Отыскана безусловная правда... подъ которой—тотъ же бунтъ противъ знанія. Долой науку! Что такое за соціологія? Къ чему микроскопъ? Все это одинъ развратъ и гнусное барство! Зачѣмъ успѣхи техники? Къ чему ассенизація?.. И возведеніе золотаря Акима въ высокіе мудрецы. Къ чему ватерклозеты? Есть для этого и заборъ!

Булашовъ давно не слыхалъ такого разноса. И ему впервые показалось, что его даровитый и пылкій наставникъ точно выскочилъ изъ полосы русской жизни, уже сданной въ архивъ. Онъ не могъ или не хотѣлъ войти въ другія потребности души. И, въ то же время, его протесты были—сами по себѣ—архизаконны, и въ нихъ звучало негодующее чувство человѣка науки, одного изъ самыхъ симпатичныхъ представителей поколѣнія, у котораго были идеалы.

— И мы, Булашовъ, ратовали за меньшую братію... ходили въ народъ, мечтали о другомъ общественномъ укладѣ... Но мы не проповѣдовали анти-научной нивеллировки. Не нужно Дарвиновъ, не нужно Пастёровъ! Пускай всѣ ходятъ въ лаптяхъ, хлебаютъ изъ одной чашки и лечатъ „крѝксу“ у знахарокъ. У тебя геніальныя способности?.. Мало ли что̀! Не смѣй возвышаться надъ сермягой... Важное кушанье, что ты Дарвинъ! Твоя „эволюція“, твой законъ „подбора“... Это только оправданіе хищничества и насилія. И въ Пастёры не смѣешь мѣтить. И это— барскія глупыя затѣи. Десятки лѣтъ отыскивать козявокъ... микробы... тамъ какіе-то... Мечтать о радикальной борьбѣ съ та-

кими милашками, какъ сибирская язва, водобоязнь, тифъ, чахотка! Каждый умираетъ, видите ли, отъ того, что̀ ему предназначено. Немножко больше жить, немножко меньше—не все ли равно, а страдать намъ предопредѣлено свыше? Ха, ха!.. А подо всѣмъ этимъ любомудріемъ—бунтъ противъ знанія, непримиримая война мистики съ тѣмъ, что̀ даетъ человѣку умственную свободу!

Возражать Булашовъ не хотѣлъ, да онъ никогда и не увлекался тѣмъ ученіемъ, которое „разносилъ“ профессоръ. Не дальше, какъ сегодня, слушая Топоркова у графини Буниной и глядя на него, онъ сознавалъ, что этотъ хорошій малый, глубоко проникнутый потребностью подвига, все-таки „зашибленъ“, въ тискахъ доктрины.

Имъ уже подали пирожное.

— Не выпьемъ ли чего-нибудь получше? — спросилъ Грязевъ.—По рюмкѣ рейнвейнцу, что-ли?

— Съ удовольствіемъ, Валерьянъ Ильичъ.

— Теперь можно и покурить.

Грязевъ вынулъ папиросницу, закурилъ и откинулся на спинку своего дивана.

— Вы меня слушаете, Булашовъ,—заговорилъ онъ мягче и медленнѣе,—и, быть можетъ, про себя, причисляете уже къ послѣднимъ могиканамъ. Сидитъ, молъ, на своихъ китахъ... и поклоняется творцу книжки „Происхожденіе видовъ“.

— Съ какой же стати, Валерьянъ Ильичъ? Я васъ слушаю... и нахожу, что вы правы, какъ служитель точнаго знанія.

— Это, миленькій, слишкомъ общо̀ и... извините меня... уклончиво!

Булашовъ немного покраснѣлъ.

— Какъ же тутъ быть, Валерьянъ Ильичъ,—заговорилъ онъ возбужденно,—если мое поколѣніе, да и тѣ, что моложе меня, вотъ передъ самымъ вступленіемъ въ двадцатый вѣкъ, не нашли еще общаго руководства... лозунга, какіе были въ ваше время? Прежде всего, надо ихъ понять, взглянуть на нихъ объективно, sine ira et studio...

— Та, та, та! Достаточно мы наглядѣлись и наслушались! Послѣ бунта противъ науки, послѣ отрицанія законовъ развитія всего, что̀ существуетъ, въ томъ числѣ и человѣческаго общества—проповѣдь непротивленія злу явилась оправданіемъ всякой дрянности, всего, что̀ у насъ накопилось вѣками холопства, трусости, кислятства. Въ прошломъ сезонѣ, постомъ, я читалъ здѣсь вотъ, въ аудиторіи музея... благотворительную лекцію —

какъ-разъ на ту тему, которую мы съ вами теперь перетираемъ.

— Имѣли, конечно, успѣхъ?

— Хлопали, вызывали! Протестовъ, въ видѣ шиканья, не было. Но въ томъ-то и бѣда, что сегодня вамъ хлопаютъ, а завтра пойдутъ слушать мистическую канитель о чемъ хотите, хоть объ антихристѣ—и такой же пріемъ, и то же хлопанье, и то же галдѣнье! Но я вотъ къ чему... По поводу этой лекціи получаю письмо... отъ одного моего товарища... помоложе курсомъ. Онъ прошелъ черезъ разныя мытарства, посидѣлъ и въ мѣстахъ довольно отдаленныхъ; а теперь практикуетъ здѣсь и печатаетъ хорошія работы. Его письмо—настоящій вопль *семидесятника!* Все, на что люди его генераціи положили свою душу, ихъ подвиги, жертвы, ихъ добровольное мученичество—все это пошло на смарку. И къ девяностымъ годамъ приспѣлъ разбродъ, повальное ренегатство, потакательство всякой блажи, трусливой апатіи, мистическому и декадентскому юродству! Я долго носилъ это письмо... Вотъ жалко, что его нѣтъ и теперь въ моемъ бумажникѣ...

— Можно ли такъ обобщать?!—тихо возразилъ Булашовъ.—Какъ будто и теперь не ведется все та же борьба? Какъ будто зло не встрѣчаетъ противленія?..

— Полюбуйтесь! Подите посмотрѣть на пьесу, на которую сбѣгается вся молодежь. Полюбопытствуйте. Фурорный успѣхъ! И что вы въ ней находите? Это какъ бы сплошная неврастенія. Что за люди! Что за разговоры! Что за жалкая болтовня! Зачѣмъ они всѣ топчутся передо мной на сценѣ? Ни мысли, ни діалога, ни страсти, ни юмора, ничего! Можетъ быть, такая белиберда и встрѣчается въ жизни, да намъ-то до нея какое дѣло? А подите—полюбуйтесь: зала набита биткомъ, молодежь млѣетъ и услаждается всѣмъ этимъ жалкимъ распадомъ россійской интеллигенціи. И вы должны восхищаться. Если вы не ходили на такую пьесу трехъ-четырехъ разъ кряду, вы—отсталый іерихонецъ!

Половой подалъ вино съ двумя зелеными рюмками.

Грязевъ бережно налилъ и протянулъ свою рюмку.

— Prosit!.. Чокнемся по-студенчески.

— Prosit!—повторилъ Булашовъ.

— За что пить? Все отдано подъ „сумлѣніе“, все забито или опошлено.

Они чокнулись.

— Хочется мнѣ вѣрить, Булашовъ,—заговорилъ Грязевъ бо-

лѣе задушевнымъ тономъ,—что вы, въ эту минуту, никакой личины, въ угоду вашему бывшему преподавателю, не надѣваете. Не знаю—къ какому стану васъ причислить...

— Во всякомъ случаѣ, не къ тѣмъ, кто возмущаетъ васъ своимъ бунтомъ противъ знанія, его великихъ заслугъ и грядущихъ благодѣяній.

— Да? Ну, и на томъ спасибо!

И тутъ Грязевъ, уже другимъ, болѣе спокойнымъ тономъ, сталъ разспрашивать Булашова о его личныхъ дѣлахъ. И когда услыхалъ, что онъ самъ хозяйничать у себя въ имѣніи не будетъ, а сдалъ все крестьянамъ, онъ построже остановилъ его вопросомъ:

— А къ чему же было увлекаться агрономіей? Развѣ это не измѣна наукѣ? Отдавать землю въ руки темнаго люда, чтобы онъ истощилъ ее въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ!

— Я имъ помогу повернуть дѣло иначе...

— А сами чѣмъ же займетесь?

— Пока—на моихъ рукахъ то, чѣмъ владѣютъ мать и сестры. Есть заводъ.

— Пригодится, стало, если не чистая, то хоть прикладная наука? Но все это—между прочимъ... Что же: собираетесь дѣлать служебную карьеру?

— Боже избави!

— Стало... еще на распутьи. А вѣдь вамъ, Булашовъ, сколько годковъ?

— Идетъ тридцатый годъ.

— Я—въ эти годы—былъ уже въ экстраординарныхъ. А мнѣ надо было пробиваться—вы сами знаете. Вы—счастливчикъ! Могли бы посвятить себя любой спеціальности. Не нужно вамъ ни оклада, ни пенсіи, никакой служебной лямки. Вы хоть и не хотите ввести меня въ свою душевную лабораторію, а сдается мнѣ, что и вы не ушли отъ общаго повѣтрія... Дѣло ваше! Вы, я думаю, и безъ того считаете меня какимъ-то фонвизинскимъ Стародумомъ. Пускай!

Грязевъ допилъ свое вино, отеръ губы и задумался.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, маленькое учительское напутствіе. Когда набьёте себѣ оскомину отъ всякихъ теперешнихъ вѣяній... и юродствъ—загляните въ ту строгую обитель... съ которою вы, въ началѣ нашего разговора, сравнили науку. Вы найдете въ ней отраду и успокоеніе. Она не обманетъ!.. А теперь пора и по домамъ. Кажется, я опоздалъ на засѣданіе.... Ничего!

Имъ подали счетъ. Внизу, въ швейцарской, Грязевъ крѣпко пожалъ руку Булашова и, придержавъ ее въ своей рукѣ, сказалъ съ внезапнымъ блескомъ въ глазахъ:

— „Банкротъ“ никогда еще не былъ такъ состоятеленъ, какъ въ преддверіи двадцатаго вѣка!..

— Наука?

— А то кто же? Ей нечего стыдиться того, что̀ она уже отвоевала—и на вѣки—отъ незнанія, опираясь только на свои силы!..

На подъѣздѣ они еще разъ простились.

VIII.

Въ отдѣленіи вагона съ креслами послѣднее мѣсто, у окна, занялъ Булашовъ.

Кондукторъ только-что приготовилъ ему все для спанья, откинулъ спинку кресла, постелилъ матрасикъ и принесъ подушку въ свѣжей наволочкѣ.

Булашевъ легъ, не раздѣваясь, надѣлъ только туфли и прикрылся дорожнымъ мохнатымъ одѣяломъ.

Кто-то уже задвинулъ круглую занавѣску у фонаря съ газовымъ рожкомъ, и та половина, гдѣ онъ лежалъ, стояла темной.

До Клина оставалась всего одна станція.

Подъ ритмическое качанье и смягченный гулъ вагона Булашовъ лежалъ на спинѣ, подложивъ обѣ руки подъ голову.

Сна еще не было; но онъ чувствовалъ пріятную усталость, послѣ очень пестраго дня съ ѣздой, ходьбой, укладкой.

Визитъ къ графинѣ и бесѣда съ профессоромъ Грязевымъ переплетались у него въ головѣ.

„Феминистка“ оставила въ немъ тревожное чувство. Онъ не можетъ сказать, что она ему антипатична; но въ ней есть какое-то доктринерство и сухость,—быть можетъ, напускныя. И они врядъ-ли будутъ друзьями.

И, въ то же время, въ этой дѣвушкѣ, живущей на полной волѣ, чувствуется что-то смѣлое и прямое.

Онъ совершенно такихъ еще не встрѣчалъ ни въ томъ кругѣ, къ которому принадлежали его родные, ни въ разныхъ другихъ сферахъ, гдѣ бывалъ до сихъ поръ.

Во всякомъ случаѣ, что̀-то говорило ему, что это случайное знакомство затянется, прежде всего потому, что ему и теперь хочется показать этой особѣ: какъ она узко и самомнительно

смотритъ на всѣхъ, кто, по ея мнѣнію, не находится на высотѣ ея свободомыслія.

Она воображаетъ себѣ, что ото всего застрахована, отъ всякихъ немощей и паденій, отъ страсти, отъ духовной жажды сверхчувственнаго идеала...

Видно, что она еще не любила, и, конечно, заранѣе увѣрена въ томъ, что сдѣлаетъ прекрасный выборъ, когда удостоитъ кого-нибудь своего предпочтенія, и выговоритъ себѣ полнѣйшую свободу, въ роли настоящей „maîtresse-femme".

А онъ самъ—любилъ? И ему уже подъ тридцать лѣтъ. Развѣ и онъ не похожъ на эту дѣвицу, отъ которой такъ пахнетъ культомъ женской эмансипаціи? Но въ ней все-таки же дѣйствуетъ увлеченіе. Она предана *идеѣ*.

Можетъ ли онъ сказать то же о себѣ? Трепетала ли его душа въ страстныхъ поискахъ истины? Зналъ ли онъ страсть—грѣховную или безплотную—это все равно? Не грозитъ ли ему равнодушіе подъ видомъ высокой терпимости и ратованія за попираемую свободу совѣсти?

Ну, рухнутъ всѣ затраты и всѣ виды насилія и нетерпимости... Съ чѣмъ же онъ самъ останется? Какимъ могучимъ и проникновеннымъ *credo* освѣтитъ свою жизнь? Найдется ли въ его душѣ откликъ на призывъ къ любви и къ тому, что̀ люди зовутъ счастьемъ?

Необычайно быстро прошли года̀ ранней молодости. Ему точно некогда было прислушаться къ запросамъ своего сердца. Онъ и до сихъ поръ не знаетъ себя. Его принимаютъ за очень опытнаго молодого человѣка, съумѣющаго прекрасно устроить себѣ свой „home"—на англійскій манеръ,—когда пробьетъ его часъ.

Но бѣдность его личныхъ испытаній не огорчаетъ и не обижаетъ его. Гораздо важнѣе для него—утвердиться на такомъ грунтѣ, съ котораго никто уже не сдвинетъ его.

„Почему—допрашивалъ онъ себя, лежа все въ той же позѣ,—почему у меня недостало мужества сказать Грязеву, что прежняя прямолинейность естественника, съ механической теоріей міросозиданія—не удовлетворяетъ меня"?

„Неужели, въ самомъ дѣлѣ, изъ трусости?"—строго выговорилъ онъ мысленно.

Нѣтъ, не изъ трусости, а потому что онъ и самъ не хотѣлъ бы—до поры до времени — вставлять въ какія бы то ни было рамки свое духовное „я".

Непреклонность взглядовъ того милѣйшаго дарвиниста—за-

видна; но онъ умышленно отворачивается отъ того, что̀ его бывшій ученикъ считаетъ первымъ вопросомъ жизни.

Въ видѣ общей формулы и онъ, конечно, стоитъ за полную терпимость, за священныя права совѣсти. Но ему, въ сущности, мало дѣла до всѣхъ, кто „погрязъ еще въ пережиткѣ средневѣковой мистики". Заниматься этимъ „въ сурьёзъ"—это значитъ: поблажать всему, что̀ противно духу единой, непогрѣшимой, положительной науки.

А для его бывшаго ученика, ушедшаго изъ строгой обители точнаго знанія, всякое вѣрованіе священно, и еслибъ надъ совѣстью этого самаго Валерьяна Ильича совершено было насиліе—онъ бы также всталъ за него, какъ и за всякаго сектанта, даже за мрачнаго изувѣра, полагающаго свое спасеніе въ добровольномъ истязаніи и въ изступленныхъ дикостяхъ...

— Станція Клинъ!—раздался окликъ кондуктора.

Половина пассажировъ пошли закусить. Булашовъ закрылъ глаза и незамѣтно задремалъ.

Когда онъ раскрылъ глаза, не больше какъ минутъ черезъ десять, въ отдѣленіи всѣ спали, кромѣ двухъ пассажировъ, лежавшихъ рядомъ: одинъ у окна, другой по срединѣ. Изголовья ихъ раскинутыхъ креселъ приходились въ разныя стороны, и имъ удобно было разговаривать.

Булашовъ раньше не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Одинъ былъ высокаго роста брюнетъ, съ баками, еще молодой, въ шинели съ бобрами; а когда снялъ ее,—очутился въ дорожной курткѣ. Онъ лежалъ теперь спиной къ Булашову и ноги немного поджалъ. Его сосѣдъ прикрывался пледомъ. Его лицо видно ему было довольно отчетливо—дальній фонарь только на половину задернули. Голова большая, очки въ золотой оправѣ, лысина и русая борода.

Прежде всего Булашовъ узналъ голосъ высокаго брюнета и тотчасъ же вспомнилъ, что онъ съ нимъ разговаривалъ. Было это не такъ давно.

Нужно было похлопотать за одного сектанта. Онъ явился къ нему въ присутствіе, съ рекомендательной карточкой отъ очень вліятельнаго лица.

И фамилію его онъ тотчасъ же вспомнилъ, и узкій кабинетъ, гдѣ они сидѣли съ глазу на глазъ,—тотъ по ту сторону письменнаго стола, онъ—по эту сторону.

Нашелъ онъ этого дѣлопроизводителя или начальника отдѣленія—хорошенько онъ не знаетъ его званія—довольно пріятнымъ чиновникомъ, съ университетскимъ образованіемъ, скром-

наго, даже искренняго тона, безъ замашекъ всезнайки-администратора. Онъ былъ еще вновѣ, и когда они разговорились, Булашовъ увидѣлъ, что онъ знаетъ—да и то не очень твердо—законоположенія и циркуляры; но о новыхъ теченіяхъ религіозной жизни имѣетъ только „казенное“ представленіе, такъ что подъ конецъ ихъ бесѣды онъ самъ сталъ просить Булашова подѣлиться съ нимъ его „интересными свѣдѣніями“.

По самому ходатайству онъ ничего не могъ сдѣлать.

— Мы по этой сектѣ,—замѣтилъ онъ,—ни во что не входимъ. Пускай тамъ съ ней вѣдаются. Тутъ все разныя особы замѣшаны. Съ ними была большая возня!..

Все это онъ говорилъ добродушно и даже съ юморомъ; но и въ этомъ мягкомъ чиновникѣ чувствовалось признаніе полной законности того, что вотъ отсюда, изъ этого кабинета, онъ можетъ управлять совѣстью сотенъ тысячъ и милліоновъ, налагать наказанія, пресѣкать и предупреждать, лишать свободы и переводить изъ одного мѣста подневольнаго житья въ другое—съ крайняго сѣвера въ Закавказье и обратно.

Собесѣдника его, брюнета, Булашовъ не сразу призналъ. И его онъ видѣлъ: ему на него показали въ засѣданіи одного ученаго общества.

Какая-то дама, занимающаяся этнографіей, читала рефератъ о новой сектѣ на югѣ, и послѣ ея чтенія хоръ любителей исполнилъ нѣсколько духовныхъ пѣсенъ. Рефератъ заинтересовалъ слушателей, и пѣніе всѣмъ очень понравилось.

Его знакомый шепнулъ ему на ухо имя этого „эксперта“, какъ онъ называлъ его, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, и какъ произносятъ такіе господа.

О немъ Булашовъ уже имѣлъ понятіе, зналъ—какъ и чѣмъ тотъ выдвинулся и какова его теперешняя спеціальность.

Это сразу возбудило его.

Онъ не желалъ усиленно прислушиваться къ разговору обоихъ пассажировъ; но зналъ напередъ, что содержаніе ихъ разговора будетъ для него не безразлично.

„На ловца и звѣрь бѣжитъ“,—весело подумалъ онъ.

Позы онъ не перемѣнилъ и лежалъ на спинѣ, съ полузакрытыми глазами, подложивъ подъ голову обѣ руки.

Оба они возвращались въ Петербургъ—высокій брюнетъ былъ по домашнимъ дѣламъ въ Москвѣ, а „экспертъ“ ѣздилъ, по казенной командировкѣ, за Нижній, въ одинъ изъ большихъ приволжскихъ городовъ.

Булашовъ, по первымъ его фразамъ, сообразилъ, по какому дѣлу онъ былъ командированъ.

Объ этомъ дѣлѣ онъ зналъ гораздо раньше. Еще при жизни отца онъ ѣздилъ въ ту мѣстность и слыхалъ о томъ „пресвитерѣ", который, черезъ годъ, попалъ подъ судъ за совершеніе надъ взрослыми крестьянами другого уѣзда и губерніи обряда крещенія.

Брюнетъ заинтересованно дѣлалъ своему собесѣднику цѣлый рядъ вопросовъ.

— И закатали?—выговорилъ онъ своимъ звучнымъ баритономъ, съ нотой нѣкотораго юмора.

— Обязательно!

— Все мужички были въ присяжныхъ?

— Мужички.

И по мѣрѣ того, какъ до него долеталъ высокій, жирный, размашистый голосъ лысаго господина, съ семинарскимъ „аканьемъ" гласныхъ, внутри у него стало сверлить, и онъ долженъ былъ раза два сдержать себя, чтобы внезапно не вмѣшаться въ разговоръ.

Брюнетъ, видимо, былъ очень доволенъ встрѣчей съ „экспертомъ". Они, вѣроятно, уже знали другъ друга въ Петербургѣ, но мало.

— Пойдутъ на кассацію?—возбужденно спросилъ онъ.

— Само собою. Мы этимъ не смущаемся. Предметомъ обличенія, разумѣется, будетъ вашъ покорный слуга. Якобы я, видите ли, превысилъ свою компетенцію и настроивалъ присяжныхъ въ тенденціозномъ духѣ. Все это кимвалъ бряцаяй и мѣдь звеняща! Ха, ха! Каждый сектовѣдъ, приглашаемый ex officio—для дачи объяснительныхъ свѣдѣній—развѣ онъ не вправѣ отвѣтить на то чувство, которое неколебимо живетъ въ сердцѣ всякаго русскаго крестьянина—вѣрнаго сына своей отчизны? Какъ же не показать, въ чемъ суть темнымъ людямъ, которыхъ, въ настоящее время, опутываютъ сѣтями лжеученій, ведущихъ прямымъ путемъ къ ниспроверженію всѣхъ государственныхъ устоевъ...

Брюнетъ на это ничего не сказалъ.

— Къ сугубому стыду нашего образованнаго класса надо приписать то, что ядъ этотъ давно просачивается не снизу, какъ было прежде, изъ самой темной массы, въ той или иной сферѣ, а сверху.

— Развѣ тутъ петербургскіе эмиссары дѣйствовали?—спросилъ потише брюнетъ.

— Чистѣйшая „булашовщина"!

Эти слова заставили Булашова немного приподнять голову. Онъ легъ на бокъ, лицомъ къ говорившимъ.

Нѣтъ, онъ не ослышался. Эта кличка уже встрѣчается въ печати, гдѣ дѣйствуютъ такіе „эксперты". Отецъ его сошелъ въ могилу, зная, что его именемъ окрестили часть движенія, въ которомъ за послѣднія десять лѣтъ произошло столько новаго.

Самое слово „булашовщина" зазвучало злобно-презрительно, какъ еслибъ онъ произнесъ: „пугачевщина" или „хлыстовщина".

Но тѣмъ менѣе было повода осадить эксперта и назвать себя. Это было бы прямо профанаціей памяти его отца.

— И, разумѣется, — спросилъ брюнетъ, — они величаютъ себя баптистами?

— Всенепремѣнно!

— Видите... какъ это удачно вышло... вотъ что̀ мы съ вами вмѣстѣ проводимъ ночь. Вамъ извѣстно... отъ насъ вѣдь тоже затребовано болѣе категорическое мнѣніе. И какъ разъ, теперь, вернувшись въ Петербургъ, мнѣ предстоитъ составленіе докладной записки. Буду особенно признателенъ за болѣе спеціальныя указанія.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ. Вопросъ, въ сущности, выясненъ, можно сказать, до самой глубины. Никакого русскаго баптизма мы не признаемъ.

„*Мы*! — повторилъ про себя Булашовъ. — Вотъ какъ"!

Это „мы" прозвучало громче всего остального.

— Не признаемъ! Его нѣтъ и не было. Надѣемся, и не будетъ. А то, что̀ прикрывается этимъ именемъ, есть не что̀ иное, какъ переодѣтая штунда — безформенная и шатающаяся...

— Однако... они усиленно отрицаютъ это?

— Еще бы! Фортель тутъ очевидный. Послѣ того, какъ секта была признана особенно вредной — они нашли лазейку. Хитроумія тутъ большого не требуется. Въ предѣлахъ россійской державы есть терпимое закономъ инославное исповѣданіе — баптизмъ, — для инородческаго населенія, для нѣмцевъ, чухонъ и иныхъ. Но то — совсѣмъ не того происхожденія. Для тѣхъ Римомъ служитъ городъ Гамбургъ. Но и въ немъ уже обособились, за-границей, нѣсколько общинъ... до семи или восьми ученій.

— Вотъ оно что!..

— Вы это найдете особенно толково и доказательно изложеннымъ въ недавнемъ изслѣдованіи...

И онъ привелъ заглавіе.

— Но для насъ трудновато входить въ эти спеціальныя

тонкости. Вамъ и книги въ руки. Во всякомъ случаѣ, положеніе администраціи неловкое.

— И нуждается,—подхватилъ лысый,—въ нарочитомъ узаконеніи!.. Чего мы и ждемъ, къ чему и взываемъ, указывая на гидру, которая своими змѣиными извивами опутываетъ темный людъ!

— Однако, вотъ мужики-то вездѣ закатываютъ... безъ всякаго снисхожденія?

— Благодаря нашимъ посильнымъ стараніямъ... и въ нихъ пробуждается настоящее рвеніе. И они начинаютъ смекать—куда это идетъ. Изувѣрство сектантовъ падаетъ на ихъ же голову. Ежели они и у насъ, въ среднихъ губерніяхъ, будутъ производить кощунственныя оказательства—какъ это столько лѣтъ бывало на югѣ—мужичокъ съумѣетъ постоять за свою святыню. А пока—надо бить въ одну точку—русскаго баптизма нѣтъ, и признавать его могутъ только измѣнники своему народу и государству.

„Такъ и запишемъ!"—выговорилъ умственно Булашовъ и повернулся спиной къ стѣнѣ, прикрывшись одѣяломъ.

Минуты черезъ двѣ разговоръ смолкъ.

„На ловца и звѣрь бѣжитъ",—повторилъ онъ такъ же весело.

Точно они оба—и чиновникъ, и спеціалистъ по „сектовѣдѣнію"—собственно для него выполняли діалогъ, показывающій—чего можно ждать въ ближайшемъ будущемъ...

IX.

Въ большомъ домѣ, принадлежавшемъ его матери и гдѣ онъ родился, Булашовъ остановился въ маленькой квартиркѣ, со двора.

Онъ хорошо помнилъ тѣ годы, когда у родителей былъ открытый домъ—обѣды, балы, спектакли—разливанное море, безпробудная свѣтская сутолока.

Ему было тогда лѣтъ пять-шесть.

И вдругъ, послѣ долгой поѣздки за границу, гдѣ отецъ опасно заболѣлъ и долго не поправлялся—все перемѣнилось. Въ той самой залѣ, гдѣ были пиршества и костюмированные балы съ живыми картинами — раздалось евангельское слово и пѣніе гимновъ.

Пошла мода на такія собранія. Началъ ѣздить свѣтъ. Сталъ ходить и народъ... И такъ шло нѣсколько лѣтъ. Потомъ всякое

„оказательство“ прекратилось... И уже больше десяти лѣтъ, какъ начались мытарства, подневольное житье въ деревнѣ и за границей, гдѣ отецъ и умеръ.

Въ ихъ хозяйской квартирѣ, занимавшей весь бель-этажъ, помѣщается теперь правленіе одного общества. Домъ доходный, но старый.

Сейчасъ онъ толковалъ съ управляющимъ въ маленькомъ кабинетикѣ своей въѣздной квартирки. Къ веснѣ необходимъ капитальный ремонтъ. А годъ, по заводу и имѣніямъ матери и сестеръ, выдался плохой: на ярмаркѣ, въ Нижнемъ, не расторговались, а цѣнъ на хлѣбъ нѣтъ, да и не предвидится—и къ первопутку.

Уходя, управляющій доложилъ ему:

— По столярнымъ подѣлкамъ въ тѣхъ двухъ квартирахъ сегодня явится мастеръ. Онъ работалъ у насъ прошлымъ лѣтомъ. Малый толковый.

И особымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Покойникъ-папенька... знали его лично... и отличали по его усердію.

— Какъ его зовутъ?

— Суздальцевъ его фамилія... Цеховой мастеръ. Беретъ и обойныя работы... Да намъ пока не требуется.

Отпустивъ управляющаго, Булашовъ принялся за дѣловую иногородную корреспонденцію—послѣ того какъ написалъ большое письмо матери, за-границу.

Отъ собственнаго помѣщичьяго дѣла онъ сторонилъ себя, но его не тяготили хозяйственныя заботы, распоряженія и поѣздки для другихъ. Это дѣлало его бодрѣе, не позволяло „копаться“ въ самомъ себѣ, не ставило жуткаго вопроса: что съ собой дѣлать, чему служить, чему отдаться окончательно?

Шелъ одиннадцатый часъ утра. Тѣсный кабинетикъ стоялъ въ полутемнотѣ. Онъ былъ на половину заставленъ письменнымъ столомъ, стоявшимъ, когда-то, въ кабинетѣ его отца. Рядомъ была спальня побольше и крошечный салончикъ.

Въ передней тихо прохаживался Дмитрій, старый камердинеръ его отца, доживавшій на покоѣ, въ даровой квартирѣ, въ томъ же домѣ, и на пенсіи.

Онъ, по доброй волѣ, прислуживалъ молодому барину, когда тотъ наѣзжалъ въ Петербургъ, хотя Булашовъ совсѣмъ этого не требовалъ.

Сѣдая голова и бритое лицо Дмитрія просунулись въ дверь.

— Столяръ пришелъ. Прикажете ему подождать? — спросилъ онъ.

— Пускай войдетъ сюда.

Что-то такое Булашовъ и самъ вспомнилъ, когда управляющій назвалъ ему фамилію столярнаго мастера—Суздальцевъ.

Вошелъ нестарый человѣкъ, яркій блондинъ, видомъ франтоватый приказчикъ, въ сѣрой парѣ и въ свѣтломъ галстухѣ, старательно причесанный, съ подстриженной бородкой, небольшого роста—вошелъ и сталъ у дверей, въ почтительной позѣ.

— Здравствуйте! Подойдите... Присядьте.

Булашовъ указалъ ему на стулъ.

— Все равно... постоимъ,—откликнулся столяръ высокимъ теноркомъ.

— Пожалуйста!

Тотъ присѣлъ.

— Васъ знавалъ еще отецъ мой? — спросилъ Булашовъ, всматриваясь въ него.

— Какъ-же-съ... Сергѣй Васильевичъ всегда меня, могу сказать, отличали... на собраніяхъ.

— А-а...

Во внутреннюю жизнь единовѣрцевъ отца своего Булашовъ не входилъ, какъ участникъ въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ.

Можетъ быть, этотъ Суздальцевъ значится какимъ-нибудь духовнымъ лицомъ?.. Тонъ у него пріятный, и очень возможно, что онъ надѣленъ даромъ слова.

Говорить съ нимъ на эту тему Булашовъ не хотѣлъ.

— Вы уже сдѣлали смѣту работамъ?

— Такъ точно. Если позволите...

Суздальцевъ вынулъ изъ бокового кармана сложенный въ четверку большой листъ и, приподнявшись со стула, подалъ его.

— Я разсмотрю. Запросу не будетъ?

— Можете быть покойны... Викторъ Сергѣичъ. Намъ этого не полагается.

Слово „намъ“ онъ подчеркнулъ.

Намъ, т. е. „христіанамъ“ не на словахъ, а на дѣлѣ.

— Прекрасно... Зайдите какъ-нибудь... хоть завтра. Я еще поживу здѣсь. Если поладимъ—съ будущей недѣли можете начать работу.

— Слушаю... Съ особымъ удовольствіемъ.

— Вы... баптистъ?—осторожно спросилъ Булашовъ.

— Никакъ нѣтъ,—выговорилъ мягко Суздальцевъ и опустилъ вѣки своихъ голубыхъ, узковатыхъ глазъ.

— Стало... вы по старому?

Суздальцевъ оглянулся на дверь и немного подался поближе, придвинувъ стулъ.

— Мнѣ самому... Викторъ Сергѣичъ... давно желательно... побесѣдовать съ вами... по душѣ. Ежели вы позволите?..

— Что-жъ, я душевно радъ.

— Только, можетъ, вамъ, въ настоящую минуту, не свободно?

— Ничего спѣшнаго у меня нѣтъ. Пожалуйста, говорите.

— Намъ не безъизвѣстно было, Викторъ Сергѣичъ, что вы и при жизни родителя вашего—особенно держались отъ здѣшняго согласія.

— Да, это вѣрно.

— Я это говорю не въ осужденіе. Избави Боже! А потому, что оно для меня собственно имѣетъ большой вѣсъ.

Булашовъ взглянулъ на него.

— Ежели позволите, Викторъ Сергѣичъ, съ полной откровенностью все объяснить вамъ... и узнать ваше мнѣніе...

— По этимъ вопросамъ я не считаю себя вправѣ...

— Очень понимаю! Но я не затѣмъ, чтобы дѣлать васъ судьей; а какъ бы сами вы—на моемъ мѣстѣ—чувствовали и поступали.

— Пожалуйста.

Ему предстояло нѣчто въ родѣ исповѣди, и въ тонѣ Суздальцева зазвучали довольно нервныя ноты, хотя онъ старался говорить спокойно и слѣдилъ за собою въ выборѣ словъ и выраженій.

— Изволите видѣть, Викторъ Сергѣичъ, я еще мальчикомъ, у мастера, Ивана Сидорова Перцова, былъ ознакомленъ съ Писаніемъ. Вы его не изволите знать?

— Нѣтъ, не знаю.

— Человѣкъ святой жизни... И въ Писаніи большой начитанности. Правда, онъ обязанъ былъ своимъ просвѣтленіемъ—онъ такъ называлъ это—супругѣ его—Анастасіи Лукиничнѣ. Она не простого званія... чиновничья дочь... и одна изъ первыхъ здѣсь выказала особенное усердіе въ распространеніи своей вѣры. Покойному Сергѣю Васильевичу оба они были лично извѣстны, и они ихъ сильно одобряли. Ну, разумѣется, и съ нами—у нихъ былъ подмастерье и трое учениковъ—обращались, какъ надо христіанамъ. Содержаніе... одёжа, чистота въ комнатѣ, гдѣ у насъ кровати стояли... Какъ одна семья. Вмѣстѣ всегда и обѣдали съ нами. Побоевъ—ни Боже мой! Или ругани... Ни единаго браннаго слова, даже коли и дѣйствительно въ чемъ проштрафился.

— Такъ вы у него и выжили въ ученьи?

— И въ подмастерьяхъ больше года состоялъ.

Суздальцевъ опять опустилъ глаза и сталъ говорить тише звукомъ и медленнѣе.

— Не могу сказать, Викторъ Сергѣичъ, чтобы супруги Перцовы меня чѣмъ-нибудь старались обвести... и перетянуть въ свою вѣру, или тамъ запрещали ходить въ церковь, говѣть, причащаться. Или опять какъ-нибудь кощунственно отзываться... насчетъ иконъ, угодниковъ или тамъ чего другого. По совѣсти, ничего этого не было. Первое основаніе заложила все та же книжка,— выговорилъ онъ съ явной усмѣшкой:—Слово Спасителя. Оно всѣмъ доступно и каждаго заставитъ въ себя придти, искать путь къ истинѣ.

Въ послѣднихъ словахъ заслышался тонъ сектанта, привычнаго говорить „отъ себя", вслухъ объяснять текстъ и поучать.

„Былъ, пожалуй, пресвитеромъ или чѣмъ-нибудь въ родѣ этого!" —подумалъ Булашовъ.

— По двадцатому этакъ году я уже считалъ себя познавшимъ Новое Слово. И крѣпко вѣрилъ въ то, что человѣку не сбросить съ себя скверны грѣховныя, не найти спасенія душѣ— однѣми своими силами... А нужна благодать свыше,—и кто ее выпроситъ у Господа, тотъ одинъ и внидетъ въ царство его.

И эти слова звучали, какъ готовыя обращенія къ своимъ единовѣрцамъ, которыхъ и онъ слыхалъ десятки разъ, и самъ говорилъ имъ вслухъ.

— А впрочемъ... вамъ, Викторъ Сергѣичъ, все это не хуже меня извѣстно... хотя вы и не изволите держаться этой вѣры,— прибавилъ Суздальцевъ, быстро взглянувъ на него.—Я считалъ только своимъ долгомъ—предварительно это сообщить вамъ. И какъ передъ Господомъ, тогда я, можно сказать, весь пылалъ и готовъ былъ бы принять какое угодно мучительство за то, что̀ призналъ истиной. Опять же былъ и въ такихъ лѣтахъ. И по крайней мѣрѣ года три-четыре пребывалъ въ постоянномъ чтеніи Писанія, на собраніяхъ, и у хозяина, и въ молитвенномъ залѣ. А хозяйка, Анастасія Лукинишна, замѣтивъ, что у меня есть отъ природы... даръ свободной рѣчи, очень это поощряла, и я видѣлъ, что меня и другіе готовятъ...

— Въ пресвитеры?—подсказалъ Булашовъ.

— Нѣтъ-съ... позвольте... до этого еще далеко... Тогда еще и рѣчи ни у кого не было... о принятіи двухъ обрядовъ и о сліяніи съ другимъ исповѣданіемъ.

Сдѣлавъ передышку, Суздальцевъ опять оглянулся на дверь въ первую комнату.

— Никто не войдетъ, успокойтесь,—сказалъ Булашовъ.— Можете говорить совершенно свободно.

— Хозяинъ заболѣлъ... отнялись ноги. Человѣкъ онъ и безъ того былъ старый и больной. Старшимъ мастеромъ остался я. Я бы—видитъ Богъ!—не покинулъ его, еслибъ не начались между нами разномнѣнія... И не съ нимъ однимъ... а и со всей братіей. Первое дѣло, изъ-за самыхъ этихъ двухъ... хотя бы только и символическихъ... какъ ихъ называютъ, а все-же обрядовъ...

— Вы на это не пошли?..

— Много было потрачено на препирательство и дней, и ночей. Одинъ въ полѣ не воинъ! Такихъ, какъ я—не оказалось въ большинствѣ. А ежели вы въ общемъ дѣйствѣ не можете, не смѣете принимать участія... вы уже отпавшая овца!

— Сколько я слыхалъ,—замѣтилъ осторожно Булашовъ,— никакого принужденія нѣтъ и быть не можетъ... насчетъ этихъ двухъ обрядовъ?

— Тутъ моими недоброжелателями была пущена такая молва —якобы я—когда жилъ у хозяина—только изъ корыстныхъ чувствъ поддѣлывался къ нему и къ супругѣ его... и держался ихъ вѣры... А потомъ, когда самъ сталъ хозяйствовать—обратился вспять. Пущенъ былъ и такой слухъ—якобы я надѣвалъ на себя личину Искаріота и готовъ на всякое предательство... въ родѣ какъ въ званіи соглядатая. Прямо мнѣ этого именно никто не говорилъ, а я самъ сталъ замѣчать по тому, какъ со мной обходятся.

Нота искренняго огорченія задрожала въ этихъ словахъ Суздальцева.

— Голосъ собственной совѣсти—важнѣе всего,—промолвилъ Булашовъ.

— Совершенно вѣрно, Викторъ Сергѣевичъ. Моя совѣсть оставалась чистой, и передъ Господомъ, и передъ людьми. Но во мнѣ-то самомъ начало подниматься сомнѣніе. Я не обращался вспять. И теперь я знаю одну благую вѣсть, которую Господь возвѣстилъ ученикамъ своимъ и всему роду человѣческому. Никакой личины я ни въ ту, ни въ другую сторону не ношу. А только самая-то суть ученія стала мнѣ представляться по другому. Положимъ, есть текстъ и въ евангеліи, и у апостола насчетъ благодати. Но зачѣмъ человѣку считать себя обреченнымъ на вѣчную погибель; а разъ онъ призвалъ на себя эту благодать—объявлять себя навѣки спасеннымъ и святымъ? Благая вѣсть никого погибшимъ не признаетъ. Къ чему такое толкованіе? И ежели я—по мѣрѣ силъ моихъ и радѣнія—дѣлаю то,

что завѣщалъ Назареянинъ... „Заповѣдь новую даю вамъ... да любите другъ друга“... Вотъ и вся истина. Выше ея нѣтъ. Такъ ли, Викторъ Сергѣичъ?

— Такъ,—отвѣтилъ съ тихой усмѣшкой Булашовъ.

— А ежели такъ, то зачѣмъ все носиться съ своимъ собственнымъ спасеніемъ и слишкомъ уже по дорогой цѣнѣ его пріобрѣтать... считая благодатью то, что мнѣ самому представляется? Вотъ о чемъ я началъ задумываться. И когда у меня созрѣло... я же пошелъ къ первымъ къ моимъ бывшимъ духовнымъ наставникамъ—къ Перцовымъ; долго съ ними бесѣдовалъ... Разумѣется, ихъ не поколебалъ; но и самъ остался при своемъ убѣжденіи... Просилъ Анастасію Лукинишну заявить это, при случаѣ, ея единовѣрцамъ, и чтобы меня не считали соглядатаемъ—на собранія не ходилъ, ни на большія, ни на домашнія.

Булашовъ заинтересованно слушалъ его, и въ головѣ его все всплывалъ вопросъ:

„Самъ онъ додумался до такихъ возраженій или взялъ ихъ готовыми въ ходячихъ опроверженіяхъ“?

И точно отвѣчая на этотъ вопросъ, Суздальцевъ продолжалъ въ болѣе спокойномъ и благодушномъ тонѣ:

— Меня не смущало то, Викторъ Сергѣичъ, что и миссіонеры господствующей церкви въ такомъ же духѣ говорятъ о спасеніи черезъ благодать. Я читалъ, могу сказать, все, что объ этомъ писалось и по сіе время выходитъ въ печати. Отъ одного этого я ко всему прочему, что обязательно у церковныхъ, не возвращусь. Мнѣ ничего не нужно, кромѣ „благой вѣсти“, но спасеніе я понимаю не въ прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ, и не могу полагать такой пропасти между душой, не сподобившейся благодати, и всякой другой, которая исполняетъ самую коренную евангельскую заповѣдь любви къ ближнему.

— Что-жъ, вы, быть можетъ, тутъ и правы,—вдумчиво промолвилъ Булашовъ.

— И не одно это стало меня смущать. Молитва должна быть... одинокая и ежечасная, коли не ежеминутная, а когда люди сбираются, поютъ, проповѣдуютъ—они только себя въ опьяненіе приводятъ. Ничего этого и не нужно. Дана одна молитва и одна заповѣдь.

Булашовъ пристально взглянулъ на него и сказалъ:

— Тому же учатъ и другіе.

— Знаю-съ. И у меня была въ рукахъ тетрадка... гдѣ все это изложено. Только когда я читалъ въ ней объ одинокой, умственной молитвѣ—во мнѣ уже такая мысль сидѣла. А по

прочему,—кончилъ онъ, вставая,—я не могу за этимъ идти... Простите, однако, Викторъ Сергѣевичъ, за такую мою длинную предику... Такъ какъ вотъ я на васъ работать сбираюсь... я и вмѣнилъ себѣ въ обязанность ничего отъ васъ не утаить... и спросить васъ: какъ бы вы на моемъ мѣстѣ поступали и чувствовали?

— Вѣроятно, также, какъ и вы, Суздальцевъ. Прежде всего—свобода совѣсти и право вѣрить въ то, что считаешь истиной.

— Благодарю васъ, Викторъ Сергѣевичъ. И батюшка вашъ покойный, при всей ихъ приверженности къ своему ученію, не осудилъ бы меня... А за симъ еще разъ простите великодушно—отнялъ у васъ столько времени. Такъ прикажете зайти завтра, объ эту же пору?

— Да, объ эту же пору.

Булашовъ, по уходѣ столярныхъ дѣлъ мастера, не сразу принялся опять за просматриваніе разныхъ счетовъ и дѣловыхъ бумагъ.

Откровенная исповѣдь Суздальцева вызвала въ немъ,—какъ и то, съ чѣмъ онъ ѣхалъ изъ Москвы,—„оборотъ на самого себя“, и еслибъ онъ сталъ подводить итоги своему собственному исповѣданію вѣры—развѣ онъ могъ бы высказаться такъ опредѣленно и твердо, притомъ послѣ большихъ колебаній и долгой внутренней работы, какъ этотъ грамотный мастеровой, „разночинецъ“, которому, пожалуй, иной вмѣнитъ чуть не въ преступленіе уже одно то, что онъ самъ, на свой страхъ, ищетъ, какъ онъ выражается, „благой вѣсти“!..

П. Боборыкинъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ БАЙРОНА

1818—1824 гг.

„Въ ту пору разнеслась молва, что въ Пизу прибылъ человѣкъ необыкновенный, о которомъ люди пересуживали на тысячу ладовъ, противорѣча другъ другу и часто высказывая нелѣпости. Говорили, что онъ царственнаго происхожденія, несмѣтно богатъ, сангвиникъ, нрава необузданнаго, закаленъ въ физическомъ богатырствѣ, что онъ—духъ зла, но умомъ превосходитъ всѣхъ, что, подобно Сатанѣ Іова, онъ блуждаетъ по міру, ища себѣ подъ-стать богохульниковъ. То былъ Джорджъ Байронъ. Я захотѣлъ увидать его,—и мнѣ показалось, что передо мною ватиканскій Аполлонъ"... Такъ вспоминалъ въ своихъ „Мемуарахъ" о первой встрѣчѣ съ Байрономъ извѣстный впослѣдствіи, какъ горячій патріотъ и даровитый романистъ, Гверрацци [1]), скоро перешедшій отъ увлеченія внѣшностью и талантомъ поэта къ преклоненію передъ искреннимъ другомъ несчастной Италіи. Тотъ же переходъ отъ фантастическихъ слуховъ, пугливыхъ представленій и смутныхъ догадокъ къ открытому сочувствію замѣтенъ, со времени переселенія Байрона изъ Венеціи [2]) въ центръ страны, у большинства выдававшихся тогда въ Италіи дѣятелей литературы и національной политики. Странствующій англійскій

[1]) „Memorie di Francesco Domenico Guerrazzi". Livorno, 1848.

[2]) См. мою статью „Байронъ въ Венеціи", „Вѣстн. Европы", апр., 1901, стр. 645 и слѣд.

пэръ, изумлявшій обывателей эксцентричностью образа жизни, поэтъ-романтикъ, чьи произведенія въ переводахъ начинали уже проникать въ итальянскую публику [1]), волнуя страстностью тона и отвагой мысли, становился *своимъ* человѣкомъ на чужой сторонѣ. Овладѣвъ языкомъ народа, старой и современной его словесностью, изучивъ исторію Италіи и понявъ нужды и запросы ея современности, онъ, видимо, рѣшился посвятить свои силы ея возрожденію, и все дальше и смѣлѣе шелъ по этому пути.

Одинъ за другимъ становились его приверженцами лучшіе люди: изгнанникъ Фосколо, тосковавшій въ Лондонѣ по родинѣ, идеалистъ Джордани, страстный ревнитель отечественной культуры и тонкій критикъ, раньше другихъ оцѣнившій талантъ Леопарди, строгій мыслитель Джоберти, Никколини, эрудитъ-классикъ и въ то же время искренній другъ свободы Амброзоли и др.—и, съ другой стороны, предтечи „Молодой Италіи", дѣятели тайныхъ обществъ, полные героизма и самоотверженія, люди того удивительнаго закала, который вскорѣ такъ ярко сказался въ Мадзини. Это былъ совершенно своеобразный итальянскій *байронизмъ*, съ политической, освободительной программой,—и у всѣхъ главныхъ его представителей мы встрѣчаемъ восторженные отзывы о Байронѣ. Гверрацци „многіе годы глядѣлъ на все очами любимаго поэта", считалъ Байрона своимъ наставникомъ и первымъ изъ писателей, повторяя стихъ Данта о Виргиліѣ:

Tu se' lo mio maestro, e il mio autore...

и среди тревогъ 1848 года „хранилъ какъ святыню въ своей груди" культъ Байрона. Амброзоли [2]) называлъ его однимъ изъ величайшихъ людей, которыхъ когда-либо видѣлъ свѣтъ; Джоберти [3]), порицая скептицизмъ поэта, признавалъ его величіе; Джузеппе Никколини, несмотря на стѣсненія со стороны австрійской цензуры, испытанныя его біографіей Байрона [4]), указалъ съ сочувствіемъ, въ которомъ сбереглись слѣды юношескаго увлеченія, на карбонарство своего героя и залюбовался отвагой, съ которой онъ „беззавѣтно бросился въ водоворотъ, почуявъ въ немъ свою истинную стихію". Байронъ сильно подѣйствовалъ

---

[1]) Иногда ихъ перепечатывали и въ подлинникѣ: въ 1816 году, Байронъ увидалъ въ Венеціи превосходное изданіе „Шильонскаго узника", напечатанное въ одной изъ венеціанскихъ типографій, а въ итальянскихъ газетахъ—переводъ статьи о немъ самомъ изъ „Jenaer Zeitung".

[2]) Scritti inediti. Firenze, 1871, II, 366.

[3]) Introduzione allo studio della filosofia, I, 283—284.

[4]) Vita di Giorgio Lord Byron. Milano, 1835, II, 106—120.

своимъ примѣромъ на юнаго Мадзини; будущій творецъ (наряду съ Гарибальди и Кавуромъ) единой Италіи сохранилъ во всю свою треволненную жизнь заговорщика и пропагандиста благоговѣніе къ Байрону, всего полнѣе выразившееся въ его оригинальной параллели „Байронъ и Гёте“ [1],—а въ числѣ немногихъ украшеній скромнаго жилья Мадзини въ Лугано, сохраняющагося до сихъ поръ въ прежнемъ убранствѣ, я нашелъ медальонъ Байрона.

Чуткіе къ искреннему сочувствію своему народу, люди эти не ошибались. Послѣ венеціанской поры, послужившей введеніемъ, прологомъ, и первой, кратковременной, но богатой поэтическими результатами, поѣздки въ среднюю Италію и Римъ, въ жизни и творчествѣ Байрона насталъ, въ полномъ смыслѣ слова, *итальянскій* періодъ. Не впадая въ преувеличеніе, онъ могъ сказать въ одномъ изъ писемъ къ Мэррею, что лучше кого-либо изъ соотечественниковъ знаетъ Италію, ея прошлое и настоящее; на вызовъ подѣлиться съ читателями этими знаніями въ спеціальномъ трудѣ объ Италіи онъ, правда, отвѣчалъ отказомъ,—но избралъ другой путь. Ему казалось необходимымъ служить посредникомъ и истолкователемъ, и притомъ послѣдовательно, хронически. Его переводы и переложенія, описанія Италіи въ его журналѣ, самое основаніе этого журнала, предназначеннаго прежде всего заступиться за страдающую Италію, его трагедіи съ ихъ итальянскими сюжетами или же итальянскими образцами, должны были скрѣплять связь между двумя національностями [2]. Иной разъ его итальянофильское рвеніе могло бы произвести на недальновиднаго наблюдателя впечатлѣніе, какое вызываетъ, по мѣстной пословицѣ (о которой недавно напомнилъ одинъ американскій біографъ Байрона [3]), „un inglese italianato“,—порода, все чаще встрѣчаемая въ наше время среди культурныхъ классовъ Англіи и сживающаяся съ чужимъ красивымъ краемъ до охлажденія и равнодушія къ отечеству. Но, какъ бы тѣсны ни становились связи Байрона съ страной, которая, казалось, замѣняла ему отнынѣ родину, онъ и въ пылу политической борьбы

---

[1]) „Byron e Goethe“, появилась сначала по-французски, потомъ, въ 1848 г., въ Лугано, въ чьемъ-то итальянскомъ переводѣ. Въ 1901 г. впервые введена въ „Scritti scelti di Giuseppe Mazzini“ подъ ред. Jessie White Mario. Въ „Мірѣ Божьемъ“ 1896 г. былъ русскій переводъ этой статьи.

[2]) Сводъ разновременныхъ отзывовъ и сужденій Байрона объ Италіи и ея литературѣ, искусствѣ и т. д. сдѣланъ въ книгѣ: Albrecht Lüder, „L. Byron's Urteile über Italien und seine Bewohner, ihre Sprache, Litteratur u. Kunst“. Dresden, 1893.

[3]) Freder. Carpenter, вступленіе къ „Selection from Byron“. New-York, 1900.

за нее не забывалъ насущныхъ нуждъ *своего* народа, зорко слѣдилъ за успѣхами реакціи, за симптомами пробуждающагося общественнаго самосознанія,—внезапно слышался тогда грозный голосъ судьи-сатирика, безпощадная насмѣшка „Видѣнія Суда“ или „Бронзоваго Вѣка“; англійскія главы „Донъ-Жуана“ развертывали отталкивающую картину общества въ его застоѣ, нетерпимости и фарисействѣ, и всѣ сознавали снова, что неусыпно стоитъ на стражѣ справедливости и свободы изгнанникъ-обличитель. Выше Англіи и какихъ бы то ни было странъ раскидывалось передъ его умственнымъ взоромъ человѣчество съ его вѣчными задачами и запросами, и міровая сатира, положенная въ основу его величайшей поэмы, влекла мысль поэта къ себѣ,—но тутъ, передъ глазами, былъ подавленный, порабощенный, когда-то великій народъ, и честь требовала не только вдохнуть въ него вѣру въ его силы и поднять его значеніе передъ свѣтомъ, но прежде всего помочь ему разбить свои оковы.

„Если человѣкъ не можетъ бороться за свободу своей родной страны, пусть добываетъ онъ вольность иному народу; пусть становится на защиту свободы, гдѣ только можетъ“:

When a man hath no freedom to fight for at home,
Let him combat for that of his neighbours.
. . . . . :
Then battle for freedom wherever you can!

Эти стихотворныя строки, неожиданно являющіяся въ одномъ изъ писемъ на родину [1]), словно признаніе, вырвавшееся изъ сердца,—девизъ *политическаго* итальянофильства Байрона. Все, что̀ послѣ великой французской революціи и освобожденія Америки стало традиціей свободолюбія, что̀ побуждало Лафайэтта и его друзей переплывать океанъ, нѣмцевъ и англичанъ—драться на парижскихъ баррикадахъ, иноземныхъ волонтеровъ становиться подъ знамена Косцюшки, ясно указывало Байрону единственный возможный для него образъ дѣйствій,—но вѣдь и лично у него выработалась *своя* традиція, съ первой же пѣсни „Гарольда“ опредѣлившаяся смѣло и ярко, и впослѣдствіи вызвавшая вдохновенныя строфы въ защиту свободы и справедливости. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ на дѣлѣ всю силу гнета, налегшаго на итальянскій народъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ австрійцевъ, папскаго Рима и Бурбоновъ, и былъ посвященъ въ тайны революціонной пропаганды,—для него не было болѣе выбора.

[1]) Letters, V (1901), 111—12.

Было бы преувеличеніемъ приписывать Терезѣ Гвиччіоли рѣшающее вліяніе на переворотъ, происшедшій въ Байронѣ, но то, что Италія была родиной любимой женщины, что именно тутъ бездомный и тоскующій скиталецъ нашелъ, наконецъ, привѣтъ, ласку, семью, домашній очагъ, что объ-руку съ своей подругой онъ вступилъ и въ кругъ національной культуры, и въ тайники политической пропаганды, имѣло несомнѣнное значеніе. Тереза не могла и не съумѣла бы стать музой Байрона; его замыслы зарождались и развивались часто внѣ ея воли, даже вопреки ей; ея агитація противъ „Донъ-Жуана", дошедшая до того, что послѣ пятой пѣсни она взяла слово съ Байрона прервать безнравстенную и неприличную поэму, показываетъ ограниченность и недальновидность вкуса. Но итальянскую литературу она знала и горячо любила. Чуть не наизустъ помнила она „Божественную Комедію", и Байроновскій культъ Данта, его переводы, его „Prophecy of Dante" въ значительной степени поддержаны были ея возбужденіями. Въ выдающихся поэтахъ итальянскаго „Возрожденія" она также понимала толкъ и довела Байрона даже до возвеличенія Тасса... Самый языкъ народа получилъ особую прелесть для Байрона, потому что это былъ гармоническій языкъ его Терезы, и ему уже казалось, что ни на одномъ нарѣчіи міра нельзя выразить съ такой дивной музыкальностью и нѣжныхъ, и величавыхъ движеній души.

Но Тереза увлекала Байрона за собой не въ одно лишь литературное итальянофильство, но и въ боевую политику, въ міръ заговоровъ и тайныхъ обществъ. Въ хрупкой, женственной и необыкновенно еще юной свѣтской женщинѣ трудно было заподозрить революціонерку,—но она была дочерью и сестрою заговорщиковъ.

Преданность національному дѣлу всецѣло перешла отъ стараго графа Гамбы къ юному, всего двадцатилѣтнему Пьетро; едва вернувшись изъ Рима, гдѣ прошли его школьные годы, онъ бросился, очертя голову, въ водоворотъ; чѣмъ опаснѣе становилось дѣйствовать, тѣмъ отчаяннѣе дѣлалась его отвага. Жить безъ борьбы и агитаціи онъ не могъ; когда пришлось убѣдиться въ безнадежности итальянской революціи, онъ понесся за Байрономъ въ Грецію, нелицемѣрно служилъ ей,—и былъ однимъ изъ свидѣтелей кончины поэта, которому преданъ былъ всею душой. У него не было тайнъ для Терезы, и какъ только освоился онъ съ Байрономъ и понялъ его, онъ поспѣшилъ, опираясь на вліяніе сестры, привлечь его на сторону своей партіи.

То были грозные нѣкогда, загадочные, вездѣсущіе и неодо-

лимые *карбонары*, неаполитанская политическая секта, раскинувшаяся со временемъ по всей Италіи и солидарно работавшая всюду для сверженія деспотизма,—вѣтвь масонства, далеко отошедшая отъ его программы нравственнаго совершенствованія и братолюбія, но, подобно масонамъ, соединявшая подъ скромнымъ именемъ *угольщиковъ* (въ память того заработка, которымъ поддерживали себя укрывшіеся на время въ Абруццахъ первые зачинщики секты) демократическую смѣсь всякихъ сословій и состояній. Позднѣйшія событія и дѣятельность новыхъ партій, объединенныхъ, дисциплинированныхъ, съ тщательно выработаннымъ строемъ политическихъ и соціальныхъ убѣжденій, давно отодвинули карбонаризмъ на дальній планъ, и уже мадзинистская „Юная Италія" критически отнеслась къ нему. Но нельзя забыть необычайности его появленія въ сумеркахъ, передъ разсвѣтомъ, его роли предтечи и пророка. Исторія карбонаризма еще не написана, хотя нѣтъ недостатка въ повѣствованіяхъ о томъ, съ чего началось итальянское „risorgimento" [1]); по самой сущности тайной организаціи, храненіе матеріаловъ и переписки было неудобно, невозможно; многое всплываетъ теперь съ другой, враждебной карбонарамъ, стороны, и тайные архивы австрійской или папской политической полиціи, донесенія шпіоновъ и сыщиковъ, слѣдившихъ за главными вожаками (вскорѣ и за Байрономъ), умѣло разработанные и изученные [2]), раскрываютъ важныя стороны движенія. Такова, напр., случайно открытая Триболати трехъ-томная рукопись одного австрійскаго шпіона, въ видѣ дневника съ 1819 по 1822 годъ, озаглавленная: „Arcana politicae anticarbonariae", хранившаяся въ Пизѣ почему-то при дѣлахъ городского управленія и чуть не проданная на вѣсъ вмѣстѣ съ архивнымъ хламомъ... Нѣтъ возможности точно опредѣлить и время вступленія Байрона въ ряды карбонаровъ, сопровождавшееся, вѣроятно, извѣстнымъ обрядомъ, принятіемъ присяги и т. д. (подобный обрядъ описанъ въ рукописныхъ „Memorie di un cospiratore ravennate" неизвѣстнаго автора). Разысканія на мѣстѣ не привели въ этомъ отношеніи ни къ какому результату [3]),—

---

[1]) Для русскаго читателя недавно дано въ этомъ отношеніи пособіе переводомъ „Исторіи объединенія Италіи", Больтона Кинга. Москва, 1901.

[2]) Таковы, напр., „Misteri di polizia, storia italiana degli ultimi tempi, ricavata dalle carte d'un archivio di stato". Emilio del Cerro, Firenze, 1890,—и „Carte segrete della polizia austriaca". Capolago, 1851.

[3]) Такъ же безуспѣшны были разысканія ученаго редактора переписки Байрона въ „окончательномъ" изданіи его сочиненій, м-ра Prothero, какъ это видно изъ его отвѣта на мой запросъ.

и только возбужденный тонъ Байроновской переписки, которая сперва усиленно начинаетъ обсуждать вопросы о повсемѣстномъ рабствѣ итальянцевъ и необходимости освобожденія, потомъ учащаетъ намеки на что-то втайнѣ готовящееся и наконецъ уже прямо говоритъ о карбонарахъ, даетъ основаніе считать поворотной точкой апрѣль и май 1820 года въ Равеннѣ.

Въ сторонѣ отъ торныхъ путей и оживленныхъ центровъ современной итальянской жизни дремлетъ въ многовѣковомъ забытьѣ нѣкогда богатая и сильная Равенна. Дремлютъ ея древніе, византійскіе храмы, дворцы ея прежнихъ вельможъ; пустынны ея улицы, длинныя старомодныя аркады и узкія площади; величайшая ея святыня—могила Данта; выдающіяся красоты—золотистая мозаика строгихъ иконописныхъ ликовъ или суровая стройность первобытныхъ базиликъ. Два, три отголоска новыхъ временъ,—памятникъ Гарибальди, плита, сооруженная рядомъ съ Дантомъ въ память Мадзини,—не въ силахъ нарушить впечатлѣнія непробудной дремоты. Стѣны старовидныхъ и никому ненужныхъ укрѣпленій съ башнями и воротами обвились вокругъ города, точно хоботъ сказочнаго дракона, обреченнаго заснуть на вѣки; даже море, когда-то подходившее къ этимъ стѣнамъ, и при Байронѣ еще близкое отъ нихъ, отхлынуло, скрылось вдали, и вмѣсто богатой гавани нѣсколько жалкихъ барокъ тянутся къ нему изъ города по узкой ниткѣ канала. Старая, тысячелѣтняя жизнь кончена, и если въ народныхъ, рабочихъ слояхъ Равенны какъ будто замѣтно нѣкоторое оживленіе,—это начало *новой* жизни, которая рѣзко порветъ съ стариной. Но благодатный просторъ окружаетъ дѣдовское гнѣздо; воздухъ напитанъ дыханіемъ безграничныхъ полей, свѣжестью, несущеюся съ Адріатики, хвойнымъ ароматомъ обширнаго лѣса пиній, старославной *Pinet*'ы, любимицы Байрона, сильно порѣдѣвшей отъ времени, но все еще граничащей съ моремъ. Романтическая прелесть прошлаго, затишье красивыхъ развалинъ соединяются съ мягкими впечатлѣніями природы. Подъ меланхолическій звонъ равеннскихъ колоколовъ можно застыть,—но для натуры съ сильными задатками энергіи именно здѣсь, среди тишины, можно собраться съ силами, можно организовать дѣятельность, схоронить концы, выполнить невидимкою сложную, тайную работу.

Таковъ былъ тотъ городъ, съ котораго, послѣ болонскаго пролога, начался активный итальянскій періодъ въ жизни Байрона, та Равенна, которая, быть можетъ, изъ всѣхъ городовъ Италіи была для него особенно дорога,—до того, что онъ не сразу могъ съ нею разстаться даже послѣ вынужденнаго выѣзда

Терезы и настояній Шелли поселиться возлѣ него. Равенна была свидѣтельницей его личнаго счастья, его оживленной поэтической дѣятельности, разгара его карбонарства. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Дантовой гробницы, въ скромной локандѣ, уцѣлѣвшей до сихъ поръ [1]), съ очень неприхотливымъ „Café Byron" въ партеррѣ, провелъ онъ первые восемь мѣсяцевъ своего равеннскаго житья, невдалекѣ отъ массивнаго и мрачнаго палаццо графовъ Гвиччіоли (на нынѣшней Via Cavour); разсчитывать на полную уступчивость мужа Терезы еще нельзя было; тягостная семейная распря, восходившая до папскаго разбирательства (Равенна принадлежала къ Церковной Области), своими треволненіями и двуличной ролью графа мучила и раздражала [2]); изъ своего одинокаго убѣжища Байронъ появлялся на свиданіе, точно похититель супружескаго счастья, хотя разрывъ постылаго брака не былъ ни для кого тайной. Наконецъ мужъ уступилъ, оставилъ на время Равенну и не мѣшалъ болѣе, — Байронъ покинулъ бѣдный пріютъ, гдѣ онъ мечталъ, восторгался и унывалъ, уходя иногда думать и грустить цѣлыми часами у Дантовой гробницы, и переселился, освѣженный счастьемъ и успѣхомъ, въ палаццо къ Терезѣ. Жизнь пошла инымъ ходомъ, полнѣе, сложнѣе прежняго, и въ ней обозначилось нѣсколько теченій. Завязаны были отношенія съ свѣтскимъ обществомъ Равенны, съ лицами правящими, напр. съ папскимъ легатомъ, особой важною въ городѣ; оживилась литературная работа, переводы изъ „Ада" (эпизодъ о Франческѣ да-Римини), написано „Пророчество Данта", окончена первая трагедія на итальянскій сюжетъ,—„Марино Фальеро",—а совсѣмъ подъ спудомъ началась страстная агитація конспиратора.

И теперь еще стоятъ крѣпкія и уродливыя ворота, Porta San Mamante, въ которыя, по преданію, записанному у одного изъ равеннскихъ старожиловъ [3]), Байронъ выѣзжалъ по ночамъ на совѣщаніе съ главами карбонаровъ; но уже снесена старин-

---

[1]) На ней красуется мраморная доска, воздвигнутая какимъ-то Джузеппе Дзирардини изъ Парижа (?) въ шестидесятыхъ годахъ, съ до-нельзя витіеватой надписью, которая по неумѣлости напоминаетъ стихи въ Лермонтовскомъ гротѣ въ Пятигорскѣ, сочиненные невѣдомымъ фанатикомъ поэта.

[2]) Порою у Байрона вырывались въ перепискѣ рѣзкія выраженія, изъ которыхъ можно бы вычитать чуть не недовольство собою и досаду на то, что дѣло такъ далеко зашло. Разумѣется, это были только временныя нервныя вспышки.

[3]) Разсказъ каноника Антоніо Тарлацци м-ру Ричарду Эвгкомбу. Даже въ перепискѣ (V, 194) онъ осторожно сообщаетъ, что *встрѣтилъ* въ лѣсу карбонаровъ, которые были вооружены, пѣли революціонныя пѣсни и привѣтствовали его громкими криками.

ная Osteria Boracina, гдѣ происходили эти свиданія. Со временемъ, какъ видно и изъ Байроновской переписки, стали мѣнять мѣста и съѣзжаться, напр., подъ деревьями Пинеты, придавая переговорамъ случайный характеръ встрѣчи двухъ кавалькадъ, что̀ было легко сдѣлать вслѣдствіе замѣченной всѣми привычки Байрона скакать верхомъ (какъ бывало въ Венеціи на Лидо) цѣлыми часами по лѣсу и вдоль моря. Вскорѣ Байронъ не только былъ посвященъ во всѣ тайны начавшагося движенія, но даже избранъ главой одной изъ самыхъ дѣятельныхъ секцій карбонарства, принявшей довольно фантастическое прозвище „Американцевъ" (Americani), хотя въ числѣ вступившихъ въ нее иностранцевъ не было, кажется, выходцевъ изъ Америки [1]). Вѣсти о революціонномъ движеніи въ Испаніи и вызвавшіе еще бо̀льшій энтузіазмъ слухи о первыхъ и уже успѣшныхъ попыткахъ возстанія въ Неаполитанскомъ королевствѣ, казалось, требовали немедленнаго приступа къ дѣлу и въ Романьѣ. Байрону приходилось повидимому сдерживать нетерпѣніе товарищей, рвавшихся въ борьбу раньше времени и не подготовивъ всего необходимаго,—но зато несомнѣнно, что онъ дѣятельно помогалъ приготовленіямъ, что въ его палаццо былъ тайный складъ оружія и военныхъ запасовъ, что неприкосновенностью жилища пэра Англіи онъ покрывалъ пріютъ и убѣжище для гонимыхъ и заподозрѣнныхъ. Лиризмъ политическаго воодушевленія и вѣра въ конечный успѣхъ наполняютъ всѣ его письма изъ той поры. То сообщаетъ онъ съ живымъ сочувствіемъ, что вся почва вокругъ него взрыта, какъ въ Германіи, тайными обществами; то говоритъ о безчисленныхъ революціонныхъ надписяхъ, которыя за ночь появляются всюду въ Равеннѣ: „да здравствуетъ республика!"—„долой папу!"; то перечисляетъ рядъ политическихъ убійствъ въ городѣ и окрестностяхъ; то ставитъ начало всеобщаго возмущенія въ связь съ появленіемъ въ средней Италіи австрійскаго отряда, который предназначенъ былъ выручить неаполитанскаго короля, принужденнаго уступить народной волѣ,—и со дня на день ждетъ великой минуты. Взрывъ неизбѣженъ, на его взглядъ: „слишкомъ долго попирали итальянцевъ"! И мнимый скептикъ, или безучастный свидѣтель человѣческой трагикомедіи, восклицаетъ съ горячностью истиннаго идеалиста: „подумайте только,—*Италія будетъ свободна*"!

Мѣстное правительство и тѣсно сплотившіяся для солидар-

---

[1]) Не менѣе оригинально прилагавшееся къ нимъ названіе „романтиковъ" (romantici), происходившее не отъ романтизма, а отъ Roma antica—древній Римъ...

ной работы лучшія силы тайной полиціи папской, австрійской и тосканской, хорошо знали, какое важное значеніе имѣло для революціи содѣйствіе Байрона. „Они думали, да и продолжаютъ думать, что весь планъ и детали возстанія выработаны были мною, что я же далъ средства и т. д.“, писалъ Байронъ въ маѣ 1821 г.; „три мѣсяца тому назадъ выпустили листокъ, въ которомъ меня называютъ Главой Либераловъ (The Chief of the Liberals), и въ то же время подсылали людей, чтобъ убить меня“ (Letters, V, 297). Послѣднее не было преувеличеніемъ: преданные Байрону люди дали ему знать, чтобъ онъ пересталъ ѣздить въ Пинету, потому что тамъ готовится нападеніе на него. Предостереженіе, конечно, не подѣйствовало. Онъ тутъ-то и участилъ свои поѣздки (запасшись только стилетомъ и парой пистолетовъ) по лѣсу и на морской берегъ и въ дождь, и въ туманъ, и въ лунныя ночи. Бывало, какъ говорилъ онъ потомъ Роджерсу [1]), воображеніе рисовало ему въ полумракѣ лѣса фантастическія картины, внушенныя былою поэзіею, появленіе рыцаря-призрака, адской охоты, отголоски Боккаччіо, Драйдена; теперь передъ нимъ изъ чащи могли появиться не грозныя тѣни, а вооруженные сбиры... Еще небезопаснѣе стало его положеніе послѣ того, какъ политическое убійство совершено было въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его жилища. На поворотѣ отъ нынѣшней Via Cavour, гдѣ жили Гвиччіоли, въ узкій и короткій переулокъ, который замыкается великою археологическою драгоцѣнностью, византійской базиликой San Vitale, темнымъ вечеромъ былъ убитъ начальникъ отряда карабинеровъ; пять мѣтко направленныхъ ранъ (одна—въ сердце) положили его на мѣстѣ; звукъ выстрѣловъ всполошилъ окрестное населеніе, разбѣжавшееся въ ужасѣ,—одинъ только Байронъ, вмѣстѣ съ преданнымъ ему венеціанцемъ Тита (прежнимъ его гондольеромъ) поспѣшилъ на мѣсто убійства; умирающаго перенесли въ домъ къ Байрону, который окружилъ его заботой, оповѣстилъ властей и т. д., и впослѣдствіи ссылался на эту заботливость, какъ на доказательство безпристрастія,—но никогда не могъ опровергнуть подозрѣнія въ томъ, что убитый, одинъ изъ ненавистныхъ народу полицейскихъ клевретовъ, былъ застрѣленъ по приказанію поэта-демагога.

Наблюденіе и выслѣживаніе устроено было въ широкихъ размѣрахъ. Слѣдили и за тѣмъ, что̀ выходило изъ-подъ пера Байрона, если только его стихи имѣли какое-либо отношеніе къ Италіи.

[1]) См. прекрасныя строфы, посвященныя воспоминанію о Байронѣ въ его стихотворномъ описаніи Италіи („Italy“, by Samuel Rogers, перепеч. London, 1890), къ которымъ мы еще вернемся.

Уже четвертая пѣснь „Гарольда“ съ ея вызовомъ къ возрожденію былой независимости выставлялась въ донесеніяхъ агентовъ, какъ доказательство явной неблагонадежности автора, присутствіе котораго въ странѣ во время броженія не можетъ быть терпимо. Но въ Равеннѣ тотъ же поэтъ, вдохновленный постоянною близостью къ гробницѣ Данта, осмѣлился написать еще болѣе возмутительное и политически опасное произведеніе—„Пророчество Данта“, и когда въ мнимо-парижскомъ, въ сущности итальянскомъ изданіи перевода ея, вскорѣ послѣдовавшаго за лондонскимъ изданіемъ, эта поэма проникла въ Италію, ярости охранителей не было предѣловъ. Авторъ уже упомянутаго выше тайно-полицейскаго дневника, находившій, что „еслибы не было дознано всѣми *безуміе* Байрона (se non fosse stato riputato pazzo), онъ заслуживалъ бы соединеннаго надзора всѣхъ полицій Европы“ [1]), обращался къ австрійскимъ блюстителямъ народнаго спокойствія, ожидая вмѣшательства, которое прекратило бы распространеніе „Пророчества Данта“, написаннаго прямо противъ всѣхъ итальянскихъ правительствъ и назначеннаго увеличить волненіе въ массѣ, безъ того уже достаточно возбужденной. Кажется, готовы были въ своей ненависти и боязни „выстрѣлить по первому стиху“ Байрона, еслибы только можно было наложить руку и на міровую его репутацію, и на твердую охрану его личности англійскимъ закономъ.

„Prophecy of Dante“—и теперь одинъ изъ лучшихъ показателей политическаго воодушевленія Байрона въ первое время его карбонарства. Къ нему и подходить нужно съ этимъ мѣриломъ. Цѣль созданія этого своеобразнаго стихотворнаго памфлета говоритъ сама за себя. Не одинъ только культъ Данта опредѣлилъ ее. Когда Байронъ торопилъ Мэррея изданіемъ своего новаго произведенія и объяснялъ ему, что именно въ данный моментъ, переживаемый Италіею, поэма эта необходима, онъ указывалъ на прикладное назначеніе ея. Далекая старина должна была влить свой духъ въ усыпленный неволей народъ; великій поэтъ средневѣковья долженъ былъ явиться руководителемъ новыхъ поколѣній, чуть не пророкомъ карбонаризма, какъ отплаты за все содѣянное зло, какъ почина всеобщаго возрожденія. Автору полюбилась мысль открыть передъ вѣщимъ взоромъ творца *Божественной Комедіи*, разсѣкающимъ непроглядную даль вѣковъ, всю послѣдующую исторію его страны и надѣлить его предвѣдѣніемъ, предсказаніемъ всѣхъ ея несчастій. Мильтоновскій пріемъ

---

[1]) Tribulati, тамъ же, 157—158.

этотъ вполнѣ пригоденъ былъ бы для сильной, сжатой и выразительной лирической импровизаціи, и со стороны Байрона было, конечно, ошибкой распространить свой сюжетъ на *четыре* пѣсни, раздробляя по этимъ перегородкамъ многовѣковую обличительную картину, которая отъ пріостановокъ и паузъ только можетъ утратить мощь впечатлѣнія. Сатирическіе удары, точно такъ же, какъ и слишкомъ подробно разработанныя видѣнія будущей славы Италіи (передъ Дантомъ проходятъ образы Колумба, Петрарки, Тасса, Микель Анджело) придаютъ монологу поэта мѣстами характеръ стихотворнаго обзора итальянской исторіи,—но искренности и силы чувства нужно искать не въ этихъ стихахъ, а тамъ, гдѣ устами великаго флорентинца говоритъ его потомкамъ самъ Байронъ, укоряя ихъ за разрозненность, проповѣдуя единство, показывая, до какого униженія, граничащаго съ полнымъ мракомъ и летаргіею, дошли они (поразительнѣе всего грозное заявленіе: „сами стихіи ждутъ теперь лишь единаго велѣнія— *да будетъ Тьма*!—и Италія станетъ могилой“...), и бичуя многочисленныхъ тирановъ, поработившихъ страну. Предисловіе автора скромно называетъ поэму „метрическимъ экспериментомъ“, такъ какъ она если не впервые (какъ полагалъ Байронъ), то удачнѣе чьихъ бы то ни было прежнихъ попытокъ привила къ англійской поэзіи Дантовскую терцину, — но въ этихъ двухъ, трехъ сотняхъ сжатыхъ суровыхъ и архаическихъ куплетовъ скрывалась живительная сила. Недаромъ же съ такой ненавистью отзывались о нихъ враги народнаго дѣла.

Трудно объяснить, почему издатель не исполнилъ желанія поэта и запоздалъ съ печатаніемъ „Пророчества Данта“,—когда же выпустилъ его въ свѣтъ, то приложилъ къ нему историческую трагедію Байрона: „Марино Фальеро“. На первый взглядъ кажется страннымъ, что трагедія эта была также поэтическимъ результатомъ равеннскаго житья, современницей политическихъ бурь и волненій,—тогда какъ вмѣсто революціоннаго лиризма въ основѣ ея лежалъ протестъ противъ искаженія республиканской свободы. Между тѣмъ въ сюжетѣ, намѣченномъ Байрономъ, какъ мы знаемъ, послѣ перваго же посѣщенія дворца дожей и съ тѣхъ поръ не выходившемъ у него изъ памяти, при всей необычайности завязки,—глава государства составляетъ заговоръ противъ освященнаго вѣками его строя и гибнетъ на плахѣ, какъ бунтовщикъ,—были черты, выдвинуть которыя было вполнѣ умѣстно именно въ данное время, когда всѣ лучшія силы направлялись къ добыванію свободы. Безнаказанное и зловѣщее самоуправство венеціанскихъ олигарховъ, захватъ вѣковыхъ воль-

ностей аристократіею и безправное положеніе народной массы, представляя бытовой фонъ трагедіи, выставлены были Байрономъ съ рѣзкостью и силой, которой не ожидали встрѣтить у него тѣ, кто привыкъ считать его сторонникомъ аристократизма, вліятельной роли избранниковъ, лучшихъ людей. Мрачное сказаніе старыхъ временъ, поразившее его раньше его политическаго возбужденія, могло пригодиться и для новой цѣли, служа урокомъ, предостереженіемъ. Покрытый военной и государственной славой, старецъ Фальеро встаетъ не только на защиту своей семейной чести отъ какого-то ничтожнаго обидчика, но и на оборону истинной республики отъ узурпаторовъ. И въ промежутокъ между тайными совѣщаніями и съѣздами, на которыхъ самъ Байронъ игралъ роль заговорщика, онъ набрасывалъ, сцену за сценой, драматическую фабулу заговора, имѣвшаго мѣсто въ 1355 году, усиленно вчитывался въ старыя хроники, особенно въ разсказъ Марина Санудо [1]), перенесся мыслью въ венеціанскую среду, которую такъ недавно покинулъ, и придалъ своей пьесѣ тотъ яркій національный и мѣстный колоритъ, который приводилъ потомъ въ истинное изумленіе Гёте.

Новѣйшія изслѣдованія [2]) показали недочеты въ исторической вѣрности характера героя и хода событій, имъ вызванныхъ,— недочеты вполнѣ естественные, такъ какъ Байрону были недоступны открытые лишь впослѣдствіи документы. Съ другой стороны, неудача трагедіи на сценѣ [3]) указала на *театральные* недостатки ея,—хотя Байронъ съ величайшимъ негодованіемъ встрѣтилъ извѣстія о самовольной постановкѣ ея въ Лондонѣ какимъ-то спекуляторомъ-антрепренеромъ,—въ нѣсколько пріемовъ, въ письмахъ, даже въ газетныхъ заявленіяхъ протестовалъ, утверждая, что писалъ лишь для чтенія, не примѣняясь къ сценическимъ требованіямъ. Но ни историческія неточности, ни несогласія съ театральной рутиной не въ силахъ умалить достоинства трагедіи,—и въ новѣйшей агитаціи въ пользу Байрона, какъ драматурга, замѣтной среди англійскихъ и нѣмецкихъ байронистовъ (Gerrard, Westenholtz, Krause), безпристрастный разборъ „Марино Фальеро"—одинъ изъ самыхъ надежныхъ аргументовъ.

Принявъ совѣтъ Monk Lewis'a, предостерегавшаго его отъ

---

[1]) Въ его „Vitae Ducum Venetorum", которыя онъ нашелъ въ коллекціи „Итальянскихъ историковъ" Муратори.

[2]) Труды Vittorio Lazzarino въ „Nuovo Archivio Veneto".

[3]) Ее не спасло впослѣдствіи и исполненіе знаменитою мейнингенской труппой. Сюжетъ Байроновскаго „Фальеро" обработанъ былъ Доницетти и для оперной сцены въ пьесѣ того же имени.

разработки мотива ревности, которымъ достаточно уже злоупотребляли, Байронъ выдвинулъ въ своемъ героѣ сложный рядъ двигательныхъ причинъ, побуждающихъ его къ перевороту, причинъ личныхъ и общихъ, семейныхъ и государственныхъ; оскорбленный супругъ, безправный правитель, уязвленный въ своемъ достоинствѣ и гордости носитель великаго имени идетъ на встрѣчу народному недовольству, принужденъ брататься съ нимъ, и въ то же время невольно чувствуетъ брезгливость отъ соприкосновенія съ плебеями; роковое рѣшеніе стоитъ ему тяжелой борьбы съ собой, разрыва съ прошлымъ; всѣ старческія силы напряжены къ той желанной и страшной минутѣ, когда съ высоты Campanile раздастся неурочный звонъ, знакъ къ возстанію,— внезапный разгромъ заговора глубоко потрясаетъ его зачинщика, на краю могилы подпавшаго неукротимому честолюбію, но съ достоинствомъ и силой воли онъ взглянетъ въ лицо смерти. По мѣткому замѣчанію Вестенгольца, чѣмъ дальше отходитъ Байроновскій дожъ отъ *исторіи*, тѣмъ *трагичнѣе* становится его образъ,—одинъ изъ наиболѣе правдивыхъ, реальныхъ характеровъ, которые когда-либо создавалъ Байронъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ его жена, догаресса Анджолина, лицо совсѣмъ не историческое, всецѣло принадлежащее фантазіи поэта, очерченное немногими, но мѣткими штрихами, безъ приторной идеализаціи самоотверженія и преданности, но проникнутая уваженіемъ къ супругу-старцу, глубокимъ, но немногословнымъ горемъ при видѣ его позора и гибели, строгой выдержкой воли, изумляющей самихъ судей. А дальше стоятъ народные типы, выхваченные изъ венеціанской вольницы, горячіе, страстные, шумливые, задорные, завистливые, измѣнчивые, богатый бытовой фонъ, набросанный рукой мастера. Когда онъ самъ говоритъ намъ, что ставилъ себѣ образцомъ Альфіери, что хотѣлъ воскресить слишкомъ несправедливо забытыя „драматическія единства“ и т. д., эти теоретическія разсужденія и намѣренія напоминаютъ иногда неудачные эстетическіе капризы Пушкина,—но и тѣ, и другіе, къ счастью, разбивались на дѣлѣ творческимъ порывомъ, который заставлялъ, напр., Байрона нарушить на первыхъ же порахъ важнѣйшую изъ „unités“, единство мѣста, или далеко выходить въ горячности своей драматической психологіи за твердые предѣлы, указанные правилами классической трагедіи.

Такъ сплетались у него съ тревогами политики писательскіе замыслы; такъ вождь карбонарской секты превращался въ истолкователя Данта, въ лѣтописца старой Венеціи,—или подвигалъ впередъ своего „Донъ-Жуана“, въ которомъ, правда, померкли нѣж-

ныя краски идилліи героя съ Гаидэ, но зато для того, чтобъ дать мѣсто выпуклымъ, бойкимъ, безцеремонно реальнымъ сценамъ на невольничьемъ кораблѣ, въ султанскомъ гаремѣ, съ неподражаемымъ юморомъ и Боккаччіевской непринужденностью описаннымъ похожденіямъ Жуана въ женскомъ платьѣ и его подневольной интригѣ съ султанской фавориткой... На разстояніи нѣсколькихъ строфъ тутъ сходятся удивительныя крайности: благоговѣйное описаніе гробницы Данта, окруженной народнымъ уваженіемъ; въ контрастъ къ ней поучительная картина обросшей сорными травами, всѣми забытой колонны, воздвигнутой когда-то въ память необузданнаго истребителя людей [1],—и гаремная варіація на тему о женѣ Пентефрія. Капризы фантазіи и своенравность мысли писателя геніальнаго!

Но тревожная злоба дня оставляла мало досуговъ для творчества; агитація въ Романьѣ, сношенія съ неаполитанскими инсургентами, заготовка оружія, собранія военнаго совѣта, внезапныя вѣсти о томъ, что въ такой-то день и часъ предположены повальные обыски и аресты, таинственныя исчезновенія и возвращенія людей компрометтированныхъ, и въ особенности трепетъ ожиданія рѣшающей минуты, которую призывали всѣми силами, прислушиваясь къ дальнему звону оружія такъ же страстно, какъ Марино Фальеро къ набату съ Санъ-Марко, придавали жизни нервную возбужденность. Зато стоило жить *такою* жизнью!

Очнуться послѣ столькихъ грезъ и надеждъ, увидать, что все разбито и разсѣяно, разочароваться въ людяхъ, чуть не въ самой идеѣ, изъ-за которой боролся,—мучительно. Но такое пробужденіе, такое жестокое разочарованіе и случилось... Часто вспоминалось потомъ, и съ великой грустью, основанное на опытѣ изреченіе Сильвіо Пеллико: „для того, чтобъ возстановить Италію, нужно разрушить секты“ (a rifare l'Italia bisogna disfare le sette). Неудача движенія 1820—21 гг.—одинъ изъ убѣдительныхъ аргументовъ въ пользу этого мнѣнія. Несмотря на видимую общность цѣли, не было полной солидарности между отдѣльными тайными союзами и конспираціонными группами. Тер-

---

[1]) Въ четырехъ километрахъ отъ Равенны по дорогѣ въ Форли стоитъ одиноко, словно обезглавленный, столбъ, воздвигнутый въ память полководца французскаго короля Людовика XII, Гастона De Foix; его соорудили на полѣ кроваваго сраженія 1512 г., въ концѣ котораго, при яростномъ преслѣдованіи бѣжавшихъ противниковъ онъ былъ убитъ. Странное впечатлѣніе производитъ среди равнины, заросшей виноградниками, этотъ никому ненужный monumento del francese, какъ зовутъ его въ своемъ невѣдѣніи крестьяне.

риторіальныя и государственныя различія, несходство въ темпераментѣ, слѣды застарѣлыхъ историческихъ пристрастій, грезы о величіи и первенствующей роли того или другого города или области въ будущей Италіи, связи однихъ съ радикальными ученіями современности, другихъ—съ католицизмомъ,—все способно было отдалить другъ отъ друга людей, которые, казалось, согласились выступить подъ *однимъ* знаменемъ,—и не карбонарства, а итальянскаго единства. Но какъ среди масоновъ, рядомъ съ выдающимися, самоотверженными дѣятелями гуманности и братолюбія встрѣчались упорно ограниченные фанатики, вѣрные девизу: „масонство для масонства", такъ въ пестрой смѣси мелкихъ тайныхъ приходовъ, „Адельфовъ", „Гвельфовъ" „Защитниковъ отчизны" и т. д., скрывавшейся подъ общимъ именемъ карбонарства, было много людей, неспособныхъ даже заглянуть дальше предѣловъ ближайшей къ нимъ организаціи, одержимыхъ кружковою узкостью, кружковыми и партійными самолюбіями. *Общаго плана не было*,—и въ перепискѣ Байрона начинаютъ вырываться недовольные или печальные возгласы, указывающіе на это. Но желанный призывъ все запаздывалъ,—и такъ и не раздался никогда. Въ разладѣ и промедленіяхъ ушло время въ Неаполѣ; вызванныя у короля уступки удержались лишь нѣсколько мѣсяцевъ; австрійцы быстрыми переходами очутились на югѣ, и по пути ихъ не остановило ни народное возмущеніе, ни сколько-нибудь организованные отряды. Неаполитанскій корпусъ, попытавшійся встрѣтить ихъ и отбросить, былъ одушевленъ лучшими патріотическими чувствами, и во главѣ его былъ искренній, вскорѣ даже легендарный боецъ за свободу, генералъ Пепе; но онъ не устоялъ передъ натискомъ регулярной арміи, сраженіе при Ріэти было потеряно,—и началась жестокая расправа.

Байронъ, стоя выше мелкихъ партійныхъ, кружковыхъ и сектантскихъ счетовъ, былъ до-нельзя возмущенъ ихъ губительнымъ вліяніемъ на дѣло. Когда же изъ Неаполя пришли вѣсти о томъ, что все кончено, сдавлено и погублено, онъ съ негодованіемъ заклеймилъ неаполитанцевъ страшнымъ приговоромъ. „Они кричали:—жить свободными или умереть!—и эхо горъ отвѣчало имъ: умереть! Напрасные восторги, минутный, легкомысленный энтузіазмъ! Какая кровавая насмѣшка обрушилась теперь на ихъ головы! Несчастные! Они отнынѣ навсегда осуждены испытывать всю горечь осмѣянія и позора. Умереть? Нѣтъ, вы не умрете; суровая и грозная свобода, чье святое дѣло вы погубили, измѣна народу, чье сочувствіе вы обманули, чьи надежды вы разбили, не дадутъ вамъ ни покоя могилы, ни забвенія"... „Жесто-

кія и невполнѣ справедливыя слова,—восклицаетъ по поводу этого приговора одинъ изъ современныхъ намъ изслѣдователей раннихъ революціонныхъ движеній въ Италіи [1];—они могутъ найти оправданіе лишь въ томъ, что вырвались они изъ души, жаждавшей свободы и не умѣвшей прощать никому нанесеннаго ей вреда".

Оставалась надежда на помощь съ сѣвера, на революцію въ Пьемонтѣ; но первыя же ея удачи и провозглашеніе конституціи по испанскому образцу скоро смѣнились отместкой оправившагося правительства и появленіемъ австрійцевъ, которые и здѣсь безпощадно выполнили свою роль блюстителей стараго порядка или, вѣрнѣе, палачей. Все крушилось; просвѣта не откуда было ждать, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. То, что внесло въ жизнь Байрона свѣтъ и воодушевленіе, то, ради чего онъ не жалѣлъ никакихъ жертвъ [2]), было подавлено, уничтожено. Въ первые дни у него являлась мысль все бросить, и—*возвратиться въ Англію*, чтобы возобновить дѣятельность на родинѣ. Но онъ не отрекся отъ итальянскаго народа, не покинулъ его, не пересталъ въ него вѣрить; „изъ хаоса Богъ создалъ вселенную, изъ горячихъ страстей долженъ создаться народъ", говорилъ онъ (Letters, V, 152), и послѣ временнаго упадка духа снова вернулся къ работѣ, сказавъ себѣ, что съ такими богатыми племенными задатками и при начавшемся броженіи можно достигнуть цѣли, что безумно было ожидать этого въ короткій промежутокъ времени, и что много усилій и настойчивой пропаганды должно быть затрачено, прежде чѣмъ побѣда будетъ одержана. Записи въ дневникѣ поэта показываютъ, что *R* (революція) должна была вспыхнуть въ Романьѣ въ октябрѣ 1820 года, потомъ срокомъ назначено было 7 или 8 марта 1821; но и черезъ годъ послѣ того нельзя было ничего начать среди общей подавленности. Нужно, стало быть, ждать и работать... У Байрона возникаетъ мысль о необходимости основать, на его средства, органъ для распространенія и защиты идей

---

[1]) Francesco Nitti, „Sui moti di Napoli del 1820", въ сборникѣ „La vita italiana nel risorgimento". 1898, II, 167.—Не всѣ дѣйствительно заслуживали осужденія. Вожди, Морелли и Сальвати, мужественно взошли на эшафотъ; были также люди, взводившіе на себя вину, чтобъ избавить отъ гоненія настоящихъ виновныхъ.

[2]) Въ приложеніи къ V тому „Писемъ" напечатано обращеніе Байрона къ неаполитанскимъ инсургентамъ, которымъ онъ посылалъ денежную помощь въ тысячу луидоровъ и выраженіе готовности активно помогать дѣлу. Мнимый депутатъ конституціоннаго правительства, съ которымъ онъ при этомъ вступилъ въ сношенія, оказался шпіономъ.

карбонаризма, и онъ еще изъ Равенны развивалъ Томасу Муру свой планъ періодическаго изданія съ широкой программой (но непремѣнно съ литературнымъ отдѣломъ, стихами обоихъ редакторовъ и т. д.); его можно назвать „Tenda rossa“ (красный флагъ) [1]) или „Gli Carbonari“, или иначе какъ-нибудь, по вкусу Мура. Издавать его можно въ Лондонѣ, или, подѣливъ редакціонный трудъ между двумя главными руководителями, изъ которыхъ одинъ, находясь въ Италіи, постоянно былъ бы въ сношеніяхъ съ вождями движенія, а другой поддерживалъ бы связи съ литературными силами Англіи, сдѣлать небывалый опытъ международнаго журнала.

Но для такого предпріятія время было слишкомъ неудобно. Ожидаемыя репрессаліи начались. Внезапно было изгнано изъ Церковной Области болѣе тридцати лицъ, заподозрѣнныхъ въ революціонныхъ убѣжденіяхъ, и въ числѣ ихъ отецъ Терезы и братъ ея Пьетро. Старанія Байрона добиться относительно ихъ отмѣны декрета были безуспѣшны, и столь близкіе ему люди покинули его, ища убѣжища въ тосканскихъ предѣлахъ, гдѣ еще сохранились болѣе или менѣе сносныя условія жизни. Опасаться за свою личную неприкосновенность Байронъ не могъ, но во власти правительства было до того отравить ему пребываніе въ Равеннѣ, чтобъ онъ самъ принужденъ былъ покинуть ее. Начатое слѣдствіе должно было рано или поздно раскрыть, до какой степени велико было его участіе въ агитаціи („если мы когда-нибудь встрѣтимся,—писалъ онъ теперь Муру,—я разскажу вамъ о моихъ собственныхъ приключеніяхъ, изъ которыхъ иныя, быть можетъ, были *нѣсколько рискованными*“). Оба Гамба выѣхали,—а высылки все продолжались, и число изгоняемыхъ росло; въ іюлѣ 1821 ихъ насчитывали около тысячи во всѣхъ папскихъ владѣніяхъ. Тереза мучилась заботой о судьбѣ своихъ высланныхъ родныхъ, и въ то же время хотѣла бы увлечь Байрона въ безопасное убѣжище, гдѣ всѣ они могли бы снова собраться. Одно время шла рѣчь о Швейцаріи, дѣлались развѣдки и разспросы, гдѣ лучше устроиться. Съ своей стороны, Пьетро, въ которомъ неудачи не охладили свободолюбія, вызывалъ Байрона исполнить планъ, возникшій у нихъ послѣ плачевнаго финала неаполитанскаго и пьемонтскаго возстанія,—отправиться въ Грецію, гдѣ національное движеніе уже поднималось. Но не состоя-

[1]) Мысль, взятая у сатирика XVII вѣка, Тассони, который въ борьбѣ съ противниками усвоилъ себѣ легендарный пріемъ Тамерлана, выставлявшаго, будто бы, бѣлый флагъ въ знакъ прощенія, красный—какъ предвѣстіе кровопролитія и т. д.

лись ни возвратъ въ Швейцарію, которая казалась теперь Байрону самою романтической страной въ мірѣ, но съ грубымъ населеніемъ и съ еще худшимъ пришлымъ англійскимъ контингентомъ, ни греческая экспедиція, для которой время еще не назрѣло. Тереза уѣхала во Флоренцію на свиданіе съ своими и склонялась уже къ мысли поселиться гдѣ-нибудь въ Тосканѣ; намѣчена была Пиза, наконецъ нанятъ тамъ домъ,—но Байронъ словно не въ силахъ былъ покинуть Равенны, той Равенны, гдѣ онъ такъ много вынесъ тревогъ!..

Онъ былъ совсѣмъ одинъ. Около него не было теперь и порхающей, щебечущей Аллегры. Сколько разъ во время напряженной карбонарской дѣятельности, его преслѣдовала мучительная мысль о томъ, что онъ не позаботился о судьбѣ дѣвочки, о ея воспитаніи, о ея безопасности въ случаѣ его собственной гибели! Не взвѣсивъ вполнѣ условій, въ которыя онъ ее введетъ, онъ остановился на педагогическомъ планѣ, неожиданномъ и странномъ у такого независимаго мыслителя, какъ онъ. Невдалекѣ отъ Равенны, на пути въ Болонью, въ захолустномъ городкѣ Bagnacavallo при женскомъ монастырѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ открытъ былъ интернатъ для воспитанія дѣвицъ изъ „общества", собравшій немало представительницъ мѣстной аристократіи. Считать подобное учрежденіе вполнѣ желательнымъ Байронъ не могъ (обращаясь къ венеціанскому своему другу Гоппнеру, отправлявшемуся тогда въ Швейцарію, онъ просилъ его высмотрѣть тамъ для Аллегры хорошую школу), но лучшаго ничего не представилось, довѣрить воспитаніе сумасбродной матери было невозможно, и онъ разстался съ дѣвочкой, отдавъ ее—монахинямъ. Вѣроятно, тревоги политики помѣшали ему лично отвезти ее въ пансіонъ, и четырехъ-лѣтнюю крошку доставилъ туда какой-то равеннецъ [1]); она скоро стала всеобщей любимицей, удивляла своей мечтательностью, своими радостно-мистическими снами на яву, при первой возможности посылала поклоны и поцѣлуи отцу,—и черезъ годъ скончалась вдали отъ него.

Тереза также была далеко, и Байронъ не видалъ ея нѣсколько мѣсяцевъ. Это не было слѣдствіемъ охлажденія; привязанность все еще была сильна и выражалась въ горячей и оживленной перепискѣ, о которой впослѣдствіи Тереза вспоминала

[1]) Несмотря на трудность собиранія данныхъ при мѣстныхъ условіяхъ (школа давно не существуетъ, ея бумагъ приходится искать въ монастырѣ San Giovanni), грустный эпизодъ объ Аллегрѣ разработанъ теперь провинціальнымъ байронистомъ-любителемъ Emilio Biondi, „La figlia di L. Byron". Firenze, 1890.

съ благоговѣніемъ [1]). Но, по ея же словамъ, какое-то непреодолимое чувство не позволяло ему покинуть Равенну,—„какъ будто ему казалось, что, съ его отъѣздомъ, начнутся для нихъ обоихъ и для людей имъ близкихъ невзгоды и бѣдствія". Репрессаліи, наконецъ, остановились, лично ему ничего не грозило,—и онъ жилъ одинокій въ громадномъ палаццо Гвиччіоли, жилъ полною жизнью, потому что давно не чувствовалъ такого прилива творчества, какъ теперь, когда схлынула волна политики. Вѣрный данному слову, хотя испытывая глубокое сожалѣніе, онъ не притрогивался, правда, къ „Донъ-Жуану", зато послѣдніе мѣсяцы равеннскаго періода—пора появленія „Сарданапала", „Обоихъ Фоскари", „Каина", „Видѣнія Суда", „Неба и Земли"...

Творенія неравной силы, то поднимаясь до крайняго, потрясающаго напряженія лиризма и смѣлой философской мысли, то спускаясь до уровня сценическаго переложенія исторіи или разработки душевныхъ состояній или настроеній, чуждыхъ глубокаго драматизма, то сверкая гнѣвомъ и безпощадной насмѣшкой,—они въ своей совокупности свидѣтельствуютъ о поразительной возбужденности фантазіи (а въ проектѣ намѣчено было еще нѣсколько трагедій, „Франческа да-Римини", „Тиберій"). Библейскія преданія, венеціанская старина, страницы ассирійской исторіи, отголоски англійской современности и борьба съ вождями реакціи,—все возбуждало къ дѣятельности, все оживало, олицетворялось. Для этого приходилось преодолѣвать трудности драматической формы, на время излюбленной Байрономъ, но никогда не подчинившейся ему вполнѣ, вмѣщать сложныя перипетіи и душевные изгибы въ рамки эллинскихъ или альфіеріевскихъ единствъ,—и рядомъ съ подобными опытами находить въ романтической свободѣ *мистеріи* широкіе горизонты для мысли и просторъ для психологической правды. И вслѣдъ затѣмъ драматургъ превращался въ геніальнаго памфлетиста, и его презрительный хохотъ отзывался всюду, гдѣ только оставались честные люди, способные возмущаться и порицать.

„Фоскари" вторично и съ привычнымъ автору искусствомъ

---

[1]) Переписка Терезы съ Байрономъ сохранена была ею послѣ его смерти и перешла къ ея наслѣдникамъ, но не будетъ, повидимому, никогда оглашена. Любопытная ея часть, письма къ поэту во время греческой экспедиціи, была передана, по словамъ одного изъ участниковъ въ ней, итальянца Антоніо Моранди, ему Байрономъ, для возвращенія Терезѣ, въ случаѣ его гибели на войнѣ. Отвѣты свои Тереза, будто бы, писала красными чернилами между строками Байроновскихъ писемъ, и въ такомъ видѣ возвращала ихъ. Моранди, взятый въ плѣнъ австрійцами, утратилъ ящичекъ съ письмами. „Il mio giornale dal 1848 al 1850", Modena, 1867.

набросали тотъ бытовой фонъ, который удался ему въ „Марино Фальеро“; мы снова въ краю свинцовыхъ тюремъ, Пьяццетты, Дворца дожей, площади Санъ-Марко, видимъ борьбу честолюбій, соревнованія, зависти патриціевъ, и поодаль—безправную народную толпу. Но ненависть, свирѣпое, ненасытное мщеніе—плохой драматическій узелъ, и когда изъ венеціанской среды, въ частности изъ олигархіи, выдѣляются сводящіе между собою старые счеты Лоредано и дряхлый дожъ Фоскари, когда изъ акта въ актъ передъ нами раскрываются крупныя и мелкія оскорбленія, которыя нагромождаетъ на старика и его сына жестокій противникъ, встрѣчая лишь слабое сопротивленіе, пока въ послѣдней сценѣ трагедіи, въ виду смерти обоихъ Фоскари, онъ не запишетъ въ памятной своей книгѣ съ ѣдкой ироніей, что „теперь долгъ уплаченъ сполна“,—скудость и односторонность основного трагическаго мотива становятся очевидными. Мрачное прошлое Венеціи, вызванное фантазіею поэта для „Фальеро“, должно быть, слишкомъ неотвязно удручало его, чтобы онъ могъ воздержаться отъ новаго его воспроизведенія; его не остановила простота и несложность сюжета (въ своихъ поясненіяхъ онъ даже указываетъ на нее, какъ на нововведеніе, идущее въ разрѣзъ съ сценической рутиной); сковавъ себя его предѣлами, онъ, несмотря на это, попытался придать особенное развитіе характеристикѣ, изученію игры страстей, въ Лоредано создалъ, дѣйствительно, живое лицо, но историческая картина не превратилась въ драму; онъ и самъ это понялъ, и сочувственная ему критика подтвердила его сомнѣнія.

Иная участь, иное значеніе—у „Сарданапала“. Но искать ихъ нужно не тамъ, гдѣ, съ легкой руки Эльце, довольно значительная группа объяснителей Байрона старается искусственно добывать комментарій къ пьесѣ [1]). По этому толкованію, ассирійская трагедія Байрона—сплошная автобіографія. Въ безпечномъ, легкомысленномъ и безвольномъ царѣ-сластолюбцѣ авторъ вывелъ себя, въ Миррѣ—Терезу Гвиччіоли, въ покинутой Сарданапаломъ женѣ, Заринѣ,—свою жену... Странная близорукость! Даже оставляя въ сторонѣ признаніе самого поэта, что судьба Сарданапала поразила его еще въ дѣтствѣ, когда ему было всего двѣнадцать лѣтъ, и съ той поры дѣйствовала на его фантазію (стало быть, взяться за перо могла побудить не потребность въ исповѣди, а давно назрѣвшая у него фабула), несоотвѣтствіе реальныхъ и

---

[1]) Новѣйшую попытку въ этомъ родѣ представляетъ диссертація: „Ueber Lord Byron's Sardanapal“ von Hermann Nieschlag. Halle, 1900.

драматическихъ лицъ, по истинѣ, бросается въ глаза. Байронъ-карбонаръ, поэтъ политическій и авторъ міровой сатиры „Донъ-Жуанъ", оставившій далеко за собой послѣднюю вспышку чувственности въ Венеціи, двойникъ Манфреда въ титаническомъ протестѣ, вскорѣ—авторъ „Каина", съ его мятежнымъ духомъ независимости, и—увѣнчанный розами, окруженный наложницами, самъ женственный, равнодушный къ народному благу, способный лишь въ минуту опасности выказать и волю, и храбрость, и просвѣтленный только геройскимъ самоубійствомъ ассирійскій царь; гречанка Мирра, полная мужества, самоотверженія, заражающая, временами, Сарданапала своею энергіею,—и воздушная, кокетливая Тереза, которую, конечно, брату-заговорщику и Байрону приходилось вовлекать въ глубину политической борьбы; наконецъ, Зарина, къ которой, по пьесѣ, передъ роковой развязкой повлекло Сарданапала, тронутаго ея нравственной силой, всепрощеніемъ, незлобивостью,—и лэди Байронъ, „моральная Клитемнестра", „математическая Медея", осыпаемая въ перепискѣ съ друзьями всевозможными колкостями и не дававшая ни повода, ни возможности невѣрному супругу вернуться на брачное лоно [1],—что̀ можно найти болѣе разнороднаго, несходнаго!.. Пусть въ иныя минуты Сарданапалу влагаются въ уста рѣчи, въ которыхъ слышится какъ будто душевный анализъ поэта, укоры себѣ въ двойственности, неровности, недостаточной твердости воли,—но такія невольно вторгающіяся въ вымыселъ лирическія черты встрѣчались намъ въ большей или меньшей степени во всѣхъ Байроновскихъ произведеніяхъ, которыя въ остальномъ кореннымъ образомъ расходились съ подобными изліяніями. Можно найти даже въ „Марино Фальеро" рѣчи престарѣлаго дожа, которыя умѣстны были бы въ устахъ Манфреда или самого Байрона (напр., актъ V, сц. 3: „I speak to Time and to Eternity" и пр.).

Для оцѣнки „Сарданапала" не нужно преувеличивать автобіографической роли трагедіи и видѣть въ ней странный асси-

[1]) Не лишенъ интереса отголосокъ семейнаго раздора Байрона, относящійся къ равеннскому періоду. Съ возвращавшимся въ Англію туристомъ, м-ромъ Мауманомъ, Байронъ послалъ Муру, вмѣстѣ съ исправленіями типографскихъ грубыхъ ошибокъ въ первомъ изданіи 3, 4 и 5-й пѣсенъ „Донъ-Жуана", двѣ записныя книги, въ которыхъ, между прочимъ, находилась неоконченная повѣсть (сто страницъ) изъ испанскихъ нравовъ, гдѣ, отъ лица героя, разсказана двуличная интрига его жены, доньи Хозефы, и ея отца, донъ Хозе ди-Кардозо, чтобы разорвать бракъ, пригрозивъ даже инквизиціей. Въ отрывкѣ изъ повѣсти, приведенномъ Муромъ въ его біографіи поэта, легко разгадать подъ испанскими псевдонимами дѣйствующихъ лицъ семейной распри Байрона.

рійскій маскарадъ съ подлинными англійскими и итальянскими дѣйствующими лицами,—сама по себѣ пьеса выдѣляется искуснымъ изученіемъ того, что̀, казалось бы, несовмѣстимо съ драматическимъ *дѣйствіемъ*: нерѣшительности, душевной мягкости, брезгливо чуждающейся борьбы и зла, ищущей самозабвенія и нѣги,—не преступной, не чуждой человѣчнымъ движеніямъ, но для всѣхъ безполезной,—способной разгорѣться и изумить энергіею, но только передъ концомъ. Во всей своей шаткости, приводящей въ негодованіе такія сильныя натуры, какъ Саламенъ, въ нѣжной, чуть не поэтической игривости, столь странной на мрачномъ фонѣ заговоровъ, мятежей и войнъ, и въ геройскомъ разставаньѣ съ жизнью Байроновскій Сарданапалъ—законченная, художественно очерченная личность, съ своей сверстницей Миррой, всецѣло (какъ Анджьолина въ „Фальеро") созданной Байрономъ (въ остальномъ его источникомъ было повѣствованіе Діодора Сицилійскаго), выпукло выдѣляющаяся изъ драматическаго плана, въ которомъ стремленіе отгадать духъ древняго Востока парализуется лишь неотступно преслѣдовавшей Байрона мыслью о классической стройности трагедіи. Оба главныхъ лица съ свободнымъ, можно бы сказать романтическимъ освѣщеніемъ ихъ душевнаго міра, рвутся изъ классическихъ колодокъ на волю, возвращая насъ къ прежнему Байроновскому творчеству.

Алексѣй Веселовскій.

ПО МАНЧЖУРІИ

1900—1901 гг.

Воспоминанія и разсказы.

I.—Отъ Петербурга до Иркутска.

30-го іюня 1900 года, сажусь въ Москвѣ въ вагонъ сибирскаго поѣзда и ѣду въ Хабаровскъ. Я командированъ въ распоряженіе приамурскаго генералъ-губернатора, котораго я зналъ еще по текинской экспедиціи: онъ былъ тогда у насъ начальникомъ штаба. Хотя въ это время въ Пекинѣ уже начались волненія, посольства были осаждены китайцами, но о какихъ-либо военныхъ дѣйствіяхъ въ Манчжуріи еще не было слышно. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть эту сказочную Сибирь, съ ея инородческими племенами, необъятными лѣсами и дебрями,—взглянуть на Байкалъ, Шилку, Амуръ, проѣхаться по манчжурской желѣзной дорогѣ и, ежели возможно, взглянуть и на Тихій океанъ. Однимъ словомъ,—побывать на Дальнемъ Востокѣ.

Главное преимущество сибирскаго поѣзда то, что въ немъ ѣдешь безъ пересадки прямо до Иркутска,—почти шесть тысячъ верстъ.

Съ нами ѣхали одинъ генералъ съ женой и человѣкъ десять офицеровъ, — большинство генеральнаго штаба. Всѣ мы скоро перезнакомились. Этому въ особенности помогалъ табль-д'отъ, къ которому, въ извѣстные часы, мы всѣ собирались.

„День да ночь—сутки прочь",—говоритъ пословица. А тутъ, въ поѣздѣ, она въ особенности подходитъ. За сутки проѣзжаешь

громадное разстояніе. Уже тянутся самарскія степи... Вотъ Уфа, а вотъ и Уралъ.

Утро. Солнце еще только выглянуло изъ-за горъ. Вхожу въ вагонъ-ресторанъ. Въ немъ нѣтъ никого. Еще всѣ спятъ. Одинъ сонный служитель обходитъ столы и обтираетъ ихъ сальной тряпкой. Сажусь къ окну и любуюсь. Что за красивыя окрестности Златоуста! Чистая Швейцарія. То скалы, то лѣса, то вдругъ, гдѣ-то далеко внизу, точно въ партерѣ, брызнетъ изумрудная лужайка, а посреди нея блеснетъ озерко.

Наконецъ, показался и самый Златоустъ, раскинувшійся по горамъ, съ его заводами и церквами. На станціи, въ маленькихъ будочкахъ продаются произведенія златоустовскихъ мастеровъ: столовые ножи, вилки и разныя другія мелочи. Мой сосѣдъ по вагону, почтенный господинъ, сѣдой, въ сѣренькой визиткѣ и соломенной шляпѣ,—съ какимъ азартомъ онъ покупаетъ множество разныхъ бездѣлушекъ,—чугунныхъ коробочекъ, статуэтокъ, ножей и т. п.!

Черезъ нѣсколько часовъ мы—въ Челябинскѣ. Здѣсь опять подымается бѣготня моего почтеннаго сосѣда, съ полными руками разныхъ каменныхъ вазочекъ, яичекъ, чернильницъ и песочницъ,—произведенія Екатеринбурга. Въ особенности много встрѣчается тутъ вещей изъ камня, подъ названіемъ „горный ленъ“. Проѣхали и Челябинскъ. Окрестности мѣняются. Началась безконечная Барабашская степь. Она протянулась на сотни верстъ. Здѣсь уже при постройкѣ дороги не пришлось рвать скалъ динамитомъ, какъ подъ Златоустомъ. Не надо было тратить сотни тысячъ рублей на версту. А прямо клади шпалы, да и пошелъ. Удивительная равнина! Кончилась степь, пошли лѣса. Тайга и тайга. Не знаю, какъ внутри ея, а что видно съ дороги, то—не привлекательно. Раньше мнѣ представлялось, что въ сибирскихъ тайгахъ вѣковые лѣса. А тутъ, на дѣлѣ, видишь все какой-то мелкій ельникъ, въ перемежку съ осиной. Но попадаются и чудныя рощи, въ особенности лиственныя.

Не помню, отъ какой станціи потянуло дымомъ. То горѣли лѣса. Горѣли необъятныя пространства. Мѣстами стоялъ такой дымъ, что, казалось, и не проѣхать. По дорогѣ виднѣлись пеньки да головешки. Одинокіе же гиганты-лиственницы, уцѣлѣвшія отъ пожара, покачивали въ вышинѣ своими маковками и точно жаловались на одиночество.

А поѣздъ все несется и несется, пропуская маленькія станціи и останавливаясь лишь на большихъ. Около станцій устроены деревянные дощатые столы. Здѣсь хохлушки-переселенки прода-

ютъ молоко, жареную рыбу, говядину, хлѣбъ и другіе продукты.

Въ поѣздѣ идутъ разговоры о событіяхъ въ Китаѣ. Дѣлаются разныя предположенія: что̀, ка̀къ и почему. Никто ничего положительнаго не знаетъ. Газеты становятся все болѣе запоздалыми. Мы повсюду нагоняемъ почту. На одной станціи разнесся у насъ тревожный слухъ, что будто китайцы взяли Благовѣщенскъ. Извѣстію этому мало кто повѣрилъ. Но нѣкоторые пассажиры, въ особенности семейные, пріуныли. Но вотъ, наконецъ, и газета.

— Нѣтъ! Какова дерзость: днемъ напасть на Благовѣщенскъ! Вѣдь тамъ, какъ ни говорите, тридцать тысячъ жителей! — горячо разсуждалъ одинъ капитанъ генеральнаго штаба, сидя въ столовой. Въ рукахъ у него—печатная животрепещущая новость.

— Какъ? Что̀? Прочтите! Какъ случилось? — слышатся вопросы. Капитанъ громко читаетъ о томъ, какъ изъ мѣстечка Сахаляне китайцы открыли огонь по Благовѣщенску. Комментаріямъ и разсужденіямъ нѣтъ конца. Пронесся даже слухъ, что и самый Иркутскъ въ опасности. Этому послѣднему извѣстію, конечно, никто не повѣрилъ. Но все-таки споровъ было не мало.

Часовъ девять вечера. Въ столовой свѣтло. Кто читаетъ газеты, кто чай пьетъ. На трехъ столахъ играютъ въ винтъ. Подсаживаюсь къ одному столику и смотрю на играющихъ. Отъ времени до времени заглядываю и въ окна. Лѣсныя дебри, непроходимыя тайги, въ полумракѣ ночи, проносятся мимо моихъ глазъ, точно по волшебству. И невольно думается мнѣ: „Давно ли по этимъ мѣстамъ только волки да лисицы бѣгали! Медвѣдь забирался въ берлогу. Чуткая рысь подкарауливала съ дерева свою жертву. Кабаниха съ поросятками, пріютившись подъ дубомъ, хрюкая, разыскивала желудей. А теперь поѣздъ мчится-себѣ, посвистывая по временамъ“.

Часъ ночи. Винтъ брошенъ. Перешли на штосъ. Тутъ скорѣе къ дѣлу. Нѣкоторые, болѣе благоразумные, ушли спать. Полный, осанистый пѣхотный штабсъ-капитанъ, со старымъ шрамомъ на лицѣ, разстегнувши китель, мечетъ банкъ. Басистымъ голосомъ дѣлаетъ онъ партнерамъ замѣчанія и задаетъ вопросы. Вотъ ему срѣзали колоду. Онъ круто повертываетъ ее и раздвигаетъ первыя двѣ карты. Молоденькій подпоручикъ, съ курчавыми, черными, какъ смоль, волосами, схватывается за голову и въ отчаяніи вскакиваетъ со стула.

— Пятую карту подъ-рядъ бьетъ, „въ сонники“! — восклицаетъ онъ, жалостливо посматривая по сторонамъ. Достаетъ бу-

мажникъ, вынимаетъ сторублевку и, судорожно скомкавъ, суетъ подъ карту.

— Какъ же, поручикъ, вы такъ азартно играете? Можете окончательно проиграться. Какъ же вы доѣдете до мѣста вашего служенія?—спрашиваю его.

— Мнѣ, полковникъ, въ Срѣтенскѣ еще надо будетъ пятьсотъ-сорокъ рублей прогоновъ получить. Это ничего! Доѣду!—лепечетъ онъ. Пассажиры расходятся. Въ поѣздѣ тишина.

II.—Отъ Иркутска до Срѣтенска.

Иркутскъ—городъ просторный. Улицы широкія. Есть красивыя каменныя постройки. Раскинулся онъ по правому берегу рѣки Ангары. Теченіе въ ней страшно быстрое и вода прехолодная. Купаться, говорятъ, очень пріятно. Вокзалъ—на противоположномъ берегу. Въ полночь я одинъ изъ всей нашей компаніи выѣхалъ дальше. Утромъ гляжу—поѣздъ медленно двигался по лѣвому извилистому берегу Ангары. Путь настолько узокъ, что изъ окна казалось—ѣдемъ водой. Чѣмъ дальше подаемся, тѣмъ горы становятся выше и, наконецъ, изъ-за одного утеса показался и Байкалъ. Боже, какая прелесть! Озеро, шириною верстъ шестьдесятъ, спокойно какъ зеркало. Вся ширь его видна, благодаря высокимъ берегамъ. Въ длину же даль терялась въ голубоватой дымкѣ. Знаменитаго ледокола „Байкала“ не было... Онъ, по обыкновенію, чинился и стоялъ гдѣ-то въ сторонѣ. Пассажировъ перевозили пароходы купца Нѣмчинова. Этотъ почтенный хозяинъ, пользуясь случаемъ, дралъ немилосердно. За пудъ багажа платили пятьдесятъ копѣекъ. И это за какихъ-нибудь шестьдесятъ верстъ. Сооруженія для ледокола — дамбы, пристани и т. п.—по истинѣ грандіозны. Такой страшной толщины бревна я и не видалъ. Скрѣплены они массивными болтами и, казалось, сработаны на вѣкъ. Дамба далеко вдается въ озеро. Здѣсь можно спокойно прогуливаться. Видъ восхитительный. Воздухъ такъ чистъ, что не надышешься. Вотъ гдѣ пріятно постоять и полюбоваться на окрестности! Отвѣсныя скалы поражаютъ своею неприступностью. Внизу нѣтъ ни малѣйшаго бережка. Глубина должна быть страшная. И вотъ здѣсь-то, какъ слышно, пройдетъ круго-байкальская желѣзная дорога. Подвигъ будетъ великій!

Иду на пристань. На ней широкимъ кругомъ стоятъ часовые съ ружьями. Среди нихъ пріютились на полу, вмѣстѣ со

своимъ скарбомъ, ссыльно-каторжные. Тутъ и женщины, и дѣти. Вонъ черный бородатый мужчина въ грубой сѣрой курткѣ и такой же шапкѣ, звеня кандалами, подходитъ къ блѣдной молодой бабѣ. На колѣняхъ у той лежитъ ребенокъ. Бородачъ, молча, беретъ его на руки, милуетъ, обнимаетъ и снова кладетъ на прежнее мѣсто. Часовые не препятствуютъ ему. Вообще, сколько я ни наблюдалъ, солдаты очень снисходительно обращались съ арестантами, и я ни разу не слыхалъ никакой ругани.

Черезъ Байкалъ мы ѣхали часа четыре. Отсюда до Срѣтенска остается еще слишкомъ тысяча верстъ. Кругомъ все лѣса и лѣса. Но хорошихъ не видно. Пожары и здѣсь бываютъ нерѣдко. Не доѣзжая станціи Китайскій-Разъѣздъ, вдругъ останавливаемся.—Что̀ такое?—Кондуктора̀ забѣгали. Оказывается, съ откоса сползла на рельсы громадная глыба земли. Всѣ пассажиры выходятъ изъ вагоновъ. Подъ жаркимъ, палящимъ солнцемъ работало человѣкъ двѣсти китайцевъ въ однихъ синихъ шароварахъ. Ихъ голыя, темнокоричневыя спины рѣзко бросались въ глаза. Косы у всѣхъ длинныя, черныя. У нѣкоторыхъ онѣ были замотаны вокругъ головы. Солдаты, ѣхавшіе съ нами въ поѣздѣ, подходятъ къ нимъ, разговариваютъ и шутятъ. Одинъ беретъ у китайца лопату и показываетъ, какъ надо работать. Тотъ отъ души хохочетъ во весь свой необъятный ротъ и скалитъ бѣлые зубы.

Трогаемся дальше. Солдаты все еще не оставляютъ китайцевъ въ покоѣ, и дѣлаютъ имъ разные знаки руками. Тѣ, въ свою очередь, продолжаютъ хохотать и машутъ лопатами.

III. — Отъ Срѣтенска до Покровки.

Я никакъ не ожидалъ, что Срѣтенскъ — станица, а не городъ. Онъ лучше многихъ россійскихъ уѣздныхъ городовъ. Здѣсь можно найти все, что̀ пожелаешь, уже не говоря о шолковыхъ китайскихъ товарахъ.

15-е іюля, день св. Владиміра. Жара сильная. Переѣзжаю на паромѣ Шилку и пѣшкомъ направляюсь къ пристани. Въ конторѣ мнѣ заявили, что пароходъ долженъ отойти въ Благовѣщенскъ завтра, т.-е. 16-го іюля, но что изъ Благовѣщенска—неизвѣстно, когда можно будетъ уѣхать въ Хабаровскъ, такъ какъ сообщенія свободнаго нѣтъ. Изъ Айгуна, что недалеко отъ Благовѣщенска, китайцы стрѣляютъ по нашимъ пароходамъ.

Кругомъ пристани сильное оживленіе. Вездѣ виднѣлись войска,

войсковые грузы, новобранцы въ своихъ еще домашнихъ костюмахъ, орудія, зарядные ящики и т. п. Все это подвозилось, выгружалось и снова нагружалось. Къ этому надо прибавить сотни семей переселенцевъ. Одни изъ нихъ ѣхали въ Сибирь, другіе возвращались назадъ, третьи проживали въ Срѣтенскѣ и не знали, куда имъ двигаться—впередъ или назадъ. Однимъ словомъ, хаосъ царилъ изрядный. Я прошелся по городу, купилъ кое-что на дорогу, и вернулся на пароходъ. Кромѣ меня, ѣхало еще человѣкъ пятнадцать офицеровъ, все въ разныя мѣста: кому надо въ Хабаровскъ, кому — въ Никольскъ-Уссурійскій, третьему—во Владивостокъ, четвертому—въ Портъ-Артуръ и т. д. Къ нѣкоторымъ пріѣхали проводить ихъ супруги. Проходитъ первый день, наступаетъ второй, а объ отходѣ парохода что-то не слышно. На пристань все подвозятъ почту, которую мы должны везти. Уже почтовые чемоданы, запертые цѣпями и запечатанные, завалили большую часть пристани. Часовые зорко слѣдятъ, чтобы никто близко не подходилъ къ нимъ. Какъ слышно, въ чемоданахъ находилось на нѣсколько милліоновъ кредитныхъ билетовъ, направляемыхъ казною въ Хабаровскъ. Что же, однако, мы не ѣдемъ? Иду узнавать. Оказывается, почтовое начальство не рѣшается отпустить такую дорогую почту безъ воинской охраны, и требуетъ отъ завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ хотя бы полсотни солдатъ. Тотъ не даетъ, и вотъ мы стоимъ и стоимъ. Офицеры усѣлись играть въ карты. Они выбрали себѣ отличный уголокъ въ верхней каютѣ, гдѣ вѣтеръ пріятно продувалъ и умѣрялъ несносную жару. Смотрю — и барыни тоже присоединяются къ нимъ. Веселье у нихъ тутъ начинается великое. Пароходные агенты, офицеры, инженеры разныхъ вѣдомствъ—точно прильнули къ столу. Золото такъ и переходитъ изъ рукъ въ руки. Я долго наблюдалъ за играющими. Наконецъ, иду спать. Утромъ поднимаюсь наверхъ, смотрю,—игра все еще продолжается, но только участвовавшихъ всего человѣкъ пять: двѣ барыни, одинъ агентъ пароходства, мой пріятель поручикъ К., высокій брюнетъ въ очкахъ и еще одинъ офицеръ. Поручикъ К. порядочно продулся, а потому былъ не въ духѣ. Барыни тоже проигрались. Выигралъ одинъ агентъ, почему и угощалъ всѣхъ шампанскимъ.

Рѣка Шилка поражаетъ своими грозными скалистыми берегами. Когда ѣдешь по ней, то невольно думаешь про себя:—ну, не дай Богъ, какое несчастіе случится,—тутъ и на берегъ не вылѣзешь. Пропадешь какъ курица. Однообразіе береговъ удивительное. Вонъ, за городомъ, знакомая мнѣ скала. Къ

ней я подъѣзжалъ вчера на казенномъ пароходѣ, смотрѣть, какъ ее будутъ рвать динамитомъ для прокладки „вьючной тропы". Только-что было получено приказаніе изъ Петербурга, во что бы то ни стало провести тропу по берегу отъ Срѣтенска до Покровки. Приказаніе это было вызвано тѣмъ грустнымъ обстоятельствомъ, что Шилка лѣтомъ сильно мелѣетъ. Грунтовыхъ же дорогъ нѣтъ, — такимъ образомъ, всякое дальнѣйшее сообщеніе прерывается. И вотъ, наканунѣ нашего отъѣзда, генералъ Нидермиллеръ, командированный сюда для наблюденія за отправкой войскъ, ѣздилъ смотрѣть, какъ будутъ рвать скалу, причемъ и меня взялъ съ собою. Съ каждымъ взрывомъ, глыбы камня летѣли въ воду и производили особенно непріятное впечатлѣніе на капитана парохода.

— Вотъ,—ворчалъ онъ,—и безъ того едва проходишь, а тутъ еще камней навалятъ на дно, такъ и совсѣмъ проходу не будетъ!—И дѣйствительно, берега были совершенно отвѣсны и осколки камней немилосердно заваливали фарватеръ. А процедура взрыванія скалъ была чрезвычайно эффектна и интересна.

Пароходикъ нашъ—хотя и маленькій, но очень уютный. Мы размѣстились довольно удобно. Двѣ каютки отдали барынямъ. Съ нами ѣхала одна американка, молодая особа, блондинка, очень веселая и разговорчивая. Она направлялась въ Шанхай, разыскивать своего мужа.

Полдень. Жара сильная. Было мелководье, а потому пароходъ двигался осторожно. Я стою на палубѣ и любуюсь на окрестности. Точно какія гигантскія стѣны, мелькаютъ мимо меня утесистые берега. Вершины ихъ покрыты мелкимъ лѣсомъ. Изгибы рѣки мѣстами такъ круты, что кажется—ѣдешь озеромъ. Поверхность воды гладкая, зеркальная. Кое-гдѣ бѣлая, какъ снѣгъ, пѣна показывала, что тутъ должны быть подводные камни, о которые вода, ударяясь, сильно бурлила.

— Пя-я-ять! пя-я-ять!—монотонно выкрикиваетъ матросъ на носу парохода, кидая шестикъ, раскрашенный черной и бѣлой краской, съ раздѣленіями на футы,—„футъ-штокъ". Капитанъ нашъ, маленькій, коренастый, съ бритымъ лицомъ, еще молодой человѣкъ, стоитъ на балкончикѣ, смотритъ и чутко прислушивается. Проходимъ перекатъ. Теченіе въ этомъ мѣстѣ страшно бойкое, и только чуть упусти минуту,—живо попадешь на камень.

— Четыре съ половиной! Четыре съ половиной!—продолжаетъ выкрикивать матросъ, и посматриваетъ на верхъ въ сторону командира.

— Четыре! Четыре!—доносится его голосъ.

— Самый малый!—командуетъ капитанъ въ рупоръ къ машинисту. Два рулевыхъ усиленно вертятъ колесо. Мы круто заворачиваемъ и наконецъ съ трудомъ проходимъ опасное мѣсто. Становится легче на сердцѣ. Иду по палубѣ къ самому носу парохода. Здѣсь внизу, между пассажирскими чемоданами и сундуками, пріютились наши спутники, полковникъ генеральнаго штаба N., маленькаго роста, широкоплечій, усатый, угрюмый какъ шилкинскій берегъ. Рядомъ съ нимъ расположилась довольно удобно американка. Она подложила подъ голову мягкій баулъ, ноги уперла въ сакъ-воякъ и усиленно помахивала тетрадкой, дабы освѣжить лицо.

— Ай-го! Ту-го!—слышу знакомый голосъ полковника. Это американка учитъ его англійскому языку. Такъ! Такъ! Вотъ они не теряютъ времени! Американка что-то смѣется, поправляетъ его произношеніе и продолжаетъ помахивать тетрадкой какъ вѣеромъ.

А скалистые берега—все такіе же угрюмые. Вода на перекатахъ все такъ же пѣнится и бурлитъ. Подъ вечеръ съ берега потянуло гарью. Даже всю даль затянуло дымомъ. Это опять лѣсные пожары, безконечные, на сотни верстъ. Гдѣ они начались и гдѣ кончатся—одинъ Богъ знаетъ.

Съ небольшимъ черезъ сутки мы благополучно добрались до Покровки, небольшой деревни. Здѣсь уже начинался Амуръ,—отъ сліянія Шилки и Аргуня. Отсюда пароходы идутъ значительно бо̀льшаго типа. Мы въ тотъ же день поѣхали дальше, къ Благовѣщенску.

IV.—Отъ Покровки до Благовѣщенска.

Амуръ мѣстами такъ развѣтвляется, что трудно опредѣлить, гдѣ же наконецъ его настоящіе берега.

— Что̀, вонъ тамъ—Амуръ, или это рукавъ? — спрашиваю старика-лоцмана. Тотъ смирно сидитъ на лавочкѣ у колеса, и только отъ времени до времени мановеніемъ руки указываетъ рулевому, куда править.

— Протока!—бурчитъ онъ, и опять углубляется въ свое занятіе. „Протокъ“ этихъ безконечное количество. Амуръ покрытъ островками, самыми разнообразными, самыми причудливыми. Но что̀ въ особенности удивительно въ Амурѣ,—это различіе береговъ. Нашъ берегъ, лѣвый, за малымъ исключеніемъ, необитаемъ и неприступенъ. Рѣдко гдѣ увидишь станицу или селеніе какое, а вокругъ него—тощіе покосы и поля.

Полную противоположность представляетъ правый, китайскій берегъ, хотя и онъ мѣстами тоже дикъ и скалистъ. Тутъ видишь богатѣйшіе покосы. И повидимому никто не убираетъ ихъ. Незамѣтно нигдѣ ни стоговъ, ни копенъ сѣна. Положимъ, это лѣто было тревожное, съ китайцами шла война. Но вѣдь ежели бы покосы эти убирались, то виднѣлись бы гдѣ-нибудь старыя изгороди, остожья, навѣсы для сѣна. Ничего подобнаго. Пустыня и пустыня. Только разъ какъ-то мы замѣтили съ парохода одного китайца. Онъ быстро шагалъ по берегу,—то пропадалъ въ высокой травѣ, то опять показывался. Появленіе его такъ было неожиданно и представляло такую рѣдкость, что всѣ пассажиры долго наблюдали за нимъ, пока онъ не исчезъ совершенно.

Не помню, отъ какого именно мѣста мы стали обгонять пароходы съ дессантами войскъ. Пароходы эти были двухъ-палубные, американскаго типа, заднеколесники, т.-е. у нихъ работало только одно колесо, помѣщающееся позади кормы.

Что это за пароходы? Куда стремятся они? Кто тутъ главный начальникъ надъ ними? Вотъ вопросы, которые мы задавали другъ другу. Наконецъ, на одной остановкѣ, при нагрузкѣ дровъ, узнаемъ, что это—отрядъ генерала Ренненкампфа. Ему было поручено очистить правый берегъ отъ непріятеля и затѣмъ спѣшить присоединиться къ отряду Грибскаго и вмѣстѣ брать Айгунъ, въ которомъ все еще сидѣли китайцы и не пропускали наши пароходы. Мы выходимъ изъ-за одного мыса на открытое плёсо. Чудное зрѣлище представляется моимъ глазамъ. Амуръ страшно широкъ. Синева его блестѣла далеко, далеко. И вотъ по этой-то синевѣ вереницей протянулись пароходъ за пароходомъ, всѣ крашенные бѣлой краской, оставляя за собой на небѣ черныя полосы дыму. Не только что въ бинокль, но и простымъ глазомъ можно было различить, что пароходы эти всѣ съ войсками. Солдаты—въ бѣлыхъ фуражкахъ и такихъ же рубахахъ. Начинаю считать, сколько же всѣхъ пароходовъ. Насчиталъ двѣнадцать. Ежели на каждомъ по четыреста солдатъ, то и тогда выйдетъ всего около пяти тысячъ человѣкъ.

Но вотъ съ одного парохода подается сигналъ. Вся флотилія круто поворачивается противъ теченія, и мы пристаемъ къ китайскому берегу. Я говорю: „мы“, потому что нашъ пароходъ, въ виду безопасности, долженъ былъ идти сзади военныхъ судовъ. Останавливаемся какъ разъ подъ высокой скалой, на вершинѣ которой наши казаки уже умудрились водрузить небольшой крестъ. Когда мы пристали, то Ренненкампфа съ отрядомъ уже

не было. Онъ ушелъ искать непріятеля. Схожу на берегъ. Господи, какая трава! Я такъ и утонулъ въ ней. И какъ она пахуча, просто удивительно!

Мы не стали дожидаться возвращенія отряда Ренненкампфа, сѣли на пароходъ и отправились дальше. Еще далеко не доѣзжая Благовѣщенска, замѣтили мы громадное зарево. То пылало китайское мѣстечко Сахаляне, расположенное какъ разъ противъ Благовѣщенска. Во время стрѣльбы изъ него китайцевъ, мѣстечко это было совершенно разрушено нами и сожжено.

Непріятно пріѣзжать ночью въ незнакомый городъ. Куда дѣться? Въ какую гостинницу ѣхать? Такой вопросъ задавалъ себѣ каждый изъ насъ. Но напрасно мы и безпокоились немедленно высаживаться.

V.—Благовѣщенскъ.

Только-что нашъ пароходъ сталъ у пристани, какъ цѣлый батальонъ солдатъ перебирается къ намъ по сходнямъ, и мы веземъ ихъ къ мѣстечку Сахаляне. Тамъ уже выстроивался отрядъ генерала Ренненкампфа. Въ полутемнотѣ, освѣщенные яркимъ отблескомъ пожара, виднѣлись группы солдатъ и офицеровъ. Озабоченные стояли они, не зная, куда ихъ поведутъ и чѣмъ кончится эта экспедиція. О китайскихъ войскахъ ходили самые разнорѣчивые слухи. То говорили, что они совершенные трусы и не выдерживаютъ малѣйшаго натиска нашихъ. Другіе же говорили наоборотъ, что китайцы очень стойки, и что когда пришлось одному казаку рубить съ коня китайца, то тотъ упалъ на землю, чтобы казаку не достать его шашкой, и, лежа на спинѣ, застрѣлилъ его, и т. п.

Утро. Мы всѣ отправляемся искать въ гостинницѣ свободныхъ номеровъ. Мнѣ посчастливилось найти прекрасный номеръ, очень близко отъ пристани, куда я немедленно и перебрался. Номеръ стоилъ пять рублей въ сутки. Въ то время только и разговору было въ городѣ, что о потопленіи китайцевъ, жителей Благовѣщенска, въ Амурѣ. Хотя уже прошло съ тѣхъ поръ около трехъ недѣль, но объ этомъ говорили такъ горячо, точно это случилось вчера.

Вотъ сижу я въ общей столовой и завтракаю. Вижу, подъѣзжаютъ къ нашему подъѣзду дрожки парой съ отлетомъ. Выходитъ офицеръ въ полицейской формѣ.

„Вотъ съ кѣмъ бы интересно переговорить объ этой катастрофѣ!—думаю про себя.—Хорошо бы познакомиться съ нимъ“!

Подхожу къ нему и представляюсь. Здороваемся. Я увожу его къ себѣ въ номеръ, и мы бесѣдуемъ.

— Скажите, пожалуйста, кто же велѣлъ ихъ топить?—допытываюсь я.

— Да топить никто не приказывалъ,—спокойно отвѣчалъ мой собесѣдникъ, опоражнивая стаканъ лимонада.—Отъ предсѣдателя войскового правленія было получено приказаніе собрать всѣхъ китайцевъ и гнать ихъ по берегу къ Верхне-Благовѣщенску, гдѣ Амуръ поуже, и тамъ переправить въ лодкахъ на другой берегъ. Я приказалъ это выполнить приставу. Тотъ взялъ шестьдесятъ казаковъ. Согнать-то китайцевъ согналъ, а лодокъ-то никакихъ тамъ и не оказалось. Ну, ихъ прямо въ воду и стали гнать, потому что на всѣхъ паника напала.

— Сколько же, вы думаете, всѣхъ потонуло?

— Да много будетъ, потому что въ три очереди сгоняли,—объяснялъ мой новый знакомый. Вотъ все, что̀ я могъ узнать отъ него. Въ тотъ же день вечеромъ отправился я на пароходную пристань, справиться, когда пойдетъ первый пароходъ къ Хабаровску. Здѣсь, сидя на скамеечкѣ, разговорился я съ кассиромъ, очень милымъ и почтеннымъ старикомъ.

— Вотъ видите этотъ большой каменный домъ, что противъ нашей пристани,—объясняетъ онъ и указываетъ рукой. —Весь первый этажъ занималъ китайскій магазинъ. Хозяинъ его, толстый старикъ, лѣтъ тридцать торговалъ въ немъ. Онъ былъ очень богатый милліонщикъ, добрый такой, и много долговъ за нашими русскими ежегодно прощалъ. Мы съ нимъ по-сусѣдски пріятели были. Такъ вотъ, когда это ихъ стали выгонять изъ домовъ, и его выгнали. Ну, онъ, какъ такой именитый, не привыкъ, чтобы его толкали. Его всѣ уважали въ городѣ. Очень ужъ онъ большіе обороты денежные дѣлалъ. Ну, да и жара въ тотъ день сильная была. Нейдетъ мой китаецъ, запыхался. Какъ увидалъ меня, бросился обнимать, за колѣна схватилъ. „Иванъ! Иванъ!—кричитъ:—спаси меня!—Выхватилъ бумажникъ.—Вотъ,—говоритъ,—тутъ сорокъ тысячъ, возьми ихъ себѣ, только спаси меня“. Ну, а я и говорю ему: „Я человѣкъ маленькій, что̀ же могу сдѣлать?“—А тутъ казакъ хвать его плетью по спинѣ! и погналъ впередъ. Такъ я больше и не видалъ его.

Конторщикъ все это разсказывалъ такимъ откровеннымъ тономъ и такъ душевно, что у меня и тѣни не было сомнѣваться въ его словахъ. Мнѣ разомъ представился этотъ толстый, раскраснѣвшійся на жарѣ, потный китаецъ, въ шолковомъ синемъ халатѣ, котораго въ общей толпѣ казаки подгоняли плетьми.

Конечно, безобразіе великое, — погубить мирное населеніе въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вѣдь это только говорятъ, что три тысячи. Другіе увѣряли меня, что погибло чуть ли не десять тысячъ. Добьются ли когда истины, — Богъ знаетъ. Опять-таки, надо войти и въ положеніе нашихъ. Половину населенія города составляли китайцы. И вдругъ съ противоположнаго берега начинаютъ стрѣлять. И кто же стрѣляетъ? Ихъ же собраты, единовѣрцы. Поднимается противъ нихъ понятное озлобленіе. Весь городъ увѣренъ, что между тѣми и другими китайцами стачка, уговоръ перерѣзать русскихъ. Войскъ же между тѣмъ почти никакихъ не было, кромѣ одного резервнаго баталіона. Оружія тоже нѣтъ. И вотъ, когда началась стрѣльба, то всѣ русскіе, понятно, бросились къ начальству за оружіемъ и въ то же время начали умолять выселить китайцевъ на тотъ берегъ. А когда ихъ согнали къ берегу и перевозочныхъ средствъ не оказалось, то очень естественно, что произошла именно та катастрофа, которая и должна была произойти.

Благовѣщенскъ производитъ прекрасное впечатлѣніе своей набережной, бульваромъ и широкими, прямыми улицами. Нѣкоторыя постройки есть такія, что хоть на Невскій проспектъ переноси.

22-го іюля, около полудня, стою на набережной и вижу, какъ со всего города стекается народъ къ пристани. „Что такое?“—спрашиваю одного жителя. „Айгунъ взятъ!“—весело восклицаетъ онъ.—„Пароходъ изъ Айгуна идетъ“! И дѣйствительно, среди широкой синеватой полосы Амура дымился пароходъ. Палуба его пестрѣла китайскими разноцвѣтными флагами. Народъ плотнѣе стискивался къ пристани. Полиція съ трудомъ отгоняетъ его. Наконецъ приваливаетъ пароходъ, и я вижу—на палубѣ стоятъ нѣсколько тяжелыхъ старинныхъ китайскихъ пушекъ, только-что взятыхъ нами, а также нѣсколько десятковъ разныхъ старыхъ ружей. Кромѣ того, развѣвалось множество флаговъ, значковъ и знаменъ. При яркомъ солнцѣ, съ вершины крутого берега, вся эта картина была очень красива. Радость населенія была великая.

VI.—Отъ Благовѣщенска до Хабаровска.

24-го іюля вся наша компанія снова помѣщается на пароходъ, и мы двигаемся дальше. Нашъ берегъ все такой же бѣдный, безпріютный,—китайскій же утопалъ въ зелени. Казалось, сѣна тутъ можно поставить безконечное количество. Одна бѣда—

рукъ нѣтъ. Нигдѣ не видно ни единой китайской фанзы. Лишь изрѣдка мелькали сожженные сторожевые пикеты. Роскошные тѣнистые дубы, черная береза, бархатное дерево, раскидистые орѣхъ, ясень, кленъ, остроконечный, высокій кедръ чернѣли то по одиночкѣ, то рощами и дополняли эту чудную картину...

Вотъ уже скоро мѣсяцъ, что я выѣхалъ изъ Петербурга, а китайцевъ, кромѣ рабочихъ, еще не видалъ.

Раннее утро. Выхожу на палубу. Солнце еще только начинало брызгать на горизонтѣ своими ослѣпительными лучами. На пароходѣ всѣ спятъ. Лишь одинъ командиръ парохода, высокій, худощавый, съ рыжими усами, прогуливался по рубкѣ, въ своей черной, флотской тужуркѣ, заложивъ руки за спину. Здороваюсь съ нимъ. Пароходъ быстро скользитъ по зеркальной поверхности, взбивая за собою волны. Минуемъ богатую китайскую деревню. Она—на самомъ берегу. Съ вершины палубы ясно видны зажиточныя сѣрыя фанзы, красивыя кумирни, сараи. Множество хлѣбныхъ скирдъ, соломы, запасы дровъ, лѣсу и разныхъ разностей. Деревня, очевидно, только-что покинута жителями, и множество домашней скотины, лошадей, коровъ, телятъ, овецъ, свиней, паслось по деревнѣ и ея окрестностямъ. На берегу водружены десятка два разнаго цвѣта значковъ и флаговъ, на высокихъ древкахъ. Всѣ съ какими-то надписями. Что̀ они обозначали—неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что жители хотѣли выразить этимъ, чтобы русскіе пощадили ихъ деревню и не уничтожали бы ее. И дѣйствительно, къ чему могла бы послужить такая жестокость? Жителей нѣтъ,—они бѣжали, оставивъ свои жилища и все имущество на произволъ русскихъ. Ну, ежели необходимо, возьми, что̀ надо для прокормленія войскъ, но пощади стѣны и остальное, что̀ находится въ нихъ.

— А что̀, капитанъ! Не взять ли намъ нѣсколько значковъ? Вонъ тѣ, красные съ бѣлымъ! Очень красивы!—кричу я.—Тотъ соглашается. Останавливаетъ пароходъ и спускаетъ лодку. Четыре матроса живо садятся въ весла и пристаютъ къ берегу. Минутъ черезъ десять они уже возвращались съ трофеями. Признаться сказать, когда матросы схватили значки, то я сильно опасался, какъ бы изъ деревни не раздался залпъ изъ ружей. Но все обошлось благополучно. Такъ, черезъ часъ, небольше, останавливаемся у нашего берега, около одной станицы, грузить дрова. Ко мнѣ подходитъ, въ мундирѣ, съ желтымъ воротникомъ, при шашкѣ, красавецъ, рослый, станичный атаманъ, съ окладистой русой бородой.

— Ваше высокоблагородіе! Дозвольте казачкамъ въ Никанку [1]) съѣздить, — попользоваться! — жалостливо умоляетъ онъ.—Что̀ толку жечь,—ни себѣ, ни людямъ. А наши гораздо поправились бы. Годъ ноньче такой тяжелый вышелъ. Всѣхъ на войну позабрали, и хлѣбъ убирать некому. Однѣ бабы да дѣти малыя дома остались.

— Я тутъ не начальникъ!—говорю ему.—А вы вотъ лучше поѣзжайте на встрѣчу генералу Р., который слѣдуетъ за нами съ отрядомъ, да и просите его. Онъ тутъ можетъ дѣлать, что̀ хочетъ.

Впослѣдствіи слова атамана оказались совершенно справедливыми. Не успѣлъ отрядъ высадиться на берегъ, какъ уже Никанка запылала со всѣхъ сторонъ, а съ ней вмѣстѣ погорѣли и всѣ запасы. И къ чему было это дѣлать! Такъ оно и вышло,—что ни себѣ, ни людямъ...

Мы шибко подаемся впередъ. По теченію нашъ пароходъ бѣжитъ верстъ двадцать-пять въ часъ. Я забылъ сказать, что какъ на Шилкѣ, такъ и на Амурѣ, поставлены на извѣстныхъ мѣстахъ по берегу сигнальные фонари. По этимъ-то фонарямъ лоцмана и направляютъ пароходы.

Амуръ красивъ и величественъ. Плёсо протянулось верстъ, пожалуй, на десять. Солнце золотитъ его спокойную синеву, отражается и играетъ лучами. Американка, въ бѣломъ платьѣ, въ соломенной шляпѣ, обмотанной бѣлой вуалью, а за ней офицеры, весело расхаживаютъ гурьбой по палубѣ, шутятъ, смѣются и разговариваютъ. Я сижу на скамейкѣ у лоцманской рубки и любуюсь окрестностями. Но что̀ это впереди? чернѣютъ въ водѣ какіе-то предметы. Ближе, ближе. Число ихъ все увеличивается, да и сами они становятся замѣтнѣе.

— Китаецъ!—говоритъ мнѣ въ полголоса старикъ-лоцманъ, такимъ невозмутимымъ тономъ, точно рѣчь шла о какой-либо корягѣ или колдобинѣ. Несмотря на свои преклонныя лѣта, лоцманъ этотъ обладалъ замѣчательнымъ зрѣніемъ. Въ темную ночь онъ всегда, бывало, первый замѣтитъ на берегу сигнальный фонарь. И сколько я ни старался предупредить его, никакъ не могъ. На морщинистомъ лицѣ старика, съ рѣдкой коричневатой бородкой, появляется презрительная улыбка. Она какъ бы говорила: „стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки“! Лоцманъ не ошибся. Пароходъ быстро обгоняетъ утопленника. Голый, красновато-бронзоваго цвѣта, свѣсивъ руки, какъ плети,

---

[1]) Такъ звали эту богатую китайскую деревню.

растопыривъ ноги, плылъ онъ, уткнувшись лицомъ внизъ, точно о чемъ задумался. Трупъ страшно разбухъ. Оконечности побѣлѣли и казались известковыми. Вотъ онъ попалъ въ волненіе отъ парохода. То высовывается изъ воды, то ныряетъ.

За этимъ китайцемъ показываются другой, третій, и вотъ, во всю ширь Амура, поплыли утопленники, точно за нами погоня какая. Пассажиры всѣ повылѣзли изъ каютъ—смотрѣть на такое невиданное зрѣлище. Оно до смерти не изгладится изъ моей памяти. Очевидно, это были тѣ самые несчастные, которые потонули у Благовѣщенска. Пролежавъ извѣстное время на днѣ, они набухли и теперь всплыли.

— Господа! господа! смотрите-ка, сколько ихъ тамъ на берегу! Вѣдь это тоже все китайцы!—кричитъ весельчакъ, рыженькій поручикъ, въ чечунчовомъ кителѣ, прикрывшись ладонями отъ солнца. Въ этомъ мѣстѣ лѣвый берегъ Амура вдавался къ серединѣ русла широкой, плоской отмелью. И вотъ тутъ-то и нанесло утопленниковъ.

— Ѳедоръ Васильевичъ, дайте-ка мнѣ бинокль!—говорю я пріятелю моему, подполковнику Р., которому незадолго передъ этимъ передалъ бинокль генерала. Бинокль этотъ былъ превосходный. Пріятель мой точно не слышитъ. Стоитъ, какъ вкопанный, и пристально смотритъ.

— Дайте, пожалуйста! мнѣ хочется самому посмотрѣть,—повторяю ему.

— Не могу! Я считаю, сколько ихъ тутъ,—отрывисто говоритъ онъ, видимо недовольный, что я прервалъ его занятіе.

— Сто-тридцать! сто-тридцать-одинъ, сто-тридцать-два!—считаетъ онъ въ полголоса. А песчаная отмель все еще далеко бѣлѣла, и темная, рыжеватая полоса труповъ, точно бордюромъ облѣпила ее у самой воды. Воздухъ кругомъ былъ сильно зараженъ, и мы всѣ невольно зажимаемъ носы платками...

— Пожалуйте завтракать! — возглашаетъ буфетный слуга, приподнявшись по лѣсенкѣ, въ засаленномъ фракѣ и съ салфеткой подъ мышкой, какъ символомъ своей власти. Публика спускается. Мнѣ же не до завтрака. Ужасная картина эта, да и самый зараженный воздухъ отбили всякій аппетитъ. Остаюсь на палубѣ и продолжаю наблюдать. Вотъ носъ парохода упирается въ одинъ трупъ и далеко отбрасываетъ его по волнѣ. Голова закутана какимъ-то полотномъ, должно быть фартукомъ. „Не огородникъ ли это былъ?—думаю.—Вѣдь въ Благовѣщенскѣ всѣ огородники были китайцы“. Длинная черная коса виднѣется изъ-подъ полотна, прилипнувъ къ мокрымъ плечамъ. Животъ

выѣденъ рыбами и представлялъ громадную зіяющую рану. Трудно даже и приблизительно сказать, сколько труповъ обогнали мы въ этотъ день. Но, судя по тому, что на одной только косѣ мы насчитали полтораста труповъ, должно предположить, что ихъ было не мало. Останавливаемся брать дрова. Къ берегу прибило китайца. Беру аппаратъ и спѣшу сфотографировать его. Но только-что изловилъ фокусъ, какъ трупъ подхватываетъ волной и уноситъ...

VII.—Хабаровскъ.

Наконецъ и Хабаровскъ. Была ночь. Выходимъ на пристань и разъѣзжаемся по гостинницамъ. Я ѣду въ офицерское собраніе.

Семь часовъ утра. Тороплюсь надѣть парадную форму, чтобы явиться къ командующему войсками. Онъ, оказывается, очень рано принимаетъ съ докладомъ. „Какая, думаю, произошла перемѣна въ немъ“!

Въ текинскомъ походѣ, ровно двадцать лѣтъ назадъ, его, бывало, и не добудишься. И мнѣ вдругъ припоминается давно забытая картина. Мѣстечко Бами. Время около полудня. Жара страшная. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моей палатки, на самомъ ручейкѣ, расположена палатка начальника штаба отряда, Николая Ивановича. Слышу, доносится его гнѣвный голосъ. Это онъ бранитъ своего мальчишку, бѣднаго Гаврюшку, за то, что тотъ не разбудилъ его во-время.

— Да я будилъ, да вы не вставали!—плаксиво оправдывается тотъ.

— Врешь, не будилъ! За голову не трясъ!—отрывочно выкрикиваетъ Г. и торопится одѣваться. Онъ увѣренъ, что уже за нимъ Скобелевъ неоднократно присылалъ.

— Трясъ! Ей Богу, трясъ!

— А за ноги тащилъ?

— Тащилъ! Ей Богу, тащилъ.—Мальчишка крестится. Начальникъ штаба понемногу успокаивается.

И вдругъ теперь, тотъ же Николай Ивановичъ, но уже не скромный полковникъ, а грозный генералъ-губернаторъ, принимаетъ съ докладами такую рань. Я одѣлся и выхожу на улицу.

— Какъ? Вы уже являться?—соннымъ голосомъ бормочетъ мнѣ вслѣдъ полковникъ Г., который ночевалъ въ моемъ номерѣ. Протираетъ глаза и щурится.—А я такъ никуда. Я прямо въ

Портъ-Артуръ!—поворачивается на другой бокъ и мирно засыпаетъ.

Извозчикъ парой, съ пристяжкой маленькихъ сибирскихъ лошадей, уже дожидался меня у подъѣзда. Домъ командующаго войсками былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ военнаго собранія. Оба эти зданія построены на высокомъ берегу Амура. Видъ отсюда восхитительный. Чуть влѣво серебрилась широкая, спокойная Уссури, впадая въ Амуръ. Послѣдній, точно разсердившись за то, что она упирается въ него, круто заворачиваетъ въ своемъ теченіи и устремляется въ обратную сторону. Издали получается впечатлѣніе, будто стекаются здѣсь три рѣки. Просто не хочется глазъ оторвать отъ этой картины. Такой массы рѣчной воды трудно встрѣтить гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Подхожу къ подъѣзду. Часовые отдаютъ честь. Казакъ съ желтымъ околышемъ принимаетъ шинель.

— Что̀, генералъ всталъ?

— Такъ точно, принимаютъ-съ.

Вхожу въ пріемную. Чиновникъ, въ форменномъ сюртукѣ, со Станиславомъ на шеѣ, полный, усталый, въ очкахъ, довольно суровый на видъ, любезно встрѣчаетъ меня, спрашиваетъ фамилію, записываетъ и уходитъ докладывать. Черезъ нѣсколько минутъ слышу: „Пожалуйте, генералъ просятъ“. Вхожу въ обширный, свѣтлый кабинетъ.

— Ай, ай! непривыкъ васъ видѣть съ адъютантской формѣ! Казацкая черкеска къ вамъ лучше шла!—такими словами дружески встрѣчаетъ меня Н. И. Онъ сильно пополнѣлъ, посѣдѣлъ, но смотрѣлъ молодцомъ.

— Ну вотъ! у насъ, слава Богу, идетъ все хорошо. Хайларъ взятъ; Айгунъ, Цицикаръ, Хунчунъ,—все взято. Только Ингута да Гиринъ и остались. Ингуту теперь будутъ брать, а Гиринъ отложимъ. Зимнюю кампанію будемъ дѣлать,—такъ разсказывалъ мнѣ командующій войсками, гуляя со мной по кабинету. Онъ былъ очень занятъ и озабоченъ. Я откланиваюсь ему, причемъ получаю любезное приглашеніе ежедневно приходить завтракать и обѣдать.

Хабаровскъ, что̀ Москва, стоитъ на нѣсколькихъ холмахъ. Городъ еще совсѣмъ молодой. Всего лѣтъ двадцать назадъ, это была станица Хабаровка. И теперь еще здѣшній старожилъ, Василій Ѳедоровичъ Плюснинъ, зоветъ его: Хабаровка. Высокій, сѣдой, Геркулесъ сложеніемъ, этотъ почтенный человѣкъ преинтересно разсказывалъ мнѣ, какъ онъ поселился здѣсь:

— Мы пріѣхали съ братомъ сюда жить, сорокъ лѣтъ на-

задъ. Тогда здѣсь всего двѣ хатки было. Вонъ, на томъ мѣстѣ, я тигра убилъ,—тихимъ, удушливымъ голосомъ говоритъ онъ и показываетъ рукой изъ окна направленіе. Василія Ѳедоровича одолѣвала одышка.—Здѣсь все лѣсъ былъ,—вотъ, гдѣ мой домъ. Все это мѣсто мы расчистили и построили домишко маленькій. Ну, а потомъ все и пристраивали. Работы много было: лѣсъ рубили, пни корчевали, расчищали. На охоту ходили, рыбу ловили.—Теперь этотъ піонеръ Хабаровска владѣетъ милліонами и считается первымъ богачомъ въ округѣ.

На третій день моего пребыванія здѣсь получаю предписаніе немедленно отправиться въ китайскій городъ Хунчунъ, недавно взятый нами съ бою.

Гдѣ это Хунчунъ? Какъ туда проѣхать?—вотъ вопросы, которые безпокоили меня. Въ то же время я радовался, что наконецъ увижу настоящій китайскій городъ. Увижу китайцевъ, познакомлюсь съ ихъ нравами и обычаями. Посмотрю, какъ они живутъ, что ѣдятъ, какъ одѣваются, а главное, накуплю разныхъ китайскихъ рѣдкостей. Только, какъ попасть туда? Но тутъ выручилъ меня начальникъ штаба округа, Андрей Николаевичъ С. Небольшого роста, усатый, стриженный подъ гребенку, суровый на видъ, въ сущности же предобрый.

— Вотъ, видите?—говорилъ онъ, указывая на карту.—Доѣдете до Владивостока. Отсюда, по заливу Посьетъ, на пароходѣ,—до мѣстечка Посьетъ. Дальше на почтовыхъ до Новокіевскаго, тутъ всего двѣнадцать верстъ. Изъ Новокіевскаго до нашего русскаго Хунчуна двадцать-пять верстъ. Здѣсь стоитъ нашъ пограничный казачій постъ. А затѣмъ уже будетъ китайскій Хунчунъ, верстъ тридцать. Тамъ стоитъ нашъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Орлова.—Такъ объяснялъ мнѣ С—новъ. Пока разговаривалъ съ нимъ, смотрю—мнѣ уже прогоны принесли. Оставалось только расписаться въ книгѣ въ полученіи денегъ да и ѣхать. Такъ я и сдѣлалъ. Надо сказать, что наканунѣ моего отъѣзда отсюда я получилъ разрѣшеніе взять съ собой въ дорогу одного служителя въ офицерскомъ собраніи, рядового Ивана, въ качествѣ вѣстового.

Маленькій, коренастый, безъ бороды, блондинъ, онъ былъ добродушенъ, честенъ и услужливъ, но грубъ и упрямъ.

VIII.—Отъ Хабаровска до Хунчуна.

1-го августа, рано утромъ, ѣдемъ съ Иваномъ на вокзалъ. По уссурійской желѣзной дорогѣ ходятъ очень удобные пассажирскіе поѣзда съ буфетами. Рестораны эти чрезвычайно сокращаютъ время въ пути. Да и ѣда въ нихъ гораздо здоровѣе, чѣмъ на станціяхъ. Тамъ надо ѣсть второпяхъ, обжигаться, ѣсть что попадетъ подъ руку, не разбирая, вкусно ли это, достаточно ли прожарено и не испортилось ли. Тутъ же—дѣло совсѣмъ другое. Полное удобство. Сидишь себѣ сколько хочешь, никто не торопитъ. Не знаю, почему у насъ въ Россіи не прививаются эти столовыя. Боится ли желѣзнодорожное начальство подорвать буфеты на станціяхъ, или какая другая причина. Смѣло могу завѣрить, что нигдѣ я такъ удобно не ѣздилъ, какъ въ Сибири, да еще по закаспійской дорогѣ. Тамъ тоже поѣзда со столовыми. Въ нашемъ поѣздѣ два послѣднихъ вагона были биткомъ набиты китайскими рабочими. Въ это тревожное время они повсюду бросали работу и уѣзжали къ себѣ на родину. Подхожу къ ихъ вагону и смотрю. Всѣ они одѣты въ синія куртки и такіе же шаровары. У большинства головы ничѣмъ не покрыты. Тутъ я успѣлъ хорошенько разсмотрѣть способъ ихъ причесыванія. Они брѣютъ половину головы. Я съ удивленіемъ смотрю на нихъ, но и они смотрѣли на меня не съ меньшимъ любопытствомъ. Оказывается, китайцы очень уважаютъ дородство въ человѣкѣ, а потому съ почтеніемъ смотрѣли на мою полную фигуру. Ѣхали они въ третьемъ классѣ. Разговаривая на своемъ непонятномъ языкѣ, они держали себя далеко не принужденно. Тутъ я почуялъ отъ нихъ какой-то особенный непріятный запахъ. Запахъ этотъ преслѣдовалъ меня потомъ по всей Манчжуріи. Объяснялся онъ тѣмъ, что рабочій народъ въ Китаѣ ѣстъ особенную траву, подъ названіемъ черемша.

Поѣздъ трогается. Иду въ столовую, спрашиваю стаканъ чаю, сажусь къ окну и смотрю. Сначала отъ Хабаровска тянутся болота, мелкая поросль, кочки, пни. Но дальше показываются поля, покосы, а затѣмъ станицы, села и деревни. Такъ какъ здѣшніе переселенцы преимущественно изъ полтавской, кіевской и черниговской губерній, то характеръ ихъ построекъ —совершенно малороссійскій, и взглянувъ на ихъ деревню, думаешь, что находишься на Украйнѣ. На станціяхъ говоръ слышится исключительно хохлацкій.

На другой день около полудня пріѣзжаемъ въ Никольскъ

Уссурійскій. Здѣсь мнѣ необходимо было представиться губернатору Приморской области, генералу Ч. Никольскъ, какъ и Хабаровскъ, еще очень молодъ и не успѣлъ обстроиться какъ слѣдуетъ. Ѣдешь по немъ, и все видишь маленькіе, точно карточные домики. На многихъ пестрѣли китайскія и японскія вывѣски. То написано: японецъ портной, японецъ прачка, то— парикмахеръ. Китайскія же вывѣски обозначали только магазины. Генералъ Ч., высокій, представительный господинъ, любезно принимаетъ меня и приглашаетъ обѣдать. Интересно, что за обѣдомъ, на которомъ присутствовало человѣкъ двадцать офицеровъ, я первый сообщилъ имъ о благовѣщенской катастрофѣ. А вѣдь прошло съ тѣхъ поръ почти мѣсяцъ. Вотъ какъ медленно доходятъ здѣсь вѣсти,—да и какія вѣсти!

На другой день, утромъ, подъѣзжаемъ къ Владивостоку. Прежде всего читаю на высокой сѣрой стѣнѣ вокзала многознаменательную надпись: „Отъ С.-Петербурга 8889 верстъ". Цифра эта вычислена, вѣроятно, по направленію новой манчжурской дороги, такъ какъ черезъ Хабаровскъ гораздо дальше. День пасмурный. Облака заволокли небо. Заливъ темный, непривѣтливый. Кое-гдѣ, на высокихъ берегахъ виднѣлись угрюмые форты, колыхались крѣпостные флаги, чернѣли казармы, и выглядывали изъ амбразуръ орудія. На пристани кишѣлъ рабочій людъ, преимущественно японцы. Китайцевъ мало. Они почти уже всѣ убрались во-свояси. Думается мнѣ, что не изъ патріотическихъ чувствъ они покинули работы у насъ, а прогналъ ихъ слухъ о благовѣщенскомъ потопленіи.

Подхожу къ пристани. Множество лодокъ дожидаются пассажировъ. Сажусь въ одну. Мой Иванъ, съ чемоданчикомъ, тоже усаживается рядомъ, и юркій японецъ, стоя на кормѣ, рулевымъ весломъ быстро гонитъ лодку къ небольшому пароходу „Новикъ", поддерживающему сообщеніе съ Посьетомъ. Я, по обыкновенію, сильно боялся морской качки. Дорогой мнѣ наговорили, что „Новикъ" страшно валокъ, и что всегда всѣхъ укачаетъ при малѣйшемъ волненіи. Поэтому, лишь только взобрался я на пароходъ, приступаю къ выбору мѣстечка, гдѣ бы поудобнѣе улечься. Вонъ, на серединѣ парохода, на палубѣ, стоятъ двѣ лавочки. На одну изъ нихъ ложусь и ожидаю отхода. Раздается свистокъ, за нимъ вскорѣ другой, и нашъ пароходъ плавно трогается въ путь. На рейдѣ стоитъ много различныхъ судовъ. Вонъ нашъ броненосецъ „Россія". Огромный, весь бѣлый. Онъ только-что пришелъ, и потому съ него раздавались салюты. Я восторженно смотрю по сторонамъ и думаю: „Какъ ни говори, а

вѣдь это воды Тихаго океана. Этакую даль уѣхалъ отъ дому! 9.000 верстъ"!

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Хабаровска, генералъ Г. совѣтовалъ мнѣ обратить вниманіе, при въѣздѣ въ Посьетъ, на двуглаваго орла, высѣченнаго въ скалѣ.

— Непремѣнно посмотрите! удивительно интересно! Онъ 30 саженей въ ширину распростертыхъ крыльевъ. А когда подъѣзжаешь, то нисколько не кажется особенно большимъ,—разсказывалъ генералъ.

Волненіе маленькое. Пароходъ почти совсѣмъ не качаетъ. Я лежу, очень довольный, и любуюсь на берега. Ко мнѣ подсаживается на скамейку какой-то плотный господинъ, въ чечунчевой визиткѣ и въ бѣлой фуражкѣ. Брюки заправлены въ лакированные сапоги. На бѣломъ жилетѣ виситъ толстая золотая цѣпочка и на ней болтается золотой брелокъ, самородокъ.

— Вы, вѣрно, золотопромышленникъ,—говорю ему и указываю на брелокъ.—Дорого стоитъ такой?

— Этотъ самородочекъ стоитъ мнѣ двадцать тысячъ рублей, —отвѣчаетъ собесѣдникъ, и на его загорѣломъ, морщинистомъ лицѣ, съ кудловатою бородкою, появляется горькая улыбка.

— Насъ тутъ собралась-было компанія разработывать золотые пріиски. Истратилъ я на свой пай двадцать тысячъ рублей, и достался мнѣ, всего-на-всего, этотъ самородочекъ. Никакого золота мы больше не нашли тамъ!—и онъ съ грустью даетъ мнѣ пощупать его.

— Вы здѣшній старожилъ?

— Да-съ, я здѣсь занимаюсь скупкою быковъ. Да вотъ нынче съ Китаемъ война. Невозможно купить никакой скотины. Владивостокъ совершенно погибаетъ безъ мяса. По 100 рублей платимъ за голову, которая до войны стоила 50—60 рублей.

Спутникъ мой пристально смотритъ на берегъ.

— Вонъ видите? Вонъ тамъ заимка Янковскаго. Ему правительство уступило островъ безплатно. Онъ тамъ выстроилъ усадьбу и устроилъ конскій заводъ. Ничего, хорошія лошадки есть. Рублей по двѣсти, по триста продаетъ.

Небо прояснилось и солнце освѣтило окрестности. Вдали бѣлѣли постройки Посьета. Видъ съ парохода прелестный.

— Пожалуйста, покажите мнѣ, гдѣ это высѣченъ орелъ въ скалѣ!—прошу моего новаго знакомаго. Тотъ, къ несчастью моему, никогда и не слыхалъ про такое диво. Одинъ изъ пассажировъ таки-нашелся и указалъ мнѣ. Орелъ какъ бы отпечатанъ надъ городомъ, на полугорѣ изъ бѣлаго камня. Такъ

вотъ, чтобы изобразить орла, траву и землю, гдѣ слѣдуетъ, расчистили, и бѣлый двуглавый орелъ далеко виденъ. Въ народѣ же здѣсь сложилось такое повѣрье, что-де батюшка-царь нашъ, ѣхалъ, ѣхалъ, и какъ доѣхалъ до здѣшняго мѣста, такъ и сказалъ: „Дальше ѣхать не надо! до этого мѣста все моя земля идетъ, а дальше—китайская!"—и печать свою приложилъ. Вотъ для чего и орелъ въ скалѣ высѣченъ.

Посьетъ красиво раскинулся на берегу. Мѣстечко прехорошенькое. По близости живутъ корейцы, которые снабжаютъ горожанъ разною провизіей, овощами, рыбой и т. п. Мнѣ очень понравились здѣшнія устрицы, совершенно непохожія на наши черноморскія. Это какъ бы большіе известковые куски, состоящіе изъ нѣсколькихъ раковинъ. Открывать ихъ очень трудно. Непремѣнно порѣжешь руки.

Сажусь въ тарантасъ и ѣду въ мѣстечко Новокіевское, которое было въ 12-ти верстахъ. Новокіевское тоже обстроено прекрасно и издали кажется чистенькимъ, хорошенькимъ городкомъ. Постройки все каменныя, съ желѣзными крышами. Лучшій домъ въ два этажа, съ обширнымъ, тѣнистымъ садомъ, здѣшняго пограничнаго коммиссара. Онъ виденъ издалека. Начальникъ гарнизона здѣсь былъ молодой поручикъ, бравый, расторопный блондинъ. Несмотря на свои еще очень молодые годы, онъ отлично распоряжался.

— Вы переночуйте у меня, полковникъ. Завтра капитанъ Б. тоже ѣдетъ въ Хунчунъ; вмѣстѣ и поѣдете,—объяснялъ онъ. —Такъ я и сдѣлалъ. Утромъ, отъ нечего-дѣлать, идемъ съ нимъ осматривать городокъ.

— Знаете что? будемъ у китайцевъ обѣдать. Здѣсь есть хорошій ресторанъ. Я частенько обѣдаю тамъ,—предлагаетъ поручикъ.

— Отлично! очень радъ,—говорю.

— Ну, такъ надо послать предупредить, чтобы обѣдъ былъ готовъ къ 12-ти часамъ. Заходитъ въ лавку, пишетъ кому-то записку и возвращается.

— А теперь пойдемте, покажу вамъ хунхуза-китайца, который наводилъ страхъ на нашихъ корейцевъ. Грабилъ и убивалъ ихъ. Онъ сидитъ у насъ въ арестантской,—говоритъ поручикъ. Я бѣгу за фотографическимъ аппаратомъ, и затѣмъ мы направляемся къ небольшому каменному домику съ желѣзными рѣшотками. Это была гауптвахта. Караулъ, завидя насъ, выстроивается. Старшій подходитъ ко мнѣ и рапортуетъ.

— А ну-ка, выведи хунхуза. Покажи его намъ!—приказы-

ваетъ начальникъ. Черезъ минуту, солдаты выводятъ молодого парня въ рубахѣ и шароварахъ. Онъ съ трудомъ передвигалъ ноги, скованныя кандалами. Волоса черные, косматые. Глаза маленькіе, быстрые, съ безпокойствомъ посматривали по сторонамъ.

Беру аппаратъ и снимаю. Хунхуза уводятъ обратно.

— Вѣдь вотъ этакая гадина одна приводила въ ужасъ цѣлыя деревни. Корейцы страшные трусы, и по первому требованію приносили ему все, что̀ онъ приказывалъ.

— Ну, что̀ же ему будетъ?—спрашиваю.

— Еще не судили!—вѣроятно, повѣсятъ.

Направляемся обѣдать. Входимъ во дворъ маленькаго дома. Десятка полтора китайцевъ занято разной работой. Кто плотничалъ, кто копался въ землѣ, кто дрова кололъ. Насъ встрѣчаетъ молодой, красивый китаецъ, въ черной курткѣ, и ведетъ въ особое помѣщеніе. Это была небольшая комната, очень уютная. Вдоль стѣнъ устроены какъ бы широкія лежанки, покрытыя циновками. Лежанки зимой отапливаются снаружи дома и называются „каны". Кана—необходимая принадлежность каждаго китайскаго дома. Она замѣняетъ имъ и стулъ, и постель, и въ то же время служитъ печью. Осматриваюсь. Здѣсь каждый шагъ для меня полонъ интереса. Посреди комнаты стоялъ хорошенькій красный столикъ. Хозяинъ накрываетъ его скатертью, и затѣмъ начинаетъ подавать разныя кушанья въ фарфоровыхъ чашечкахъ. Въ видѣ приправы были поданы соя и уксусъ. Хлѣбъ поданъ былъ въ родѣ нашей просфоры, въ круглыхъ шарикахъ и совершенно безъ соли. Первое кушанье была капуста, похожая на нашу цвѣтную. Второе—огурецъ, нарѣзанный маленькими кусочками. Третье—жареная курица, тоже нарѣзанная кусочками. Вообще, все мясное подавалось крошенное безъ костей. Китайцы не употребляютъ за ѣдою ножей. Четвертое—винегретъ. Пятое—вареная свинина, нѣсколько поджаренная. Шестое—въ одномъ блюдѣ жареная свинина, затѣмъ трепанга—морская водоросль и морская капуста. Седьмое—жареная свинина, нарѣзанная тонкими ломтиками. Восьмое—вареная свинина съ соусомъ. Девятое—трепанги съ соусомъ. Десятое—крабъ. Одиннадцатое—грибы. Двѣнадцатое—рубленая свинина въ видѣ котлетъ и тринадцатое—свиной супъ, особенно вкусный. Всего этого я поѣлъ съ удовольствіемъ. Жаль только, что, не будучи предупрежденъ о такомъ количествѣ блюдъ, я сразу же налегъ на первыя кушанья, такъ что до послѣдующихъ едва-едва могъ прикоснуться. Между тѣмъ всѣ кушанья были превкусно приготовлены.

Чуть показалось солнце, я уже былъ на ногахъ. Посылаю солдата на станцію, торопить лошадей. Вскорѣ подъѣзжаетъ повозка Б—скаго, а за ней является и онъ самъ. А вотъ и почтовый тарантасъ. Сажусь съ нимъ въ одинъ экипажъ. Въ другой усаживаются наши деньщики, и мы трогаемся.

Терентій Данилычъ—такъ звали Б—скаго—былъ преинтересный спутникъ. Небольшого роста, худощавый, усатый, очень подвижной, онъ ни минуты не молчалъ, все разсказывалъ. Голосъ имѣлъ грубый, басистый. Разговоръ шелъ больше о штурмѣ Хунчуна, въ которомъ онъ участвовалъ.

— Вѣдь вотъ тоже Козловскій!—сердито бурчитъ онъ себѣ подъ носъ, не глядя на меня, откинувшись туловищемъ на спинку тарантаса.—Кричитъ начальнику охотничьей команды: „Покажите, поручикъ, примѣръ, какъ надо брать фанзы!"—и при этомъ онъ дребезжащимъ голосомъ передразниваетъ Козловска о. А тотъ, сдуру, и бросился прямо лбомъ въ двери. Тутъ его тремя пулями и уложили, да и вахмистра ухлопали, да и еще шесть казаковъ. Эхъ, какой вахмистръ былъ молодчина! Жаль очень! — восклицаетъ разсказчикъ и грустно качаетъ головой.

— И зачѣмъ было въ лобъ брать? Сунься-ка самъ, такъ и узналъ бы!—злобно продолжаетъ ворчать онъ.—Стоило только велѣть артиллеріи обстрѣлять фанзу,—всѣ бы китайцы разбѣжались. А то смотрите, сколько народу ухлопали. А все генеральный штабъ!—Б—скій не любилъ генеральнаго штаба.

— Это когда же случилось? Еще до взятія Хунчуна?

— Куда!—еще и рѣки не переходили. Да вотъ ужо подъѣдемъ, такъ я покажу вамъ эту фанзу.

Дорога идетъ довольно сносная, хотя послѣ дождя почву сильно разгрязнило. Мы обгоняемъ и встрѣчаемъ множество корейскихъ подводъ на быкахъ. Быки хотя и не особенно велики, но чрезвычайно сильно сложены и выдрессированы превосходно. Подводы двухколесныя. Сами корейцы одѣты крайне оригинально. Бѣлые балахоны. На головѣ бѣлая же кисейная шляпа съ большими полями. Коса зачесана въ комокъ и завязана на затылкѣ плетешкомъ. Корейцы, какъ и китайцы, всѣ брюнеты. Вотъ цѣлая толпа ихъ,—правятъ дорогу на Хунчунъ. Работаютъ лѣниво, до смѣшного. Вотъ одинъ рабочій толкаетъ ногой заступъ въ землю. Двое товарищей, привязавши веревки, тянутъ и этимъ самымъ стараются облегчить работу. Почва—черноземъ, перемѣшанная съ глиной и безъ того рыхлая. Земли же подымаютъ на лопатѣ не больше горсточки.

Подъѣзжаемъ къ русскому Хунчуну. Виднѣются довольно

сносный деревянный домъ для проѣзжающихъ и нѣсколько другихъ построекъ. По близости заложены какіе-то кирпичные фундаменты. Валяются заготовленныя бревна и т. п. Отсюда всего нѣсколько верстъ до границы. Покормили лошадей, закусили и ѣдемъ дальше. Я тороплюсь. Мнѣ страстно хочется поскорѣе попасть въ Китай. Вотъ и граница. Наконецъ-то я въ Китаѣ. Почему-то думается, что сейчасъ природа должна перемѣниться. Ничуть не бывало. Идутъ все тѣ же горы, долины, покрытыя зеленью, виднѣются рощи.

— Вотъ видите, у дороги, влѣво, фанза! тамъ казаки-то и пострадали! — объясняетъ Б—скій. — Отсюда и стрѣляли по намъ. Ну, да зато ни одинъ изъ нихъ не ушелъ,—всѣхъ перекололи. А вотъ вправо—импань, въ которой погибъ командиръ батареи Постниковъ. Вонъ и кресты стоятъ! сколько ихъ? шесть крестовъ, кажись!—и онъ считаетъ.

— Постойте, пожалуйста! Позвольте выйти и посмотрѣть это мѣсто! — прошу я. Останавливаемся и выходимъ изъ экипажа. Поднимаюсь нѣсколько въ гору и вижу четвероугольникъ, саженей 50 въ квадратѣ, обнесенный невысокой глиняной стѣной, мѣстами разрушенный. Это и была злосчастная импань.

— Когда мы подошли сюда, китайцы и давай стрѣлять по нашимъ. А Постниковъ сѣлъ верхомъ на орудіе, да маршъ-маршемъ и вкатилъ въ самую импань! Въ это время наши солдаты, подъ командой капитана Дроздова, бросились зажигать самую фанзу, гдѣ засѣлъ непріятель. Только она запылала, какъ на огонь, съ непріятельскаго форта, бухъ граната!—разрывается и осколками смертельно ранитъ Постникова!—Такъ разсказывалъ мнѣ мой Терентій Данилычъ. Подходимъ къ импани. Шаговъ тридцать не доходя, лежатъ незарытыя тѣла китайцевъ. Ихъ я насчиталъ тутъ десятка два. Бѣлые черепа, объѣденные, должно быть, собаками или другими животными, рѣзко выдѣлялись изъ общей массы труповъ. Меня тянуло въ самую импань. Вхожу туда. Обширный дворъ весь заваленъ всякой рухлядью: досками, корзинами, обгорѣлыми бревнами, кирпичомъ и разной китайской одеждой.

— Вотъ здѣсь и былъ убитъ Постниковъ!—объясняетъ Михаилъ Даниловичъ. — Стою, смотрю на всю эту мрачную картину, и меня начинаетъ пробирать какая-то нервная дрожь. Черепа скалятъ зубы. Изъ земли торчитъ полуобъѣденная блѣдная рука. Кругомъ валяются синія и желтыя китайскія куртки съ надписями. „Вѣдь какъ ни говори,—думалось мнѣ,—а мы въ непріятельской странѣ. Китайскія войска не перебиты, не уни-

чтожены, а только бѣжали. Слѣдовательно, они въ каждую минуту могутъ появиться тамъ, гдѣ ихъ и не ожидаешь. Изъ-за каждой горы, изъ-за каждой рощи могутъ на насъ напасть, и моя голова будетъ также валяться, какъ и эти". Съ непріятнымъ чувствомъ покидаю импань, и мы ѣдемъ дальше. Горы кончаются,— выѣзжаемъ на открытую равнину.

— Видите вправо?—это темнѣетъ сѣверный фортъ, а лѣвѣе будетъ южный,—продолжаетъ разсказывать мой спутникъ.—Я, какъ ни смотрю, ничего не могу разобрать.

— Вонъ Хунчунъ! Вонъ и лагерь нашъ бѣлѣетъ,—тамъ на горѣ! — и онъ рукою указываетъ направленіе. Вдали, на горизонтѣ, въ густой зелени, дѣйствительно виднѣлись какія-то постройки. За ними на горѣ бѣлѣли наши палатки. Мы все ближе подъѣзжаемъ къ Хунчуну. Минуемъ красивую китайскую маленькую часовеньку. Я любуюсь, какъ она выстроена. Точно игрушка! Какъ правильны стѣны! Какая узорчатая крыша, выложенная черепицей! Заглядѣнье, да и только! Но останавливаться и разсматривать ее — не время. Солнце садилось, и надо было спѣшить. Да притомъ же, мнѣ помнилась телеграмма, въ которой говорилось, что китайцы стрѣляютъ изъ хлѣбовъ и канавъ. Поэтому не лишнее быть осторожнымъ. Подъѣзжаемъ къ рѣкѣ Хунчункѣ. Черезъ нее ходитъ паромъ. Нѣсколько солдатъ живо переправили насъ на другой берегъ. Передо мной возвышалась какая-то башня, чудной красоты, а дальше тянулись стѣны. Интересъ увидѣть все это поближе, что тамъ кроется за стѣнами, достигаетъ во мнѣ крайней степени. Даже и опасность всякая забыта.—Пошелъ, пошелъ скорѣй!— кричу ямщику. Дорога идетъ влѣво отъ города. Сначала тянется густая аллея изъ старыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ, очень почтенная. Сквозь нее начинаютъ проглядывать городскія стѣны. А вотъ и еще башня. Внизу—полукруглыя ворота. Замѣчательно, какъ эти стѣны, ворота, да и самая башня напоминали мнѣ нашъ московскій Кремль. Ѣдемъ вдоль стѣнъ, какъ въ старину называлось у насъ—пригородомъ. Что дальше, то интереснѣе. Вотъ виднѣется прелестная кумирня. Крыша лодочкой, съ красиво загнутыми кверху концами. Передъ кумирней возвышаются стройныя колонны, съ металлическими верхушками. Подъ самымъ верхомъ устроены ящики въ родѣ голубятенъ. И все это изукрашено рѣзьбой очень красиво. Чѣмъ дальше ѣдемъ, тѣмъ больше восторгаюсь. „А что-то тамъ въ городѣ увижу?"—думалось мнѣ. Но вскорѣ предстояло большое разочарованіе. Въ одномъ мѣстѣ стѣна обрушилась, и я вижу однѣ развалины. Приподнимаюсь въ

тарантасѣ, смотрю—однѣ трубы торчатъ да обгорѣлыя бревна. Плохо дѣло, думаю. Должно быть, наши здѣсь порядочно поработали. Да и Ч. доноситъ со словъ коммиссара, что городъ сгорѣлъ. Но неужели же весь сгорѣлъ, такъ что и посмотрѣть не на что будетъ? И вотъ, разсуждая про себя такимъ образомъ, подъѣзжаемъ къ лагерю. Удивительное дѣло! Какъ только еще издали завидѣлъ я лагерь, такъ меня охватило именно то самое, давно забытое чувство, которое я испытывалъ въ турецкомъ и текинскомъ походѣ, когда возвращался изъ дальняго разъѣзда. Разомъ почувствовалъ и спокойствіе, и увѣренность за свое существованіе. Происходило это, конечно, изъ того сознанія, что здѣсь собралась наша сила, и она не дастъ меня въ обиду. А между тѣмъ, отойди только въ сторону двѣ, три версты—и пропалъ человѣкъ. Китайцы не сострадательны. Непремѣнно изловятъ и поджарятъ живого на огнѣ. Примѣровъ тому, какъ я слышалъ, было не мало. Окрестности Хунчуна кишѣли въ то время хунхузами и разсѣявшимися китайскими войсками.

IX.—Хунчунъ.

Солнце было уже на закатѣ, когда мы подъѣхали къ лагерю. Онъ представлялъ живописную картину. Внизу, у подножія горы, на плоскости, размѣстились госпиталь, обозъ и кухни. Подходило время уборки лошадей и ужина. Изъ кухонь подымались дымки, слышалось ржаніе лошадей и людской говоръ. Горнисты и музыканты, пріютившись гдѣ-то на холодкѣ, наигрывали въ свои инструменты. Въ кузницахъ ковали лошадей; раздавался лязгъ молотка о желѣзо. Солдатскія фигуры въ бѣлыхъ рубахахъ то показывались изъ палатокъ, то пропадали. Выше, на полугорѣ, на правомъ флангѣ виднѣлись орудія. То стояла 6-ая горная батарея. Пониже орудій темнѣли ряды привязанныхъ у коновязей лошадей. Въ самомъ центрѣ лагеря сосредоточилась пѣхота, восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ. Длинные ряды палатокъ вытянулись какъ по линейкѣ. Среди лагеря на площадкѣ выдѣлялась просторная палатка командира полка. Рядомъ—полковое знамя и тутъ же чернѣлъ полковой ящикъ. При нихъ—часовой съ ружьемъ. Хотя я первый разъ тутъ, но все это мнѣ какъ будто уже заранѣе извѣстно. Дальше, на самой горѣ, на лѣвомъ флангѣ виднѣлась кавалерія. Вонъ кто-то вскакиваетъ на коня, еще двухъ беретъ въ поводъ и ѣдетъ на водо-

пой. По посадкѣ и ухваткѣ я сразу узнаю казака. Здѣсь стояла казачья сотня.

Выходимъ изъ тарантаса и направляемся къ палаткѣ, какъ разъ возлѣ палатки командира полка, полковника Орлова. Оставляю свои вещи, немного очищаюсь отъ пыли, надѣваю шарфъ, шашку и иду являться Орлову. Это былъ видный мужчина лѣтъ сорока, съ окладистой бородкой. Въ походѣ знакомятся быстро. Я объяснилъ ему цѣль моего пріѣзда, и затѣмъ мы отправились вмѣстѣ въ офицерскую столовую. Здѣсь я знакомлюсь разомъ чуть не со всѣми офицерами отряда. Народъ оказался все такой милый, любезный, что я почувствовалъ себя какъ дома. Въ особенности понравился мнѣ нѣкто Василій Ѳомичъ, штабсъ-капитанъ. Чѣмъ ужъ онъ завѣдывалъ тутъ, теперь не помню. Мы очень скоро подружились съ нимъ. Это былъ толстый, что называется, ражій мужчина, лѣтъ подъ-пятьдесятъ. Носилъ длинные волосы, которые безпрестанно приглаживалъ рукой кверху, маленькую бородку и пенснэ. Палатка его стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей.

Стемнѣло. Въ воздухѣ повѣяло сыростью. Ароматъ травъ удивительный. Горнистъ играетъ повѣстку. На горѣ неясно очерчиваются силуэты музыкантовъ. Раздаются стройные, гармоничные звуки „Коль славенъ". Солдаты выстраиваются передъ палатками.

„Отче нашъ!"—доносится до моихъ ушей монотонное пѣніе. И гдѣ, гдѣ только не слышалъ я этой молитвы въ устахъ нашихъ солдатъ! И на Дунаѣ, и на берегахъ Мраморнаго моря, и на Кушкѣ. Теперь—на берегахъ Хунчунки, недалеко отъ Тихаго океана. А вѣдь навѣрное по близости гдѣ-нибудь въ хлѣбахъ и канавахъ сидятъ китайцы и слышатъ наше пѣніе и музыку. Какое-то оно производитъ на нихъ впечатлѣніе? — думалось мнѣ.

— Накройсь!

Лагерь стихаетъ.

Солнечные лучи едва мелькаютъ изъ-за горъ и любовно озаряютъ окрестности. Съ вечера мы уговорились съ Василіемъ Ѳомичемъ рано утромъ ѣхать въ городъ, осматривать, что̀ отъ него осталось и какіе сдѣланы хлѣбные запасы нашимъ интендантомъ, присланнымъ сюда изъ округа. Б — скій еще спитъ. Онъ укутался отъ мухъ одѣяломъ съ головой и даже признаковъ жизни не подаетъ. Удивительно, какъ можно спать, закрывшись такимъ образомъ, что и таракану негдѣ пролѣзть. Палатка просторная, свѣтлая. Держится на высокой деревянной

стойкѣ. Я лежу и смотрю на лагерь. Вчера въ потемкахъ трудно было что-либо разглядѣть. Вонъ, внизу виднѣется обширная импань съ высокими стѣнами. На ней развѣвается нашъ флагъ. Вѣроятно, тамъ какая-нибудь часть стоитъ. Артиллерія повела лошадей на водопой. Густая пыль поднялась отъ сотенъ ногъ. Солдаты, кто въ рубахахъ, а кто въ шинеляхъ, умываются, что-то хлопочутъ около палатокъ. Слышатся голоса и смѣхъ. Лагерь оживаетъ. Кухни затапливаются, дымки стелются по лагерю. Черезъ палатку отъ меня чей-то деньщикъ спѣшитъ съ самоваромъ въ рукахъ и съ чайникомъ на канфоркѣ.

— Ми-тень-ка!—слышу голосъ Василія Ѳомича. Смотрю, къ нему въ палатку юркаетъ одутловатый, заспанный солдатъ, въ розовой ситцевой рубахѣ, заправленной въ черные шаровары. Впослѣдствіи возгласъ этотъ сталъ меня раздражать. Митенька этотъ далеко не заслуживалъ такого нѣжнаго имени. Онъ порядочно-таки грубилъ своему барину, частенько спалъ на его постели, мылся его мыломъ, чесался его гребенкой и вообще былъ очень нецеремоненъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ мнѣ мой Иванъ. Вскакиваю съ постели и одѣваюсь. Иванъ уже давно дожидался меня, подать умыться. Пока пилъ чай, смотрю, и лошадей привели. Спутнику моему—его сѣраго тяжелаго пѣхотнаго коня, а мнѣ—лошадь убитаго казачьяго вахмистра. Она оказалась съ очень хорошимъ шагомъ, такъ что пока я былъ въ Хунчунѣ, все на ней и ѣздилъ. Въ сопровожденіи двухъ казаковъ спускаемся съ горки къ городу. Хотя я и зналъ, что городъ сгорѣлъ, но все-таки лелѣялъ надежду, авось хотя малая частица его уцѣлѣла, дабы имѣть понятіе, что̀ такое китайскій городъ. Сейчасъ за лагеремъ начались поля, засѣянныя чумидзой. Это—замѣчательное растеніе. Колосъ его вершка три длиной, но я видѣлъ и въ четверть аршина, круглый, пушистый, съ мелкими желтоватыми зернами. Плодлива чумидза до чрезвычайности. Помню, ѣхалъ я позже осенью въ Гиринъ, вмѣстѣ съ управляющимъ отдѣленіемъ русско-китайскаго банка, англичаниномъ Кемпбелемъ. И вздумали мы, скуки ради, сосчитать, сколько зеренъ въ колосѣ чумидзы. Сорвали одинъ, считали, считали, досчитали до трехъ тысячъ, да такъ и бросили,—надоѣло. Каша изъ нея превкусная. Хотя наши солдаты и отворачивались отъ нея, предпочитая гречневую, но я съ удовольствіемъ ее ѣлъ. Она очень похожа на нашу пшенную. И такъ мы ѣдемъ полемъ чумидзы. Обработано оно превосходно. Хлѣбъ чистъ, безъ всякой соринки, ровный, вышиною аршина два. Мѣстами чумидза уже поспѣла. Колосья начинали свѣшивать свои головы.—А это что̀

за растеніе такое?“ Вчера въ темнотѣ я не обратилъ на него вниманія. Вышиной оно сажени полторы. Казакъ съ лошадью легко въ этомъ хлѣбѣ спрячется.

— Василій Ѳомичъ!—кричу я:—что̀ это за растеніе?

— Это—каулянъ,—отвѣчаетъ онъ.—Изъ него китайцы гонятъ водку. Ну, и въ кормъ лошадямъ тоже идетъ.

Разсматриваю его. Колосомъ онъ походитъ на наше просо, только гораздо больше, темнѣе и крупнѣе. Стебель похожъ на кукурузный. Такой же твердый, грубый, но выше. — Въ этомъ каулянѣ,—думается мнѣ,—отлично можно прятаться. Хоть цѣлая дивизія заберись, такъ и то не замѣтишь. Вправо, за полями, виднѣлись фанзы и красивыя импани, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія отъ погрома. Ихъ домики, съ вычурными черепичными крышами, красиво выглядывали изъ-за стѣнъ. Кое-гдѣ виднѣлись маленькія часовни-кумирни и надгробные памятники. А вотъ и городъ. Но, увы, однѣ развалины. Города нѣтъ. Можетъ, дальше будетъ. Лошади осторожно ступаютъ черезъ обгорѣлыя бревна, кирпичи, камни, разные куски желѣза, крючья, горшки и всевозможныя домашнія принадлежности хозяйства. Вдоль дороги по обѣ стороны тянутся обгорѣлые остовы домовъ. Мѣстами же отъ нихъ и слѣдовъ не осталось. Хозяину трудно будетъ найти свои владѣнія. Пока глазъ хватаетъ, чернѣютъ трубы и трубы. Вотъ уже мы съ версту проѣхали, но я еще не могу себѣ представить, что̀ такое китайскій городъ.

— Боже, что̀ тутъ творится! — невольно восклицаю. —И вспомнились мнѣ въ эту минуту развалины древняго Серахса, которыя я, за годъ передъ тѣмъ, видѣлъ въ Закаспійскомъ краѣ. Смотрѣлъ на нихъ тогда, любовался на оставшіеся кое-гдѣ узорчатые роскошные изразцы и кирпичики и дивился жестокости и безсердечности завоевателя, который истребилъ цѣлое населеніе и навѣки превратилъ цвѣтущую страну въ пустыню. Далеко ли же мы ушли отъ этихъ варваровъ! Прошли тысячелѣтія, а человѣкъ-то, видно, все тѣмъ же звѣремъ остался.

— А вотъ здѣсь подвалъ на дняхъ нашли! сколько разныхъ товаровъ оказалось тамъ,—просто ужасъ! Я все велѣлъ въ интендантскій складъ отправить!—оживленно разсказываетъ Василій Ѳомичъ и останавливается около глубокой ямы, со сводами. Кругомъ ямы валялись разные обрывки матерій, тесемки, пояса, коробочки, китайскія шапки, башмаки, шнурки и разная мелочь. Ѣдемъ дальше. Куда ни взглянешь—валяются котлы, жестянки, цѣлыя груды соли, прессованныхъ бобовъ, идущихъ въ кормъ лошадямъ, обмолотой чумидзы, кауляну. Мѣстами еще дымились

пожары, и ѣдкая гарь щекотала наше обоняніе. Повсюду виднѣлась мѣдная, желѣзная и фарфоровая посуда. Нѣкоторыя чашечки такъ и просились на дамскій туалетъ.

— А свиней-то, свиней сколько бѣгаетъ, просто страхъ! Вишь все какія черныя, острорылыя! Что кабаны дикіе!—восклицаетъ штабсъ-капитанъ и машетъ на нихъ шашкой.

— Василій Ѳомичъ! Смотрите, какая прелестная чашка!—восклицаю я.

— Это что! дальше лучше найдемъ. Я знаю мѣсто. Тамъ я видѣлъ хорошія чашки; потомъ покажу вамъ! — не оборачиваясь, съ увѣренностью кричитъ онъ. Между тѣмъ, подъ ногами лошадей такъ и хрустятъ разныя издѣлія изъ глины, фарфора, дерева, чугуна.

Подъѣзжаемъ къ городскимъ воротамъ. Онѣ остались въ полной неприкосновенности. Это была высокая толстая арка изъ кирпича, безъ дверей. Надъ аркой красовалась башня съ легкой красивой черепичной крышей, съ разными украшеніями и колокольчиками по угламъ. Колокольчики отъ вѣтра издавали пріятный звонъ. Замѣчательно, какъ эти арки опять напомнили мнѣ Кремль. Совершенно тотъ же типъ. Въ одномъ мѣстѣ я даже и двери нашелъ точь въ точь такія, какія видѣлъ въ Москвѣ, черныя, покрытыя желѣзомъ и изукрашенныя шляпками отъ гвоздей. У воротъ стояли наши часовые. Возлѣ нихъ лежатъ въ сторонѣ кое-какія китайскія вещи, очевидно выбранныя получше: шолковый черный халатъ; кусокъ бѣлой бязи и два фарфоровыхъ блюдца. Только-что отъѣхали мы отъ воротъ, какъ лошадь Василія Ѳомича бросается въ сторону, а изъ-за обвалившейся стѣны одной фанзы пускаются бѣжать во всѣ лопатки два корейца съ мѣшками за спиной.

— Лови, лови ихъ! держи!—кричитъ мой штабсъ-капитанъ. Казаки бросаются догонять. Черныя головы бѣглецовъ, съ завязанными въ пучки волосами на затылкѣ, такъ и мелькали между обгорѣлыми домами. Нагнать ихъ было трудно. Они, какъ кошки, прыгали черезъ развалины, ямы и стѣны. Коннымъ казакамъ туда и попасть было невозможно. Такъ они и удрали.

— Ловить ихъ, драть ихъ!—сердито кричитъ часовымъ Василій Ѳомичъ. Пенснэ свалилось у него съ носа; фуражка съѣхала на затылокъ

Подъѣзжаемъ къ изящнымъ китайскимъ постройкамъ. Я въ восторгѣ. Наконецъ-то нахожу то, чего ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ! Это былъ дворецъ хунчунскаго фудутуна. Онъ хотя и порядочно пострадалъ, но стѣны сохранились. Слѣзаемъ съ

лошадей и идемъ въ ворота. Онѣ поддерживаются прочными деревянными колоннами, упертыми въ камни, дабы не гнили. Этотъ способъ установки колоннъ я замѣтилъ повсюду въ Китаѣ. Китаецъ крайне разсчетливъ и хорошо понимаетъ, что лучше ему лишне потрудиться, израсходоваться сразу, чѣмъ дать бревну сгнить и затѣмъ замѣнять его новымъ. Ворота и колонны обложены раззолоченными и раскрашенными рѣзными надписями. Наверху всѣ пилястры и фронтоны тоже отдѣланы такимъ же манеромъ. Нѣкоторыя украшенія такъ хороши, рѣзьба такъ тонка, что такъ и тянуло снять ихъ и отправить въ наши столичные музеи. Входимъ во дворъ. Онъ—квадратный. Кругомъ изящныя фанзы. Стѣны изъ обожженнаго сѣраго кирпича. Крыши всѣ на одинъ ладъ, черепичныя, съ тѣми же самыми вычурными украшеніями въ видѣ собачекъ, драконовъ и другихъ животныхъ. По стѣнамъ виднѣются барельефы, изображающіе людей, животныхъ и даже цѣлые пейзажи. Дворъ вымощенъ камнемъ, прочно и красиво. Проходимъ во второй дворъ, и я въ удивленіи останавливаюсь. Хаосъ царилъ тутъ невообразимый. Передо мною—прелестная кумирня, со своей въ высшей степени оригинальной крышей, башенками, колоннами и всевозможными раззолоченными и раскрашенными украшеніями. Вхожу въ нее и—о, ужасъ!—множество глиняныхъ боговъ, тоже раззолоченныхъ и раскрашенныхъ, валялось на полу, перевернутыми кверху ногами. Головы, руки, ноги — поотломаны. Лица изуродованы. Столы повывернуты, даже самый полъ выломанъ. Видимо, здѣсь искали зарытыхъ кладовъ. Кумирня дѣлилась на двѣ части. Въ одной изъ нихъ я, къ великому удовольствію, нашелъ трехъ идоловъ, довольно сохранившихся, хотя лица ихъ и пострадали. У меня былъ фотографическій аппаратъ съ собой, а потому я снялъ ихъ. Идемъ дальше въ послѣднее отдѣленіе. Опять ворота, очень красивыя. Опять такой же хорошенькій дворикъ. Здѣсь я нашелъ нѣсколько просторныхъ комнатъ. Направо, какъ мнѣ сказали, помѣщался самъ фудутунъ, а рядомъ, должно быть,—его жены, такъ какъ здѣсь валялись принадлежности женскаго туалета: гребенки, ножницы, женскіе башмаки, курмы, платки и разныя тряпки. Влѣво же находилась библіотека фудутуна и его канцелярія. Въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ лежали кучи китайскихъ книгъ, печатанныхъ на тоненькой желтоватой бумагѣ. Тутъ же я поднялъ нѣсколько писемъ, за печатью нашего пограничнаго коммиссара Смирнова изъ Новокіевскаго. Мы ходимъ съ Василіемъ Ѳомичемъ изъ комнаты въ комнату и все тщательно осматриваемъ. Я смотрю на

все это впервые, съ лихорадочнымъ интересомъ. Тутъ для меня что ни шагъ, то удивленіе.—Это зачѣмъ? Это почему? Что̀ это за штука?—кричу безпрестанно. Спутникъ все объясняетъ мнѣ. Онъ уже все осмотрѣлъ это раньше и разспросилъ черезъ переводчика. И чего, чего только не валялось здѣсь! Очевидно, наши застали жителей врасплохъ. Какъ все лежало на полкахъ и въ сундукахъ, такъ все и осталось. Даже пища въ котлахъ была недоѣденная.

Изъ дворца фудутуна идемъ къ нашему интенданту. Онъ помѣщался недалеко, въ небольшомъ домѣ, съ отдѣльнымъ дворомъ, въ трехъ свѣтлыхъ комнатахъ, съ широкими канами. Мнѣ въ особенности понравились шкафы по стѣнамъ, красные съ золотомъ съ оригинальными замками и ручками, очень интересные. Шкафы были уже наполнены разнымъ китайскимъ добромъ, преимущественно фарфоромъ, собраннымъ по обгорѣлому городу. Двѣ чашки были съ превосходными рисунками. Въ это время входитъ самъ интендантъ, средняго роста, блондинъ, съ небольшой бородкой. Онъ имѣлъ озабоченный видъ. Мы здороваемся.

— Ну что̀, какъ у васъ идутъ дѣла?—спрашиваетъ Василій Ѳомичъ.

— Да ничего, капитанъ! Поправляемся помаленьку,—отвѣчаетъ тотъ. — Только, вотъ, никакъ нельзя корейцевъ нанять убирать чумидзу. Не идутъ. Боятся. Недавно тутъ китайцы двоихъ застрѣлили. Остальные ни за что не идутъ. Ужъ я имъ и цѣны прибавилъ. Вотъ ежели бы отъ вашего полка конвой дали, такъ другое дѣло! Я телеграфировалъ въ Хабаровскъ; не знаю, что̀ отвѣтятъ.

Иду въ сосѣднюю комнату. Тутъ помѣщался вахтеръ.

Казалось бы, интендантскому вахтеру слѣдовало бы толстымъ быть. Этотъ же, напротивъ, былъ тощъ какъ смерть. Черноватый, съ маленькой бородкой и сиплымъ голосомъ. На столѣ у него лежали двѣ прелестныя камышевыя трубки для куренія опіума, отдѣланныя серебромъ и эмалью.

— Это чьи трубки?—спрашиваю его.

— Да здѣсь въ складахъ нашелъ!—сипло отвѣчаетъ онъ.

— Эхъ, какая прелесть!

— Господинъ интендантъ, это ваши трубки?—спрашиваю.

— Никакъ нѣтъ! Это, должно быть, фудутуна! Въ складахъ нашли. Ежели угодно, возьмите ихъ!

Я беру трубки, кричу своего казака и передаю ихъ, наказывая беречь пуще глаза. Переговоривъ съ интендантомъ, от-

правляемся осматривать запасы хлѣба. Оказывается, имъ свезено изъ разныхъ частей города сюда въ склады фудутуна нѣсколько десятковъ тысячъ отличной чумидзы, кауляну, бобовъ и разныхъ другихъ хлѣбовъ, совершенно какъ къ себѣ домой. Все это было аккуратно ссыпано въ засѣки, свѣшано и записано. Кромѣ того, еще надѣялись снять съ полей, при помощи корейцевъ, не одну сотню тысячъ пудовъ хлѣба. Входимъ на интендантскій дворъ. Невольно останавливаюсь и смотрю кругомъ съ величайшимъ интересомъ. Никакъ нельзя было подумать, что находишься въ непріятельскомъ городѣ, а скорѣе на обжорномъ рынкѣ въ Москвѣ. Повсюду виднѣлись кухонные очаги, и на нихъ солдаты кипятили на подставкахъ котелки. Варились каши,—и гречневая, и рисовая, и изъ чумидзы. Рядомъ щипали фазановъ, пекли хлѣбы, лепешки. Вонъ, по близости, рабочіе-корейцы палятъ свинью. Она вся почернѣла. Жиръ такъ и сочится изъ нея. Наши солдаты въ Хунчунѣ до свинины не дотрагивались, такъ какъ замѣчено было, что тѣ жрали людскіе трупы. Неподалеку въ уголку сидятъ рабочіе китайцы въ синихъ курткахъ и своими длинными тонкими палочками апетитно уписываютъ морскую капусту. Они, повидимому, забыли и думать о войнѣ. Работаютъ себѣ, получаютъ деньги—и больше имъ ничего не надо. Такъ, по крайней мѣрѣ, я могъ судить по ихъ спокойнымъ, равнодушнымъ лицамъ.

— А вы аптеку видѣли здѣшнюю?—улыбаясь, спрашиваетъ меня интендантъ.

— Нѣтъ; пожалуйста, покажите!

Мой новый чичероне увѣренной поступью направляется по знакомой ему дорожкѣ, между грудами развалинъ, кирпичей, посуды, разной китайской мебели и всевозможной домашней рухляди. Приходится безпрестанно прыгать черезъ трупы собакъ, свиней; человѣческихъ труповъ не было. Они всѣ были зарыты. Ступать приходилось очень осторожно, такъ какъ еще во многихъ мѣстахъ тлѣли пепелища и нерѣдко раздавались взрывы пороха и патроновъ. Подходимъ къ маленькой, полуразрушенной фанзѣ съ продыравленными бумажными окнами. Стѣны загромождены полками. На нихъ лежатъ вороха разныхъ мѣшечковъ, коробокъ, корзинъ съ травами и снадобьями. Беру, щупаю ихъ, нюхаю и кладу обратно на мѣсто. Много чего перерыли мы и пересмотрѣли. Весь полъ и каны были завалены этими снадобьями. Тутъ же валялись разные котелки и банки для приготовленія лекарствъ. Въ одномъ пакетикѣ я нашелъ морскихъ сушеныхъ коньковъ, четверти полторы длиной. Они представляли собою скелеты

и имѣли видъ змѣй, только съ конскими головками. Должно быть, эти коньки тоже растирались и шли на лекарство.

— А тюрьму видѣли?—снова спрашиваетъ меня интендантъ, когда мы вышли изъ аптеки.

— А гдѣ тюрьма?

— А вонъ она, видать, недалеко!

Направляемся туда.

— Что же, и арестанты есть?—спрашиваю дорогой.

— Никакъ нѣтъ! Пустая!—предупредительно отвѣчаетъ нашъ любезный проводникъ. Окна задѣланы деревянными толстыми брусками. Двери окованы желѣзомъ. Входимъ во внутрь помѣщенія. Полумракъ. Двѣ просторныхъ фанзы. Полъ земляной. Грязь повсюду ужасная. Арестантовъ не было. Я ищу какихъ-либо орудій пытокъ, но ничего не нахожу. Поднимаю что-то желѣзное. Подхожу къ окну, вижу ключи отъ дверей, похожіе на наши старинные крѣпостные, съ кривыми бородками. Еще поднимаю что-то,—кандалы ножные вмѣстѣ съ замкомъ. Еще нашелъ ковшъ желѣзный и разбитый котелъ. Кандалы и ключи передаю моему казаку.

Побродивъ еще по тюрьмѣ, прощаемся съ интендантомъ и ѣдемъ обратно въ лагерь. Былъ полдень. Время завтрака. Василій Ѳомичъ отъѣхалъ въ сторону и что-то пристально смотритъ на землю.

— Что тамъ нашли?—кричу ему и подъѣзжаю.

— Должно быть, здѣсь фарфоровая лавка была! Смотрите, все черепки валяются.

Слѣзаемъ съ лошадей и начинаемъ разсматривать. Весь полъ лавки густо застланъ землей, кирпичомъ и угольями. Нѣкоторые еще не остыли и изрѣдка мигали огоньками. Беру большой комокъ скипѣвшагося фарфора.

Тутъ видны обломки ручекъ, какія-то статуэтки, головки и разныя другія мелкія частички. Одну фигурку поднимаю почти нетронутую. Какой-то божокъ, хромой, на костылѣ. Фигурка изъ бѣлаго фарфора, отлично вылѣплена. А вотъ въ углу торчатъ изъ земли чашечки. Цѣлый ассортиментъ. Сначала идетъ большая, потомъ все меньше и меньше, и, наконецъ, послѣдняя величиною съ наперстокъ. Хотя онѣ и не поломаны, но жаръ сильно подѣйствовалъ и краска на нихъ уже обгорѣла. Поэтому брать ихъ не стоитъ. Переходя такъ изъ одной развалины въ другую, вездѣ осматривая, мы незамѣтно пробыли на пожарищѣ довольно долго. Смотрю на часы—два часа.

— Василій Ѳомичъ, пора домой!—кричу я.

— Ѣдемъ, ѣдемъ, ѣсть хочется!—сумрачно отвѣчаетъ онъ недовольнымъ тономъ, а самъ между тѣмъ все не можетъ оторваться и все осматриваетъ каждый уголокъ, желая найти что-либо интересное. Но, увы, здѣсь уже до насъ все выхожено солдатами и корейцами. Наконецъ, садимся на лошадей и ѣдемъ. Вотъ и лагерь. Уже всѣ отобѣдали и улеглись спать. Жара сильная. Кругомъ—знакомая мнѣ еще по текинскому походу картина. Палатки снизу приподняты и вѣтерокъ насквозь продуваетъ. Куда ни взглянешь,—видишь раскинувшіяся потныя красныя тѣлеса, едва прикрытыя бѣльемъ. Все спитъ. Слышенъ только легкій храпъ да сопѣнье носомъ. Подъѣзжаю къ своей палаткѣ. Сожитель мой тоже спитъ, закутавшись по обыкновенію отъ мухъ одѣяломъ съ головою. Слѣзаю съ лошади, прячу свое пріобрѣтеніе—трубки, кандалы, ключи отъ тюрьмы, закусываю чѣмъ Богъ послалъ и ложусь спать.....

— Ми-тень-ка, давай-ка ты намъ чего поѣсть!—опять раздается по лагерю спокойный голосъ Василія Ѳомича. Я пришелъ къ нему обѣдать. Митенька является, накрываетъ столъ и подаетъ котелокъ съ борщомъ. Ѣдимъ и разговариваемъ. Въ это время подходитъ солдатъ съ нашивками.

— Тебѣ что?—спрашиваетъ мой пріятель.

— Ваше высокоблагородіе, тутъ солдатикъ вещи принесъ китайскія; прикажете ему явиться?

— А! Давай, давай его сюда!—весело восклицаетъ штабсъ-капитанъ и самодовольно улыбается.

— Это какой же солдатъ?—спрашиваю.

— А это назначенъ полицейскимъ по городу.

Въ палатку входитъ маленькій, худенькій солдатъ съ рыжими усиками, съ мѣшечкомъ въ рукахъ.

— Здорово!

— Здравія желаемъ, ваше высокородіе!

— Ну, показывай!—восклицаетъ Василій Ѳомичъ.

Солдатъ вытряхиваетъ на столъ разныя серебряныя вещи: головныя заколки, браслеты, серьги, перстеньки, пряжки и т. п. Все очень оригинально, красиво выдѣлано, съ разными узорами и рисунками. Серебра тутъ фунта три-четыре.

— Ну, вотъ тебѣ!—Пріятель мой подаетъ солдату три серебряныхъ рубля.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе!—восклицаетъ тотъ, круто поворачивается и исчезаетъ.

— Мало вы дали! Смотрите, сколько тутъ добра! — говорю ему.

— Вотъ еще баловать ихъ! Вѣдь не покупное! И за это спасибо скажи!—и онъ начинаетъ разбирать покупку.

— Вы желаете взять что-нибудь!—спрашиваетъ онъ.

— А вамъ чего не жалко?—очень довольный, говорю ему.

— Да берите хоть все.

— Ну, вотъ спасибо!—Я возвращаю ему три рубля, и въ восхищеніи уношу покупку къ себѣ въ палатку, гдѣ и предаюсь наединѣ разглядыванію. Что ни вещь, то прелесть. Какъ все сдѣлано! Какъ все облюбовано! Сколько въ каждой вещи вкусу!

— Что, и вы накупили этой китайщины?—вдругъ слышу голосъ Б—скаго. Онъ проснулся. Лицо красное, потное.

— Фу, жарища!—ворчитъ онъ.—Проклятыя мухи спать не даютъ.

— Смотрите, прелесть какая! — говорю ему и показываю серебряную головную шпильку въ видѣ бабочки.

— Да что въ нихъ хорошаго! Все дрянь, эта китайщина!—брезгливо возражаетъ мой милѣйшій Терентій Данилычъ. Онъ—злѣйшій врагъ всякой китайщины.

— И охота вамъ марать руки объ эту мерзость! То ли дѣло чечунча или другая какая шолковая матерія. Да и Ѳомичъ вашъ тоже возится съ этимъ напрасно. Китайцы —дурачье. Все побросали, трусы, и разбѣжались!—бурчитъ онъ, и съ азартомъ чешетъ затылокъ. Обругавши всѣхъ и вся, онъ широко зѣваетъ, поднимается съ постели, надѣваетъ китель, напяливаетъ на затылокъ фуражку, выходитъ изъ палатки и пропадаетъ.....

Солнце за полдень. Отъ палатокъ падаютъ длинныя тѣни. Въ воздухѣ прохладно. Намъ опять подводятъ лошадей, и мы ѣдемъ съ Василіемъ Ѳомичемъ, въ сопровожденіи четырехъ казаковъ, осматривать окрестности. Не осталось ли гдѣ какихъ-либо китайскихъ хлѣбныхъ запасовъ? Мнѣ было поручено все это подробно выяснить. Поднявшись на гору возлѣ самаго лагеря, я невольно останавливаюсь. Передъ нами—чудный видъ. Долина Хунчуна утопала въ зелени хлѣбовъ. Высокій каулянъ стѣной отдѣлялся отъ золотистой чумидзы. Бобовыя поля громадными пятнами темнѣли то тутъ, то тамъ. Одиночныя деревья, подобно сторожамъ какимъ, возвышались изъ общаго моря хлѣба. Впереди же, далеко на горизонтѣ, сверкала р. Тюмень-Ула, пограничная съ Кореей. По берегамъ ея вспыхивали какіе-то огни, и дымъ застлалъ всю даль. Дома и постройки едва можно разобрать.

— А что, вѣдь это навѣрное хунхузы жгутъ корейскія де-

ревни!—восклицаетъ Василій Ѳомичъ и пристально смотритъ въ бинокль. Я тоже смотрю въ свой, но ничего не вижу. Мой бинокль очень плохъ, и я сожалѣю, что взялъ его съ собой изъ Петербурга. Двигаемся дальше. Вотъ первая китайская деревня. Дома брошены. Нѣтъ ни души. Бумажныя окна продраны. Внутри—полный разгромъ. Вездѣ валялся разный домашній скарбъ, горшки, чашки, корзины, котлы, одежда, тряпки, веревки, сбруя, колеса и т. п. Запасовъ же хлѣба нигдѣ не видно. Проѣзжаемъ версты три на западъ. Здѣсь, должно быть, гончары жили. Въ каждомъ дворѣ находимъ цѣлые склады гончарныхъ издѣлій: горшки, чаши, тазы, чашечки, кувшины, чайники, плошки. Весь товаръ отлично обожженъ и прекраснаго качества. Когда постукаешь его, онъ такъ и звенитъ. Василій Ѳомичъ выбираетъ себѣ чайникъ. Я беру кувшинчикъ съ крышечкой и передаю моему казаку.

— Вотъ добрая штучка, ваше высокоблагородіе, воду подавать умываться!—замѣчаетъ тотъ и проситъ позволенія и себѣ взять такой же. Я позволяю, тѣмъ болѣе, что половина всей этой посуды уже была перебита и представляла одни черепки. Осмотрѣли еще двѣ, три деревни, но запасовъ хлѣба все-таки не нашли. Очевидно, сосѣди-корейцы, пользуясь тѣмъ, что китайцы бѣжали, весь хлѣбъ перетаскали къ себѣ. Не даромъ, когда я ѣхалъ въ Хунчунъ, то встрѣчалъ цѣлые ихъ обозы, груженные хлѣбомъ, морской капустой, макаронами, трепангами и т. п. вещами.

Мы отъѣхали отъ лагеря верстъ десять, пожалуй. Казаковъ съ нами всего четыре человѣка. Какъ бы на насъ китайцы не напали, - думается мнѣ. Пожалуй, засѣли гдѣ въ каулянѣ или въ канавѣ, да и дадутъ залпъ по намъ. Благоразумно поворачиваемъ и ѣдемъ домой. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы пріѣхали въ лагерь.

Утромъ опять выѣзжаемъ съ Василіемъ Ѳомичемъ и направляемся на сѣверный фортъ. Онъ былъ верстахъ въ восьми къ востоку отъ Хунчуна. Переправившись на паромѣ черезъ рѣку Хунчунку, пускаемъ лошадей хорошей рысью. Дорога идетъ ровная, полями. Окрестности прелестныя. Воздухъ превосходный. Солнце весело кругомъ свѣтитъ и далеко озаряетъ на горизонтѣ вершины синихъ горъ. Вотъ и фортъ. Гарнизонъ замѣтилъ насъ и встрѣчаетъ на стѣнахъ. Подъемъ очень крутой. Стѣны мѣстами разрушены. Въ одинъ изъ проломовъ я и взбираюсь. На самой верхушкѣ солдаты подхватываютъ меня подъ-руки. Подхожу къ китайскому орудію. Оно шести-дюймовое, крупповское. Артиллеристы очень его хвалятъ. Оно со всѣми новѣйшими приспособ-

леніями. Осмотрѣлъ одно, иду къ другому. И что же вижу,—второе лежитъ опрокинутое на землю и уже все заржавѣло. Жалость было смотрѣть, какъ такое дорогое орудіе находилось въ подобномъ пренебреженіи. Отсюда идемъ осматривать пороховой погребъ. Тутъ натыкаемся на величайшій курьезъ. Оказывается, пороховой погребъ состоялъ изъ маленькаго сарайчика, прикрытаго тоненькой крышей. Между тѣмъ въ немъ хранился порядочный запасъ пороху и снарядовъ. Одного удачнаго выстрѣла съ нашей стороны достаточно было, чтобы отъ всего этого форта не осталось и званія. Вотъ какъ устраиваютъ китайцы свои крѣпости. Съ сѣвернаго форта проѣзжаемъ на южный. Онъ былъ верстахъ въ восьми на юго-западъ. Дорога все шла полями. Долина все такъ же чудно плодородна. Интересно, что оба эти форта соединялись между собой разными земляными укрѣпленіями, траншеями, валами, ровиками. Доходили ли они до самаго форта—не знаю. Помню, что я ѣхалъ валомъ довольно далеко, и только съ версту не доѣзжая свернулъ другой дорогой. Южный фортъ мало отличался отъ сѣвернаго. Этотъ послѣдній рѣшено было бросить, южный же удержать за нами, расширить и укрѣпить. На южномъ стояли такія же тяжелыя крупповскія орудія. Здѣсь подарилъ мнѣ одинъ инженерный капитанъ обоюдоострый мечъ, очень древній и чрезвычайно оригинальной формы. Никто не могъ мнѣ объяснить, какого онъ времени и какое его назначеніе. Только одинъ старикъ-китаецъ, указывая на крючковатую форму меча, высказалъ предположеніе, что имъ, вѣроятно, во время сраженія, подрѣзали ноги лошадямъ.

Возвратившись какъ-то изъ одной такой поѣздки, я нашелъ въ лагерѣ цѣлое общество офицеровъ и чиновниковъ, пріѣхавшихъ изъ Владивостока и Хабаровска. Между прочимъ, тутъ былъ контролеръ Мусатовъ, командированный сюда, дабы провѣрить интендантскіе склады, собранные въ Хунчунѣ. Профессоръ института восточныхъ языковъ во Владивостокѣ, Рудаковъ, командированъ былъ собрать китайскіе книги и архивы въ Хунчунѣ. Онъ брилъ бороду и усы, чрезъ что казался чрезвычайно моложавымъ. Затѣмъ пріѣхалъ также изъ Хабаровска окружной агрономъ, нѣкто Дульскій, чтобы познакомиться съ флорой здѣшняго края. Всѣ они—давай осаждать Орлова просьбами относительно лошадей для поѣздокъ по окрестностямъ. Одинъ Рудаковъ сидѣлъ смирно въ палаткѣ и уныло посматривалъ черезъ свои золотые очки. Оказалось, что, проѣхавши съ непривычки полсотни верстъ верхомъ, онъ такъ растрясся, что едва сидѣлъ. Несмотря на это, онъ все-таки утромъ поѣхалъ верхомъ въ

городъ вмѣстѣ со мной, гдѣ я показалъ ему брошенный архивъ фудутуна.

Интереснѣе же всего мнѣ было ѣздить въ компаніи съ Дульскимъ. Небольшого роста, полненькій, очень подвижной, онъ обладалъ большими свѣдѣніями по ботаникѣ. Вотъ ѣдемъ мы съ нимъ рядомъ. Вдругъ онъ отъѣзжаетъ въ сторону, срываетъ какое-то растеніе и показываетъ.

— Вы знаете, что̀ это такое?—спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю, а что̀?

— Это майза, просовое растеніе. А это пайза.—Затѣмъ отъѣзжаемъ немного. Черезъ нѣкоторое время опять слышу:

— А это знаете что̀ такое? Это макъ для опіума,—и т. д. Ни одного растенія не пропускалъ, чтобы не назвать его по-русски и по-латыни и не объяснить его значенія. И видно было, съ какой любовью, съ какимъ величайшимъ интересомъ относился онъ къ своему дѣлу. И какую еще особенность замѣтилъ я въ Дульскомъ. Онъ былъ необыкновенно смѣлъ. Въ то смутное время, когда нашихъ солдатъ, отлучившихся подальше отъ крѣпости, частенько китайцы убивали,—онъ съ однимъ казакомъ, а когда—такъ и совершенно одинъ, разъѣзжалъ по окрестностямъ на пятнадцать, на двадцать верстъ.

— Какъ это вы такъ рискуете?—говорю ему однажды.

— Ничего! Не тронутъ,—добродушно отвѣчалъ онъ, улыбаясь. Однимъ словомъ, Дульскій былъ молодецъ, да и только. Вотъ, между прочимъ, какой далъ онъ мнѣ перечень здѣшнимъ полевымъ и огороднымъ китайскимъ растеніямъ. Огородныя: конопля, дыни китайскія, огурцы, арбузы, тыквы, перецъ, баклажаны, морковь, брюква, фасоль, саладъ китайскій, рѣдька, лукъ, чеснокъ. Полевыя: пшеница, овесъ, ячмень, просо, гречиха, каулянъ, кукуруза, пайза, майза, кузъ, ангу. Бобы для сои, нѣсколько сортовъ. Макъ для опіума. Судъ—по-корейски: „кья". Перечень этотъ далеко не полный. Онъ продиктованъ былъ мнѣ на скорую руку. Дульскій, какъ и я, тоже восторгался плодородіемъ Хунчунской долины....

— Вотъ вы любите китайщину, Александръ Васильевичъ, пойдемте-ка къ капитану Г. Вотъ у кого набрано разныхъ интересныхъ вещей!—восторженно говоритъ мнѣ какъ-то разъ мой сожитель Б—скій, послѣ обѣденнаго сна, замѣтивъ, что я проснулся. По лицу его и по тому, какъ онъ привскочилъ съ постели, видно было, что мысль эта какъ бы осѣнила его свыше и онъ жаждалъ сообщить мнѣ ее.

— А что̀ же у него есть?—спрашиваю.

— Какъ что̀? Я знаю—что̀. Есть у него халаты хорошіе. Лукъ со стрѣлами. Перо драгоцѣнное со шляпы фудутуна. Барабанъ есть китайскій. Музыка какая-то,—увѣренно перечисляетъ Терентій Данилычъ, упершись глазами въ потолокъ палатки и загибая на рукахъ пальцы. Онъ видимо старался заинтересовать меня.

— Ну такъ что же, пойдемъ!—говорю. Встаемъ и направляемся. Г. былъ дома. Завидя насъ, онъ бросается приготовить въ палаткѣ мѣсто для гостей. Это былъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, тощій, высокій, лысый. Борода черная съ просѣдью, небольшая. Глаза маленькіе, узенькіе. Ходилъ въ сильно поношенномъ чечунчовомъ кителѣ.

— Ну, что̀, знаете? Какъ поживаете? Что̀ подѣлываете?—умильно восклицаетъ онъ тоненькимъ пѣвучимъ голоскомъ, поглаживая бороду. Привычка была у Г. говорить: „знаете". Что̀ ни скажетъ, а „знаете" непремѣнно прибавитъ.

— Ну-ка, покажи, Матвѣй Матвѣичъ, что̀ у тебя тамъ есть китайскаго. Что ты набарантовалъ?—спокойнымъ, серьезнымъ тономъ вопрошаетъ Б—скій, точно учитель ученика, не обращая ни малѣйшаго вниманія на привѣтствія капитана. Терентій Данилычъ какъ бы хотѣлъ этимъ сказать: „Ну, ты, милый другъ, зубы-то намъ не заговаривай, а приступай прямо къ дѣлу!"

Почтенный хозяинъ нашъ—въ нѣкоторомъ смущеніи. Онъ, очевидно, хотя и привыкъ къ разнымъ неожиданностямъ со стороны Б—скаго, но такого смѣлаго натиска не предполагалъ, а потому и не приготовился къ отпору.

— Да право, знаете, у меня ничего нѣтъ,—оправдывается онъ.

— Ну вотъ! Чего тамъ скрывать! Всему лагерю извѣстно, что ты пропасть набралъ!—баситъ мой пріятель. Затѣмъ обращается ко мнѣ и весело говоритъ:

— Вы слышали, какъ онъ чечунчу посылалъ своей женѣ,—и, не дожидаясь моего отвѣта, продолжаетъ разсказывать:—Посылаетъ онъ ей три воза чечунчи, да и пишетъ письмо:

„Ты, милая Сонечка, не сердись, что я такъ много тебѣ посылаю. Вѣдь я за все это очень недорого заплатилъ". Ха, ха, ха!—разражается смѣхомъ разсказчикъ.

— Да, знаете, Терентій Данилычъ,—сумрачно возражаетъ Г., послѣ нѣкотораго молчанія:—Все это выдумки. Все это—поклёпъ на меня. Кто это разсказываетъ—больше моего самъ послалъ домой.—Затѣмъ наклоняется и, чуть не упирая лысой го-

ловой въ животъ моему пріятелю, въ полголоса говоритъ, какъ бы боясь, чтобы его не услышали:

— А шубу соболью кто разрѣзалъ? Кто по почтѣ послалъ? Ишь ты!—пищитъ онъ.—Дался имъ я!—Онъ взволнованно достаетъ изъ кармана своихъ черныхъ ластиковыхъ шароваръ засаленный фуляровый платокъ, скорѣе похожій на тряпку, чѣмъ на платокъ, и вытираетъ имъ сначала лицо, потомъ лысину, а затѣмъ и всю шею кругомъ.

— Да ну, ну, показывай, чего оправдываешься!—настойчиво баситъ мой спутникъ. Хозяинъ сдается.

— Да что же бы вамъ показать? Вотъ развѣ халатъ у меня есть, мозаиковый,—и достаетъ изъ сундука старый, поношенный женскій халатъ, накидываетъ на себя, преуморительно вертится, кружится и самодовольно посматриваетъ на насъ своими узенькими глазами. Халатъ достигалъ ему до колѣнъ и висѣлъ какъ на вѣшалкѣ. Почему Матвѣй Матвѣичъ называлъ его „мозаиковымъ“, это такъ и осталось для меня секретомъ. Тщательно сложивши халатъ, онъ убираетъ его обратно въ сундукъ. Затѣмъ подаетъ, въ простомъ деревянномъ футлярѣ, павлинье перо, украшенное разноцвѣтными стеклышками.

— Ну, вотъ вамъ перо отъ шапки фудутуна. Возьмите его, знаете, ежели желаете!—Завертываетъ въ кусокъ синей китайской бязи и любезно подаетъ мнѣ. Я съ благодарностью беру подарокъ. Выхожу изъ палатки, вижу—стоитъ прелестная, краснаго дерева, крытая китайская повозка-двухколеска. Всѣ металлическія части ея, колеса, скрѣпы, гайки, гвоздики, все отдѣлано серебромъ. Внутренность же украшена шолкомъ и бархатомъ. Ну, игрушечка, да и только.

— А это чья повозка?—спрашиваю.

— А это, знаете, я у солдатъ купилъ послѣ штурма, семь рублей далъ. Думаю, домой послать, дѣтямъ играть, знаете.

— Уступите мнѣ, капитанъ!—прошу его.

Тотъ жмется.

— Да, знаете, пожалуй, возьмите. Да что вы съ ней будете дѣлать?

— А я въ Петербургъ отправлю, тамъ въ какой-нибудь музей пожертвую. Вѣдь это такая прелесть,—хоть царскимъ дѣтямъ кататься, и то не грѣхъ!—И я начинаю ходить кругомъ повозочки и разсматривать ее. Затѣмъ достаю семь рублей и съ восторгомъ передаю ихъ Г.

— Только, Матвѣй Матвѣичъ, нельзя ли вашимъ мастерамъ

привести ее въ порядокъ. Вотъ это прикрѣпить, тутъ привинтить, смазать. Я за все заплачу.

— Какъ же, какъ же! Я, знаете, самъ это думалъ. Вотъ къ ней занавѣсочки шолковыя есть. Вотъ скамеечка для ногъ. Вотъ и сбруя на оглобляхъ. Это все сюда идетъ,—суетливо выкрикиваетъ мой новый пріятель, бѣгая вокругъ повозочки. Мы прощаемся наконецъ и уходимъ.

Недалеко отъ передней площадки, гдѣ происходило въ лагерѣ богослуженіе, солдаты устроили колокольню. Поставили два бревна съ перекладиной и на нее повѣсили китайскіе колокола, найденные въ городѣ. Такъ вотъ мнѣ пришла разъ мысль снять всѣхъ офицеровъ группой подъ этими колоколами. День былъ отличный. Предлагаю собраться офицерамъ. Всѣ охотно соглашаются. Даже и батюшка пришелъ, очень почтенный, заслуженный и всѣми уважаемый. Одинъ офицеръ явился съ китайскимъ мальчикомъ на рукахъ, лѣтъ четырехъ, не больше. Звали его Ваней. Нашли его послѣ взятія Хунчуна. Мальчикъ былъ предобрый и премиленькій. Онъ часто всѣхъ насъ потѣшалъ за обѣдомъ, въ общей столовой. Офицеры научили его продѣлывать разныя штуки. Такъ, напримѣръ, скажешь ему, бывало: „Ваня, давай драться!“—какъ онъ уже кричитъ: „давай!“, быстро засучиваетъ на своихъ маленькихъ, пухлыхъ, коричневыхъ ручонкахъ рукава, плюетъ въ кулаки и бросается черезъ весь столъ драться. Ну, конечно, общій хохотъ. Я снялъ группу. Фотографія вышла довольно удачная.

Время подъ вечеръ. Жара сильная. Солнце такъ и обливаетъ лучами. Сижу я послѣ сытнаго обѣда на постели и смотрю на лагерь. Палатки приподняты и обитатели ихъ видны. Всѣ лежатъ и отдыхаютъ въ однѣхъ рубахахъ. Сожителя моего нѣтъ. Онъ ушелъ внизъ, въ импань, гдѣ съ топографомъ, да телеграфнымъ начальникомъ, да еще съ приказчикомъ-маркитантомъ, дуется въ штосъ. Терентій Данилычъ вчера выигралъ пятьсотъ рублей, такъ пошелъ еще попытать счастья. Вонъ и мой почтеннѣйшій Василій Ѳомичъ растянулся на постели, охаетъ и пыхтитъ. Потное, красное лицо мало отличается отъ его красной кумачевой рубахи. Онъ старательно протираетъ кулакомъ сонные глаза и о чемъ-то глубокомысленно думаетъ.

— Василій Ѳомичъ!—кричу я.

— А? что?

— Нельзя ли чего-нибудь интересненькаго достать?

— А что же! пожалуй! можно! Эй! Ми-тень-ка!

Тотъ является.

— Позвать полицейскаго!—Такъ, черезъ четверть часа, смотрю, идетъ уже знакомый мнѣ унтеръ-офицеръ.

— Прикажи-ка ты тамъ принести, ежели у кого что найдено! слышишь!

— Такъ точно, слушаю-съ!—и исчезаетъ. Проходитъ съ полчаса времени. Я уже и забылъ о приказаніи. Вдругъ, смотрю, ко мнѣ входитъ самъ Василій Ѳомичъ, въ одной рубахѣ и невыразимыхъ, съ мѣшкомъ въ рукахъ, и вываливаетъ на столъ разныя серебряныя вещи, но такія интересныя, такія чудныя, какихъ я и во снѣ не видалъ.

— Ахъ! ахъ! какая роскошь!—невольно восклицаю.—Пожалуйста! осторожнѣе! поломаете все! Ну, что за прелесть! Сколько же все это стоитъ?

— Да я уже далъ ему три рубля,—внушительно говоритъ онъ и начинаетъ преспокойно рыться въ этомъ добрѣ.

— Да позвольте! Да какъ же можно! Достаю изъ кошелька пять рублей, выбѣгаю изъ палатки и вручаю ихъ тому же самому солдату, который приносилъ и первый разъ. Тотъ, очевидно, никакъ не ожидалъ прибавки, и уже намѣревался уходить. Возвращаюсь и тоже начинаю разбираться въ покупкѣ. И какихъ только тутъ не было украшеній! Вотъ букетъ изъ серебряныхъ эмальированныхъ цвѣтовъ съ фальшивыми камешками. Такіе букеты китаянки закалываютъ въ волосы около ушей. Вотъ бабочка серебряная, вызолоченная, съ зелеными нефритовыми глазами. Вотъ черный жукъ изъ такого же камня. Бока его украшены мелкимъ жемчугомъ. Пара толстыхъ серебряныхъ браслетъ чеканной работы. Серьги съ подвѣсками въ видѣ драконовъ, чрезвычайно тонкой работы, тоже отдѣланныя эмалью. Вотъ деревянные браслеты, изукрашенные жемчужными звѣздочками. А вотъ серьги въ видѣ кузнечиковъ съ длинными проволочными золотыми усами. Но лучше всего—головное украшеніе съ разноцвѣтными камешками. Прелесть да и только!

— Ну, какъ же мы это подѣлимъ?—говорю я.

— Да какъ! Вотъ я возьму только это украшеніе, а остальное берите вы. Этого я вамъ уже никакъ не могу уступить. Это я моей дочкѣ свезу.—Василій Ѳомичъ беретъ украшеніе въ видѣ діадемы и бережно уноситъ его къ себѣ. Я ничуть не спорю. Я въ восторгѣ и отъ остального. Быстро завертываю въ бумагу и прячу ихъ рядомъ съ прежней покупкой. Вотъ, думаю, у меня уже и порядочно собралось украшеній: цѣлая коллекція составилась.

Сегодня Спасовъ день. Довольно свѣжо. Солнце хотя и свѣтитъ, но на небѣ гуляютъ тучки. На площадкѣ передъ нашими палатками стоитъ столъ, накрытый бѣлой скатерткой. Кругомъ выстроились солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ и офицеры въ чистенькихъ кителяхъ. Старичокъ-священникъ, въ зеленой серебристой рясѣ, готовитъ чашу съ водой. Пѣвчіе, подъ руководствомъ худощаваго артиллерійскаго поручика, съ рыжими бакенбардами, откашливаются и приготовляются пѣть.

— „Спаси Го-о-осподи!"—хрипло провозглашаетъ священникъ и опускаетъ въ чашу крестъ.

— „Лю-юди твоя!"—подхватываетъ хоръ.—„И благослови достояніе твое"!

Голоса ихъ далеко разносятся по вѣтру. Солдаты усиленно крестятся. Смотрю на самый конецъ лагеря, гдѣ артиллерійскія коновязи, и тамъ конюха, съ непокрытыми головами, набожно крестятся и кланяются...

„Крестомъ твоимъ жительство!"—возглашаютъ пѣвчіе, надсаживаясь изо всѣхъ силъ. Регентъ-поручикъ рѣшительно машетъ рукой и искоса смотритъ на окружающихъ, какъ бы желая знать, какой эффектъ произвело пѣніе. Эффектъ полный. Пѣвчіе поютъ дружно. Молебенъ быстро кончается. Всѣ расходятся.

Какъ-то послѣ полудня сидимъ мы съ Терентіемъ Данилычемъ въ палаткѣ и пьемъ чай. Небо заволакиваетъ тучами. Вдругъ налетаетъ шквалъ, да такой неожиданный и сильный, что чуть не срываетъ палатку.

— Эй, Иванъ!—кричу я.

— Андрей, гдѣ ты тамъ запропастился!—кричитъ Б—скій. По лагерю поднимается тревога. Раздаются крики. Очевидно, разыгрывался тайфунъ, — такъ называется буря въ здѣшней мѣстности. Началъ накрапывать дождикъ,—все сильнѣе и сильнѣе; а съ нимъ начинаютъ учащаться и порывы вѣтра. Палатку нашу такъ и пригибаетъ къ землѣ. Бросаюсь къ стойкѣ и поддерживаю ее, какъ бы она не сломалась. Дождь вдругъ полилъ какъ изъ ведра. Настала тьма. Вѣтеръ завылъ такъ, точно кругомъ сотни ословъ и медвѣдей разомъ заревѣли. Несчастные вѣстовые наши выбились изъ силъ, привязывая и укрѣпляя палатку. Вода ручьями бѣжитъ изъ-подъ ногъ. Ступить негдѣ. Приносятъ доску и кладутъ на полъ. Свѣчу зажечь невозможно,—задуваетъ. Позади палатки слышна руготня деньщиковъ. Раздаются крики: „Офицерскую столовую унесло!"—„Кухню опрокинуло!"—„У казначея сорвало!" и т. п. Мы сидимъ и не знаемъ, что дѣ-

лать. Кое-какъ палатку укрѣпили. Мнѣ казалось сначала, что вотъ сейчасъ вѣтеръ и прекратится. Но не тутъ-то было. Настаетъ вечеръ, а дождь все льетъ и льетъ. Буря не стихаетъ. Вотъ и ночь наступила. Мы оба, измучившись, ложимся на кровати. Деньщики укрываютъ насъ чѣмъ попало, лишь бы не промокнуть, и наконецъ засыпаемъ. Утромъ проснулся, смотрю,— одинъ бокъ мой весь мокрый. Дождь все льетъ и льетъ. Вѣтеръ все такъ же зловѣще налетаетъ и заставляетъ насъ трепетать за существованіе палатки. Теперь ужъ не помню, сколько дней продолжался этотъ тайфунъ. За два я ручаюсь,—а можетъ и больше. Все это время никто не могъ показаться на улицу. Развѣ ужъ крайность какая. Огней не разводили и горячей пищи не ѣли. Наконецъ дождикъ прекратился, небо прояснилось, и всѣ мы, какъ тѣ животныя, которыхъ нѣкогда Ной выпустилъ изъ ковчега, послѣ сорокадневнаго потопа, съ радостью выбѣгаемъ изъ своихъ палатокъ на свѣжій воздухъ.

Я покончилъ со своимъ осмотромъ. Все объѣхалъ и записалъ. Осталось только въ Савеловку заѣхать. Но это я рѣшилъ сдѣлать на обратномъ пути. Отчетъ готовъ. Готова и китайская одноколочка моя. Она стоитъ передо мной на площадкѣ, вся вымытая. Верхъ ея и черная шолковая матерія, какъ новенькіе, блестятъ на солнцѣ. Серебряная инкрустація на оглобляхъ и на колесахъ рѣзко выдѣляется на красномъ фонѣ. Интендантъ далъ мнѣ два куска китайской бѣлой бязи, и вотъ солдаты старательно обертываютъ повозку со всѣхъ сторонъ. Тутъ же укладываютъ и остальныя мои вещи. Кромѣ того, полковникъ Орловъ поручилъ мнѣ доставить въ хабаровскій музей двѣ скорострѣльныхъ пушки, взятыя при штурмѣ Хунчуна. Наконецъ, все уложено, упаковано; я прощаюсь со всѣми, сердечно благодарю за радушный пріемъ и трогаюсь въ обратный путь.

А. В. Верещагинъ.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ

ТРИ РАЗСКАЗА.

I.—Бобыль.

На самой большой дорогѣ между станціей „Горлюпановка“ и большимъ торговымъ селомъ „Ситовкой“ лежитъ маленькая деревушка „Зайчики“. Настоящее имя ея, которое имѣется въ сельскихъ приговорахъ и оффиціальныхъ бумагахъ, —„Отрада“,— имя, данное ей стариннымъ помѣщикомъ въ прекрасный іюньскій вечеръ, когда онъ, вернувшись съ охоты, былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа. Но и помѣщика этого давно на свѣтѣ нѣтъ, и имѣніе его давно разорено и перешло въ десятыя руки. Говорятъ, что теперешній владѣлецъ его, купецъ Отрыжкинъ, хочетъ тоже съ нимъ развязаться, выгодно продавъ его по частямъ крестьянамъ черезъ посредство банка.

Скажите любому крестьянину въ околоткѣ: „Отрада“—онъ васъ не пойметъ, а „Зайчики“ всѣмъ извѣстны. Знаютъ, напримѣръ, что въ Зайчикахъ когда-то былъ убитъ помѣщикъ, заблудившійся во вьюгу и искавшій тамъ убѣжища. Всѣ знали, что онъ тамъ былъ убитъ, но кто именно былъ убійцей,—несмотря на всѣ старанія тогдашней полиціи, такъ и осталось тайной.

Знаютъ окрестные жители въ Зайчикахъ старика Егора Дороѳеева и жену его Матрену Сидорову, которые охотно выручаютъ людей въ нуждѣ, причемъ, кромѣ угощенія при совершеніи сдѣлки, берутъ всего пять процентовъ въ мѣсяцъ, что многіе считаютъ весьма выгоднымъ.

Знаютъ, наконецъ, зайчинскаго бобыля, который уже лѣтъ десять ходилъ и побирается по округѣ, не воруетъ, не буянитъ,

не пьянствуетъ и дѣлаетъ много добра. Въ особенности жалѣетъ онъ сиротъ. Въ разныхъ селахъ у него ихъ нѣсколько. Говорятъ, что когда онъ наберетъ деньжонокъ, онъ имъ помогаетъ кое-чѣмъ: одеждой, а то тайкомъ ихъ накормитъ кускомъ мяса. Какъ его звать—знаетъ священникъ, да, можетъ быть, волостные; самъ, когда его спрашиваютъ, отвѣчаетъ, что его зовутъ Иваномъ. А спросятъ фамилію—онъ сморщитъ лобъ, прищуритъ глаза, махнетъ рукой, а то и плюнетъ, и скажетъ: „Забылъ, пропасть ее побери, фамилію-то"!.. Такъ и зовутъ его всѣ, да и самъ онъ себя зоветъ: „зайчинскій бобыль". Далеко не ходилъ бобыль за милостыней. Ему и въ его округѣ помогали охотно. Когда онъ проходилъ по какому-нибудь селу съ мѣшкомъ за плечами,—почти всякій, не дожидаясь его просьбы, ему подавалъ. Старались, кто могъ, подать деньгами. Вѣдь знали, что онъ денегъ этихъ не проиграетъ въ карты съ другими нищими, не пропьетъ, а употребитъ въ дѣло. Бабы давали ему что̀ поцѣннѣе: кусокъ холста, яйца. Давали, впрочемъ, и куски, которые онъ продавалъ на деньги извѣстнымъ ему бѣднякамъ. И не потому только подавали ему, чтобы отвязаться отъ назойливаго побирушки, а охотно иногда догоняли его шаговъ за сто, если не успѣли подать, пока онъ былъ у дома.

Соберетъ, бывало, бобыль деньжонокъ и идетъ въ деревню къ извѣстному ему сиротѣ.

„Надо,—думалъ онъ,—къ Митькѣ сходить. А то давно не былъ въ той сторонѣ. Холодно дѣлается. Ему, небось, надѣть нечего". И шелъ онъ къ Митькѣ, и покупалъ ему, конечно по случаю, то шапку, то сапоги теплые.

Но изъ всѣхъ его сиротъ былъ у него одинъ — любимый. Звали его Костюшкой. Онъ былъ круглый сирота, и выбранный ему въ опекуны дядя положилъ въ банкъ, по требованію начальства, двадцать-три рубля. За двѣнадцать онъ, послѣ большихъ хлопотъ, продалъ разваленную избушку Костюшки, да на одиннадцать—прочей разной рухляди. Такъ какъ эти двадцать-три рубля ему было велѣно положить въ банкъ, то Костюшка остался раздѣтый къ зимѣ. У опекуна своихъ было много дѣтей, и онъ не зналъ, что̀ сдѣлать съ племянникомъ. Къ счастью, добрые люди его пристроили въ ученье къ сапожнику, жившему въ Ситовкѣ.

Сапожникъ былъ пьяница—есть ли сапожники не пьяницы?—и съ Костюшкой обращался плохо, тѣмъ болѣе, что заступиться за него было некому.

Разъ бобылю пришлось проходить мимо квартиры сапожника,

какъ разъ въ то время, какъ онъ „училъ“ своего воспитанника. Крикъ мальчика привлекъ сосѣдей. Подошелъ и бобыль.

Жаль ему стало мальчика. Ему сказали, что Костюшка круглый сирота, и съ этой минуты онъ взялъ его подъ свое покровительство. Когда сапожникъ пересталъ бить своего ученика и пошелъ въ бывшій черезъ улицу кабакъ успокоиться, онъ подозвалъ мальчика и поговорилъ съ нимъ. Узнавъ, что тотъ голоденъ, онъ купилъ ему колбасы и далъ баранокъ и нѣсколько яицъ. Замѣтивъ, что онъ въ рваныхъ сапогахъ, причемъ отъ одного отвалилась подошва, онъ ему купилъ у дьячкова сына полусапожки, еще достаточно годные.

— Эй ты, Костюшка! Аль разбогатѣлъ?—крикнулъ ему сапожникъ, вернувшись изъ кабака и увидавъ его сидящимъ съ бобылемъ на лавкѣ и грызущимъ баранку.—Ты что-ль, бобыль, его ублаготворилъ, сопляка?

— Вѣдь онъ сирота. Надо сироту пожалѣть.

— Ты и жалѣй, а насъ самихъ не жалѣли. Мнѣ его жалѣть не изъ чего, какъ его мнѣ раздѣтаго подкинули.

— Вотъ что̀! Ты знаешь, я самъ сирота кругомъ, мнѣ Богъ велѣлъ сиротъ жалѣть. Куда ни шло, я ужъ ему буду рубашки давать и сапоги. Лишь ты его не бей. Онъ тебѣ лучше стараться будетъ.

— Ну, идетъ! Эй ты, Костюшка, кланяйся бобылю въ ноги!

Костюшка собирался исполнить приказаніе хозяина.

— Ну, что̀ ты?.. что̀ ты?.. Богъ съ тобой! Кому это пристало нищему въ ноги кланяться?—И бобыль удержалъ мальчика.

— Ступай, Костюшка, домой!

Говоря это, сапожникъ далъ ему подзатыльникъ.

— А уговоръ нашъ помнишь?—замѣтилъ бобыль.

— Ладно, ладно, не буду. Ну, пойдемъ могарычъ пить.

— Я не пью водки,—отвѣтилъ бобыль:—ты выпей за Костюшкино здоровье. Такъ и быть, угощу.

Бобыль сбѣгалъ въ кабакъ.

— На̀,—сказалъ онъ,—вотъ и могарычи мои.

— Ай да бобыль, молодчина, ей Богу! Заходи чаще! Ну и счастливъ же Костюшка!

Съ тѣхъ поръ бобыль часто навѣдывался къ Костюшкѣ, подолгу сидѣлъ съ нимъ и разговаривалъ, носилъ одежду, гостинцы. Каждый разъ у него была полъ-бутылка для сапожника. А когда узнавалъ, что онъ ударилъ Костюшку, онъ ему выговаривалъ:

— Ну, ну, живетъ! не буду. Ужъ дюже у меня сердце горячее.

Съ бобылемъ былъ еще вотъ какой случай. Жила мать-вдова съ нѣсколькими маленькими дѣтьми. Дѣвочка у нея заболѣй; лечила, лечила она ее по знахаркамъ, а дѣвочкѣ все хуже дѣлалось. Отправилась мать съ ней къ доктору. Тутъ въ пріемной, дожидаясь своей очереди, встрѣтилась она съ бобылемъ, тоже пришедшимъ къ доктору рвать больной зубъ. Разговорились.

— Ну, что̀ докторъ сказалъ? — спросилъ ее бобыль, когда она вышла отъ него.

Баба махнула рукой.

— Что̀ тамъ говорить! Видно, помирать ей. Докторъ сказалъ, что ее въ городъ везти надо, въ больницу положить. Тамъ ее рѣзать станутъ. А не повезешь, говоритъ,—помретъ.

— Ну, что̀ жъ? ты ее повезешь?

— И-и... гдѣ тутъ! сюда-то добрые люди довезли. А на кого я тѣхъ брошу? Вѣдь у меня ихъ четверо! Тоже вѣдь, спасибо, подаютъ на ребятъ на малыхъ. А то бы давно съ голоду у меня померли. Куда тамъ въ городъ!

Выслушалъ это бобыль, а на другой день явился къ бабѣ— она была ситовская.

— Вотъ что̀, голубушка, я придумалъ. Дай ты мнѣ дѣвочку. Я ее въ городъ отвезу, въ больницу. Мужики тутъ ѣдутъ на станцію, такъ я ихъ просилъ: они насъ довезутъ, а по чугункѣ ужъ какъ-нибудь я ее провезу. Дай мнѣ ее!

Вдова, конечно, согласилась; дѣвочкѣ сдѣлали операцію, и бобыль же вернулъ ее къ матери здоровою.

Такого рода дѣла молва быстро разносила, и слава бобыля росла. Естественно, что на него крестьяне смотрѣли иначе, чѣмъ на обыкновенныхъ нищихъ. Не везло ему только у помѣщиковъ; своихъ же односельцевъ зайчинскихъ онъ совсѣмъ избѣгалъ.

Помѣщики вообще не любятъ здоровыхъ нищихъ. Не любили и бобыля, который былъ нестаръ и не имѣлъ никакихъ физическихъ недостатковъ.

— Ты бы работалъ, чѣмъ шляться-то,—говорили ему.

Бобыль, бывало, молчалъ и ждалъ, чтобы подали ему милостыню.

— Слышишь ты? Я тебя спрашиваю, отчего ты не работаешь? что̀ ты оглохъ, что̀-ль?—возвышеннымъ голосомъ повторялся вопросъ.

Что̀ было, правда, бобылю отвѣчать? Не вводить же въ свой внутренній міръ людей, столь далекихъ отъ него по понятіямъ

и по чувствамъ! Къ тому же, это была скорѣе форма выговора, чѣмъ разговоръ.

— Никакъ нѣтъ, слышу,—отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ отвѣчай на вопросъ: отчего ты не работаешь?

— Видно, такъ Богу угодно!—не находилъ другого отвѣта бобыль.

— Что̀ ты надо мною смѣешься, что̀-ль?.. Богу угодно, чтобы онъ шлялся!.. Убирайся вонъ отсюда, тунеядецъ!..

И бобыль уходилъ. Даже генеральша Облова, на что̀ была добрая и считала себя, что касалось крестьянъ, глубокимъ сердцевѣдомъ—и у той не обходилось безъ выговора:

— А ты все побираешься, бобыль?!..

Бобыль по обыкновенію молчалъ. Генеральша знала, что онъ помогаетъ сиротамъ.

— Что̀ ты, братъ, считаешь себя возстановителемъ несправедливостей судьбы? Исполнилъ бы свой долгъ—работалъ бы, а сироты и безъ тебя не пропадутъ. Богъ ихъ не оставитъ. Я... другіе... не бросятъ сиротъ. Нéшто я имъ не помогаю? А?.. скажи... я имъ не помогаю?

— Извѣстно дѣло... вы милостивы...

— То-то вотъ и есть; а ты вотъ все работать не хочешь!

И генеральша приказывала, если бобыль голоденъ — накормить его, но отнюдь не давать денегъ.

— Вотъ кабы онъ работать не могъ—тогда другое дѣло...

Мало-по-малу къ помѣщикамъ бобыль пересталъ обращаться за милостынею, да и усадьбы-то ихъ старался обойти, когда можно было, кружнымъ путемъ.

Обходилъ онъ и Зайчики свои. Корень непріязненныхъ его чувствъ къ односельцамъ былъ далеко.

Когда умерли отъ горячки одновременно его родители, онъ былъ совсѣмъ маленькій. Онъ ихъ не помнилъ. Остался онъ совсѣмъ одинокій. Находился на деревнѣ какой-то троюродный по матери дядя, но онъ наотрѣзъ отказался взять сироту. Онъ самъ былъ бѣденъ.

Собрался сходъ и долго обсуждалъ вопросъ, какъ быть съ ребенкомъ. Съ землей его бы еще взяли, но и земли-то оказывалось у него нѣтъ—отецъ его былъ николаевскій солдатъ. Хотѣли-было свалить его на волость; но волостной сходъ отказался его кормить—вѣдь онъ былъ приписанъ къ Зайчикамъ. Собрались опять зайчинцы... Долго обсуждали они этотъ мудреный вопросъ, какъ быть съ мальчишкой, и рѣшили кормить его поденно, по числу душъ. Говорили о томъ, долженъ ли домохо-

зяинъ, у котораго есть съемныя души, и за эти души отбывать повинность—кормленіе сироты, или только за свои? Большинствомъ рѣшили, что онъ долженъ кормить его и за съемныя души. Подалъ кто-то вопросъ о его одеждѣ, но этотъ вопросъ остался открытымъ.

— Тамъ видно будетъ,—рѣшилъ сходъ: — работать онъ не можетъ; будетъ день и ночь въ избѣ сидѣть. Теплой ему, значитъ, одежды и сапогъ не нужно. А рубаха да штаны—не велика штука.

На томъ и порѣшили. Сталъ Ванька кормиться поденно. Сначала его принимали безъ особаго неудовольствія. Вѣдь не Богъ вѣсть, что̀ онъ съѣстъ въ два-три дня. Богачи, тѣ сразу недружелюбно отнеслись къ нему. Егоръ Дороѳеевъ прямо было объявилъ, что за снятыя души кормить его не будетъ, и вытолкалъ изъ избы. Сосѣдъ его тоже не принялъ не въ срокъ и отправился съ жалобой къ старостѣ.

— Хорошо, я приду. Только впередъ я въ волостную схожу. Старшина зачѣмъ-то звалъ...

Къ вечеру староста пришелъ. Онъ былъ человѣкъ справедливый и отъ Егора Дороѳеева не зависѣлъ.

— Ты что̀ же это? Противъ общества идти хочешь?

— Да я его за свою душу кормилъ вчера. А мало ли я ихъ сколько поснималъ у добрыхъ людей. И будетъ онъ у меня на шеѣ.

— Слушай, Егоръ Дороѳеевичъ, я тебѣ добромъ говорю,—а не хочешь добромъ, такъ вѣдь и въ холодную отвезу.

Староста былъ вновѣ, притомъ молодой, изъ военныхъ, и такъ какъ разговоръ происходилъ при многочисленной публикѣ, то ему пріятна была одна мысль, что онъ вправѣ отправить въ холодную такого богача, какъ Егоръ Дороѳеевъ. Этотъ доводъ подѣйствовалъ на старика, но Матрена Сидорова не такъ скоро сдалась:

— Какъ? за наше-то добро—да въ холодную? Ну, вези въ холодную... на̀! бери... я въ жизнь его не пущу. Ишь, тоже нашлось начальство, въ холодную насъ сажать!..

— А!.. ты такъ? Ну-ка, берите ее, да въ волостную отвезите... Чей чередъ ставить подводу?.. Ну-ка, Архипъ, валяй!..

Староста вынулъ при этихъ словахъ медаль и прицѣпилъ ее себѣ на грудь. Кое-какъ и Матрена сдалась.

Естественно, что при такихъ условіяхъ несладокъ былъ обѣдъ Ванюшкѣ, хоть и не ѣлъ онъ до вечера.

— На̀... жри, щенокъ!—сказала старуха, когда они остались

въ избѣ одни, бросая передъ нимъ краюху хлѣба.—А за водой самъ сбѣгать можешь.

Семь лѣтъ кормился такъ бобыль, ходя со двора на дворъ, пока общество не нашло, что онъ достаточно выросъ, чтобы идти въ пастухи. Много лѣтъ спустя, когда онъ побирался, онъ любилъ разсказывать про свое сиротство. Соберутся, бывало, зимой мужики вечеромъ въ праздникъ, и бобыля позовутъ ночевать.

— Что̀ это ты все съ сиротами возишься? — спросятъ его.

— Самъ, люди добрые, росъ сиротой. Знаю долю сиротскую, и жалко сиротъ. Бывало, какъ кормился я по дворамъ,—и-и, старички, горя я хватилъ: чего, чего не было! Одежонки-то не было теплой... Сидишь, бывало, у кого-нибудь въ избѣ... хуже щенка на меня смотрѣли. А хуже не было, какъ у одного старика... Скупищій былъ, не тѣмъ будь помянутъ. Какъ въ избу, бывало, входитъ, я притулюсь въ уголку, высматриваю, какъ бы не взглянулъ на меня!.. А увидитъ—бѣда! И дармоѣдъ-то я, и бездѣльникъ!.. Сядутъ это они такъ обѣдать всѣ. А мнѣ ѣсть страсть хочется... стою и гляжу на нихъ,—можетъ, дадутъ что̀... Ты что̀, негодяй, лѣзешь?—закричитъ онъ, бывало, на меня.—Небось, успѣешь наѣсться!.. А заплачу... хуже осерчаетъ. Наѣдятся они всѣ, Богу помолятся, а меня какъ бы и въ избѣ нѣтъ. Ждешь, пока изъ дѣтей его кто хлѣба дастъ... Вотъ и обѣдъ весь... А то разъ выхожу я на дворъ, а у нихъ въ избѣ два ягнока были. Одному ягноку я и прищеми ногу дверью... Какъ старикъ меня хватитъ по головѣ—я такъ и прилегъ. Онъ меня и давай лыками—онъ въ ту пору лапти плелъ—и давай меня пороть. Такъ поролъ, что вѣкъ не забыть!

А то лѣтомъ разъ, только я пришелъ къ одному мужику, разболѣлась у меня голова. Дальше—больше; я и ногъ таскать уже не могъ. Положили меня подъ навѣсомъ: лежи, молъ. Ѣсть-то мнѣ не хотѣлось, а пить хочется. Подать некому. Лежу себѣ, мучаюсь. Кое-какъ дотащился я до избы, кружку взять хотѣлъ. Кружку у меня вырвали изъ рукъ. „Ну, холерный, и насъ заразить хочешь! Давно бы околѣвалъ, и намъ руки бы развязалъ“. Больно мнѣ стало обидно; я заплакалъ, вернулся подъ навѣсъ свой, а голова все больше и больше болитъ, все тѣло ломитъ, во рту пересохло... Потащился на огородъ къ рѣчкѣ, спустился подъ кручу, напился и пошелъ назадъ. Два шага пройдешь, ляжешь, отдохнешь и дальше идешь. Иду это я по огороду мимо огурцовъ. Страсть, огурцовъ захотѣлось! Одинъ съѣлъ, а два другихъ за пазуху положилъ и вернулся подъ навѣсъ. Какъ я

ѣлъ огурецъ, то дѣвчонка и увидала ихняя, и скажи своимъ. Ну, ужъ и досталось мнѣ! Пороть-то выпороли, да по всей деревнѣ разсказали, что я воръ. Тутъ мнѣ вовсе скверно сдѣлалось.

Правду сказать, были и хорошіе люди. Одного дома вѣкъ не забуду. Хозяинъ былъ добрый, а хозяйка, дай Богъ ей царство небесное, и говорить нечего. Они меня почесть одни все время и одѣвали: и рубашонку сдѣлаютъ, а то и лаптишки, и картузъ, и шубёнку,—конечно все старые,—дадутъ. Чисто родные были для меня. Аксинья,—такъ звали хозяйку,—мнѣ и молочка дастъ, и яичко испечетъ. Своему не дастъ, а меня успокоитъ! Когда мнѣ у кого не въ-терпёжъ дѣлалось, я иногда къ ней убѣгалъ, и она меня, бывало, обласкаетъ, гостинцевъ дастъ... Ее же ругали другіе за это: „избалуешь, молъ, паршивца". Нѣтъ, вѣкъ проживу—вѣкъ ее не забуду...

И бобыль перекрестился и сказалъ:

— Дай Богъ ей царство небесное и мужу ея!

— Что̀ это,—скажетъ ему иногда кто-нибудь изъ собесѣдниковъ: — съ насъ подати-то берутъ, да все набавляютъ! Что̀ бы выстроить что-нибудь для сиротъ при волости, что̀-ль, или гдѣ еще?

— Такая, значитъ, доля сиротская. Потому они сиротами и прозываются, что несчастные,—разъяснялъ бобыль по-своему это недоумѣніе:—потому-то и Богъ велѣлъ имъ помогать.

— Ну, а какъ ты подросъ, куда тебя дѣвали?

— Знамо дѣло, въ пастухи отдали. Но и въ пастухахъ не сладко мнѣ было. Пастухъ былъ свой деревенскій, зналъ, что я сирота и что заступиться за меня некому. Лежитъ себѣ, бывало, день-деньской, а за скотиной смотри я одинъ. Стадо-то было, правда, небольшое, да удобья-то для него не было. Гляди во всѣ стороны: либо въ трясину ягненокъ попадетъ, либо корова къ помѣщику въ хлѣбъ зайдетъ. Все на мнѣ обрывалось. И отъ пастуха-то мнѣ доставалось, да и отъ мужиковъ своихъ. Пастуховъ-то кормятъ хорошо; кажный норовитъ лучшій кусокъ дать, чтобы его скотину онъ лучше призрѣвалъ, а мнѣ многіе, попрежнему, хлѣба дадутъ—и обѣдъ весь.

Не въ терпёжъ мнѣ стало. Пятнадцати лѣтъ ушелъ я изъ деревни своей и нанялся на барскій дворъ телятъ стеречь. Но и тутъ покою мнѣ не было. Осерчали мои деревенскіе, зачѣмъ ушелъ я отъ нихъ, и порѣшили, что сколько годовъ я у нихъ кормился, столько и отслужить долженъ. За мной приходили раза два староста и опекунъ мой; и опекунъ у меня былъ—

дядя какой-то мнѣ приходился,—меня и не стали держать нигдѣ... Э... да всего не перескажешь!..

— Ну, а потомъ?

— Потомъ поступилъ къ одному барину въ работники, послали меня пахать, а пахать-то я не умѣю... Приставили опять къ скотинѣ. Прожилъ я у него два года, ночь сплю, день съ кнутомъ хожу. И пришло мнѣ въ голову—чего-чего за день-то не передумаешь? — жениться, обзавестись домомъ, хозяйствомъ. Долго я объ этомъ думалъ. И все мнѣ чудится, что я женюсь на одной нашей дѣвочкѣ, Маланьей ее звали; какъ я сиротой еще по домамъ ходилъ, да потомъ въ пастухахъ, она со мной играла. Мать ея вдова была, бѣднѣ-ѣ-ѣйшая. Мною не гнушались, чѣмъ могли—дѣлились. А дѣвочка-то вовсе со мной сдружилась. А слышалъ я, что она еще не замужемъ—бѣдныхъ-то не скоро берутъ—и вздумалъ я: дай, женюсь на ней! Долго думалъ я объ этомъ, да и рѣшился. Прихожу къ Маланьиной матери. „Такъ и такъ, говорю, отдай Малашку за меня замужъ"!—Да ты ополоумѣлъ, говоритъ, что̀-ли? Какой же ты женихъ? Да на что̀ ты свадьбу сыграешь? — „Тридцать рублей, говорю, есть у меня"!—А потомъ, куда ты жену приведешь? Домъ, пазьмо, есть у тебя? — „Пазьмо старики дадутъ". — А домъ? А земля есть? А работать умѣешь?.. Эхъ ты, женихъ! — Только посмѣялась надо мной, да и разсказала всѣмъ, что я свататься вздумалъ за ея дочерью. Тутъ мнѣ вовсе проходу на деревнѣ не было. Женихъ, да женихъ! и ребятишки, какъ увидятъ—„женихъ, кричатъ, идетъ"! Даже Маланья, и та разъ, смѣясь, „женихомъ" назвала. И такъ мнѣ стало обидно это, что и сказать не могу. Хоть въ оселъ полѣзай! „Всѣ,—думаю я себѣ,—женятся, и никто надъ ними не смѣется. Одинъ я, несчастный, живи вѣкъ—ни угла не знай своего, ни покою"! Въ деревнѣ мнѣ своей проходу не давали: женихъ, да женихъ! И теперь еще коль пройдешь по деревнѣ, меня женихомъ называютъ! Я потому, коль нужно мимо пройти, стараюсь, чтобы меня не видали... задворками гдѣ-нибудь пройдешь, а то ночью... Больше я и не пытался женой обзавестись. А на душѣ—охъ!—и тяжело только было. Посовѣтовалъ мнѣ странникъ одинъ по монастырямъ походить, Богу молиться... Послушался я его. Пошелъ. Странствовалъ я три года. Въ Воронежѣ былъ, къ Троицѣ, въ Кіевъ ходилъ; наконецъ, въ Старый Іерусалимъ собрался. Сначала мнѣ неохотно подавали. Находили, что молодъ больно, чтобы странствовать. Я надѣлъ подрясникъ—тогда стали лучше подавать, „монахомъ" звали.

— Ну, а въ солдаты-то тебя почему не взяли? Вѣдь одиночка.

— Въ солдаты не взяли—не годился. Грыжа у меня.

— Та-акъ. А странствовать почему бросилъ?

— А странствовать, старички, я вотъ почему бросилъ. Ходилъ, ходилъ по монастырямъ, а все тянетъ на родную сторону. Все мерещится домъ, жена, дѣти. Нѣтъ-нѣтъ, да вернусь сюда. Разъ еще—и вспоминать не хочется—задумалъ я свататься. Въ Ситовкѣ была дѣвка-перестарокъ, кривая... одно слово: вѣковушка. „Эта,—думаю,—можетъ пойдетъ за меня". Не тутъ-то было! Посватался:—„Что̀ жъ,—говоритъ,—вдвоемъ побираться, что̀-ль, вздумалъ? Я лучше у своихъ въ дѣвкахъ проживу". Плюнулъ я на это дѣло. На роду, видно, мнѣ написано, бобылемъ остаться. Случилось въ ту пору со мной вотъ что̀: иду это я, собираю Христа ради въ деревнѣ Рѣшетовкѣ, верстъ пятьдесятъ будетъ отсюда, подхожу—дѣло было праздникомъ—къ одному дому; вижу, сидятъ всѣ у порога; дѣвочка у старика въ головѣ ищетъ, бабы обѣдъ готовятъ, столъ вынесли. Попросилъ я Христа ради, старуха мнѣ и говоритъ: „Ты, небось, издалека, садись; пообѣдай съ нами". Сѣлъ я. А поодаль, вижу, мальчишка стоитъ, лѣтъ семи, оборванный, грязный и глядитъ на насъ, какъ мы ѣдимъ.—„Это,—говорю,—что̀ за мальчикъ стоитъ?—„А это,—говорятъ,—сирота остался, такъ общество рѣшило его кормить поденно. Измучилъ поганецъ. И безъ него хлѣба не хватаетъ, а тутъ на̀ же! Какой ѣдокъ нашелся"! Сердце-то у меня такъ и ёкнуло. Помню я себя такимъ, и жалко мнѣ его стало, какъ самого себя. Послѣ обѣда я его отозвалъ.—Ѣсть хочешь?—„Хочу",—говоритъ.—А часто не ѣвши сидишь?—„Часто!.. Дядя Микифоръ меня бьетъ и хлѣба не даетъ. А дядя Павелъ мнѣ молочка даетъ!"—Ни дать, ни взять, какъ со мной было съ маленькимъ. И рѣшилъ я какъ-нибудь спасти его. Узналъ я про этого Павла, что кормилъ его хорошо. Оказался бѣдный мужикъ,—бѣдные-то добрѣе бываютъ,—и сговорился я съ нимъ, чтобы онъ взялъ мальчика къ себѣ, а я буду ему носить пищу. Онъ, было, не соглашался,—ка̀къ, правда, довѣриться побирушкѣ?—но кое-какъ я его уговорилъ. Общество охотно согласилось на его предложеніе. И сталъ я ходить къ нему черезъ день или черезъ два. Обходишь округу, наберешь кое-чего; самъ одинъ хлѣбъ ѣшь, а что̀ получше или какую копѣйку подадутъ, несу Санькѣ. Я его и одѣвалъ, и обувалъ. Въ немъ я чисто домъ нашелъ. И я, знать, не лишній на свѣтѣ, кое-кому пригодился! Но,—и бобыль обтеръ слезу,—и тутъ не далъ Богъ мнѣ счастья. Два года ходилъ я за нимъ,—онъ меня „батюшкой" звалъ,—заболѣлъ

мой Санька. Двѣ недѣли пролежалъ, и ходили мы за нимъ съ Павломъ,—хорошій мужикъ былъ,—и къ доктору возили... Нѣтъ, не услышалъ Богъ моихъ молитвъ!.. померъ!.. Опять остался я сиротой. Съ тѣхъ поръ и хожу я такъ по міру. Только поближе къ родному мѣсту перешелъ. Сиротъ люблю—самъ сирота. Люди добрые помогаютъ. Бобылемъ зовутъ—такъ вѣдь, правда, бобыль,—правдой не задразнишь. А на душѣ полегчало. Хоть и дома своего нѣтъ, а дѣтокъ Богъ посылаетъ, сколько хочешь!

— Ну, а подъ старость какъ? Небось, плохо будетъ!

— Что̀ будетъ, то будетъ. Можетъ, и меня не бросятъ. Да что̀ о старости думать? Было бы теперь хорошо!

— А водки ты, бобыль, никогда не пьешь?

— Отъ роду въ ротъ хмельного не бралъ ни капли. Пока о домѣ думалъ, на свадьбу собиралъ. А теперь и вовсе каждый грошъ нуженъ. Мнѣ не о водкѣ думать...

Но недолго пришлось бобылю пользоваться своимъ счастьемъ. Хотя ему и сорока лѣтъ не было, но онъ давно уже былъ боленъ. Боли подъ ложечкой — „сердце болитъ", говорилъ онъ,— становились все сильнѣе и сильнѣе. Онъ давно подумывалъ полежать гдѣ-нибудь, но лежать было негдѣ, да и некогда. Онъ долженъ былъ помогать своимъ „роднымъ" сиротамъ. Въ особенности привязался онъ къ Костюшкѣ, сапожникову ученику. Кто ихъ бы сталъ покоить, кабы онъ слегъ? Вѣдь на то они и сироты! Ходилъ онъ къ доктору въ земскую больницу, но полученное средство не помогло. Болѣзнь все усиливалась. И побирался онъ уже съ трудомъ. Пройдетъ немного и остановится отдыхать. Сборы отъ этого стали хуже.

Пришелъ онъ разъ къ ситовскому сапожнику, принесъ коечто Костюшкѣ и легъ у него ночевать. Ночью съ нимъ сдѣлалось дурно, поднялись сильныя боли со рвотой. Утромъ онъ рѣшительно не могъ подняться. Сапожникъ, полюбившій его, и изъ уваженія къ нему переставшій мучить Костюшку, не зналъ, что̀ и дѣлать. Дня три пролежалъ у него больной. Сапожникова жена старалась, какъ могла, давала ему молока, но и отъ молока— не то что отъ молока—отъ воды,—и то поднималась рвота.

Видитъ бобыль, что въ тягость сапожнику.

— Самъ я,—говоритъ,—конечно, не дойду, а доставь меня какъ-нибудь къ уряднику, — урядникъ жилъ въ Ситовкѣ.—Долженъ же онъ меня въ больницу отправить. А Костюшку ты не обижай... Что̀, Костюшка, жаль тебѣ будетъ, какъ я помру?

— А то нѣтъ? Кто же мнѣ гостинцевъ тогда принесетъ?

Сапожникъ побожился бобылю, что Костюшку обижать не

станетъ, и даже на икону перекрестился. Урядникъ, узнавъ, что боленъ бобыль, — онъ его зналъ,—распорядился отправить его съ сотскимъ въ земскую больницу, въ увѣренности, что его положатъ, какъ трудно-больного. Увѣренъ былъ въ этомъ и самъ бобыль.

Докторъ его осмотрѣлъ, поразспросилъ, пощупалъ и покачалъ головой.

— Мы,—сказалъ онъ,—съ этой болѣзнью не кладемъ въ больницу.

И, замѣтивъ удивленный взглядъ больного, прибавилъ:

— Я тебѣ лекарства дамъ: такъ пройдетъ, Богъ дастъ, на ногахъ.

Какъ ни просили его самъ бобыль и сотскій, какъ ни объясняли безвыходность положенія, докторъ стоялъ на своемъ:

— Съ этой болѣзнью мы не принимаемъ.

Пришлось везти его обратно къ уряднику.

— Что̀-жъ теперь дѣлать? Вези его въ Зайчики.

— Да вѣдь у меня тамъ нѣтъ ни дома, ни родныхъ,—слабымъ голосомъ замѣтилъ больной.

— Знаю, знаю. Что̀-жъ теперь дѣлать? Староста и общество что-нибудь придумаютъ.

При словѣ „общество“ морозъ подернулъ по кожѣ бобыля. Вспомнилось ему дѣтство.

„Неужели опять меня начнутъ поденно кормить“?—подумалъ онъ.

Отвезли его въ Зайчики. Остановились съ телѣгой и лежащимъ въ ней больнымъ у дома старосты. Старостой былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, помнившій бобыля, когда онъ былъ маленькій. Староста вышелъ.

— Вотъ привезли вамъ бобыля. Онъ боленъ дюже.

Староста почесалъ въ затылкѣ.

— Та-акъ! Что̀ же мнѣ-то съ нимъ дѣлать? Его въ станъ надо.

— Что̀ же становой-то сдѣлаетъ? Опять къ вамъ его пришлетъ. Вѣдь въ больницѣ онъ былъ: его не приняли. Его бы въ городъ, тамъ больница большая. Тамъ бы его положить.

— Надо у общества спросить.

Бобыля кое-какъ стащили съ телѣги и положили передъ домомъ старосты на лавку. Сидѣть онъ не могъ. Староста же послалъ своего сынишку собирать сходъ. Но слухъ о прибытіи бобыля и такъ облетѣлъ деревушку, и старики сходились безъ зова. За нимъ тащились и бабы, и бѣжали ребятишки посмо-

трѣть на бобыля. Они окружили его и перекидывались своими замѣтками.

— Знать, дюже неможется. Гуторить пересталъ.

— Этого женихомъ дразнятъ?

— Его, его; онъ за тетку Маланью сватался.

Подошла и Маланья, бывшая давно замужемъ за хромымъ, но богатымъ мужикомъ. Хотѣла-было она предложить ему чего, но постѣснилась—боялась насмѣшекъ. Другая баба стала приставать къ нему:

— Поѣсть не хочешь ли чего, голубчикъ?

Больной, не открывая глазъ, махнулъ рукой.

— Эй вы, чего не видали?—крикнулъ староста.—Убирайтесь вонъ отсюда!

Всѣ отодвинулись. Подошли старики, какъ будто надо было имъ видѣть больного, чтобы толковать о немъ.

— Ну, что̀ же, старики, дѣлать? Вишь, какой грѣхъ приключился!

— Что̀ же дѣлать? Къ становому его надо.

Становой ничего не сдѣлаетъ. Урядникъ сюда прислалъ. У станового не больница,—сказалъ старикъ.

— Въ кутузку его посадить, какъ безроднаго, — замѣтилъ одинъ шутникъ.

— Чего зубы чесать? Надо дѣло говорить, а не зря болтать.

— Андрею Трофимову его. Онъ ему родня.

— Какой онъ мнѣ родня? Батюшка-покойникъ надъ нимъ опекуномъ былъ. Говорили, онъ ему какой-то дядя дальній доводился. Нѐшто это родня? Да еще и дядя-то онъ ему былъ по женѣ. А я-то ему вовсе ничто.

— Ну, такъ что̀ же? Въ больницу въ городъ?

— Чтобы онъ тамъ залежалъ еще на нашу шею. Хорошо, какъ онъ скоро поправится, али помретъ, а ну какъ долго пролежитъ? Такой кошель намъ на шею сядетъ—вѣкъ не отмотаешься.

Долго судили и рядили мужики и порѣшили, какъ ни какъ, отправить его въ больницу въ городъ. Сходъ разошелся, и снова обступили больного ребятишки. Но, убѣдившись, что онъ молчитъ и лежитъ не шевелясь, мало-по-малу разошлись. Тѣмъ временемъ подготовили подводу, на которую и уложили бобыля. Поѣхалъ съ нимъ Андрей Трофимовъ, его дальній родственникъ.

На каждой кочкѣ, когда телѣгу встряхивало, больной испытывалъ невыносимыя страданія и все время стоналъ. Эти страданія отвлекли его отъ грустныхъ думъ. Такъ провезли его пять-

десятъ верстъ. Но каково было услышать ему въ городѣ, что съ этой болѣзнью не принимаютъ! Андрей Трофимовъ хотѣлъ-было его свалить и уѣхать, но фельдшеръ на него прикрикнулъ и пригрозилъ полиціей. Угроза подѣйствовала, и бѣднаго бобыля опять повезли въ Зайчики.

Еще дольше прежняго обсуждался вопросъ о бобылѣ на сходѣ. Рѣшили временно его оставить у старосты и спросить наставленія у старшины. Старшина сказалъ, что это—дѣло общества, и что онъ ничего посовѣтовать не можетъ. Впрочемъ, предложилъ съѣздить къ земскому начальнику.

Земскій начальникъ объяснилъ старостѣ, что по закону они обязаны заботиться о безродномъ больномъ, но что вполнѣ отъ нихъ зависитъ, какъ это устроить.

— Смотри, староста, — прибавилъ земскій:—я справлюсь, чтобы ему было хорошо. Ты отвѣчаешь за него.

Собрался третій сходъ. На томъ, чтобы его кормить по дворамъ, долго и не останавливались. Нельзя же переводить изъ дома въ домъ человѣка, который не можетъ ходить. Затѣмъ нуженъ былъ какой ни на есть уходъ. Слѣдовательно, нужно было найти охотника, который бы взялъ его къ себѣ за извѣстную, конечно, наименьшую плату отъ общества. Дорого бы общество не дало, а дешево—никто не бралъ на себя эту обузу. Настаивали, что обязанъ взять его староста—на то онъ и староста—люби, молъ, кататься, люби и саночки возить. Но староста рѣшительно объявилъ, что въ кругъ его обязанностей это не входитъ.

Выручила Маланья. Въ ней шевельнулось воспоминаніе о старомъ,—можетъ, о томъ, какъ они вмѣстѣ играли,—можетъ, и о томъ, какъ онъ сватался. Какъ бы то ни было, она уговорила мужа взять его къ себѣ за небольшую плату. Ходить же за нимъ обѣщалась сама, Христа ради. Способствовало этому то, что у нихъ былъ домъ о двухъ половинахъ. Въ одной, грязной, и положили больного.

Много, много передумалъ бобыль, лежа на смертномъ одрѣ. И дѣтство безотрадное, и юность, и исканіе счастья—все прошло передъ нимъ. Теперь онъ мучился, чувствуя, что онъ составляетъ обузу для всѣхъ. Онъ слышалъ, что говорилось о немъ и какъ всѣ только и думали, какъ бы сбыть его съ рукъ. Слышалъ онъ и насмѣшки всѣ, и неумѣстныя шутки. И ему было невыразимо больно... Одинъ только образъ Маланьи выдѣлялся. Когда игралъ съ ней ребенкомъ, когда сватался за ней, онъ не любилъ ее, какъ полюбилъ теперь, умирающій. Она, правда, ходила за нимъ,

какъ обѣщалась, „Христа ради“, безъ брезгливости, не жалѣя себя. Она уменьшала его страданія и душевныя и физическія.

Онъ разсказывалъ ей урывками, когда могъ говорить, про сиротъ.

— Что̀-то они, голубчики, дѣлаютъ? Небось, ждутъ меня.

— Ты бы велѣлъ позвать своего Костюшку. Я накажу съ кѣмъ-нибудь ему придти. Въ Ситовку каждый день почесть ходятъ.

— Спасибо, Маланьюшка, накажи, накажи! Мнѣ и дѣло до него есть. Да накажи, чтобы съ хозяиномъ, молъ, пришелъ. Мнѣ надо кое-что съ нимъ переговорить.

На другой день пришелъ сапожникъ съ Костюшкой. Съ нимъ вмѣстѣ пришла и жена его. Она уважала бобыля. Они сразу увидали по его лицу, что говорятъ съ умирающимъ.

Бобыль поцѣловалъ Костюшку.

— Что̀, неможется?—спросилъ сапожникъ.

— Умирать собрался. Да хотѣлъ Костюшку повидать. Ну, живи, живи, Костюшка. Помолись за меня, когда помру!

И онъ заплакалъ. Заплакалъ и мальчикъ, хотя хорошо не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Э, да чего тутъ? Я хотѣлъ вамъ сказать одну вещь... пока не умеръ. Вотъ въ чемъ дѣло. Я на всякій случай соблюдалъ тридцать цѣлковыхъ: думалъ, ихъ когда-то себѣ на свадьбу употребить. Такъ вотъ эти тридцать рублей хотѣлъ я оставить Костюшкѣ, когда онъ выростетъ и въ люди выйдетъ. Ты хотя и пьешь, а, знаю, человѣкъ хорошій. На̀, возьми и соблюди ихъ до времени. Выйдетъ Костюшка изъ ученья, ты ему ихъ передай.

Сапожникъ былъ тронутъ и завѣщаніемъ, и довѣріемъ къ нему.

— Вотъ что̀. Ты знаешь, я человѣкъ слабый,—отдай деньги женѣ. Она ихъ соблюдетъ. Неровёнъ часъ — грѣхъ какой случится. Вѣкъ не отмолишь.

— Ну что-жъ! Женѣ твоей—такъ женѣ.

— И не мнѣ отдавай. Мы что̀? мѣщане: сегодня—здѣсь, завтра—тамъ. Отдай ихъ хозяйкѣ твоей: она—тутошняя. Она лучше соблюдетъ.

Бобыль посмотрѣлъ на Маланью. Она была тутъ же.

— Я не прочь. Для тебя сдѣлаю.—А сама плачетъ.

Костюшка ревѣлъ навзрыдъ.

— Да что вы всѣ плачете? Отжилъ, значитъ, человѣкъ, ну и что же? Лишь тамъ бы было хорошо!

И онъ полѣзъ за пазуху. На ремнѣ, въ кожаномъ же деревенскаго издѣлія кошелькѣ, туго перевязанномъ, лежали завѣтныя

деньги. Онъ долго, съ трудомъ ихъ развязывалъ. Это было все его богатство. Вынулъ деньги. Медленно при всѣхъ пересчиталъ и передалъ Маланьѣ. Маланья тоже пересчитала деньги.

— Ты мнѣ отдай кошелекъ-то. Онъ тебѣ теперь не нуженъ. А мнѣ лучше будетъ ихъ сохранять.

Онъ передалъ ей кошелекъ. Она убрала въ него деньги и повѣсила на шею.

— Да, вотъ что̀. Деньги-то ты отдаешь Костюшкѣ всѣ. А на поминъ себѣ ничего не оставишь?

Бобыль подумалъ.

— Похоронить меня похоронятъ обществомъ. Не Богъ вѣсть чего гробъ-то стоитъ. Не впервое мнѣ имъ на шеѣ сидѣть. А помянутъ вотъ они... Будешь меня поминать, Костюшка?

— Буду,—отвѣтилъ онъ, хотя не понималъ, что̀ значитъ поминать.

Больному становилось тяжело говорить. Посѣтители ушли. Костюшку онъ долго цѣловалъ и благословлялъ.

На другой день онъ причастился и вскорѣ померъ. Маланья закрыла ему глаза.

II.—Быка покупаютъ...

— Вы что̀, ребята?

— Къ вашей милости, насчетъ бычка.

— А-га! Вамъ купить или на лѣто въ стадо пустить?

— Хоть такъ, хоть этакъ.

— Ну что жъ, я, ребята, согласенъ. Только лучше вы его купите, а то дешево мнѣ вамъ его въ стадо пустить не придется, потому испортите вы мнѣ его только. А продать лучше. Святое дѣло. Я продалъ, вы купили, денежки отдали—и готово. Изъ головы вонъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ собственномъ родовомъ имѣніи Василья Николаевича Капустина. Онъ сидѣлъ на перилахъ крыльца своего деревяннаго стараго домика и держался за столбъ, чтобы не потерять равновѣсія, такъ какъ ногами онъ болталъ по воздуху, да и перила отъ старости были непрочны. Лѣтъ тридцати-пяти, съ отростающимъ уже животомъ, сильно загорѣлымъ по половину лба лицомъ, онъ, когда говорилъ, все какъ бы улыбался. Улыбка не покидала его даже когда онъ ругался, а ругался онъ изрядно. Если мы прибавимъ, что костюмъ его состоялъ изъ чечунчеваго пиджака поверхъ ночной рубашки, что

онъ курилъ, не переставая, папироски, что у него были длинные черные ногти, то мы получимъ довольно полный портретъ его.

Передъ нимъ на землѣ стояли безъ шапокъ два крестьянина: одинъ среднихъ лѣтъ—староста, а другой—старикъ. Оба были въ полушубкахъ, хотя дѣло было наканунѣ Егорьева дня—уже было не только тепло, но и жарко.

Когда Капустинъ заговорилъ про деньги, они переглянулись.

— А нѐшто вамъ теперь деньги? Вы сами знаете,—сказалъ староста,—какія теперь у мужика деньги? Велѣли на частные собрать. Три дня по деревнѣ ходилъ, десяти цѣлковыхъ не нашелъ. Мы думали—подъ работу.

— Ну что жъ? Можно и подъ работу.

— А вы что̀ положите намъ, значитъ, сработать?

Василій Николаевичъ подумалъ.

— Да что̀ положить, чтобы не обидно было?.. Ну, ужъ для васъ только... назначу я вотъ что̀... десять десятинъ ржи скосить, связать, свозить; овса тоже скосить, связать, свозить десять десятинъ. Ну, что̀ еще? въ Гараськиномъ углу сѣнокосъ убрать; ну, да денъ сто бабьихъ въ по̀лку проса... вотъ и все.

— Что же, Василій Николаевичъ,—сказалъ старикъ: — ты смѣяться надъ нами вздумалъ?..

— Вѣдь это вы на полтораста рублей насчитали,—прибавилъ староста.

— Какіе же тутъ полтораста рублей? Что̀ вы? ополоумѣли? Двадцать десятинъ по три цѣлковыхъ—шестьдесятъ рублей. Да Гараськинъ уголъ убрать десять рублей, да сто денъ—пятнадцать... восемьдесятъ-пять рублей... вотъ и все. А вы—полтораста!

— Кто жъ это вамъ за три цѣлковыхъ пойдетъ обработать десятину? Да Гараськинъ уголъ за десятку?.. Опять бабѣ—пятиалтынный.

— Какъ? да я ноньче осенью сдавалъ по три рубля.

— Да, старшинѣ въ подать... Мало ли чего не возьмешь, какъ въ тигулевку тащатъ... А за быка по этой цѣнѣ нельзя.

— Ну нельзя, такъ нельзя. Я васъ не неволю. Не берите быка.

— Чего жъ намъ тутъ дѣлать?—сказалъ старикъ старостѣ:—пойдемъ.

— Нѣтъ, на этихъ условіяхъ общество не возьметъ.

— Не хотите, проваливайте. Чего тутъ зубы-то чесать?

Мужики ушли. Поздно вечеромъ еще слышны были на зарѣ голоса громко между собой спорившихъ мужиковъ. Порѣшили не сдаваться и искать въ другомъ мѣстѣ.

— Ишь аспидъ! живыхъ ободрать норовитъ!

— А то какъ же ты думалъ? Онъ того и ждетъ, чтобы сорвать!

— Ну, нечего толковать. Можно и на деньги купить, а деньги занять!

Разошлись.

Дня черезъ три—Василій Николаевичъ былъ на конюшнѣ—подходятъ человѣкъ десять мужиковъ, со старостой во главѣ.

— Ага, одумались? Нѣтъ, лучше и сходнѣе моего, ребята, не найдете!—весело сказалъ онъ имъ.

Онъ былъ въ духѣ, потому что любимая его кобыла ожеребила жеребчика отъ казеннаго жеребца. Мужики про это ужъ знали.

— Съ новорожденнымъ васъ, Василій Николаевичъ.

— Спасибо, спасибо. Только зубы-то вы мнѣ не заговаривайте. Не болятъ. Вы насчетъ бычка? Надумались?..

— Надуматься-то, чего надумываться. Мы бы съ великимъ удовольствіемъ, только вотъ что̀ вы насчетъ цѣны намъ скажете?

— Да я же вамъ сказалъ. Чего же еще?

— Эта цѣна неподходящая,—сказалъ староста.—Вы скостите.

— Мы мекали, мекали,—сказалъ другой,—ничего не выходитъ. Въ графскомъ имѣніи какіе бычки, сто двадцать цѣлковыхъ просилъ управляющій.

— Ну, покупайте у графа.

— То-то, что наша сила не беретъ такую цѣну давать!

— У меня никакой силы не надо. Вамъ всего-то эта работа—плюнуть. Замахнули дружно: и рожь къ завтраку вся; тоже и овесъ, и сѣнокосъ, и полка. Вамъ это ничего не стоитъ.

— Кабы ничего намъ не стоила, мы бы ничего не говорили. А то полтораста рубликовъ работа эта стоитъ. Вотъ что̀! А бычишка не Богъ вѣсть какой. Такихъ на базарѣ много.

— Я вѣдь вамъ не мѣшаю на базарѣ покупать, что̀ хотите.

— Эхъ, баринъ, купили бы, кабы деньги были. Да тогда и вы бы насъ не прижимали. За полусотню бы его отдали.

— А ты не смѣй говорить, что я прижимаю! Я для ихъ же уваженія дѣлаю, а онъ смѣетъ говорить, что я прижимаю! Ступайте вонъ отсюда! Они еще... ругаться!

— Ну, что-жъ, пойдемъ... а грабить себя не дадимъ...

— Живыхъ обобрать норовитъ!

— На кой онъ намъ нуженъ съ быкомъ!

— Еще уваженіе намъ дѣлаетъ...

— Чортъ съ нимъ!.. Подавись онъ быкомъ своимъ!..

Все это говорилось, конечно, уже въ почтительномъ отъ Капустина разстояніи, хотя кое-какія выраженія до него долетали. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Къ нему подошелъ его служащій, бывшій и старостой, и скотникомъ.

— Вы, Василій Николаевичъ, не упускайте ихъ! Вѣдь быкъ-то какой-то больной. Кашляетъ, да и тѣло плохо держитъ.

— Знаю... ты меня не учи!.. А они нѐшто моихъ рукъ минуютъ?.. Чудакъ, право!

Снова собрался сходъ. Всѣ говорили, что за такую безумную цѣну покупать быка нельзя ни въ какомъ случаѣ. Рѣшили продолжать поиски и главнымъ образомъ стараться раздобыть денегъ взаймы.

Были еще бычки. Но за нихъ большею частью ломили цѣну непомѣрную.

— Да, помилуйте, въ быкѣ-то въ живомъ двадцати пудовъ не будетъ!

— А вы нѐшто на зарѣзъ его берете? Небось, на племя?

— Вѣстимо, на племя.

— Такъ то-то вотъ и есть.

И мужики уходили. Въ графскомъ имѣніи бычокъ былъ прекрасный, но цѣна ему назначена была сто-двадцать рублей— ни копѣйки меньше.

— Вы бы, Богданъ Карловичъ, намъ его подъ работу дали. Мы сами видимъ—бычокъ хорошъ. Но денегъ у насъ, хоть всю деревню пройти, нѣтъ. А работу мы, какую назначите, въ лучшемъ видѣ сработаемъ.

Подумалъ Богданъ Карловичъ.

— Подъ работу у насъ все съ осени сдается, вы сами знаете... Ну, вотъ что̀ я для васъ придумалъ. Графъ велѣлъ задній прудъ вычистить. Такъ вотъ возьмитесь за быка. Такъ и быть, до осени я вамъ повѣрю. Условіе изъ волостного правленія принесите.

Богданъ Карловичъ имъ подробно объяснилъ, что̀ отъ нихъ требовалось. Сходили на мѣсто. Прудъ обошли, обмѣрили. Смекнули.

— Да вѣдь, Богданъ Карловичъ, работы тутъ на триста цѣлковыхъ, а то и больше. Всю осень съ нимъ провозишься.

— Какъ хотите. Другой у меня работы для васъ нѣтъ.

Хорошъ былъ бычокъ, а дѣлать нечего—ушли мужики. Не успѣшнѣе оказались и поиски денегъ. Богачи въ сосѣднемъ селѣ

отказали наотрѣзъ. Они отдѣльнымъ лицамъ еще давали въ займы —все кое-какъ съ нихъ взыщешь судомъ. А съ общества и присудятъ—ничего не получишь. За ними недоимки двухлѣтнія. Что соберутъ—все въ недоимку повернутъ. Есть у нихъ уже такихъ два исполнительныхъ листа—по десяти лѣтъ лежатъ; ничего не получаютъ. Давалъ имъ сто рублей приходскій дьячокъ, но такой процентъ заломилъ, что и говорить не стоило. Прошла недѣля, другая. Стадо въ полѣ ходитъ, а быка нѣтъ. Пошли опять къ Капустину—на этотъ разъ всѣмъ сходомъ. Застали его за вечернимъ чаемъ на крыльцѣ съ женой и дѣтьми. Сняли шапки.

— Мы опять къ вашей милости. Что же бычка-то намъ уступите что-ль?

— Я вамъ сказалъ!.. Чего вамъ еще нужно?.. Коль надумали—тащите условіе.

— Да ты уважь, Василій Николаевичъ, общество-то! Вѣдь грѣхъ будетъ. Мы твои. Скости сколько-нибудь.

— Вамъ не скостить, а набавить слѣдуетъ за то, что вовремя не соглашались. Ну, такъ и быть: десять денъ бабьихъ я вамъ скощу.

— Это что-жъ, Василій Николаевичъ, десять денъ! Ты ужъ ослобони насъ отъ полки. Бабы наши за тебя будутъ Бога молить.

— Ты ихъ пріучилъ, Василій Николаевичъ, топтаться тутъ по цѣлымъ днямъ,—сказала ему жена,—объяви имъ окончательно, что если хотятъ брать, чтобы брали; а не хотятъ—пускай убираются.

— Ну, больше я съ вами говорить не буду. Послѣднее слово сказалъ. Мнѣ некогда.

Говоря это, онъ всталъ и ушелъ въ домъ. Черезъ минуту вернулся.

— Ну, что? Рѣшили?

— Что же съ вами подѣлаешь, Василій Николаевичъ? Видно, надо брать у васъ бычка. Обидно маленько, да ничего не подѣлаешь.

— Ну, согласны, такъ несите условіе.

— Принесемъ, принесемъ.—Черезъ два часа будетъ здѣсь. Староста, махай живѣй!

Староста ушелъ. Мужики потоптались на мѣстѣ.

— Ну, чего же вы стоите? Ступайте съ Богомъ!

— Да какъ же это, Василій Николаевичъ, вѣдь надо бычка вспрыснуть, чтобы здоровъ былъ и приплодъ чтобы былъ хорошій.

— Ну, ладно. Безъ этого нельзя. Я дамъ записку въ кабакъ: тамъ отпустятъ.

- Благодаримъ покорно, Василій Николаевичъ, много лѣтъ вамъ жить.

И мужики побрели домой. Вечеромъ проѣзжій могъ видѣть всѣхъ въ сборѣ, и мужиковъ, и бабъ. Всѣ были навеселѣ. Вспрыскивали быка.

— Прижимистъ маленько,—говорилъ одинъ старикъ,—но баринъ хорошій, дай Богъ ему добраго здоровья!

— Чего говорить! Баринъ кредитный.

III.—Мама!.. дззя!..

— Бабушка... а, бабушка!.. дай ты мнѣ его-то! Онъ кричитъ ужъ очень; можетъ, пришло молоко-то,—говорила слабымъ голосомъ молодая женщина, лежа на соломѣ.

— Ну, да что тамъ давать его! Молоку рано придти. На̀ка, голубчикъ, сосочку... пососи.

И бабушка сунула соску изъ жеваннаго чернаго хлѣба.

— Такъ-то лучше. Пущай ему кислотой-то животикъ свяжетъ. Скорѣй грыжу отобьетъ.

— Бабушка, его перемѣнить надо. Давай пеленку-то. Вынь изъ сундука... Ахъ, ты мой милый, мой ненаглядный!

— Да ты не очень-то... Небось, нехолодно. И мокрый полежитъ. Ты не Богъ вѣсть сколько припасла ему.

— Что же, бабушка дорогая, я-то подѣлаю? Что̀ заработаю, на хлѣбъ идетъ. Кабы матушка жива была,—ну, тогда дѣло бы другое, а то я кругомъ сиротой осталась. Сестра и та въ томской губерніи. Я и то не знаю, какъ быть. Три рубашки посконныхъ мужниныхъ на пеленки разорвала, да ситцевую на подголовники. Всего-то своихъ три подставки были—одну на свивальники извела. Дѣлай, что̀ хочешь теперь... Да дай ему, бабушка, чего нибудь... онъ кричитъ все... Баю, баю... мой мальчикъ... мое золото ненаглядное... Ну, что̀, Петръ? Какъ дѣла? Дали?

— Далъ батюшка три рубля,—отвѣчалъ вошедшій въ избу здоровый крестьянинъ, лѣтъ тридцати:—еле выпросилъ; велѣлъ копной отдать, какъ хлѣбъ поспѣетъ. А гдѣ ихъ, копны-то, раздобудешь? Всего полнива въ посѣвѣ... Вотъ развѣ, когда землю дѣлить станутъ, на него дадутъ еще душу,—съ улыбкой прибавилъ онъ, глядя на сына.—Да и три-то рубля еле выпросилъ.

Мачиха такой шумъ подняла... бѣда чистая... На крестины еще давай ему, да на похороны ребенку, да на болѣзнь жены. Такъ и няньчись, говоритъ, съ нимъ всю жизнь... Ну, батюшка настоялъ... даже прикрикнулъ на нее.

— Бабушка, да дай ты ему-то чего-нибудь! Вѣдь онъ все кричитъ,—сказала молодая мать.

— Ну, и пущай кричитъ. Я-то что-жъ подѣлаю? Дѣти завсегда кричатъ. На̀, на̀, соси!

Бабка опять сунула ему въ ротъ выпавшую-было соску.

— Ну, я теперь пойду, Натальюшка,—сказала бабка.— Надо старика накормить и ребятъ. Они ноньче пахать выѣхали, Господи благослови!

— А ты, Петръ, скоро пахать поѣдешь?—спросила родильница.

— Полниву-то? Когда ни выѣхать, къ обѣду выпишу. Пахота!.. Стòитъ о нашей пахотѣ говорить. Слава Богу, съ шеи барскую пахоту свалилъ, обязательную. А о своей пахотѣ чтò говорить!

— Да ты, Петръ, купи ему на три копѣйки сѣры. Бабка говоритъ, крикъ у него отъ грыжи. Велѣла сѣры въ хлѣбъ пожевать для соски.

— Ну, что-жъ, сѣры, такъ сѣры. Сейчасъ бѣжать что-ль, аль когда бабка придетъ?

— Нѣтъ, когда пойдешь куда. Дѣловъ много у тебя? а то побылъ бы дома со мной. Бау... бау... Да спи же, голубчикъ мой, спи, родной!.. Грыжа у тебя?.. да?.. грыжа?..

Вскорѣ мальчикъ заснулъ. Задремала и измучившаяся за ночь молодая женщина. Мужъ въ избѣ чинилъ сошной хомутъ...

На Казанскую Петръ сталъ отбивать косу.

— Чтò это?—спросила жена:—нѐшто мужики завтра косить идутъ?

— Нѣтъ, мужики-то еще не идутъ, а я пойду.

— Рожь-то поспѣла?

— Ходилъ сегодня въ поле, какъ будто можно косить. Конечно, подождать бы еще слѣдовало, да ужъ больно надоѣло по сосѣдямъ ходить. И такъ всѣмъ должны. Коли на сѣмена осьмину оставить, да долги раздать—вотъ тебѣ и полнива вся. Ноньче еще на кулешъ пшена у тестя взялъ. Ничего не подѣлаешь! Надо убрать поскорѣе. А то когда всѣ-то пойдутъ, череда на мельницѣ не добьешься, Чтò Сёма?

— Заснулъ, Богъ далъ. Спасибо, кума Матрена махоточку молока даетъ кое-когда. А то у самой-то у меня молока почти

нѣтъ. Вотъ, поспѣютъ огурцы, капуста... картошки будутъ... ну, тогда, можетъ, и у меня молоко будетъ, а теперь съ хлѣба-то не раскормишься.

— Что ты на Старое-Село ходила съ нимъ къ бабкѣ?

— Нѣтъ. Да мало ли по нимъ исходила? Сегодня на барскую усадьбу ходила. Сказывали, фельдшеръ пріѣхалъ. Я и пошла. Говоритъ, кормъ плохой. Оттого и поносъ. Ему не велѣлъ окромя груди ничего давать, да самой мясо ѣсть. А тутъ не то что мяса, и хлѣба-то вволю нѣтъ.

— Ужъ не наняться ли мнѣ, Наталья, въ батраки на барскій дворъ? Они задатки даютъ хорошіе.

— Ну, и возьмешь задатокъ, а тамъ и ломай горбъ цѣлый годъ. А я что жъ тутъ подѣлаю одна безъ тебя?

— Какъ ни кинь—все клинъ. Давай кулешъ ѣсть, что-ли?

— Давай. А мнѣ завтра въ поле съ тобой идти? Слѣдомъ, что-ли, вязать будемъ?

— Можно и слѣдомъ—рожь чистая. Зелена маленько—ну, да снопы поменьше вязать будешь.

На другой день, рано утромъ, Петръ съ женой отправились въ поле. На своей полосѣ онъ выкосилъ уголокъ ржи, отпрягъ лошадь и привязалъ ее къ телѣгѣ, давъ ей корму. Люльку онъ привязалъ къ оглоблѣ, приподнятой и привязанной черезсѣдельникомъ тоже къ телѣгѣ.

— Ну, побудь здѣсь безъ мамы,—говорила она съ сыномъ, точно онъ понимаетъ ее,—поспи, а я тебя занавѣшу отъ мухъ. Спи, голубчикъ! Я скоро вернусь.

Началась работа. Бодро шелъ Петръ впередъ, захвативъ широкій рядъ. Было жарко, и онъ снялъ фуражку. Чтобы волосы не падали въ глаза, онъ ихъ подвязалъ соломеннымъ свясломъ. Изрѣдка онъ останавливался отточить косу. Сзади, нѣсколько отставая, вязала жена. Окончивъ свой рядъ, Петръ помогъ ей довязать конецъ ряда.

— Ты не торопись, Наталья. Отстанешь—я тебѣ подсоблю. Лишь бы снопы большіе не вязать. Рожь-то порядочно сыровата.

Послѣ перваго ряда, когда они вернулись къ телѣгѣ, первымъ дѣломъ матери было броситься къ люлькѣ. Сынъ ея спалъ. Полюбовавшись имъ и прогнавъ пристававшую къ его глазу муху, мать опять принялась за работу.

Они опять ушли уже далеко—скоро и второй рядъ будетъ готовъ... Вдругъ Петръ услыхалъ крикъ. Смотритъ... какой-то мужикъ, тоже косившій, издалека бѣжитъ и кричитъ ему что-то, махая рукою.

— Чего онъ кричитъ?—сказалъ онъ женѣ.

Вдругъ та вскрикнула и показала на телѣгу. Лошадь испугалась проходившей межою бабы и рвалась у телѣги. Телѣга была на боку. Люлька, все привязанная къ оглоблѣ, лежала на землѣ. Все это лошадь оттащила довольно далеко.

— Сёма! — въ свою очередь крикнулъ Петръ и бросился опрометью къ телѣгѣ. Жена его постояла, какъ вкопанная, и тоже бросилась бѣжать. Какъ она добѣжала—она сама бы не сказала. Она помнила только, какъ Петръ ей крикнулъ:

— Ничего, слава Богу! Не ушибся!

Она помнила, какъ онъ подалъ ей сына, который даже не плакалъ, какъ она его распеленала и убѣдилась, что онъ цѣлъ и невредимъ. Говорить она не могла, рыданья подступали къ ея горлу. Она держала его и, не сводя глазъ съ него, убаюкивала его. Онъ заплакалъ. Она дала ему грудь. Народъ постоялъ, постоялъ вокругъ нея—выѣхавшихъ косить зеленую рожь оказалось не мало—и разошелся. Петръ тоже пошелъ косить, а она осталась съ Сёмой у телѣги.

Иногда ей Сёма ея представлялся подъ ногами у лошади, окровавленный, мертвый... Она рисовала себѣ картину, какъ онъ лежитъ въ гробу съ обезображеннымъ копытами лошади лицомъ. Сердце ея билось до боли; она старалась отогнать отъ себя эти мысли и успокоивалась только при видѣ спокойно спящаго ребенка...

Прошелъ годъ. Въ той же избѣ, въ томъ же углу, гдѣ родила, дремала больная Наталья. Мужъ ея, облокотившись на столъ и подперевши голову руками, сидѣлъ рядомъ съ ней на лавкѣ. Сёма спалъ въ люлькѣ. Въ избѣ была страшная духота и отъ іюльской жары, и отъ только-что протопленной печи. Дымъ стоялъ густымъ облакомъ въ избѣ и лѣниво выходилъ въ отворенную дверь. Вдругъ Сёма закричалъ: „Мама, дззя!“...

— Петръ, дай мнѣ его покормить! Петръ!.. а Петръ!

Петръ, очнувшись отъ глубокой думы, обратился къ женѣ:

— А?.. что?

— Дай мнѣ его покормить!—слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ повторила она.

Петръ осторожно вынулъ ребенка изъ люльки и подалъ его матери. Ребенокъ радостно закричалъ: „дззя!“—и протянулъ впередъ ручки. За годъ онъ выросъ, но казался худымъ, истощеннымъ.

— Да что ты его не отымешь? — сказалъ мужъ. — Какое тамъ кормленіе! Сама на ладанъ дышешь. Да и молока-то нѣтъ!

— Вѣдь онъ проситъ! Хоть побалуется! Я-то что̀ жъ подѣлаю?

Ребенокъ взялъ грудь, но, не находя молока, началъ ее теребить.

— Мама, дззя, дззя!..

— Ну, гдѣ же я тебѣ достану молока, мой ангелъ? Потерпи, потерпи немного! можетъ, придетъ!.. Петръ, что̀ съ нимъ будетъ, когда я помру?

Наталья заплакала. Отеръ рукою глаза и Петръ.

— Можетъ, Богъ дастъ, еще поправишься. Тебѣ докторъ далъ лекарство. Можетъ, полегчаетъ.

— Гдѣ ужъ тамъ! Только зря на меня харчишься. Все равно умру! А то лошадь продалъ, да землю заложилъ.

— Лишь бы поправилась. Будемъ вмѣстѣ работать—наживемъ. Я въ батраки пойду.

— О-охъ!.. Мочи моей нѣтъ! Возьми его, да дай молочка.

— Молока нѣтъ—онъ все выпилъ.

— Ну, сходи къ кумѣ Анисьѣ, скажи, что я не могу придти. А Анисья не дастъ—къ своимъ сходи. Вѣдь не помирать же ему съ голоду. И кашки-то нѣтъ. Одинъ хлѣбъ.

Петръ, молча, взялъ кружку и вышелъ. Натальѣ было холодно; она хотѣла привстать, чтобы поправить сбившуюся къ ногамъ дерюгу, которой она покрывалась, но въ глазахъ у нея помутнѣло, и она снова повалилась головой на корсетку, которая замѣняла ей подушку. Сёма кричалъ; но помочь ему она не могла. Сердце ея надрывалось отъ его крика. Наконецъ, мужъ пришелъ и принесъ кружку молока.

— Анисья отказала, да при этомъ была старуха Глухова. Дай Богъ ей здоровья! Какъ услыхала, что ты не встаешь—сама назвалась. „Возьми,—говоритъ,—молочка. У меня много“.

— Ты въ поле пойдешь?—спросила больная.

— Да какъ я пойду-то? Тебя-то нельзя оставить. Я и то заходилъ къ бабкѣ Матренѣ, не побудетъ ли съ тобой денекъ, пока я покошусь у своихъ. Говоритъ,—сама осталась одна съ малыми дѣтьми въ избѣ.

— Иди, иди. Я пролежу одна. Ты обязался у нихъ отработать. У насъ вѣдь своего хлѣба нѣтъ. Не пойдешь—и хлѣба не будетъ... Иди, голубчикъ! Только дай мнѣ его-то... Онъ со мной полежитъ; да молочко поставь тутъ, чтобы я достать могла... Такъ, такъ... Ну, ступай съ Богомъ...

Петръ поставилъ молоко и чашку съ водой и намоченными въ ней сухарями изъ чернаго хлѣба, взялъ висѣвшій на стѣнѣ брусокъ, надѣлъ, на всякій случай, кафтанъ и, захвативъ съ собой хлѣба и кувшинъ для воды, направился въ ригу за косой.

— Ну, я пойду. Захочешь ѣсть—я тебѣ поставилъ хлѣба съ водой и соль.

— Ты къ обѣду-то придешь? — спросила его жена, когда онъ выходилъ.

— Приду. А то какъ же? Не на цѣлый же день тебя бросать! Можетъ, тебѣ что понадобится.

— Петръ, а Петръ...—опять остановила она его.

— Что?

— Когда я помру, ты женись скорѣе. Только возьми добрую жену... чтобы мачиха его не обижала...

— Да будетъ же! Поправишься... что о смерти думать!

Она замолчала и прижала къ себѣ сына... Мужъ ушелъ.

— Мама, дззя... дззя, мама!

— Да гдѣ же я возьму тебѣ дззя? на молочка, попей, попей!

Онъ попилъ молока, но все лѣзъ къ материнской груди. Она дала себя кусать. Онъ сердился, потомъ, мало-по-малу, успокоился и заснулъ у нея на рукѣ.

Утомленная разговоромъ, она закрыла глаза и старалась заснуть. Но сонъ не приходилъ. Мысли ея улетали далеко, далеко. Вотъ она видитъ себя ребенкомъ. Ей хорошо у мамушки; она цѣлые дни играетъ съ сестрой. Рѣдко, рѣдко ее берутъ въ поле, и то только на полку, оттаскивать на межу соръ. Отецъ ихъ баловалъ. Что за радость, когда онъ привозилъ имъ съ базара гостинцы, кренделей, сѣмячекъ, а то и пряниковъ или куклу глиняную... Вѣдь они жили хорошо. Ахъ, какъ ей хотѣлось въ няньки!.. „Всѣ подруги мои въ нянькахъ; одна я дома сижу безъ дѣла... Мама, отдай меня въ няньки!..“ И ее отдали въ няньки къ сосѣдкѣ Акулинѣ. Какъ она довольна была! какъ ходила за ввѣреннымъ ея попеченіямъ ребенкомъ, не то играя имъ, какъ дѣвочка играетъ куклой, не то ухаживая за нимъ, какъ мать! Всѣ ею довольны, всѣ хвалятъ. Акулина то-и-дѣло даритъ ей то бусы, то платокъ... Она подростаетъ... скоро будетъ невѣстой... Каждый день ходитъ на поденную, когда нѣтъ своей работы. Деньги заработанныя она отдаетъ мамушкѣ. Та приберегаетъ ихъ къ свадьбѣ ея. На улицѣ, по вечерамъ, она уже стала присматривать жениха... Но никого она не отличаетъ... вѣкъ бы осталась у мамушки!

Но не вѣкъ бываютъ счастливы. Мамушка ея заболѣваетъ горячкой; она ходитъ за ней, но ничто не помогаетъ... мамушка умираетъ. Боже! что за горе! И гдѣ у нея слезъ хватило выплакать его?

При мысли о смерти матери больную кольнуло въ бокъ; она вскрикнула и отпила немного сухарной воды; ей стало еще холоднѣе, въ глазахъ начали проходить темные круги. Ей нечѣмъ стало дышать...

— Сёма, Сёма! или я умираю?

Она сдѣлала усиліе рукой, какъ будто прижимаетъ его къ себѣ; рука не слушалась... Она забылась... Но прошлое опять ярко возстало передъ ней. Она уже скоро невѣста. Сестра ея, любимая сестра, уѣхала съ мужемъ въ Сибирь. Первыя письма приходятъ—что тамъ жить хорошо, а дальше пишетъ, что тоскуетъ, что хотѣла бы хоть умереть въ Ивановкѣ... Она—невѣста... Какъ сироту, ее молодые женихи обѣгаютъ... Но вотъ изъ солдатъ приходитъ молодой, красивый Петръ. Она выходитъ за него. Онъ любитъ ее, жалѣетъ. Она счастлива, и понемногу забываетъ мать. Но и тутъ къ счастью примѣшивается горе! Мачиха мужнина начинаетъ на нее нападать ни за что или, можетъ быть, за то, что она сирота... Мужъ терпитъ, думаетъ—заступится отецъ, но отецъ безсиленъ передъ молодой женой... Петра отдѣляютъ почти ни съ чѣмъ. Начинается борьба изъ-за куска хлѣба, работа черезъ силу, чтобы построить хату на концѣ села. Она вынуждена продать свои холсты. Но все ничего: съ мужемъ они живутъ дружно. Наконецъ, родился Сёма, ея возлюбленный Сёма. Она ходитъ за нимъ, какъ можетъ, не жалѣя силы и послѣднихъ средствъ. Спасибо мужу! Онъ не мѣшаетъ ей. Даже помогаетъ, чѣмъ можетъ...

Вспоминаетъ она случай съ лошадью, чуть не убившею Сёму. А вдругъ она, правда, убила бы его!..

Эта мысль заставляетъ ее вздрогнуть. Она чувствуетъ, что холодный потъ выступаетъ на ея лицѣ. Она дѣлаетъ движеніе, чтобы обтереть его, но не можетъ двинуть рукой...

— Боже, неужели я умираю?—мелькнуло у нея въ умѣ.—Разстаться съ Сёмой пришло время! Бѣдный мой мальчикъ! Господи, все ли я вчера сказала на исповѣди, когда я причащалась? Кажется, все...

И она припоминаетъ, что сказала.

— Да, кажется, все. Я умираю... Что же мужъ не идетъ?..

Но мысли путались; боли она не чувствуетъ никакой. Ей хо-

чется еще посмотрѣть на сына. Она дѣлаетъ движеніе, чтобы повернуться. Мальчикъ проснулся.

— Мама, дззя... Мама!..

И онъ лѣзетъ къ ея груди. Но она не можетъ помочь ему.

— Господи, я умираю... Господи, пошли счастье Сёмѣ! — мелькнуло у нея въ умѣ.

Но мысль уже не работаетъ, и только машинально губы какъ бы шевелились:

— Сёма... Сёма!..

— Мама, дззя!..—кричалъ мальчикъ и начиналъ сердиться и плакать, что мама дззя не даетъ...

Къ обѣду торопится Петръ; онъ отворяетъ дверь, входитъ. Слышитъ плачъ дѣтскій и крикъ:

— Мама, дззя!..

Петръ наклонился къ женѣ... Сёма кусалъ грудь умершей...

Александръ Новиковъ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

и

П. В. АННЕНКОВЪ

И. С. Тургеневъ и П. В. Анненковъ оба принадлежали къ кружку Бѣлинскаго, оба были въ числѣ наиболѣе близкихъ людей къ великому критику. На интимныхъ собраніяхъ этого кружка они и познакомились, что̀ произошло, однако, не ранѣе осени 1843 года. Первая встрѣча будущихъ друзей произошла, впрочемъ, еще въ концѣ 1840 г. въ Берлинѣ, куда Анненковъ только-что пріѣхалъ впервые знакомиться съ Западомъ, а Иванъ Сергѣевичъ былъ наканунѣ возвращенія на родину послѣ университетскихъ своихъ занятій въ прусской столицѣ. „Въ одномъ изъ берлинскихъ кафе (Подъ-Липами) у Спарньяпани, отличавшагося громаднымъ количествомъ нѣмецкихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ,—писалъ впослѣдствіи Павелъ Васильевичъ,—я встрѣтилъ, однажды вечеромъ, двухъ русскихъ высокаго роста, съ замѣчательно красивыми и выразительными физіономіями, Тургенева и Бакунина, бывшихъ тогда неразлучными. Мы даже и не раскланялись; ни съ однимъ изъ нихъ я еще не былъ знакомъ и не предчувствовалъ близкихъ моихъ отношеній къ первому [1])“. Съ первыхъ же дней знакомства Тургеневъ близко сошелся съ Анненковымъ. Дружба эта продолжалась до самой смерти Ивана Сергѣевича и съ годами лишь крѣпла, несмотря на то, что впослѣдствіи друзьямъ приходилось встрѣчаться го-

[1]) Воспом. и критич. очерки. III, 61.

раздо рѣже, чѣмъ въ первые годы ихъ знакомства. Ничье имя такъ часто не встрѣчается въ письмахъ Ивана Сергѣевича, какъ имя Анненкова. При перечнѣ своихъ близкихъ Тургеневъ его ставитъ всегда на первое мѣсто. „Пріятелей здѣшнихъ я видѣлъ всѣхъ, начиная, разумѣется, съ Анненкова",—пишетъ, напримѣръ, Иванъ Сергѣевичъ Фету 15 февраля 1860 г. изъ Петербурга. Когда друзьямъ приходилось бывать въ одномъ городѣ, Павелъ Васильевичъ становился „завсегдатаемъ" у Тургенева, по выраженію послѣдняго. Никто не умѣлъ лучше Ивана Сергѣевича ни защищать Анненкова, ни рекомендовать его. Встрѣчаясь съ нимъ, въ 1847 г., въ Парижѣ, Тургеневъ пишетъ, напримѣръ, г-жѣ Віардо: „По вечерамъ я иногда видаюсь съ друзьями, особенно съ г. Анненковымъ, милымъ малымъ, обладающимъ столь же тонкимъ умомъ, сколь обширнымъ тѣломъ". —„Вы видаете Анненкова теперь,—писалъ Иванъ Сергѣевичъ гр. Л. Н. Толстому 8 декабря 1856 г.,—помните, какъ онъ вамъ не нравился? А теперь вы, я надѣюсь, убѣдились, что онъ человѣкъ и умный, и хорошій. Чѣмъ больше вы его будете знать, тѣмъ онъ станетъ вамъ дороже, повѣрьте мнѣ". Черезъ 25 лѣтъ послѣ этихъ строкъ онъ писалъ Салтыкову: „Вотъ и насчетъ нашего общаго друга, П. В. Анненкова, вы несправедливы. Я знаю, какого онъ высокаго мнѣнія о васъ.—Онъ ни къ кому не относился свысока да иронически—станетъ онъ начинать съ васъ! Вы, можетъ быть, не замѣтили, что онъ до крайности стыдливый человѣкъ и даже робкій. Вы этого не разглядѣли подъ его напускною развязностью. Конечно, онъ современникъ Гоголя и Бѣлинскаго; но онъ точно также чувствуетъ себя современникомъ Языкова и Маслова и нисколько отъ этого не отказывается". Тургеневъ правъ былъ поэтому, когда писалъ Анненкову еще въ 1861 г.: „моя привязанность къ вамъ—старинная, сердечная". Правъ былъ и Павелъ Васильевичъ, когда признавался, уже послѣ смерти своего друга, что „пристрастіе и слабость ко мнѣ составляли у него (Тургенева) родъ физіологическаго признака". И намъ понятны будутъ эта любовь, эта привязанность, когда узнаемъ, какъ велико было значеніе для Ивана Сергѣевича сорокалѣтней дружбы его съ Анненковымъ.

Въ біографической литературѣ о Тургеневѣ уже давно отмѣченъ тотъ фактъ, что Иванъ Сергѣевичъ каждое свое новое произведеніе, за двумя, тремя исключеніями, еще въ рукописи прочитывалъ или посылалъ на судъ Анненкову, отъ него сначала просилъ отзыва. Павла Васильевича называли, такимъ образомъ, „первымъ критикомъ" Тургенева, придавая этому выраженію

тотъ именно смыслъ, что мнѣнія Анненкова болѣе всего вызывали поправки и передѣлки при окончательной редакціи новаго произведенія. Самъ Иванъ Сергѣевичъ подавалъ поводъ къ такимъ заключеніямъ. Вотъ что онъ писалъ, напримѣръ, М. М. Стасюлевичу 6 марта 1874 г.: „Это первое мое произведеніе (рѣчь идетъ о „Пунинѣ и Бабуринѣ"), которое попадаетъ въ печать, не подвергнувшись критикѣ моихъ пріятелей, а въ особенности П. В. Анненкова, которому я всегда давалъ читать мои рукописныя вещи, и совѣты котораго были всегда чрезвычайно дѣльны и драгоцѣнны для меня. Если „Пунину и Бабурину" суждено явиться въ свѣтъ не раньше мая, то я успѣю еще отослать рукопись къ Анненкову въ Ниццу—и, получивъ его замѣчанія, сдѣлать нужныя сокращенія, прибавленія или варіанты, которые бы я столь же поспѣшно препроводилъ вамъ, такъ чтобы вы имѣли ихъ подъ рукой задолго до напечатанія самой повѣсти".

Тургеневъ, дѣйствительно, высоко цѣнилъ своего друга, какъ критика. Отзываясь о его работахъ, Иванъ Сергѣевичъ всегда употреблялъ выраженія, что онѣ написаны „умно и дѣльно" [1]). Онъ цѣнилъ въ немъ и то, за что Анненкова до сихъ поръ обвиняютъ, будто Павелъ Васильевичъ принадлежалъ, какъ критикъ, къ типу „нельзя не признаться, но должно сознаться", т.-е. ничего не хвалилъ и не порицалъ съ полной силой и опредѣленностью, а обыкновенно сопровождалъ свои заключенія оговорками. Ему ставятъ въ вину отсутствіе даже намека на полемическую рѣзкость. Все это, будто бы, дѣлало его критическую дѣятельность вялой, скучной, прѣсной. Тургеневъ былъ иного мнѣнія объ этихъ особенностяхъ своего друга. Онъ признавалъ, что Павелъ Васильевичъ писалъ „иногда запутанно въ выраженіяхъ", но Иванъ Сергѣевичъ былъ противникомъ слишкомъ рѣзкихъ, рѣшительныхъ приговоровъ. Онъ не любилъ, когда говорили: „здѣсь все черно, а тамъ все бѣло". Точно также относительно полемики Анненковъ отмѣчалъ свою солидарность съ Тургеневымъ, когда писалъ послѣднему 21 окт. 1872 г.: „Я благодаренъ вамъ за двѣ книжки „Отечественныхъ Записокъ", гдѣ, впрочемъ, читать нечего, исключая статью Салтыкова о пѣнкоснимателяхъ, да яростной полемики Михайловскаго (очень умнаго и бойкаго юноши) съ „Петербургскими Вѣдомостями". Этотъ дѣйствуетъ по-американски: „Вы, г. Буренинъ, дуракъ и шалопай, вонючій клопъ—и больше ничего". Славно, даже въ

---

[1]) Письма, стр. 135; Фетъ. Воспомин. II, 290.

жаръ кидаетъ нашего брата, привыкшаго выражать свою злобу и другія гнусныя чувства, по малой мѣрѣ, иносказательно. Къ сожалѣнію, оба эти ирокеза, и Салтыковъ, и Михайловскій—правы, а что еще важнѣе—занимательны и забавны".

И для насъ критическое дарованіе Анненкова является несомнѣннымъ, особенно въ установкѣ наиболѣе правильныхъ взглядовъ на дѣятельность и художественное творчество Тургенева. Нѣкоторые приговоры Павла Васильевича до сихъ поръ являются еще новыми, звучатъ какъ бы ересью въ хорѣ предвзятыхъ сужденій. Такъ онъ „Новь" считаетъ ничуть не ниже „Дворянскаго гнѣзда", „Отцовъ и Дѣтей", ни по художественному, ни по общественному значенію, а „Записки охотника" нисколько не выше позднѣйшихъ произведеній Тургенева, въ чемъ вполнѣ сходился съ самимъ авторомъ.

Несомнѣнно, на окончательную отдѣлку произведеній Тургенева Анненковъ оказывалъ вліяніе, но его, однако, не слѣдуетъ преувеличивать. Съ полной очевидностью вскрывается изъ писемъ Ивана Сергѣевича совершенно свободное и самостоятельное отношеніе его къ замѣчаніямъ Павла Васильевича. Онъ настолько же твердо отвергалъ отзывы своего „перваго критика", разъ не соглашался съ ними, насколько охотно принималъ и совѣты другихъ друзей, если только считалъ эти совѣты правильными. Въ письмѣ къ М. С. Щепкину отъ 3 дек. 1848 г. изъ Парижа Тургеневъ пишетъ по поводу своего „Нахлѣбника": „Пріятель нашъ Герценъ, которому я читалъ мою комедію, сдѣлалъ два небольшихъ замѣчанія, которыя просилъ меня сообщить вамъ (и съ которыми я совершенно согласенъ). Во-первыхъ, онъ находитъ, что Кузовкину не слѣдъ носить дворянскій сюртукъ, а частный, а во-вторыхъ, онъ въ сценѣ, гдѣ Елицкій выходитъ отъ жены, уже все узнавши, и видитъ, что Тропачевъ забавляется надъ Кузовкинымъ—въ словахъ: „Да-съ, Флегонтъ Александровичъ, я признаюсь, удивляюсь: что вамъ за охота, съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашимъ образованіемъ, заниматься такими—*смѣю сказать*—пустыми шутками"—предлагаетъ: „смѣю сказать" замѣнить фразой „извините за выраженіе", потому что, по его мнѣнію, *смѣю сказать* не идетъ въ устахъ петербургскаго чиновника". Впрочемъ, „смѣю сказать" такъ и осталось незамѣненнымъ въ печатномъ текстѣ „Нахлѣбника". С. Т. Аксаковъ, по прочтеніи первой половины „Рудина", писалъ Тургеневу: „Какъ при вашемъ вкусѣ, тактѣ и чувствѣ приличія могла написаться извѣстная страница (я разумѣю: бурчанье въ животѣ и пахъ, и сохъ) страница въ началѣ вашей повѣсти. Воля ваша,

а этому причиною цинизмъ петербургскаго общества"... Мѣсто, не понравившееся С. Т. Аксакову, есть разсказъ Пигасова объ одномъ умирающемъ, находящійся во второй главѣ повѣсти; при перепечаткѣ ея Тургеневъ сдѣлалъ въ этомъ мѣстѣ сокращенія и измѣненія [1]). Въ 1874 г., по поводу „Живыхъ мощей", Иванъ Сергѣевичъ писалъ Полонскому въ отвѣтъ на его замѣчанія: „Хотя слово „умный" въ смыслѣ „умственный" вездѣ употребляется священнымъ писаніемъ („умныя очи" и т. д.) и слышалось мною не разъ въ устахъ простыхъ людей, но, для избѣжанія недоразумѣнія, прошу тебя этотъ эпитетъ выкинуть. Тѣмъ легче это сдѣлать, что Лукерія говоритъ: „а мысленный, умный грѣхъ, батюшка",—оставь одинъ эпитетъ: „мысленный". Дѣйствительно, въ окончательной редакціи разсказа мы не находимъ этого слова.

Однако, особенное вліяніе Анненкова на творчество Тургенева надо искать не въ области „сокращеній, прибавленій или варіантовъ", а въ другой, болѣе обширной и важной. Но для выясненія этой послѣдней сферы необходимо предварительно охарактеризовать отношенія Ивана Сергѣевича къ критикѣ, къ общественному мнѣнію, насколько послѣднее касалось его литературной дѣятельности.

По выходѣ въ свѣтъ новаго своего произведенія, Тургеневъ тотчасъ начиналъ прислушиваться къ возбужденнымъ толкамъ и замѣчаніямъ, закидывалъ друзей вопросами о впечатлѣніи, производимомъ новою вещью на нихъ и на публику, настойчиво искалъ отзывовъ въ газетахъ и журналахъ. Глубоко огорчался несправедливыми или поспѣшными приговорами, искренно радуясь въ то же время всякому сочувствію и одобренію. Не только письма, но и печатныя статьи его не-беллетристическаго характера свидѣтельствуютъ на каждомъ шагу, съ какимъ вниманіемъ относился Иванъ Сергѣевичъ къ критикѣ, какъ близко къ сердцу принималъ ея сужденія. Не самолюбіе руководило здѣсь Тургеневымъ, не авторское тщеславіе или погоня за популярностью. Усиленно прислушиваться къ общественному мнѣнію заставляли Ивана Сергѣевича причины болѣе нравственныя, болѣе серьезныя. Отвѣчая на лестные для него отзывы о „Нови" С. К. Брюлловой и ея отца, К. Д. Кавелина, Тургеневъ писалъ первой: „Прежде всего ваше письмо причинило мнѣ великую радость: вслѣдъ за письмомъ вашего отца, оно было мнѣ залогомъ того, что я не ошибся совершенно—и что написанное мною имѣетъ право существовать. Послѣ всѣхъ сомнѣній, высказанныхъ дру-

---

[1]) „Русск. Обозрѣніе", 1894 г., № 12.

гими,—а главное—послѣ собственныхъ сомнѣній и колебаній,—это, дѣйствительно, большая радость. Тутъ дѣло не въ литературномъ самолюбіи, которое во мнѣ никогда слишкомъ сильно не было,—а въ другомъ, болѣе серьезномъ чувствѣ". Кавелину же онъ развилъ свою мысль подробнѣе: „Мой романъ имѣетъ для меня самого важное значеніе: тутъ идетъ вопросъ не объ упадкѣ или сохраненіи таланта, не о степени успѣха въ публикѣ,—къ этому я отношусь если не равнодушно, то спокойно, какъ подобаетъ человѣку, уже убѣленному сѣдинами и усталому,—вопросъ идетъ о томъ, совладалъ ли я съ задачей, постановка которой казалась мнѣ вѣрною, но исполненіе которой (а, вѣдь, вся суть въ исполненіи!) могла внушать мнѣ справедливыя сомнѣнія и опасенія. Эти опасенія были тѣмъ болѣе естественны, что задача-то была уже больно трудна. И вотъ вы, человѣкъ столь же чуткій, сколь правдивый—настоящій другъ и настоящій судья, въ одно и то же время—приходите и говорите мнѣ: „Работа хороша, все вѣрно и ладно", и даже прибавляете: спасибо—и въ такихъ выраженіяхъ, которыя не могли меня не тронуть... какъ же мнѣ не радоваться? Благодаря васъ, я самого себя глажу по головкѣ, и теперь, какая бы ни была „литературная" судьба „Нови", я уже знаю, знаю навѣрное, что я не потерялъ времени даромъ и сослужилъ—и отслужилъ службу моему поколѣнію, пожалуй, даже моему народу".

Вотъ почему Тургеневъ всегда говорилъ: „мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить", за что иной разъ сильно попадало Ивану Сергѣевичу отъ его пріятелей. Фетъ готовъ былъ видѣть здѣсь „постыдное подлизываніе къ мальчишкамъ". В. П. Боткинъ, въ письмѣ къ тому же Фету отъ 8 іюня 1866 г., говоритъ, что Тургеневъ „не можетъ примириться съ тѣмъ, что въ молодомъ поколѣніи онъ потерялъ всякое значеніе. Нечего сказать, есть чѣмъ дорожить! Я бы желалъ, чтобы мнѣ уяснили, какое значеніе имѣетъ большинство нашего молодого поколѣнія, съ его тупостью, всяческимъ невѣжествомъ, наглостью и самоувѣренностью дураковъ?" Иванъ Сергѣевичъ еще лучше Боткина видѣлъ недостатки нашей критики 60-хъ и 70-хъ годовъ, критики, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія. Онъ открыто, и въ письмахъ, и въ статьяхъ своихъ, указывалъ отсутствіе въ ней свободы, предвзятость взглядовъ, пристрастіе къ модѣ. Онъ не закрывалъ глаза на ея несправедливыя выходки по отношенію къ себѣ, и отмѣчалъ ихъ не одними грустными размышленіями, а иной разъ насмѣшкой и негодующимъ протестомъ. „Давать мнѣ en passant плюхи, повидимому, est très bien porté въ ны-

нѣшней литературѣ, въ родѣ тирольскихъ шляпъ: послѣдняя мода!"—писалъ Тургеневъ Анненкову 26-го октября 1869 года. Въ слѣдующемъ году, въ рецензіи своей на стихотворенія Полонскаго, онъ высказалъ между прочимъ: „Въ послѣднее время я самъ себѣ напоминалъ тѣ турецкія головы, о которыя посѣтители народныхъ гуляній пробуютъ свои силы ударомъ кулака; не было ни одного начинавшаго критика, который не попыталъ бы надо мною своего размаха". И все-же, несмотря на сознаніе всѣхъ недостатковъ и крайностей общественнаго мнѣнія, взглядовъ молодежи, русской критики,—что̀ было для Тургенева равносильно въ горячіе годы царствованія Александра II,—не смотря на это, онъ оставался вѣренъ тому, что̀ высказалъ еще въ началѣ своей литературной карьеры начинающему писателю К. Н. Леонтьеву (9 іюня 1853 г.): „Не думайте, пожалуйста, что можно шутить съ публикой—написать, какъ вы говорите, „что-нибудь полное лжи и лести" для денегъ, а потомъ показаться въ настоящемъ свѣтѣ. Знайте: публику не надуешь ни на волосъ—она умнѣе каждаго изъ насъ; знайте также, что, принося ей всего себя, всю свою кровь и плоть, вы должны быть еще благодарны ей, если она пойметъ и оцѣнитъ вашу жертву, если она обратитъ на васъ вниманіе; и это понятно, скажу болѣе: это справедливо. Не вы ей нужны,—она нужна вамъ. Вы хотите завоевать ее, такъ напрягайте всѣ ваши силы. Я этимъ не хочу сказать, чтобы вы должны были угождать ей, служить ея вкусамъ; нѣтъ, будьте тѣмъ, чѣмъ васъ Богъ создалъ, давайте все, что̀ въ васъ есть, и если вашъ талантъ оригиналенъ, если ваша личность интересна, публика признаетъ васъ, и возьметъ васъ, и будетъ пользоваться вами, какъ, напримѣръ, въ другой сферѣ дѣятельности она приняла гуттаперчу, потому что она нашла гуттаперчу вещью полезной и сподручной". Насколько Иванъ Сергѣевичъ былъ вѣренъ въ продолженіе всей своей дѣятельности высказанному здѣсь взгляду, можетъ служить доказательствомъ одно изъ лучшихъ его стихотвореній въ прозѣ: „Услышишь судъ глупца...", законченное словами: „Будемъ стараться только о томъ, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей... „Бей меня! но выслушай! — говорилъ аѳинскій вождь спартанскому. „Бей меня—но будь здоровъ и сытъ!—должны говорить мы".

Понятно намъ будетъ послѣ всего изложеннаго, какъ необходима была Тургеневу нравственная поддержка, какъ важно было, при его совѣстливомъ отношеніи къ читающей публикѣ, при его неподдѣльной авторской скромности, слышать дружескій

и твердый голосъ, ободряющій его и укрѣпляющій въ немъ сознаніе своего призванія. Такую поддержку, всегда неизмѣнную, всегда дружескую, находилъ Иванъ Сергѣевичъ въ Анненковѣ. Характеренъ особенно слѣдующій эпизодъ, разсказанный Павломъ Васильевичемъ въ его воспоминаніяхъ (перепискѣ) о другѣ: „Почти тотчасъ послѣ прибытія моего изъ деревни (1859 г.), я получилъ отъ Тургенева въ Петербургѣ довольно странную записочку: „Любезнѣйшій П. В., со мной сейчасъ случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчасъ была графиня Ламбертъ съ мужемъ, и она, прочитавши мой романъ [1]), такъ неопровержимо доказала мнѣ, что онъ никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ А до Z,—что я серьезно думаю—не бросить ли его въ огонь? Не смѣйтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мнѣ часа въ три,—и я вамъ покажу ея написанныя замѣчанія, а также передамъ ея доводы. Она, безъ всякаго преувеличенія, поселила во мнѣ отвращеніе къ моему продукту—и я, безъ всякихъ шутокъ, только изъ уваженія къ вамъ и вѣря въ вашъ вкусъ—не тотъ же часъ уничтожилъ мою работу. Приходите-ка, мы потолкуемъ—и, можетъ быть, и вы убѣдитесь въ справедливости ея словъ. Лучше теперь уничтожить, чѣмъ впослѣдствіи бранить себя. Я все это пишу не безъ досады, но безо всякой жолчи, ей-Богу. Жду васъ и буду держать огонь въ каминѣ. Весь вашъ И. Т.“ Огонь въ каминѣ оказался не нуженъ. Черезъ полчаса размышленія сообща—авторъ убѣдился самъ, что непривычка къ политическимъ мотивамъ въ художническомъ дѣлѣ была одна изъ причинъ недовольства его критика—точно такъ же, какъ заявленная критикомъ невозможность допустить увлеченія болгарской идеей на Руси, и особенно въ женскомъ сердцѣ, породила всѣ тѣ упреки въ несообразностяхъ, рѣзкостяхъ и преувеличеніяхъ, какія пришлось выслушать отъ него автору съ глазу на глазъ. Графиня Ламбертъ была женщина чрезвычайно умная и чуткая къ красотѣ поэзіи, но, какъ большинство развитыхъ русскихъ женщинъ, не любила, чтобы искусство искало помощи и содѣйствія политики, философіи, чего-либо посторонняго, хотя бы даже науки вообще“.

Понятна намъ теперь также и та тревога, какую испытывалъ иногда Тургеневъ относительно судьбы своего новаго произведенія въ ожиданіи отзыва отъ Анненкова. А. Л. въ своихъ воспоминаніяхъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ передаетъ, напримѣръ, слѣдующія слова Тургенева, только-что пославшаго своему „пер-

[1]) „Наканунѣ“.

вому критику"—„Старые портреты": „Я очень долго не работалъ, а теперь (1880 г.) написалъ небольшую вещь. Стоила она мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ—одна переписка ея отозвалась на мнѣ такими головными болями, такою усталостью, какихъ я никогда не испытывалъ. И, навѣрно, вещь будетъ плохая... то-есть, можетъ быть, и не совсѣмъ плохая, но, во всякомъ случаѣ, слабая. Я послалъ ее Анненкову, которому даю на прочтеніе всѣ вещи до напечатанія... Посмотрю, что онъ мнѣ о ней скажетъ" [1]).

Но Павелъ Васильевичъ былъ не менѣе полезенъ Тургеневу и послѣ выхода того или другого изъ произведеній послѣдняго, именно тѣмъ, что становился посредникомъ между публикой и своимъ другомъ, особенно во время продолжительныхъ пребываній Ивана Сергѣевича за границей. Анненковъ умѣлъ съ надлежащимъ безпристрастіемъ передавать ему отзывы публики, откидывая отъ нихъ всякіе наносы разыгравшагося не въ мѣру русскаго остроумія, указывая и на благопріятныя мнѣнія печати и общества, обыкновенно ускользавшія отъ вниманія Тургенева, слишкомъ чуткаго ко всякой непріязни и несправедливости. Вотъ какъ резюмировалъ, напримѣръ, Павелъ Васильевичъ своему другу въ 1871 г. впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ памфлетомъ Достоевскаго на автора „Дыма" въ „Бѣсахъ": „Вы, кажется, единственный человѣкъ, если исключить закоренѣлыхъ литературщиковъ нашихъ, который узналъ въ Кармазиновѣ то, что хотѣлось Достоевскому представить. Намѣреніе, конечно, очевидно въ этомъ лицѣ, но все это такъ каррикатурно, ухищренно и беззубо, что я не встрѣчалъ еще, по чистой совѣсти, души, которая бы сказала мнѣ: „Тургеневъ выведенъ на сцену". Это болѣе удовлетворяетъ злобу автора, чѣмъ вредитъ постороннему или оскорбляетъ кого-либо". Впечатлѣніе, произведенное на публику и журналистику „Вешними водами", Анненковъ описываетъ такъ (10 янв. 1872 г.): „Повѣсть ваша имѣетъ большой, даже восторженный успѣхъ въ публикѣ, который не отражается въ литературѣ, гдѣ все толкуютъ, что въ ней нѣтъ никакого вопроса. Желающіе имѣть серьезный видъ тоже выражаютъ эту новую мысль, но заглушены энтузіастами, а послѣднихъ много. Таковы почти всѣ мои знакомые безъ исключенія, особенно женщины. Хоръ похвалъ и восхищеній все еще ростетъ—вы можете быть спокойны... Заключаю повтореніемъ, что и философы, жаждущіе вопроса, сознаются, что мастерство изложенія и рельеф-

---

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ" 1887, кн. 3, стр. 72.

ность характеровъ и положеній врядъ ли далѣе могутъ быть усовершенствованы". Но Павелъ Васильевичъ не утѣшать хотѣлъ Тургенева во что̀ бы то ни стало; онъ не стѣснялся, напримѣръ, указывать на тѣ, не совсѣмъ благопріятныя мнѣнія публики, которыя совпадали съ его собственными. Такъ онъ рѣшительно подчеркивалъ взглядъ критика и общества, что „Конецъ Чертопханова" является диспаратомъ къ „Запискамъ охотника", нарушаетъ ихъ цѣльность.

Способность Анненкова къ широкимъ и осторожнымъ обобщеніямъ была полезна Ивану Сергѣевичу и въ другихъ случаяхъ. „Энциклопедически-панорамическое перо" Павла Васильевича, по шутливому замѣчанію его друга, дѣлало Анненкова незамѣнимымъ корреспондентомъ, знакомившимъ Тургенева, въ періоды его отлучекъ съ родины, со всѣми новостями русской, особенно петербургской жизни. Иванъ Сергѣевичъ считалъ его „мастеромъ резюмировать данный моментъ эпохи" даже въ простыхъ, на́скоро составленныхъ письмахъ, почему часто обращался къ нему съ просьбой не оставлять извѣстіями о томъ, что̀ „кипитъ и гремитъ" вокругъ него, или—„какіе ходятъ теперь политическіе и литературные слухи въ нашей сѣверной столицѣ".—„Получилъ я ваше письмо и по обыкновенію узналъ изъ него лучше всю суть современнаго положенія петербургскаго общества, чѣмъ изъ чтенія журнальныхъ корреспонденцій и т. д.; говорю вамъ спасибо"—находимъ, напримѣръ, въ письмѣ Тургенева къ Анненкову отъ 11 дек. 1861 г. Оно и понятно, если принять во вниманіе обширный кругъ знакомыхъ Павла Васильевича. О многочисленности его связей съ самыми разнообразными по характеру и направленію кружками писателей достаточно свидѣтельствуютъ его воспоминанія. Не даромъ люди, относившіеся къ Анненкову недоброжелательно, говаривали, что онъ и извѣстенъ лишь тѣмъ, что былъ другомъ всевозможныхъ извѣстностей. Иванъ Сергѣевичъ, правда, зналъ ихъ еще больше и нерѣдко гораздо лучше своего друга, но это нисколько не роняетъ значенія писемъ Павла Васильевича. Про связи же послѣдняго съ кружками, стоявшими на верху общества, достаточно говоритъ уже одна переписка его съ Тургеневымъ. „Висбаденъ нашъ,—пишетъ онъ 21 окт. 1872 г. Ивану Сергѣевичу, — превращается въ мѣсто отдохновенія русскаго государственнаго персонала, болѣе или менѣе разбитаго параличомъ или загноившаго свои печени и легкія. Сюда стеклись на зиму: Корфъ съ женой, Н. Адлербергъ, Альбединскій съ женой—la grande demoiselle сдѣлалась... матроной, m-me Дубельтъ, какая-то теперешняя нѣмецкая графиня,

княгиня Кочубей, не говоря уже о рядовыхъ генералъ-адъютантахъ. Ждутъ еще Вяземскаго. Къ величайшему моему изумленію, оказывается, что все это мои старые знакомые, которые при встрѣчахъ ласково помахиваютъ мнѣ руками и очами"... У Тургенева было не меньше, чѣмъ у Анненкова, знакомствъ въ томъ кругѣ, но, подолгу живя за границей, онъ скорѣе могъ принимать въ своемъ кабинетѣ короля и королеву прусскихъ, какъ это бывало въ Баденѣ, чѣмъ русскихъ генералъ-адъютантовъ.

Въ интересахъ возможно полной оцѣнки значенія для Ивана Сергѣевича дружбы Анненкова необходимо указать еще на то, что послѣдній былъ незамѣнимымъ человѣкомъ для Тургенева, какъ коммиссіонеръ. Иванъ Сергѣевичъ засыпалъ его всевозможными порученіями, чуть не въ каждомъ письмѣ. „А теперь, à la hâte, два, три порученія",—пишетъ онъ въ одномъ посланіи.— „Въ отвѣтъ на ваше письмо имѣю сообщить вамъ нѣсколько свѣдѣній и, какъ водится, кой-о-чемъ попросить васъ", — пишетъ Тургеневъ въ другомъ.—„Вчера я писалъ вамъ—и нынче пишу снова, но уже съ припаденіемъ къ стопамъ; а почему я прибѣгаю къ такой позѣ, о томъ слѣдуютъ пункты"...—такъ приступаетъ онъ къ перечню порученій въ третьемъ письмѣ, и т. д. Просьбы Ивана Сергѣевича были самыя разнообразныя и касались предметовъ литературныхъ, семейныхъ, денежныхъ; заключали въ себѣ рекомендаціи, ходатайства, различныя справки и т. д. Всѣ онѣ аккуратно исполнялись Павломъ Васильевичемъ и вызывали самую горячую благодарность Тургенева, хотя и выражавшуюся иногда въ формѣ веселой шутки. „Всякое письмо къ вамъ должно, по настоящему, начинаться съ благодарственнаго гимна",—читаемъ въ одномъ письмѣ Ивана Сергѣевича. „Вы— гранитная скала, бронзовая колонна, адамантъ! На васъ можно всегда и во всемъ положиться"—такъ начинаетъ онъ другое письмо къ другу. Порученія и просьбы касались иногда вполнѣ интимныхъ сторонъ жизни Тургенева, не доступныхъ не только взорамъ постороннихъ, но и остальныхъ друзей его. Въ письмѣ отъ 24 дек. 1868 г. онъ пишетъ, напримѣръ, Анненкову о своемъ двоюродномъ братѣ (положенномъ впослѣдствіи въ основу типа „Отчаяннаго"): „У меня есть N. N., пьяница, воришка и часто битый по мордѣ, до самаго дна всякой житейской тины, распущенности и бѣдности дошедшій человѣкъ. Я получилъ отъ него письмо (оказывается, что онъ въ Петербургѣ,—до сихъ поръ онъ былъ писцомъ въ какомъ-то сельскомъ обществѣ), и въ этомъ письмѣ онъ,—разумѣется, расточая всякія клятвы и обѣщанія исправиться,—проситъ меня о сторублевомъ вспомоще-

ствованіи. Этого я ему не дамъ, онъ немедленно все пропьетъ,— но каждое первое число, начиная съ января, выдавайте ему изъ моихъ денегъ, которыя вамъ доставитъ Кишинскій, по пяти рублей, ни копѣйки больше и ни однимъ днемъ раньше срока, съ условіемъ: не пускать его дальше вашей передней и не удостоивать его разговоромъ, а то онъ что-нибудь у васъ украдетъ. Мнѣ очень совѣстно, что я васъ ставлю въ отношеніе съ такимъ козломъ, но по крайней мѣрѣ успокойте меня обѣщаніемъ, что вы не допустите его къ себѣ". Въ другомъ письмѣ къ Анненкову читаемъ: „Узнайте адресъ Е. Я. Шварцъ, сестры жены моего брата. Эту несчастную, полумертвую чахоточную дѣвушку братъ (или, вѣрнѣе, жена его) прогналъ изъ своего дома безо всякой причины на другой день послѣ того, какъ я въ Дрезденѣ вручилъ ему письмо отъ другой сестры его жены, съ просьбой о пособіи, и теперь это злополучное существо безъ всякаго призрѣнія и безъ паспорта гибнетъ въ Петербургѣ. Она желала бы, чтобы ее хоть въ госпиталь помѣстили; но вы, съ свойственной вамъ мягкостью, узнайте, въ чемъ дѣло, и вручите ей отъ моего имени сто рублей, которые я вамъ съ благодарностью возвращу. Я ей предлагалъ поселиться у меня въ деревнѣ (она уже и прежде тамъ жила). Вы и объ этомъ съ нею поговорите. Словомъ, пролейте нѣсколько капель елею на эту по истинѣ достойную сожалѣнія рану. Большое вамъ будетъ за то спасибо".

Послѣ всего сказаннаго выше съ достаточной очевидностью обнаруживается не только первостепенное значеніе переписки Тургенева съ Анненковымъ [1]), но и рѣшающее значеніе воспоминаній и сужденій Павла Васильевича объ авторѣ „Отцовъ и Дѣтей". Анненкову русская читающая публика обязана многими правильными взглядами на жизнь и творчество Ивана Сергѣевича. Многіе приговоры критика, несмотря на всю ихъ несомнѣнность, до сихъ поръ еще не усвоены публикой, какъ, напримѣръ, приведенныя уже нами мнѣнія о „Запискахъ охотника" и „Нови". Зато, къ сожалѣнію, слишкомъ усвоены ею нѣкоторые ошибочные взгляды Павла Васильевича. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ два, какъ наиболѣе далекіе отъ истины.

Можетъ быть, Анненкову болѣе всего обязанъ Тургеневъ тѣмъ распространеннымъ мнѣніемъ, будто въ послѣднія одиннадцать лѣтъ своей жизни онъ „полюбилъ" Францію и прежде

---

[1]) Нельзя отъ души не пожалѣть, что послѣднія десять лѣтъ этой переписки утрачены вслѣдствіе прекращенія журнала „Русское Обозрѣніе", куда она была передана покойнымъ Л. Майковымъ.

всего потому, что Франція стала для Ивана Сергѣевича мила сама по себѣ. Особенно рѣшительно высказался критикъ по поводу слѣдующаго мѣста письма своего друга отъ 10-го іюня 1859 г.: „Все французское для меня воняетъ, и ужъ, коли выбирать, лучше возиться съ французскими épiciers, чѣмъ съ французскими beaux esprits. Я живу въ Виши въ скромномъ отелѣ, гдѣ вижу за table d'hôt'омъ нѣсколько французскихъ épiciers; особенно одинъ изъ нихъ плѣнителенъ. Онъ убѣжденъ, что русскіе мужики продаютъ своихъ дѣтей—„pour le sérail du Grand Kan des Tartares, monsieur!" (въ сераль великаго хана Тартаріи, государь мой!)—и прибавляетъ: „Ah, monsieur! quelle sale chôse que la réligion de Mâhomet!" Я, разумѣется, его не разувѣряю. Здѣшнія мужички сильно ругаются и употребляютъ необыкновенно замысловатыя выраженія. Недавно одна изъ нихъ при мнѣ говорила своему двухлѣтнему сыну: „Satané bougre d'anisette". Удивительное сцѣпленіе идей". Приведя этотъ отрывокъ, Анненковъ замѣчаетъ: „Анекдоты о плѣнительномъ épicier и о ругающейся матронѣ могли быть и вымышлены, но они показываютъ, какъ тогда смотрѣлъ Тургеневъ на французскую культуру, и какъ относился къ странѣ, которую такъ любилъ впослѣдствіи [1])". Мнѣніе Павла Васильевича было бы понятно, еслибы рѣчь шла только о Наполеоновскомъ режимѣ, но дѣло касается тутъ французской культуры вообще, независимо отъ той или другой политической формы ея. Насколько Анненковъ неправъ во мнѣніи объ особенной любви Ивана Сергѣевича къ Франціи 70-хъ годовъ, лучше всего можно видѣть изъ отзывовъ Тургенева о французской литературѣ, одинаково скептическихъ, какъ для временъ имперіи, такъ и для 70-хъ годовъ. Но взгляды Ивана Сергѣевича на французскую литературу настолько интересны и для выясненія ихъ существуетъ столь значительный матеріалъ, что излагать ихъ въ настоящемъ очеркѣ едва ли умѣстно. Они требуютъ самостоятельной статьи. Обратимся поэтому къ другимъ даннымъ. Въ концѣ 1872 г., на слова Анненкова: „Скажите, ради Бога, почему же это непремѣнно надо быть осломъ даже и геніальному французу, какъ только онъ потянетъ носомъ другой воздухъ, чѣмъ тотъ, какой самъ испустилъ!"—Тургеневъ отвѣчалъ: „то, что вы говорите о неспособности французовъ понимать не свое и объ ихъ невѣжествѣ, до сихъ поръ совершенно вѣрно". М. Драгомановъ не преувеличивалъ, когда писалъ по поводу своихъ встрѣчъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ

---

[1]) Вѣстникъ Европы", 1885 г., мартъ, стр. 27—28.

1878 г.: „Замѣчательно было у этого отъявленнаго западника постоянное скептическое отношеніе къ западнымъ европейцамъ, особенно къ французамъ, среди которыхъ онъ жилъ". Тургеневъ не разъ въ послѣдніе годы своей жизни называлъ французовъ „копѣешниками" [1]). Сравнивая отзывы Ивана Сергѣевича о Франціи 70-хъ годовъ съ его же отзывами о ней за періодъ имперіи, можно замѣтить лишь ту разницу, что позднѣйшіе взгляды не выражаются въ столь рѣзкихъ и сильныхъ словахъ, какъ болѣе ранніе. Но причина этого заключалась не столько въ перемѣнѣ симпатій къ Франціи, сколько въ перемѣнѣ въ самомъ характерѣ Тургенева. Подъ старость онъ сдѣлался чрезвычайно терпимъ къ чужимъ мнѣніямъ, снисходителенъ къ чужимъ недостаткамъ, сталъ очень невзыскателенъ ко всему тому, что касалось его лично. Въ ноябрѣ 1869 г. Иванъ Сергѣевичъ писалъ Фету: „Къ сожалѣнію, я уже попрежнему спорить не могу и не умѣю; флегма одолѣла до того, что нѣсколько разъ въ день приходится съ нѣкоторымъ усиліемъ расклеивать губы, слипшіяся отъ долгаго молчанія". Въ іюнѣ 1871 г. онъ писалъ тому же Фету. „Въ пятьдесятъ-три года человѣкъ не позволяетъ себѣ думать, чтобы онъ могъ кого-нибудь или что-нибудь измѣнить. Да и къ чему мѣняться? Жизненнаго бремени не облегчишь, и каждому самому удобнѣе знать, какъ ему возиться съ этимъ чурбаномъ. Иной его кладетъ на голову, другой на спину, а третій просто волочитъ по землѣ. И то все благо, то добро".—„Tout casse, tout passe, tout lasse",—говаривалъ онъ еще позднѣе своему брату. То, что раньше сердило и возмущало Ивана Сергѣевича во французахъ, то теперь дѣйствовало на него не такъ сильно. Если Тургеневъ въ 70-хъ годахъ былъ сдержаннѣе въ отзывахъ о недостаткахъ французовъ, то онъ въ равной степени былъ сдержаннѣе и въ чувствахъ довольства своею жизнью во Франціи. Мы не найдемъ ни одного мѣста въ письмахъ его 70-хъ годовъ равнаго по теплотѣ чувства тѣмъ строкамъ письма къ Анненкову изъ Куртавнеля отъ 1 августа 1859 г., гдѣ Иванъ Сергѣевичъ говоритъ, какъ хорошо „сидѣть передъ раскрытымъ окномъ и глядѣть въ неподвижный садъ, медленно мѣшая образы собственной фантазіи съ воспоминаніями далекихъ друзей и далекой родины. Въ комнатѣ свѣжо и тихо, въ корридорѣ слышны голоса дѣтей, сверху доносятся звуки Глюка... Чего больше?"...

Да и вообще симпатіи Тургенева къ Западу Анненковъ не то что преувеличивалъ, а объяснялъ нѣсколько односторонне. Онъ

---

[1]) Воспоминанія Полонскаго. „Нива", 1884.

писалъ: „Европа была для него (Тургенева) землей обновленія: корни всѣхъ его стремленій, основы для воспитанія воли и характера, а также и развитія самой мысли заложены были въ ея почвѣ—и тамъ глубоко развѣтвились и пустили отпрыски. Понятно становится, почему онъ предпочиталъ съ-молода держаться на этой почвѣ, пока совсѣмъ не утвердился на ней. Не мало упрековъ отъ соотечественниковъ вынесъ онъ на вѣку своемъ за это предпочтеніе, казавшееся имъ обиднымъ; нѣкоторые изъ нихъ видѣли тутъ даже отсутствіе національныхъ убѣжденій, космополитизмъ обезпеченнаго человѣка, готоваго промѣнять гражданскія обязанности свои на комфортъ и легкія потѣхи заграничнаго существованія, и проч., и проч. Ни въ одномъ изъ взводимыхъ на него преступленій Тургеневъ, конечно, не провинился, да ими и не могъ провиниться человѣкъ, литературная дѣятельность котораго,—то-есть, другими словами, вся задача жизни,—ничего иного никогда и не высказывала, кромѣ постоянной, пламенной думы о своемъ отечествѣ, и который жилъ ежедневной мыслью о немъ, гдѣ бы ни находился, что̀ хорошо извѣстно и старымъ, и новымъ его знакомымъ. Не отсутствіе народныхъ симпатій въ душѣ и не надменное пренебреженіе къ строю русской жизни сдѣлали Европу необходимостью для его существованія, а то, что здѣсь обильнѣе текла умственная жизнь, поглощающая пустыя стремленія, что въ Европѣ онъ чувствовалъ себя болѣе простымъ, дѣльнымъ, вѣрнымъ самому себѣ и болѣе свободнымъ отъ вздорныхъ искушеній, чѣмъ когда становился лицомъ къ лицу съ русской дѣйствительностью [1])“. На самомъ дѣлѣ существенной оговоркой къ изложенному взгляду являются слѣдующія признанія самого Ивана Сергѣевича на вечерней бесѣдѣ 4-го марта 1880 г. въ Петербургѣ, дословно записанныя слушателями: „Послѣднія двадцать лѣтъ,—разсказывалъ онъ,—я почти все время провелъ и провожу за границею. Такова судьба, выпавшая на мою долю. Я люблю семейство, семейную жизнь, но судьба не послала мнѣ собственнаго моего семейства, и я прикрѣпился, вошелъ въ составъ чуждой семьи, и случайно выпало, что эта семья—французская. Съ давнихъ поръ моя жизнь переплелась съ жизнью этой семьи... Перемѣняетъ она мѣсто жительства—и я съ нею; отправляется она въ Лондонъ, Баденъ, Парижъ—и я переношу свое мѣстопребываніе вмѣстѣ съ нею“ [2]). А внѣ любимой семьи Тургеневу все-же приходилось

---

[1]) Воспом. и критич. очерки, III, 191.

[2]) „Русская Старина“, 1883, октябрь.

за границей имѣть дѣло съ живыми людьми, а не съ отвлеченными результатами блестящаго умственнаго развитія Европы, и не одному Писемскому онъ высказывалъ: „жить русскому за границей тоже невесело: невесело видѣть, до какой степени всѣ насъ ненавидятъ, всѣ, не исключая даже французовъ! Россія должна замкнуться въ самое себя и не разсчитывать ни на какое внѣшнее сочувствіе“ (письмо отъ 26-го окт. 1876).

Анненковъ гораздо ближе къ истинѣ, когда подробно объясняетъ въ своей статьѣ по поводу „Дыма“ западничество Тургенева не привязанностью къ „видимой“ Европѣ, которую составляютъ, такъ сказать, живые люди, а преданностью той „малоизвѣстной“ Европѣ, которая заключаетъ въ себѣ результаты *общечеловѣческаго* развитія.

Анненкову не менѣе, чѣмъ другимъ русскимъ критикамъ, обязана публика тѣмъ предвзятымъ взглядомъ, по которому Иванъ Сергѣевичъ своими произведеніями, будто бы, проводилъ теорію, „въ силу которой русская жизнь распадалась на два элемента— мужественную, очаровательную по любви и простотѣ женщину, и очень развитого, но запутаннаго и слабаго по природѣ своей мужчину“ [1]). Послѣдній элементъ или типъ особенно интересовалъ критика, являясь главной опорой его теоріи,—какъ видно изъ болѣе раннихъ статей Анненкова: „И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой“ (1854 г.) и „Литературный типъ слабаго человѣка“ (по поводу Тургеневской „Аси“ 1858 г.); какъ видно изъ этихъ статей, критикъ понималъ подъ сильнымъ „развитіемъ“ не только научное и философское образованіе природнаго ума, но и выдающуюся чуткость совѣсти, честность натуры; подъ „запутанностью“—стремленіе къ возвышеннымъ, отдаленнымъ цѣлямъ, не замѣчающее ближайшихъ обязанностей человѣка, иногда даже нѣсколько брезгливо относившееся къ нимъ; наконецъ—подъ „слабостью“ критикъ понималъ простую безхарактерность, тряпичность натуры, отсутствіе воли. Павелъ Васильевичъ сначала полагалъ, что эту теорію Тургеневъ проводилъ до самаго „Дворянскаго гнѣзда“, затѣмъ ограничилъ свой взглядъ временемъ появленія „Рудина“, считая послѣднюю повѣсть „погребальнымъ вѣнкомъ на гробѣ всѣхъ старыхъ разсказовъ Тургенева объ абстрактныхъ русскихъ натурахъ“. Но, съ легкой руки Анненкова, публика приложила эту теорію уже ко всѣмъ произведеніямъ Ивана Сергѣевича, не исключая „Нови“. Далѣе,—допуская законность примѣненія своего взгляда ко всему поколѣнію 40-хъ

---

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1884, кн., 2, стр. 460.

годовъ, критикъ рѣшительно выдѣлялъ изъ этого разряда несостоятельность людей передовыхъ, дѣятелей эпохи, и самого Тургенева, какъ человѣка съ недюжинной волей. „Рѣдкіе изъ людей,—писалъ Павелъ Васильевичъ, — выказали болѣе выдержки въ характерѣ, чѣмъ онъ". Публика опять оказалась тутъ прямолинейнѣе—она и самого Ивана Сергѣевича отнесла къ разряду высоко развитыхъ, но лишенныхъ воли героевъ.

Не было бы всѣхъ этихъ ошибокъ, еслибъ Анненковъ не увлекся на этотъ разъ излишнимъ обобщеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, для доказательства своей мысли, кого онъ выставляетъ, какъ „очень развитыхъ, но слабыхъ людей", на кого онъ указываетъ совершенно опредѣленно, не скрываясь, не блуждая среди намековъ и не всегда ясныхъ ссылокъ на типы другихъ произведеній Тургенева и его современниковъ? На Вязовнина („Два пріятеля"); Астахова, Веретьева („Затишье"); Рудина и героя „Аси". Вязовнинъ еще подходитъ подъ эту теорію, но про остальныхъ этого сказать нельзя. Астаховъ—человѣкъ практическій, настойчиво добивающійся благосостоянія, выгодной партіи, уже совсѣмъ не является типомъ очень развитого и въ то же время безхарактернаго героя. Самъ же Анненковъ въ другомъ мѣстѣ той же статьи указываетъ на то, что Астаховъ обрисовывается въ повѣсти „совершенно пустымъ" человѣкомъ, неспособнымъ „понимать благородное въ жизни и мысли". Такъ же мало оправдываетъ основной взглядъ Павла Васильевича и Веретьевъ. Очень неглупый, даже, пожалуй, даровитый, но мало образованный, онъ представляетъ собою типъ избалованнаго кутилы, быстро облѣнившагося и подъ конецъ спившагося совершенно. „Сила и блескъ Веретьева,—говоритъ опять какъ бы нечаянно и въ противорѣчіе себѣ критикъ,—суть явленія чисто физическія, условливаемыя молодостью, свойствомъ раздражительности органовъ и обращенія крови". Гдѣ же тутъ Гамлетовскія черты? Слабохарактерность Рудина усматриваютъ обыкновенно въ его отказѣ жениться на Наташѣ. Но при чемъ здѣсь воля, крѣпость ея или безсиліе, когда Рудинъ не любилъ очарованной имъ дѣвушки? Указываютъ также, какъ на признакъ слабоволія, на практическую безрезультатность стремленій Рудина. Но развѣ упорный, постоянный порывъ къ дѣятельности, проявляемый имъ, есть признакъ безхарактерности? „Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ тобою,—говорилъ онъ Лежневу,—я переиспыталъ и переизвѣдалъ многое... Начиналъ я жить, принимался за новое разъ двадцать". Человѣкъ, лишенный воли, не станетъ искать,

не станетъ горячо и съ увлеченіемъ браться за новое дѣло, потерпѣвъ неудачу на предъидущемъ. Неужели шестимѣсячное голоданіе въ землянкахъ за разработкой проекта углубленія рѣки въ компаніи съ Курбѣевымъ—есть признакъ отсутствія характера? Практическая безплодность стремленій Рудина происходила не отъ отсутствія воли, а отъ незнанія имъ русской жизни, ея потребностей, ея нуждъ. Тщетность его усилій объясняется полной неподготовленностью къ тому, чего болѣе всего ожидало русское общество, русскій народъ, наконецъ, при тогдашней обстановкѣ и условіяхъ, отъ людей, непосредственно съ нимъ соприкасающихся. „Несчастье Рудина состоитъ въ томъ,—говорилъ про него Лежневъ,—что онъ Россіи не знаетъ, и это, точно, большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи. Но, опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то ужъ винить его не станемъ“. Лишь подъ конецъ своей жизни, послѣ цѣлаго ряда неудачъ и разочарованій, съ надорванными уже силами, пришелъ Рудинъ къ тому заключенію, что настоящимъ дѣломъ считать можно и то, когда человѣкъ „слѣпую бабку и все ея семейство своими трудами прокормитъ“.

Въ героѣ „Аси“ выведенъ не „слабовольный“ человѣкъ, а неопытный юноша, застигнутый врасплохъ страстными признаніями дѣвушки, оригинальной, глубоко привлекательной и милой, но которую герой, конечно, не любилъ. Въ чемъ онъ выразилъ свою слабость? Въ томъ, что не до конца поддался обаянію ея внезапной любви? Въ томъ, что не съумѣлъ оцѣнить ея честной натуры, всей поэзіи ея молодости? Да, наконецъ, почему мы знаемъ, что̀ вышло подъ конецъ изъ героя „Аси“? По лирическимъ отступленіямъ автора естественнѣе всего предположить, что изъ него вышелъ человѣкъ не менѣе положительный, чѣмъ, напримѣръ, Лаврецкій, типъ далеко не безхарактернаго или лишеннаго воли героя.

Въ статьѣ своей „Молодость Тургенева“ Анненковъ пишетъ: „Требовательная критика разбирала, послѣ Рудина, человѣка съ большими претензіями и ничтожной волей, перенося на все по-

колѣніе сороковыхъ годовъ презрѣніе, которое возбуждалъ въ ней этотъ типъ". Стало быть, русская критика относила отчасти и самого Тургенева не только къ разряду слабыхъ людей, но и людей, достойныхъ презрѣнія. Справедливымъ упрекомъ звучатъ слова Павла Васильевича; но вина въ распространенности этого крайняго мнѣнія среди поколѣній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ падаетъ частью и на самого П. В. Анненкова.

Н. Гутьяръ.

ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА

РОМАНЪ.

— Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck. Ein Roman in vier Büchern. Berl. 1902.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Одутловатое лицо доктора, съ подстриженными по военному усами и съ мѣдно-красноватымъ оттѣнкомъ кожи, въ эту минуту почти побагровѣло.

Въ смущеніи, онъ провелъ рукою по коротко остриженнымъ волосамъ, но тотчасъ же его коренастая, широкоплечая фигура приподнялась, и онъ схватилъ за плечо мальчика, стоявшаго передъ нимъ съ мрачнымъ и упрямымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Ты этого не сдѣлаешь?—спросилъ онъ и понизилъ голосъ до той хрипоты, которая часто предшествуетъ сильнымъ вспышкамъ гнѣва.

Стройная, тонкая фигура мальчика отшатнулась отъ прикосновенія тяжеловѣсной руки, и по всему его тѣлу на мгновеніе пробѣжала дрожь. Но лицо его, изящно очерченное, съ энергичнымъ, немного согнутымъ носомъ, печальнымъ ртомъ и темными, смѣлыми глазами, не выразило никакого страха. Напротивъ, въ немъ чувствовалась непреклонная рѣшимость сопротивляться.

— Я не могу и не хочу,—проговорилъ онъ, сжимая руки, и врачки его, казалось, расширились.

Докторъ ударилъ его. Мальчикъ вздрогнулъ, какъ подстрѣленный олень, но не издалъ ни звука; только возлѣ его плотно сжатыхъ губъ появилась страдальческая черта.

— Ты будешь просить прощенія, будешь просить прощенія у своего класснаго наставника? — выговорилъ докторъ, задыхаясь.

Мальчикъ только покачалъ головою.

— Еще разъ—будешь или нѣтъ?

— Я не могу! Я ничего не сдѣлалъ.

Съ минуту докторъ оглядывался, ища чего-то, пока его глаза не упали на хлыстъ, лежавшій на письменномъ столѣ. Онъ схватилъ его быстрымъ движеніемъ. Потомъ посмотрѣлъ на свою жертву, выйдя изъ себя отъ ярости, и чувствуя, что разсужденіями съ нимъ ничего не подѣлаешь.

Мальчикъ поднялъ голову. Все его напряженное лицо выражало страшную рѣшимость и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то жуткое было въ немъ, какъ будто какое-то предостереженіе. Казалось, это лицо говорило: „Не бей меня, физическую боль я почти не замѣчу, но ты разобьешь во мнѣ что-то такое, чего уже никогда нельзя будетъ исцѣлить“.

Этотъ взглядъ пронизалъ доктора, какъ жало, и лишилъ его послѣдняго самообладанія.

— Увидимъ, кто сильнѣе, я или ты!

Онъ размахнулся, и хлыстъ со свистомъ опустился на тѣло мальчика.

Онъ откинулся назадъ, но вдругъ крѣпко стиснулъ зубы и весь какъ будто выросъ. Онъ выпрямился и стоялъ твердо, не сгибаясь ни подъ однимъ ударомъ.

На мгновеніе докторъ остановился. Онъ вдругъ почувствовалъ, что въ этотъ часъ между нимъ и его сыномъ началась борьба, послѣдствія которой должны были врѣзаться во всю ихъ послѣдующую жизнь. Все зависѣло отъ того, кто окажется сильнѣе, и онъ снова хотѣлъ броситься на сына, но дверь отворилась, и молодая женщина, слабо вскрикнувъ и съ выраженіемъ смертельнаго ужаса, прикрыла мальчика собою.

Хлыстъ попалъ ей по лицу и оставилъ на немъ кровавый рубецъ.

Докторъ растерялся и отодвинулся назадъ.

— Уйди!—сказала вошедшая мальчику, и въ голосѣ ея послышался какъ бы отзвукъ сдержаннаго рыданья.

Мальчикъ колебался, но подчинился умоляющему взгляду матери. Когда дверь за нимъ затворилась, то оцѣпенѣніе доктора прошло.

— Ты съ ума сошла?—выговорилъ онъ съ трудомъ.—Ты хочешь мнѣ совсѣмъ испортить мальчишку?

Онъ хотѣлъ оттолкнуть ее и броситься вслѣдъ за ушедшимъ.

— Не теперь, ради Бога, не теперь!—сказала она и подняла немного свои сложенныя бѣлыя руки.

Онъ посмотрѣлъ сбоку на стройную, тонкую фигурку съ жалостью и съ нѣкоторымъ страхомъ. Она имѣла такой хрупкій видъ, и такое страданіе и грусть лежали на ея лицѣ и выражались въ широко раскрытыхъ сѣрыхъ глазахъ, устремленныхъ на него съ страстною тоскою и безконечнымъ страхомъ. Когда онъ узналъ ее, много лѣтъ тому назадъ, то говорилъ ей, что у нея взглядъ Спасителя, возбуждающій въ немъ робость и покорность. Съ помощью однихъ своихъ глазъ она могла управлять имъ, исправлять и очищать отъ всякой житейской грязи. Она смотрѣла тогда на него недовѣрчиво, съ мучительной улыбкой, становившейся съ годами все болѣе блуждающей, мученической и не отъ міра сего.

Эта улыбка и теперь остановила доктора. Онъ тяжело опустился на стулъ, заскрипѣвшій подъ его грузнымъ тѣломъ, и проговорилъ, не глядя на нее:

— Это все плоды твоего воспитанія. Мальчикъ строптивъ и упрямъ; ни въ школѣ, ни дома нельзя его обуздать. Его хотятъ исключить изъ гимназіи, потому что онъ и другимъ внушаетъ неповиновеніе, и его примѣръ дѣйствуетъ заразительно. Еслибы я не былъ знакомъ съ этими господами, еслибы они не относились съ уваженіемъ ко мнѣ и моему общественному положенію, то его бы выгнали, и вышелъ бы изъ него разбойникъ и воръ.

Она слабо уронила руки, и выраженіе напряженнаго страха замѣнилось выраженіемъ усталости. Она почти не слушала его.

— Если онъ не попроситъ, какъ слѣдуетъ, прощенія, пусть не показывается мнѣ на глаза, — или я ему переломаю всѣ ребра. Я...

Лобъ его покраснѣлъ. По всему было видно, что его начиналъ охватывать новый приступъ злобы. Онъ злился на самого себя, и не могъ себѣ простить, что въ такія минуты чувствовалъ себя передъ нею такимъ маленькимъ, что позволялъ управлять собою. Это сознаніе еще усиливало его досаду, и онъ рѣзкимъ

движеніемъ повернулъ къ ней голову. Но въ комнатѣ уже никого не было. Она исчезла, по своему обыкновенію, совершенно неслышно.

Въ первую минуту лицо его выразило растерянность и изумленіе, но потомъ онъ грубо разсмѣялся:

— Вотъ такъ женщина! Исчезаетъ, точно какое-то видѣніе!

Онъ тяжело поднялся и заперъ дверь на задвижку. Потомъ бросился на темный кожаный диванъ и закурилъ сигару. Онъ выпускалъ большіе голубоватые клубы дыма. Они поднимались и заволакивали операціонный столъ, шкафъ съ инструментами и большой черный письменный столъ, на которомъ вытянулись до самаго потолка полки съ книгами. Онъ почувствовалъ усталость, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ, не успѣвъ договорить какого-то браннаго слова.

II.

Нигдѣ въ цѣломъ домѣ не могла она отыскать своего бѣднаго мальчика. Прислуга тоже не знала, гдѣ онъ. Она наскоро обѣжала весь садъ, стоявшій въ полномъ лѣтнемъ расцвѣтѣ. Потомъ, удрученная и озабоченная, обошла еще разъ всѣ дорожки, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружавшую ее красоту.

Этотъ созданный ею садъ считался одною изъ достопримѣчательностей города; на него, обыкновенно, обращали вниманіе пріѣзжихъ. Но сегодня фрау Тамара проходила мимо художественно составленныхъ группъ деревьевъ и цвѣтущихъ кустовъ, не замѣчая ничего вокругъ себя. Взглядъ ея дѣлался все безпокойнѣе. Она остановилась надъ небольшимъ темнымъ прудомъ, окруженнымъ густыми ивами. Загадочно шумѣли по вѣтру развѣсистыя деревья, отражаясь въ горной глубинѣ. Ея сердце замерло. Она оглядѣлась вокругъ съ свойственной ей мучительной улыбкой и, все еще не теряя надежды, прошла немного дальше, къ столѣтней липѣ, одиноко возвышавшейся среди площадки, поросшей дерномъ. Здѣсь она вздохнула съ глубокимъ облегченіемъ. Передъ нею лежалъ ея мальчикъ. Глаза у него были закрыты, и солнечные блики скользили по его не-дѣтски строгому, точно изъ бронзы вылитому лицу. Рядомъ съ нимъ стояла на колѣняхъ маленькая, тоненькая дѣвочка съ вьющимися по плечамъ черными волосами и темно-карими глазами, устремленными на мальчика съ выраженіемъ страстнаго волненія. Мальчикъ такъ плотно закрылъ глаза и такъ упорно зажималъ руками уши, какъ будто онъ хотѣлъ избавиться отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣ-

ній. Дѣвочка обернулась и, увидавъ передъ собою какъ изъ-подъ земли выросшую фрау Тамару, вздрогнула, осторожно встала и подошла къ ней, немного склонивъ голову на бокъ.

— Тетя Тамара!..—Ея тонкій голосокъ дрожалъ отъ сдерживаемыхъ слезъ, и она не могла ничего больше выговорить.

Молодая женщина нагнулась къ ней и поцѣловала ее въ бѣлый, чистый лобъ, придававшій лицу ребенка выраженіе преждевременной зрѣлости и серьезности.

— Пойди, Беттина, нарви цвѣтовъ! Я хочу поговорить съ Томасомъ.

Дѣвочка кивнула головой, ничего не спросила, понявъ все своимъ тонкимъ чутьемъ, и тихонько ушла.

Хотя онѣ вели свой краткій разговоръ шопотомъ, но онъ все-таки вывелъ мальчика изъ его тяжелаго забытья. Онъ увидѣлъ мать, но не могъ совладать съ собою и посмотрѣлъ на нее такъ молчаливо, такъ измученно, въ этомъ раздирающемъ душу взглядѣ онъ такъ ясно обнажилъ передъ нею все свое страданье, что молодая женщина глухо застонала. Она стала возлѣ него на колѣни, какъ только-что стояла маленькая дѣвочка, и взяла его за руку. Тогда мальчикъ овладѣлъ собою. Онъ хотѣлъ улыбнуться матери, но она вскрикнула. Она вдругъ увидала на его лицѣ свою собственную мучительную улыбку, и все внутри ея болѣзненно сжалось.

— Милый, милый, не гляди на меня такъ! — вырвалось у нея жалобно.

Тогда онъ обвилъ ее руками и поцѣловалъ почтительно, нѣжно и осторожно. Нѣсколько времени они тихонько сидѣли рядомъ, чувствовали близость другъ друга и ничего не говорили. Но вдругъ Томасъ прервалъ молчаніе.

— Тамара, я долженъ просить прощенія, когда учитель несправедливо поступилъ со мной. Онъ наказалъ меня за то, чего я и не думалъ дѣлать. Я не хотѣлъ этого допустить. Я сталъ сопротивляться,—повторилъ онъ, и кровь прилила къ его лицу при воспоминаніи о сдѣланной ему несправедливости.

— Я вѣдь не рабъ, Тамара,—прибавилъ онъ и приподнялся съ земли.

Она прильнула къ нему, какъ будто этотъ мальчикъ, которому не могло быть болѣе четырнадцати лѣтъ, былъ ея защитникомъ. Ихъ можно было принять за брата и сестру: она была такая тонкая и нѣжная, что казалась гораздо моложе своихъ тридцати-двухъ лѣтъ.

— Нѣтъ, ты не рабъ,—повторила она, и, несмотря на жаркій лѣтній день, ей стало холодно отъ этихъ словъ.

Между тѣмъ, маленькая дѣвочка уже возвращалась къ нимъ бѣгомъ. На ней было узенькое черное платье, мрачно выдѣлявшееся рядомъ съ бѣлымъ платьемъ молодой женщины. Ея живые дѣтскіе глаза сверкали. Въ рукахъ она несла три вѣнка изъ листьевъ и, не говоря ни слова, украсила ими тетю Тамару, Томаса и себя.

— Томасъ, ну, теперь ты король и у тебя есть корона.

— А ты—королева,—прибавила ея тетя.

Дѣвочка покачала головой.

— Королева—ты, а я—принцесса Беттина изъ Индіи.

Она проговорила это твердо и увѣренно, какъ неопровержимую истину.

— А гдѣ находится Индія?—спросила фрау Тамара.

Одно мгновеніе дѣвочка поколебалась, прежде чѣмъ отвѣчать:

— Индія находится на лунѣ.

Томасъ весело разсмѣялся и вскочилъ на ноги.

III.

Фрау Тамара никогда не выѣзжала изъ маленькаго городка, въ которомъ жила. Она рано лишилась матери и жила вмѣстѣ съ взрослой сестрою подъ надзоромъ отца, человѣка очень замкнутаго, и который, какъ говорили, къ старости становился все болѣе и болѣе страннымъ.

Обѣ молодыя дѣвушки не имѣли никакихъ знакомствъ, и вся радость ихъ состояла во взаимномъ общеніи. Въ нихъ обѣихъ было что-то напоминавшее Мадонну, что-то глубоко затаенное, неземное. Старшая еще чувствовала нѣкоторое стремленіе къ шумному, блестящему свѣту, о которомъ знала только по наслышкѣ. Но это стремленіе проявлялось въ ней очень рѣдко и робко. Жизнь ихъ протекала однообразно. Онѣ занимались въ домѣ хозяйствомъ и бродили рука-объ-руку по саду. Онѣ тихонько нашептывали другъ другу какія-то нѣжныя слова и еще ближе льнули одна къ другой. Онѣ говорили объ отцѣ, который, несмотря на свои странности и молчаливость, былъ первымъ докторомъ во всей округѣ, и о матери, такъ рано умершей и которая, вѣроятно, была похожа на нихъ обѣихъ. Иногда онѣ смѣялись внутреннимъ счастливымъ смѣхомъ и укра-

шали себѣ волосы цвѣтами. Онѣ распускали свои густыя косы и украдкой смотрѣли въ темную воду пруда, задумчиво и мечтательно, воображая себя русалками, нимфами, наядами и сильфидами. Потомъ вдругъ начинали смѣяться загадочнымъ серебристымъ смѣхомъ, испуганно смотрѣли другъ на друга широко раскрытыми глазами и почти боялись другъ друга. Имъ казалось, что онѣ заблудились въ жизни. И тогда наступали минуты глубокой тоски, для которой нельзя было найти объясненія. Въ такія минуты онѣ сознавали свое одиночество и чувствовали, что лишены почвы и брошены на землю, какъ бѣдныя маленькія растенія. Иногда докторъ пытливо и испуганно взглядывалъ на своихъ дѣвочекъ и нерѣшительно, почти робко проводилъ рукой по ихъ волосамъ, не выражая того, о чемъ думалъ. Но пришло время, когда его сталъ охватывать глубокій внутренній страхъ. Онъ чувствовалъ, что тѣло его уже начинало умирать, и ему становилось жутко, когда онъ вспоминалъ свою молчаливую, замкнутую жизнь и сознавалъ, что не исполнилъ своей обязанности относительно дочерей. Въ это время въ городѣ случилось необычайное происшествіе.

Одинъ молодой польскій скрипачъ надѣлалъ большого шума въ провинціи и далъ въ маленькомъ городкѣ концертъ, которому предшествовала крикливая реклама. Нужно было его послушать. Въ семейство доктора также были присланы билеты, и вечеромъ всѣ собрались въ ярко освѣщенной залѣ собранія. Для молодыхъ дѣвушекъ скрипачъ и его игра были настоящимъ откровеніемъ. Онѣ сидѣли рядомъ, держась за руки, и слушали новые звуки. Эти звуки не только волновали и возбуждали ихъ, но давали еще исходъ всему, что давно стремилось изъ глубины ихъ души къ свѣту и солнцу. Но лица ихъ выражали смущеніе, волненіе и испугъ. Имъ было стыдно и хотѣлось скрыть начавшуюся въ нихъ внутреннюю работу. Онѣ пугались каждый разъ, когда музыкантъ переставалъ играть, а публика начинала громко апплодировать. Этотъ шумъ, производимый людьми, былъ для нихъ непонятенъ. Ихъ мучило и казалось загадочнымъ также и то, какъ могъ кто-либо обнажать такъ передъ любопытной толпой свою душу. Онѣ знали, что скрипачъ въ ту же ночь долженъ былъ уѣхать. Онѣ чувствовали, что онъ внесъ въ ихъ жизнь страхъ и безпокойство, и не могли себѣ вообразить, что же могло быть дальше. Онѣ избѣгали смотрѣть другъ на друга: имъ было стыдно.

Вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Скрипачъ пересталъ играть, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и смычокъ вы-

скользнулъ у него изъ рукъ. Человѣкъ, сопровождавшій его, едва успѣлъ его подхватить. Докторъ всталъ съ своего мѣста и пошелъ за эстраду. Скрипачу пришлось прервать свою артистическую поѣздку и, волей-неволей, остановиться въ маленькомъ городкѣ, гдѣ болѣзнь заставила его слечь въ постель. Поправившись, онъ явился къ доктору. Это былъ увлекающійся и безпокойный малый, съ возвышенными мечтами, міровыми стремленіями и съ сердцемъ артиста, полнымъ самыхъ удивительныхъ фантазій. Отъ дикой погони за наслажденіями, отъ самыхъ высокихъ чувствъ онъ переходилъ къ трусливымъ сомнѣніямъ, и это, въ соединеніи съ крайней чувствительностью и раздражительностью, совершенно разбивало его. Но отъ всего его существа вѣяло молодой силой, бьющей ключомъ, отважнымъ сознаніемъ побѣды и задумчивой нѣжностью, такъ свойственной его расѣ. Онъ выздоровѣлъ, но все еще не уѣзжалъ. Ни одна изъ сестеръ не выказывала ему особеннаго расположенія. Но если ему удавалось подмѣтить украдкой брошенный взглядъ или пониженный звукъ голоса, то ему уже казалось, что онъ нашелъ путь къ ихъ сердцу. Онъ игралъ имъ часто цѣлыми часами, а онѣ, въ знакъ благодарности, едва касались его руки избѣгали его взглядовъ. Его удивляло, почему онѣ были такъ скупы на похвалы. Онъ не могъ понять, что его искусство было для нихъ слишкомъ дорого, и что онѣ стыдились выражать свои впечатлѣнія пустыми, ничтожными словами.

Наступила весна, юная и сіяющая, и въ эту весну сестры разлетѣлись, какъ вспугнутыя ночныя бабочки.

Скрипачъ сдѣлалъ предложеніе старшей. Она не смѣла глядѣть на Тамару, и пока была невѣстой,—что продолжалось очень недолго, — онѣ мало разговаривали. Въ минуту разлуки сестра сказала Тамарѣ нѣсколько раздирающихъ душу словъ; потомъ онѣ поцѣловались блѣдными, похолодѣвшими губами.

И огромное, глубокое одиночество надвинулось на домъ доктора. Точно это былъ какой-то заколдованный садъ, и въ немъ сидѣла и мечтала, безъ всякихъ желаній, мертвая молодая дѣвушка. Въ это время отецъ часто отыскивалъ ее въ саду, молча бралъ ея руку и нѣжно гладилъ ее. Она ясно чувствовала, что онъ читалъ въ ея душѣ, и была ему благодарна. Но скоро ея мертвый покой былъ нарушенъ и ее заставили вернуться къ тревожной, шумной жизни, которую она не понимала, потому что находила ее безсодержательной и безцѣльной.

Въ маленькомъ городкѣ поселился молодой врачъ. Распространилась вѣсть, что старый докторъ,—по годамъ, въ сущности,

еще не особенно старый,—сталъ чувствовать себя неспособнымъ продолжать практику. Вновь пріѣхавшій сдѣлалъ визитъ старому доктору и внесъ струю свѣжаго воздуха въ его тихій домъ. Онъ вышелъ изъ низменной среды и глядѣлъ на жизнь съ практической и довольно пошлой точки зрѣнія. Въ немъ не было никакой тонкости и очень умѣренная жажда знанія. Студентомъ ему приходилось сильно голодать, и теперь онъ жадно стремился къ обезпеченной жизни и матеріальнымъ наслажденіямъ. У него было ограниченное сознаніе собственнаго достоинства, свойственное людямъ, вышедшимъ изъ низкихъ слоевъ общества, добившимся извѣстнаго положенія и относящимся даже къ своему умственному труду съ чисто практической точки зрѣнія. Онъ всегда стремился къ достижимой цѣли, вполнѣ для него ясной и понятной. Онъ рѣшилъ, что въ большомъ городѣ, при недостаткѣ связей и крупнаго дарованія, ему придется вести самый жалкій образъ жизни, и онъ уѣхалъ изъ большого города.

Еще не побывавъ въ домѣ стараго доктора, онъ спокойно и опредѣленно предполагалъ завладѣть его практикой и жениться на его дочери, тѣмъ болѣе, что старый докторъ слылъ за человѣка очень состоятельнаго. Когда же онъ увидалъ Тамару, то его предположенія перешли въ твердую рѣшимость. Эта нѣжная, необыкновенно стройная дѣвушка, съ мерцающимъ блескомъ въ глазахъ, растрогала и покорила его. Онъ полюбилъ ее, но только по своему, и для нея такая любовь, конечно, была совсѣмъ чужда. Онъ любилъ ее съ тайной мыслью, что ему, коренастому и сильному, легко будетъ подчинить себѣ это хрупкое существо. Онъ смутно сознавалъ ея умственное превосходство, но это не смущало его, потому что онъ твердо разсчитывалъ на свою грубую силу.

Чѣмъ чаще онъ приходилъ къ нимъ въ домъ, тѣмъ болѣе его охватывало желаніе овладѣть ею, такою сдержанною и сосредоточенной, нѣжной и прекрасной. Онъ влюбился въ нее самымъ серьезнымъ образомъ. Онъ преклонялся передъ нею, какъ только можетъ преклоняться женихъ. Онъ выказывалъ всю нѣжность, на которую только былъ способенъ. Въ это время обнаружилось все, что только было въ немъ самаго лучшаго. Впервые онъ испытывалъ несвойственное его натурѣ восхищеніе и уваженіе передъ смутно сознаваемыми нравственными совершенствами человѣческой души. Въ одинъ прекрасный день онъ рѣшился—и пошелъ въ домъ стараго доктора, чтобы все это ей сказать. Онъ нашелъ ее въ заколдованномъ саду. Цвѣла сирень. Она сидѣла и смотрѣла вокругъ себя отсутствующимъ взгля-

домъ. Когда онъ совершенно неожиданно подошелъ и остановился передъ нею, то она какъ бы очнулась отъ тяжелаго сна. Но она быстро овладѣла собою и выслушала его съ необыкновеннымъ спокойствіемъ, смутившимъ и даже оскорбившимъ его. Она дала ему высказаться, не прерывая ни однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ, и когда онъ, наконецъ, замолчалъ и посмотрѣлъ на нее, какъ бы ища помощи, то она отвѣчала ему, что ей совершенно нечего ему дать, потому что, прибавила она печально, у нея не было никакихъ желаній. Тогда онъ сталъ увѣрять, что никогда не станетъ ее мучить и удовольствуется только тѣмъ, что будетъ ее видѣть и чувствовать ея близость. Вмѣсто отвѣта она тихо и серьезно наклонила голову. Ея отецъ далъ свое согласіе. Теперь онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, считая и свою вторую дочь хорошо пристроенною.

Отъ старшей сестры извѣстія получались очень рѣдко. Въ письмахъ чувствовалось, что она тосковала и стремилась душой въ свой любимый садъ. Она трогательно жаловалась на свое незнаніе жизни, и въ ея рѣдкихъ письмахъ къ сестрѣ всегда слышалось что-то мучительное, точно подавленное рыданіе и покорная мольба больной, смирившейся души.

IV.

Замужняя жизнь фрау Тамары устроилась такъ, какъ она себѣ это заранѣе представляла. Она попрежнему была лишена всякихъ желаній, но это не особенно угнетало доктора. Онъ велъ образъ жизни, вполнѣ соотвѣтствовавшій положенію уважаемаго всѣми гражданина и беззаботнаго человѣка, имѣющаго полное право высоко держать голову. Онъ, какъ и всегда, продолжалъ усердно работать дома и у паціентовъ, старательно посѣщалъ общество, игралъ въ кегли и въ карты, пространно разсуждалъ о политикѣ въ мужской компаніи и не забывалъ отъ времени до времени посѣщать церковь, такъ какъ любилъ выставлять на видъ свои убѣжденія. Фрау Тамара нигдѣ не бывала съ мужемъ, и постепенно въ глубинѣ его души складывалось отношеніе къ ней, какъ къ странному и болѣзненному существу, непріятно уклонявшемуся отъ своихъ прямыхъ обязанностей хорошей хозяйки и не признававшему его правъ. По внѣшности онъ старался держаться безупречно относительно ея, и это ему удавалось вполнѣ. И такъ какъ она не вмѣшивалась въ кругъ его дѣятельности и давала ему полную свободу играть

роль любезнаго кавалера въ дамскомъ обществѣ,—роль, въ которой онъ чувствовалъ себя особенно хорошо,—то въ концѣ концовъ ихъ совмѣстная жизнь не стала подавать ни малѣйшаго повода для какого бы то ни было недоразумѣнія. Даже въ тѣ минуты, когда онъ невольно чувствовалъ ея превосходство, онъ все-таки продолжалъ относиться къ ней полу-сострадательно, полу-презрительно, какъ къ существу совершенно другого міра, позволяющему безъ всякаго протеста отметать себя въ сторону, какъ ненужный соръ. Онъ не подозрѣвалъ о томъ, что происходило въ душѣ его жены.

Вскорѣ послѣ смерти старика-отца у нея родился сынъ. Она назвала его Томасомъ, въ память дѣдушки. Съ этого времени мужъ и жена стали другъ другу чужими. Для обѣихъ сторонъ выяснилось, что между ними не было ничего общаго кромѣ сына, и что этотъ сынъ принадлежалъ, въ сущности, только одной фрау Тамарѣ. Послѣ рожденія мальчика въ ней опять появилось что-то дѣвственное, страстное и мечтательное. Люди, глядя на нее, только покачивали головой и жалѣли доктора за то, что судьба послала ему такую странную жену. Ребенокъ пугливо отстранялся отъ отца. Онъ боялся его взгляда и кричалъ, когда тотъ ласкалъ его.

Докторъ принималъ все это за упрямство. Онъ относился равнодушно къ сыну уже въ первые годы его жизни. Онъ считалъ бы смѣшнымъ и унизительнымъ для себя, еслибы ему пришло въ голову постараться добиться любви ребенка.

Онъ рѣдко бывалъ дома. Болтали, что гдѣ-то за городомъ жила какая-то вдовушка, и что онъ довольно часто бывалъ у нея.

Мальчикъ подросталъ. Это былъ необыкновенный ребенокъ, съ большими, глубоко сидѣвшими глазами. Мать узнавала себя въ этомъ ребенкѣ и видѣла въ то же время, что онъ былъ совсѣмъ иной, чѣмъ она.

Онъ былъ строенъ и нѣженъ какъ маленькій принцъ. Онъ росъ гибкимъ и крѣпкимъ. Онъ взялъ красоту тѣла у матери, но въ его жилахъ и костяхъ было все-таки что-то отцовское, хотя на отца онъ и не былъ похожъ ни наружно, ни внутренно. Мать могла управлять имъ однимъ своимъ взглядомъ, однимъ нѣжнымъ словомъ, и когда все его существо возмущалось, достаточно было легкаго прикосновенія ея руки къ его лицу или къ волосамъ, чтобы онъ становился мягкимъ и покорнымъ.

Но кромѣ матери никто не имѣлъ надъ нимъ никакой власти. Онъ отличался упорствомъ; въ немъ говорила благородная натура, которую нельзя было ни смирить ни подавить.

— Мальчикъ весь въ мать,—говорили многозначительно люди и переводили разговоръ на дѣдушку.—Съ нимъ вѣдь тоже не всегда было удобно и безопасно имѣть дѣло.

Но мать и ребенокъ не слышали этихъ толковъ. Они оба предпочитали всякому обществу уединеніе въ своемъ саду. Они одни знали и цѣнили его таинственную красоту и его глубокую тишину. Они сидѣли подъ жимолостью и цвѣтущими липами, бродили между кустовъ, смотрѣли на бабочекъ, грѣвшихся на солнцѣ, слушали ликующую пѣсню жаворонка и жужжанье пчелъ. И вездѣ и во всемъ ихъ глаза и уши открывали все новые источники наслажденія. Что-то праздничное чувствовалось въ окружавшей ихъ тишинѣ. А когда наступала ночь, они прислушивались, какъ пролетали летучія мыши, и старались разсмотрѣть чуть видныя очертанія ихъ тонкихъ крыльевъ. Когда же всходилъ мѣсяцъ, —въ ночной тишинѣ все представлялось таинственнымъ и волшебнымъ. Садъ отливалъ безчисленными цвѣтами. Въ такія минуты казалось, что онъ хранитъ какую-то нездѣшнюю, великую и важную тайну.

Незнавшіе принимали ихъ обыкновенно за брата и сестру, и продолжали бы думать это, даже еслибы имъ удалось подслушать ихъ разговоры.

Мальчикъ называлъ ее Тамарой и никогда—матерью. Она была для него прекрасной сестрой, и онъ безумно ее любилъ. Его привлекали ея дѣвственная прелесть, ея робость и невѣдѣніе, такъ какъ она боялась многаго, какъ и онъ, и не знала того, чего и онъ не зналъ. Ихъ привязанность не затемнялась ни малѣйшимъ намекомъ на свойственное матерямъ сознаніе своего старшинства, увѣренности въ своихъ знаніяхъ и необходимости воспитывать. Связующимъ звеномъ между ними была общность ихъ мыслей и чувствъ, и это звено стало еще крѣпче и прочнѣе въ одинъ вечеръ, который навсегда остался въ памяти Томаса.

Тогда ему было одиннадцать лѣтъ, и его терзали безпокойныя мысли, внезапно и властно захватывающія каждаго человѣка. Это были мысли о жизни и о смерти.

Онъ никакъ не могъ понять, что можетъ придти минута, когда всему наступитъ конецъ, что его тогда унесутъ и зароютъ въ темную землю. Онъ не вѣрилъ, что можно попасть на небо изъ этой отвратительной и страшной глубины.

Ему хотѣлось думать о другомъ, но его постоянно угнетали и терзали эти ледяныя представленія. Онъ хотѣлъ это скрыть отъ Тамары. Ему казалось, что онъ будетъ въ силахъ избавить

ее отъ своихъ мученій и невыносимой боли. Онъ замкнулся внутри себя, но въ темнотѣ ночи всѣ его страданія оживали. Ему слышались звуки и чьи-то шаги, ему представлялись искаженныя лица съ улыбкой мертвеца, а вокругъ все выростали кресты и могильныя плиты... Онъ хотѣлъ бѣжать отъ всего этого, убѣжать какъ можно дальше. Почему нельзя было избѣжать смерти, почему умирать приходится именно такъ?

Его охватилъ ужасъ. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, но закусывалъ губы до крови, чтобы не выдать своей муки. Онъ хотѣлъ проникнуть въ ужасную, подступавшую къ нему тайну. Онъ складывалъ свои дѣтскія руки и смиренно просилъ у Бога, чтобы Онъ открылъ ему правду. Богъ долженъ былъ его услышать, когда его скорбная душа взывала къ Нему. Онъ не понималъ, какъ могли вообще люди съ подобными мыслями продолжать жить и еще улыбаться.

Иногда онъ сбоку украдкой посматривалъ на Тамару и мысленно задавалъ себѣ вопросъ, не могла ли она утѣшить и успокоить его. И вотъ однажды вечеромъ она подошла къ его кровати и, обнявъ обѣими руками его голову, вся дрожа отъ страха за него, рѣшилась, наконецъ, и спросила:—Что съ тобою, Томасъ?—Рыдая, открылъ онъ ей свое горе. Тамара нѣсколько мгновеній слушала его молча, а потомъ заплакала вмѣстѣ съ нимъ, не сказавъ ни слова, чтобы утѣшить его. Ея слезы были спасеніемъ для Томаса.

Мать боролась, какъ и онъ. На мучительный вопросъ не существовало никакого отвѣта. Мать не обманула его. Она плакала съ нимъ вмѣстѣ, и онъ никогда не забылъ этого.

Хотя и потомъ мрачная тоска не покидала его, но теперь онъ уже зналъ, въ чемъ найти утѣшеніе. Онъ шелъ къ Тамарѣ и не отходилъ отъ нея.

Въ это время случилось нѣчто, что, въ связи съ его душевными волненіями, опять встряхнуло и потрясло все его существо.

Однажды послѣ обѣда доктора позвали къ человѣку, съ которымъ сдѣлался глубокій обморокъ. Отецъ взялъ съ собою Томаса. Онъ находилъ, что мальчикъ становится не въ мѣру чувствителенъ и боязливъ, и даже подумывалъ взять воспитаніе сына въ свои надежныя руки.

Томасъ несъ подъ рукой небольшую электрическую машину и молча шелъ рядомъ съ отцомъ.

На порогѣ дома ихъ встрѣтили перепуганные и взволнованные люди. Глаза всѣхъ съ мольбой смотрѣли на доктора, точно въ немъ одномъ заключалось спасеніе.

Докторъ поставилъ машину и велѣлъ Томасу вертѣть, чтобы

вызвать токъ. Затѣмъ онъ сталъ электризовать безчувственное тѣло въ области сердца.

Томасъ машинально двигалъ рукой и не отрываясь смотрѣлъ на восковое, неподвижное лицо. Онъ перевелъ глаза на обнаженную грудь и увидѣлъ, какъ отецъ, наклонившись надъ ней, старался уловить хоть самое слабое біеніе сердца. Около отца стояла еще молодая женщина съ заплаканными глазами и распущенными волосами, — а рядомъ съ нею старикъ съ остановившимся, безсмысленнымъ взглядомъ. Въ углу на корточкахъ сидѣли мальчикъ и дѣвочка, и до слуха Томаса доносились ихъ подавленныя всхлипыванія.

Отецъ выпрямился и произнесъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Я здѣсь больше ничего не могу подѣлать.

Женщина растерянно посмотрѣла на него. Казалось, что она не поняла доктора, но тотъ не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ уложилъ машину обратно въ футляръ изъ краснаго дерева, надѣлъ пальто и вышелъ вмѣстѣ съ Томасомъ изъ дома, въ который вошла смерть. У мальчика подкашивались ноги, когда онъ возвращался домой. Онъ судорожно прижималъ къ себѣ ящикъ, чтобы не уронить его. „Такъ вотъ она какая, эта смерть!—думалъ Томасъ.—Какая она неподвижная, блѣдная и тяжелая“!

Невозмутимое спокойствіе отца передъ этимъ зрѣлищемъ пугало его, но все-таки въ первый разъ въ жизни онъ испытывалъ невольное уваженіе къ этому большому, широкоплечему человѣку. Отецъ справлялся съ подобными вещами; крѣпко и надежно стоялъ онъ передъ смертью и, не моргая, смѣло смотрѣлъ ей прямо въ лицо. Томасъ сбоку косился на доктора; ему хотѣлось незамѣтно разсмотрѣть какъ можно лучше его коренастую фигуру и цвѣтущее лицо, дышавшее жизнью и здоровьемъ. По мѣрѣ приближенія къ дому, ему дышалось все легче, а когда онъ увидѣлъ поджидавшую его у садовой калитки Тамару, то потерялъ послѣднее самообладаніе. Быстрымъ движеніемъ сунулъ онъ машину въ руки отца и отскочилъ отъ него.

— Тамара,—сказалъ онъ, въ сильномъ волненіи, увлекая ее за собою въ сторону.—Теперь я знаю все.—И прибавилъ уже шопотомъ:—Я видѣлъ смерть.

Въ этотъ же день Томасъ порѣшилъ сдѣлаться докторомъ, такъ какъ теперь не сомнѣвался, что докторъ держитъ въ своихъ рукахъ жизнь и смерть. Надо было только позвать его во-время, чтобы онъ явился помощникомъ и спасителемъ.

V.

Вслѣдъ за этими значительными событіями въ дѣтской жизни Томаса наступило затишье, продолжавшееся довольно долго. Благодаря этому, онъ успѣлъ справиться съ первыми полученными имъ жизненными впечатлѣніями. Съ товарищами по школѣ онъ мало разговаривалъ. Они были совсѣмъ другіе, чѣмъ онъ, и не могли его понять. Они такъ же мало понимали его, какъ и учителя. Тѣ иногда положительно не знали, что имъ дѣлать съ пытливымъ, упрямымъ, а подъ часъ даже ожесточеннымъ мальчикомъ. Въ концѣ концовъ они порѣшили, для общаго спокойствія, обращать на него какъ можно меньше вниманія.

Томасъ смотрѣлъ на школу какъ на тюрьму. Онъ возмущался противъ рабскаго послушанія, противъ наставниковъ, требовавшихъ безусловной покорности. Другіе мальчики казались ему какими-то уродливыми существами. Для него начинался день только съ того момента, когда онъ оставлялъ за собой сѣрыя стѣны школьнаго зданія.

Такъ росъ онъ одиноко, безъ всякаго общенія съ людьми, но тѣсно связанный духовно съ своей молодой матерью, въ то время, какъ въ его жизни появилось нѣчто новое.

Однажды, когда онъ вернулся изъ школы домой, онъ услышалъ какіе-то чужіе голоса и замѣтилъ, что прислуга говоритъ шопотомъ и ходитъ на цыпочкахъ. Затѣмъ къ нему вышла на встрѣчу Тамара, такая возбужденная, какою онъ еще ее никогда не видѣлъ. Онъ узналъ изъ отрывистыхъ и робкихъ фразъ, что совершенно неожиданно пріѣхала тетя Антуанета съ маленькой Беттиной, что она теперь лежитъ при смерти въ той самой комнатѣ, въ которой жила, когда была дѣвушкой. Когда, часа два спустя, Тамара привела его въ комнату, и Антуанета, какъ онъ ее называлъ потомъ,—слово „тетя“ онъ отбросилъ сразу, какъ что-то скучное и ненужное, — съ улыбкой умирающей протянула ему прозрачную, увядшую руку, онъ горько заплакалъ. Но въ эту минуту къ нему подошла дѣвочка съ черными вьющимися волосами, сидѣвшая все время съёжившись на краю кровати.

— Не плакать! Ты взволнуешь ее,—проговорила она тихимъ, но повелительнымъ голосомъ.

Онъ сразу пересталъ плакать и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на маленькое созданье.

Антуанета вернулась домой, потому что не хотѣла умирать на чужбинѣ. Тамъ, живя съ человѣкомъ, увлекшимъ ее отъ

всего близкаго и родного, она постепенно потеряла всѣ свои силы. Она пріѣхала домой безъ всякаго предупрежденія, и когда увидѣла сестру, то что-то похожее на слабый отблескъ счастья освѣтило ея истощенное лицо.

Маленькая Беттина была удалена, и сестры остались наединѣ. Ихъ замкнутыя, одинокія сердца наконецъ раскрылись. Печальными и тихими голосами онѣ стали разсказывать другъ другу о своей жизни. Но онѣ далеко не все называли своими именами; онѣ не жаловались, и только по взглядамъ, намекамъ и нѣкоторымъ движеніямъ одна могла догадываться о судьбѣ другой. Многое было сказано шопотомъ Тамарѣ на ухо, и блѣдное лицо умирающей вспыхивало румянцемъ при этой исповѣди.

Беттина родилась на пятомъ году ея замужества, и въ ея печальную, темную жизнь точно снова прокралось солнце.

Доктору не пришлось особенно долго оказывать гостепріимство своей невѣсткѣ.

Очень скоро на маленькую Беттину надѣли черное траурное платье. Сама Тамара попрежнему ходила въ свѣтломъ. Ей не хотѣлось, чтобы Томасъ видѣлъ передъ собой темныя и мрачныя краски. Теперь она оберегала своего мальчика и дрожала за него болѣе, чѣмъ когда-либо.

У Томаса съ Беттиной въ общемъ сложились довольно хорошія отношенія. Дѣвочка привязалась къ нему, и въ ея любви было что-то мечтательное, смиренное и покорное. Она всюду ходила за нимъ, какъ собачонка, не отстающая отъ своего хозяина даже въ томъ случаѣ, если онъ ее отшвырнетъ ногою. По временамъ, когда на Томаса находила одна изъ его тяжелыхъ минутъ, — достаточно было какого-нибудь незначительнаго слова Беттины, чтобы онъ вышелъ изъ себя. Въ такихъ случаяхъ онъ бывалъ съ нею жестокъ. Но Беттина никогда не сердилась на него. Она не забывала, что послѣ смерти матери, когда ея маленькая душа изнемогала отъ печали, рѣзкій и вспыльчивый мальчикъ оберегалъ и лелѣялъ ее, какъ больную птичку. Томасъ, въ минуты гнѣва и возмущенія, кромѣ Тамары могъ переносить только одну Беттину, и для нея не было большаго счастья, какъ тихо и молча становиться передъ нимъ на колѣни. Садъ и для нея тоже былъ роднымъ; ей казалось, что она была съ нимъ уже давно знакома, потому что знала каждый кустикъ его и каждое его дерево по разсказамъ матери.

Между немногими вещами, привезенными бѣглянками въ домъ доктора, находился одинъ предметъ, къ которому Беттина была привязана всѣмъ своимъ дѣтскимъ сердцемъ. Это сокро-

вище стало для нея еще дороже съ той поры, какъ она открыла, что, благодаря ему, обладаетъ волшебной палочкой и можетъ всегда заставить Томаса быть кроткимъ и нѣжнымъ.

Это была небольшая скрипка, и она умѣла вкладывать въ нее всю свою душу. Когда она становилась подъ деревьями и играла среди красоты цвѣтущаго сада, то Томасъ, какъ очарованный, прислушивался къ чуднымъ звукамъ.

Однажды Тамара застала врасплохъ не подозрѣвавшихъ о ея присутствіи дѣтей. Она прислушалась къ игрѣ съ искаженнымъ лицомъ. Дѣти испуганно вскрикнули, замѣтивъ ее. Она стояла мертвенно блѣдная, съ отпечаткомъ непонятнаго для нихъ страданія. Оттолкнувъ Томаса, она быстро ушла. Съ той поры Беттина никогда не смѣла играть при ней. „Мнѣ больно отъ этихъ звуковъ",—грустно говорила она.

Томасъ и Беттина не понимали словъ, но боязливо приноравливались къ требованіямъ Тамары.

Теперь дѣвочка играла на скрипкѣ только тогда, когда была увѣрена, что ее будетъ слышать одинъ Томасъ. О своемъ отцѣ она никогда не говорила, и дяди боялась, какъ и Томасъ. Она всегда старалась быть отъ него какъ можно дальше.

Неожиданное приращеніе семьи не особенно нравилось доктору. Онъ смутно сознавалъ, что три существа въ его домѣ живутъ совершенно отдѣльной отъ него жизнью. Онъ пытался имѣть вліяніе на Томаса и оторвать его отъ юбки „святой женщины", какъ онъ выражался о своей женѣ.

Въ это названіе „святой" онъ вкладывалъ все накопившееся въ немъ раздраженіе. Онъ не могъ придумать другого названія для Тамары, хотя иногда былъ бы и не прочь выставить эту святую у позорнаго столба. Въ этой святой женщинѣ было, по его мнѣнію, что-то кукольное, бездушное и безчувственное. Онъ могъ поступать съ нею со всей грубостью своей натуры, могъ дѣлать рѣшительно все, что ему было угодно,—она оставалась равнодушной. Ему не удалось побѣдить ее.

Томасъ съ тревогой и въ то же время съ какимъ-то радостнымъ удовлетвореніемъ чувствовалъ, что между родителями нѣтъ ничего общаго, и что Тамара принадлежитъ ему одному.

Но у него бывали минуты, когда собственное торжество смущало его. Тогда онъ мучилъ себя упреками и самообвиненіями, и съ тревогой спрашивалъ себя, почему у него нѣтъ никакой близости съ отцомъ? Въ такое время онъ обыкновенно покорно переносилъ всѣ замѣчанія и безъ всякаго возраженія подчинялся даже несправедливымъ наказаніямъ изъ желанія вернуть самому

себѣ душевное спокойствіе. Онъ старался понять отца, стать къ нему поближе, но обыкновенно наталкивался на грубую силу доктора, которая разбивала всѣ его дѣтскія мечтанія. Въ немъ просыпалось сознаніе, что онъ имѣетъ дѣло съ врагомъ и долженъ во что бы то ни стало бороться съ нимъ, чтобы не быть побѣжденнымъ имъ окончательно. Отецъ и воспитатели совсѣмъ не понимали его, а онъ не понималъ своихъ школьныхъ товарищей, не понималъ ихъ покорности и холопскаго послушанія, и возмущался ими. Ни отецъ, ни воспитатели не могли распутать темныхъ нитей его души. Имъ даже не могло придти въ голову, что всегда молчаливому мальчику можетъ быть за нихъ стыдно, а между тѣмъ это было именно такъ. Ему было стыдно, что они, такіе большіе и умные, могутъ употреблять насиліе. Одна мать вполнѣ понимала мальчика.

Маленькая Беттина, неспособная еще ничего вполнѣ понять, своимъ дѣтскимъ инстинктомъ, однако, твердо вѣрила въ Томаса и смотрѣла на него какъ на существо недоступное и непобѣдимое.

VI.

Томасъ не сталъ просить прощенія.

Фрау Тамара пошла въ школу и съумѣла все это уладить.

Инспекторъ былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ передъ собою тонкую молодую женщину. Она заговорила сдержаннымъ голосомъ, и онъ смутился до такой степени, что принялся ей хвалить необыкновенныя способности и умственное развитіе мальчика. „Въ немъ есть что-то напоминающее агитатора, — уже улыбаясь, замѣтилъ онъ,—и ко всему этому какое-то чисто желѣзное упрямство“.

Тамара выслушала все это, ничего не возражая и слегка наклонивъ голову.

Потомъ она медленно пошла домой. Разсѣянно отвѣчая на поклоны знакомыхъ, она прошла мимо домиковъ съ зелеными ставнями и вышла на рыночную площадь, гдѣ помѣщалась ратуша и старая церковь. Быстро перейдя площадь, она завернула за уголъ и вздохнула съ облегченіемъ, когда передъ ней отворилась дверь стараго дома и каменныя плиты прихожей гулко зазвучали подъ ея поспѣшными шагами.

Она уже убрала свои вещи и собиралась надѣть шляпу съ широкими полями, чтобы идти въ садъ, когда до ея слуха долетѣли громкіе голоса изъ прихожей. И, совершенно не желая

этого, она услышала женскій голосъ, проговорившій: „Итакъ, ты выйдешь не позже восьми“? На что мужъ ея отвѣтилъ: „Непремѣнно, мое сокровище“.

Завязки шляпы выскользнули изъ ея пальцевъ, и она бросилась въ садъ. Ея лицо выражало отвращеніе, но оно прояснилось, раньше чѣмъ за ней захлопнулась калитка. Она провела рукой по лицу, точно ей хотѣлось снять что-то непріятное, и тихо пошла по дорожкѣ, усыпанной гравіемъ. Она искала дѣтей, но ихъ нигдѣ не было видно. Тогда она сѣла на низкую дерновую скамейку, подперла голову обѣими руками и глубоко задумалась.

Вокругъ стояла полнѣйшая тишина, и только въ самой глубинѣ ея существа что-то болѣзненно билось и трепетало.

Она сняла шляпу и распустила волосы, какъ будто ей нужно было согрѣться и хоть чѣмъ-нибудь защитить себя отъ проникавшаго ее внутренняго холода. Она взглянула на голубое, безоблачное небо и подумала о смерти. Эта мысль заставила ее забыть дѣйствительность и успокоила ея возмутившуюся душу. Черезъ нѣсколько времени она уже почувствовала себя легко, отрѣшенной отъ всего темнаго и вполнѣ свободной.

VII.

Во всемъ домѣ чувствовалось что-то тяжелое и жуткое. Фрау Тамара лежала въ постели, а докторъ очень часто не бывалъ за обѣдомъ. Томаса онъ не удостоивалъ ни единымъ взглядомъ, не разговаривалъ съ нимъ, и вообще дѣлалъ видъ, что онъ для него не существуетъ. Съ Беттиной онъ всегда бывалъ неласковъ и часто ворчалъ на нее. Дѣтямъ становилось легче, когда онъ уходилъ изъ дому. Они были предоставлены самимъ себѣ, потому что Тамара никого не пускала къ себѣ, когда бывала больна. Даже собственный сынъ не долженъ былъ видѣть ее въ безпомощномъ теперешнемъ состояніи. За время ея болѣзни выяснилось, что никто рѣшительно не могъ справиться съ Беттиной. На нее жаловались доктору, и тогда онъ такъ мрачно взглядывалъ на дѣвочку, что ея маленькое сердце замирало отъ ужаса.

Какъ только Томасъ возвращался изъ школы, такъ она буквально летѣла къ нему на встрѣчу, прижималась къ нему и не отходила ни на шагъ; только рядомъ съ нимъ чувствовала она себя въ безопасности. Однажды она сказала ему съ сверкающими глазами:

— Когда я буду большая, то куплю себѣ горную лошадь и передавлю всѣхъ злыхъ людей. Затопчу ихъ всѣхъ,—прибавила она,—и буду все топтать, топтать, пока они въ крови...

Томасъ не далъ ей договорить, схватилъ ее за плечи и съ ужасомъ посмотрѣлъ на нее. Онъ былъ совершенно пораженъ ея дикой вспышкой.

— Ты была бы въ состояніи убивать?—спросилъ онъ почти испуганно.

Даже вѣки ея не дрогнули.

— Конечно,—отвѣчала она:—всѣхъ, кто мнѣ дѣлаетъ зло. Всѣхъ, кто меня унижаетъ и дурно со мной обращается.

Онъ невольно оттолкнулъ ее отъ себя.

— Фу, какой ты чертенокъ!—проговорилъ онъ съ глубокимъ отвращеніемъ и повернулся къ ней спиной.

— Томасъ!—вскрикнула она дрожащимъ голосомъ.

Онъ оглянулся. Въ ея глазахъ стояли слезы.

— Если ты такъ будешь со мной, — проговорила она съ трудомъ,—такъ я такое сдѣлаю!—И повторила еще съ большей силой:—Я такое сдѣлаю!..

Онъ вдругъ смягчился и въ немъ пробудилась нѣжность. Ему представился маленькій горный прудъ съ наклоненными къ водѣ ивовыми вѣтвями, и у него невольно захватило духъ.

— Я знаю, о чемъ ты думаешь,—сказалъ онъ. Но, быстро овладѣвъ собою, онъ весело расхохотался.

— А тебѣ даже очень бы шло, Беттинхенъ, спуститься туда внизъ, въ большой дворецъ, плясать въ хороводѣ и пѣть злыя пѣсни.

Она встряхнула кудрями, но не засмѣялась вмѣстѣ съ нимъ.

— Мнѣ совсѣмъ этого не хочется, — возразила она. — Я такъ этого боюсь. Но иногда мнѣ хочется, чтобы было темно и чтобы я могла тайкомъ убѣжать отсюда. Вѣдь здѣсь меня никто не любитъ. Никто!

— А Тамара?

— Тамара? — повторила она и посмотрѣла на него вдругъ съ улыбкой, въ которой не было ничего дѣтскаго и чувствовалось, какъ много она понимаетъ.

— Тамара добра ко всѣмъ, но любитъ она только тебя.

— А я развѣ тебя не люблю?

Въ улыбкѣ дѣвочки появилось что-то трогательное, когда она проговорила тихо и мечтательно:

— Еслибы ты меня любилъ!

— Я люблю тебя.

Все ея лицо засіяло, но черезъ мгновеніе она проговорила съ тоской:

— Меня никто никогда не любилъ.

— А твоя мама?

— И она нѣтъ. Она только папу...

Она вдругъ остановилась.

— А онъ?—спросилъ Томасъ.

Она страшно поблѣднѣла.

— Онъ?—На мгновеніе она закрыла лицо руками, потомъ уронила ихъ, поглядѣла на мальчика, и съ спокойствіемъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ ея внутреннимъ волненіемъ и показавшимся Томасу ледянымъ, проговорила:

— Онъ всегда оставлялъ мою маму одну. Онъ просто не могъ выносить ее.

Томасъ молчалъ.

— Развѣ ты этого не понимаешь?—спросила Беттина безпокойно и нервно.

И чтобы заставить его наконецъ понять, она добавила:

— Я слышала, какъ мама говорила ему: „Зачѣмъ ты меня вѣчно пытаешь раскаленными щипцами?“...

— Онъ ее пыталъ раскаленными щипцами?!

— Мама такъ говорила, и я не могу этого забыть. А потомъ онъ и совсѣмъ уѣхалъ отъ насъ, и тогда,— прибавила она покорно и печально, — мы пріѣхали къ вамъ. Ну, теперь ты все знаешь.

Томасъ кивнулъ утвердительно головой. Съ минуту продолжалось молчаніе.

Беттина смѣло откинула назадъ голову.

— Если я его увижу, то застрѣлю его.

— Твоего папу?!

— Это все равно,—проговорила она спокойно и небрежно.

Его испугала сила и рѣшимость дѣвочки, и онъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

Беттина почувствовала это.

— Да, видишь ли,—сказала она, польщенная сознаніемъ собственной значительности: — онъ убилъ маму, а я убью его; это совершенно правильно.

Томасу это не представлялось совсѣмъ яснымъ, но, по существу, онъ нашелъ это вполнѣ логичнымъ. Однако, ему не хотѣлось съ нею согласиться.

— Ты немного глупенькая, — проговорилъ онъ коротко и

ясно, какъ бы желая сократить для себя тяжелый умственный процессъ.

— Ну, вотъ! Въ самомъ дѣлѣ?—возразила она, и прибавила съ видомъ превосходства, смутившимъ его: — Это мы еще увидимъ! А я знаю, что̀ знаю.

Въ эту минуту дѣти услыхали голосъ доктора. Они многозначительно переглянулись и бросились бѣжать, хотя Томасъ и слышалъ, что его звали по имени. Какъ преслѣдуемые грѣшники неслись они вверхъ по лѣстницѣ, все дальше, пока не добѣжали до чердака. Начинавшія спускаться сумерки еще давали имъ возможность различать отдѣльные предметы. Они попали на чердакъ въ первый разъ и оглядѣлись съ любопытствомъ. Они увидали двѣ группы поющихъ ангеловъ, которыя когда-то стояли въ бесѣдкѣ, но потомъ были оттуда убраны. Эти поющіе ангелы, съ отбитыми ушами и носами и раскрытыми ртами, почти всѣ потрескались и произвели на нихъ странное и непріятное впечатлѣніе. Кругомъ валялись разные футляры. Они принялись осторожно открывать ихъ. Изъ одного вывалилась флейта, въ другомъ оказалась цитра. Въ лежавшемъ ящикѣ они нашли старые шахматы изъ слоновой кости. Въ углу возвышалось что-то длинное, закругленное наверху и прикрытое черной матеріей. Они осторожно подошли къ таинственному предмету.

— Что̀ это такое можетъ быть?—прошептала Беттина.

Вмѣсто отвѣта, Томасъ сдернулъ черное покрывало, и они оба пронзительно вскрикнули.

На нихъ, оскалившись, пристально смотрѣлъ человѣческій скелетъ.

Но они скоро оправились.

Кругомъ лежали еще цѣлыя кучи стараго хлама и всякой всячины. Все это было истлѣвшее, старое и покрытое пылью. Дѣти находили, что на чердакѣ великолѣпно. Они испытывали чувство сладостнаго страха, отъ котораго морозъ продираетъ по кожѣ, но въ которомъ есть что-то манящее и притягивающее.

Они близко прижались другъ къ другу, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ, и присѣли, скорчившись, на сломанную скамейку. Беттина вдругъ горько расплакалась.

— Тебѣ страшно?—спросилъ озабоченно Томасъ.

Она крѣпче сжала его руки и покачала отрицательно головою.

— Такъ о чемъ же ты плачешь?

Она взглянула на него, съ какой-то странной улыбкой, которой онъ еще никогда не видалъ у нея, и отвѣчала:

— Я плачу, потому что такъ люблю тебя, Томасъ, и мнѣ такъ хотѣлось бы остаться здѣсь навсегда съ тобою вдвоемъ.

При этихъ словахъ ея вьющіеся волосы коснулись его лица, и никогда еще имъ неиспытанное, непонятное чувство охватило все его существо.

Онъ старался не смотрѣть на нее.

Темнота усиливалась. Дѣти молча и неподвижно сидѣли подъ самой крышей. Томасъ усиливался разглядѣть черты лица Беттины, но видѣлъ, несмотря на всѣ усилія, только смуглый тонъ ея лица. И на этомъ лицѣ, какъ будто отдѣляясь отъ него, сверкали большіе глаза, устремленные на мальчика. Они точно пронизывали его своимъ серьезнымъ и полнымъ глубокаго значенія взглядомъ.

И вдругъ, почти безсознательно, онъ поцѣловалъ ее прямо въ ея полураскрытыя дѣтскія губы.

И въ то же мгновеніе вокругъ его шеи обвились двѣ худенькія дѣтскія руки, сжали и стиснули его такъ, что, казалось, въ нихъ была сверхъестественная сила. Маленькая Беттина прижималась къ нему все ближе и ближе. Она такъ осыпала его ласками, что мальчикъ смутился и у него закружилась голова. Непонятное блаженство охватило его. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ въ дѣвочкѣ нѣчто до того новое, сильное и властное, что рядомъ съ нею онъ, такой робкій и смущенный, показался себѣ совсѣмъ маленькимъ, несмотря на свой возрастъ. Часы на ратушѣ пробили девять, и въ каждомъ ударѣ имъ послышался строгій упрекъ.

Томасъ всталъ и пошелъ на цыпочкахъ впередъ. Платьице Беттины зацѣпилось за гвоздь, и мальчикъ съ трудомъ освободилъ его. Робко, стараясь не глядѣть другъ на друга, пробрались они по лѣстницѣ внизъ. Имъ казалось, что они сдѣлали что-то дурное. У входа въ людскую они остановились. Потомъ Томасъ рѣшительно и шумно распахнулъ дверь и вошелъ въ освѣщенную комнату съ вызывающимъ и смѣлымъ видомъ. Кузина слѣдовала за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. При ихъ появленіи прислуга разомъ замолчала и съ удивленіемъ оглядѣла запыленныхъ и перепачканныхъ дѣтей.

— Мы хотимъ ужинать!—прервалъ молчаніе Томасъ.

Служанки, очевидно, занимались сплетнями и очень боялись, что ихъ подслушали. Онѣ пробормотали въ отвѣтъ что-то невнятное, и дѣти вышли изъ комнаты успокоенныя. Но въ этотъ вечеръ они больше не разговаривали и смущенно пожелали другъ другу спокойной ночи. Этотъ часъ, проведенный ими въ

сумеркахъ на чердакѣ, врѣзался въ ихъ памяти до мельчайшихъ подробностей. Они сохранили это воспоминаніе, какъ общее сокровище, создавшее между ними загадочную связь, полную таинственной прелести.

VIII.

Въ ресторанѣ „Золотой Левъ" сидѣли за общимъ столомъ нѣсколько завсегдатаевъ и оживленно бесѣдовали. Податной инспекторъ разсказывалъ самыя невѣроятныя вещи о новомъ пасторѣ.

— Хотите—вѣрьте, господа, хотите—нѣтъ, а только это фактъ. Пасторъ явился, уже когда нашъ докторъ отказался лечить эту женщину; онъ выслалъ изъ комнаты мужа и плакавшихъ дѣтей и, не спуская глазъ съ больной, провелъ рукою по ея лбу и положилъ руку ей на голову. Потомъ позвалъ прислугу, приказалъ завернуть больную въ мокрыя простыни, а сверху въ толстое шерстяное одѣяло и велѣлъ ей заснуть. И теперь эта женщина совершенно здорова и чувствуетъ себя какъ рыба въ водѣ.

Всѣ слушали разсказчика съ напряженнымъ вниманіемъ и, по окончаніи разсказа, нѣсколько времени молчали.

— Долженъ сказать, что считаю подобные факты даже вредными,—проговорилъ аптекарь, маленькій человѣчекъ въ синихъ очкахъ, почесывая лысину.

— Почему это?—спросилъ инспекторъ съ грубоватымъ смѣхомъ. — Ужъ не потому ли, что больная выздоровѣла безъ вашихъ зелій и пилюль?

Аптекарь слегка пожалъ плечами съ видомъ превосходства.

— Я считаю унизительнымъ отвѣчать на такія обвиненія,— возразилъ онъ строго. — Я держусь того мнѣнія, что въ наше просвѣщенное время, когда открытія естественныхъ наукъ захватываютъ все бо̀льшую и бо̀льшую область, попытки такого рода леченія вносятъ въ жизнь только разстройство и путаницу. Господинъ пасторъ, конечно, руководится самыми лучшими побужденіями, и я подчеркиваю, что ни на мгновеніе не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ человѣкъ истинно-вѣрующій, но въ этомъ дѣлѣ онъ причиняетъ только вредъ. Онъ портитъ практику нашему доктору и распространяетъ въ народѣ вѣру въ сверхъестественное и суевѣріе. Смущать людей какими-то шарлатанскими пріемами...

Онъ не договорилъ. Дверь отворилась, и вошелъ докторъ.

Онъ пожелалъ всѣмъ добраго вечера и увидалъ со всѣхъ сторонъ смущенныя лица.

— А-а!—протянулъ онъ, придавая своему голосу ироническій оттѣнокъ.—У васъ, повидимому, шелъ очень оживленный разговоръ, и я вамъ помѣшалъ, господа. Вы можете не стѣсняться мною,—прибавилъ онъ, снимая пальто.—Я отношусь къ этому совершенно равнодушно.

— Напротивъ, совсѣмъ напротивъ,—раздался тонкій, рѣзкій голосъ горбатаго господина съ такимъ черепомъ, какъ будто у него была водянка головы. Онъ пристально смотрѣлъ на доктора своими бѣгающими, безпокойными глазами.

— Что вы хотите этимъ сказать, господинъ стряпчій? — спросилъ нѣсколько удивленный докторъ.

— Да, видите ли,—продолжалъ горбатый господинъ, проводя по густымъ волосамъ, напоминавшимъ своимъ цвѣтомъ перецъ: —это случай слишкомъ интересный, чтобы оставить его безъ разъясненія. Случай, только-что разсказанный намъ господиномъ податнымъ инспекторомъ, о томъ, какъ господинъ пасторъ исцѣлилъ больную женщину, далеко не единственный. Мнѣ кажется, что послѣднее слово въ такомъ вопросѣ,—я, конечно, отношусь къ нему не съ матеріальной точки зрѣнія, а по существу,—быстро прибавилъ онъ,—принадлежитъ именно вамъ, господинъ докторъ, какъ представителю науки.

Онъ замолчалъ, и всѣ глаза устремились на доктора съ выраженіемъ напряженнаго любопытства.

Докторъ закрутилъ своими мясистыми пальцами усы еще болѣе кверху, слегка откашлялся и проговорилъ раздумчиво и съ усмѣшкой:

— Наука ничего не имѣетъ общаго съ подобными фактами. Если кто-нибудь явится и скажетъ, что умѣетъ заговаривать, а паціентъ ему повѣритъ, такъ и пусть заговариваетъ съ Божьей помощью. И если потомъ больной припишетъ свое выздоровленіе этому заговору, то я опять скажу: слава Богу! Это все спекуляціи, основанныя на людской глупости. Бываютъ какія-то мази, настойки и эссенціи, излечивающія очень быстро отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней и дающія возможность зарабатывать милліоны,—это ужъ дѣло извѣстное! Когда докторъ не можетъ помочь, то обращаются къ шарлатану, и тотъ помогаетъ. До тѣхъ поръ помогаетъ, пока у больного не сгніютъ всѣ члены! Но это ничего не значитъ. Шарлатану все-таки будутъ вѣрить!

Всѣ молчали; возразилъ только старшій лѣсничій, высокій

человѣкъ, съ лицомъ, покрытымъ морщинами, и съ длинной сѣдой бородою:

— Я не совсѣмъ согласенъ съ докторомъ. Мнѣ кажется, онъ нѣсколько смѣшиваетъ понятія. Господинъ пасторъ въ своемъ леченьѣ слѣдуетъ примѣру Христа. Силой воли онъ поднимаетъ и закаляетъ волю страдающаго человѣка. Потому что, въ сущности, какъ это ни странно, очень часто страданія и смерть зависятъ отъ силы воли. Впрочемъ, нашъ пасторъ и не хочетъ совершать ничего сверхъестественнаго,—ему это и во снѣ не снилось. Онъ только вѣритъ въ цѣлебное свойство воды болѣе, чѣмъ въ разныя пилюли, думая, что вода можетъ имѣть вліяніе на организмъ, ослабленный болѣзнью. Для меня совершенно ясно одно: докторъ долженъ имѣть нравственную власть надъ больнымъ,—иначе чортъ съ нимъ совсѣмъ! Вы можете на меня насмѣшливо смотрѣть, сколько вамъ угодно, докторъ,—вы, все равно, меня не переубѣдите.

— Я совсѣмъ этого и не хочу дѣлать,—возразилъ докторъ. —Каждый долженъ быть счастливъ по-своему. Сильная личность можетъ вліять, какъ вы справедливо замѣтили, на нѣкоторыхъ больныхъ съ слабой волей. Это называется, господа, лечить внушеніемъ. По большей части, это бываетъ съ истеричными, и я могу вамъ разсказать случай изъ моей собственной практики. Меня позвали къ больной разслабленной, лежавшей, по показанію врачей, нѣсколько мѣсяцевъ безъ движенія. Выяснивъ себѣ, какого рода было это заболѣваніе, я подошелъ къ больной и сказалъ:—Встаньте, почтеннѣйшая, и отправляйтесь гулять. Вы совершенно здоровы, клянусь вамъ въ этомъ моею докторской совѣстью. — И что же? больная встала и выздоровѣла. Наука не отрицаетъ подобныхъ случаевъ, какъ ошибочно предполагаетъ господинъ главный лѣсничій, а только относится къ нимъ сознательно. А если приписывать эти случаи какому-то магнетизму, какъ дѣлаетъ это господинъ главный лѣсничій, то по тѣмъ же основаніямъ остается утверждать и возможность появленія духовъ, вызываемыхъ разными постукиваніями. Впрочемъ...

— Lupus in fabula!—воскликнулъ аптекарь, и всѣ глаза устремились на стройную фигуру вошедшаго человѣка. Въ его безбородомъ умномъ лицѣ, съ тонкими губами, большимъ энергичнымъ носомъ, прекраснымъ, чистымъ лбомъ и ясными глазами, чувствовалось какое-то нравственное превосходство, невольно вызывавшее уваженіе.

Стряпчій потеръ себѣ украдкой руки отъ удовольствія. Онъ

думалъ о томъ, какъ будетъ интересно, когда два врага сцѣпятся.

Докторъ безпокойно задвигался на стулѣ въ то время, какъ главный лѣсничій любезно очищалъ мѣсто для новаго гостя.

— Меня уже, кажется, побили каменьями,—проговорилъ пасторъ, оглядывая всѣхъ присутствовавшихъ полу-шутливымъ, полу-испытующимъ взглядомъ:—вѣдь „lupus in fabula"—это я, и мое преступленіе состоитъ въ томъ, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло и порчу доктору его практику. Но вы уже меня извините, если я откажусь отъ участія въ спорѣ. Трудно спорить, когда у однихъ одно мнѣніе, а у другихъ другое. Я не приписываю себѣ ничего особеннаго, но когда могу помогать, то помогаю, даже если при этомъ приходится становиться кому-нибудь поперекъ дороги и подвергаться столкновеніямъ и непріятностямъ. Я знаю всѣ возраженія, которыя мнѣ могутъ сдѣлать люди науки и публика, но это меня не задѣваетъ. Я не по своей волѣ сталъ помогать больнымъ, и самъ совершенно случайно узналъ, какое дѣйствіе можетъ имѣть мой взглядъ и прикосновеніе руки. Разъ меня позвали для послѣдняго напутствія къ умиравшей. Я положилъ ей руку на голову, не придавая этому особаго значенія; но когда хотѣлъ отнять руку, то женщина стала меня умолять, чтобы я оставилъ ее на головѣ, утверждая, что ей такъ легче. Я нѣсколько часовъ просидѣлъ у ея кровати, помогая ей, если такъ можно выразиться, противъ нея же самой. Конечно, я не спасъ ее отъ смерти, но понялъ, что прикосновеніе моей руки и мой взглядъ облегчаютъ страданіе, и не вижу причины лишать больныхъ этой помощи. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ существуютъ вещи,—прибавилъ онъ задумчиво,—не поддающіяся изысканіямъ и разсудку. Вамъ всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что существуютъ такъ называемые „искатели колодцевъ": люди, которыхъ призываютъ издалека въ безводныя мѣстности для того, чтобы они указали, гдѣ нужно рыть колодецъ. Они берутъ въ руки ивовую вѣтку и ходятъ повсюду взадъ и впередъ, и когда подойдутъ къ тому мѣсту, подъ которымъ находится вода, то вѣтка вздрагиваетъ у нихъ въ рукѣ. Тамъ начинаютъ рыть и находятъ воду. Но вы ошибаетесь, господа, если думаете, что ивовый прутъ можетъ задрожать въ рукѣ каждаго человѣка. Объяснить этого нельзя, но это есть, такъ же, какъ и многое другое, чего мы не въ состояніи постигнуть.

Докторъ слегка откашлялся, взглянулъ на часы и всталъ.

— Мнѣ уже пора,—проговорилъ онъ и взялъ шляпу и палку.—Весь разговоръ былъ ему крайне непріятенъ. Онъ ясно

чувствовалъ нравственную силу пастора, и считалъ, что спорить съ нимъ безполезно, хотя могъ противопоставить его словамъ самыя вѣскія доказательства изъ области естественныхъ наукъ. Его отвлекъ отъ этихъ непріятныхъ мыслей самъ пасторъ, подошедшій къ нему и тоже собравшійся уходить.

Они вышли вмѣстѣ, и на встрѣчу имъ повѣяла теплая, влажная ночь. Все было окутано туманомъ, такъ что за два шага ничего нельзя было разглядѣть.

Пасторъ первый прервалъ молчаніе:

— Я, кстати, хотѣлъ спросить васъ, господинъ докторъ, не пришлете ли вы мнѣ вашего мальчика въ часы, назначенные для приготовленія къ конфирмаціи. Онъ уже въ такихъ годахъ, что, вѣроятно, готовился съ моимъ предшественникомъ...

Онъ не докончилъ, потому что докторъ вдругъ остановился. Вся эта исторія была ему крайне непріятна. Съ одной стороны, ему было болѣе чѣмъ неловко уклоняться отъ обязанностей добраго гражданина и сына церкви, а съ другой стороны, ему было противно входить въ какія бы то ни было отношенія съ пасторомъ. Кромѣ того, онъ злился, что ему должны были напомнить о такой важной вещи.

— Я пришлю вамъ мальчика завтра утромъ,—проговорилъ онъ быстро,—а теперь извините, если я съ вами прощусь; мнѣ нужно еще зайти по дѣлу.

Пасторъ наклонилъ голову, и они разстались, причемъ докторъ постарался довольно-таки неловко подчеркнуть раздѣлявшую ихъ нравственную рознь оффиціальностью своего поклона.

Пасторъ замѣтилъ это и тихонько усмѣхнулся про себя.

Завернувъ за ближайшій уголъ, докторъ ускорилъ шаги. Онъ былъ возбужденъ и недоволенъ собою. Онъ точно уклонился отъ борьбы, хотя могъ бы совершенно разбить доводы пастора двумя мѣткими замѣчаніями. Быстро шелъ онъ своей дорогой. Ставни почти всѣхъ домовъ были заперты, и свѣтъ изъ оконъ уже не падалъ на улицу. Въ этомъ маленькомъ городкѣ день кончался рано и до десяти часовъ всѣ уже покоились глубокимъ сномъ.

Докторъ вздохнулъ. Студентомъ онъ страдалъ отъ голодухи, а теперь чувствовалъ себя заживо похороненнымъ въ этой глухой норѣ. Правда, онъ могъ ѣсть до-сыта. Въ этомъ отношеніи его разсчеты оказались правильными, но у него такъ и не было настоящаго домашняго очага. Онъ чувствовалъ, что его сынъ и душой и тѣломъ принадлежалъ матери. Порой въ немъ пробуждалось горькое раздраженіе противъ этой женщины. Она удалила его отъ себя своимъ молчаніемъ, поставила между

нимъ и собою какую-то непреодолимую стѣну и вдобавокъ отняла у него его собственнаго ребенка. Онъ зашагалъ еще размашистѣе, пока не добрался, наконецъ, до маленькаго дома, находившагося довольно далеко отъ города. Онъ дернулъ тихонько за звонокъ. Въ отвѣтъ ему залаяла собака.

— Молчать, Картушъ, молчать!—успокоилъ онъ ее сдержаннымъ голосомъ. Ему пришлось довольно долго подождать, пока онъ наконецъ не услыхалъ звука ключа, вкладываемаго въ замочную скважину.

— Это ты?—раздался голосъ изнутри.

— Я,—отвѣтилъ онъ коротко.

Ключъ повернулся, и передъ нимъ появилась, повидимому, еще молодая женщина, державшая въ рукѣ маленькій фонарь. На головѣ у нея былъ накинутъ платокъ, доходившій до плечъ. Она была въ бѣлой ночной кофточкѣ и имѣла видъ усталый и заспанный.

— Ну, ужъ и поздно же ты приходишь!—проворчала она и пошла впереди него въ комнату, гдѣ зажгла висячую лампу. Потомъ широкимъ движеніемъ сбросила съ себя платокъ, открывъ голую шею и полную бѣлую грудь, выступавшую изъ полу-разстегнутой кофточки. Она протерла рукой усталые, съ узкимъ разрѣзомъ и все еще заспанные глаза и опустилась на широкій, обитый черной клеенкой диванъ, стоявшій вдоль главной стѣны незатѣйливой комнаты.

— И чего это понадобилось будить человѣка среди ночи?—проговорила она, оправляя и натягивая наскоро надѣтую и начавшую сползать юбку.

Въ этой женщинѣ, съ широкими бедрами, большимъ чувственнымъ ртомъ, дерзкимъ вздернутымъ носомъ и срѣзаннымъ лбомъ, надъ которымъ низко начинали рости густые черные волосы, теперь разсыпавшіеся по бѣлой кофточкѣ, во всемъ ея вызывающемъ существѣ было для доктора что-то необыкновенно привлекательное. Въ такомъ костюмѣ она дѣйствовала на него всего сильнѣе. Тутъ ужъ не было ничего духовнаго, что могло бы смущать его. Она это знала и пользовалась этимъ. Съ чисто-женскимъ инстинктомъ умѣла она подчинять себѣ этого человѣка, на видъ такого сильнаго и съ такимъ воинственнымъ видомъ.

— Не дѣлай такого злого лица!—сказалъ онъ уже просительнымъ тономъ.

— Вотъ еще!

Онъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ нею и хотѣлъ обнять ее.

— Ахъ, отстань!—крикнула она сердито.

— Какъ поживаетъ маленькая?

Она угрюмо покосилась на него.

— Есть тебѣ дѣло до меня и до дѣвчонки!

Ея тонъ раздражалъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ нравился ему. Онъ втайнѣ любилъ, когда она съ нимъ обращалась какъ съ мальчишкой и ссорилась съ нимъ. Это его удивительно возбуждало.

— Какъ ты можешь такъ говорить? Ты знаешь, какъ я къ тебѣ привязанъ!

— Ничего я не знаю!—проговорила она и оперлась локтями въ колѣни.

— Будь же подобрѣе!—попросилъ онъ опять.—Я прихожу къ тебѣ усталый, измученный, у меня столько заботъ, а ты дѣлаешь мнѣ сердитое лицо. Постыдилась бы, Маринка!

Она коротко разсмѣялась.

— Что это еще за заботы такія у тебя?—Онъ подвинулся къ ней поближе; она не сопротивлялась.

— Это вѣдь не пустякъ, если жена лежитъ больная, и конца этой болѣзни не предвидишь,—проговорилъ онъ;—а тутъ еще изъ-подъ носа перебиваютъ паціентовъ.

Въ лицѣ женщины появилось такое выраженіе, какъ будто она старалась что-то выпытать. Она приблизила къ нему лицо, и прямо на него упалъ рѣзкій свѣтъ лампы, отъ которой непріятно пахло керосиномъ.

— Что же съ нею такое?—спросила она.

— Съ легкими у нея неладно.

— А это опасно?

— Да.

Нѣсколько времени они молчали.

— Какъ ты думаешь, она можетъ поправиться?—снова начала женщина.

— Поправиться? Нѣтъ!

Женщина положила руку на его колѣно.

— Она умретъ?—спросила она немного тише.

Докторъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо. Она спокойно выдержала его взглядъ.

— Мы всѣ умремъ,—проговорила она равнодушно.—Одинъ раньше, другой позднѣе.

Они опять помолчали.

Вдругъ она быстро сѣла къ нему на колѣни.

Кровь бросилась ему въ голову.

— Когда она умретъ, ты возьмешь меня къ себѣ въ домъ?

Онъ только кивнулъ головою.

— И женишься на мнѣ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Ты на мнѣ женишься?—повторила она настойчиво, тономъ, требующимъ отвѣта.

— Да,—отвѣтилъ онъ нерѣшительно.

Она быстро встала и вышла. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Она вернулась, держа на рукахъ маленькую, толстощекую дѣвочку.

— Посмотри, какая она хорошенькая!—проговорила женщина, и голосъ у нея звучалъ совсѣмъ иначе. Въ немъ появилось что-то нѣжное, ласковое и матерински-доброе, какъ будто она вернулась совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Она все что-то болтаетъ про своего папу.

Она хлопнула его по плечу и опять посмотрѣла на него вызывающимъ взглядомъ.

— Ну, будь добрымъ и поцѣлуй ее!—попросила она, ласкаясь къ нему.

Онъ нагнулся къ ребенку. Онъ чувствовалъ, что эта женщина имѣла надъ нимъ большую власть, и ему становилось хорошо отъ ея безцеремоннаго обращенія, особенно въ такомъ настроеніи, въ какомъ онъ былъ сегодня.

Ребенокъ закапризничалъ, и она унесла его опять въ кроватку.

— Будь, дѣточка, пай, будь, дѣточка, умница!—донеслось до него изъ сосѣдней комнаты, и вслѣдъ за этимъ онъ услышалъ, какъ она напѣвала:

— Спи, дитя мое, усни!..

Скоро она появилась опять и протянула ему губы для поцѣлуя. Потомъ подбоченилась и расхохоталась, увидавъ, какой онъ сдѣлался красный. При этомъ передъ нимъ сверкнули ея бѣлые, большіе зубы, такіе же здоровые, какъ она сама. Она заставила его снова сѣсть на диванъ рядомъ съ собою и поправила ему усы, опустившіеся и спутавшіеся отъ сырой погоды и отъ продолжительнаго и крѣпкаго поцѣлуя.

— Какъ разъ такіе же усы,—проговорила она, очень довольная,—были у моего покойнаго папеньки; онъ служилъ фельдфебелемъ.—Но тотчасъ она замѣтила, что это сравненіе было ему непріятно, и, бросивъ на него косой взглядъ, быстро встала и потушила лампу.

IX.

— Господинъ пасторъ дома?

Служанка провела Томаса въ рабочую комнату, стѣны которой были уставлены полками съ книгами. На письменномъ столѣ, покрытомъ бумагами, возвышалась статуя Спасителя на крестѣ, сдѣланная изъ слоновой кости, а передъ столомъ стояло старое дѣдовское кресло, обитое темной кожей. Пасторъ вошелъ.

— Такъ это ты, Томасъ Трукъ?—сказалъ онъ ласково, и проницательно взглянулъ на мальчика.

Томасъ выдержалъ этотъ взглядъ съ такимъ серьезнымъ спокойствіемъ и холодной сдержанностью, что это поразило пастора. Ему уже случалось встрѣчать мальчика, и онъ былъ такъ пораженъ его внѣшностью, что не безъ умысла напомнилъ наканунѣ его отцу объ исполненіи религіозныхъ обязанностей. Онъ пригласилъ Томаса сѣсть и, взглянувъ на него еще разъ, замѣтилъ страдальческую черту, образовавшуюся вокругъ его тонко очерченнаго рта. Невольно перевелъ онъ глаза на лицо Спасителя на крестѣ, находя что-то общее страдальческое въ обоихъ лицахъ.

— Кто вѣруетъ въ Христа,—началъ онъ грустно и кротко, сдержаннымъ голосомъ,—и принимаетъ его ученіе съ свободнымъ сознаніемъ, по собственной волѣ, тотъ долженъ проникнуть въ глубины религіи, чтобы быть готовымъ къ торжественной минутѣ перваго причащенія. Я думаю, что именно для этого ты и пришелъ ко мнѣ.

Томасъ покачалъ головою и отвѣчалъ, пристально глядя на пастора:

— Я совсѣмъ не хочу вѣровать...

Пасторъ улыбнулся, и горечь его улыбки уязвила Томаса.

— Почему же ты не вѣришь?

Томасъ мрачно сдвинулъ брови.

— Я этого не скажу.

Пасторъ всталъ и подошелъ къ нему совсѣмъ близко.

— Ты этого не скажешь, дитя мое, потому что въ глубинѣ души ты вѣрующій.—И, помолчавъ, онъ продолжалъ: — Никто, мой милый, не можетъ утверждать, что не вѣритъ. Люди, говорящіе такъ, обманываютъ себя и другихъ. Кто живетъ, тотъ вѣритъ. Только то лишено вѣры, что совершенно мертво и неподвижно.

Томасъ вздрогнулъ.

— Вѣра можетъ умереть, — отвѣтилъ онъ поблѣднѣвшими губами;—у меня она умерла. Я не лгу, господинъ пасторъ. У меня въ душѣ именно то, о чемъ вы говорите.

— Любишь ты кого-нибудь на свѣтѣ?

— Да,—отвѣтилъ онъ и весь вспыхнулъ.

— Значитъ, ты вѣришь, потому что не можетъ быть любви безъ вѣры. Всякій, кто отрѣшается отъ самого себя, способенъ ставить что-нибудь высоко и съ благоговѣніемъ относиться къ этому,—уже вѣруетъ.

— Можно меня заставить быть религіознымъ? — спросилъ Томасъ вмѣсто всякаго отвѣта.

— Нѣтъ, заставить нельзя.

Грудь Томаса высоко поднималась и на лбу его выступили капельки пота. Но вдругъ онъ разсмѣялся короткимъ и рѣзкимъ смѣхомъ. Онъ снова овладѣлъ собою. Онъ выпрямился и глаза его засверкали. Онъ хотѣлъ что-то спросить, но какой-то страхъ не давалъ ему выговорить ни слова. Наконецъ онъ рѣшился.

— Мнѣ хотѣлось бы спросить у васъ одну вещь,—началъ онъ. — Не случалось ли вамъ побывать, господинъ пасторъ, на свиной бойнѣ?

Пасторъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Я говорю, конечно, о настоящихъ бойняхъ, гдѣ убиваютъ свиней. Этотъ ихъ крикъ такъ и остается въ ушахъ навсегда. Я былъ тамъ, когда ихъ убивали, господинъ пасторъ, я все это видѣлъ и слышалъ.

— Что же ты хочешь этимъ сказать?

— Вы, добрые, набожные, посѣщающіе церковь люди, убиваете свиней!

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Мнѣ скоро пятнадцать.

При этихъ словахъ онъ гордо откинулъ назадъ голову. Онъ почувствовалъ теперь подъ собою почву.

— Живыхъ раковъ варятъ въ кипяткѣ! Конечно, раки не могутъ кричать, но они становятся красными, красными какъ кровь, господинъ пасторъ. Я хочу сказать,—здѣсь голосъ мальчика пересѣкся отъ волненія,—я хочу сказать, что люди убиваютъ скотъ, звѣрей и... и...

Онъ запнулся.

— И?—повторилъ пасторъ.

— И убиваютъ другъ друга,—докончилъ Томасъ.

— Почему это пришло тебѣ въ голову?

Скорбное выраженіе появилось въ глазахъ мальчика.

— Знаете вы Беттину, господинъ пасторъ?—спросилъ онъ едва слышно.

— Нѣтъ.

— Беттина—это моя кузина, она живетъ у насъ. Мать Беттины,—онъ остановился, и на глаза его навернулись слезы,—мать Беттины,—повторилъ онъ, съ усиліемъ овладѣвая собой,—пріѣхала къ намъ смертельно больная и умерла въ нашемъ домѣ. Ея мужъ убилъ ее, господинъ пасторъ. Конечно, онъ не отравилъ ее, но замучилъ до смерти. Я бы и еще могъ вамъ разсказать то, что̀ я видѣлъ собственными глазами, господинъ пасторъ, но я не могу и не хочу этого.

Онъ стиснулъ зубы и поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Нѣтъ ли еще чего-нибудь, что̀ убило въ тебѣ вѣру?

— Меня наказывали и били, когда я заступался за болѣе слабыхъ.

— За кого же ты заступался?

— За моихъ школьныхъ товарищей. Учителя хотѣли меня исключить изъ гимназіи, а дома отецъ меня побилъ.

— Спаситель тоже страдалъ невинно, но его терновый вѣнецъ принесъ намъ спасеніе.

— Кому онъ принесъ спасеніе?—спросилъ мальчикъ, и на его страдальческомъ лицѣ вдругъ выступила мученическая улыбка его матери.

— Ты все сказалъ?

— У меня еще есть много тяжелаго на сердцѣ. Еще раньше меня мучили мысли о смерти. Я нахожу ужаснымъ, что и злые и добрые одинаково умираютъ. Мама и я, мы оба плакали объ этомъ. А вы находите, что это справедливо, хорошо?

Онъ закрылъ лицо обѣими руками, вздрагивая какъ будто отъ холода.

— Въ которомъ ты классѣ?

— Въ старшемъ отдѣленіи второго.

— О, да ты совсѣмъ ученый господинъ. Тебѣ уже нужно говорить „вы“.

— Совсѣмъ этого не нужно.

— Ты чувствуешь себя несчастнымъ въ гимназіи?

— Я стараюсь не подчиняться. Нужно всегда бороться за правду.

— Даже съ отцомъ?

Губы Томаса дрогнули почти презрительно.

— Да, даже съ отцомъ.

— А тебѣ никогда не приходило въ голову, что и ты от-

части виноватъ, что ты противишься своимъ воспитателямъ изъ гордости и своеволія и скрываешь отъ нихъ свой внутренній міръ такъ, что они не могутъ знать, что̀ въ тебѣ происходитъ.

— Они и не хотятъ этого знать; оттого я и скрываю.

— А можетъ быть они сами въ этомъ не виноваты; можетъ быть, ихъ несчастье и состоитъ въ томъ, что, имѣя глаза и уши, они не видятъ и не слышатъ. Есть кротость,—прибавилъ онъ,—которая благороднѣе гордости.

— Я не хочу быть кроткимъ. Я хочу быть правдивымъ.

— Можетъ придти часъ, когда твоя воля будетъ сломлена. Этотъ часъ будетъ для тебя очень тяжелымъ, Томасъ.

Его слова прозвучали угрозой и въ первую минуту смутили мальчика. Но онъ скоро оправился.

Пасторъ медленно поднялся и ласково провелъ своей красивой, бѣлой рукой по разгоряченному лицу мальчика.

— Ты многое утверждаешь, и я тебѣ не на все отвѣтилъ не потому, чтобы не имѣлъ, что̀ сказать, а потому, что не желаю слегка касаться такихъ серьезныхъ вопросовъ,—задумчиво проговорилъ онъ.—Никто не станетъ принуждать тебя вѣрить, но я думаю, что тебѣ слѣдуетъ приходить ко мнѣ каждую недѣлю, чтобы мы имѣли возможность поговорить съ тобой обо всемъ, что̀ тебя волнуетъ. Я не буду насиловать твои убѣжденія, и если ты даже останешься при своемъ мнѣніи, то мы все-таки разстанемся друзьями.

Лицо Томаса выразило крайнее удивленіе. Еще никто никогда такъ не разговаривалъ съ нимъ. Но въ немъ еще оставалось какое-то недовѣріе. Онъ смутно чувствовалъ, что имъ овладѣваютъ, стараются его привлечь къ себѣ и лишить самостоятельности. И ему хотѣлось сопротивляться.

Пасторъ, казалось, понялъ, что̀ въ немъ происходило.

— Сразу не давай мнѣ никакого отвѣта,—проговорилъ онъ весело.—Обдумай все спокойно и тогда слѣдуй своему собственному влеченію.

Онъ протянулъ ему руку, и мальчикъ почувствовалъ, что какой-то электрическій токъ прошелъ по всему его тѣлу. Онъ быстро отдернулъ свою руку, искоса взглянулъ на пастора и вышелъ изъ комнаты, опустивъ голову.

X.

Тамара лежала въ постели и вдыхала теплый, лѣтній воздухъ, вливавшійся въ открытое настежь окно. Въ ея глазахъ было неземное, тоскующее выраженіе смертельно больного человѣка. Она лежала и мечтала въ глубинѣ своей души, совершенно отрѣшившись отъ всего окружающаго.

Ея распущенные волосы разсыпались блестящими волнами по бѣлой подушкѣ. Вдругъ въ окружавшую ее тишину проникъ снаружи звукъ шаговъ. Она пугливо и съ усиліемъ приподнялась и прислушалась.

Чья-то дрожащая рука распахнула дверь, и на порогѣ комнаты появился Томасъ.

Лицо больной выразило безпомощность. Она вся съёжилась подъ одѣяломъ, какъ будто ей вдругъ стало холодно, потомъ безсильно откинулась на подушку и почти совсѣмъ закрыла глаза.

Томасъ подошелъ къ ея кровати и увидѣлъ только узенькую полоску зрачковъ, выглядывавшихъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ. Но онъ замѣтилъ, какъ вздрагивали ея рѣсницы, какъ похудѣли ея ввалившіяся щеки и какъ на нихъ постепенно проступалъ слабый, но зловѣщій румянецъ. Онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку, показавшуюся ему въ эту минуту такой нѣжной и хрупкой, что мысль о смерти внезапно мелькнула въ его головѣ.

Тамара приподняла вѣки, взглянула на него съ улыбкой широко раскрытыми глазами и нѣжно провела рукой по его волосамъ.

Томасъ былъ готовъ разрыдаться, но, при видѣ ея улыбки, ему стало стыдно своей слабости, и, крѣпко сжимая руки, онъ проглотилъ подступавшія слезы.

— Знаешь, у кого я былъ, Тамара?

Она покачала головой.

— У пастора Паули.

И онъ принялся съ жаромъ разсказывать ей о своемъ посѣщеніи, совершенно не замѣчая, какое сильное впечатлѣніе производили на нее его слова. По временамъ ей какъ будто хотѣлось что-то возразить, но у нея не хватало силъ. И только покончивъ свой разсказъ, замѣтилъ Томасъ, что капли пота выступили на ея блѣдномъ лбу, что крылья ея носа вздрагивали, а блѣдныя губы судорожно подергивались.

— Что же это съ тобой, Тамара? — испуганно вскрикнулъ онъ. — Ужъ не разсердилась ли ты за то, что я вошелъ къ тебѣ?

Она продолжала молчать, и на этотъ разъ онъ уже разрыдался. Его горячія слезы закапали на ея руку.

— Не сердись, пожалуйста, милая, дорогая Тамара!

Она взяла его голову обѣими руками и поцѣловала его.

— И все это ты сказалъ ему, Томасъ?

Онъ кивнулъ головой.

— Однако, какой ты смѣлый! Какъ могъ ты рѣшиться бросить въ лицо пастору подобныя вещи?

— Вообрази, Тамара, вѣдь онъ ни на секунду не разсердился на меня. Его вообще всѣ очень любятъ, а въ гимназіи разсказываютъ, что онъ даже творитъ чудеса и уже не разъ помогалъ тяжело-больнымъ. Вначалѣ я его боялся, онъ представлялся мнѣ злымъ, и мнѣ казалось, что онъ непремѣнно постарается запугать и смутить меня. Вѣришь ты въ Бога, Тамара?—вдругъ спросилъ онъ.

Она молчала.

— Вѣришь ли ты, Тамара? Отвѣть же мнѣ!

Она, видимо, избѣгала его взгляда.

Тогда онъ опустилъ глаза и вздохнулъ.

— Долженъ ли я ходить къ нему, Тамара?—спросилъ онъ черезъ минуту.

— Развѣ ты самъ-то этого не хочешь?

— Я хочу и не хочу въ одно и то же время. Я немного боюсь его, но мнѣ очень интересно. Вообще, я долженъ тебѣ сказать,—точно въ чемъ-то извиняясь, продолжалъ мальчикъ,—онъ совсѣмъ не похожъ на учителей. Можешь себѣ представить, онъ говорилъ мнѣ „ты“ и при этомъ обращался со мной съ несомнѣннымъ уваженіемъ.

Она пытливо заглянула ему въ лицо и откинула назадъ упавшіе ему на лобъ волосы. По его волненію и возбужденному тону она поняла, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ пасторъ на Томаса.

— У него такой чудный голосъ!—мечтательно заговорилъ опять мальчикъ. И прибавилъ чуть слышно:—Мнѣ кажется, что тебѣ будетъ легче, Тамара, если онъ сядетъ около твоей постели и поговоритъ съ тобою.

Тихо, точно чего-то испугавшись, она въ первую минуту отклонила его предложеніе; но Томасу удалось постепенно преодолѣть ея слабое сопротивленіе. Инстинктивно, почти не отдавая себѣ яснаго отчета въ своемъ желаніи, онъ ухватился за эту мысль и уже не отступалъ отъ нея.

— Сдѣлай это, Тамара!—началъ онъ снова просящимъ тономъ.—Вѣдь ты согласна?

И, точно чего-то стыдясь, она прошептала ему на ухо:

— Онъ этого не допуститъ.

Томасъ смутился. Эта мысль не приходила ему въ голову, и теперь, видимо, встревожила его. Лицо его выразило безпокойство, но черезъ минуту онъ уже пришелъ къ твердому, опредѣленному рѣшенію и торжественно объявилъ:

— Этого онъ не запретитъ тебѣ, Тамара.

Тонъ его голоса прозвучалъ для нея какъ чудная музыка. И она посмотрѣла на него съ такой покорностью, гордостью и радостью, какъ можетъ смотрѣть только влюбленная дѣвушка, еще не вполнѣ вѣрящая въ свое счастье.

И, не дожидаясь отвѣта, Томасъ вышелъ изъ комнаты.

XI.

Послѣ разговора съ Тамарой, онъ бросился со всѣхъ ногъ къ кузинѣ. Ему необходимо было съ ней посовѣтоваться.

Онъ сталъ искать ее въ саду, и когда, наконецъ, увидѣлъ ее, то остановился, точно вкопанный, не смѣя ближе подойти къ ней.

Въ бѣломъ кружевномъ платьицѣ стояла она подъ навѣсомъ изъ акацій. На ея вьющихся волосахъ былъ надѣтъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Она играла на скрипкѣ, и изъ-подъ ея смычка лилась дикая, смѣлая мелодія, и вся ея стройная фигура выражала избытокъ возбужденія и наслажденія. Увидѣвъ Томаса, она оборвала игру и взглянула на него съ милымъ замѣшательствомъ.

Онъ тоже въ первую минуту не могъ выговорить ни слова, но, наконецъ, сказалъ:

— Знаешь, ты мнѣ показалась какой-то лѣтней феей. Я не могу себѣ представить этого сада безъ тебя и безъ твоей скрипки. Вѣдь бываютъ сказки, которыя, въ сущности, совсѣмъ не сказки,—продолжалъ онъ съ страннымъ возбужденіемъ,—напримѣръ...—онъ остановился на минуту,—напримѣръ,—повторилъ онъ и сорвалъ цвѣтокъ:—это—анемонъ, и ты вышла изъ его чашечки. И, въ сущности, тебя нужно было бы назвать не Беттиной, а анемономъ, потому что ты совсѣмъ какъ...

Онъ вдругъ остановился, удивляясь на самого себя.

Но она захлопала въ ладоши и вся просіяла отъ радости.

— Продолжай!—просила она.—Это было такъ чудесно!— И, засмѣявшись какимъ-то внутреннимъ смѣхомъ, продолжала:— Такъ, значитъ, я—лѣтняя фея, и была когда-то цвѣткомъ. Какъ это чудесно, Томасъ!

Она снова приложила скрипку къ подбородку, посмотрѣла на него своими широко раскрытыми дѣтскими глазами, выражавшими какой-то страстный вопросъ, и стала играть только для него. И мелодія зазвучала полно, мягко и ярко, точно пронизывая всю красоту этого лѣтняго дня. И сама Беттина дышала жизнью и внутреннимъ одушевленіемъ.

— Но кто, кромѣ тебя, съумѣетъ такъ сыграть?—сказалъ съ глубокимъ восторгомъ Томасъ, когда она кончила.

Загадочная грусть отразилась на ея миломъ лицѣ.

— Ахъ, еслибы я когда-нибудь могла такъ играть, какъ онъ!—проговорила она задумчиво.—Нѣтъ,—продолжала она, и ея глаза засверкали дикимъ огнемъ: — я хотѣла бы играть гораздо лучше, чѣмъ онъ, и чтобы онъ самъ призналъ это. Ты знаешь, я его ненавижу! Мнѣ кажется, я могла бы видѣть, что онъ тонетъ, и не тронулась бы съ мѣста, чтобы спасти его, точно такъ же, какъ онъ ничего не сдѣлалъ, когда... Но,—прервала она себя, и выраженіе ея лица сразу измѣнилось,— какъ онъ умѣетъ, какъ онъ умѣетъ играть! Ты не можешь этого себѣ представить!

Она внезапно разсмѣялась злымъ смѣхомъ, и что-то злорадное и отталкивающее появилось на ея дѣтскомъ лицѣ. Она замѣтила, что Томасъ былъ пораженъ перемѣной ея выраженія, и потому поспѣшила пояснить:

— Одинъ разъ, когда къ нему явилась одна изъ его дамъ и увезла его съ собою, а мама стала опять плакать, то я пробралась въ его рабочую комнату и разбила его самую лучшую скрипку, а обломки положила ему на рояль. Ну ужъ,—произнесла она, и ея голосъ задрожалъ отъ восторженнаго чувства удовлетворенія, — какъ онъ кричалъ на другой день, какъ плакалъ! Я стояла въ сосѣдней комнатѣ и все слышала. Потомъ я пріотворила дверь, встала прямо передъ нимъ и сказала: „Это я сдѣлала". Вѣдь сначала-то онъ подумалъ, что это сдѣлала мама. Онъ таскалъ меня, Томасъ, за волосы и топталъ меня ногами. Съ этого дня онъ возненавидѣлъ меня такъ же, какъ я его ненавижу.

И, повѣдавъ Томасу эту свою завѣтную и отъ всѣхъ скрываемую тайну, она вся просіяла отъ удовольствія, и въ ея движеніяхъ появилось что-то кошачье, что-то напоминавшее дикаго

звѣрка. Она прыгнула и скрылась за кустами. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась, но уже безъ скрипки.

Они усѣлись рядомъ, и онъ разсказалъ ей о пасторѣ и о матери. Она слушала его, сложивъ руки, довѣрчиво и нѣсколько боязливо. Когда онъ кончилъ, она проговорила съ полной увѣренностью:

— Ну, ужъ на твоемъ мѣстѣ я ни за что бы не пошла къ нему. Ужъ конечно не пошла бы! Ты только подумай!—продолжала она убѣдительнымъ тономъ:—онъ, навѣрное, хочетъ сдѣлать тебя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Развѣ мнѣ не слѣдуетъ постараться сдѣлаться другимъ?—мягко спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Томасъ, ты долженъ остаться именно такимъ, каковъ ты есть.

— Но вѣдь онъ не придетъ къ Тамарѣ, если я къ нему не пойду.

Она подумала немножко.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ къ нему идти,—сказала она рѣшительно, но печально.

— Тамара такъ обрадовалась, когда я ей это сказалъ. У него такой мягкій голосъ; ей станетъ лучше, когда она услышитъ его.

— А развѣ дядя позволитъ?—спросила Беттина робко.

Томасъ смутился и вскочилъ съ своего мѣста.

— Развѣ пойти и сейчасъ же сказать ему?

Дѣвочка подперла голову руками и нѣсколько времени раздумывала. Ей казалось удивительнымъ и непривычнымъ, что она должна была рѣшать въ такомъ важномъ вопросѣ. Она чувствовала себя такой умной и большой, точно настоящая взрослая барышня. Довѣріе Томаса льстило ея самолюбію.

— Спроси его сейчасъ же!—сказала она, наконецъ.—Тогда, по крайней мѣрѣ, мы уже будемъ знать.

Это „мы“ немного испугало ее, но ей было такъ пріятно его произнести.

— Дожидайся меня!—сказалъ Томасъ и ушелъ.

XII.

Люди много сплетничали по поводу частыхъ посѣщеній пасторомъ докторскаго дома. Никто никогда не предполагалъ, что между священникомъ и докторомъ могли бы установиться дружескія отношенія при существовавшихъ условіяхъ.

Когда Томасъ явился къ отцу съ просьбой относительно пастора, тотъ въ отвѣтъ только громко расхохотался и указалъ мальчику на дверь.

Но Томасъ не вышелъ изъ комнаты. Въ первый разъ послѣ сцены съ хлыстомъ отецъ и сынъ встрѣтились съ-глазу-на-глазъ.

Когда мальчикъ увидѣлъ, что его дѣло можетъ быть проиграно, то онъ проговорилъ угрожающимъ тономъ:

— Она очень больна, и это, быть можетъ, ея послѣднее желаніе.

У него остановилось дыханіе—до такой степени испугало его измѣнившееся лицо отца. Слова мальчика поразили и испугали его. Онъ разомъ ясно увидѣлъ будущее. Ему представилась Тамара на смертномъ ложѣ, и онъ подумалъ о томъ, что Томасъ можетъ потребовать у него отчета.

Въ концѣ концовъ, онъ далъ свое согласіе. При легочной болѣзни не могло помочь никакое шарлатанское леченіе; но если она нуждалась въ духовномъ утѣшеніи, то, конечно, не онъ лишитъ ее этого.

Было еще одно соображеніе, повліявшее на рѣшеніе доктора. Онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ правымъ, и священникъ могъ бы довольно легко придраться къ его образу жизни. Во всякомъ случаѣ, было благоразумнѣе сохранить съ нимъ добрыя отношенія. Это было бы всячески и практичнѣе, и выгоднѣе. Всѣ сплетни должны будутъ умолкнуть, какъ только пасторъ появится въ его домѣ.

Когда Томасъ пришелъ съ приглашеніемъ, строгое лицо пастора сразу прояснилось. Ни о чемъ не разспрашивая, онъ обѣщалъ придти.

Томасъ всю жизнь помнилъ ту минуту, когда онъ ввелъ пастора въ комнату Тамары.

Онъ увидѣлъ, какъ нѣжнымъ румянцемъ вспыхнуло лицо матери, и какъ пасторъ низко склонился надъ ней, пораженный дѣвственной прелестью и красотой молодой женщины. Съ первой минуты они заговорили какъ старые друзья, почему-то давно случайно не видѣвшіеся. Глаза Тамары засіяли непривычной для нихъ радостью, цвѣты въ комнатѣ запахли сильнѣе, а лучи заходящаго солнца проникли сквозь окно и разсыпали по всей комнатѣ золотисто-розовые блики.

Съ этого дня пасторъ приходилъ къ нимъ каждый день.

Тамара была счастлива, когда чувствовала его близость, когда онъ, молча, сидѣлъ у ея кровати и смотрѣлъ на нее взглядомъ, полнымъ любви.

Онъ тоже радовался, когда, наконецъ, наступалъ его часъ и онъ шелъ къ ней. Тихо и безмолвно сливались ихъ души.

Томасъ въ это время никогда не входилъ въ комнату. Онъ подозрѣвалъ, что̀ тамъ происходило, и не хотѣлъ отнимать у матери ни одной минуты запоздалаго счастья.

— Всю жизнь я была одинока съ моей тоской, — какъ-то сказала пастору Тамара, и углы ея губъ дрогнули, точно отъ подавленнаго рыданья.—Я всегда молилась, чтобы пришелъ тотъ, чья рука ласково коснулась бы меня, чьи глаза взглянули бы на меня съ добротой и чей голосъ заговорилъ бы со мною нѣжно и мягко. Но никто не приходилъ, и холодъ охватывалъ меня. Нѣтъ,—вдругъ прервала она себя,—я не хочу быть несправедливой: пришелъ Томасъ, и я стала отогрѣваться. Но,—уныло и покорно продолжала она,—все-таки это было не то, о чемъ я мечтала, и только теперь осуществляется все,—теперь, когда я должна умереть.

Она не возмущалась, она была только благодарна за счастье, озарившее ея одинокую жизнь, когда эта жизнь должна была уже погаснуть.

Онъ слушалъ ее молча и понималъ ея тоску. Онъ страдалъ вдвойнѣ, потому что сознавалъ, что не можетъ здѣсь ничѣмъ помочь. Онъ тихо проводилъ рукой по ея рукѣ, въ то время какъ ея слова раздирали его сердце. Онъ проповѣдовалъ любовь, но въ его жизни не было любви. Онъ нашелъ женщину, о которой всегда мечталъ, благородную, преданную, цѣломудренную, нѣжную и кроткую, но она принадлежала другому, хотя этотъ другой всегда оставался ей чужимъ. Она должна была умереть, они это знали оба, и въ ихъ любви чувствовалось вѣяніе смерти, а въ самомъ счастьѣ таился ужасъ.

Онъ не позволялъ ей много говорить, и самъ разсказывалъ ей о своемъ внутреннемъ мірѣ и о своихъ вѣрованіяхъ, и все это оказывалось гораздо сложнѣе, чѣмъ объ этомъ думали люди. Онъ читалъ ей Гёте и Данте, и въ его голосѣ ей слышались отзвуки скрипки, глубоко запавшіе ей въ душу въ дни ея юности. Онъ говорилъ ей о безсмертной любви Петрарки, не знавшей удовлетворенія. Два человѣка встрѣтились всего одинъ разъ въ жизни, но этого мгновенія было достаточно, чтобы наполнить блаженствомъ и страданіемъ все ихъ дальнѣйшее существованіе. Это до такой степени поразило ее, что она заплакала.

Онъ отыскалъ дорогу и къ сердцу Томаса, и тотъ слушалъ, затаивъ дыханіе, когда пасторъ объяснялъ ему смыслъ Евангелія и озарялъ ему новымъ свѣтомъ образъ Христа. Но все-таки онъ

и здѣсь никогда не бывалъ покорнымъ слушателемъ; онъ часто прерывалъ своего наставника безпокойными вопросами и печально покачивалъ головой, если отвѣтъ не вполнѣ удовлетворялъ его.

— Необходимо примириться съ неразрѣшимыми вопросами и кажущимися противорѣчіями религіи,—обыкновенно говорилъ въ такихъ случаяхъ пасторъ.—Нельзя самонадѣянно опираться на одинъ разумъ, необходимо вѣрить.

На эти слова Томасъ только опускалъ голову и молчалъ, но ничѣмъ не могъ онъ заглушить мятежный внутренній голосъ. Маленькая Беттина еще усиливала его раздраженіе разными замѣчаніями, когда онъ разсказывалъ ей о своихъ урокахъ.

Она подсмѣивалась какъ бѣсенокъ и не скрывала своихъ сомнѣній. На всѣ убѣжденія мальчика, у нея былъ одинъ неизбѣжный отвѣтъ:

— Все это прекрасно, Томасъ, но мама была всегда грустная и несчастная, и мнѣ кажется, что и Тамара тоже. Добрый Богъ не помогъ имъ,—продолжала она,—и я не могу молиться.

Томасъ молчалъ, потому что не зналъ никакого отвѣта на это послѣднее возраженіе дѣвочки. Этого отвѣта не зналъ никто, ни Тамара, ни даже самъ пасторъ. Это была мрачная пропасть. Даже онъ былъ не въ силахъ перешагнуть черезъ нее.

XIII.

Наступило время винограднаго сбора. Все въ природѣ было проникнуто чувствомъ удовлетворенія, къ которому примѣшивался нѣкоторый оттѣнокъ грусти. Съ тихимъ шелестомъ падали съ деревьевъ пестрые листья, усыпая дорожки и аллеи сада. Виноградныя лозы были покрыты налившимися кистями; переполненныя сокомъ яблоки и груши валились съ деревьевъ, и грецкіе орѣхи низко склоняли къ землѣ обремененныя вѣтви. Садъ сталъ еще красивѣе, чѣмъ лѣтомъ. Къ его красотѣ прибавилась какая-то таинственная, загадочная и немного жуткая прелесть.

Дѣти вихремъ носились по дорожкамъ и аллеямъ сада. Они старались какъ можно меньше бывать дома съ той поры, какъ тамъ хозяйничала чужая женщина, съ громадной связкой ключей на черномъ кушакѣ и съ такой увѣренной и твердой походкой, что все дрожало и скрипѣло подъ ея ногами.

Она была настоящей хозяйкой. Ея зоркіе глаза заглядывали во всѣ чуланы и погреба, и привольной жизни прислуги насталъ

конецъ. Одного ея взгляда было достаточно, чтобы заставить трепетать горничныхъ. Ей пришлось приложить не мало стараній, чтобы попасть въ домъ, но докторъ, въ концѣ концовъ, оказался безсильнымъ передъ ея упорствомъ. Она все-таки прибрала его къ рукамъ, какъ сдѣлала это и относительно прислуги.

Онъ пытался обороняться. Но когда онъ попробовалъ заговорить съ ней о томъ, что̀ могутъ сказать люди, если она войдетъ въ домъ еще при жизни жены, то она взглянула на него злыми глазами и разсмѣялась. Именно изъ-за людей хотѣлось ей теперь же взять бразды правленія въ свои руки, и когда она потомъ такъ при немъ и останется, то это выйдетъ вполнѣ естественно.

Всѣ въ докторскомъ домѣ сразу почувствовали, что бразды домашняго правленія попали въ энергичныя и умѣлыя руки.

Тамара, какъ и дѣти, немного побаивалась новой домоправительницы. Когда толстая женщина, побрякивая ключами у пояса, въ первый разъ вошла въ ея комнату, она тихонько повернулась къ стѣнѣ и представилась спящей, чтобы не смотрѣть на нее. Когда же эта женщина подхватила ее своими сильными, крѣпкими руками и перенесла на диванъ, чтобы оправить постель, то у больной застучали зубы и на блѣдномъ лбу выступилъ отъ страха потъ. Она готова была заплакать, но чувствовала себя слишкомъ слабой, чтобы сопротивляться.

Однажды пасторъ засталъ ее въ слезахъ, и она призналась ему во всемъ.

Болѣзненная, полная горечи судорога передернула лицо пастора. Съ этого дня женщина уже не появлялась больше въ комнату Тамары.

Пасторъ запретилъ ей входить къ больной въ присутствіи самого доктора. Она выслушала это и выбѣжала съ непріятнымъ смѣхомъ.

Докторъ постарался убѣдить и успокоить ее.

Необходимо было избѣжать всего, что̀ могло хоть сколько-нибудь раздражить общественное мнѣніе. Съ этимъ доводомъ она была вполнѣ согласна. Вѣдь, все-таки, несмотря ни на что, она была полной хозяйкой въ домѣ. Она обѣдала вмѣстѣ съ докторомъ, держала въ страхѣ прислугу, а вечерами, когда все засыпало, они встрѣчались въ саду, и гравій скрипѣлъ подъ ихъ ногами. Между деревьями безпокойно хрустѣли сухія вѣтки, шумѣли опавшіе листья и гдѣ-то въ чащѣ пронзительно кричала ночная птица. Вспугнутыя совы и копчики тоже подавали голосъ; тамъ

и сямъ надъ самой ихъ головой проносились летучія мыши и съ пруда доносилось кваканье лягушекъ.

Во время этихъ прогулокъ доктору иногда казалось, что и ночь, и садъ возмутились противъ него. Онъ вообще не особенно любилъ попадать въ глубину сада Тамары.

Новая хозяйка пыталась распространить свою власть и на дѣтей, но Томасъ при первой же попыткѣ далъ ей энергичный отпоръ, а Беттина ощетинилась, какъ настоящая, привычная къ дракѣ кошка. Хозяйка испугалась; ей уже стали мерещиться чьи-то маленькіе, острые когти на ея лицѣ.

Съ той поры она хотя и не теряла изъ виду дѣтей, но остерегалась дѣлать имъ какія бы то ни было замѣчанія.

Когда же она попробовала пожаловаться самому доктору на Томаса, то онъ постарался уклониться отъ всякаго вмѣшательства. Она ясно поняла, что этотъ сильный человѣкъ чувствуетъ себя не особенно ловко съ слабымъ мальчикомъ и даже побаивается его.

Дѣти почти жили въ саду. Здѣсь становилось легче ихъ переполненнымъ горемъ сердцамъ; здѣсь жаловались они другъ другу и даже не словами, а больше взглядами, потому что и молча они прекрасно понимали другъ друга. Мало-по-малу и Беттина стала считать счастьемъ ежедневныя посѣщенія пастора.

Легкое чувство ревности, которое она къ нему испытывала, постепенно проходило. Они всѣ вмѣстѣ были такъ безпомощны, такъ нуждались въ утѣшеніи! Дѣти были твердо увѣрены, что чужая женщина хочетъ убить Тамару. Они постоянно говорили между собою объ этомъ, и такъ увѣрили себя, что Тамарѣ грозитъ неминуемая опасность, что въ ихъ горячихъ головахъ зародился совершенно дѣтскій планъ, чтобы спасти ее.

Однажды Томасъ пришелъ изъ школы съ остро отточеннымъ, отшлифованнымъ длиннымъ ножемъ. Онъ купилъ его у какого-то бродяги и показалъ его Беттинѣ. Та посмотрѣла на него испуганно, но съ видомъ полнѣйшаго пониманія. Они взялись за руки и пошли въ садъ, не говоря ни слова, но въ этомъ молчаніи ихъ мысли переплетались и сердца бились за-одно.

Поздно вечеромъ Беттина вскочила съ своей постели, накинула ночную кофточку и прокралась въ комнату Томаса.

Мальчикъ уже спалъ безпокойнымъ сномъ.

— Это я, Томасъ,—умоляюще прошептала она.—Отдай мнѣ ножъ, Томасъ,—я такъ не могу заснуть! Печка надвигается на меня, точно огромный бѣлый человѣкъ. Онъ смотритъ на меня такъ ужасно и грозитъ мнѣ!..

Томасъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Выйди изъ комнаты,—мягко сказалъ онъ.—Я передамъ тебѣ черезъ дверь.

Не сказавъ больше ни слова, она покорно вышла изъ комнаты и стояла, стуча зубами, подъ дверью до тѣхъ поръ, пока высунувшаяся рука мальчика не подала ей ножъ.

XIV.

Въ день святого Мартына выпалъ первый снѣгъ. Тяжелые бѣлые хлопья падали на лужайки и опустошенныя цвѣточныя клумбы. Точно огромный саванъ распростерся надъ землею. Деревья съ голыми, осыпанными снѣгомъ сучьями точно замерли и оцѣпенѣли. Садъ сталъ непривѣтливымъ. Кипарисы и тополя въ своемъ новомъ бѣломъ одѣяніи казались еще выше и производили впечатлѣніе застывшихъ въ блѣдномъ величіи мертвецовъ. Только одинъ прудъ, несмотря на выпавшій снѣгъ, оставался такимъ грязнымъ и непривѣтливымъ, что на него грустно было смотрѣть. Птицы замолкли, чирикали только одни воробьи, застигнутые неожиданнымъ холодомъ.

Докторъ вызвалъ изъ ближайшаго города одного изъ своихъ коллегъ и съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ устроилъ съ нимъ торжественную консультацію. Пріѣзжій докторъ нашелъ, что Тамарѣ необходимо провести зиму на югѣ. Докторъ въ отвѣтъ только утвердительно кивнулъ головой, но больная такъ взволновалась этимъ планомъ, такъ опредѣленно объявила, что умретъ, если ее отправятъ изъ дома, что рѣшеніе пришлось измѣнить.

Докторъ состроилъ печальное лицо и съ видомъ полнѣйшей покорности пожималъ плечами. Коллега, въ знакъ утѣшенія, крѣпко пожалъ руку убитому горемъ мужу и уѣхалъ къ себѣ.

Тамара вздохнула свободно, когда наконецъ затихъ въ отдаленіи шумъ экипажа, увозившаго пріѣзжаго доктора.

Съ той поры ей становилось все хуже. Только когда приходилъ пасторъ, она оживлялась и улыбалась какъ-то необыкновенно трогательно. Казалось, она хотѣла упиться каждымъ его словомъ, каждымъ взглядомъ. Она боялась потерять хоть одно мгновеніе, хоть одну искру, ходъ одинъ цвѣтокъ этой давно ожидаемой и такъ поздно пришедшей любви. Обыкновенно онъ садился у ея кровати, какъ всегда свѣтлый и добрый. Каждый день онъ приносилъ ей что-нибудь такое, что было дорого ему самому. Разъ онъ вынулъ изъ кармана тонкое золотое кольцо

и надѣлъ его на ея исхудавшій палецъ. Кольцо оказалось ей совершенно впору.

— Это обручальное кольцо моей матери; ея рука была похожа на вашу.

Сказавъ это, онъ быстрымъ движеніемъ откинулъ волосы со лба. Въ эту минуту онъ не смѣлъ посмотрѣть на нее. Но она взяла его правую руку, поцѣловала ее и удержала въ своей рукѣ.

Съ той поры она не снимала больше кольца,—оно было для нея талисманомъ въ тѣ минуты, когда она оставалась одна. И она цѣловала его и прижимала къ своимъ безкровнымъ, тонкимъ губамъ. Ей казалось, что этимъ кольцомъ она соединена съ нимъ на вѣчную жизнь.

Однажды въ сумерки она сказала ему, съ выраженіемъ стыдливой радости указывая на кольцо:

— Имъ мы обручены для вѣчности, для нашей вѣчности!

Ея взволнованный голосъ лишилъ его съ трудомъ добытаго самообладанія. Онъ отвернулся, и у него вырвалось что-то, похожее на рыданіе.

— Ульрихъ,—тихо позвала она его и, обнявъ его тонкими, съ просвѣчивающими голубыми жилками руками, она стыдливо его поцѣловала.

— Не плачь, потому что я хочу умереть. Жизнь мнѣ...— она остановилась на мгновеніе и повторила, точно просвѣтленная вспыхнувшимъ въ ней внутреннимъ свѣтомъ:— Жизнь мнѣ дала удовлетвореніе. Все, чего я искала и ждала такъ долго, дается мнѣ теперь, когда я пожимаю твою руку, когда я знаю, что ты— со мной.

Она въ изнеможеніи откинулась назадъ. Нѣкоторое время въ комнатѣ стояла мертвая тишина. Онъ сидѣлъ, потрясенный до глубины души, боролся съ собою, и въ этотъ часъ даже вѣра его не приносила ему утѣшенія. Онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на бѣлый садъ.

И опять она позвала его:

— Тебѣ я отдаю то, что у меня есть самаго дорогого,—моего мальчика. У него то же томленіе, что и у меня, онъ такъ же страдаетъ и мучится. Положи свою руку на голову Томаса, какъ ты клалъ ее на мою голову. Сдѣлай что-нибудь и для маленькой Беттины. Ты долженъ былъ бы ему написать, чтобы онъ для...

Она была больше не въ силахъ продолжать.

— Теперь уйди!—кротко попросила она. Но когда онъ былъ уже у дверей, она вернула его.

— Поцѣлуй меня!

Въ этотъ вечеръ его губы въ первый и въ послѣдній разъ коснулись ея губъ. Въ ту же ночь она угасла, какъ маленькое голубоватое пламя, слабо колеблющееся и не имѣющее силы бороться съ надвигающимся мракомъ.

XV.

Рано утромъ докторъ подошелъ къ постели Томаса. Мальчикъ выслушалъ его съ широко-раскрытыми, остановившимися глазами.

Онъ не произнесъ ни слова, и только лицо его судорожно передергивалось.

Босикомъ, въ длинной ночной рубашкѣ, отправился онъ въ комнату Тамары и тамъ заперъ за собою дверь. Онъ сталъ на колѣни и смотрѣлъ, не спуская глазъ, на умершую. Смерть придала новую красоту ея нѣжному лицу, наложивъ на него печать глубокаго спокойствія. Онъ былъ не въ силахъ отъ нея оторваться и въ то же время не рѣшался прикоснуться къ ней. Цѣлый ураганъ мыслей проносился въ его головѣ, но онъ не могъ остановиться опредѣленно ни на одной изъ нихъ. Его губы что-то беззвучно шептали и онъ крѣпко сжималъ свои похолодѣвшіе пальцы. Вдругъ ему ясно представилось, что она лежитъ на берегу пруда, среди дѣвственнаго снѣга, сама бѣлая какъ снѣгъ, и въ волосахъ ея серебрятся лиліи. И мысль о томъ, что ее должны похоронить именно въ саду, ясно и опредѣленно сложилась въ его головѣ.

Въ дверь постучались, но онъ даже не пошевелился. Услышавъ голосъ отца, онъ затаилъ дыханіе.

— Отвори, Томасъ!—повторилъ отецъ.

Совершенно обезсиленный, онъ дотащился до дверей и, точно преслѣдуемый злымъ духомъ, понесся по длинному корридору въ свою комнату. Тамъ, прижавшись въ уголъ, плакала Беттина, но онъ не замѣтилъ ее. Онъ наскоро накинулъ на себя платье и безъ шляпы и пальто, точно за нимъ гнались, побѣжалъ въ это сѣрое утро въ пасторскій домъ.

— Тамара умерла, — выговорилъ онъ съ усиліемъ и, весь дрожа, крѣпко прижался къ пастору. И когда онъ увидѣлъ, что лицо послѣдняго покрылось смертельной блѣдностью и неудержимыя слезы хлынули изъ его глазъ, тогда и самъ мальчикъ вышелъ изъ столбняка и разразился рыданіями.—Ты... ты... ты...— произнесъ онъ, захваченный и пораженный горемъ взрослаго человѣка. И они взглянули другъ на друга такимъ взглядомъ, котораго не забыли потомъ цѣлую жизнь.

XVI.

Изъ каждой почки, изъ каждаго цвѣтка выглядывалъ на свѣтъ Божій веселый май. Все расцвѣтало и распускалось въ саду, все пѣло о веснѣ. Вишневыя деревья, стоявшія у самаго дома, были усыпаны только-что распустившимися цвѣтами.

Томасъ обыкновенно съ чувствомъ живѣйшей радости восхищался этими бѣлыми, точно изъ серебра сотканными лепестками. Онъ былъ не въ силахъ оторвать отъ нихъ глазъ и любилъ ихъ такъ же сильно, какъ и бархатныя мягкія сережки на ивахъ около пруда. Но теперь онъ безучастно относился къ пробудившейся природѣ.

Дѣти молча смотрѣли на могилу Тамары и переглядывались заплаканными глазами.

Изъ дома къ нимъ доносился громкій и рѣзкій голосъ чужой женщины. Она неистово набрасывалась на прислугу. Томасъ и Беттина ненавидѣли ее отъ всего сердца и показывали ей это съ яростнымъ упорствомъ.

Женщина все это видѣла и только подсмѣивалась надъ ними. Она сознавала свою силу и была увѣрена, что рано или поздно слабыя существа будутъ сломлены ея жизненной энергіей.

Ея собственный домъ стоялъ теперь покинутымъ и заброшеннымъ. Безъ всякаго стѣсненія она взяла къ себѣ свою маленькую дѣвочку, и звонкій, веселый голосъ толстощекой крошки внесъ нѣкоторое оживленіе въ тоскливую монотонность жизни докторскаго дома. Томасъ и Беттина пытались сурово отталкивать маленькое существо, протягивавшее къ нимъ свои ручонки, но дѣвочка была не изъ пугливыхъ. Она съ такой настойчивостью ковыляла за ними, такъ наивно выражала имъ свое расположеніе, что дѣтямъ часто бывало довольно затруднительно спасаться отъ нея.

Докторъ старался избѣгать взгляда Томаса, хотя и держалъ себя по наружности очень спокойно и непринужденно. Ему очень нравился новый порядокъ вещей, но его нѣсколько смущалъ контроль мальчика и пытливый, допрашивающій взглядъ Беттины. Онъ ворчалъ, когда дѣвочка попадалась ему на глаза. Новая хозяйка поддерживала его отношеніе къ племянницѣ и повторяла много разъ, что на его мѣстѣ не стала бы съ ней особенно церемониться.

Дѣти спасались въ цвѣтущій садъ и тамъ обсуждали свою судьбу. Домъ былъ для нихъ темницей, и они инстинктивно стремились къ воздуху и свѣту.

Томасъ скрежеталъ зубами отъ сдержаннаго бѣшенства, когда чужая женщина за обѣдомъ раскладывала кушанья. Онъ не прикасался къ ѣдѣ до тѣхъ поръ, пока она сама не начинала ѣсть. Беттинѣ онъ велѣлъ дѣлать то же самое. Онъ былъ увѣренъ, что чужая женщина задумала тихо и безшумно устранить ихъ съ своей дороги, а пылкое воображеніе Беттины еще усиливало его подозрительность.

Пасторъ старался ласково и кротко успокаивать возбужденныхъ дѣтей, но однажды Томасъ явился къ нему и сообщилъ свое непреклонное рѣшеніе.

Онъ опять стоялъ въ кабинетѣ пастора, но теперь это былъ не мятежный спорщикъ, а мальчикъ, нуждавшійся въ опорѣ и помощи.

— Мы должны оставить садъ,—горько сказалъ онъ.—Этотъ садъ принадлежитъ мнѣ и Беттинѣ, а мы должны уйти къ чужимъ людямъ, потому что не можемъ чувствовать себя въ безопасности въ нашемъ собственномъ домѣ. Мы должны уйти прочь,—продолжалъ онъ торопливо и рѣшительно:—мы боимся, чтобы намъ не сдѣлали чего-нибудь очень дурного. Вотъ Божья справедливость!—вдругъ дико вскрикнулъ онъ.—Мы должны оставить собственный садъ!—Голосъ его прервался, и онъ закрылъ лицо руками.

Пасторъ прижалъ его къ себѣ и, не говоря ни слова, положилъ руку на мягкіе волосы мальчика.

— Брани же меня, вѣдь я хулю Бога! — съ горечью вырвалось у Томаса. Послѣ смерти Тамары онъ говорилъ пастору „ты“.—Но вѣдь ты видишь самъ, самъ видишь,—еще разъ повторилъ онъ,—что Богъ покинулъ насъ!

XVII.

Въ этотъ же день пасторъ имѣлъ разговоръ съ докторомъ, и послѣ этого разговора было отправлено письмо отцу Беттины. Недѣлю спустя, дѣти уѣхали изъ дома.

Беттина тихо всхлипывала, а Томасъ судорожно сжималъ руки, прощаясь съ садомъ, стоявшимъ въ полномъ цвѣту. И когда коляска выѣхала изъ воротъ, а домъ и садъ остались далеко позади, дѣтямъ показалось, что они навсегда распрощались съ весною.

П—на С—ва.

ВЪ
ЛѢСНОЙ БАШКИРІИ

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ НА ЛѢСНЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.

Здѣсь закричишь — вторитъ эхо лѣсное,
Но не заводитъ съ тобою рѣчей...
Л. Кондратовичъ (Сырокомля).

I.

Скучно было Трофиму въ лѣсу. Какой-то безотчетный страхъ вселяла въ душу молчаливая лѣсная чаща, а неизвѣстность смущала его. Парень не зналъ, гдѣ онъ, и куда приведетъ его сырая, грязная и плохо наѣзженная дорога. Зналъ онъ изъ разсказовъ паромщиковъ, что дорога эта проложена къ „Манѣ-Горѣ", близъ которой какой-то купецъ Иванъ Кириллычъ обосновалъ свои лѣсные промыслы, а каковъ былъ этотъ Иванъ Кириллычъ, и гдѣ его найти—Богъ вѣсть! И чѣмъ еще кончится это путешествіе!

Прошло часа два. Густой лѣсъ перемежился; по обѣимъ сторонамъ дороги тянулись молодыя березки, липы, сѣростволыя чахлыя осинки — и заходившее солнце косыми лучами озарило узкій проселокъ и одинокую, усталую фигуру путника.

Подавленный одиночествомъ, Трофимъ затянулъ-было пѣсенку, тягучую и унылую, но голосъ его, жалобно прозвучавъ подъ сводами деревъ, смолкъ—и даже лѣсное эхо не повторило его

пѣсни! Совершенно неожиданно Трофимъ вышелъ на большую четырехугольную вырубку. Сначала мелькнулъ просвѣтъ сквозь сѣтку сучьевъ, потомъ показалась новая тесовая крыша и бѣлыя стѣны избы. Изба стояла влѣво, у самой дороги, а по всей вырубкѣ виднѣлись толстые пни недавно срубленныхъ лицъ и березъ. Вырубку съ четырехъ сторонъ окружала зубчатая стѣна лѣса. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ избы, на бревнѣ, сидѣлъ старикъ. Сѣдая, лысая голова его была обнажена, борода длиннымъ клиномъ жидкихъ волосъ спускалась съ подбородка, лицо казалось спокойнымъ, глаза щурились, и тихая дрёма смежала ихъ усталыя вѣки.

— Здравствуй-ка, дѣдушка! Ивана Кириллыча контора не тутъ ли?—спросилъ Трофимъ, остановившись шагахъ въ пяти отъ старика

— Контора?.. Ивана Кириллыча?.. Здѣсь его контора, здѣсь,— медленнымъ и равнодушнымъ тономъ протянулъ старикъ, однако повернулъ лицо въ сторону пришельца и осмотрѣлъ его внимательно.

— Сами-то они тутъ, сказывали?—вставилъ Трофимъ.

— А теперича онъ въ лѣсу, на „прудкахъ“ [1]). Старикъ попрежнему опустилъ на грудь голову и смолкъ. Трофимъ также помолчалъ, подумалъ и потомъ снова спросилъ:

— Слышно, дѣдушка, на работу онъ наймаетъ?

— Какъ не наймать—наймаетъ,—протянулъ лѣниво старикъ.

Трофима стѣснялъ тонъ голоса, какимъ отвѣчалъ спокойно сидѣвшій на бревешкѣ человѣкъ, и онъ, смутившись, отвернулся отъ старика и тупо осмотрѣлъ лѣсъ, окаймлявшій вырубку.

— Работы мало ли у Ивана Кириллыча—всѣмъ хватитъ,— наконецъ, проговорилъ старикъ.—А ты самъ-то откуда?—спросилъ онъ, и снова осмотрѣлъ безусое, осунувшееся лицо Трофима.

— Издалека я, изъ-подъ Бирскова, а иду-то изъ Уфы.

— Ага! Далеко, парень, забрался, далеко!

И опять смолкъ старикъ, и снова на лицѣ его отразилось равнодушное и лѣнивое выраженіе. Минуту спустя, Трофимъ, однако, рѣшился, и присѣлъ на бревно недалеко отъ старика. Еще разъ осмотрѣвъ его равнодушное лицо, онъ принялся разсказывать о томъ, какимъ образомъ добрался до конторы Ивана Кириллыча, счелъ нужнымъ также сообщить старику и обстоятельства своей жизни, предшествовавшія этому длинному и томительному путешествію.

---

[1]) Прудками называются запруды воды, въ которыхъ замачиваются лубъ и мочало во время производства.

Всю раннюю весну Трофимъ прожилъ въ городѣ, терпя нужду, исполняя случайную и довольно безхитростную работу: сбрасывалъ съ крышъ обывательскихъ домовъ снѣгъ, набивалъ льдомъ ледники, вмѣстѣ съ партіей арестантовъ очищалъ городскую площадь отъ навоза, накопившагося за зиму, а когда вскрылась рѣка, вступилъ въ партію рабочихъ, нанявшихся проконопачивать барки и бѣляны. Но работа эта не далась Трофиму, потому что требовала извѣстнаго навыка, котораго у него не оказалось, и ему пришлось заняться грузкой барокъ: онъ познакомился съ грузчиками изъ вятской губерніи и примкнулъ къ ихъ артели. Люди эти оказались бойкими, смышлёными работниками и добродушными товарищами, что̀ радовало его, новичка въ скитаніи по отхожимъ промысламъ. И, можетъ быть, хорошо бы устроился Трофимъ, но тутъ у артели вышло недоразумѣніе съ приказчиками при получкѣ заработка. Всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, пытались отстоять свои права, покричали, повздорили съ приказчиками, плюнули въ „безстыжіе буркулы" краснощекаго хлѣботорговца-хозяина, собрали свои котомки и пустились въ поиски новой работы. Они уговорили Трофима не отставать отъ ихъ артели, и онъ, вмѣстѣ съ другими, побрелъ сначала вверхъ по рѣкѣ Уфимкѣ, гдѣ весною бываетъ большое требованіе на рабочихъ, а потомъ и по Симу. Въ верховьѣ этой рѣчки вятскіе нанялись сплавщиками на готовыя къ отплытію бѣляны, а Трофиму пришлось отстать...

— Куда я съ ними доплыву! И ни вѣсть, куда они спустятся по рѣкамъ-то! Въ Астрахань, слышь, бѣлянки-то уплывутъ, въ *Каспицкое* море. Изъ своихъ-то мѣстъ тоже не захотѣлось мнѣ отлучаться.—Такъ закончилъ свой разсказъ Трофимъ и смолкъ.

— А что̀ бы тебѣ, парень, и не поплыть... по рѣкѣ-то!—выслушавъ собесѣдника, проговорилъ старикъ:—все равно, гдѣ ни работать. Э-эхъ, ты!—укоризненно добавилъ онъ, и презрительная улыбка скривила его губы.

— Да такъ ужъ, на чужую сторону не захотѣлось, съ непривычки...

— Когда же привыкать-то будешь? До сѣдыхъ волосъ доживешь, а все будешь твердить: „съ непривычки, съ непривычки"! Эхъ ты, тёфанъ!

Старикъ насмѣшливыми глазами осмотрѣлъ Трофима, потомъ отвернулся отъ него и уставился въ чащу лѣса. Парень смутился: онъ не могъ понять, отчего это такъ вдругъ старикъ какъ будто обидѣлся на него и сталъ насмѣхаться. Трофимъ вѣдь даже пожалѣлъ, когда пришлось отстать отъ артели вятскихъ, и ничего

дурного и достойнаго порицанія не видѣлъ въ своемъ поведеніи, а этотъ старикъ вдругъ насмѣхается!

— Эхъ ты, парень, парень!—послѣ небольшой паузы продолжалъ снова старикъ.—Ну, куда ты годишься, такой-то трусливый? Ну, куда? Что̀ ты возьмешь? Эхъ ты, голова, голова!— Старикъ сокрушенно помоталъ головою, искоса оглянулъ Трофима и продолжалъ:

— Въ жизни-то, если этакимъ манеромъ дѣлать — плохо, куда какъ плохо будетъ. А ты, братъ ты мой, лѣзь вездѣ, ищи, и чужой-то стороны не бойся, не съѣстъ тебя она. Тебѣ бы за женину юбку держаться. Ну, и держись! И самъ бабой будешь!

Трофимъ въ глубокомъ молчаніи слушалъ старика, не перебивая его рѣчи и плохо угадывая, къ чему клонитъ свою рѣчь его съ виду суровый и желчный собесѣдникъ.

— Ты думаешь, Сидоръ Прохорычъ таковъ былъ всю жизнь!— рѣзкимъ голосомъ началъ снова старикъ и посмотрѣлъ умными глазами въ апатичное лицо Трофима —Нѣтъ, братъ, живали и мы когда-то; вмѣстѣ съ отцомъ Ивана Кириллыча капиталы наживали, — Иванъ-то Кириллычъ племянникъ мнѣ родной. Да вишь ты, споткнулся я тутъ, старый чортъ, сплоховалъ—и все пошло прахомъ! А все отчего? Да все оттого, милъ-человѣкъ, что трусомъ былъ: поумнѣлъ-то, вишь ты, поздненько. Кто раньше прозрѣлъ, тотъ и урвалъ, а я... прозѣвалъ Надо бы и мнѣ по новому жить: драть шкуру-то! а я, старый дуракъ, сплоховалъ, канитель все тянулъ, а толкъ вышелъ изъ этого плохой. А все трусилъ да жался: братъ-то мой, Кириллъ Прохорычъ, въ гору пошелъ, а я, вишь ты, въ землю вросъ. Ты думаешь, теперь я какъ бы приказчикомъ у племянника?—Нѣ-ѣтъ, братъ, умуразуму обучаю его, да порядокъ въ его дѣлахъ наблюдаю. Да что̀! Иванъ Кириллычъ—не намъ чета, и самъ выберется: въ самую суть вникъ онъ, знаетъ, гдѣ раки-то зимуютъ—и живетъ, и будетъ жить! А ты, вотъ, съ трусостью-то своей проживешь ли? И будешь биться, какъ песъ голодный: шкура-то, вотъ, на тебѣ теперь крѣпкая, а потомъ ее сдерутъ съ тебя. Шкура-то новая выростетъ, а ты опять ее подставишь, а Иванъ-то Кириллычъ ее съ тебя сниметъ. Она опять подживетъ, а онъ опять ее съ тебя сдеретъ. Такъ-то вотъ!

Сидоръ Прохорычъ смолкъ и спокойнымъ, внимательнымъ взоромъ посмотрѣлъ въ печальные глаза Трофима. Тотъ слушалъ крикливую рѣчь старика, и какое-то жуткое чувство заползло въ его душу. Чѣмъ-то мрачнымъ, хотя и неяснымъ, но властнымъ вѣяло на него отъ этой рѣчи, и самъ старикъ,

своимъ мрачнымъ видомъ, какъ воронъ-вѣщунъ, пугалъ парня и смущалъ его. Трофимъ вздохнулъ, поднялъ глаза къ небу и осмотрѣлъ зубцы сосенъ, обрисовавшихся на ровной, безоблачной синевѣ, потомъ посмотрѣлъ въ чащу лѣса, перевелъ глаза на избу съ тесовой кровлей и со свѣтленькими оконцами и крылечкомъ, пріютившимся сбоку бѣлой липовой стѣны,—и вздохнулъ.

— Что же въ лѣсъ-то тебя понесло? дома-то, вѣрно, плохо?— послѣ длинной паузы, сухо спросилъ старикъ.

Трофимъ принялся излагать слушателю обстоятельства жизни въ деревнѣ. Началъ онъ съ голоднаго года, особенно подробно остановившись на томъ, какъ за безцѣнокъ пришлось распродать жалкій домашній скарбъ и скотъ. Потомъ съ увлеченіемъ и даже съ дрожью въ голосѣ описалъ жизнь послѣдующихъ лѣтъ, когда хозяйство уже въ корнѣ подорвалось, и, наконецъ, перешелъ къ минувшей зимѣ, съ новой голодовкой и „болѣстями", и опять, но уже вкратцѣ, изложилъ исторію своихъ скитаній въ городѣ и по Уфимкѣ, вмѣстѣ съ артелью вятскихъ крестьянъ, и закончилъ свою длинную рѣчь, перебравъ все, до поисковъ конторы Ивана Кириллыча включительно. Тронутый ли участью собесѣдника, или благодаря другимъ обстоятельствамъ, но только и старикъ размякъ и разговорился. И онъ заговорилъ о голодныхъ годахъ и жалѣлъ голодающихъ, а потомъ принялся разсказывать о лѣсѣ, о лѣсныхъ промыслахъ и о порядкахъ на нихъ, и особенно упиралъ на то обстоятельство, что въ лѣсу всегда нужны рабочія руки.

II.

— Подвело же у меня животъ-то! Страсть! — тихо, послѣ продолжительной паузы, промолвилъ Трофимъ.

Сидоръ Прохорычъ, къ которому, очевидно, была адресована жалоба на подведенный животъ, молча покосился на Трофима, слегка моргнулъ бровями и не проронилъ ни слова.

— Ночь скоро... солнышко-то сѣло. Вѣрно, и Иванъ Кириллычъ сейчасъ вернется, — тихо проговорилъ Сидоръ Прохорычъ и приподнялся.

Солнце сѣло. Небо омрачилось, и только на западной его части горѣла яркая заря. Въ лѣсу потемнѣло. Птички смолкли, притаились, и только въ овражкѣ, огибавшемъ вырубку, слышался шумъ вешней воды.

Старикъ ушелъ въ избу, и скоро въ окнахъ конторы засвѣтился огонекъ. Трофимъ остался на прежнемъ мѣстѣ, свернулъ

изъ бумаги „цыгарку“, закурилъ и задумался. Въ продолженіе всей весны онъ былъ самъ не свой. Оторванность отъ деревни, скитанья по чужой сторонѣ, среди незнакомаго люда, новая работа, новыя встрѣчи и новыя радости и разочарованія — развѣ этого мало, чтобы остановить вниманіе парня и заставить его голову работать по новому? Трофимъ посмотрѣлъ на освѣщенныя окна конторы, и ему припомнился Сидоръ Прохорычъ съ его насмѣшкой надъ его, Трофимовой, трусостью передъ чужой стороной. „Попробовалъ бы ты самъ, старый воронъ“, — подумалъ онъ. Воодушевленная проповѣдь старика о томъ, какъ надо отвоевывать у жизни счастье, была непонятна Трофиму.

Въ лѣсу, за овражкомъ, заржала лошадь; ей отвѣтила другая изъ небольшого сарайчика, приткнутаго сзади конторы. Въ лѣсу раздались человѣческіе голоса. Трофимъ уставился въ чащу лѣса, куда пряталась дорога. Когда всадники—ихъ было двое—перебрались черезъ оврагъ и появились на вырубкѣ, Трофимъ поднялся съ бревна.

Впереди ѣхалъ тучный мужчина. Широкое лицо его, съ рыжими усами и окладистой бородой, было сумрачно; изъ-подъ сдвинутаго на лобъ картуза смотрѣли узенькіе глазки съ пытливымъ выраженіемъ. Онъ храбро сидѣлъ на лошади и озирался по сторонамъ. За Иваномъ Кириллычемъ, на крошечной лошадкѣ, ѣхалъ приказчикъ Прокофьевъ, черноусый, чернобородый человѣкъ съ худощавымъ лицомъ и крошечной головой на узкихъ плечахъ.

Всадники осмотрѣли одинокую фигуру Трофима и молча прослѣдовали до крылечка конторы. Когда Трофимъ поздоровался съ будущимъ своимъ хозяиномъ, тотъ слегка прикоснулся къ фуражкѣ. Иванъ Кириллычъ скрылся въ избѣ, а приказчикъ повелъ лошадей въ сарай. Сквозь стекла окна Трофимъ видѣлъ, какъ лѣсопромышленникъ раздѣлся, помолился въ передній уголъ, расчесалъ голову и бороду и усѣлся возлѣ столика. Мимо Трофима молча прошелъ Прокофьевъ и скрылся въ сѣнцахъ конторы.

Въ лѣсу, за оврагомъ, снова послышались голоса, и Трофимъ обернулся. Въ полумракѣ наступившаго вечера онъ различалъ на дорогѣ, за оврагомъ, неясныя тѣни людей, слышалъ ихъ громкіе голоса, но шумъ ручья не давалъ ему возможности разслышать, о чемъ велась бесѣда приближавшихся людей.

На вырубкѣ показалось человѣкъ пять-шесть крестьянъ съ большими котомками за плечами; въ рукахъ почти каждаго изъ нихъ были или топоры, или пилы. Выйдя изъ лѣсу, люди смолкли:

казалось, Трофимъ смутилъ ихъ, невольно прервавъ оживленную бесѣду.

Ихъ было пятеро: сѣдой старикъ, съ громадной суковатой палкой въ рукахъ и въ полушубкѣ на широкихъ плечахъ; двое рослыхъ мужиковъ съ загорѣлыми лицами, темными, широкими бородами и крѣпкими, мозолистыми руками; остальные были подростки лѣтъ восемнадцати—двадцати. Всѣ они молча сняли свои котомки и расположились возлѣ того же бревна, гдѣ передъ этимъ отдыхалъ Трофимъ въ обществѣ Сидора Прохорыча. Подростки закурили „цыгарки", взрослые мужики о чемъ-то переговаривались вполголоса, а старикъ, съ тихой думой на лицѣ, уставился глазами въ озаренныя свѣтомъ окна конторы. Немного спустя, старикъ медленно побрелъ къ конторѣ, нерѣшительно взобрался на ступени, и фигура его потонула на темномъ фонѣ непритворенной двери въ сѣнцы.

Трофимъ подошелъ къ мужикамъ, расположившимся возлѣ бревна, и молча осмотрѣлъ ихъ лица. Тѣ тоже посмотрѣли на Трофима, но не проронили ни слова. Прислушавшись къ говору чернобородыхъ мужиковъ, Трофимъ скоро понялъ, что какое-то недовольство волнуетъ ихъ; при этомъ онъ слышалъ имя Ивана Кириллыча, „уговоръ" какой-то, о которомъ шла рѣчь, и разсужденія о какомъ-то „задаткѣ".

Трофимъ и остальные невольно обернулись: сквозь раму окна донесся изъ конторы грубый голосъ Ивана Кириллыча, и всѣ видѣли въ окнѣ его громадную фигуру съ жестикулирующими руками.

— Охота, тятенька, вздорить,—все равно ничего не выйдетъ!—замѣтилъ одинъ изъ подростковъ.—Пойти домой, да и все тутъ,—добавилъ онъ.

— Тебѣ домой бы скорѣе? Ну, ступай!—огрызнулся на него одинъ изъ спутниковъ, съ неудовольствіемъ посмотрѣвъ въ сторону конторы.

Темные сѣнцы озарились свѣтомъ, стукнула о косякъ дверь, и на крылечкѣ появился старикъ.

— Проклятый живодёръ, ничего ты съ нимъ не сговоришь!—громко проговорилъ онъ, подойдя къ товарищамъ, и опустился на бревно. Всѣ молчали: что надо было—то все уже давно переговорено. Разочарованная толпа лѣсныхъ рабочихъ съ ранняго утра была занята только этими безплодными разговорами съ Иваномъ Кириллычемъ. Между ними и лѣсопромышленникомъ вышло большое недоразумѣніе.

Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ въ деревню Кругловку, отстоящую

верстахъ въ сорока отъ „Маны-Горы", пріѣхалъ Иванъ Кириллычъ нанимать рабочихъ на весну. Иванъ Кириллычъ, какъ и всѣ лѣсопромышленники, уже нѣсколько лѣтъ практиковалъ одинъ и тотъ же пріемъ при наймѣ рабочихъ. Выждавъ, когда начнется обычная зимняя нужда, всѣ эти „Иваны Кириллычи", какъ вороны, налетаютъ на такія деревеньки, и тутъ начинается обычная деревенская кабала. Къ Рождеству деревня, обыкновенно, безъ хлѣба и денегъ; появившійся же въ такой глухой деревушкѣ Иванъ Кириллычъ—съ деньгами, а у Ивана Кириллыча—большіе лѣсные промыслы, куда потребны рабочіе;—и вотъ тутъ начинается заблаговременный наемъ. Никакихъ письменныхъ условій о работѣ чаще всего не дѣлается: открытый кредитъ лѣсопромышленника обезпечивается только роспиской нанявшагося на работу; подробности же условія самой работы договариваются словесно.

То же самое произошло и со старикомъ Никитою Зарубинымъ. Какъ глава семьи, занялъ онъ у Ивана Кириллыча двадцать рублей денегъ и пять пудовъ хлѣба, и поручился, что, съ наступленіемъ весны, онъ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями и двумя внучатами, будетъ вырабатывать *липовую плашку* въ лѣсахъ у „Маны-Горы".

Такое краткое условіе было засвидѣтельствовано въ волостномъ правленіи, а подробности договора—словесно. Договорились стороны: одна получила, въ видѣ задатка, деньги и хлѣбъ; а другая, совершивъ выгодную операцію, поѣхала въ сосѣднюю деревушку, для вербовки такихъ же злополучныхъ Зарубиныхъ. По словесному договору, Никита Зарубинъ съ семьей долженъ былъ вырабатывать для Ивана Кириллыча плашку по восьми рублей за тысячу штукъ. Съ такимъ разсчетомъ и съ представленіемъ о будущемъ заработкѣ покинула родную деревеньку семья Никиты Зарубина и появилась на промыслахъ Ивана Кириллыча, какъ дѣлала это и двѣ предшествующія весны. Каково же было разочарованіе рабочихъ, когда изъ первыхъ же словъ нанимателя выяснилось, что онъ намѣренъ выплачивать за тысячу плашекъ всего пять съ половиною рублей или „много-много—шесть рублей". Такъ заявилъ Иванъ Кириллычъ ошеломленнымъ отъ неожиданности крестьянамъ. Знали они, по личному опыту, что и раньше Иванъ Кириллычъ прижималъ ихъ и никогда не выполнялъ въ точности договора, но такого поведенія съ его стороны они не ожидали. Продешевить заработокъ на цѣлые два рубля съ тысячи плашекъ, когда и безъ того цѣна была ниже нормальной! Это обстоятельство обезкуражило наголодавшихся за

зиму мужиковъ, и тутъ только они поняли, что̀ за гусь этотъ Иванъ Кириллычъ. Послѣдній, однако, довольно спокойно относился къ этому столкновенію: для него было ясно, что не онъ въ рукахъ Зарубина, а этотъ старикашка — въ его твердыхъ, ежовыхъ рукавицахъ. Долго бесѣдовали стороны, сначала мирно, потомъ начинали горячиться. Рѣшеніе Ивана Кириллыча оставалось неизмѣннымъ: онъ наотрѣзъ заявилъ рабочимъ, что платить будетъ только пять съ половиною рублей, а если плашка выйдетъ хорошей, то по шести рублей съ тысячи.

На крылечкѣ появился Иванъ Кириллычъ.

— Эй, Никита! Идите-ка сюда всѣ!—крикнулъ онъ.

Въ голосѣ его слышались безповоротно рѣшительныя ноты.

Рабочіе поднялись и подошли къ крыльцу; сзади нихъ медленно побрелъ и Трофимъ.

— Ну, вотъ что̀, ребята, окончательное вамъ слово: шесть рублей за тысячу я вамъ дамъ, а если понравится работа—прибавлю полтинничекъ...

— Что̀ ужъ, Иванъ Кириллычъ, Бога-то гнѣвить! Цѣлый день говорили, говорили—а никакого толку нѣтъ,—началъ Никита.—По условію-то, по восьми рубликовъ сошлись, а-нъ теперь—на-попятную... Нехорошо это, Иванъ Кириллычъ; мнѣ семьдесятъ годковъ стукнуло: слава Богу, прожилъ вѣкъ.

— Ну̀, что̀ тамъ говорить!—перебилъ его лѣсопромышленникъ.—Ты прожилъ, ты и радуйся своему долголѣтію. Это не мое дѣло; а лучше вотъ скажите мнѣ послѣднее слово: согласны, или нѣтъ; нѣтъ, такъ и съ Богомъ. Придется росписочку-то представить, куда слѣдуетъ.

— Что-жъ, представляй, Иванъ Кириллычъ,—все равно, ничего не возьмешь: нечего, стало, и взять-то,—тихо промолвилъ Никита.

На крылечкѣ появился Сидоръ Прохорычъ; съ ехидной улыбочкой на лицѣ прислонился онъ къ дверному косяку и молча посматривалъ на кучку мужиковъ.

— Ну, не согласны, такъ—съ Богомъ! Завтра я уѣду отсюда; можетъ быть, за ночь-то пораздумаете...

Иванъ Кириллычъ спокойнымъ голосомъ произнесъ послѣднюю фразу и скрылся въ конторѣ.

— Эхъ, робята, робята! Столько верстъ шли—и все даромъ! Согласитесь ужъ на то, что̀ даютъ, а то что̀? За какую награду грязь-то мѣсили, шли!—увѣщевалъ рабочихъ Сидоръ Прохорычъ.

— Не тебѣ, Прохорычъ, учить старика Никиту,—въ дѣти ты мнѣ годишься,—отвѣтилъ ему Зарубинъ.

— Въ дѣти годишься! Ха-ха!—разсмѣялся Сидоръ Прохорычъ и повернулъ въ сѣнцы, унося на своемъ лицѣ ехидную улыбочку.

III.

На другой день Трофимъ проснулся рано утромъ: его разбудилъ громкій говоръ Никиты, который расталкивалъ своихъ заспавшихся товарищей. Раскрывъ глаза и приподнявъ голову, Трофимъ посмотрѣлъ на заспанныя физіономіи рабочихъ, окинулъ взоромъ потухшій костеръ—и разомъ все припомнилъ: вчера вечеромъ онъ пристроился у костра, разложеннаго Никитою.

Незнакомцы, пріютившіе Трофима, казалось, не замѣчали его, хотя охотно дали ему возможность провести ночь у огня, а когда поставленный въ огонь котелокъ съ кашицей вскипѣлъ, старикъ Никита предложилъ ему съ ними поужинать.

— На работу, вѣрно, пришелъ?—коротко спросилъ старикъ.—Трофимъ отвѣтилъ утвердительно и снова принялся жаловаться на свою жизнь. Присутствовавшіе молчаливо прослушали эту жалобу неизвѣстнаго встрѣчнаго и скоро улеглись спать.

Хмурыми и молчаливыми проснулись Никита и его товарищи и въ это яркое солнечное утро: точно невеселыя думы, съ какими они уснули вчера, проснулись вмѣстѣ съ ихъ пробужденіемъ. Вставъ, умывшись водой сосѣдняго ручья, они на-скоро сварили себѣ кашицу и принялись ѣсть, подкрѣпляя силы къ путешествію „на свою сторону“, послѣ неудачной прогулки на промыслы. Когда неудачники закусили и принялись собираться въ путь, на крылечкѣ конторы появился Иванъ Кириллычъ въ сопровожденіи Сидора Прохорыча. Лѣсопромышленникъ мелькомъ, какъ бы нечаянно, глянулъ въ сторону кучки людей, переночевавшихъ около ручья, и заговорилъ о чемъ-то со старикомъ-дядей, размахивая руками и изрѣдка кивая головой куда-то направо, въ лѣсъ. Минутъ черезъ пять онъ сѣлъ на лошадь, осѣдланную приказчикомъ и выведенную изъ сарайчика, и неторопливо поѣхалъ. Огибая по дорогѣ контору, онъ еще разъ глянулъ въ сторону Никиты, какъ бы задаваясь вопросомъ, „не передумали ли вѣроломы за ночь?“—и скрылся въ чащѣ лѣса. Ни Никита, ни кто-либо изъ его семьи не перемѣнили своего рѣшенія. Не торопясь, обули они лаптишки, перевязали котомки, поудобнѣе размѣстили ихъ за плечами и молча двинулись. Когда за лѣсомъ скрылась фигура старика Никиты, отставшаго отъ

товарищей, Трофимъ усѣлся возлѣ потухающаго костра и задумался. Ему вдругъ стало грустно отчего-то, сердце его точно упало: ему казалось, что съ уходомъ этихъ неизвѣстныхъ ему людей, такъ ласково пріютившихъ его вчера и даже накормившихъ его,—порвалась какая-то нить, связывавшая его съ міромъ, съ людьми, и теперь онъ остался одинокимъ,—и снова знакомое ему чувство охватило его. Съ какимъ-то страхомъ осмотрѣлъ онъ вырубку, бревенчатую избу со свѣтлыми оконцами, вспомнилъ Сидора Прохорыча, его насмѣшливые глаза и рѣчи; припомнилъ онъ также и Ивана Кириллыча съ его равнодушно-спокойнымъ, жирнымъ лицомъ—ото всего этого вѣяло чѣмъ-то холоднымъ и непріятнымъ.

— Слышь-ка, парень! Какъ тебя, Трофимъ, что-ли?

Трофимъ поднялся. У тесоваго крылечка стоялъ Сидоръ Прохорычъ, съ обнаженной головой; къ нему приближался бородатый приказчикъ. Послѣдній подошелъ къ костру и принялся движеніемъ ногъ набрасывать землю на потухавшія головни, ворча:

— Черти! уйдутъ и не потушатъ... пожаръ еще надѣлаютъ...

Поворчавъ и сравнявъ слѣды, оставленные ночлежниками, онъ обратился къ Трофиму:

— Пойдемъ, на „прудки“ сведу, а тамъ и работа будетъ...

Трофимъ нерѣшительно подошелъ къ Сидору Прохорычу и проговорилъ:

— А насчетъ платы-то... какъ же?

— Ну, чего ты еще „насчетъ платы“,—какъ бы передразнивая Трофима, выпалилъ Сидоръ Прохорычъ:—не обидятъ. Какъ всѣ получаютъ, такъ и ты получишь,—добавилъ онъ, и повернулся къ нему спиною, направляясь въ избу.

— Вотъ тоже хлѣбъ у меня весь вышелъ,—еще нерѣшительнѣе проговорилъ Трофимъ.

— Хлѣбъ? Ну, хлѣбъ—другое дѣло. Хлѣба-то я тебѣ дамъ,—отвѣтилъ старикъ и вышелъ на крылечко. Сидоръ Прохорычъ на минуту скрылся въ сѣнцахъ, потомъ вновь появился и подалъ Трофиму краюху хлѣба.

— Вотъ тебѣ—ѣшь,—проговорилъ старикъ и скрылся, плотно притворивъ за собою дверь.

Полчаса спустя, Трофимъ и приказчикъ Прокофьевъ шли лѣсомъ. Узкая, но хорошо проторенная тропа вела ихъ къ „прудкамъ“. Часто приходилось имъ перебираться черезъ болота или переходить неглубокіе овражки, по дну которыхъ змѣились громогласные ручьи вешней воды. Приказчикъ шелъ все время молча, да и Трофиму какъ-то не говорилось. Шлепая лаптишками по

сырой землѣ, онъ все время раздумывалъ о платѣ и, наконецъ, не вытерпѣлъ и промолвилъ:

— А много-ль платятъ-то?

Спрошенный на секунду пріостановился, какъ бы для того, чтобы вслушаться въ слова Трофима, и послѣ короткой паузы отвѣтилъ:

— Заплатятъ, какъ всѣмъ. Обиды не будетъ. Тоже вотъ и харчи получишь. Хлѣба вотъ дали, а работы-то твоей еще не видѣли.

Трофимъ согласился съ этимъ неопровержимымъ доводомъ приказчика и успокоился. Пройдя версты полторы отъ конторы, Прокофьевъ остановился и проговорилъ:

— Вотъ, какъ эту балку минуешь, поднимешься на гору, а потомъ опять спустишься къ рѣчкѣ: тутъ тебѣ и будутъ прудки. А тамъ придешь на прудки-то и спросишь Валея, башкирца, и скажешь ему, молъ, Иванъ Кириллычъ на работу прислалъ.

— Такъ и сказать?—переспросилъ Трофимъ, но приказчикъ, будто не разслыша вопроса, промолчалъ и повернулъ назадъ.

Миновалъ Трофимъ балку, поднялся въ гору—и передъ нимъ, за грядой лѣса, открылась широкая вырубка, заваленная сучьями, стволами деревъ, и съ одиноко стоявшими, не осиленными человѣкомъ, вѣковыми дубами. Влѣво, подъ уклономъ, онъ замѣтилъ синеватую струйку дыма, поднимавшуюся къ небу, а минуту спустя разсмотрѣлъ и жилища рабочихъ. На днѣ лощины, у самой рѣчки, виднѣлись три балагана. Это были довольно незатѣйливыя постройки. На двухъ стойкахъ, врытыхъ въ землю, покоились толстыя жерди, а къ нимъ наклонно были приставлены лубки, закрытые сверху вѣтвями елей и пихтъ; такими же зеленѣвшими стѣнками были огорожены балаганы и съ боковъ. У отверстій балагановъ, обращенныхъ къ рѣчкѣ, ярко горѣли и дымились костры. Въ сторонѣ, разбившись на двѣ неравныя группы, вокругъ дощатыхъ помостовъ сидѣли рабочіе и завтракали. Трофимъ подошелъ къ нимъ и промолвилъ:

— Хлѣбъ-соль.

— Спасибо,—отвѣтилъ кто-то.

Рабочихъ было человѣкъ десять. Тутъ были русскіе, въ ситцевыхъ рубахахъ, съ всклокоченными космами на головахъ; были и башкиры, въ своихъ длинныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ, съ загорѣлыми бронзовыми лицами и съ тюбитеями на бритыхъ головахъ. Трофимъ спросилъ Валея и передалъ все, что наказывалъ ему приказчикъ.

Одинъ изъ трехъ башкиръ, сидѣвшихъ нѣсколько поодаль отъ большой группы рабочихъ, здоровый, плечистый богатырь, съ широкимъ, скуластымъ лицомъ, обрамленнымъ темноватой бородкой, и съ темными, какъ угольки, глазами, уставился на вновь прибывшаго и коротко отвѣтилъ:

— А-а! Ярарь (ладно)!—Башкирецъ принялся ѣсть, а Трофимъ растерянно осмотрѣлъ его грузную фигуру и большую голову, которая была прикрыта тюбитеемъ съ длинной кисточкой на макушкѣ.

— Айда! Садись, похлебай!—услышалъ Трофимъ.

Съ такимъ предложеніемъ обратился къ нему человѣкъ лѣтъ тридцати, съ рыжими усами и плохо выбритымъ подбородкомъ, на которомъ щетинились темнорыжіе волосы. Такіе же лохматые волосы густой шапкой окружали его голову и спутанными прядями спускались на узкій лобъ. Сѣрые, слегка прищуренные глаза пытливо остановились на парнѣ. Трофимъ не сразу рѣшился присѣсть къ кружку рабочихъ.

— Ну, что же ты? Эхъ, братъ, какой! Точно изъ деревни!—насмѣшливо проговорилъ тотъ же рыжій рабочій, искоса окинувъ лукавымъ взоромъ присутствовавшихъ, изъ которыхъ нѣкоторые улыбались.

— А то откуда же? Знамо, изъ деревни,—огрызнулся и Трофимъ, обидѣвшись. Кто-то изъ рабочихъ громко разсмѣялся.

— Это и видно!—добавилъ тотъ же рыжій зубоскалъ:—здѣсь, братъ, въ лѣсу-то, похрабрѣе будь, а то волки съѣдятъ.

Трофимъ опустился на землю и придвинулся къ чашкѣ, на днѣ которой виднѣлась бурая похлебка. Одинъ изъ башкиръ, парень лѣтъ восемнадцати, кинулъ къ ногамъ Трофима собственную ложку, провелъ ладонями по лицу и тихо прошепталъ: „Алла“!

Къ концу завтрака рабочіе ѣли молча и спѣшно, посматривая на Валея, который время отъ времени поторапливалъ всѣхъ, выкрикивая: „Айда! айда! Консяй, консяй“!

Трофиму не понравился этотъ горластый башкирецъ, понуканіямъ котораго были такъ послушны остальные; не нравились ему и темные сердитые глаза башкирца, и широкія брови надъ ними, которыя все время хмурились и шевелились вмѣстѣ съ бронзовыми, поросшими щетиною скулами. Наконецъ, великанъ бросилъ ложку, помолился и приподнялся. Покончившая съ завтракомъ кучка людей заколыхалась: одни молились, крестясь и шопотомъ произнося молитву; другіе рылись въ собственныхъ котомкахъ, убирали ложки и чашки.

— Теперь и закурить можно!—выкрикнулъ рыжій рабочій, и весело посмотрѣлъ на Трофима. — Такъ, Абдрахманка?—обратился онъ къ сосѣду-башкирцу, съ безусымъ лицомъ и открытыми темными глазами. Тотъ широко улыбнулся, обнажая бѣлые зубы и сверкая бѣлками глазъ, и потянулся къ кисету сосѣда.

— Айда! айда! Мирошка! Абдрахманъ!—окрикнулъ рабочихъ Валей съ лопатою въ рукахъ.

— Не торопись... сейчасъ... покуримъ только,—отвѣтилъ за себя и за товарищей рыжій Мирошка.

— А этотъ-то, вѣрно, приказчикъ?—освѣдомился Трофимъ, указывая на Валея.

— Ха-ха! Приказчикъ! Много такихъ!—Мирошка захохоталъ, а потомъ злобно прибавилъ:—Просто—собака... собака, да и только, да еще зубастая. Только на зубастыхъ-то собакъ и палка о двухъ концахъ!.. Такъ, Абдрахманъ?—Молодой башкирецъ снова разсмѣялся.

Немного спустя, рабочіе раздѣлились на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, человѣкъ въ пять, вооружилась лопатами и заступами и по тропинкѣ направилась вдоль рѣчки. Впереди всѣхъ шелъ низенькій, коренастый мужикъ въ солдатской фуражкѣ съ бѣлымъ засаленнымъ околышемъ; цѣпь замыкалъ Мирошка. Выпуская изо рта густые клубы табачнаго дыма, онъ весело разсказывалъ что-то своему пріятелю Абдрахманкѣ и размахивалъ руками. Трофимъ видѣлъ, какъ вся эта толпа скрылась за опушкой лѣса, откуда доносился теперь неясный говоръ, смѣхъ и трескъ сучьевъ подъ ногами.

Трофимъ остался въ партіи Валея, который все время ворчалъ и торопилъ рабочихъ приниматься за дѣло. Когда пришли на мѣсто работы, Трофимъ впервые увидѣлъ, что такое „прудки", о которыхъ раньше онъ только слышалъ. Невысокій, но широкій земляной валъ насыпался съ обоихъ береговъ рѣчки, все болѣе и болѣе съуживая русло и образуя небольшой бассейнъ мутной воды. По мѣрѣ того, какъ углублялась и расширялась выемка по откосамъ овражка и росла насыпь—рѣчка становилась уже. Тутъ же на берегу заготовлена была рама изъ толстыхъ бревенъ, которую потомъ укрѣпляли въ верхней части плотины на случай безопасности, если дождевые ливни поднимутъ уровень воды, грозя размыть наскоро сооруженную и не очень-то прочную плотину.

Подойдя къ строящейся плотинѣ, Валей указалъ Трофиму на тачку и небрежно выговорилъ:

— Вонъ, бери: земля будешь таскать!..

Трофимъ уже работалъ когда-то съ тачкой, поэтому обрадовался, что на его долю выпала знакомая работа. Умѣлыми руками ухватился онъ за рукоятки тяжелой, грубо сколоченной изъ досокъ тачки, повернулъ ее, направилъ колесико на дощатый помостъ и, быстро шагая, спѣшилъ догнать остальныхъ тачечниковъ. Благодаря частымъ окрикамъ Валея, работа спорилась. Трофимъ присмотрѣлся къ своимъ сотоварищамъ по работѣ, которые такъ же, какъ и онъ, нагружали тачки землею, по дощатому помосту провозили ихъ до насыпи, ссыпали землю и вновь возвращались къ выемкѣ на склонѣ оврага. Одинъ изъ тачечниковъ былъ сѣдой старикъ-башкирецъ, съ клочьями жидкихъ, посѣдѣвшихъ волосъ на подбородкѣ. Лицо у него было сморщенное, старческое, глаза тусклые, глубоко ввалившіеся въ орбиты. Подъ тяжестью тачки, виснувшей своимъ грузомъ на рукахъ, онъ тяжело дышалъ, останавливался иногда на пути, чтобы передохнуть, а потомъ снова напрягалъ силы, скрючивалъ спину и, нетвердо ступая, катилъ тачку къ насыпи. Двое другихъ были русскіе: парень лѣтъ двадцати, плечистый, кривоногій, съ широкимъ шрамомъ у лѣваго глаза, и мужикъ, уже немолодой, но еще крѣпкій на видъ, хотя съ замѣтной просѣдью въ головѣ и въ бородѣ. Вмѣстѣ съ Валеемъ на насыпи работали его братья. Одинъ изъ нихъ разгребалъ и разравнивалъ лопатою землю, ссыпанную тачечниками, а другой громаднымъ деревяннымъ шестомъ убивалъ эту землю, топталъ ногами, стараясь сдѣлать насыпь плотной и водоупорной. Самъ Валей расхаживалъ по насыпи, промѣрялъ длину и ширину ея, или спускался къ водѣ и принимался измѣрять ея уровень.

Трофимъ скоро разговорился съ парнемъ, котораго звали Силантіемъ, разсказалъ ему о своихъ мытарствахъ и въ свою очередь разспросилъ парня обо всемъ, что̀ его интересовало въ новыхъ условіяхъ жизни. Силантій оказался словоохотливымъ; къ Трофиму, какъ къ новичку, онъ отнесся участливо.

Они усѣлись на тачкахъ, нагруженныхъ землею, закурили и стали бесѣдовать.

— Вотъ только плата-то не важная,—говорилъ Силантій,— а работа, самъ увидишь, какая.

— А сколько платы?—полюбопытствовалъ Трофимъ.

— Двадцать копѣекъ за день обѣщалъ разсчитать Иванъ Кириллычъ...

— А харчи?..

— Видѣлъ, какіе харчи-то? Третью недѣлю работаю тутъ,

а окромя хлѣба да вотъ этого варева, что̀ хлебали, ничего и не видѣли... А обѣщалъ хозяинъ сала давать и чаю кирпичнаго...

— Эй, ты! Силантья! Чява̀ сидишь—работа̀й!—густымъ голосомъ окрикнулъ Валей бесѣдовавшихъ, стоя посреди насыпи и опираясь руками на палку, которою онъ обмѣривалъ насыпь. Первымъ соскочилъ съ тачки Трофимъ и ухватился за гладкія рукоятки, а Силантій проворчалъ что-то сквозь зубы, заплевалъ окурокъ цыгарки и тоже послѣдовалъ примѣру товарища.

— Этотъ-то что̀ больно кричитъ?—освѣдомился Трофимъ, сдвигая съ мѣста тачку.

— Это такая собака, что упаси Богъ! Онъ, вишь ты, дошлый по части прудковъ-то, всегда тутъ стоитъ. Ну, вотъ, и глотку широкую ему надо имѣть...

Работа продолжалась; насыпь росла съ каждымъ часомъ, съуживая проходъ рѣчки. Незадолго до обѣда, Трофимъ замѣтилъ возлѣ балагановъ молодого башкирца, одного изъ братьевъ Валея, который великодушно уступилъ ему свою ложку. Отъ Силантія онъ узналъ, что это кашеваръ артели и распорядитель. Весь этотъ день прошелъ для Трофима незамѣтно. Новизна положенія, новыя лица и новая работа увлекли его, незамѣтно заинтересовывая, и ночью, засыпая подъ навѣсомъ балагана, внутренность котораго озарялась пламенемъ костра, онъ былъ спокоенъ и ни о чемъ не думалъ.

IV.

Прошло недѣли двѣ съ тѣхъ поръ, какъ Трофимъ началъ работать на промыслахъ Ивана Кириллыча. За это время въ лѣсу не произошло никакихъ выдающихся событій, все шло тихо и гладко, и работа подвигалась къ концу. Два прудка—одинъ недалеко отъ балагановъ, а другой—въ полуверстѣ отъ нихъ внизъ по рѣчкѣ—были почти уже закончены; оставалось только вставить водоспуски, да кое-гдѣ задѣлать между сваями отверстія, размытыя непокойной лѣсной рѣчкой. Дни одинъ за другимъ проходили съ томительнымъ однообразіемъ. Рабочіе поднимались утромъ съ зарею, хлебали неизмѣнную бурую кашицу и принимались за работу подъ наблюденіемъ грознаго Валея и угрюмаго, молчаливаго приказчика Прокофьева. Раза два въ недѣлю на прудкахъ появлялся и самъ Иванъ Кириллычъ, бѣгалъ по плотинѣ на своихъ короткихъ ножкахъ, размахивалъ руками, а иногда подолгу съ дѣловымъ видомъ бесѣдовалъ съ Валеемъ.

Съ каждымъ днемъ все чаще и чаще стали поговаривать въ артели о прибытіи новыхъ рабочихъ, спеціалистовъ по выдѣлкѣ луба и мочала. Однажды и самъ Иванъ Кириллычъ разговорился на эту тему съ Валеемъ и приказчикомъ и удивлялся, что такъ долго не появляются за зиму законтрактованные рабочіе. Запаздываніе ихъ безпокоило хозяина, потому что наступалъ тотъ весенній періодъ, когда всего легче снималась кора съ липы, благодаря чему мочало и лубъ являлись на рынокъ съ большей цѣнностью... Наконецъ, какъ-то вечеромъ, промысловые заслышали въ лѣсу конское ржаніе и гулъ человѣческихъ голосовъ. Въ сопровожденіи Сидора Прохорыча къ балаганамъ прибыли долго ожидаемые рабочіе. Это были крестьяне, крѣпкіе съ виду и съ дѣловымъ выраженіемъ на широкихъ загорѣлыхъ лицахъ. Ихъ было человѣкъ шесть-семь. Всѣ они были верхами; по бокамъ каждой лошади были навьючены холщевые мѣшки съ пожитками. Нѣкоторые изъ нихъ были съ топорами за поясомъ, другіе—съ пилами. Переночевавъ кое-какъ возлѣ балагановъ раньше поселившихся рабочихъ, утромъ на другой день они приступили къ сооруженію собственныхъ жилищъ. Мѣсто для своихъ построекъ они выбрали нѣсколько поодаль отъ балагановъ землекоповъ и принялись за работу съ дѣловыми разговорами, совѣтами, и были, очевидно, заняты мыслью поудобнѣе обосноваться на все лѣто. Вообще, вновь прибывшіе держались какъ-то въ сторонѣ отъ землекоповъ. Послѣдніе, въ свою очередь, замѣтили, что и отношеніе хозяина и приказчика къ „спеціалистамъ“ не похоже на ихъ отношеніе къ разноплеменной артели строителей прудковъ. Скоро выяснилось, что различіе это касается и условій работы и найма, а также и характера жизни новыхъ рабочихъ: заработокъ землекоповъ зависѣлъ отъ произвола Ивана Кириллыча; заработокъ спеціалистовъ по обработкѣ мочала и луба зависѣлъ отъ нихъ самихъ: они получали опредѣленную плату за пудъ выдѣланнаго мочала и за лубъ по разсчету толщины дерева въ вершкахъ.

Дня черезъ два прибыла еще партія рабочихъ, и вслѣдъ за ними появились спеціалисты по обработкѣ плашки, вмѣсто семьи Никиты—и глухой лѣсной уголокъ замѣтно оживился. Съ ранняго утра до поздняго вечера рабочіе ходили по лѣсу, валили деревья подъ корень, снимали кору, и при помощи лошадей подтаскивали древесину къ прудкамъ, куда ее и сваливали, набрасывая сверху для тяги толстыя бревна, отчего вода въ прудкахъ поднималась. Ночью возлѣ балагановъ зажигались костры, слышался говоръ, шумъ, конское ржаніе, а иногда по вечерамъ со

стороны балагановъ спеціалистовъ слышались звуки гармоники и хоровое пѣніе. Антагонизмъ между „спеціалистами“ и землекопами выросъ самъ собою. Въ средѣ первыхъ была какая-то стройность, дѣловитость, солидность; среди вторыхъ—полнѣйшая разобщенность, обусловленная разноплеменностью случайно столкнувшихся несчастливцевъ-голышей, безжалостно эксплоатируемыхъ предпріимчивымъ Иваномъ Кириллычемъ.

Такъ какъ спеціалисты нашли прудки не вполнѣ законченными, то и для землекоповъ началась горячка. Съ утра до вечера торчавшій на прудкахъ Сидоръ Прохорычъ, приказчикъ Валей и чаще обыкновеннаго появлявшійся Иванъ Кириллычъ положительно не давали покоя ни Трофиму, ни его товарищамъ по работѣ. Утромъ поднимали ихъ раньше обыкновеннаго, торопили во время обѣда и отдыха, а съ работы отпускали, когда солнышко уже пряталось за лѣсомъ, заря потухала и наступала ночь. Однажды пришлось даже работать въ воскресенье, хотя русскіе рабочіе согласились на это не сразу, и только обѣщаніе Ивана Кириллыча поднести желающимъ работать по шкалику водки сверхъ поденной платы соблазнило рабочихъ, и они согласились. Вечеромъ этого дня работу окончили раньше обыкновеннаго и торжественно приняли изъ рукъ хозяина обѣщанное. Выпитая водка только растравила заморенныхъ и утомленныхъ людей, и скоро вокругъ хозяина образовалась толпа, просящая выдать часть заработанныхъ денегъ. Иванъ Кириллычъ наотрѣзъ отказался исполнить просьбу рабочихъ, отговариваясь неимѣніемъ мелкихъ, но въ сущности опасаясь, какъ бы загулявшіе рабочіе не провели слѣдующій день праздно.

Согласно словесному договору, Иванъ Кириллычъ обязанъ былъ выплатить поденьщину только послѣ того, когда прудки будутъ имъ приняты совершенно готовыми для своего назначенія; но въ договорѣ былъ, однако, и такой пунктъ, что если вся артель, за общей порукой, пожелаетъ получить треть заработка, то хозяинъ не можетъ имъ отказать въ этомъ. Рабочіе старались опереться на этотъ пунктъ условія, но предприниматель постарался истолковать его въ невыгодномъ для рабочихъ смыслѣ и снова отказалъ имъ.

Больше другихъ возмущались этимъ отказомъ Мирошка, Абдрахманъ и старикъ Нурей. Послѣдній, со слезами на глазахъ, доказывалъ предпринимателю справедливость своихъ требованій, жестикулируя руками, злобно проклиная кого-то или призывая на помощь Аллаха. Иванъ Кириллычъ молча выслушалъ горячую

рѣчь старика и, окинувъ взоромъ присутствовавшихъ, тихо проговорилъ:

— Чортъ его знаетъ, что онъ лопочетъ по своему-то... пособачьему...

— А коли, Иванъ Кириллычъ, не понимаете Нурея, такъ послушайте меня!—началъ все время молчавшій и со злобой въ глазахъ посматривавшій на хозяина Мирошка:—теперича прудки-то мы вамъ почитай-что закончили, да и проработали-то вотъ... ужъ теперь двадцать-пять дёнъ. А по уговору-то вы намъ должны дать третью часть, коли всѣ за общей порукой просимъ!—продолжалъ онъ, ближе придвигаясь къ Ивану Кириллычу.

— Ха-а!.. Ахъ, ты, Мирошка, Мирошка! Да какая же за вами порука? Ты ли, Нурей ли, Трофимъ ли: всѣ вѣдь вы изъ-подъ бора да изъ-подъ сосенки. Развѣ вы артель? А? Живете, какъ псы,—прости Ты мнѣ, Господи!—грызетесь между собой, какъ собаки, да и работаете-то изъ-подъ кнута! Ну, какая вы артель? Ха-ха! Круговая порука!..

Иванъ Кириллычъ разсмѣялся и снова обвелъ присутствовавшихъ веселыми глазами, предварительно потрогавъ за рукавъ Прокофьева, какъ бы спрашивая того: „правда, вѣдь“? Приказчикъ слегка усмѣхнулся, видимо соглашаясь съ хозяиномъ, но считалъ для себя излишнимъ ввязываться въ споръ.

— А вы бы, Иванъ Кириллычъ, не наймали, коли артель плоха,—возражалъ Мирошка: — артель-то плоха, — продолжалъ онъ, — а вотъ, посмотрите-ка,—прудки-то почитай что закончены!

— Э-ге, до конца-то еще, братъ, далеко!

— Чего далеко-то? Вотъ и Валей скажетъ—много ли еще работы?—приставалъ Мирошка, но Валей молчалъ, не подтверждая его словъ, для хозяина же такія доказательства были, должно быть, недостаточно убѣдительны.

До поздней ночи велся этотъ разговоръ рабочихъ съ предпринимателемъ, и ничѣмъ благопріятнымъ для первыхъ не кончился. Иванъ Кириллычъ взобрался на свою саврасенькую кобылу и уѣхалъ, сопровождаемый ропотомъ рабочихъ.

— Вотъ-то попали... къ анаѳемѣ проклятой!.. Ну, и жила! —возмущался Силантій, когда въ сумракѣ наступавшей ночи потонули силуэты двухъ лошадей и всадниковъ, хозяина и приказчика.

— Ничего! Не горюй! Свое возьмемъ! — вставилъ, ни къ кому не обращаясь, Мирошка и присѣлъ къ костру, который, разгорѣвшись яркимъ столбомъ, озарялъ взволнованныя и недо-

вольныя лица рабочихъ. Всѣ одинаково были возмущены поведеніемъ хозяина, каждый по своему старался объяснить это поведеніе, и каждый, какъ умѣлъ, отозвался на происходившее, одинаково близкое всѣмъ. Были въ числѣ рабочихъ такіе, какъ Трофимъ, которые казались пассивными наблюдателями и никуда негодными защитниками собственныхъ интересовъ. Другіе, напротивъ, вступали въ споръ, но эта попытка ничѣмъ не увѣнчалась. Нурей, напримѣръ, вѣчно молчаливый и угрюмый старикъ, со слезами на глазахъ доказывалъ свою правоту, но его рѣчь была непонятна Ивану Кириллычу, а быть можетъ, тотъ и не хотѣлъ понять ее,—и всѣ волненія старика оказались напрасными. Силантій и угрюмый солдатъ Игнатъ тоже не вытерпѣли и высказали свои соображенія, но это были неубѣдительные доводы: Игнатъ все время твердилъ о какихъ-то мірскихъ недоимкахъ, до которыхъ Ивану Кириллычу не было никакого дѣла, а Силантій обращалъ вниманіе хозяина на свои порты и рубаху, которые „съ плечъ лѣзутъ". Даже Мирошка, смѣлый и зубастый мужикъ, и тотъ не сразу сообразилъ, откуда надо подойти къ „жоху и выжигѣ". Онъ понималъ, конечно, что никакой круговой поруки между ними, людьми „изъ-подъ бору, да изъ-подъ сосенки", быть не можетъ, и это еще больше злило его: работа произведена ими сообща, право получить заработокъ у всѣхъ одинаковое, а складу и ладу между ними нѣтъ.

Не въ первый разъ приходилось ему спорить изъ-за денегъ съ лѣсопромышленниками, купцами и приказчиками. Задержитъ, бывало, кто-нибудь изъ представителей заработную плату, или при разсчетѣ оштрафуетъ за какую-нибудь провинность или за испорченные инструменты—Мирошка проситъ; если просьба не дѣйствуетъ, начинаетъ приставать и клянчить; если и это не помогаетъ, онъ сердится и начинаетъ браниться съ „выжигой", а потомъ обругаетъ хозяина при всѣхъ и пойдетъ искать другой работы. Такіе нерѣдко повторявшіеся случаи сдѣлали Мирошку недовѣрчивымъ ко всѣмъ, кто его нанималъ. Зналъ только онъ, что тамъ—въ городѣ, на чугункѣ, на пристаняхъ, вообще, на людяхъ—бороться и отстаивать свои права легче, а здѣсь, въ лѣсной глуши, Иванъ Кириллычъ казался ему неумолимымъ и сильнымъ.

Занятый такими соображеніями, Мирошка сидѣлъ у костра и молчалъ. Молчали и другіе, неохотно принимаясь за пустую, мутную похлебку.

Другія думы волновали въ это время Валея. Полулежа на мягкой кошмѣ у своего балагана вмѣстѣ съ братьями, онъ пилъ

густой кирпичный чай, обливаясь потомъ, и соображалъ, сколько придется ему получить послѣ того, какъ прудки будутъ сданы. Башкиру хотѣлось возможно скорѣе разсчитаться съ Иваномъ Кириллычемъ, чтобы перебраться на другое мѣсто, гдѣ онъ также условился наблюдать за ходомъ работъ. Валей былъ недоволенъ рабочими „изъ-подъ бора да изъ-подъ сосенки" и даже сердился на Ивана Кириллыча, что тотъ, ради экономіи, набралъ на земляныя работы кого попало, предпочтя дешевыхъ бродяжекъ рабочимъ, знающимъ свое дѣло. Это недовольство онъ вымещалъ на рабочихъ, что̀ называется, выжимая изъ нихъ соки, не давая имъ ни отдыха, ни покоя. Онъ же былъ и причиной того, что Иванъ Кириллычъ, вообще прижимистый купецъ, сдѣлался еще скупѣе и на своихъ дешевыхъ землекоповъ смотрѣлъ какъ на личныхъ враговъ.

— А... нечего... порядочная онъ собака! — наконецъ, проговорилъ долго молчавшій Мирошка.—А? Абдрахманъ?—вдругъ воскликнулъ онъ, ударивъ по колѣну пріятеля:—чего ты носъ-то повѣсилъ?

— Арока (водки) вотъ іокъ (нѣтъ),—отвѣчалъ тотъ.

— А плохо безъ арока-то? — усмѣхнувшись, вставилъ Силантій.—Ты, вѣрно, полюбилъ эту самую „ароку"-то? а? Чортъ! что̀ молчишь?

Абдрахманъ молчалъ и улыбался.

Часъ спустя, всѣ спали мирнымъ, тихимъ сномъ, какъ будто минувшимъ днемъ ничто не волновало этихъ полу-голодныхъ, терпѣливыхъ людей. А быть можетъ, умиротворила и успокоила ихъ возмущенныя души теплая майская ночь? Она такъ красива была въ этотъ тихій часъ въ глуши лѣса: небо ясно и звѣздно, лѣсъ спокоенъ и молчаливъ, и только вода рѣчки, стѣсненная въ узкомъ пролетѣ плотины, шумѣла ровно-ровно...

V.

На слѣдующей недѣлѣ, въ субботу, артель сдала Ивану Кириллычу верхній прудокъ совершенно законченнымъ. Лѣсопромышленника обрадовало это обстоятельство, такъ какъ за все это время вопросъ о прудкахъ безпокоилъ его, а тутъ еще „мочальники" и „лубодеры" жаловались на недостатокъ воды. Сдавъ законченный прудокъ, рабочіе пошабашили въ эту субботу вскорѣ послѣ обѣда. Иванъ Кириллычъ выдалъ каждому изъ нихъ по рублёвкѣ, что̀ снова вызвало среди рабочихъ неудовольствіе: они

стали просить Ивана Кириллыча выдать имъ деньги за все количество отработанныхъ дней, но осторожный купецъ отказалъ имъ въ этомъ, клянясь, что послѣ сдачи второго прудка разсчитаетъ всѣхъ окончательно. Рабочіе опять поспорили, но на этотъ разъ какъ-то скоро притихли: засаленныя кредитки все-же произвели извѣстное впечатлѣніе. Трофимъ съ тайнымъ удовольствіемъ спряталъ въ кисетъ рублевую бумажку и улыбался, раздумывая, сколько онъ получитъ еще такихъ бумажекъ, когда и второй прудокъ будетъ принятъ хозяиномъ. Мирошка и Абдрахманъ положительно ликовали. Получивъ деньги, они шептались о чемъ-то, послѣ чего Мирошка подѣлился своимъ секретомъ и съ другими.

— Ну, кто на село? гайда! выпьемъ! — кричалъ онъ въ толпѣ рабочихъ:—Айда,—эй! Трофимъ! Игнатъ!—сзывалъ онъ.

Желающіе отправиться въ село нашлись. Это были двое башкиръ, которые надумали побывать въ родной деревушкѣ, и которымъ путь лежалъ черезъ село. Узнавъ, что только это обстоятельство дѣлаетъ башкиръ его попутчиками, Мирошка принялся уговаривать Силантія и Трофима. Первому пришлось отказаться, хотя его сильно тянуло пойти, погулять и провѣтриться: дня два тому назадъ, онъ нечаянно наступилъ на гвоздь, торчавшій въ небрежно брошенной доскѣ, и споролъ себѣ ногу.

— Эхъ, чортъ! будто не дойдешь! дитё малое! — обозлился на него Мирошка и приступилъ къ Трофиму. Послѣдній, какъ пень, глубоко вросшій корнями, не хотѣлъ сдвинуться съ мѣста. Ему вообще хотѣлось отдохнуть, да, кромѣ того, онъ догадывался, что пойти въ село—это значитъ размѣнять бумажку, да еще и останется ли отъ этихъ денегъ что-нибудь. Ему казалось, что если свяжешься съ Мирошкой, то до добра не дойдешь. Мирошка обругался, обозвалъ Трофима бабой и вмѣстѣ съ Абдрахманомъ и двумя попутчиками-башкирами ушелъ въ село. Немного спустя, за ними побѣжалъ и мрачный Игнатъ, долго соблазняемый ухарскими приглашеніями „желтоглазаго чорта“, какъ онъ про себя называлъ Мирошку. Смѣшно было смотрѣть на кудлатую низенькую фигурку этого человѣка, когда онъ, не утерпѣвъ, пустился за скрывшимися въ лѣсу товарищами, выкрикивая ихъ имена и прося обождать его,

— И этотъ поплелся, — замѣтилъ Силантій, провожая глазами Игната.

— Пущай ихъ!—коротко отвѣтилъ Трофимъ.

— И подружились же Абдрахманка съ Мирошкой... Такъ

вотъ и шагу ему вступить не даетъ: куда Мирошка, туда и онъ, собачье рыло!..

Силантій съ тайнымъ неудовольствіемъ дѣлился своими мыслями; его не особенно радовала дружба, о которой онъ только-что говорилъ. Когда-то и онъ души не чаялъ въ Мирошкѣ, такъ же, какъ Абдрахманъ, слѣдовалъ за нимъ, слушался бойкаго товарища, и только за послѣднее время ихъ отношенія приняли иной характеръ.

Мирошка былъ однимъ изъ тѣхъ, которыхъ въ народѣ называютъ „отпѣтая головушка". Онъ не имѣлъ ни земли, ни семьи; неуживчивость съ міромъ его родной Тетровки вытолкнула его изъ деревни; случайные заработки, гдѣ попало и какіе попало, сдѣлали его бродяжкой; отношеніе людей къ нему, какъ къ опасному бездомнику, обозлило его,—и только своеобразная прелесть бродяжества не измѣняла ему, а напротивъ, увлекала его все больше и больше.

Подъ вліяніемъ Мирошки, Силантій покинулъ деревню и отправился со своимъ новымъ другомъ въ городъ, на „вольные" заработки. Случайность вольныхъ заработковъ, скитанія, голодъ и холодъ, встрѣтившіе Силантія въ новой жизни, нѣсколько разочаровали новичка изъ деревни, и онъ подумывалъ вернуться на родину; но Мирошка, замѣтивъ колебаніе товарища, всѣми силами старался поддержать въ немъ падающій духъ. Въ мартѣ онъ началъ восхищаться наступленіемъ весны, разсказывая о томъ, какъ много бываетъ работы на Бѣлой, когда по рѣкѣ потянутся караваны баржъ и бѣлянъ, а потомъ, когда наступитъ май—закипитъ работа въ лѣсахъ. Силантій слушалъ, вѣрилъ и утѣшался. Разочаровался онъ въ Мирошкѣ только послѣ того, какъ имъ пришлось уйти съ заработковъ на желѣзной дорогѣ, гдѣ они оба занимались распилкой дровъ. Мирошка поссорился съ подрядчикомъ, не удержался, благодаря своему характеру, и обругалъ его, за что тотъ ткнулъ Мирошку въ грудь. Оскорбленный Мирошка схватилъ полѣно и пустилъ имъ въ обидчика. Послѣ этого происшествія оставаться у торговца дровъ было невозможно. Раздѣливъ обиду товарища, Силантій не отсталъ отъ Мирошки, и оба они снова пустились въ скитанія. Цѣлыхъ три недѣли бездомникамъ пришлось кое-какъ проколотиться на берегу рѣки, въ ожиданіи благодатныхъ весеннихъ дней. Весна, впрочемъ, тоже не обогрѣла ихъ, а тутъ подвернулся Иванъ Кириллычъ, нанимавшій рабочихъ на свои промыслы, и наголодавшимся скитальцамъ пришлось согласиться и перекочевать въ лѣса, къ „Манѣ-Горѣ".

Проклиная Мирошку и вспоминая благословенные дни работы на чугункѣ, Силантій затаилъ въ душѣ непріязнь къ своему прежнему товарищу. Мирошка же и на прежнемъ мѣстѣ завоевалъ симпатію. Не прошло двухъ-трехъ дней, какъ онъ обзавелся новымъ другомъ въ лицѣ Абдрахманки. Этотъ вольнолюбивый сынъ кочевой Башкиріи, казалось, всколыхнулся за краткое время знакомства съ удалымъ „урусомъ". Башкирецъ прямо-таки подражалъ Мирошкѣ во всемъ, слушался его, весело хохоталъ, когда его другъ смѣшилъ компанію, слѣдовалъ по его пятамъ. Мирошка цѣнилъ въ башкирцѣ эту слѣпую покорность. Тѣхъ же, кто не поддавался его вліянію, онъ какъ будто не замѣчалъ, или язвилъ такихъ крѣпкихъ людей, дѣлая изъ нихъ мишень для своихъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. Такъ онъ относился теперь и къ Силантію. Послѣдній замѣтилъ это и втайнѣ сожалѣлъ, что такъ случилось, хотя онъ былъ теперь крѣпко увѣренъ, что не пойдетъ за Мирошкой и не все сдѣлаетъ, что̀ тотъ предложитъ.

— И озорникъ онъ... Мирошка-то!—говорилъ Силантій Трофиму, когда оба они, по уходѣ товарищей въ село, лежали у костра, возлѣ балагана, и бесѣдовали.

— А что?

— И-и! Что̀ только онъ въ деревнѣ-то дѣлалъ: заѣлъ всѣхъ, и стариковъ въ грошъ не ставилъ. На сходкѣ ли, или что̀ тамъ по мірскому дѣлу—первый горлодеръ. И бабу-то свою въ конецъ замучилъ.

— Бабу? Ишь ты!

— Неладно у нихъ что-то... Въ солдаты-то онъ пошелъ—одна дѣвочка была, а вернулся—анъ черноволосенькій парнишка бѣгаетъ... Съ этого и пошло...

— Съ этого и пошло?

— Да, съ этого... „Уходи,—говоритъ,—отъ меня къ полюбовнику, а мнѣ тебя не надо". Выла баба, въ ногахъ валялась, да что̀ ты съ нимъ, съ этакимъ, подѣлаешь? Бросилъ онъ тутъ все, и хату, и хозяйство, да и ушелъ. Прошатался нивѣсть гдѣ, вѣрно, года два, потомъ вернулся, помучилъ, потиранилъ бабу и опять пошелъ. И меня-то, дьяволъ, смутилъ...

— Что̀-жъ, и пошелъ?

— Чего же сдѣлать—пошелъ.

Бесѣдовавшіе смолкли. Незамѣтно подкравшаяся ночь успокоивала ихъ, утомленныхъ за день, костеръ обогрѣвалъ, душу покоило сознаніе, что часть трудной работы кончена. Силантій скоро заснулъ; не спалось только Трофиму. Обрывки думъ тре-

вожили его голову: то Мирошка вставалъ передъ нимъ подъ впечатлѣніемъ разсказа Силантія; то, вдругъ, его начинала тревожить мысль, что и ему, быть можетъ, придется испытать то же, что̀ и товарищу, и что такъ знакомо было и ему самому: безработица, голодовка и новыя исканія заработка.

Трофиму припомнился день, когда онъ впервые пришелъ на промыслы Ивана Кириллыча. Вспомнилъ онъ старика Сидора Прохорыча и его рѣчь о томъ, какимъ надо быть, чтобы жизнь не заѣла. Мирошка представлялся ему именно однимъ изъ такихъ счастливцевъ, о которыхъ говорилъ угрюмый старикъ, и въ немъ невольно воспиталось уваженіе къ этому рыжему человѣку съ солдатскими усами и зоркими глазами.

Костеръ потухалъ. Наступала угрюмая полночь въ глухомъ лѣсу. Глухо ныла душа Трофима въ этотъ часъ ночи, вдали отъ людей... Ему вдругъ припомнилась деревня, семья, жена... Острыя мурашки пробѣжали по его спинѣ, когда на память ему пришелъ случай изъ жизни Мирошки. „А что̀, если и моя Авдотья?“ — задался онъ вопросомъ. Съ этой новой тяжелой думой Трофимъ и заснулъ.

На другой день, вечеромъ, въ становищѣ промысловыхъ случилось необычайное происшествіе. Никогда, вѣроятно, ни одна въ мірѣ женщина не оставляла слѣдовъ своихъ ногъ на берегу рѣчки, гдѣ сооружались прудки, и вдругъ въ глуши лѣса появилась низенькая, тщедушная старуха въ отрепьяхъ, въ полиняломъ платкѣ на сѣдыхъ космахъ и съ морщинистымъ, темнобронзовымъ лицомъ. Это была жена Нурея. Появленіе ея въ становищѣ было очень кстати, потому что старикъ Нурей заболѣлъ и вторыя сутки не выходилъ изъ балагана, мало ѣлъ, жаловался на боль въ поясницѣ и въ головѣ, и какъ-то безучастно смотрѣлъ на все совершавшееся вокругъ тусклыми, усталыми глазами.

Дня два тому назадъ, почти всѣ промысловые были свидѣтелями того, что̀ произошло съ нимъ. Вскорѣ послѣ обѣда, старикъ катилъ по доскамъ тачку, нагруженную землею, и, сгибая спину подъ тяжестью груза, тяжело дышалъ. На половинѣ пути онъ вдругъ опустился на колѣни, ухватился за поясницу и тихо простоналъ: „О, Алла, Алла!“ — Голова его свѣсилась на грудь, изъ носа и изо рта хлынула кровь, орошая обнаженную, загорѣлую грудь башкирца. Кто-то подбѣжалъ къ нему, стараясь приподнять ослабѣвшаго за руку, но несчастный старикъ не въ силахъ былъ держаться на ногахъ. Товарищи перенесли боль-

ного подъ тѣнь густой, развѣсистой ели, кто-то принесъ воды, напоилъ старика, омылъ его лицо, и онъ остался подъ деревомъ одинокимъ. Вечеромъ Нурея перевели въ балаганъ и уложили. Всю ночь и слѣдующій день онъ стоналъ тихо и жалобно, по временамъ умолкалъ, засыпая, а потомъ снова слышались его стоны. Нурея жалѣли всѣ, да и вообще къ нему относились хорошо, уважая его годы и уживаясь съ его тихимъ, безобиднымъ нравомъ. Съ особеннымъ вниманіемъ относились къ Нурею рабочіе изъ башкиръ; свое моленье начинали они только послѣ того, какъ старикъ подниметъ къ лицу свои заскорузлыя руки и произнесетъ молитву. Даже Валей относился къ Нурею иначе, нежели къ молодымъ своимъ единоплеменникамъ.

Вѣсть о болѣзни Нурея дошла и до Ивана Кириллыча. Пожалъ плечами купецъ, покосился злыми глазами въ сторону балагана, гдѣ лежалъ больной, и насмѣшливо, сквозь зубы, процѣдилъ:

— А то, старый хрычъ, туда же, съ другими, бунтовать!..

На другой день болѣзнь старика стала какимъ-то обычнымъ явленіемъ; о немъ не говорили, и, прислушиваясь къ стону больного, никто не выражалъ своего сочувствія тяжелымъ вздохомъ, и только немногіе считали своимъ долгомъ подвинуть къ старику чашку съ кашицей, дать ему воды или сунуть въ трясущуюся руку кусокъ хлѣба. Нурей нуждался въ уходѣ и сочувствіи, и лицо его выразило радость, когда онъ увидалъ жену. Она подошла къ больному, покачала головою, наклонилась къ его изголовью и что-то проговорила, прислушиваясь къ слабому, низкому голосу мужа.

Наступала ночь, и вмѣстѣ съ ея сумракомъ голову Трофима осаждали сумрачныя думы. Къ этому, быть можетъ, располагала и природа, вдругъ омрачившаяся. Безоблачное до сихъ поръ небо теперь было завѣшано сплошными сѣрыми тучами. Подулъ вѣтеръ, и до того спокойный лѣсъ затрепеталъ, зашумѣлъ, словно тысячеголовое чудовище: высокія, стройныя ели покачивались остроконечными вершинами; листва березъ и липъ шумѣла, то затихая, то вдругъ заглушая всѣ голоса ночи... Костры горѣли трепетно... Рабочіе попрятались по балаганамъ, прикрылись кафтанишками и молча, безъ шутокъ, безъ говора, ожидали не то покойнаго сна, не то лѣсной грозной бури...

Трофимъ улегся ближе къ костру, уставился глазами на горящія полѣнья и, прислушиваясь къ стонамъ Нурея, думалъ. Въ глуши лѣса, въ эту мрачную ночь, ему представился весь ужасъ положенія больного. Еслибы онъ, Трофимъ, заболѣлъ,—кто при-

шелъ бы навѣстить его? Трофимъ посмотрѣлъ на небо и подумалъ: „Въ какой сторонѣ теперь Ефановка?“—Хмурое небо, вмѣсто отвѣта, глянуло на него непривѣтливо. Онъ уныло посмотрѣлъ на зубчатую стѣну лѣса. Встревоженный вѣтромъ, лѣсъ шумѣлъ неровно, невесело...

VI.

Вечеръ наступалъ быстро. На западной части неба, съ полудня, повисла тяжелая туча. Когда солнце было еще высоко, она казалась блѣдно-сѣрой дымкой и еле замѣтно обрисовывалась надъ лѣсомъ, но вотъ она сгустилась и разрослась. Бѣловатыя, кучевыя облака, медленно плывшія въ небѣ, казалось, остановились, поджидая тучу, и скоро потонули въ ея однообразномъ, сѣромъ фонѣ; солнце скрылось за краемъ тучи, и она окрасилась въ синеватые отливы. Лѣсъ затихъ, птички смолкли, тѣни лѣсныя густѣли... Туча росла: надвигалась гроза... Чуть слышно, гдѣ-то далеко-далеко, гудѣлъ громъ, затихая и замирая... Въ лѣсу становилось еще тише...

— Эка! маритъ-то какъ!—восклицалъ Прокофьевъ, снявъ картузъ и отирая платкомъ потную лысину.

— Жарко! ой, жарко!—вторилъ ему одинъ изъ промысловыхъ, стараясь багромъ размѣстить въ прудкѣ только-что привезенную липовую кору.

На верхнемъ, совершенно законченномъ прудкѣ въ это время работали только спеціалисты по выдѣлкѣ луба и мочала, а землекопы торопились теперь покончить съ нижнимъ прудкомъ, гдѣ съ утра до вечера наблюдалъ за работою самъ Сидоръ Прохорычъ.

— Вонъ онъ, батюшка, какъ погромыхиваетъ!—прослышалось новое замѣчаніе, когда вдали раскатился ударъ грома.

— Ничего, воды прибудетъ!—радовался кто-то.

Благодаря вечеру и приближавшейся тучѣ, изъ лѣса стали появляться рабочіе, спѣша вернуться въ балаганы до ливня, котораго всѣ ожидали: туча положительно страшила своимъ темно-синимъ покровомъ, который то-и-дѣло прорѣзывали тонкіе фіолетовые зигзаги. Туча росла и надвигалась, раскаты грома слышались явственнѣе. Раза два свѣтло-фіолетовая лента прорѣзала омраченное небо надъ самыми головами; сумракъ лѣса озарялся мгновеннымъ пламенемъ, громъ обрушивался страшными ударами... Подулъ вѣтеръ, листва зашевелилась, сухія верхушки елей закачались. Изъ лѣса спѣшили промысловые, съ нижняго

прудка гуськомъ бѣжали землекопы съ охапками валежника... Костры росли... Сумракъ лѣса густѣлъ, вылъ вѣтеръ, по лѣсу разносился глухой ропотъ... Молніи вспыхивали...

— Подбрасывай! подбрасывай! зальетъ!—командовалъ кто-то, заботясь о кострѣ.

— Подсунь подъ жердь... лубокъ-отъ!—слышалось изъ сосѣдняго балагана.

Прокофьевъ немного побаивался грозы и обыкновенно старался въ это время быть на-людяхъ; онъ забрался въ уголъ балагана, примостился на обрубкѣ между Силантіемъ и Мирошкой и изъ своей засады командовалъ Абдрахманкѣ, который подбрасывалъ въ костеръ дрова. Въ лѣсу въ это время творилось что-то страшное: налетѣвшій ливень сплошными потоками заливалъ балаганъ, костеръ, землю; за шумомъ лѣса и воемъ бури, удары грома были едва слышны; глаза слѣпили частыя вспышки молній.

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій!—шепталъ Прокофьевъ и крестился; за нимъ крестились Силантій, Мирошка и Трофимъ; только Игнатъ, со своимъ мрачнымъ, сосредоточеннымъ взоромъ въ глазахъ, былъ спокоенъ.

Всѣ вздрогнули. Страшный ударъ грома, одновременно съ вспыхнувшей молніей, разразился надъ головами. „О-о!"—простоналъ кто-то.—„Алла!"—Дождь на минуту примолкъ, но какъ будто для того только, чтобы потомъ разразиться еще сильнѣйшимъ ливнемъ, послѣ чего уже ничего не было слышно—ни ударовъ грома, ни шума листвы... Балаганы стали промокать...

— Ага, старый песъ, промокъ, съёжился!—воскликнулъ Мирошка, уставившись глазами въ сумракъ. Къ балагану мелкими и торопливыми шажками спѣшилъ Сидоръ Прохорычъ, промокшій до ниточки. Старикъ прямо ввалился въ балаганъ и, снявъ мокрый картузъ, запыхавшись, пробормоталъ: „Господи! Господи!" —Всѣ молчали.

Полчаса спустя, ливень нѣсколько перемежился, и теперь шелъ ровный крупный дождь; молніи вспыхивали рѣже, громъ гудѣлъ глуше и уже въ сторонѣ.

— А вотъ, я хочу тебя спросить, Сидоръ Прохорычъ, дастъ намъ завтра Иванъ Кириллычъ разсчетъ, аль нѣтъ?—спросилъ Мирошка послѣ продолжительнаго молчанія.

— Пойди, у Ивана Кириллыча и спрашивай! — отвѣчалъ тотъ.

— Оно все одно—ты у него голова, знать долженъ...

— У Ивана Кириллыча своя голова...

— Это вѣрно, — согласился Мирошка.—А по моему, слѣдуетъ завтра получить съ него деньжонокъ-то...

— Слѣдуетъ, такъ и получишь. Ты думаешь, большая охота съ вами валандаться?

— Прудки-то мы вамъ оборудовали... вѣрно, есть охота,— съ насмѣшкой отвѣчалъ Мирошка.

Изъ лѣса послышался ровный, тягучій шумъ, поминутно усиливавшійся. Сидоръ Прохорычъ насторожилъ слухъ, потомъ быстро сорвался съ мѣста и выскочилъ изъ балагана.

— Прудокъ размыло! Эй! ребята!—закричалъ онъ, потонувъ гдѣ-то въ сумракѣ вечера. За нимъ слѣдомъ побѣжали Прокофьевъ, Валей и нѣсколько рабочихъ. Въ сосѣднихъ балаганахъ также поднялась суматоха, говоръ и брань. Слабыми, ничтожными казались всѣ эти человѣческіе голоса въ сравненіи съ грохотомъ лѣсной бури, все еще не умолкнувшей, хотя и ослабѣвшей, и странными, безпомощными казались люди съ ихъ попыткой побороть разыгравшуюся стихію. Люди, однако, спѣшили, кричали, толкались, хватались за жерди, за лопаты, забывъ, что съ этими мизерными орудіями труда безплодна борьба съ капризомъ мощной природы, которая, казалось, мстила людямъ. Зачѣмъ они ворвались въ дѣвственный лѣсъ съ топорами, пилами и лопатами, зачѣмъ окропили чистую землю своимъ потомъ, зачѣмъ огласили тишину лѣса своимъ говоромъ, смѣхомъ и отвратительной бранью!?..

На прудкѣ въ это время происходило нѣчто ужасное. Потокъ воды смылъ верхній покровъ земли, каменьевъ и хвороста и расшатывалъ теперь толстые косяки, въ которыхъ покоились водоспуски. Кто-то, съ опасностью для жизни, по колѣно въ водѣ, добрался до водоспусковъ, потянулъ за блоки, и толстая, массивная доска поднялась. Вода ринулась въ свободный проходъ, и этимъ были предупреждены болѣе печальныя послѣдствія катастрофы. Только послѣ этой отважной догадки кого-то изъ рабочихъ всѣ поняли, въ чемъ спасеніе земляного сооруженія, на которое затрачено столько силъ и труда. Сидоръ Прохорычъ съ ревомъ и гиканьемъ бросился на нижній прудокъ, призывая за собою людей, чтобы и здѣсь предупредить катастрофу.

А дождь попрежнему лилъ, лѣсъ стоналъ, въ отдаленіи все еще вспыхивали бѣлыя молніи...

Насколько грозна и тревожна была минувшая ночь — настолько тихо и ясно было утро слѣдующаго дня. Вчера прежде-

временно потухшее, скрывшееся за тучами солнце—сегодня выплыло на безоблачное небо, яркое и ясное. Лѣсъ, встревоженный за ночь бурею, теперь стоялъ спокойно и, омытый дождемъ, казался еще зеленѣе...

Съ ранняго утра на прудкахъ появились Иванъ Кириллычъ и Сидоръ Прохорычъ. Дядя и племянникъ прошли на плотину верхняго прудка и остановились передъ картиною разрушенія. Плотина хотя и пострадала отъ ливня, но не настолько, чтобы стоило приходить въ уныніе: требовались только лишніе два-три дня, чтобы забить промоину и укрѣпить верхніе слои земли. Тѣмъ не менѣе, Иванъ Кириллычъ развелъ руками, вздохнулъ и печально осмотрѣлся по сторонамъ. Озабоченныхъ лѣсопромышленниковъ окружили не менѣе озабоченные спеціалисты по выдѣлкѣ луба и мочала: пострадавшая плотина печалила ихъ, такъ какъ опавшій уровень воды не затапливалъ теперь гигантскихъ трубокъ коры, снятой съ липы. Скоро на плотинѣ столпились всѣ рабочіе и землекопы. Больше другихъ говорили Иванъ Кириллычъ и Валей; старикъ Сидоръ Прохорычъ только изрѣдка вставлялъ свои замѣчанія, зато его рѣчь была какой-то безапелляціонной и резюмирующей разсужденія другихъ.

— Ну, дѣлать нечего—сильнѣе Бога не быть!—наконецъ, промолвилъ онъ и махнулъ рукою:—надо приниматься за дѣло,—продолжалъ онъ, и снова, но теперь уже энергично взмахнувъ рукою, громко воскликнулъ:

— Эй, ребята, за тачки! живо!

Толпа заколыхалась. Спеціалисты отступили и насторожились, уступая дорогу тѣмъ, надъ чьимъ трудомъ такъ безжалостно насмѣялась капризная природа. Валей заволновался и принялся что-то приказывать своимъ подчиненнымъ, но голосъ Мирошки прервалъ его рѣчь.

— А мы, Иванъ Кириллычъ, насчетъ деньжонокъ хотѣли бы поговорить,—началъ онъ спокойно.

— Про какія тамъ деньжонки? Ты видишь—работать надо,—огрызнулся Иванъ Кириллычъ и покраснѣлъ.

— Оно такъ-то такъ... это мы видимъ... а только лучше бы ужъ разсчитали насъ, а эта работа по другому счету пойдетъ...

— По какому другому!?—поблѣднѣвъ, воскликнулъ Иванъ Кириллычъ.

— По другому: потому, мы рядились прудки запрудить, а это ужъ выходитъ другая работа, — настаивалъ Мирошка, и вмѣстѣ съ нимъ заговорили и другіе.

— Да что вамъ надо-то? что? — наступалъ лѣсопромышленникъ.

— Разсчетъ, говоримъ, надо,—неожиданно для всѣхъ вставилъ Игнатъ.

Иванъ Кириллычъ покосился на него и сплюнулъ въ сторону.

— А вотъ поправите прудокъ—и деньги получите,—вставилъ все время молчавшій и насупленный Сидоръ Прохорычъ.

— Айда, работай! чява тамъ разсчетъ!—горячился и Валей и что-то забормоталъ по-башкирски, обращаясь къ своимъ единовѣрцамъ.

Разговоръ на эту тему тянулся очень долго. Иванъ Кириллычъ и его дядя все болѣе и болѣе горячились, благодаря упорству и единодушію землекоповъ; послѣдніе также не могли спокойно обсудить жгучаго вопроса: за всѣ событія послѣдняго времени они поняли, что за гусь Иванъ Кириллычъ; они понимали также, что ихъ руки теперь нужны лѣсопромышленникамъ, и потому настоять на принятомъ рѣшеніи удобно. Иванъ Кириллычъ, съ своей стороны, догадывался, насколько невыгодна его роль, а довести дѣло до того, чтобы землекопы отказались поправлять плотину, было совсѣмъ невыгодно, такъ какъ въ условіи со спеціалистами былъ пунктъ о неустойкѣ, которую обязанъ былъ уплатить Иванъ Кириллычъ, если ихъ работа остановится по причинамъ, не зависящимъ отъ нихъ.

Ничѣмъ не покончивъ съ рабочими, Иванъ Кириллычъ удалился въ лѣсъ въ сопровожденіи дяди, Валея и приказчика, и тамъ между ними состоялось совѣщаніе, результаты котораго и были объявлены землекопамъ. Лѣсопромышленники рѣшили выдать половину заработка каждому, пообѣщавъ окончательно разсчитаться послѣ исправленія плотины. Присутствовавшіе весь этотъ день на работѣ племянникъ, дядя и Валей, казалось, мстили буянамъ, не отходя отъ нихъ, понукая къ работѣ и рѣшительно не давая отдыха. Особенно трудно пришлось Нурею, еще не совсѣмъ окрѣпшему послѣ недавней болѣзни; въ полдень слѣдующаго дня старикъ окончательно обезсилѣлъ и снова слегъ, вызвавъ по своему адресу проклятія со стороны разсвирѣпѣвшаго лѣсопромышленника.

Когда, черезъ два дня, плотина была исправлена, и самъ собою возникъ вопросъ о разсчетѣ, Ивана Кириллыча на прудкахъ не оказалось. Рабочіе приступили къ его дядѣ.

— А я что вамъ, — Иванъ Кириллычъ, что-ли? Идите къ нему и говорите,—спокойно и холодно отвѣчалъ старикъ.

Рабочіе немного поволновались и направились въ контору,

въ надеждѣ встрѣтить Ивана Кириллыча, но его и тамъ не было. Скоро, однако, выяснилось, что онъ уѣхалъ въ ближайшее село по дѣламъ. Сидоръ же Прохорычъ объявилъ рабочимъ, что прудки нельзя считать законченными, такъ какъ послѣ катастрофы они рѣшили нѣсколько расширить плотину и укрѣпить земляную насыпь сваями. Въ тотъ же день на прудкахъ появился Иванъ Кириллычъ; на вопросъ о разсчетѣ онъ отвѣтилъ тѣмъ же, что̀ рабочіе уже слышали отъ его дяди.

— Вѣрно, все лѣто будемъ тутъ... поправлять-то?—возражали землекопы.

— А вамъ не все равно? Деньги зарабатываете, — возражали въ свою очередь предприниматели.

— Деньги-то больно плохо получаются.

Опять поднялись новые переговоры. Иванъ Кириллычъ старался доказать, что прудки не закончены; рабочіе же съ нимъ не соглашались и настаивали на разсчетѣ. Долго тянулись и эти пререканія, но на этотъ разъ побѣдилъ лѣсопромышленникъ. Присутствовавшіе при разговорахъ спеціалисты по̀ выдѣлкѣ луба и мочала подвели землекоповъ. Одинъ изъ нихъ, рыжебородый мужикъ, съ бородавкой на щекѣ, заявилъ:

— А вотъ что̀ я вамъ скажу, Иванъ Кириллычъ: не хотятъ они работать — такъ и Богъ съ ними: это дѣло мы и сами справимъ.

— А и то, Романъ Иванычъ, правду говоришь—что̀ съ ними спорить! — ухватился за такой чудесный исходъ обрадованный лѣсопромышленникъ.

Забастовавшая толпа землекоповъ дрогнула отъ такого неожиданнаго исхода, и первое время никто рѣшительно не зналъ, съ чего начать, чтобы одержать побѣду. Сидоръ Прохорычъ выдвинулся впередъ и, сдвинувъ на глаза картузъ, громко проговорилъ:

— Ну! Кто хочетъ работать—отходи вправо; кто не хочетъ—иди куда знаешь!

Землекопы безмолвствовали; эта команда окончательно смутила ихъ. Иванъ Кириллычъ, между тѣмъ, вмѣстѣ съ Валеемъ и рыжимъ Романомъ Иванычемъ, отошли на середину плотины и принялись совѣщаться по поводу новой работы. Больше часа длилось это совѣщаніе, результатомъ котораго было то, что нѣкоторые изъ присныхъ Романа Иваныча отправились въ лѣсъ съ пилами и топорами.

— Что̀ же стоите?—обратился къ землекопамъ Сидоръ Прохорычъ.—Никто еще не надумалъ?

Рабочіе молчали.

— Вотъ вамъ часъ на совѣтъ; кто не явится — убирайся!

— А вотъ вы разочтитесь, тогда мы и поговоримъ!—возражалъ кто-то изъ толпы обезкураженныхъ поведеніемъ спеціалистовъ.

— Закончите прудки—и разсчетъ получите,—вставилъ Иванъ Кириллычъ.

— Труденъ разсчетъ-то!..

— А труденъ, такъ убирайся!—Иванъ Кириллычъ злобно посмотрѣлъ на Мирошку.

— Уберемся, когда разсчитаемся,—возразилъ тотъ.

— Получилъ бы ты и разсчетъ, еслибы не бунтовалъ,—урезонивая, говорилъ старикъ.

— А теперь вотъ и подождешь,—вставилъ Иванъ Кириллычъ.

Сидоръ Прохорычъ и племянникъ направились по дорогѣ къ конторѣ. Немного спустя, землекопы догнали ихъ въ лѣсу и остановили. Поднялся гамъ и шумъ. Раскраснѣвшійся Иванъ Кириллычъ размахивалъ руками; его узенькіе, вспыхнувшіе злобой глазки перебѣгали съ одного на другое изъ ненавистныхъ ему лицъ, губы дрожали, на лбу налилась красно-багровая жила.

— Давай разсчетъ!—кричалъ Мирошка.

— Акся давай! собака! — крикнулъ Абдрахманка и, сдвинувъ на затылокъ свой тюбитей, ринулся къ Ивану Кириллычу и ухватился за рукавъ его поддёвки. Лѣсопромышленникъ рванулся въ сторону и взмахнулъ палкой.

— А вотъ этого не хочешь, собачья голова?—твердо проговорилъ Сидоръ Прохорычъ, выдвигая по направленію башкирца дуло револьвера.

— Стрѣляй! Ну, стрѣляй! — кричалъ башкирецъ, сдѣлавъ шагъ къ старику и растопыривъ руки.

Дядя и племянникъ тихонько пошли по дорогѣ. Старикъ то-и-дѣло озирался и шелъ сзади племянника, который тяжело дышалъ и, снявъ фуражку, опахивалъ ею свое красное лицо.

— Стрѣляй... собака!.. стрѣляй!..—бормоталъ слѣдовавшій за ними Абдрахманка. Въ эту минуту онъ былъ ужасенъ. Лѣсопромышленники скрылись за поворотомъ дороги, а онъ все стоялъ съ поднятыми кверху руками и что-то бормоталъ сдавленнымъ голосомъ.

— Шайтанъ, не лѣзь подъ пулю-то!.. Мы имъ дадимъ себя знать!—проговорилъ подошедшій къ нему Мирошка, но башкирецъ отдернулъ руку, за которую уцѣпился-было его товарищъ, и снова принялся бранить скрывшихся въ лѣсу купцовъ.

VII.

— Силантій! пойдемъ, что̀-ли? — приставалъ Мирошка къ парню, который порѣшилъ не слѣдовать за своимъ прежнимъ товарищемъ.

— Нѣтъ, ступай ужъ, а я тутъ останусь, — отвѣчалъ Силантій.

— Смотри—жалѣть будешь!

— Что̀ Богъ дастъ, а ужъ не пойду: будетъ, помаялся.

— Ну, чортъ съ тобой,—оставайся! Работай тутъ, набивай мозоли-то, а разсчетъ придетъ—волкомъ взвоешь.

Мирошка презрительно осмотрѣлъ Силантія, лежавшаго въ балаганѣ, и отвернулся въ сторону. Тутъ же, въ другомъ углу балагана, Трофимъ укладывалъ въ мѣшокъ свои немудреные пожитки: рубахи, сапоги, непочатую четверку махорки. Слегка вздохнувъ, онъ тихо промолвилъ:

— А мы, вѣрно, пойдемъ...

Всѣ помолчали.

— Гайда̀. Силантія! Землякъ бить она тебѣ, Мирошка-то!— громко воскликнулъ Абдрахманка.

— Ладно, ступай, а я останусь...

Силантій повернулся на спину, отбросилъ въ сторону какую-то вѣточку, которую мялъ въ своихъ пальцахъ, и неподвижными глазами уставился на прудокъ. Несмотря на категорическій отказъ послѣдовать за Мирошкой, онъ все-же продолжалъ колебаться: его и тянуло изъ лѣса, и вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминались невзгоды и непріятности, которыя пришлось пережить въ скитаніяхъ съ этимъ „желтоглазымъ“.

— Ну, а ты чего носъ-то повѣсилъ? обратился Мирошка къ Трофиму и тронулъ его за плечо.—А? Трофимъ?

Трофимъ молчалъ.

— Гайда̀, Трофимъ!.. весела будетъ. Уфимка гуляемъ,— улыбаясь, говорилъ Абдрахманка...

Наступала ночь. Горѣли костры. Говоръ въ балаганахъ стихалъ: промысловые ложились спать. Надъ лѣсомъ, направо, показалась молодая луна. Старательно обернувъ онучами ноги для предстоящаго труднаго путешествія, подвязавъ за спины котомки и заткнувъ за поясъ топоры, Абдрахманка, Мирошка и Трофимъ оставили балаганы промысловыхъ. Проходя мимо спеціалистовъ, которые спали теперь крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, Мирошка со злобой въ глазахъ осмотрѣлъ фигуры спящихъ,

залитыя краснымъ свѣтомъ костровъ, и что-то шепнулъ Абдрахманкѣ; тотъ мелькомъ оглянулъ балаганы и ярко мерцающіе костры, — и по лицу его расплылась улыбка, обнаживъ бѣлые, хищные зубы. Все время, пока путники шли по дорогѣ къ нижнему прудку, Абдрахманка и Мирошка о чемъ-то совѣщались въ полголоса, а сзади нихъ тихо брелъ Трофимъ съ головой, склоненной на грудь. Поровнявшись съ плотиной нижняго прудка, Мирошка пріостановился и насторожилъ слухъ. Листва чуть слышно шелестѣла, негромко шумѣла вода...

Мирошка и Абдрахманка, вооружившись громадными жердями, спѣшно вошли на середину плотины. Мирошка принялся выбивать землю у толстой сваи, на которой покоился одинъ конецъ водоспуска, а Абдрахманка разворачивалъ камни и хворостъ, составлявшіе верхній слой плотины.

— Трофимъ! ты что̀? чортъ!

— Гайда̀, гайда̀! Эй!—одновременно закричали на товарища Мирошка и Абдрахманка, и Трофимъ, какъ загипнотизированный, принялся дѣлать то же, что̀ и его спутники. Работа была нелегкая, но въ людяхъ, рѣшившихся на нее, проснулась какая-то невѣроятная энергія. Слышался трескъ хвороста, шорохъ земли, падавшей по откосу, и всплески воды, когда съ высоты двухъ саженъ въ воду падали громадные камни. Скоро часть плотины около водоспуска была разобрана, и вода начала протачивать промоины около свай. Абдрахманка, Мирошка и Трофимъ—всѣ разомъ—раскачивали теперь сваи, и вода, вѣчно жаждущая свободы, помогала имъ. Когда были выбраны доски, вода со страшнымъ шумомъ ринулась съ уступа, увлекая за собою землю, хворостъ, камни и тѣ доски, которыя раньше преграждали ей путь.

— Ну, айда̀! въ лѣсъ! скорѣе!—командовалъ Мирошка, и скоро въ лѣсу, слабо озаренномъ луною, пропали три спѣшно удалявшіяся фигуры..

Всю ночь пробродили путники по лѣсу и только передъ утромъ дошли до Уфимки. Утро было ясное и теплое. Сѣрые клубы тумана носились надъ рѣкою, лѣсъ пробуждался. Только-что поднявшееся солнышко озаряло косыми лучами дикій, безлюдный ландшафтъ лѣсной Башкиріи. Путники остановились на откосѣ, осматривая широкое и гладкое ложе рѣки съ гористыми берегами, поросшими густой чащей лѣса. На другой сторонѣ рѣки, около балки, виднѣлся причаленный къ берегу плотъ; какіе-то люди сидѣли у огня на песчаной отмели; синеватый

дымокъ поднимался отъ костра и, излучившись въ воздухѣ, спускался къ водѣ, разстилаясь густой сплошной пеленою.

— Э-эй! ребята! лодку подайте!—крикнулъ Мирошка.

Голосъ его оборвался; онъ пристально посмотрѣлъ за рѣку и, узнавъ въ людяхъ башкиръ, обратился къ Абдрахманкѣ:

— Абдрахманъ, кричи имъ по-своему, что, молъ, лодку дайте, на ту сторону перебраться.

Взвизгнувъ, Абдрахманъ приложилъ обѣ ладони рукъ ко рту, устроивъ изъ нихъ трубку, и медленно передалъ собственное и своихъ товарищей желаніе. Рѣчное эхо повторило послѣдніе звуки его рѣчи, но никто изъ плотовщиковъ не двинулся съ мѣста, не прерывая завтрака, которымъ всѣ были заняты.

— Кричи, Абдрахманъ, молъ, въ деревню Заикину идемъ съ лѣсныхъ промысловъ,—училъ товарища Мирошка:—молъ, съ промысловъ Ивана Кириллыча, богатаго купца, идемъ... Кончили, молъ, всю работу-то... Ха-ха-ха!—онъ дико захохоталъ и глянулъ въ лѣсъ, на тропинку, по которой они вышли къ рѣкѣ. Эхо повторило его саркастическій хохотъ и смолкло.

Абдрахманка снова принялся кричать, на этотъ разъ еще сильнѣе повысивъ голосъ и растягивая послѣднія слова. Наконецъ, люди съ того берега вняли словамъ башкирца, и полчаса спустя путники были уже на другой сторонѣ рѣки. Закусивъ вмѣстѣ съ плотовщиками, Абдрахманка принялся переводить своимъ единовѣрцамъ то, что̀ диктовалъ ему Мирошка. Послѣдній просилъ плотовщиковъ взять ихъ всѣхъ съ собою на плотѣ, съ тѣмъ, чтобы доплыть до Бичуринской пристани, до которой отъ мѣста стоянки было верстъ сорокъ. Въ благодарность за это Мирошка предлагалъ имъ помощь всѣхъ троихъ въ управленіи плотомъ. Плотовщики недолго колебались, такъ какъ по опыту знали, какъ трудно справиться съ громаднымъ „грузовымъ“ плотомъ на волнахъ быстрой и извилистой Уфимки...

Ясный майскій полдень. Чистое, прозрачное небо красовалось въ вышинѣ, и только одинокія бѣлыя тучки, озаренныя лучами солнца, скользили по его своду. Рѣка въ рамкѣ горныхъ лѣсныхъ береговъ быстро катила свои волны и, какъ щепку, несла громадный плотъ внизъ по теченію.

Абдрахманка и Мирошка стояли возлѣ одной бабайки на носу плота и управляли его движеніемъ, тогда какъ другіе плотовщики вмѣстѣ съ Трофимомъ гнули спины около двухъ другихъ бабаекъ на противоположномъ концѣ плота. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлала частыя излучины и, съуженная скалистыми берегами, считалась небезопасною.

Но, вотъ, уступы горъ оборвались, отодвигаясь въ глубину берега, а къ рѣкѣ подползла широкая и глубокая долина, убѣгавшая въ даль. Мирошка взглянулъ на эту долину и узналъ ее. Широкая, окаймленная горами, застланная сплошнымъ ковромъ лѣса, она манила взоръ своимъ просторомъ. А далеко, въ концѣ ея, какъ гигантская шапка, высилась гора. Мирошка узналъ „Ману-Гору", улыбнулся и тихо промолвилъ:

— Прудокъ-то у Ивана Кириллыча теперь, вѣрно, весь сбѣжалъ...

Абдрахманка усмѣхнулся, но промолчалъ. Съ улыбкой на лицѣ Мирошка еще разъ глянулъ на мохнатую „Ману-Гору", а потомъ уставился глазами вдоль рѣки.

Быстрая, озаренная солнцемъ, катилась она въ своихъ высокихъ берегахъ, окутанная нѣжной дымкой, далеко-далеко сливавшейся съ синевой необъятнаго горизонта. Плещутся ея свѣтлыя волны... и все, что̀ повиснетъ надъ зеркальною гладью, то отразится; что̀ упадетъ на нее, то она обниметъ, будто лаская, и понесетъ, будто суля въ далекомъ синемъ морѣ и просторъ, и свободу, и счастье...

Вас. Брусянинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

БАЛЛАДА.

Изъ Казиміра Глинскаго.

Въ таинственномъ зàмкѣ, за грозной стѣною
Графиня жила молодая,
А графъ по дубровамъ все рыскалъ стрѣлою,
Оленей копьемъ поражая.

Когда гарцевалъ онъ въ доспѣхахъ старинныхъ
У зàмка, жена говорила:
„Мнѣ жутко, мнѣ страшно въ чертогахъ пустынныхъ,
Томитъ эта тишь, какъ могила.

Когда тебя нѣтъ—я очей не смыкаю...
Здѣсь кто-то невѣдомый бродитъ,
Вздыхаетъ и шепчетъ, а что̀?—я не знаю,
Но страхъ онъ на сердце наводитъ“!

— „Ну, это пустое... Я дѣло отмѣнно,
Повѣрь мнѣ, тотчàсъ же улажу:
Мосты подниму я, на башняхъ безсмѣнно
Поставлю надежную стражу“.

— „Къ чему эта стража? Заснуть на мгновенье
Вѣдь стража отъ устали можетъ.
А духамъ мосты нипочемъ: привидѣнье
По воздуху путь свой проложитъ.

Сними турій рогъ—отдохни безмятежно...
Пойдемъ къ ручейку—помечтаемъ...
Тебя обниму я... спою тебѣ нѣжно...
И жизнь намъ покажется раемъ"!

Напрасныя просьбы!.. Для стараго мужа
Пріятнѣй за турами гонка...
Рогъ грянулъ призывно, и псы, обнаружа
Восторгъ, заливаются звонко.

Далеко, гдѣ къ лѣсу змѣится дорога,
Гдѣ пашенъ теряются мéжи,
Звучитъ, не смолкая, звукъ графскаго рога
Все дальше, все тише, все рѣже.

Не скоро у зàмка рогъ грянетъ отнынѣ!
Въ пустынныхъ чертогахъ—ни звука...
Подъ сводами зàмка такъ жутко графинѣ,
Въ душѣ—и тревога, и мука.

Волнующій шорохъ... пугливыя грёзы...
Томится графиня, вздыхая...
Жасмины трепещутъ, ласкаются розы...
Въ огнѣ ея грудь молодая...

И какъ-то однажды, когда была скрыта
Уснувшая стража за мглою,
По звонкимъ камнямъ простучали копыта,
Мечъ звякнулъ полночной порою.

Невѣдомый рыцарь промчался, и что-то
Въ рукахъ онъ держалъ, какъ святыню...
Графъ въ зàмокъ вернулся, но эта охота
У графа отняла графиню.

II.

НАБРОСКИ.

1.

Сожженныя нивы... пустыя поля...
У изжелта-блѣдной лазури
Напрасно несчастная молитъ земля
Насыщенной влагою бури.
И люди ложатся, и люди встаютъ
Съ одной безъисходной мольбою,
Чтобъ жгучее солнце нежданный пріютъ
За тучей нашло дождевою.
Но въ небѣ ни тучки—и нивы чернѣй,
Ихъ трещины сѣтью покрыли...
Проѣдетъ телѣга—и вьется за ней
Тяжелое облако пыли.
Подъ вечеръ съ полей возвращается скотъ...
Унылымъ, пронзительнымъ ревомъ
Онъ требуетъ корма у бѣдныхъ воротъ,
Но—та же нужда и подъ кровомъ.
На время смыкаетъ спасительный сонъ
Отъ слезъ покраснѣвшія вѣжды,
И вѣетъ на сердце обманчиво онъ
Святой благодатью надежды.
„О, только бъ дождя,—и очнется земля"...
Но зори все такъ же тоскливы:
Посмотришь направо—пустыя поля...
Налѣво—сожженныя нивы...

2.

Театръ залитъ волной искусственнаго свѣта...
При свѣтѣ томъ нѣжнѣй открытый мраморъ плечъ,
Плѣнительнѣй игра колецъ, серёгъ, браслета,
Моложе цвѣтъ лица и возбужденнѣй рѣчь.

Изъ ложъ глядятъ въ партеръ красивыя головки,
На розовыхъ устахъ—заученный привѣтъ...
Какъ много нужно имъ умѣнья и сноровки,
Чтобъ жениховъ найти, когда нигдѣ ихъ нѣтъ!

Театръ еще гудитъ... Всѣмъ наслажденья надо—
Затѣйливой игры мятущихся страстей,
Для сердца нѣжныхъ чувствъ, красивыхъ позъ для взгляда,
Для слуха—громкихъ фразъ, приподнятыхъ рѣчей.

Вотъ занавѣсъ взвился—и общее вниманье
Удѣлено теперь завязкѣ роковой:
Онъ полюбилъ ее, но лживое созданье
Отвѣтитъ на любовь ему измѣной злой.

Такъ вѣтрена она; его святой тревоги,
Порыва нѣжныхъ чувствъ ей не понять во вѣкъ...
Измѣна... Онъ узналъ... Въ красивомъ монологѣ
Обманутый герой—несчастный человѣкъ—

Спѣшитъ излить тоску... О, какъ эффектны позы!
Какъ въ роль свою вошелъ талантливый актеръ!
У женщинъ на глазахъ сочувственныя слезы...
Растрогана толпа... И вдругъ... Позоръ, позоръ!

Какъ молнія во тьмѣ, въ моемъ воображеньѣ
Картина вспыхнула болѣзненно-ярка:
Тамъ, гдѣ-то далеко, голодное селенье
Забылось тяжкимъ сномъ... Въ селѣ—ни огонька.

Простерла ночь покровъ надъ горькой нищетою,
Надъ рванью ветхихъ крышъ затихшаго села,
Пустующимъ гумномъ, стодолою пустою—
Лишь людямъ эта ночь забвенья не дала!

Во мракѣ душныхъ хатъ—стенающіе люди,
Голодная тоска давно мѣшаетъ спать...
Воспалены глаза... огнемъ пылаютъ груди...
И рвется тихій стонъ: „Гдѣ хлѣба намъ достать“?!

Здѣсь слышенъ дѣтскій плачъ; надтреснутымъ рыданьемъ
Несчастныхъ матерей звучитъ одинъ отвѣтъ:

„Терпите! Богъ великъ“!.. И я съ негодованьемъ
Глядѣлъ, какъ надъ игрой расчувствовался свѣтъ—

Довольный, сытый свѣтъ... Пріятная забава—
Надъ нервною игрой поплакать пять минутъ,
Актеру прокричать восторженное „браво!“..
Здѣсь трогаетъ актеръ, а тамъ вѣдь люди мрутъ!

Вамъ драма по душѣ, тамъ—въ каждой хатѣ драма,
Тамъ сотни страшныхъ драмъ собой покрыла ночь...
Пусть постучится въ дверь голодный къ вамъ упрямо,
Вы грошъ дадите—грошъ...
Я всталъ и вышелъ прочь.

3.

Съ молчаливою мольбою
Устремляя скорбный взглядъ,
Неотступные, за мною
Глазки дѣтскіе слѣдятъ.
Я ихъ видѣлъ въ бѣдной хатѣ,
Видѣлъ лютою зимой—
Съ той поры глаза дитяти
Всюду слѣдуютъ за мной.
Въ этомъ взорѣ, робкомъ взорѣ,
Содрогнувшись, я прочелъ
Прямо старческое горе,
Жизни злобный произволъ.
Все молили: „Хлѣба! хлѣба!“
Неподвижные глаза,
И, по странной волѣ неба,
Застилала ихъ слеза.
Стало жалко, стало больно...
Въ справедливости небесъ
Усомнился я невольно
И вопросъ въ душѣ воскресъ:
„Если нужно испытанье
Согрѣшившимъ людямъ дать,
Такъ зачѣмъ,—зачѣмъ въ страданье
Эти глазки погружать?

Благость Бога безконечна,
Но... жестоки небеса:
Будутъ плакать,—плакать вѣчно—
Эти дѣтскіе глаза"!
Пересталъ я вѣрить чуду,
Вѣрить небу той порой—
И слѣдятъ теперь повсюду
Глазки скорбные за мной.

Мих. Гербановскій.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

1865—68 гг.

По личнымъ воспоминаніямъ

Примѣненіе „Крестьянскихъ Положеній“ въ юго-западномъ краѣ, подъ вліяніемъ представителей мѣстнаго землевладѣнія, поддерживаемыхъ и администраціею, шло односторонне, невыгодно для крестьянъ, до средины 1863 года, т.-е. до эпохи польскаго мятежа [1]). Признанное закономъ за крестьянами право на всю „инвентарную землю“, т.-е. на все ихъ фактическое владѣніе 1847 года, постоянно пренебрегалось, а устанавливаемыя повинности превышали ихъ силы и дѣйствительную доходность надѣльныхъ земель, чему способствовали также неясность и неудовлетворительность нѣкоторыхъ частей самихъ „Положеній“. Уставныя грамоты большею частью составлялись на уменьшенный противъ инвентарнаго размѣръ надѣла, а начавшіе совершаться вслѣдъ за грамотами выкупные договоры вели къ еще дальнѣйшему сокращенію этого размѣра, т.-е., вообще, дѣло направлялось къ усиленію малоземелья и къ парализующему самое значеніе надѣла платежному обремененію. Мятежъ 1863 года, напомнивъ о политическомъ значеніи крестьянскаго элемента въ

---

[1]) См. о томъ подробнѣе мои статьи: „Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ“, августъ и сентябрь 1900 года, и „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“—іюль 1901 года.

краѣ, пробудилъ правительственное участіе къ его правамъ и интересамъ. Прежде всего, это выразилось въ объявленіи обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ съ повсемѣстнымъ пересмотромъ правильности уставныхъ грамотъ, за исключеніемъ, однако, нѣсколькихъ сотъ имѣній, по которымъ утверждены были упомянутые выкупные договоры. Но въ совокупности новыхъ и старыхъ законовъ оставалось еще столько неполноты, неясности и даже взаимныхъ противорѣчій, что дѣйствительныя нужды крестьянскаго дѣла не охватывались и самое примѣненіе закона затруднялось недоразумѣніями. Оттого выгодность или тягостность крестьянскаго устройства оставались еще большимъ вопросомъ. Главнымъ образомъ, необходимо было достаточно ясно и широко поставить возстановленіе инвентарнаго надѣла и облегчить крестьянскіе платежи.

Пополненіе пробѣловъ законодательства въ этомъ смыслѣ вызвано было иниціативою учрежденной при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ временной коммиссіи по направленію крестьянскаго дѣла, въ которой главными дѣятелями были Г. П. Галаганъ, А. Ѳ. Воронинъ и Ѳ. П. Сабанѣевъ, и которая опиралась на содѣйствіе значительной части обновленнаго состава мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Въ коммиссію и въ означенныя учрежденія успѣла проникнуть общественная струя, выражавшая частицу извѣстнаго общественнаго движенія начала шестидесятыхъ годовъ; но усиліямъ ихъ препятствовали косность и несочувствіе главной кіевской и мѣстной губернской администраціи. Отсюда возникла борьба, при которой развитіе крестьянскаго дѣла хотя подвигалось, но съ большимъ трудомъ. Новые законы появлялись, но практическое пользованіе ими тормазилось администраціею и сокращалось.

Процессъ означенной борьбы, въ которой на одной сторонѣ была живая иниціатива безъ власти, а на другой—власть безъ жизни и даже рѣшительности, занялъ весь 1864-й и начало 1865 года. Дѣлу надо было стать на опредѣленный путь, но при безличномъ генералъ-губернаторѣ Анненковѣ это не могло быть достигнуто, такъ какъ онъ не могъ ни самъ двинуться впередъ, ни сдержать своихъ противниковъ. Повѣрка уставныхъ грамотъ, т.-е. фактическое устройство крестьянъ, затормазилась. Такое натянутое положеніе могло разрѣшиться такъ или иначе лишь при новомъ генералъ-губернаторѣ, способномъ выбрать тотъ или другой путь, т.-е. или оживить крестьянское дѣло, или подавить отзывчивость къ крестьянскимъ интересамъ. Въ началѣ 1865 года, Анненковъ и былъ замѣненъ старымъ, но энергич-

нымъ и умнымъ генераломъ Безакомъ. Послѣдній воспринялъ участливое отношеніе къ крестьянству и сталъ дѣятельно проводить соотвѣтствующее тому направленіе,—только это обнаружилось не сразу, и первые мѣсяцы его управленія прошли среди недоумѣній. Временная коммиссія, которой дѣло такъ много было обязано, подверглась упраздненію вслѣдъ за назначеніемъ Безака, но духъ ея въ значительной мѣрѣ перешелъ въ генералъ-губернаторское управленіе, причемъ остались на службѣ при генералъ-губернаторѣ и два дѣятельныхъ члена коммиссіи—Воронинъ и Сабанѣевъ.

Въ это время, бо̀льшая часть необходимыхъ для успѣха дѣла законовъ была уже утверждена или подготовлена, а составъ и исполнительныя средства мировыхъ съѣздовъ увеличены, сообразно размѣру предстоявшей имъ работы. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Безака былъ созывъ въ каждой губерніи края большихъ съѣздовъ представителей крестьянскихъ учрежденій для возможнаго систематизированія пониженія выкупныхъ платежей съ цѣлью соразмѣрить эти платежи съ условіями крестьянской состоятельности. Съѣзды эти выработали свои заключенія; результаты трудовъ ихъ представлены генералъ-губернатору, и затѣмъ, по указанію послѣдняго, губернскія присутствія дали мировымъ съѣздамъ въ руководство опредѣленныя нормы пониженій. Такъ открылась уже возможность взяться энергически за пересмотръ основаній крестьянскаго устройства по всѣмъ селеніямъ, одному за другимъ.

Съ этого момента начался тотъ ходъ дѣла, о которомъ говорится въ настоящей статьѣ.

I.

Процессъ повѣрочныхъ работъ.

Новый фазисъ крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ наступилъ въ концѣ апрѣля 1865 года. Разсужденія, споры и съѣзды по общимъ вопросамъ крестьянскаго устройства закончились, и мировыя учрежденія перешли къ дѣловой исполнительной работѣ: началась безостановочная, истинно страдная повѣрка уставныхъ грамотъ на мѣстахъ.

Положеніе уже рѣзко измѣнилось противъ бывшаго всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Законодательство значительно расчистило путь для повѣрочныхъ дѣйствій, а борьба за направленіе, при болѣе благопріятномъ отношеніи къ дѣлу новаго генералъ-

губернатора Безака, прекратилась. Мировымъ съѣздамъ предстояло уже не отстаивать крестьянскіе интересы противъ сократительныхъ стремленій администраціи, а напротивъ—испытывать понужденія къ энергическому дѣйствованію въ томъ самомъ направленіи, какое вырабатывалось учрежденіями же по крестьянскимъ дѣламъ въ предшествовавшее время. Тутъ оставалось только работать. А работы предстояло огромная масса. Въ большинствѣ селеній повѣрочное дѣло не было даже начато, да кромѣ того нужно было додѣлывать или передѣлывать многое изъ произведеннаго раньше, во время колебаній и борьбы.

Наступившій періодъ былъ самый обильный по практическимъ результатамъ, такъ какъ тутъ почти каждый день приносилъ какой-нибудь шагъ по фактическому устройству селеній; однако—хотя этотъ періодъ длился около трехъ лѣтъ—разсказывать о немъ приходится не больше, чѣмъ объ одномъ предшествовавшемъ годѣ. Дѣло въ томъ, что, говоря объ этомъ годѣ, надо было изображать сложный и характерный процессъ борьбы за самыя основы крестьянскаго устройства, хотя эта борьба шла только въ средѣ учрежденій, почти вовсе не ощущаясь самими крестьянами. А въ новомъ періодѣ, хотя чувствительнѣйшимъ образомъ на дѣлѣ измѣнялось положеніе сельскихъ интересовъ, но огромная масса дѣлъ шла уже настолько однообразно, что вдаваться въ подробности значило бы часто повторять одинаковыя черты.

Лично у меня опытъ въ этомъ дѣлѣ былъ большой, такъ какъ мнѣ пришлось работать надъ повѣркою уставныхъ грамотъ въ двухъ уѣздахъ: сперва въ одномъ, будучи мировымъ посредникомъ, а потомъ въ другомъ—въ качествѣ предсѣдателя мирового съѣзда, причемъ на эту работу ушло два года сплошь, безъ перерыва. Въ это время нельзя было терять ни одного дня, потому что независимо отъ общаго правительственнаго требованія ускорить ходъ дѣла, а также генералъ-губернаторскихъ настояній, надо было и по собственнымъ соображеніямъ крайне дорожить временемъ, чтобы успѣть закончить все возможное при дѣйствіи благопріятныхъ условій, не оставляя значительныхъ недодѣлокъ тому будущему, которое могло принести какія-нибудь новыя вѣянія. Соображенія эти вполнѣ оправдались послѣдующимъ опытомъ. Поэтому процессъ повѣрки уставныхъ грамотъ прерывался лишь на самые короткіе промежутки времени, когда необходимо было отвлекаться къ текущимъ административнымъ дѣламъ и неизбѣжной перепискѣ. И въ деревняхъ, и въ канцеляріяхъ работа кипѣла съ утра до поздней ночи.

Затрудненій предстояло еще довольно, но уже почти исключительно техническихъ. Такъ какъ большинство изъ насъ были людьми пріѣзжими,—причемъ иные, будучи готовы теоретически, приглядывались къ мѣстнымъ сельскимъ условіямъ только въ теченіе предъидущихъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ,—то намъ неизбѣжно было встрѣчать на практикѣ не мало новаго. Приходилось одновременно учиться и дѣйствовать. Главную задачу повѣрки уставныхъ грамотъ составляло разысканіе полнаго состава бывшаго инвентарнаго земельнаго владѣнія, но надо было приспособиться къ средствамъ этого разысканія. Только порядочно напрактиковавшись, можно было достаточно освоиться съ этимъ дѣломъ. Далѣе, почти съ самаго начала почувствовался недостатокъ въ землемѣрныхъ силахъ, которыя часто оказывались еще очень неудовлетворительными.

Такъ какъ сущность успѣха всего болѣе зависѣла отъ практическихъ пріемовъ работы, то, въ виду ихъ значенія, надо прежде всего изобразить самый процессъ повѣрки уставныхъ грамотъ.

Прибывъ въ селеніе, мировой съѣздъ помѣщается въ какой-нибудь относительно просторной крестьянской хатѣ. Заѣзжать къ помѣщикамъ по ихъ приглашеніямъ мы по возможности избѣгали, потому что это производило неблагопріятное впечатлѣніе на крестьянъ, да и неизбѣжна была неловкость положенія при пользованіи гостепріимствомъ тѣхъ, чьи интересы приходилось чувствительно затрогивать, разрѣшая ихъ счеты съ крестьянами. Разбирательство происходило большею частью на свѣжемъ воздухѣ, въ садикѣ, сараѣ или подъ навѣсомъ, словомъ—гдѣ можно укрыться отъ лѣтнихъ солнечныхъ лучей. Выносятся туда столъ, скамейки или захудалые стулья. Вокругъ стола усаживаются члены мирового съѣзда; тутъ же садится помѣщикъ или уполномоченный имъ управляющій, или помѣщичій адвокатъ давняго типа, по мѣстному—„пленипотентъ". Передъ столомъ образуется густая толпа крестьянъ, впереди которой—староста и старшина. Въ толпѣ неизбѣжно виднѣются и бабы, особенно заинтересованныя какою-нибудь мелкою земельною претензіею или имѣющія другого рода жалобы.

Послѣ объясненія относящихся къ дѣлу законовъ, начинается медленное чтеніе уставной грамоты. Идетъ поименная перекличка всѣхъ домохозяевъ, съ обозначеніемъ—кто изъ нихъ тяглый, кто пѣшій или огородникъ [1]). Крестьяне заявляютъ поправки и тутъ

---

[1]) Тяглые владѣли двойнымъ пѣшимъ полевымъ надѣломъ, а огородники—одною усадьбою безъ поля.

же обыкновенно выступаютъ жалобы на былое отнятіе усадебъ или частей ихъ. Противъ каждой жалобы помѣщикъ или его представитель даетъ свои объясненія, а для дополненія дѣлаются справки въ инвентарѣ [1])—въ старомъ планѣ и т. под. При спорахъ и разнорѣчіяхъ опрашиваются еще сторонніе крестьяне, давніе служащіе помѣщичьихъ экономій, мѣстная шляхта, иногда священники и т. д. Потомъ дѣло доходитъ до полевого надѣла. Въ иномъ селеніи крестьяне жалуются на отнятіе только отдѣльныхъ участковъ, а въ другомъ—на общее уменьшеніе количества ихъ земли съ сокращеніемъ всѣхъ участковъ или на полную перекройку всего состава ихъ землевладѣнія, причемъ требуютъ возврата прежней земли „по старымъ межамъ". При спорахъ поднимается великій шумъ, а особенною крикливостью и докучливостью отличаются бабы, твердящія по нѣскольку разъ одно и то же о какомъ-нибудь кускѣ огорода. Удалитъ бабу староста, но, немного погодя, она выступаетъ уже съ другой стороны толпы и снова долбитъ прежнюю исторію. Если въ селеніи сотни дворовъ, то на одни словесныя объясненія и пререканія уходитъ нѣсколько часовъ. Когда же все достаточно высказано—подаются повозки и мировой съѣздъ съ крестьянами и представителемъ помѣщичьей стороны отправляется на поля и въ лѣсъ—осматривать качество земли, примѣты спорныхъ границъ и все то, что нуждается въ мѣстномъ осмотрѣ. Послѣ всѣхъ объясненій и осмотровъ публично прочитывается на-черно составленный протоколъ, гдѣ перечисляются всѣ заявленныя претензіи и добытыя относительно ихъ свѣдѣнія съ заключеніемъ: что крестьянамъ возвратить, какія земли обмѣнять обратно, въ чемъ крестьянамъ отказать и какія имѣются основанія къ пониженію платежей. Если селеніе велико и передѣлокъ въ крестьянскомъ надѣлѣ требуется много—на повѣрку уходитъ дня два или три. Затѣмъ, посылается на мѣсто землемѣръ для инструментальной съёмки земли, долженствующей уже дать точныя цифры состава и размѣра надѣла, на основаніи которыхъ исчисляются платежи и слѣдующая помѣщику, по капитализаціи ихъ, выкупная сумма.

Едва закончилась одна повѣрка — мировой съѣздъ переѣзжаетъ въ слѣдующее селеніе, гдѣ начинается то же самое и т. д. Сколько помню, въ одномъ только уѣздѣ нашей (подольской) губерніи, отличавшемся особенною крупностью землевладѣнія, под-

[1]) „Инвентарями" назывались составленныя около 1847 года описанія имѣній, съ подробнымъ объясненіемъ состава, размѣра и распредѣленія крестьянской земли и съ поименными списками крестьянъ.

лежавшихъ повѣркѣ уставныхъ грамотъ было меньше ста; въ другихъ же—полтораста, двѣсти и больше. Одно это показываетъ, сколько было работы.

Такова была внѣшняя сторона дѣла. Теперь надо перейти къ его сущности. Задача повѣрки, какъ объяснялось уже прежде, распадалась главнымъ образомъ на двѣ части: возстановленіе инвентарнаго надѣла и уменьшеніе выкупныхъ платежей. Наибольшую сложность и затрудненія представляло, разумѣется, первое. Землею и крестьяне больше интересовались, перемѣны въ ней и помѣщикамъ были чувствительнѣе. Сложность земельнаго вопроса являлась послѣдствіемъ основного различія между началами крестьянскаго устройства въ юго-западномъ краѣ и въ другихъ губерніяхъ Россіи. Тогда какъ въ этихъ послѣднихъ приходилось считаться съ наличною численностью населенія, съ наличнымъ надѣломъ и нормами „Положеній", — вообще съ фактами *современными*,—въ юго-западномъ краѣ все пріурочивалось къ возстановленію порядка, *бывшаго* при введеніи инвентарей, т.-е. къ 1847 году. Великъ или малъ былъ тогда надѣлъ, хорошъ или дуренъ—онъ долженъ быть тотъ, какой былъ въ 1847 году. Всѣ споры и рѣшенія вращались около одного вопроса: была ли во владѣніи крестьянъ та или другая земля въ инвентарный моментъ? Если она отнята въ 1846 году или раньше—крестьяне получаютъ отказъ, а если въ 1848 или позже — она имъ возвращается. Оттого при спорахъ одна сторона обыкновенно усиливалась доказать, что земельное отнятіе совершилось хоть годомъ раньше инвентарнаго момента, а другая—что хоть годомъ позже. При такихъ условіяхъ, повѣрка усвоивала характеръ „слѣдствія" о томъ, что *было* въ 1847 году, а устанавливать это приходилось по документамъ, показаніямъ и всякимъ возможнымъ къ полученію свѣдѣніямъ почти двадцать лѣтъ спустя.

„Положеніе" давало для розыска инвентарной земли только поверхностныя, примѣрныя указанія: не полагаться на одни показанія инвентарей, но удостовѣряться разсмотрѣніемъ плановъ имѣнія, „если таковые имѣются", и „въ особенности посредствомъ опроса сосѣднихъ стороннихъ крестьянъ и др. лицъ"—не уменьшилось ли съ инвентарнаго времени число надѣленныхъ дворовъ, не сокращенъ ли размѣръ ихъ участковъ и не переведены ли тѣ или другіе крестьяне изъ высшихъ разрядовъ въ низшіе? Но пользованіе подобными пособіями соединялось со многими затрудненіями. Всего бы пригоднѣе были планы инвентарнаго времени, но у однихъ помѣщиковъ они были, у другихъ оказывались лишь позднѣйшіе или ужъ слишкомъ давніе,

а у третьихъ не было никакихъ. Иные помѣщики рѣшительно отказывались давать не только планы, но даже инвентари. Кромѣ того, большой вопросъ представляла самая достовѣрность плановъ. Разъ, при крупномъ разнорѣчіи, помѣщикъ предъявилъ вполнѣ подходящій по наружности планъ, но когда пришлось взглянуть на него противъ свѣта, то въ его бумагѣ обнаружились такіе водные знаки, которые свидѣтельствовали, что самая эта бумага сдѣлана гораздо позже того года, какимъ планъ былъ помѣченъ, т.-е. подъ видомъ инвентарнаго владѣнія выставлялось позднѣйшее, измѣненное. Иные планы оказывались такими вытертыми, измятыми или склеенными изъ кусковъ, что одинъ наружный видъ ихъ внушалъ подозрѣнія относительно ихъ передѣлокъ послѣ составленія. Встрѣчались и исправные по внѣшности планы, но до того расходящіеся со всѣми прочими данными и даже съ показаніями предъявившихъ ихъ помѣщиковъ, что если и можно было допускать составленіе ихъ около 1847 года, то развѣ въ видѣ проектовъ, приводившихся въ исполненіе уже впослѣдствіи. Нѣкоторые лишены были необходимыхъ подробностей,—напр., показывая общее очертаніе лѣса, не объясняли, были ли среди послѣдняго крестьянскіе сады, тогда какъ существованіе этихъ садовъ удостовѣрялось не только словесными показаніями, но и явственными признаками, сохранившимися на мѣстахъ до повѣрки. Зато случались и совсѣмъ неожиданныя разъясненія; у одного акуратнаго помѣщика велась хозяйственная книга, въ которой ежегодно набрасывались домашніе чертежи площадей посѣвовъ. Онъ представилъ эту книгу, и ясно стало, гдѣ въ каждомъ году были границы помѣщичьихъ полей,—слѣдовательно, оставалось соображаться съ чертежами инвентарнаго года.

Инвентари, въ свою очередь, бывали ненадежны, иногда очень рѣзко расходясь съ показаніями. Приведу выдающійся примѣръ. Въ одномъ крупномъ имѣніи, принадлежавшемъ помѣщику, жившему въ Галиціи, къ повѣркѣ явился уполномоченный имъ главноуправляющій. Заявивъ письменно, что признаетъ крестьянскія требованія преувеличенными, но самъ инвентарной земли хорошо не знаетъ,—этотъ главноуправляющій выставилъ, въ качествѣ самаго надежнаго свидѣтеля, брата мѣстнаго ксендза, долго занимавшаго какую-то должность въ имѣніи, и просилъ довѣрять показаніямъ этого свидѣтеля, какъ своимъ собственнымъ. Свидѣтель тоже горячо напрашивался на показанія, чуть не клятвенно увѣряя, что помнитъ инвентарную эпоху, какъ вчерашній день, и зналъ каждаго мужика. Тогда мировой съѣздъ,

съ инвентаремъ въ рукахъ, но не показывая его свидѣтелю, сталъ опрашивать его, какимъ надѣломъ владѣлъ каждый крестьянскій хозяинъ? Свидѣтель, не задумываясь, на все отвѣчалъ категорически, съ видимымъ убѣжденіемъ, что поддерживаетъ помѣщичьи интересы и опровергаетъ крестьянъ, но его показанія постоянно расходились съ инвентаремъ и какъ разъ въ обратную сторону. Онъ насчиталъ гораздо больше хозяевъ съ высшими участками, чѣмъ значилось въ инвентарѣ, и когда пришлось подвести итогъ всѣхъ названныхъ имъ участковъ, то оказалась самая ничтожная разница противъ того, чего добивались крестьяне и что подкрѣплялось прочими свѣдѣніями. Безъ вѣдома своего, свидѣтель опровергъ инвентарь и поддержалъ не помѣщика, а крестьянъ, которыхъ думалъ оспаривать.

Пользованіе показаніями стороннихъ лицъ въ свою очередь требовало осторожности. Крестьяне склонны были поддерживать крестьянъ, своихъ сосѣдей; шляхта тоже часто ихъ поддерживала, но въ присутствіи помѣщиковъ или управляющихъ боялась имъ противорѣчить, чувствуя свою зависимость отъ нихъ. Впрочемъ, послѣ долгаго опыта, лично я все-таки вынесъ мнѣніе, что опросъ стороннихъ сосѣдей былъ наиболѣе надежнымъ основаніемъ; если они не подготовлялись заранѣе, то отчетливо покажутъ, что знаютъ, и развѣ невольно собьются въ опредѣленіи времени какого-нибудь событія. Особенно удачны бывали случаи, когда при осмотрѣ полей тутъ же вызовешь нѣсколько мужиковъ изъ смежной деревни, неожиданно для нихъ, и разспросишь—въ чьемъ именно пользованіи находился тотъ или другой кусокъ земли. Сбивчивость всего чаще возникала при опредѣленіи момента земельныхъ перемѣнъ. Тутъ многимъ память измѣняла; по словамъ однихъ — дѣло было лѣтъ пятнадцать назадъ, а по воспоминаніямъ другихъ — пожалуй и двадцать, а между тѣмъ въ этой-то разницѣ бывала вся суть вопроса. Случалось, что при спорѣ о мѣстѣ прохожденія старой межи между крестьянскими и помѣщичьими полями помогали особаго рода примѣты. Напримѣръ, линія межи, давно запаханной и нѣсколько разъ перепахивавшейся, очень долго сохраняетъ замѣтную возвышенность надъ площадью той земли, по которой она проходитъ, и вотъ бывало, что линія этого возвышенія явится нагляднымъ подкрѣпленіемъ показаній о старой границѣ. Иногда выручало то, что уцѣлѣлъ стоявшій около давней межи крестъ, большой камень и т. под. Случалось и такъ, что послѣ перемѣны крестьянскаго надѣла на прежнемъ его мѣстѣ сохранились два—три старыхъ шляхетскихъ участка, которые обыкно-

венно имѣли равную величину съ крестьянскими. По этому остатку старины можно было возстановить былой объемъ крестьянскаго владѣнія: стòило только измѣрить подобный участокъ и помножить его величину на число крестьянскихъ инвентарныхъ дворовъ.

Помѣщики, большею частью, оспаривали крестьянскія показанія, но правду все-таки легче было выяснить, когда присутствовалъ самъ помѣщикъ. Если дѣлаемыя ему крестьянами возраженія, сопровождаемыя напоминаніями о тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, становились убѣдительными,—онъ часто соглашался. Бывало еще, что онъ, незамѣтно для себя и противъ себя, самъ помогалъ крестьянамъ, особенно когда вызывался дать письменное объясненіе. Доставитъ бумагу, обыкновенно называемую „внесеніемъ", и тутъ-то даетъ противъ себя оружіе. Распространившись о быломъ, особенно о своихъ прежнихъ благодѣяніяхъ крестьянамъ, онъ какъ разъ пропишется и дастъ такія указанія, которыя, противорѣча его прежнимъ заявленіямъ, поддержатъ крестьянскія требованія. Давать помѣщикамъ или управляющимъ побольше писать было довольно практичнымъ пріемомъ.

Но когда выступалъ адвокатъ, такъ называемый „пленипотентъ", картина значительно мѣнялась. Помѣщикъ умолкалъ, вѣруя въ его жреческую премудрость, и отдѣлывался отъ вопросовъ уклончивостью, лишь вопросительно взглядывая на пленипотента. И послѣдній зналъ себѣ цѣну. Онъ возражалъ противъ всего и выставлялъ себя знающимъ все происходившее въ имѣніи въ какую угодно пору, хотя на дѣлѣ всѣ его познанія почерпались изъ наскоро сдѣланныхъ разспросовъ какого-нибудь эконома. Подобное всевѣдѣніе особенно бросалось въ глаза потому, что иные пленипотенты имѣли очень обширную практику. Я зналъ одного, обладавшаго полномочіями въ нѣсколькихъ уѣздахъ, и вездѣ онъ являлся знатокомъ исторіи имѣній. На все у него готовъ былъ отвѣтъ и „внесенія" слѣдовали одно за другимъ. Однако, усердствуя своимъ довѣрителямъ, не забывали они и о собственныхъ выгодахъ. Помню, какъ одинъ пленипотентъ съ широкою практикою вкинулъ разъ въ свое письменное объясненіе нѣчто такое, что какъ разъ могло дать поводъ къ новому спору вовсе не въ интересахъ его довѣрителя. Спрашиваю его потомъ—зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? А пленипотентъ съ двусмысленною улыбкою, полу-шутя отвѣчаетъ: „А что-жъ мнѣ себя забывать! Если все будетъ ясно и закончено, то и дѣлу скоро конецъ, а когда останется хвостикъ для дальнѣй-

шихъ споровъ и защиты — я опять буду нуженъ". — Но понравится ли это вашему довѣрителю? — „А развѣ онъ что-нибудь разберетъ"!

Вообще, слѣдуетъ сказать, что гдѣ помѣщикъ совсѣмъ не трогалъ инвентарной земли, тамъ и претензій почти не было. Сколько въ такомъ имѣніи ни приходилось разспрашивать крестьянъ—отвѣтъ получался одинъ: земля у насъ та самая, какая была 25 или 30 лѣтъ назадъ. Зато совсѣмъ обратное положеніе возникало тамъ, гдѣ перемѣны послѣ инвентарей дѣлались два или нѣсколько разъ. Изъ показаній выходило, что у крестьянъ была и та, и другая, и третья земля, все это подтверждалось и самъ помѣщикъ затруднялся возражать. Словомъ, фактъ владѣнія являлся несомнѣннымъ; оставалось только мѣсто подозрѣнію—одновременно ли владѣли крестьяне всѣми этими землями, или въ разное время, т.-е. не попадалъ ли одинъ спорный участокъ въ крестьянское владѣніе въ замѣнъ другого? И при такой путаницѣ, отъ трудности точнаго установленія моментовъ каждой перемѣны, не мудрено бывало зачислить въ надѣлъ оба участка, т.-е. настоящій инвентарный и данный въ обмѣнъ его, а потомъ тоже отнятый. Задача разслѣдованія вообще была широкая, запутанная, да и не могло быть иначе, когда все строилось на основаніи давняго факта, въ свое время точно не констатированнаго. Многое также не могло не зависѣть отъ умѣлости и личныхъ особенностей самихъ членовъ мировыхъ съѣздовъ.

Очень важную и трудную сторону дѣла представляло межеваніе. Всѣ крестьянскіе надѣлы подлежали измѣренію и снятію на планы. Не разъ потомъ приходилось слышать нареканія на ошибки этихъ плановъ, и хотя трудно сказать, насколько подобныя ошибки были часты и велики, но вѣрно то, что избѣжать ихъ было рѣшительно нельзя. Во всякомъ дѣлѣ надо принимать во вниманіе условія возможности, а тутъ положеніе было исключительное. Требовалось въ какіе-нибудь два года размежевать три губерніи съ восемью тысячами имѣній разной величины и нерѣдко черезполосныхъ. Вездѣ, гдѣ производились казенныя межеванія,—напримѣръ, въ Малороссіи или въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ,—они тянулись подолгу, безъ торопливости, и въ соотвѣтствіи съ количествомъ надежныхъ землемѣрныхъ силъ, а въ юго-западномъ краѣ спѣшность вызывалась потребностью самой развязки сельскихъ отношеній, которая не допускала никакихъ выжиданій. Исполнительныхъ же средствъ было мало. Землемѣры въ краѣ были, но лишь въ количествѣ,

достаточномъ для обыкновенной потребности въ нихъ, а тутъ разомъ выросъ на нихъ небывалый спросъ, долженствовавшій скоро же прекратиться. Легко ли было вдругъ набрать такую массу со строгимъ разборомъ? На каждый мировой участокъ назначалось по два землемѣра,—слѣдовательно, для уѣзда требовалось около десяти, а для губерніи—около ста-двадцати. Приняты были старые мѣстные практиканты—если не всегда достаточной учебной подготовки, зато опытные, привычные къ извѣстной акуратности, и они, пожалуй, были наиболѣе цѣнны. Въ добавокъ къ нимъ назначались молодые люди, выпускаемые таксаторскими классами, но въ этихъ уже больше сказывалось небрежности, лѣности и стремленія скорѣе нахватать побольше задѣльной платы за работу, исполненную какъ-нибудь. Являлись и пріѣзжіе изъ другихъ мѣстностей. Однако и всего штатнаго количества скоро оказалось мало, и, подъ вліяніемъ неотложной нужды, мировымъ учрежденіямъ разрѣшено было давать отдѣльныя межевыя работы еще случайнымъ техникамъ, гдѣ только ихъ можно было находить. Въ число такихъ волонтеровъ попадалъ и заѣзжій морякъ, и обученный обращенію съ астролябіею пѣхотный офицеръ; а разъ явился къ намъ даже совсѣмъ необыкновенный охотникъ: французъ, который сперва работалъ у Лессепса на Суэзскомъ каналѣ, оттуда попалъ на Кавказъ, далѣе очутился въ Финляндіи и затѣмъ явился въ Подолію. За свою практику въ Россіи онъ едва выучился плохо говорить и писать по-русски, а хорошо усвоилъ только приверженность къ водкѣ, почему пришелъ къ намъ пѣшкомъ, въ отчаянной одеждѣ и обуви. Межевать, однако, умѣлъ. Когда такіе разнообразные люди работали одновременно въ десяти мѣстахъ уѣзда, контролировать ихъ работу было крайне трудно, и надзоръ былъ случайный, выражавшійся или въ замѣчаніяхъ по поводу наружнаго осмотра плановъ, или въ рѣдкихъ наблюденіяхъ на мѣстѣ со стороны знающаго мирового посредника. Входить въ бо̀льшую критику—не хватало ни времени, ни силъ. Соображая все это, можно было опасаться гораздо бо̀льшихъ ошибокъ, чѣмъ тѣ, о какихъ приходилось слышать. Землемѣры и при снисходительности къ нимъ достаточно тормазили дѣло.

Вотъ какъ обставлено было земельное дѣло. Что же касается пониженія выкупныхъ платежей, то оно и къ срединѣ 1865 года все еще не было приведено въ опредѣленную систему. Выигрышъ достигнутъ былъ, собственно, въ томъ, что пониженіе стало всюду общимъ правиломъ, но большой вопросъ оставался относительно его размѣровъ. Какъ было объяснено въ статьѣ

„Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“ (глава V), по распоряженію генералъ-губернатора намъ даны были выработанныя губернскимъ присутствіемъ нормы, но главный недостатокъ ихъ состоялъ въ томъ, что построены онѣ были почти исключительно на соображеніяхъ о качествѣ почвы. Когда было чѣмъ укорить почву—находился формальный поводъ къ чувствительному пониженію, а когда этого не было—пониженіе можно было назначать совсѣмъ ничтожное, мотивируя его вознагражденіемъ за потерю крестьянами прежняго отпуска лѣсного матеріала или чѣмъ-либо подобнымъ. Между тѣмъ, какъ бы ни была хороша почва—все-же и ей существуетъ предѣльная цѣна, а бывшія на мѣстахъ продажныя и арендныя цѣны ясно показывали, что дѣйствительная стоимость даже вполнѣ удовлетворительныхъ надѣльныхъ земель значительно ниже установленной для нихъ оцѣнки, слѣдовательно пониженіе нужно было и независимо отъ достоинства почвы. Формальная система пониженій упускала такое важное обстоятельство, какъ величина надѣла, чувствительно отражавшаяся на крестьянской состоятельности. Вслѣдствіе того, въ массѣ случаевъ перваго времени выходило, что при полной безукоризненности почвенныхъ условій крестьяне все-таки будутъ несостоятельны ко взносу тѣхъ платежей, которые придется имъ назначить сообразно даннымъ нормамъ. Въ виду этого, иные искали исхода въ усиленномъ охаиваніи почвы; но если тутъ результатъ и подходилъ къ нуждамъ дѣла, то способъ выходилъ все-таки не ладный. Словомъ, на практикѣ скоро сказалась неполнота тѣхъ основаній, какія были приняты и на нашемъ весеннемъ съѣздѣ въ Каменцѣ, и въ системѣ, введенной потомъ губернскимъ присутствіемъ (см. V главу статьи: „Страница кр. дѣла на юго-западѣ“).

Дополнять систему пониженій пришлось постепенно, во время самаго хода повѣрочныхъ работъ. Генералъ-губернаторъ, имѣя право окончательно утверждать пониженія, самъ входилъ въ разсмотрѣніе частныхъ случаевъ, и то уменьшалъ, то увеличивалъ предположенныя пониженія, пріурочивая платежныя нормы къ мѣстностямъ. Также стало поступать потомъ и губернское присутствіе, не стѣсняясь прежними своими заключеніями.

А сколько интереснаго матеріала представлялось мировымъ съѣздамъ при личныхъ встрѣчахъ съ огромнымъ помѣщичьимъ персоналомъ! Тутъ было цѣлое море для наблюденія характеровъ, для изученія разнообразныхъ типовъ, потому что натура человѣка рѣдко раскрывается такъ глубоко, какъ при чувствительномъ затрогиваніи его имущественныхъ интересовъ. При дав-

нихъ условіяхъ жизни, Гоголю, для представленія галереи помѣщичьихъ портретовъ, понадобилась мудреная комбинація покупки „мертвыхъ душъ", а при повѣркѣ уставныхъ грамотъ портреты приходили къ намъ сами собою въ огромномъ количествѣ и разнообразіи. Были и вполнѣ благородные, и средней порядочности, и смѣшанные, и пошлые, и отвратительные.

Вспоминая лучшіе образцы, приведу одинъ особенно памятный мнѣ примѣръ. Однажды является ко мнѣ помѣщикъ Гурскій и сообщаетъ, что на дняхъ умерла его теща, оставивъ имѣнія его женѣ, ея братьямъ и сестрамъ. Умершая владѣла этими имѣніями по завѣщанію мужа только пожизненно, въ теченіе четырнадцати лѣтъ. „Теперь,—объяснилъ Гурскій,—когда мы стали разбирать семейный архивъ покойной, то нашли предсмертное распоряженіе ея мужа, по которому онъ возлагалъ на нее обязанность, во все время пожизненнаго владѣнія, платить за крестьянъ половину ихъ податей. Мы достовѣрно знаемъ, что покойница этого не исполняла, но, узнавъ о существованіи такого распоряженія, желаемъ свято его исполнить, и вотъ наша общая просьба къ вамъ: соберите справки, сколько именно покойная должна была уплатить за крестьянъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ, и вычтите все это изъ слѣдующей намъ выкупной суммы, чтобы крестьяне воспользовались тѣмъ, что̀ было имъ назначено волею отца моей жены".—Упомянутое распоряженіе было домашнее, никѣмъ не утвержденное, никому неизвѣстное, слѣдовательно не имѣло ровно никакой законной силы, но отозвалась чуткая человѣческая совѣсть,—и оно получило полное осуществленіе! Оставалось искренно пожать руку моему посѣтителю. По справкамъ же вышло, что надо было удержать около десяти тысячъ рублей.

Конечно, подобныя личности встрѣчались какъ очень рѣдкія исключенія. Мнѣ пришлось видѣть даже какъ разъ обратный примѣръ. Крупный помѣщикъ, бывшій предводитель, владѣлъ имѣніемъ, полученнымъ по завѣщанію отъ дальняго родственника подъ условіемъ постоянной уплаты за крестьянъ всѣхъ податей. Но, послѣ долгаго исполненія этой обязанности, деньголюбивый наслѣдникъ надумался и—какъ только окончилось выкупное дѣло—прекратилъ платежъ, да еще предъявилъ къ крестьянамъ судебный искъ за прошлое, причемъ никакія убѣжденія на него не дѣйствовали.

Съ помѣщиками средней порядочности имѣть дѣло было нетрудно, но встрѣчались такіе, которые считали нужнымъ вести съ крестьянами упорную борьбу изъ-за всякаго пустяка, жалуясь

на все, что ни дѣлалось въ пользу крестьянъ, не пренебрегая ни явнымъ уклоненіемъ отъ правды, ни самыми беззастѣнчивыми претензіями. Вообще, типовъ выступаетъ много въ моей памяти. Вотъ крупный помѣщикъ, считающійся магнатомъ и во всемъ полагающійся на своихъ управляющихъ и пленипотентовъ. Вотъ бывшіе управляющій и пленипотентъ титулованнаго владѣльца, прихватившіе себѣ каждый по одному изъ его имѣній, а своего патрона пустившіе въ трубу; они очень стараются казаться важными панами, но сосѣди чувствительно уязвляютъ ихъ отзывами, что каждый изъ нихъ вовсе не „съ пановъ панъ", а „доробковичъ", т.-е. человѣкъ, пробившійся изъ бѣдности и подчиненнаго положенія. Вотъ и самъ разоренный, но не обратившійся ни въ Тимона Аѳинскаго, ни въ короля Лира, а сохранившій старое добродушіе графъ, который пріютился на маленькомъ клочкѣ земли и, покинутый безъ помощи богатыми родственниками, спитъ на соломѣ и носитъ дырявые сапоги. Вотъ значительный помѣщикъ, съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, который, однако, при встрѣчѣ цѣлуетъ меня въ плечо, а при какой-нибудь существенной просьбѣ—и въ локоть. Вотъ отставной генералъ изъ остзейцевъ, величающійся своимъ воинскимъ чиномъ, хотя всѣ его военные подвиги ограничивались управленіемъ казенною случною конюшнею, на которой онъ и нажилъ имѣніе; онъ не можетъ примириться съ мыслью: „какъ это прежде и мужикъ былъ *мой*, и все принадлежавшее ему—*мое*, а теперь его у меня отняли, да онъ же еще заявляетъ ко мнѣ претензіи"! Вотъ богачъ, представляющій совершеннѣйшій типъ Плюшкина, своеручно переписывающій всѣ бумаги изъ скупости и пріобрѣвшій общую извѣстность тѣмъ, что даже жалованье служащему отдаетъ не иначе, какъ по суду, и оттого погрязъ въ тяжбахъ. Вотъ писатель доносовъ; вотъ мелкая помѣщица, промышляющая провозомъ контрабанды въ компаніи съ крестьянами... Но всѣхъ типовъ не перечесть, а они представляли обильный матеріалъ для характерныхъ очерковъ.

Различіе свойствъ этой массы людей выражалось какъ въ образѣ ихъ дѣйствій при повѣркѣ грамотъ, такъ и въ содержаніи и тонѣ ихъ жалобъ. Литература подобныхъ жалобъ была огромна. Рѣдкое повѣрочное дѣло обходилось безъ жалобы, почему заключительнымъ дѣйствіемъ съѣзда по каждому дѣлу бывала обыкновенно отписка противъ жалобы. Одинъ жалобщикъ просто говоритъ о существенныхъ обстоятельствахъ дѣла; другой пытается набросить на дѣйствія съѣзда тѣнь неблагонадежности;

у третьяго—наборъ общихъ фразъ, по подачу жалобы каждый почти считалъ чѣмъ-то въ родѣ гражданской обязанности.

По окончаніи всѣхъ повѣрочныхъ дѣйствій, уставная грамота передѣлывалась и, на основаніи ея, составлялся выкупной актъ, который затѣмъ объявлялся обѣимъ сторонамъ. Но и это не было концомъ дѣлу, потому что впереди были еще три инстанціи: губернское присутствіе, генералъ-губернаторъ и главное выкупное учрежденіе. Объявляя актъ, надо было предлагать крестьянамъ подождать терпѣливо еще. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ всѣхъ утвержденій, можно было приступать къ возстановленію инвентарнаго владѣнія въ натурѣ, измѣненію платежей и разсчету по всѣмъ сдѣланнымъ прежде переплатамъ. Крестьяне получали наконецъ прибавку земли и переходили къ желаннымъ „старымъ межамъ", причемъ нерѣдко возвращалось и уничтоженное-было черезполосье. Все приходило къ положенію, признанному „Положеніемъ" 1847 года, и хотя въ общемъ крестьянское устройство выигрывало, но гдѣ надѣлъ и въ 1847 году былъ малъ, тамъ крестьяне и послѣ повѣрки оставлялись въ трудныхъ условіяхъ.

II.

Генералъ-губернаторъ Безакъ.

Между тѣмъ какъ повѣрочная работа шла по деревнямъ и канцеляріямъ, генералъ-губернаторъ съ лѣта же 1865 года началъ объѣздъ всѣхъ трехъ губерній края, для личнаго наблюденія за ходомъ крестьянскаго дѣла. Часть уѣздовъ онъ успѣлъ посѣтить въ началѣ лѣта, а другую—въ концѣ, не пропустивъ изъ нихъ ни одного.

Объѣзды эти совершались съ немалою торжественностью. Предварительно посылались на мѣста состоявшія при Безакѣ должностныя лица, причемъ по крестьянскому дѣлу большею частію пріѣзжали, какъ спеціалисты, Воронинъ и Сабанѣевъ, которые, ознакомясь съ дѣлами губернскихъ присутствій и мировыхъ съѣздовъ, составляли свои замѣчанія для предварительнаго доклада генералъ-губернатору. Затѣмъ появлялся самъ Безакъ, сопровождаемый свитою гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Заранѣе становился извѣстнымъ его маршрутъ, соображаясь съ которымъ готовились къ опредѣленному дню: мировые съѣзды, желавшіе подавать жалобы помѣщики, чиновники и военныя лица. Кортежъ генералъ-губернатора бывалъ довольно великъ,

тѣмъ болѣе, что Безакъ возилъ съ собою даже свою кухню, почему на обѣдахъ самъ бывалъ хозяиномъ, очень рѣдко заѣзжая къ мѣстнымъ лицамъ, по ихъ приглашеніямъ. Къ обѣду обыкновенно приглашались его спутники и кое-кто изъ мѣстныхъ представителей власти, причемъ непремѣнно—предсѣдатель мирового съѣзда, а гдѣ Безакъ бывалъ особенно доволенъ ходомъ дѣла, то и мировые посредники.

Надо остановиться на обликѣ этого много сдѣлавшаго и еще недостаточно оцѣненнаго администратора не очень давняго прошлаго, какъ онъ представлялся намъ, представителямъ мѣстныхъ учрежденій. При встрѣчѣ съ Безакомъ, прежде всего обращала на себя вниманіе его неприглядная и непривѣтливая наружность: ростомъ онъ былъ малъ, худощавъ, одряхлѣвшее лицо совсѣмъ не гармонировало съ вычерненными волосами, а глаза выражали строгость, безстрастіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вдумчивость. Держалъ онъ себя довольно важно. Руку подавалъ очень немногимъ, и если кому подавалъ, то это было уже признакомъ особеннаго благоволенія и одобренія дѣятельности. Вообще, обращеніе его со всѣми отличалось сухостью, сосредоточенною серьезностью и отсутствіемъ многоглаголанія; спроситъ въ короткихъ словахъ о существенномъ, внимательно выслушаетъ, процѣдитъ нѣсколько словъ—и только. Фразъ у него не было. Въ засѣданіяхъ съ мировыми съѣздами или при докладахъ хотя случалось ему разговориться, но не очень. Любезности, привѣтливыхъ словъ отъ него почти никто не слышалъ. Гдѣ онъ былъ даже вполнѣ доволенъ, это выражалось короткимъ одобреніемъ или такимъ же изъявленіемъ благодарности. Болѣе участливое отношеніе къ одобряемымъ высказывалось развѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Все это не вызывало къ нему личныхъ симпатій, но послѣ дѣловыхъ объясненій, въ общемъ, впечатлѣніе получалось внушительное. Чувствовалось, что это не только старый Николаевскій генералъ и крупный представитель власти, но вмѣстѣ—умный, необыкновенно дѣятельный и знающій человѣкъ, у котораго слово тѣсно соединяется съ практическимъ дѣломъ. Если отъ него всего больше ожидали строгой требовательности, за то видно было также, что эта строгость, будучи дѣломъ натуры и привычки, не соединяется ни съ начальственнымъ капризомъ, ни съ намѣренною жесткостью.

Хотя Безакъ главнымъ образомъ интересовался крестьянскимъ дѣломъ, но при своихъ посѣщеніяхъ обращалъ вниманіе и на другія стороны управленія; осмотритъ воинскую часть, заглянетъ въ присутственныя мѣста, обойдетъ тюрьму, посѣтитъ

учебное заведеніе, поговоритъ съ учителями и учениками и вездѣ сдѣлаетъ болѣе или менѣе зоркія замѣчанія. Иногда ввернетъ среди рѣчи латинскую фразу, а въ одной гимназіи, разговорившись съ учениками, по какому-то поводу предложилъ имъ спросить его изъ Державина и, по выбору ученика, продекламировалъ па память „Водопадъ". Бывали при его посѣщеніяхъ характерные случаи, одинъ изъ которыхъ здѣсь передамъ.

Незадолго до перваго пріѣзда Безака въ губернскій городъ Каменецъ, въ окрестности стали исчезать нѣкоторые помѣщики. Спрашиваю какъ-то объ одномъ, заѣзжаю къ другому, и въ отвѣтъ получаю, что они—въ губернской тюрьмѣ. Что̀ за притча! Оказалось, что тутъ было специфическое проявленіе адмнистративнаго усердія. Въ это время обо многихъ производились еще политическія дѣла, между которыми было не мало вздорныхъ. Иныя возбуждались по какому-нибудь пустяшному доносу, возникшему изъ-за личныхъ счетовъ. Прикосновенныя къ такимъ дѣламъ лица большею частью оставались на свободѣ, лишь изрѣдка давая отвѣты на запросы слѣдственной коммиссіи, но, въ ожиданіи пріѣзда генералъ-губернатора, мѣстная администрація, чтобы показать лицомъ свою распорядительность, задумала разомъ потребовать всѣхъ въ тюрьму. Помню, какъ предварительно посѣтившій ее Сабанѣевъ съ возмущеніемъ разсказывалъ объ этомъ порывѣ административнаго усердія, прибавляя, что врядъ-ли онъ понравится Безаку. Дѣйствительно, какъ только послѣдній вошелъ въ тюрьму, въ сопровожденіи властей, то былъ пораженъ видомъ массы интеллигентныхъ арестантовъ. „Что̀ это, развѣ у васъ тутъ бунтъ? — обращается онъ къ губернатору. — Нѣтъ, бунта никакого не было,—получается въ отвѣтъ,—а это люди, причастные къ политическимъ дѣламъ.—Безакъ вошелъ въ разспросы и, узнавъ, что большинство посажено въ тюрьму очень недавно, рѣзко замѣтилъ: „Такъ это люди, бывшіе на свободѣ и ничего новаго не сдѣлавшіе, а ихъ нахватали ради моего пріѣзда! Совсѣмъ неумѣстное усердіе; мнѣ не нужно такихъ угощеній! Напротивъ, если я чего желалъ бы, то—чтобы эта тюрьма скорѣе опустѣла". Собранные изъ разныхъ угловъ губерніи арестанты, вслѣдъ затѣмъ, вернулись домой.

Съ мировыми съѣздами Безакъ устраивалъ спеціальныя засѣданія, длившіяся часами. Послѣ личныхъ объясненій съ каждымъ отдѣльнымъ членомъ и разговоровъ объ общемъ ходѣ дѣла онъ требовалъ, на выдержку, чтенія нѣсколькихъ отдѣльныхъ протоколовъ по повѣркѣ уставныхъ грамотъ, входилъ въ обсужденіе частностей, разспрашивалъ, давалъ указанія и отмѣчалъ

что-то въ своей записной книжкѣ. Случалось, что, получивъ жалобу помѣщика на мировой съѣздъ, Безакъ призывалъ его въ засѣданіе и, выслушавъ какъ его, такъ и объясненіе съѣзда, тутъ же давалъ рѣшающія указанія, а когда жалоба оказывалась совершенно неосновательною—жалобщикъ получалъ строгое и иногда даже грубое внушеніе.

Встрѣча Безаковой требовательности съ неудовлетворительностью состава нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ, о которой сказано было раньше, отразилась послѣдствіями въ самомъ началѣ. Послѣ перваго же объѣзда послышалось объ увольненіи нѣсколькихъ посредниковъ и предсѣдателей, признанныхъ Безакомъ совсѣмъ непригодными. Нашему, тоже неудачному, съѣзду пришлось встрѣтиться съ Безакомъ уже въ самомъ концѣ лѣта, и очень мнѣ памятна сцена этой первой встрѣчи.

На другой день послѣ пріѣзда Безака въ Каменецъ и общаго представленія ему, засѣданіе состоялось въ губернаторской залѣ, вечеромъ, и въ очень большомъ составѣ. Присутствовали: губернаторъ, члены губернскаго присутствія, предсѣдатель съѣзда, шесть мировыхъ посредниковъ, а также Воронинъ и Сабанѣевъ. Мы усѣлись, въ-перемежку, вокругъ длиннаго стола. Предсѣдателемъ съѣзда въ это время былъ у насъ робкій чиновникъ, назначенный, по губернаторской протекціи, изъ секретарей губернскаго присутствія, вполнѣ обезличенный продолжительною канцелярскою школою. Онъ съ самаго начала растерялся, и когда Безакъ, положивъ предъ собою записную книжку съ именнымъ спискомъ членовъ съѣзда, сталъ его разспрашивать,—отвѣчалъ на нѣсколько вопросовъ совсѣмъ невпопадъ, чѣмъ сразу произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе. „Ну, видно, отъ васъ я ничего не узнаю",—отрѣзалъ ему Безакъ, и перешелъ къ посредникамъ; но тутъ впечатлѣнія вышли не лучшія. Нумеромъ первымъ выступилъ старикъ, отставной учитель, вызванный губернаторомъ, по старому знакомству, изъ средней Россіи и ровно ничего не смыслившій въ дѣлѣ. На вопросъ о прежней службѣ, этотъ старецъ отвѣчалъ: „Я, ваше —ство, служилъ двадцать лѣтъ по учобной части, четырнадцать лѣтъ — по гражданскому вѣдомству, итого, ваше —ство, тридцать-пять лѣтъ!"—Есть ли по вашему участку готовые выкупные акты? — спросилъ Безакъ.— „На это, ваше —ство, я отвѣтить не могу, — сказалъ бывшій учитель: — я здѣсь человѣкъ еще новый, надо спросить моего предмѣстника, такъ какъ я вступилъ въ должность только 2 марта" (а дѣло было 1 сентября). Еще два-три такихъ отвѣта—и Безакъ что-то черкнулъ въ своей записной книжкѣ, сказавъ: „Не-

зачѣмъ было вамъ идти въ посредники, лучше бы оставались въ своей „учебной“ части!“—Сидѣвшій вблизи Безака членъ губернскаго присутствія увѣрялъ потомъ, что ему удалось разглядѣть отмѣтку Безака: противъ имени бывшаго учителя въ книжкѣ выставленъ былъ—нуль. Когда очередь дошла до одного изъ маіоровъ, послѣдній все уклонялся точно опредѣлить мѣсто прежняго своего служенія, отдѣлываясь тѣмъ, что служилъ „по военному вѣдомству“. Послѣ повторительныхъ вопросовъ, Безакъ замѣтилъ ему: „А, догадываюсь; вы конфузитесь сказать, что служили по коммиссаріатскому или провіантскому штату; понятно!“ На вопросъ, есть ли по участку готовые выкупные акты, маіоръ развязно отвѣчалъ:—Есть, по такому-то селенію, и даже утвержденный губернскимъ присутствіемъ. — „А назначено ли по этому акту пониженіе выкупныхъ платежей?“—Точно такъ,—поспѣшилъ отвѣтить маіоръ, надѣясь, что Безакъ этимъ удовлетворится, но вышло не то. „Такъ ли это?“—обратился Безакъ къ члену губернскаго присутствія. Тотъ, изъ жалости къ маіору, поторопился подтвердить. „А прикажите-ка подать журналъ губернскаго присутствія по этому дѣлу—тамъ виднѣе будетъ!“—произнесъ Безакъ. Принесли журналъ—и никакого пониженія не оказалось. „Что же это—вы, значитъ, неправду мнѣ сказали!—внушительно замѣтилъ Безакъ и прибавилъ по адресу маіора:—И вамъ лучше бы сидѣть попрежнему въ провіантскомъ штатѣ!“—Пошли дальнѣйшія объясненія, и неудачи продолжали преслѣдовать обезкураженныхъ посредниковъ. Иные вопросы встрѣчали со стороны посредника продолжительную паузу. Видя натянутость положенія и чтобы выручить одного товарища, я попробовалъ-было отвѣтить за него, но Безакъ и меня сейчасъ обрѣзалъ: „Вѣдь это не вашъ участокъ; отвѣчайте, когда я буду спрашивать о вашемъ; каждый пусть отвѣчаетъ за себя“.—Видно было, что въ этотъ моментъ онъ имѣлъ въ виду личный экзаменъ.

Безакъ уже настроился неблагопріятно. Началось чтеніе повѣрочныхъ протоколовъ, и онъ сталъ дѣлать недовольныя замѣчанія, почему то или другое такъ, а не иначе. Предсѣдатель нашъ давно уже умолкъ и съ трепетомъ выжидалъ конца засѣданія, а Безакъ пересталъ даже обращаться къ нему. Пришло къ тому, что, говоря о дѣлахъ съѣзда, онъ сталъ уже обращаться лично ко мнѣ, спрашивая о разныхъ сторонахъ дѣла и давая свои указанія. Только разъ еще обратился онъ къ предсѣдателю, но какъ! Замѣтивъ, среди объясненій со мною, что меня затрудняетъ шляпа, которую я держалъ въ рукѣ, между

собою и столомъ, Безакъ сказалъ: „Вамъ, кажется, шляпа мѣшаетъ? Господинъ предсѣдатель, потрудитесь прибрать ее“!— Тотъ съ усердіемъ бросился ко мнѣ и исполнилъ начальническое порученіе, поставивъ шляпу на сосѣдній столикъ.

Изъ разговоровъ съ Безакомъ выяснилось, что онъ вовсе не считаетъ преподанныя губернскимъ присутствіемъ для пониженія выкупныхъ платежей нормы безусловно обязательными, и, по его мнѣнію, мировые съѣзды должны, не стѣсняясь этими нормами, самостоятельно сообразоваться со всякими условіями крестьянской состоятельности, считаясь и съ цѣнностью окрестныхъ земель вообще, и съ мѣстными арендными платами, и съ размѣромъ платежей сосѣднихъ крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, и т. д. Этимъ онъ уже развязывалъ руки и давалъ возможность ставить вопросъ шире.

Среди объясненій по этому предмету, поддакивалъ Безаку и Сабанѣевъ. На другой день, въ разговорѣ съ послѣднимъ, я напомнилъ ему, какъ еще на большомъ весеннемъ съѣздѣ въ Каменцѣ [1]) я проводилъ мысль о необходимости ставить пониженіе платежей въ зависимость еще отъ величины надѣла, крайне вліятельной для крестьянской состоятельности, и что это обстоятельство особенно важно въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ почва земли большею частью безукоризненна, а надѣлъ малъ, отчего соблюденіе нормъ губернскаго присутствія не устраняетъ платежной несостоятельности. „Ну, что̀-жъ, вотъ вы и ввели бы этотъ пунктъ въ практику вашихъ пониженій!“—отвѣчалъ Сабанѣевъ. — Да не вы ли сами такъ рѣшительно противорѣчили мнѣ по этому пункту на съѣздѣ, и не оттого ли съѣздъ и губернское присутствіе исключили размѣръ надѣла изъ числа поводовъ къ пониженію? — упрекнулъ я его. Но Сабанѣевъ впалъ уже въ чиновничью уклончивость: „Что̀-жъ, мало ли что̀ говорится, а вы соображайте—какъ лучше“.

Во всякомъ случаѣ, вышло, что указанія присутствія уже подлежатъ стушевкѣ и что нечего было особенно затрудняться ими и раньше. Попытка систематизировать пониженіе не удалась, и усмотрѣніе для каждаго отдѣльнаго случая получило просторъ.

Засѣданіе наше затянулось далеко за полночь. Слова Безака ясно показывали, что онъ относится съ самымъ заботливымъ участіемъ ко всѣмъ сторонамъ крестьянскаго устройства, требуя отъ всѣхъ такой же заботливости и понимая все значеніе дан-

---

[1]) См. главу V статьи: „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“.

наго момента, когда закладывалось основаніе экономической будущности сельскаго населенія. Онъ останавливался на вопросахъ и о выгонахъ, и о водопояхъ, и т. д. Конечно, личное его знакомство съ деревенскими хозяйственными условіями было невелико, и во многомъ ему приходилось прибѣгать къ чужимъ объясненіямъ, но тутъ замѣтно выдавались усилія поглубже вникать въ дѣло, чтобы судить самостоятельнѣе. Становилось ясно, что старанія о лучшемъ обезпеченіи крестьянъ теперь встрѣтятъ уже въ генералъ-губернаторѣ всю необходимую поддержку. Когда нашъ съѣздъ былъ уже отпущенъ, въ залѣ съ Безакомъ остались еще члены губернскаго присутствія, и тутъ, по разсказамъ ихъ, пошли аттестаціи нашему съѣзду. „Что это за съѣздъ?—обратился Безакъ къ губернатору:—семь человѣкъ—и большинство не въ состояніи даже толкомъ объясниться; я могъ говорить только съ однимъ. А особенно хорошъ предсѣдатель, который боится даже ротъ разинуть; я все время глядѣлъ на него и удивлялся—неужели это руководитель“!

Члены нашего съѣзда стали серьезно опасаться за свою участь; однако, въ первое время послѣ засѣданія не вышло ничего рѣшительнаго, и лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подверглись увольненію бывшій дѣятель „учобной“ части и маіоръ.

Уѣзжая изъ Каменца въ уѣзды, Безакъ еще увеличилъ свою свиту, взявъ съ собою спеціальныхъ членовъ губернскаго присутствія, чтобы, съ ихъ помощью, расширить предѣлы ревизіи съѣздовъ и выслушивать больше мнѣній. Вышла цѣлая экспедиція, и много пришлось потомъ слышать разсказовъ о ней. Обращая особенное вниманіе на личный составъ, Безакъ относился съ большимъ довѣріемъ къ людямъ молодымъ и интеллигентнымъ, выражаясь, въ кругу своихъ спутниковъ, такъ: „Крестьянское дѣло—дѣло новое, живое; для него нужны свѣжія силы, способныя войти въ его интересы; а на старыхъ служакахъ, привычныхъ къ давнимъ порядкамъ, тутъ не далеко уѣдешь“.

Съ этого времени уже почувствовалось, что иниціатива вопросовъ крестьянскаго дѣла, долго принадлежавшая фактически самимъ учрежденіямъ по этому дѣлу и исходившая, главнымъ образомъ, изъ нравственныхъ мотивовъ участія къ населенію, уходитъ изъ ихъ рукъ въ Кіевъ, гдѣ облекается въ начальственную требовательность, проявляя себя энергично и принимая даже понукательныя формы. Стремленія прежнихъ иниціаторовъ могли совпадать съ генералъ-губернаторскими, но главная сила была уже не въ нихъ, а въ этихъ послѣднихъ. Едва возникнетъ какой-нибудь второстепенный вопросъ—его уже двигаютъ изъ Кіева, а учрежденіямъ

остается исполнительная роль да добавочное освѣщеніе дѣла. При такихъ условіяхъ, направленіе почти совсѣмъ объединилось, такъ что стали дѣйствовать однообразно и люди, искренно расположенные къ хорошему устройству крестьянъ, и чиновники-политиканы, и бывшіе представители оппозиціи.

При всемъ томъ, дѣло пошло еще не такъ успѣшно, какъ можно было ожидать. Съ осени стало уже поступать въ губернское присутствіе много выкупныхъ актовъ, но тутъ выступила своя техника. Значительная часть актовъ приходила въ настолько неудовлетворительномъ видѣ, что возвращалась обратно въ мировые съѣзды для дополненій и исправленій. Самъ по себѣ, выкупной актъ, конечно, составлялъ немудрую ариѳметическую задачу, требовавшую знаній не далѣе именованныхъ чиселъ, дробей и капитализаціи суммъ изъ опредѣленнаго процента; въ немъ обозначалось: сколько земли у крестьянъ считалось до повѣрки, что̀ оказалось по измѣренію, сколько земли прибавлено, какая часть ея облагается и не облагается платежомъ, сколько десятинъ окончательно поступаетъ на выкупъ, какое назначено пониженіе платежей, каковъ окончательный размѣръ платежа за весь надѣлъ и какая получается, по его капитализаціи, выкупная сумма. Но иные посредники и тутъ умѣли напутать. Главныя же затрудненія состояли не въ этомъ, а въ подготовкѣ повѣрочными протоколами и планами, долженствовавшими ясно доказывать, что въ выкупномъ актѣ слѣдуетъ быть именно тѣмъ цифрамъ, какія въ немъ значились. Съ опредѣленіемъ состава надѣла и платежей связывалось не мало сложныхъ требованій. Нужно было ясно показать, всѣ ли указанія на разыскиваемое инвентарное владѣніе достаточно разслѣдованы, отчего та или другая крестьянская претензія удовлетворена или отвергнута и чѣмъ опровергаются помѣщичьи возраженія? Такъ какъ правилами требовалось, чтобы новые крестьянскіе платежи не превышали оцѣнки старой инвентарной повинности, то во многихъ случаяхъ нужно было приведеніе сравнительныхъ данныхъ по отдѣльнымъ дворамъ. Вообще, нужно было полное согласіе между данными выкупного акта, плана, исправленной уставной грамоты и повѣрочнаго протокола, чтобы не оставалось недоразумѣній—что̀ именно и въ какихъ границахъ выкупается. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ часто оказывались недомолвки, сбивчивость, а иногда и существенныя прорѣхи,—словомъ, хромала бумажная сторона дѣла. По такимъ причинамъ, а иногда и вслѣдствіе большой канцелярской требовательности присутствія, нѣкоторые съѣзды загромождались возвращенными дѣлами. Все это сильно безпо-

коило Безака, получавшаго о ходѣ дѣла частыя періодическія свѣдѣнія. Всю зиму и слѣдующую весну губернское присутствіе неустанно работало надъ разсмотрѣніемъ выкупныхъ актовъ. Нашъ съѣздъ, при бо̀льшемъ объединеніи усилій и взаимныхъ совѣтахъ, за зиму успѣлъ настолько, что, по движенію дѣла, скоро сталъ однимъ изъ первыхъ. Но если въ однихъ уѣздахъ дѣло успѣшно налаживалось, то въ другихъ рѣшительно затормазилось, такъ что ни письменныя указанія губернскаго присутствія, ни опасенія кіевской грозы не помогали.

Къ новому году послѣдовали уже болѣе крупныя административныя перемѣны. Губернаторъ Сухотинъ, не сойдясь съ Безакомъ, оставилъ свой постъ, получивъ другое назначеніе, а незадолго предъ тѣмъ уволенъ былъ не мало тормазившій дѣло членъ губернскаго присутствія Э., и ушелъ другой членъ, совершенно безличный, признавшій дѣло непосильнымъ для себя. Новыя назначенія вышли уже болѣе подходящія къ интересамъ дѣла. Губернаторомъ назначенъ былъ Горемыкинъ (впослѣдствіи иркутскій генералъ-губернаторъ), человѣкъ дѣятельный, относившійся къ интересамъ крестьянскаго дѣла гораздо участливѣе своего предмѣстника; а членами присутствія назначены, изъ болѣе удачныхъ предсѣдателей съѣздовъ, Якубовичъ и Ушинскій (братъ извѣстнаго педагога).

Какъ только приблизилось лѣто 1866 года, Безакъ опять появился въ уѣздахъ, выражая, по ходу дѣлъ, въ однихъ мѣстахъ довольство, а въ другихъ—порицанія. Въ Каменецъ онъ пріѣхалъ уже съ массою замѣчаній въ запасѣ. Опять собрались мы въ губернаторской залѣ, не досчитываясь кое-кого изъ прежняго состава; но такъ какъ въ нашемъ съѣздѣ дѣло было уже почти закончено, то новое засѣданіе прошло гораздо благополучнѣе прежняго. На слѣдующій день засѣданіе было назначено уже съ однимъ губернскимъ присутствіемъ, и тутъ предстояло рѣшеніе участи менѣе умѣлыхъ съѣздовъ. Безакъ уже высказывался, что если гдѣ дѣло не идетъ, то это должно означать, что или плохъ руководитель, или не годятся ближайшіе работники; слѣдовательно, надо или перемѣнить предсѣдателя съѣзда, или обновить весь составъ посредниковъ. Такъ онъ и поступилъ. Въ двухъ уѣздахъ уволены были всѣ посредники, а въ третьемъ—удаленъ предсѣдатель, на мѣсто котораго Безакъ назначилъ меня. Еще черезъ день потребованы были бывшіе въ городѣ предсѣдатели, и мнѣ снова пришлось явиться къ Безаку уже въ качествѣ представителя другого съѣзда. Послѣ непродолжитель-

ной бесѣды о необходимости ускорить ходъ дѣла, Безакъ завершилъ такъ:

— Я обѣщалъ Государю, что повѣрочное дѣло въ краѣ будетъ кончено въ нынѣшнемъ году; значитъ, отъ васъ, господа, зависитъ не сдѣлать меня лгуномъ!—Съ этимъ онъ откланялся и ушелъ въ свой кабинетъ.

Въ Волыни, около того же времени, разогнанъ былъ весь луцкій съѣздъ и удалены разомъ два члена губернскаго присутствія.

Трудность положенія, послѣ отъѣзда Безака изъ Каменца, особенно пришлось почувствовать мнѣ. Другіе предсѣдатели остались въ своихъ уѣздахъ, гдѣ дѣло было хорошо имъ знакомо и ими же велось, а мнѣ предстояло, только-что закончивъ работу въ одномъ уѣздѣ, сейчасъ же браться за другой, запущенный, о положеніи дѣлъ въ которомъ я зналъ лишь по слухамъ, и при краткости срока, даннаго на окончаніе дѣла. Мнѣ нѣсколько помогло только то, что я могъ набрать изъ прежняго своего съѣзда освободившихся землемѣровъ и усилить ими свой межевой составъ [1]). Но даннаго намъ Безакомъ словеснаго напутствія оказалось еще мало. Мѣсяца полтора спустя, получилъ я еще прямо изъ Кіева новый Безаковскій запросъ: надѣюсь ли я справиться съ дѣломъ до конца года? Я могъ отвѣтить только обѣщаніемъ приложить къ тому всѣ усилія, не принимая на себя безусловнаго ручательства,—и Безакъ этимъ удовлетворился, не дѣлая новыхъ напоминаній.

1865 и 1866 годы были періодомъ самой горячей дѣловой работы крестьянскихъ учрежденій, безъ передышки, и все это время побуждающая дѣятельность генералъ-губернатора не ослабѣвала, а личное его участіе къ крестьянскимъ интересамъ не обнаруживало колебаній. Напротивъ, казалось, будто принятое имъ направленіе даже крѣпнетъ и развивается. Глядя на это, многимъ приходилось задаваться вопросомъ: откуда берется эта забота о крестьянахъ въ человѣкѣ, большая часть карьеры котораго прошла въ военной сферѣ, да еще въ суровую николаев-

[1]) Припоминаю одинъ бывшій при этомъ, характерный для тогдашняго чиновничества, служебный разговоръ. Секретарь губернскаго присутствія, старый чиновникъ, искусившійся въ служебной философіи, уговаривалъ меня взять въ старшіе землемѣры съѣзда его протежѐ. Я отказывался, зная послѣдняго какъ незавиднаго техника. „Вы то возьмите во вниманіе,—настаивалъ секретарь,—что вѣдь онъ недавно перешелъ изъ католиковъ въ православіе“.—Если онъ мѣнялъ вѣру изъ служебнаго разсчета, то чѣмъ же онъ хорошъ? -возразилъ я. „Нѣтъ,—замѣтилъ секретарь,—тутъ надо разсуждать иначе: если человѣкъ для правительства даже вѣры не пожалѣлъ, то на кого же начальству надежнѣе положиться“!

скую эпоху? Сравненіе съ тогдашнею административною практикою сѣверо-западнаго края объясненій не давало. Въ Вильнѣ человѣкъ, уже заявившій себя прежде антипатіею къ освобожденію крестьянъ, главнымъ образомъ стремился къ подрыву польскихъ пановъ, а у Безака проявлялась заботливость о самихъ крестьянахъ, выражавшаяся и тамъ, гдѣ ихъ интересы не сталкивались съ помѣщичьими. Такой враждебной энергіи противъ польскаго элемента, какъ въ сѣверо-западномъ краѣ, у Безака тоже не замѣчалось,—скорѣе видны были бо̀льшее обладаніе чувствомъ мѣры и обдуманная воздержность отъ ненужныхъ эксцессовъ. Нельзя было также сказать, чтобы облегчительныя для крестьянъ мѣры Безакъ считалъ примѣнимыми только къ западному краю. Разъ, говоря о пониженіи платежей, онъ высказался: „Вотъ, у меня въ полтавской губерніи есть имѣніе,—еслибы тамъ понизили крестьянскіе платежи, я бы не возражалъ".

Повидимому, правильнѣе объясняли тѣ, которые многому въ дѣятельности Безака приписывали смѣшанное происхожденіе. Умъ давалъ ему понять дѣйствительное значеніе крестьянскаго дѣла; не оставалось безъ вліянія на него современное общественное движеніе, а кромѣ того не мало тутъ дѣйствовало и самолюбіе. Прорывалось въ немъ выраженіе сознанія, что хорошее устройство крестьянъ — дѣло славное, дающее право на историческую страницу, да и въ лучшей части современнаго общества встрѣтитъ сочувственный откликъ. Чутко относился онъ къ печати и при массѣ работы, даже среди объѣздовъ края, находилъ время читать и бесѣдовать о прочитанномъ. Когда появится, бывало, какая-нибудь статья о краѣ—уже требуются объяснительныя свѣдѣнія. Ставъ на опредѣленный путь, онъ уже въ собственномъ самолюбіи встрѣчалъ побужденіе не колебаться, и то же самолюбіе поддерживало въ немъ соотвѣтствующую самостоятельность, вслѣдствіе которой Валуевское министерство, во все управленіе Безака, не оказывало почти никакого вліянія на ходъ дѣла въ юго-западномъ краѣ.

Вообще, такъ какъ высказываться о своихъ мотивахъ самъ Безакъ былъ неохочъ, то судить объ источникахъ его образа дѣйствій приходилось только по совокупности догадокъ наблюдавшихъ его слова и дѣйствія. Но если и много было данныхъ въ пользу того, что имъ руководилъ такъ или иначе сложившійся самостоятельный взглядъ на крестьянское дѣло, то оставался еще большой вопросъ, насколько глубоко простирается его сила? Удержитъ ли Безакъ свое направленіе въ случаѣ появленія сильныхъ противныхъ вѣтровъ изъ Петербурга? Но на это

практикѣ не пришлось дать яснаго отвѣта, потому что такихъ вѣтровъ, въ теченіе наибольшаго времени его управленія, не было, а преодолѣніе сравнительно слабыхъ скорѣе укрѣпляло, чѣмъ колебало рѣшительность Безака, и онъ успѣлъ умереть, не сойдя съ принятаго пути. Большія сомнѣнія возбуждало также—насколько вообще можетъ быть прочно у насъ такое направленіе, какое было усвоено Безакомъ; и на это чувствовался уже прямо отрицательный отвѣтъ, приводившій къ заключенію, что надо дорожить даннымъ положеніемъ, пока оно держится, а потому—спѣшить завершеніемъ всѣхъ работъ.

Во всякомъ случаѣ, замѣчателенъ фактъ, что никто изъ администраторовъ не сдѣлалъ для крестьянства столько, какъ этотъ прошедшій долгую Николаевскую школу старый генералъ, съ его рѣзкими, грубоватыми пріемами. Много значило для дѣла то, что въ столь важную эпоху ему удалось пробыть на одномъ посту четыре года. Нѣкоторый праздникъ былъ въ это время на крестьянской улицѣ, и ясно чувствовалось, что̀ значитъ въ нашихъ государственныхъ дѣлахъ личное свойство. Изъ преемниковъ Безака участливъ былъ къ крестьянамъ еще генералъ Дрентельнъ, но не было тутъ такой умѣлости, да и окружавшіе люди и условія были уже не тѣ.

Отрицательную черту Безака представляли проявленія внѣшней грубости—наслѣдіе старой жизненной школы. Гдѣ онъ встрѣчалъ, напримѣръ, противодѣйствіе, да еще на дурной подкладкѣ, онъ способенъ былъ выходить изъ себя. Какъ одинъ изъ выдающихся примѣровъ подобнаго рода, могу привести разносъ ямпольскаго помѣщика М—скаго. Этотъ послѣдній, при устройствѣ выкупа еще раньше Безаковскаго управленія, сильно обидѣлъ крестьянъ, да еще при такихъ обстоятельствахъ, которыя при разслѣдованіи могли дать поводъ къ уголовному преслѣдованію. Безакъ, при личномъ объясненіи съ М—скимъ, предложилъ ему исправить выкупъ значительными уступками въ пользу крестьянъ, но скупой помѣщикъ упрямился, сталъ торговаться и наговорилъ чего-то лишняго. Безакъ вскипѣлъ, перешелъ въ обращеніи къ нему на „ты“, грозилъ тюрьмою и такъ раскричался, что М—скій не зналъ куда дѣваться. Исторія эта сейчасъ же разгласилась въ окрестности. Скоро послѣ того Безакъ пріѣхалъ въ мой уѣздъ и, разговорившись послѣ доклада о дѣлахъ, коснулся этого случая. „Вы слышали, какъ я пробралъ въ ямпольскомъ уѣздѣ М—скаго?“ — спросилъ онъ меня. — Да, слышалъ,—отвѣтилъ я.—„Этотъ негодяй надѣлалъ такихъ гадостей, которыхъ простить ему нельзя. Скажите, нѣтъ ли и въ вашемъ уѣздѣ

кого-нибудь такого, кто нуждается въ подобномъ внушеніи?"—Я отвѣтилъ, что такихъ нѣтъ, и я надѣюсь, что въ моемъ уѣздѣ дѣло обойдется безъ исключительныхъ пріемовъ. „Ну, какъ знаете, — сказалъ Безакъ;—мнѣ и самому такія исторіи очень непріятны, да безъ нихъ иногда обойтись нельзя".

Однако, вышло разъ нѣчто подобное и въ моемъ уѣздѣ. Управляющій имѣніями очень крупнаго владѣльца, жалуясь на рѣшенія мирового съѣзда, черезчуръ поусердствовалъ и высказывалъ прямую ложь, доходя до увѣреній, будто мировой съѣздъ вовсе и на мѣстѣ не былъ, ничего не осматривалъ, а дѣлалъ свои постановленія зря, тогда какъ на самомъ дѣлѣ всѣ осмотры и опросы происходили въ присутствіи не только его самого, но и огромной толпы крестьянъ и помѣщичьихъ служащихъ. Фактическая сторона жалобы сразу являлась невѣроятною, но Безакъ все-таки поручилъ дознаніе члену губернскаго присутствія, Якубовичу, который немедленно разоблачилъ ея нелѣпость на мѣстѣ. Безакъ около этого времени былъ въ губернскомъ городѣ, и когда дознаніе ему докладывалось, а жалобщикъ явился въ пріемную, то Безакъ, среди слушанія доклада, два или три раза требовалъ его къ себѣ для рѣзкихъ внушеній, обращаясь къ нему на „ты" и заключая окрикомъ: „вонъ"!

Слѣдуетъ еще прибавить, что въ особыхъ случаяхъ не чуждъ былъ Безакъ и дѣловой политики. Было въ краѣ нѣсколько имѣній, принадлежавшихъ людямъ вліятельнымъ, съ большими связями въ высшихъ сферахъ, и тутъ Безакъ очень озабочивался тѣмъ, чтобы при устройствѣ крестьянъ не вызывалось помѣщичьяго недовольства. Въ кіевской губерніи такими имѣніями были, напр., принадлежавшія гр. Бобринскому, а въ подольской—Строгановыхъ немировское имѣніе. Словомъ, существовала группа владѣній, казавшихся въ привилегированномъ положеніи, и участь крестьянскаго дѣла тамъ возбуждала общій интересъ. Задавались вопросомъ—будетъ ли допущена для этихъ имѣній исключительность и въ какой мѣрѣ? Распространялись слухи, что въ иныхъ изъ этихъ имѣній инвентарная земля возстановлена была не въ полномъ размѣрѣ. Въ одномъ, ходившемъ по рукамъ, шуточномъ стихотвореніи о ходѣ крестьянскаго дѣла, встрѣчалось даже по поводу большого кіевскаго имѣнія такое мѣсто:

„Знать, подъ флагъ инвентарный
Не вся тутъ попала мірская земля"...

Повѣрочный процессъ выполнялся въ такихъ имѣніяхъ, какъ вездѣ; назначалось и пониженіе выкупныхъ платежей,—только Безакъ нерѣдко его сокращалъ. По подобнымъ имѣніямъ онъ большею частью пользовался работою не Воронина или Сабанѣева, а людей другого рода, больше тянувшихъ въ помѣщичью сторону,—напр., Краинскаго или Красовскаго. Я слышалъ отъ члена кіевскаго губернскаго присутствія, Богославскаго, что, при разсмотрѣніи дѣла по нѣкоторымъ кіевскимъ имѣніямъ, Безакъ прямо высказывался за необходимость уступчивости помѣщичьимъ желаніямъ, говоря такъ: „Въ интересахъ общаго дѣла нельзя обходиться безъ частныхъ жертвъ, а тутъ надо считаться съ силою, которая можетъ повредить всему дѣлу; не уступимъ здѣсь—можно потерять больше".

Въ нашей губерніи „особеннымъ" дѣломъ представлялось немировское. Въ крѣпостную эпоху, мѣстечко Немировъ и группа окрестныхъ селеній принадлежали польскому владѣльцу, гр. Потоцкому, который предоставилъ крестьянамъ большія земельныя выгоды при сравнительно легкихъ повинностяхъ. Еще въ 1849 году онъ перевелъ крестьянъ на денежный оброкъ, по 90 коп. съ морга земли (1 р. 62 к. за десятину), причемъ требовалъ еще по 8 строительныхъ дней съ двора въ годъ, за что отпускался крестьянамъ лѣсной матеріалъ на постройки и топливо. За всѣ же работы сверхъ этой нормы платилось крестьянамъ деньгами. Полевыя земли отведены были крестьянамъ удобно, при самыхъ усадьбахъ, почему нѣкоторые хозяева даже соединили ихъ съ послѣдними. У иныхъ крестьянъ образовались цѣльные участки въ 9, 11 и 14 десятинъ. Имѣніе потомъ перешло въ другія руки. При введеніи же уставныхъ грамотъ, крестьянскую повинность признали не денежною, а смѣшанною, и на этомъ основаніи подвели подъ общую норму „Положеній", по которой каждая полевая десятина, даже за скидкою 20 процентовъ по обязательному выкупу, облагалась 2 р. 64 коп., т.-е. слишкомъ на рубль выше прежняго. Часть же слившейся съ усадьбами полевой земли оцѣнили по усадебной, т.-е. высшей оцѣнкѣ. Такое положеніе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ закрѣплено было и выкупомъ (Журналъ Врем. Коммиссіи, № 296, отъ 28 ноября 1864 года). Какъ только подошло время взысканія выкупныхъ платежей, у крестьянъ начались волненія, и возникъ вопросъ о преувеличенности повинностей. Выросло щекотливое дѣло. По особому вниманію къ владѣльческой сторонѣ, оно съ самаго начала сдѣлалось предметомъ высшаго административнаго участія. Еще до назначенія Безака, въ 1864 году, пріѣз-

жалъ по этому дѣлу изъ министерства въ подольскую губернію чиновникъ Маковъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ), но изъ его работы ничего не вышло, и кончать это дѣло пришлось уже при Безакѣ.

Когда Безакъ озабочивался улаженіемъ немировскаго дѣла, подвернулся съ своими услугами одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, Э., и ему удалось вызвать въ Безакѣ надежду на свое умѣнье повести дѣло такъ политично, что обѣ стороны останутся довольны и придутъ къ полному миру. Безакъ повѣрилъ и командировалъ Э. въ Немировъ, но самонадѣянность этого дѣятеля увѣнчалась полнымъ проваломъ. Онъ перемудрилъ, обратившись къ такимъ замысловатымъ способамъ вызова крестьянскаго довѣрія, которые, напротивъ, разрушали это довѣріе,—и вышелъ громкій скандалъ. Въ первыхъ числахъ декабря 1865 года получаетъ Безакъ изъ Немирова телеграмму такого содержанія: „Э., уладивъ немировское дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ, въ день своихъ именинъ, на обѣдѣ, данномъ ему крестьянами, пьетъ за здоровье генералъ-губернатора“. Впечатлѣніе произведено въ Кіевѣ крайне благопріятное: такъ быстро уладить щекотливое дѣло мирнымъ путемъ — своего рода подвигъ. Но вдругъ — рѣзкій поворотъ. Черезъ нѣсколько дней оттуда же получается вѣсть иного рода: „Немировскіе крестьяне бунтуютъ, ни на что не соглашаются, и для усмиренія ихъ нужна воинская сила“. Щекотливое дѣло разомъ стало еще щекотливѣе. Обрисовались не въ мѣру мудреные пріемы умиротворенія, и Безакъ пришелъ въ полное раздраженіе. Э. немедленно былъ уволенъ отъ службы, и задачу его пришлось поручить болѣе прямому человѣку, члену губернскаго присутствія, Ушинскому, который послѣ долгихъ хлопотъ и довелъ немировское дѣло до конца. По словамъ Ушинскаго, крестьяне тутъ все-таки получили пониженіе выкупныхъ платежей болѣе 20 процентовъ.

Ѳ. Воропоновъ.

ПО ВОПРОСУ

о

ЗАДАЧАХЪ ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА

Въ декабрьскую сессію 1900 года, князь Н. С. Волконскій, за годъ до срока выборовъ, въ виду болѣзненнаго своего состоянія, сложилъ съ себя должность предсѣдателя рязанской губернской земской управы; а незадолго предъ тѣмъ имъ былъ прочитанъ докладъ объ измѣненіяхъ въ „Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ“ законами 12 іюня 1900 года; съ него мы и начнемъ настоящую статью, предпринятую нами съ цѣлью установить и выяснить взгляды на нѣкоторыя стороны дѣятельности губернскаго земства—одного изъ наиболѣе выдающихся представителей земскаго самоуправленія, поскольку взгляды эти выясняются также и изъ другихъ докладовъ кн. Волконскаго, въ бытность его предсѣдателемъ земской управы.

Итакъ, переходимъ къ докладу.

I.

12 іюня настоящаго года,—говорилъ Н. С. Волконскій,—состоялось два Высочайшихъ повелѣнія, которыя должны кореннымъ образомъ измѣнить условія дѣятельности земскихъ учрежденій. Однимъ изъ нихъ повелѣно завѣдываніе дѣлами по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей, возложенное „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ“ на земство, сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ передачею въ вѣдѣніе его непосредственныхъ органовъ всѣхъ мѣстныхъ, какъ губернскихъ такъ и общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ. Другимъ—установленъ размѣръ роста зем-

скаго обложенія—введеніемъ порядка, по которому,—впредь до установленія предѣльности этого обложенія въ зависимости отъ производящихся въ настоящее время оцѣнокъ имущества, подлежащихъ земскому обложенію,—могутъ быть, при составленіи земскихъ смѣтъ, сборы съ недвижимыхъ имуществъ повышаемы по усмотрѣнію земскихъ собраній не болѣе какъ на 3% въ годъ.

Оба эти закона, вмѣстѣ съ состоявшимся въ прошедшемъ году Высочайшимъ повелѣніемъ объ измѣненіи порядка распредѣленія суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ, настолько глубоко затрогиваютъ условія дѣятельности земства, что требуютъ самаго серьезнаго обсужденія,—какъ дѣйствовать дальше.

Продовольственный законъ, собственно, не имѣетъ въ виду устранить земство вовсе отъ попеченія о народномъ продовольствіи; онъ только отнимаетъ у земства распоряженіе тѣми средствами, которыя, находясь въ его рукахъ, доставляли ему главные способы бороться съ наступающей нуждою. Помимо этихъ средствъ сословнаго характера, которыя земство образовывало не изъ своихъ земскихъ сборовъ, и которыя оно могло расходовать лишь на основаніи правилъ устарѣвшаго и нынѣ отмѣненнаго продовольственнаго устава,—возможны многія мѣропріятія, которыя могли бы принести серьезную пользу дѣлу борьбы съ послѣдствіями неурожая, какъ путемъ облегченія обусловливаемой голодовками нужды, такъ и посредствомъ поддержанія народнаго благосостоянія вообще. Принятіе такихъ мѣръ, какъ-то: учрежденіе центральныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ, принятіе мѣръ къ обезпеченію кормомъ крестьянскаго скота, устройство общественныхъ работъ, поощреніе къ улучшенію сельско-хозяйственной культуры, устраненіе препятствій къ сбыту по выгодной цѣнѣ сельскихъ произведеній, и многое другое, (какъ то подробно перечисляется въ представленіи мин. внутр. дѣлъ, отъ 12 марта 1899 года, при коемъ внесенъ былъ проектъ новаго закона на разсмотрѣніе государственнаго совѣта),—должно быть и въ настоящее время предметомъ попеченія земскихъ учрежденій, съ которыхъ, по выраженію того же представленія, по изданіи новаго продовольственнаго устава,—не было бы основаній слагать возложенныя „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ“ заботы объ устраненіи недостатка въ средствахъ продовольствія и о воспособленіи мѣстному земледѣлію зависящими отъ земства способами. Заботы эти оставлены на земствѣ, и въ соотвѣтствіи съ новымъ закономъ оставлены въ вѣдѣніи и распоряженіи земства, на существующихъ основаніяхъ, имѣющіеся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, образованные самимъ земствомъ, уѣздные продовольственные капиталы. Такимъ образомъ, были бы деньги, а для дѣятельности земства, какъ отмѣчено въ упомянутомъ пред-

ставленіи, остается еще широкое поле, на которомъ оно можетъ проявить свою заботу о благѣ населенія.

Законъ же 12 іюня объ установленіи предѣльности земскаго обложенія въ губерніяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, и объ освобожденіи земствъ отъ нѣкоторыхъ расходовъ,—ограничиваетъ право земства облагать себя на удовлетвореніе своихъ земскихъ нуждъ свыше указанной нормы по собственному усмотрѣнію.

Собственно предѣльности земскаго обложенія, какъ уже сказано, этотъ законъ не установилъ; оно составляетъ дѣло будущаго; равнымъ образомъ, законъ не устанавливаетъ и запрещенія облагать недвижимыя имущества сборомъ, превышающимъ цифру предъидущаго года болѣе чѣмъ на три процента, но требуетъ только, чтобы въ такомъ случаѣ земская смѣта утверждалась надлежащими правительственными органами. По статьѣ 6 параграфа 6 Высочайшаго повелѣнія 1900 года, губернаторъ вноситъ такую смѣту на обсужденіе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія и затѣмъ въ мѣсячный срокъ со дня полученія смѣты или утверждаетъ ее согласно заключенія присутствія, или же—въ тѣхъ случаяхъ, когда повышеніе сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ сверхъ нормы будетъ признано присутствіемъ, или лично губернаторомъ, обременительнымъ для населенія или невызывающимся необходимостью,—представляетъ смѣту министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ со всѣми по ней замѣчаніями и заключеніями присутствія по земскимъ и городскимъ дѣламъ. По статьѣ же 8-й того же параграфа, если министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ признаютъ предположенное земскими собраніями, губернскими или уѣздными, повышеніе сборовъ обременительнымъ для населенія или невызывающимся необходимостью, то указываютъ собраніямъ тѣ статьи расхода, которыя подлежатъ сокращенію или исключенію изъ смѣты.

Вотъ главныя основанія того ограниченія, которое вносится новымъ закономъ въ земскую практику. Такимъ образомъ, если въ какой-нибудь губерніи взгляды губернатора или губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія не расходятся со взглядами земскихъ собраній на настоятельность удовлетворенія различныхъ потребностей мѣстнаго населенія и на степень обременительности для него обложенія, то земская жизнь можетъ еще идти въ такой губерніи до поры до времени прежнимъ ходомъ; но какъ только во взглядахъ названныхъ лицъ и учрежденій встрѣчается разница въ этомъ отношеніи,—для собранія возникаетъ крайне затруднительное положеніе въ дѣлѣ составленія своей смѣты. Если оно, желая удовлетворить даже самыя настоятельныя по его пониманію нужды населенія, будетъ вы-

нуждено выйти за предѣлы трехъ-процентнаго повышенія сбора съ недвижимаго имущества предъидущаго года, оно подвергается риску, что его смѣта будетъ передѣлана совсѣмъ не по его желанію, причемъ выпущенными могутъ оказаться какъ разъ тѣ расходы, которыми оно болѣе всего дорожитъ. Ибо, если въ той же приведенной выше статьѣ 8-й новаго закона и сказано, что при сокращеніи расходной смѣты министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ сообразуются съ заключеніемъ по сему предмету губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, а также съ ходатайствами земскаго собранія, буде таковыя были заявлены при составленіи смѣты, то въ томъ же законѣ нигдѣ не сказано, чтобы при этомъ желанія, выраженныя земскимъ собраніемъ въ такихъ ходатайствахъ, непремѣнно исполнялись министерствами, и чтобы министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ не могли, если найдутъ нужнымъ, измѣнять представленныя смѣты исключеніемъ изъ нихъ какихъ-либо расходовъ и вопреки заявленному собраніемъ желанію. Такое преимущество установлено только для расходовъ, уже вошедшихъ въ силу по смѣтѣ предъидущаго года, относительно которыхъ сказано, что министры наблюдаютъ при измѣненіи смѣтъ, чтобы назначенія, отпускавшіяся по смѣтѣ предшествующаго года, не были сокращаемы иначе, какъ по заявленію о томъ земскаго собранія. Такъ какъ эта оговорка распространена лишь на назначенія, отпускавшіяся по смѣтѣ предъидущаго года, то отсюда слѣдуетъ, что такого требованія по отношенію ко вновь предположеннымъ расходамъ для министерствъ не существуетъ, и такіе расходы могутъ быть исключаемы или сокращаемы и вопреки ходатайства земскаго собранія.

Какимъ же образомъ должно отозваться примѣненіе этого закона на жизни земскихъ учежденій, на практикѣ, и прежде всего на тѣхъ средствахъ, которыми могутъ располагать земскія учрежденія?—Такъ какъ ограниченіе права самообложенія, вводимое закономъ 12 іюня, основано не на прочныхъ, твердо опредѣленныхъ признакахъ, въ родѣ высоты расхода по сравненію со стоимостью или доходностью облагаемаго имущества, а на случайной величинѣ смѣты 1900 года, принятой за основаніе нормировки, то и производимое имъ стѣсненіе на первыхъ порахъ будетъ различно для различныхъ мѣстностей. Всѣ тѣ губерніи и уѣзды, которые составляли свои смѣты широко, окажутся въ лучшемъ положеніи по отношенію къ возможности удовлетворить свои потребности—противъ тѣхъ, которые сводили смѣты скупо; такимъ же образомъ, тѣ мѣстности, гдѣ почему-либо смѣта на 1900 годъ была увеличена, можетъ быть, случайнымъ введеніемъ временнаго назначенія на уплату долга, будутъ въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ мѣстности, поступившія въ этомъ году иначе и урѣзавшія смѣту даже,

можетъ быть, подъ вліяніемъ какой-либо ошибки въ разсчетѣ, какъ это нерѣдко бываетъ. Поле, отмежеванное земству для самостоятельнаго обложенія въ мѣстностяхъ этого послѣдняго разряда, окажется значительно стѣсненнымъ уже съ самаго начала, и земству такихъ уѣздовъ и губерній сразу придется стать въ необходимость испрашивать разрѣшенія на свои расходы. Въ такомъ положеніи очутилось въ истекшемъ году пронское земство, понижавшее свои смѣты нѣсколько лѣтъ подрядъ и не далѣе какъ въ прошломъ году понизившее свою раскладку занесеніемъ по смѣтѣ доходовъ черезчуръ высокаго ожиданія поступленія недоимокъ на нынѣшній годъ. Для того, чтобы только приступить къ раскладкѣ по долгамъ, земство этого уѣзда должно было повысить на 1901 годъ сборы съ недвижимыхъ имуществъ болѣе, чѣмъ на 26% противъ сбора 1900 года. Напротивъ того, рязанскій уѣздъ, приступившій къ расплатѣ по долгамъ въ 1900 году и для этой цѣли повысившій свою раскладку на этотъ годъ, черезъ то получилъ нѣкоторый просторъ въ распоряженіи своими расходами по собственному усмотрѣнію. Такъ какъ рязанская губернія въ общемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ земство было очень умѣренно въ своихъ расходахъ, то большинство уѣздовъ, точно также какъ и губернское земство, оказывается въ положеніи менѣе благопріятномъ по отношенію къ условіямъ, созданнымъ закономъ 12 іюня, чѣмъ многія другія губерніи. Тяжелая сторона этого закона скажется скоро. Кромѣ того, большинство нашихъ уѣздовъ, —какъ это выяснилось на созванномъ въ нынѣшнемъ году при губернской управѣ совѣщаніи бухгалтеровъ земскихъ управъ всѣхъ уѣздовъ,— отставшее отъ практики прежняго времени, вслѣдствіе новыхъ правилъ о составленіи и выполненіи земскихъ смѣтъ, къ которымъ оно какъ слѣдуетъ приноровиться не успѣло или же не съумѣло,—составляло свои смѣты въ послѣдніе годы неправильно, какъ по отношенію къ зачету свободныхъ остатковъ, такъ и въ опредѣленіи ожидаемыхъ къ поступленію недоимокъ. То и другое выводилось въ большихъ цифрахъ, чѣмъ бы слѣдовало, вслѣдствіе чего раскладка искусственно понижалась, и выходило, что хотя смѣта на бумагѣ и была сведена въ равновѣсіи приходовъ съ расходами, или даже съ остаткомъ,—а въ дѣйствительности былъ дефицитъ. Такъ, въ 1898 году, за который однимъ изъ бухгалтеровъ была произведена повѣрка балансовъ всѣхъ уѣздовъ, безъ дефицита, оказалось, были заключены смѣты лишь по двумъ уѣздамъ. Очевидно, что при такомъ положеніи стѣснительность новаго закона должна чувствоваться сильнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы земству не представлялось надобности одновременно съ введеніемъ этого закона считаться еще и съ необходимостью вводить расходы для покрытія образовавшихся дефицитовъ.

Въ томъ же смыслѣ долженъ вліять въ нашей губерніи, съ установленіемъ закона 22 марта прошлаго года, порядокъ производства отчисленій въ земскій сборъ изъ суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ налоговъ, и послѣдующія узаконенія и распоряженія правительства по тому же предмету. Законъ 22 марта объ измѣненіи существующаго порядка распредѣленія суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ, опредѣлившій наименьшее отчисленіе въ пользу земства съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ размѣрѣ 20% общаго поступленія поземельныхъ сборовъ съ этого вида имуществъ,—создалъ, за исключеніемъ годовъ съ большими урожаями, условія неблагопріятныя для земства, получавшаго до того времени обыкновенно больше. Тотъ же порядокъ пропорціональнаго отчисленія въ пользу казны и земства, какъ извѣстно, былъ распространенъ далѣе и на недоимки, взыскиваемыя принудительнымъ порядкомъ, за исключеніемъ недоимокъ страховыхъ, за которыми прязнано первенство взысканія. Вслѣдъ затѣмъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 10 декабря 1899 года было пріостановлено на 1900 годъ взысканіе земскихъ недоимокъ съ крестьянъ, а правительственнымъ распоряженіемъ отъ 9 марта 1900 года предложено земству пересмотрѣть эти недоимки и сложить неблагонадежныя къ поступленію, а остальныя разсрочить такъ, чтобы ежегодно взыскиваемая сумма ихъ не превышала 15—20% оклада. Наконецъ, двумя новыми узаконеніями въ общую массу сборовъ введены также страховые сборы (по обязательному страхованію) и продовольственные долги. Взысканію тѣхъ и другихъ предоставлено первенство передъ всѣми прочими сборами, а страховымъ—и передъ продовольственными долгами (Высочайшее повелѣніе 3 іюля 1900 года).

Такимъ образомъ, взысканіе какъ земскихъ сборовъ, такъ и въ особенности недоимокъ по нимъ, оказалось отодвинутымъ на задній планъ, а нѣкоторыя недоимки вѣроятно не будутъ взысканы и вовсе. Все это обусловливаетъ стѣсненіе земской кассы, которое неминуемо должно сказаться съ первымъ же урожаемъ ниже средняго. Освобожденіе земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ для него расходовъ, перечисленныхъ въ законѣ 12 іюня, съ принятіемъ этихъ расходовъ на средства казны, конечно, не можетъ вознаградить за такія потери. Поэтому неудивительно, что по нѣкоторымъ уѣздамъ уже съ перваго года дѣйствія новаго закона пришлось довести смѣты до установленнаго предѣла независимо отъ удовлетворенія какихъ-либо новыхъ потребностей, и, надо думать, то же будутъ вынуждены сдѣлать остальные уѣзды въ недалекомъ будущемъ.

Но какъ же быть далѣе?

II.

Законъ предоставляетъ на выборъ два способа дѣйствія: или—при недостаточности имѣющихся средствъ—сократить земскіе расходы на удовлетвореніе мѣстныхъ общественныхъ нуждъ до установленнаго предѣла обложенія, или отказаться отъ доли самостоятельности въ распоряженіи своими средствами, которыя предоставлены земскимъ учрежденіямъ по положенію объ этихъ учрежденіяхъ, и идти съ просьбой о помощи къ администраціи, рѣшившись подвергнуть свою смѣту ея разсмотрѣнію и подчиниться въ дѣлѣ выбора потребностей, удовлетвореніе которыхъ предоставлено земству, тѣмъ указаніямъ, которыя будутъ сдѣланы министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Въ первомъ случаѣ, земство должно будетъ замкнуть свою дѣятельность въ тѣ рамки, въ коихъ она примѣрно находится и въ настоящее время. Возможно ли это для земства вообще и, прежде всего, возможно ли это для рязанскаго губернскаго земства? Его смѣта губернскихъ расходовъ составляетъ въ послѣднее время около 800 тысячъ рублей. Сравнительно съ другими губерніями, это—небольшая смѣта. Есть губерніи, въ которыхъ годичный расходъ по губернской смѣтѣ значительно больше нашего [1]).

Но цифра наша окажется еще значительно меньше, если мы вмѣсто итога земскихъ расходовъ обратимся къ раскладкѣ. Такъ какъ двѣ значительныя статьи расходовъ, производимыхъ губернской управой,—леченіе больныхъ и призрѣніе умалишенныхъ въ заведеніяхъ губернскаго земства въ части, оплачиваемой уѣздами, и образованіе спеціально-дорожнаго комитета при принятомъ въ губерніи способѣ образованія этого капитала,—составляютъ собственно расходы уѣздные, проводимые по уѣзднымъ раскладкамъ, и двѣ другія потребности—призрѣніе больныхъ, умалишенныхъ и пр., въ части, покрываемой расходами съ капиталовъ общественнаго призрѣнія, и оцѣнка земель,—оплачиваются въ значительной части изъ спеціальныхъ средствъ,—

---

[1]) Вотъ для сравненія нѣсколько цифръ:

Смѣты на 1900 годъ составляли:	Итогъ расходовъ по смѣтѣ. Р у б л е й:	Въ раскладку пошло:	Изъ коихъ пало на недвижимыя имущества:
Въ рязанской губ. . . .	813.095	334.313	309.331
„ тамбовской губ. . .	1.023.925	547.356	450.786
„ екатеринославск. г.	1.076.623	741.084	653.891
„ московской губ. . .	1.742.741	1.393.968	1.003.908
„ полтавской (за 1899 годъ).	1.443.051	913.812	788.812

то часть, поступающая за вычетомъ процентнаго сбора съ торговыхъ свидѣтельствъ и документовъ собственно въ раскладку въ видѣ губернскаго земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ,—представляетъ величину и того меньшую, составляя съ небольшимъ 300 тысячъ рублей въ годъ. Въ Россіи есть уѣзды, смѣты которыхъ превышаютъ ту часть нашей губернской смѣты, которая собственно идетъ въ раскладку, т.-е. не составляетъ повторенія расходовъ, уже проведенныхъ по уѣздамъ, и не покрывается спеціальными капиталами.

Эта незначительность губернскаго земскаго сбора въ рязанской губерніи, указывающая на то, что въ нашей губерніи собственно расходы губернскаго земства не получили того развитія, какъ въ другихъ,—имѣетъ значеніе и въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, такъ какъ губернскій расходъ у насъ до сихъ поръ невеликъ,—между тѣмъ какъ повсемѣстно въ послѣдніе годы какъ разъ замѣчается ростъ именно губернскихъ расходовъ, — то думать слѣдуетъ, что и у насъ ростъ губернской смѣты только задержанъ особенностями нашей организаціи, а не устраненъ вовсе, и что, слѣдовательно, въ ближайшемъ будущемъ придется считаться съ потребностью увеличить именно нашу губернскую смѣту. Во-вторыхъ, такъ какъ размѣръ сбора, устанавливать который предоставлено усмотрѣнію самихъ земскихъ учрежденій, опредѣленъ въ зависимости не отъ высоты обложенія, а отъ размѣра расходовъ, уже производящихся по земскимъ смѣтамъ,—то выходитъ, что земство получаетъ право распоряжаться, по своему усмотрѣнію, тѣмъ большею суммою, чѣмъ крупнѣе общая цифра его расхода, падающая на недвижимыя имущества: чѣмъ выше сумма, съ которой берется какой-либо процентъ, тѣмъ больше даетъ тотъ же самый процентъ, взятый съ этой суммы. Три % съ 300 тысячъ рублей, составляющіе размѣръ губернскаго земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ въ рязанской губерніи, равняются 9.000 рублей. Еслибы губернскій земскій сборъ съ недвижимыхъ имуществъ достигалъ у насъ 1 милліона, какъ, напр., въ московской губерніи, мы имѣли бы право распоряжаться по своему усмотрѣнію не 9-ю, а 30-тью тысячами рублей. Къ сказанному слѣдуетъ присоединить еще то соображеніе, что чѣмъ меньше итогъ смѣты и части, покрываемой раскладкой на недвижимыя имущества,—тѣмъ бо́льшимъ колебаніямъ должно подвергаться обложеніе этого вида имуществъ въ различные годы, такъ какъ тѣмъ бо́льшую величину по отношенію къ общей суммѣ, подлежащей раскладкѣ на эти имущества, будетъ составлять въ смѣтѣ всякій новый расходъ, а потому тѣмъ труднѣе будетъ обходиться земству опредѣленнымъ процентомъ роста. Такъ, если взять смѣты, утвержденныя рязанскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ за послѣднія 16 лѣтъ, т.-е. съ того времени, какъ вошелъ въ жизнь

нынѣшній способъ раскладки губернскаго земскаго собранія между уѣздами и нынѣшній способъ покрытія дефицита по общественному призрѣнію, то средній ростъ налога съ недвижимыхъ имуществъ составлялъ за это время 3,79% въ годъ, между тѣмъ какъ колебанія его держались между +12,27% и —6,6% сбора предшествующаго года, при чемъ послѣдній, 1900 годъ, взятый за нормальный, былъ однимъ изъ тѣхъ, когда земская смѣта и въ частности сборъ съ недвижимыхъ имуществъ значительно понизились (на 3,57% противъ предшествующаго года), благодаря зачету на покрытіе расходовъ по оцѣночнымъ работамъ казеннаго пособія [1]).

9.000 рублей—вотъ, стало быть, та сумма, которою рязанское губернское земство можетъ располагать для ежегоднаго увеличенія своихъ расходовъ по своему усмотрѣнію. Всякое увеличеніе смѣты свыше этой суммы уже влечетъ за собой необходимость представлять смѣту на утвержденіе.

Что 9.000 рублей сама по себѣ сумма очень небольшая даже для рязанской смѣты—видно, напр., изъ того, что нѣсколько разъ въ практикѣ этого земства бывали передержки на какую-нибудь непредвидѣнную надобность на бо̀льшую сумму, которыя затѣмъ утверждались собраніемъ и вносились въ смѣту будущаго года. И всякій пойметъ, что избѣжать такихъ внезапныхъ надобностей въ такомъ хозяйствѣ,

---

[1]) Вотъ относящіяся сюда данныя:

Года.	Сборъ съ недвижим. имуществъ.	Процентный сборъ.	Дефицитъ по общественному призрѣнію.	Измѣненіе облож. съ недвиж. имущ. въ % къ сбору предшеств. года.
	Руб.	Руб.	Руб.	
1884 . .	176.100	14.477	28.437	— —
1885 . .	197.714	11.095	24.309	+ 12,27
1886 . .	200.195	18.757	28.373	+ 1,25
1887 . .	222.812	17.002	21.819	+ 11,3
1888 . .	243.038	18.867	11.946	+ 9,08
1889 . .	227.000	16.937	16.635	— 6,6
1890 . .	248.345	15.791	22.163	+ 9,4
1891 . .	241.906	28.681	18.950	— 2,59
1892 . .	237.407	29.059	16.750	— 1,86
1893 . .	262.784	25.606	22.578	+ 11,11
1894 . .	277.953	20.347	28.933	+ 5,77
1895 . .	301.296	26.288	27.844	+ 8,4
1896 . .	299.092	27.457	19.080	— 0,73
1897 . .	310.754	26.867	27.601	+ 3,9
1898 . .	300.605	30.148	35.338	— 3,27
1899 . .	320.802	29.299	37.027	+ 6,72
1900 . .	309.331	24.982	50.618	— 3,57
			Среднее . . .	+ 3,79.

какъ земское, невозможно. Какая-нибудь новая кочегарка при голенчинской больницѣ обойдется въ 18.000 рублей. Постановка новаго парового котла или притокъ трехъ-четырехъ десятковъ лишнихъ больныхъ въ земскую больницу или домъ умалишенныхъ, всегда возможный при 700 призрѣваемыхъ, напр., въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ, могутъ унести весь нашъ запасъ. Но значеніе упомянутой суммы можетъ вполнѣ выясниться только при сопоставленіи ея съ тѣми расходами, которые предстоятъ земству въ ближайшіе годы.

Какіе же расходы предстоятъ рязанскому земству въ ближайшемъ будущемъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, приходится прежде всего отмѣтить, что въ отношеніи удовлетворенія губернскихъ потребностей земство рязанской губерніи дѣйствительно отстало отъ многихъ другихъ, и что есть нѣсколько вопросовъ, уже давно намѣченныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ качествѣ такихъ, въ разрѣшеніи которыхъ губернское земство должно бы было принять участіе, но которые до сихъ поръ не вышли еще изъ періода разработки. То, что, можетъ быть, клонилось къ выгодѣ нашей и плательщика нашихъ налоговъ, пока земство не было связано никакой нормировкой; та осторожность, съ которою эти вопросы ставились и разрабатывались въ нашемъ собраніи,—теперь, повидимому, все это грозятъ обратиться намъ во вредъ.

Приведемъ списокъ такихъ вопросовъ, которые потребуютъ извѣстной дѣятельности губернскаго земства.

Въ дѣлѣ народнаго продовольствія, самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ признано, въ представленіи его въ государственный совѣтъ, что „съ изданіемъ новаго продовольственнаго устава не было бы основанія слагать съ земства возложенныя на него нынѣшнимъ „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ“ заботы объ устраненіи недостатка въ средствахъ продовольствія и о воспособленіи мѣстному земледѣлію зависящими отъ земства способами, какъ, напр., учрежденіемъ центральныхъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ, снабженіемъ населенія лучшимъ сѣменнымъ зерномъ и сельско-хозяйственными орудіями, содѣйствіемъ къ наиболѣе выгодному сбыту сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и проч.“.

Государственный же совѣтъ въ своихъ соображеніяхъ еще яснѣе обрисовываетъ обязанности земства по отношенію къ устраненію продовольственной нужды, говоря: „Проектируемыя министерствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ измѣненія въ завѣдываніи продовольственнымъ дѣломъ вовсе не имѣютъ цѣлью совершенно устранить земскія учрежденія отъ предоставленнаго имъ дѣйствующимъ закономъ попеченія о народномъ продовольствіи, предполагая лишь со-

средоточить дѣло по обезпеченію въ указанныхъ проектомъ предѣлахъ продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, какъ органахъ, коимъ вообще ввѣрено попеченіе объ этой части населенія. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что, согласно основной мысли проекта, на указанныя учрежденія возлагается только удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей сельскаго населенія—предупрежденіе проявленія голода со всѣми его ужасными послѣдствіями путемъ выдачи въ ссуду одного хлѣба и обезпеченіе возможности обсѣмененія полей, дабы дать крестьянамъ средство къ существованію до будущаго урожая. Никакихъ другихъ задачъ обсуждаемыя правила не преслѣдуютъ, и, такимъ образомъ, для земства остается еще широкое поле дѣятельности. Такія важныя мѣропріятія,—сказано въ журналѣ государственнаго совѣта,—уже съ успѣхомъ практикуемыя нѣкоторыми земствами, какъ продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ, обезпеченіе прокормомъ лошадей, на коихъ главнымъ образомъ зиждется благосостояніе крестьянскаго хозяйства,—остаются всецѣло и впредь на обязанности земскихъ учрежденій".

Понятно, что для исполненія такихъ серьезныхъ задачъ требуются и серьезныя средства.

Въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія намъ предстоитъ коренная переработка способа призрѣнія душевно-больныхъ, постройка новыхъ зданій и измѣненіе пріемовъ, съ тѣмъ, чтобы расходы земства служили цѣлесообразному удовлетворенію потребности населенія, какъ это выяснилось на созванномъ при губернской управѣ совѣщаніи земскихъ психіатровъ нѣкоторыхъ губерній.

Въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія у насъ еще не приведено въ исполненіе постановленіе собранія объ организаціи губернской медицины. Между тѣмъ, потребность въ такой организаціи все сильнѣе чувствуется и выходитъ наружу при каждой попыткѣ улучшить условія дѣятельности заведеній губернскаго земства, какъ это, напримѣръ, ясно сказалось при обсужденіи вопроса о призрѣніи душевно-больныхъ на упомянутомъ совѣщаніи.

Въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія дѣятельность рязанскаго губернскаго земства только еще начинается. Помимо частныхъ мѣръ о курсахъ и учительскихъ съѣздахъ, библіотекахъ и читальняхъ, на управѣ лежитъ еще порученіе собранія выработать основанія, на которыхъ губернское земство могло бы вообще приходить на помощь уѣзднымъ въ училищномъ дѣлѣ. Въ другихъ губерніяхъ въ этой отрасли земской дѣятельности сдѣлано многое, что могло бы съ пользою быть сдѣлано и у насъ, но до сихъ поръ не дѣлалось.

Въ дѣлѣ содѣйствія земледѣлію рязанскимъ губернскимъ земствомъ

еще ничего не сдѣлано; между тѣмъ и въ этомъ отношеніи на земскихъ учрежденіяхъ лежатъ серьезныя обязанности въ отношеніи населенія. Дѣятельность же уѣздовъ, все болѣе расширяющаяся и охватывающая съ каждымъ годомъ все большее число уѣздовъ, достигаетъ уже, повидимому, того положенія, когда своевременно будетъ и губернскому земству принять въ этихъ заботахъ свою долю участія. Собранію придется разсмотрѣть и рѣшить вопросъ, какое участіе можетъ губернское земство принять въ устройствѣ средне-учебнаго и сельско-хозяйственнаго заведенія въ селѣ Песочнѣ.

Помимо этихъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ является задачей губернскаго земства въ ближайшіе годы, помимо естественнаго роста нѣкоторыхъ расходовъ теперешней смѣты, въ родѣ, напримѣръ, расхода на призрѣніе сиротъ и подкидышей, душевно-больныхъ и проч.,—на губернскомъ земствѣ лежитъ еще одинъ серьезный расходъ по обязательствамъ въ отношеніи своихъ служащихъ. Обязательства эти вытекаютъ изъ рѣшеній, уже ранѣе принятыхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которыми оно себя связало, и потому—все равно что обязательныхъ для земства. Собранію извѣстно, въ какое положеніе земство попало по отношенію къ нашей эмеритальной кассѣ для служащихъ. Послѣ многихъ усилій и обдумываній былъ выбранъ, наконецъ, способъ, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія при помощи перехода къ кассѣ новаго страхового типа, проектированной правительствомъ. Но, примкнувъ къ министерскому проекту, земство тѣмъ самымъ уже принимало на себя обязанность ежегодно вносить за своихъ служащихъ сумму, равную 6% ихъ годового жалованья, не считая расходовъ по завѣдыванію кассой. При теперешнемъ составѣ служащихъ и величинѣ получаемаго ими содержанія это составитъ около 27.000 рублей, изъ которыхъ около 3.700 рублей падаютъ на губернскій земскій сборъ, и 23.000 рублей—на смѣты уѣздовъ. Но помимо этого ежегоднаго платежа на надобности новой кассы, согласно одобренному собраніемъ проекту ликвидаціи старой эмеритальной кассы, потребуется нести, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, расходъ до 40 тысячъ рублей на удовлетвореніе обязательствъ по старой кассѣ.

Что же значатъ 9.000 рублей ежегоднаго роста сбора съ недвижимыхъ имуществъ, предоставленнаго въ распоряженіе губернскаго земскаго собранія, въ виду всѣхъ этихъ расходовъ? Уже одна расплата по пенсіоннымъ обязательствамъ на много превышаетъ эту цифру. Очевидно, что для рязанскаго земства, если оно желаетъ служить органомъ удовлетворенія потребностей губерніи, нѣтъ другого исхода, какъ обратиться ко второму изъ допускаемыхъ закономъ способовъ дѣйствія, и, занося въ свои смѣты все, что, по мнѣнію губернскаго

земскаго собранія, нужно для удовлетворенія нуждъ населенія, просить объ утвержденіи этой смѣты на точномъ основаніи закона 12-го іюня 1900 года.

Разсмотримъ же поближе условія этого порядка. Для краткости опустимъ тотъ случай, когда при представленіи на утвержденіе смѣты исчисленные въ ней расходы будутъ признаны губернаторомъ и губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ и необходимыми, и необременительными для населенія. Для такихъ случаевъ, какъ уже сказано, порядокъ останется тотъ же, какъ и теперь. Возьмемъ случай, когда вопросъ объ утвержденіи смѣтъ будетъ представленъ, за отсутствіемъ такого признанія со стороны губернатора или присутствія по земскимъ и городскимъ дѣламъ, на разрѣшеніе министерства,—случай, весьма возможный при болѣе или менѣе значительномъ повышеніи смѣты. Согласно закона 12-го іюня, министерство должно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня передачи смѣты губернатору или оставить ее,—если въ ней предполагаются какія-либо измѣненія,—или допустить къ исполненію въ томъ видѣ, какъ ее проектировало земское собраніе, если только по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ не признано будетъ возможнымъ утвердить уже измѣненную смѣту. Такъ какъ слѣдуетъ ожидать, что въ большинствѣ случаевъ не представится возможности разсмотрѣть смѣту въ обоихъ министерствахъ въ такой короткій срокъ, то смѣта, по всей вѣроятности, будетъ остановлена. Разъ она уже представлена въ министерство,—значитъ, въ ней нашлось что-нибудь такое, что затруднило ея утвержденіе мѣстными органами,—губернаторомъ и присутствіемъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ,—слѣдовательно, требуетъ соображеній. Впрочемъ, для губернской смѣты тотъ фактъ, будетъ ли она остановлена министерствами или вступитъ въ силу черезъ три мѣсяца послѣ представленія ея губернатору, почти безразличенъ. Разъ предположенный земствомъ расходъ остался неутвержденнымъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній, заканчивающихъ свои засѣданія обыкновенно въ декабрѣ,—онъ, все равно, въ раскладку того года, на который составлена смѣта, войти не можетъ, а можетъ попасть въ нее только въ слѣдующемъ году. Такимъ образомъ, первымъ послѣдствіемъ перенесенія губернской смѣты на разсмотрѣніе министровъ, даже въ случаѣ утвержденія ея, будетъ отсрочка проектированныхъ расходовъ на годъ. Такъ какъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ надобно, при разсмотрѣніи представляемыхъ смѣтъ, указать земскимъ собраніямъ, какія статьи подлежатъ сокращенію или исключенію изъ смѣты, если эти статьи будутъ найдены въ министерствахъ не отвѣчающими необходи-

мости, то очевидно, что разсмотрѣнію министровъ должны подлежать не новыя только статьи расходной смѣты, между которыми можетъ и не оказаться такой подлежащей сокращенію или исключенію статьи, но и прежнія. Если на эти прежнія расходныя статьи, уже вошедшія въ силу и привычку, не распространяется право администраціи непосредственно ихъ измѣнить или исключить изъ смѣты, какъ это предоставлено имъ по отношенію къ расходамъ, вновь занесеннымъ въ смѣту (вѣроятно, во избѣжаніе излишней проволочки при возвращеніи смѣты вторично въ земское собраніе, и министры наблюдаютъ, чтобы такіе вошедшіе въ силу расходы, бывшіе въ смѣтѣ предшествовавшаго года, сокращались не иначе, какъ по заявленію о томъ подлежащаго земскаго собранія),—то указанія на возможность сокращенія и этихъ статей или даже исключенія ихъ изъ смѣты всегда могутъ быть сдѣланы въ министерствахъ. Такого рода разсмотрѣнія смѣтъ, производимыя не на мѣстѣ ихъ составленія и не тѣми учрежденіями, которыя ихъ составляли, не могутъ производиться скоро. Многое въ земскихъ смѣтахъ будетъ непонятно министрамъ, потребуетъ разъясненій, дополненій и проч. Въ концѣ-концовъ можетъ случиться даже и то, что когда иной расходъ будетъ разрѣшенъ, уже измѣнятся самыя условія, его вызвавшія. Съ обыкновенными расходами при такомъ порядкѣ разсмотрѣнія земскихъ смѣтъ, единственно, повидимому, возможномъ, въ министерство не пойдешь, а если пойдешь, если такое направленіе приметъ утвержденіе большинства нашихъ смѣтъ, и если министерству придется самому войти въ разсмотрѣніе всѣхъ подробностей земскихъ расходовъ,—то понятно, какъ сильно должна измѣниться вся земская практика. За неудобства, которыя должны произойти для земства при такомъ способѣ утвержденія его смѣтъ, едва-ли можно счесть вознагражденіемъ тѣ, предусмотрѣнные закономъ 12-го іюня, случаи, когда министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, признавъ исчисленные земствомъ расходы необходимыми, но непосильными для населенія, войдутъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о воспособленіи земству изъ средствъ казны,—и пособіе будетъ дѣйствительно оказано. Между тѣмъ, опытъ прежняго времени показываетъ, что такое измѣненіе въ направленіи дѣятельности земскихъ учрежденій возможно.

Дѣятельность бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія у нѣкоторыхъ изъ насъ еще на памяти; а о томъ, что происходило и какъ рѣшались дѣла въ рязанскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, достаточно свѣдѣній приведено по архивному матеріалу въ „Опытѣ разработки матеріаловъ для исторіи рязанскаго губернскаго земства“ покойнаго А. Д. Повалишина. И приказъ общественнаго призрѣнія былъ, по замѣчанію Повалишина, въ началѣ своей дѣя-

тельности поставленъ вполнѣ самостоятельно. Статья 429 „Учрежд. объ упр. губ.“ положеніе приказа опредѣляетъ такъ: „Приказъ, кромѣ Императорскаго Величества и сената, ни отъ кого не принимаетъ законовъ и указовъ; повелѣнія же главноначальствующаго, сходственныя съ установленіями приказа общественнаго призрѣнія, принимаетъ и ни къ кому иному не подаетъ и не присылаетъ рапортовъ и донесеній“. Въ дѣйствительности, дѣятельность его на первыхъ порахъ была вполнѣ самостоятельна какъ въ общемъ веденіи дѣлъ, такъ и въ учрежденіи тѣхъ или другихъ заведеній и въ управленіи послѣдними. Но мало-по-малу положеніе это измѣнилось. Съ учрежденіемъ рязанскаго генералъ-губернаторства эта самостоятельность была весьма значительно ограничена, и личныя распоряженія генералъ-губернатора замѣнили бывшую доселѣ коллегіальную дѣятельность приказа. А съ упраздненіемъ генералъ-губернаторства послѣдовало полное подчиненіе приказа власти министерства внутреннихъ дѣлъ; съ этихъ поръ приказъ не имѣлъ уже никакой самостоятельности; онъ могъ дѣлать только предположенія, которыя утверждались центральной властью, и тогда только могли приводиться въ исполненіе. Предположенія приказа о какихъ-либо новыхъ постройкахъ или капитальныхъ передѣлкахъ восходили на утвержденіе верховныхъ властей; предположенія, касающіяся смѣты расходовъ, а также относительно внутренняго распорядка, утверждались министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ денежномъ отношеніи самый незначительный расходъ сталъ требовать разрѣшенія высшей власти. Сложеніе недоимокъ, какъ бы ничтожны онѣ ни были, не могло быть производимо безъ разрѣшенія министерства. Приказъ не могъ даже сдѣлать собственною властью внѣсмѣтныхъ расходовъ: такъ, жалованье смотрителю больницы по штату, утвержденному генералъ-губернаторомъ, было опредѣлено въ 300 рублей и помощнику его тоже въ 300 рублей. Однажды, по недостаточному числу больныхъ, помощника назначено не было, а жалованье смотрителю приказъ увеличилъ на 200 рублей. Министерство, указавъ, что это сдѣлано безъ его разрѣшенія, потребовало отъ приказа объясненія. Въ 1848 году приказъ сдѣлалъ заготовленіе для своихъ заведеній квашеной капусты на 182 руб. за счетъ смѣты 1849 года. Это распоряженіе было представлено на усмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, коимъ и было одобрено. Такъ постепенно измѣнялась дѣятельность приказа, съ чѣмъ вмѣстѣ, какъ и слѣдовало ожидать, росла письменность. „Въ началѣ всѣ распоряженія приказа,—говоритъ авторъ „Опыта“,—вносившіяся въ журналъ, помѣщались въ одной книгѣ, потомъ въ двухъ —по полугодіямъ,—потомъ въ трехъ, въ шести и наконецъ въ двѣнадцати, за каждый мѣсяцъ особо. Сложность дѣлопроизводства и от-

четности дошла до того, что, напримѣръ, въ 1849 году велось 57 книгъ для счетоводства разнаго рода суммъ".

Мы знаемъ, чѣмъ кончилъ приказъ. Конечно, въ настоящее время условія нѣсколько другія; но, тѣмъ не менѣе, возможность, для дѣятельности земства по ввѣреннымъ ему дѣламъ, при частыхъ обращеніяхъ къ министерству, принять то же направленіе,—все-таки остается. Вдумайтесь въ условія дѣйствій приказовъ, и вы увидите, что ихъ недостатки происходили не отъ недобросовѣстности или небрежности отношенія къ дѣлу, не отъ недостатка среди лицъ, на которыхъ лежало веденіе ввѣренныхъ приказу занятій, людей способныхъ, а отъ самой постановки ихъ дѣятельности: каждый вопросъ приходилось рѣшать не на мѣстѣ, гдѣ всѣ обстоятельства каждаго случая ясны, а вдали, въ министерствѣ, хотя и на основаніи соображеній, сообщаемыхъ приказами, гдѣ мѣстныя особенности скрадываются, какъ и все то, чего на бумагѣ не передать, но что иногда обусловливаетъ самую суть заключенія,—все это оставалось чуждымъ для разрѣшающаго. Но развѣ теперь эти условія измѣнились? Развѣ и въ настоящее время при разсмотрѣніи подробностей земскихъ смѣтъ министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ будутъ имѣть болѣе живое непосредственное представленіе объ условіяхъ каждаго отдѣльнаго расхода? Развѣ и имъ не потребуется, если они найдутъ нужнымъ выяснить особенности каждаго отдѣльнаго случая, представленіе свѣдѣній, справокъ, объясненій и проч., и развѣ, съ другой стороны, губернская администрація, не будучи увѣрена, какъ отнесется къ каждому отдѣльному случаю министерство, не будетъ чувствовать потребности обратиться по каждому сомнительному для нея вопросу къ разъясненію министерства?

Вся разница между положеніемъ бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія и смѣнившихъ ихъ съ разрѣшенія коммиссіи по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ земскихъ учрежденій, заключается въ томъ, что законодатель, поручая земству самостоятельно заботиться объ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей населенія черезъ своихъ представителей, имѣлъ въ виду, что при этихъ условіяхъ населеніе само пойметъ, что ему нужно и какъ надо поступить, чтобы достигнуть того, что ему нужно, и что правительству не будетъ уже надобности ограждать его интересы отъ злоупотребленій со стороны дѣйствующихъ по его порученію, имъ же самимъ избранныхъ лицъ, какъ это было нужно при порученіи заботъ объ его интересахъ чиновникамъ. Разъ эта увѣренность устранилась, всякая разница пропадаетъ, и отношеніе правительства къ дѣятельности органовъ земства должно быть совершенно такое же, какъ и къ дѣятельности лицъ и учрежденій, имъ назначенныхъ и только ему подотчетныхъ, какими являлись приказы общественнаго призрѣнія.

Очевидно, земству, поскольку это отъ него зависитъ, въ такое положеніе становиться нельзя; и если оно все-таки станетъ, вынуждено будетъ стать въ такое положеніе, то можно предвидѣть и послѣдствія такого шага: это будетъ началомъ конца его дѣятельности. Ибо если не имѣетъ значенія его общность съ населеніемъ, интересамъ котораго оно служитъ, то—въ качествѣ исполнителя распоряженій министерства—земскія учрежденія, конечно, уступятъ чиновникамъ, назначеннымъ отъ правительства. Мало-по-малу, одна за другою должны отъ земства отниматься различныя отрасли его дѣятельности и передаваться въ вѣдѣніе администраціи; сегодня—продовольственное дѣло, завтра—страховое, послѣ-завтра—дорожное и т. д., пока новый опытъ не покажетъ, насколько возможно при нынѣшнихъ условіяхъ въ заботахъ о нуждахъ населенія обойтись безъ его самодѣятельности. Какъ же быть земству?—Мы не находимъ отвѣта. Московское земство, имѣющее губернскую смѣту въ 1.742.000 рублей, изъ которыхъ 1.003.908 рублей падаютъ на недвижимыя имущества губерніи, и потому располагающее правомъ ежегодно увеличивать расходъ по этой смѣтѣ по собственному усмотрѣнію на 30.197 руб.,—ищетъ выхода въ привлеченіи къ обложенію на земскія надобности новыхъ имуществъ, именно промысловъ. Но въ рязанской губерніи такая мѣра не можетъ принести существенной пользы земству: промысловый налогъ у насъ далеко не такъ великъ, какъ въ московской губерніи, а часть, остающаяся въ распоряженіи земства для увеличенія смѣты по усмотрѣнію собранія, черезчуръ мала, чтобы насъ могло выручить изъ затрудненія то незначительное приращеніе въ доходахъ, на которые можно разсчитывать отъ участія земства въ этомъ налогѣ.

Повидимому, въ жизни нашего земства прошли всѣ четыре времени года и наступила зима, можетъ быть такая же продолжительная и суровая, какъ наша настоящая русская зима. Во время зимы растенія понемногу сбрасываютъ все, что не безусловно необходимо для поддержанія существованія — листья, плоды, вѣтки, отрываемыя бурей, а иногда, въ большіе морозы, даже самый стволъ; такъ, повидимому, и земству придется, сжавшись въ своихъ смѣтахъ, отказаться отъ многаго полезнаго и необходимаго, отложивъ, поскольку возможно, лишь за счетъ будущаго болѣе благопріятнаго времени, когда такое наступитъ. Но, приходя въ такое положеніе и будучи вынуждено остановиться въ развитіи своей дѣятельности на удовлетвореніе существенныхъ нуждъ населенія, не будетъ ли цѣлесообразно обратиться къ правительству съ объясненіемъ того тяжелаго положенія, въ какое ставитъ дѣятельность земства въ рязанской губерніи законъ 12 іюня 1900 года о предѣльности земскаго обложенія, и ходатайствовать о пересмотрѣ этого закона, какъ чрезвычайно стѣсни-

тельнаго для земства, подобно тому, какъ это было сдѣлано при изданіи въ 1893 году новаго лечебнаго устава, тѣмъ болѣе, что этотъ законъ содержитъ въ себѣ нѣсколько противорѣчій основнымъ условіямъ „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ", составляющаго такой же обязательный законъ,—такъ заключилъ свою рѣчь князь Волконскій. Правда, ораторъ былъ настроенъ пессимистически; картинѣ приданъ мрачный колоритъ; но мы не знаемъ и сомнѣваемся, насколько вообще возможно и умѣстно было бы радужное настроеніе для представителя земскихъ интересовъ. То равнодушіе, а отчасти и сарказмъ, съ которыми были встрѣчены собраніемъ предложенія и мысли цитированнаго нами доклада, едва ли способствовали измѣненію настроенія его духа. Впрочемъ, онъ самъ предложилъ собранію оставить возбужденный имъ вопросъ открытымъ и никакого ходатайства предъ правительствомъ въ настоящее время пока не возбуждать.

Обыкновенно говорятъ, что земскія ходатайства безслѣдны и безрезультатны; что ходатайствами этими завалены всѣ правительственныя учрежденія; что было бы слишкомъ поспѣшно и опрометчиво вслѣдъ за изданіемъ закона возбуждать ходатайство объ его измѣненіи или отмѣнѣ. Но ходатайство ходатайству—рознь.

Автору доклада указывалось въ собраніи, что законъ 12-го іюня представляетъ мѣру временную, учрежденную лишь впредь до окончанія работъ по переоцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, производимыхъ земствами; что эта временная, экстренная мѣра вызвана самимъ же земствомъ, нерачительно и лѣниво ведущимъ дѣло переоцѣнки, что мѣра эта ускоритъ работу и заставитъ земство поторопиться ея окончаніемъ. Аргументъ этотъ не новый: онъ приведенъ и въ мотивахъ, и въ текстѣ закона 12-го іюня. Съ точки зрѣнія законодателя, земство, какъ единое цѣлое, быть можетъ, и требуетъ того или иного понужденія къ скорѣйшему окончанію дѣла переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ, тѣмъ болѣе, что правительствомъ ассигнуется на это дѣло извѣстная субсидія; но представителямъ рязанскаго земства, его губернскимъ гласнымъ, конечно, хорошо должно быть извѣстно, что дѣло переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ предѣлахъ рязанской губерніи почти окончено и что рязанское земство въ частности ни въ чемъ неповинно за неисправность и неакуратность другихъ земствъ. Нельзя также не признать, что и самый способъ понужденія земства къ окончанію дѣла переоцѣнки въ значительной мѣрѣ носитъ характеръ дисциплинарнаго воздѣйствія на провинившихся школьниковъ, когда неуспѣшнаго ученика оставляютъ безъ обѣда. Если въ томъ или иномъ земствѣ оцѣночныя работы идутъ вяло, неуспѣшно, то надо искать причину такой неуспѣшности или въ недостаткѣ земскихъ средствъ, или въ

недостаткѣ свѣдущихъ для даннаго дѣла лицъ; только устраненіемъ именно этихъ недостатковъ и возможно подвинуть дѣло. Ограничивать права всего земства, распространять опеку на тѣ отрасли мѣстной жизни, которыя въ опекѣ этой нужды не чувствуютъ, на томъ лишь основаніи, что *нѣкоторыя* земства неуспѣшно ведутъ побочную, въ сущности, работу по переоцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, значило бы примѣнять дѣйствіе круговой поруки и круговой отвѣтственности въ такой области, гдѣ отвѣтственность эта по существу своему совершенно непримѣнима, да никогда доселѣ и не примѣнялась.

Итакъ, если аргументъ этотъ и имѣетъ хоть нѣкоторое значеніе для оправданія экстренной правительственной мѣры по ограниченію извѣстныхъ правъ, Высочайше дарованныхъ земству, то пользованіе тѣмъ же аргументомъ самимъ земскимъ представителямъ въ защиту такой мѣры является уже нарушеніемъ земскихъ полномочій, нарушеніемъ тѣхъ обязанностей, которыя земское населеніе, земскіе избиратели вручили охранять и соблюдать избранному своему земскому гласному. Соображеніе, что ограниченія закона 12-го іюня имѣетъ временный характеръ—небольшое утѣшеніе: во-первыхъ, какъ видно изъ самаго проекта закона, характеръ временности относится въ данномъ случаѣ вовсе не къ принципу ограниченія земскихъ расходовъ, ибо ограниченіе это предполагается сохранить и впослѣдствіи, по окончаніи переоцѣнки имуществъ, такъ что временный характеръ въ данномъ случаѣ носитъ лишь одинъ способъ ограниченія (не свыше 3% противъ предшествующаго года), а не самый принципъ правительственной нормировки земскаго обложенія; и во-вторыхъ, очень часто нашимъ „временнымъ правиламъ“ суждено не только существованіе и дѣйствіе въ теченіе многихъ десятилѣтій, но и положительно бо̀льшая долговѣчность, нежели соотвѣтствующимъ основнымъ законодательнымъ нормамъ.

Не споримъ,—земскимъ представителямъ вполнѣ естественно возбудить вопросъ объ обременительности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ собственно поземельнаго обложенія отчасти въ виду того, что въ земскихъ бюджетахъ главнѣйшее мѣсто отведено именно поземельному налогу, отчасти въ виду упадка доходности этого вида собственности. Но нельзя вѣрить, чтобы единственно возможнымъ и логичнымъ выходомъ изъ этого положенія являлось сокращеніе земскихъ смѣтъ и земскихъ расходовъ; сто̀итъ только припомнить, что̀ выполнено земствомъ повсемѣстно за 35 лѣтъ его существованія, хотя бы въ дѣлѣ народнаго образованія или народной медицины; сто̀итъ провести мысленно параллель между минувшимъ и настоящимъ, между дореформеннымъ невѣжествомъ, косностью, безпомощностью и достигнутой земствами степенью грамотности населенія, обезпеченности его меди-

цинской помощью, и проч. Рѣчь можетъ идти лишь о замѣнѣ изсякшихъ источниковъ обложенія, но отнюдь не объ искусственныхъ плотинахъ и загроможденіяхъ естественнаго русла этого источника различными предписаніями, циркулярами и разъясненіями. Земству нужны больше средства, а не разъясненія, какъ распоряжаться этими средствами.

Авторъ указываетъ въ докладѣ своемъ, что рязанское земство не можетъ слѣдовать по стопамъ московскаго, гдѣ имѣются иные источники земскаго обложенія, какъ, напр., промысловый налогъ. На это мы отвѣтимъ, что промысловый налогъ въ рязанской губерніи приноситъ фиску до 500.000 рублей годового дохода. По нашему глубокому убѣжденію, основанному на подробномъ знакомствѣ съ системой промысловаго нашего обложенія, мы можемъ положительно удостовѣрить, что этотъ источникъ обложенія торговли и промысловъ является у насъ далеко не использованнымъ въ достаточной степени, и промысловое обложеніе носитъ у насъ привилегированный характеръ, едва достигая 6% чистой доходности предпріятія противъ 40—50% обложенія доходности, скажемъ, крестьянскихъ надѣловъ. И думается намъ, что этотъ источникъ обложенія на долгое время могъ бы покрыть дефицитъ земскихъ бюджетовъ, придя на смѣну изсякшему источнику обложенія захудалой нашей поземельной собственности, едва влачащей свое существованіе.

Ограниченіе роста земскихъ бюджетовъ весьма любопытно сопоставить съ послѣдовательнымъ и крупнымъ возростаніемъ расходовъ, исполненныхъ государственнымъ казначействомъ: за двадцать лѣтъ, съ 1881 года, общая сумма расходовъ по имперіи повысилась съ 867,5 милліоновъ рублей до 1.897,8 милліоновъ рублей, или, въ среднемъ, за годъ на 54,2 милліона рублей. Этотъ ростъ представляется еще нагляднѣе, если разбить итоги по пятилѣтіямъ, а именно:

Среднее ежегодное возростаніе обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ въ милліонахъ рублей:

Годы.	Всего бюджета.	За исключеніемъ расходовъ по казенн. желѣзн. дор. и казенн. продажѣ питей.
1881—1886	15,5	13,1
1887—1892	29	22,8
1893—1895	97,3	59,3
1895—1900	125,1	80

Этотъ ростъ расходовъ даетъ основаніе министру финансовъ придти къ заключенію, „что государственныя потребности Россіи, при всей

непрерывности и быстротѣ ихъ наростанія, во всякомъ случаѣ не остаются безъ удовлетворенія въ весьма серьезныхъ размѣрахъ" [1])...

Въ состояніи ли будетъ и земство придти теперь къ такому же оптимистическому заключенію?

А между тѣмъ еще недавно предъ княземъ Волконскимъ рисовались совсѣмъ иныя перспективы; онъ бодрѣе смотрѣлъ въ будущее земской жизни и вѣрилъ въ это будущее. Въ 1900 году, на страницахъ „Вѣстника Европы" нами разсмотрѣнъ былъ проектъ рязанскаго земства о всесословной волости, доложенный кн. Волконскимъ губернскому собранію въ январьскую сессію 1899 года [2]).

...„Возраженія дѣлались въ собраніи,—говорилъ тогда князь Волконскій, — не столько противъ пользы мелкой земской единицы, какъ противъ ея осуществимости. Лица, возражавшія противъ осуществимости волости или прихода въ качествѣ мелкой единицы земскаго самоуправленія, всегда понимавшейся въ рязанскомъ земствѣ въ качествѣ самообложающагося общественнаго союза, основывали свои сомнѣнія на соображеніяхъ двоякаго рода. Во-первыхъ, представлялось невозможнымъ устроить самоуправляющуюся мелкую земскую единицу такимъ образомъ, чтобы при правѣ самообложенія интересы обѣихъ главныхъ составныхъ частей нашего сельскаго населенія, частныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, были равно охранены отъ злоупотребленія со стороны другой; это была точка зрѣнія гласнаго А. И. Кошелева. Во-вторыхъ, устройство новой мелкой единицы земскаго самоуправленія представлялось слишкомъ дорогимъ, чтобы быть посильнымъ губерніи въ настоящее время. Къ этой точкѣ зрѣнія сводились возраженія гласнаго Лукинскаго. Этими двумя гласными высказано, какъ понимаетъ управа главныя возраженія, сдѣланныя противъ мелкой единицы земскаго самоуправленія въ рязанскомъ губернскомъ земствѣ".

Мы не станемъ подробно останавливаться на проектѣ учрежденія всесословной волости, и интересующихся этимъ предметомъ отсылаемъ къ указанной статьѣ. Отмѣтимъ лишь, что, какъ выяснилось изъ преній, сгруппированныя княземъ Волконскимъ возраженія добавились новыми пунктами, сводившимися главнымъ образомъ къ неудобству разсмотрѣнія подобныхъ законопроектовъ въ присутствіи гласныхъ отъ крестьянъ (?!) и къ необходимости, предварительно возбужденія предъ правительствомъ ходатайства объ учрежденіи мелкой земской единицы, испросить разрѣшеніе на такое ходатайство, что, между прочимъ, дало поводъ автору проекта формулировать возра-

[1]) См. „Русское Экономическое Обозрѣніе", кн. I, 1901 года, стр. 133-я.

[2]) См. „Вѣстникъ Европы", окт., 771 стр.

женіе это слѣдующимъ курьезнымъ образомъ: просить правительство о разрѣшеніи—просить правительство".

„Если земство,—указывалъ кн. Волконскій,—имѣетъ право обращаться къ правительству съ просьбами, то не затѣмъ, чтобы просить позволенія предъявлять эти просьбы".

Впрочемъ, губернское земское собраніе отлично сознавало настоящую цѣну подобныхъ возраженій, выраженныхъ въ столь курьезной формѣ, и большинствомъ 34 голосовъ противъ 26 согласилось съ предложеніемъ князя Волконскаго, признавъ такимъ образомъ слишкомъ преувеличенною осторожность нѣкоторыхъ сторонниковъ *охраненія гласныхъ отъ крестьянъ* отъ пагубныхъ увлеченій и страстныхъ преній. По выраженію гласнаго Левашева, въ его рѣчи, сказанной по этому поводу, „прошло безвозвратно то время, когда нужно было при каждомъ сказанномъ словѣ оглядываться, нѣтъ ли тутъ кого изъ мужиковъ, кто могъ бы превратно перетолковать сказанное. Это было во времена крѣпостныя и въ первое время по освобожденіи крестьянъ. Теперь мы можемъ въ земскихъ собраніяхъ обсуждать предположенія, клонящіяся къ лучшему устройству той или другой части управленія, не опасаясь превратныхъ толкованій. Мы дорожимъ тѣмъ, чтобы ихъ не было, и настолько пріобрѣли опытность въ обсужденіи различныхъ правительственныхъ предположеній, отъ времени до времени передаваемыхъ на заключеніе земства, что не допустимъ ни непочтительнаго отношенія къ законамъ, ни увлеченія, дающаго поводъ къ превратнымъ толкованіямъ. Наши гласные отъ крестьянъ уже не тѣ крѣпостные люди, какіе были прежде; да, наконецъ, и предсѣдатели собраній, облеченные широкой властью и отвѣтственные за все происходящее въ собраніи, не допустятъ ничего незаконнаго".

Ал. Еропкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1902.

Первый годъ новаго вѣка. — Противорѣчія въ административной практикѣ по вопросу о „мелкой земской единицѣ“. — Отношеніе къ нему различныхъ земствъ. — „Мелкіе съѣзды“, какъ подготовка къ земскому собранію. — Постановленіе орловскаго губернскаго земскаго собранія. — Общеземскій періодическій органъ. — Продовольственное дѣло въ вятской губерніи. — Разъясненіе товарища министра народнаго просвѣщенія по вопросу о четырехклассныхъ „городскихъ“ училищахъ.

Миновалъ первый годъ XX-го вѣка... Онъ обогатилъ русское общество надеждой на реформу средней и высшей школы. Въ какой мѣрѣ эта реформа окажется осуществимой при общихъ условіяхъ нашей жизни — покажетъ время; несомнѣнно, покамѣстъ, лишь одно — что чѣмъ-то новымъ повѣяло именно въ той сферѣ, которая всего дольше и всего упорнѣе оставалась недоступною обновленію. Остановилось, благодаря перемѣнѣ въ настроеніи министерства народнаго просвѣщенія, движеніе „наказа училищнымъ совѣтамъ“, грозившаго стать добавочнымъ тормазомъ развитія начальной школы. Но все-же въ области народнаго образованія все, по прежнему, мало опредѣленно; нѣтъ увѣренности ни въ томъ, что прочно достигнутое и сдѣланное, ни въ томъ, что вскорѣ можно будетъ пополнить его пробѣлы. Самоуправленіе, ограничиваемое въ своихъ функціяхъ, стѣсняемое въ своихъ проявленіяхъ, оспаривается въ печати принципіально и стоитъ, быть можетъ, наканунѣ рѣшающаго момента. Пересмотръ городового положенія едва ли коснется слабыхъ сторонъ этого закона; гораздо вѣроятнѣе иной результатъ. На окраинахъ имперіи хотя проектируются учрежденія земскія, но весьма отличныя отъ существующихъ; предпринимается, въ большихъ размѣрахъ, опытъ „административной децентрализаціи“, могущей, въ данную минуту, явиться на смѣну „мѣстному представительству“. Въ положеніяхъ о крестьянахъ намѣчаются, повидимому, частичныя поправки, усиливающія, на низшихъ ступеняхъ управленія, авторитетъ и дѣйствіе мѣстной власти. Поло-

женіе печати, несмотря на временное облегченіе, дарованное ей снятіемъ предостереженій, остается, въ сущности, неизмѣненнымъ. Съ числомъ и важностью задачъ, возлагаемыхъ на администрацію, растетъ и крѣпнетъ въ извѣстнаго рода печати вѣра въ ея всеобъемлющую способность. Нѣтъ — такъ проповѣдуютъ многіе — нѣтъ такого дѣла, котораго она не могла бы исполнить не только хорошо, но лучше, чѣмъ кто бы то ни было; нѣтъ техническаго умѣнья, которымъ она не могла бы овладѣть до тонкости—а въ этомъ умѣньѣ главный залогъ успѣха. Упускается изъ виду, что администрація, постоянно пополняемая изъ рядовъ общества, не можетъ стоять ни многимъ ниже его, ни многимъ выше. Если совершенствуется администрація, то это значитъ, что растетъ и общество—а растущее общество не можетъ и не должно быть обрекаемо на ничего недѣланіе, такъ какъ все за него дѣлаетъ администрація. Оно не можетъ погрузиться всецѣло въ частныя дѣла, какъ потому, что они тысячью нитей связаны съ государственной жизнью, такъ и потому, что съ широкимъ развитіемъ мысли неразрывно соединена разносторонность интересовъ. Какъ только „умъ подданныхъ" перестаетъ быть, по извѣстному нѣмецкому изреченію, „ограниченнымъ", онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, чѣмъ предрѣшается, въ значительной мѣрѣ, судьба страны... Одной техники, какъ бы она ни была виртуозна, недостаточно; притомъ, для достиженія цѣлей управленія, необходимо еще творчество, необходима иниціатива—личная и коллективная. Отсюда вытекаетъ ничѣмъ незамѣнимая дѣятельность болѣе свободной печати и болѣе самостоятельнаго мѣстнаго самоуправленія; отсюда—значеніе, которое, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, пріобрѣли — и сохраняютъ — наши земскія учрежденія. Иное, быть можетъ, вышло бы болѣе отдѣланнымъ и отшлифованнымъ изъ рукъ администраціи—но ею не было бы внесено въ оборотъ столько свѣжихъ теченій, столько безкорыстнаго труда на общую пользу... Живая дѣятельность администраціи и мертвенное бездѣйствіе общества—явленія, à la longue, несовмѣстимыя. Слишкомъ близко соприкасаются между собою эти сферы, чтобы жизнь надолго могла сосредоточиться исключительно въ одной изъ нихъ...

Въ земской жизни все чаще и чаще повторяется явленіе, еще недавно ей чуждое: снятіе съ очереди того или другого вопроса, вызванное не свободной иниціативой предсѣдателя собранія, а распоряженіемъ извнѣ, не имѣющимъ точки опоры въ дѣйствующемъ законѣ. Ненормальность такого порядка тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что запрещаемое въ одной губерніи сплошь и рядомъ допускается въ

другой. Иногда противорѣчіе идетъ еще дальше: въ одной и той же мѣстности законное вчера оказывается незаконнымъ сегодня. Въ 1895 г., с.-петербургское губернское земское собраніе возбуждаетъ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ; въ 1901 г., предсѣдатель собранія признаетъ возобновленіе этого ходатайства выходящимъ за предѣлы компетенціи земства—а въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи обсужденіе аналогичнаго вопроса не встрѣчаетъ, въ то же самое время, ни малѣйшаго препятствія. Столь же разнообразно отношеніе къ вопросу о *мелкой земской единицѣ*, почти повсемѣстно, благодаря постановленію московскаго агрономическаго съѣзда [1]), возникавшему во время послѣдней сессіи земскихъ собраній. Въ губ. собраніяхъ воронежскомъ, тверскомъ, курскомъ, новгородскомъ, ярославскомъ онъ былъ разсмотрѣнъ подробно; въ пермскомъ губ. собраніи предсѣдатель не допустилъ его обсужденія, находя, что этотъ вопросъ не имѣетъ прямого отношенія къ мѣстнымъ интересамъ и могъ бы быть поставленъ въ земствѣ только по иниціативѣ правительства [2]). По тѣмъ же, вѣроятно, соображеніямъ не было допущено разсмотрѣніе вопроса о мелкой земской единицѣ и въ черниговскомъ губ. земскомъ собраніи. Особенно типичной исторія этого вопроса представляется въ с.-петербургской губерніи. Еще въ началѣ 90-хъ годовъ ямбургское уѣздное земство постановило ходатайствовать о привлеченіи пришлаго населенія къ отправленію мірскихъ повинностей и уплатѣ мірскихъ сборовъ. Въ 1896 г., спб. губернское земское собраніе нашло, что переустройство мірскихъ повинностей тѣсно связано съ другими вопросами, возникающими на почвѣ Положеній 19-го февраля, и поручило губ. управѣ и экономическому совѣту сообразить, по какимъ изъ этихъ вопросовъ слѣдовало бы высказаться губернскому земству. Въ 1897 г., докладъ, составленный во исполненіе этого постановленія, былъ переданъ губ. собраніемъ, для дальнѣйшей разработки, въ особую коммиссію, съ тѣмъ, чтобы ея труды были разосланы на предварительное заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраній. Коммиссія исполнила возложенную на нее задачу, коснувшись, между прочимъ, и организаціи мелкой земской единицы; но ея работа, весьма обширная и обстоятельная, была закончена уже послѣ закрытія сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній. Губернское собраніе 1898 г. не нашло, поэтому, возможнымъ приступить къ ея разсмотрѣнію и вновь постановило передать ее на заключеніе уѣздныхъ собраній. Всѣ эти постановленія

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1901 г.

[2]) Всѣ уѣздныя земства пермской губерніи высказались за хозяйственную всесословную волость, изъятую изъ вѣдѣнія крестьянскихъ учрежденій.

остались безъ возраженій со стороны администраціи и вошли въ законную силу. Въ теченіе 1898-го года, только три изъ числа восьми уѣздныхъ собраній с.-петербургской губерніи дали отзывы по существу работъ коммиссіи; остальныя поручили разсмотрѣніе ихъ особо избраннымъ коммиссіямъ, вслѣдствіе чего губернское собраніе, 15-го января 1899-го года, постановило отложить окончательное обсужденіе вопроса до слѣдующей очередной сессіи, продолживъ еще на годъ полномочія коммиссіи. Это постановленіе, логически вытекавшее изъ прежнихъ и не заключавшее въ себѣ рѣшительно ничего новаго, было опротестовано губернаторомъ на томъ основаніи, что правительство, занимаясь обсужденіемъ вопроса о необходимыхъ измѣненіяхъ Положеній 19-го февраля, не признало до сихъ поръ нужнымъ имѣть въ своемъ распоряженіи мнѣнія о томъ губернскаго земства, а разсмотрѣніе вышеозначеннаго вопроса по иниціативѣ земскаго собранія допущено быть не можетъ, такъ какъ, по самому своему существу, онъ выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства земства. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе согласилось, по большинству голосовъ, съ протестомъ губернатора и отмѣнило постановленіе губ. собранія—31-го января 1900-го года. Губ. земское собраніе рѣшило обжаловать постановленіе губ. присутствія правительствующему сенату и вслѣдъ затѣмъ (8-го февраля) поручило коммиссіи и управѣ представить новый докладъ по вопросамъ о мірскихъ сборахъ и объ организаціяхъ по общественному призрѣнію и по другимъ хозяйственнымъ функціямъ земства, оставаясь въ предѣлахъ неопротестованнаго постановленія 1897-го года. 11-го января 1901-го года собраніе, согласно съ предложеніемъ коммиссіи и управы, постановило обратиться къ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ съ вопросами о томъ, желательно ли привлеченіе пришлаго населенія губерніи къ несенію мірскихъ повинностей, и какихъ именно; связано ли такое привлеченіе съ измѣненіемъ существующей сельской и волостной организаціи; въ какомъ направленіи желательны измѣненія; не слѣдуетъ ли обратить вниманіе правительства на цѣлесообразность разработки основаній примѣненія этой мѣры и къ другимъ элементамъ населенія уѣздовъ; не указываетъ ли опытъ на желательность измѣненія предѣловъ вѣдомства волостныхъ судовъ. Это постановленіе собранія спб. губернаторъ призналъ состоявшимся съ нарушеніемъ предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій, такъ какъ имъ не предоставлено обсуждать вопросы общегосударственнаго характера, въ область которыхъ входитъ измѣненіе существующей сельской и волостной организаціи, а также устройства волостныхъ судовъ. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, по большинству голосовъ, и этотъ протестъ губернатора нашло правильнымъ и отмѣнило опротестованное постановленіе собранія, которое съ своей стороны, 8-го де-

кабря 1901-го года, рѣшило принести на губ. присутствіе жалобу въ правительствующій сенатъ. Въ уѣздныхъ собраніяхъ с.-петербургской губерніи вопросъ о мелкой земской единицѣ былъ поставленъ на очередь вслѣдствіе упомянутой нами резолюціи московскаго агрономическаго съѣзда—но въ томъ собраніи, съ занятіями котораго мы ближе знакомы, обсужденіе его не было допущено предсѣдателемъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что та же судьба постигла данный вопросъ и въ другихъ уѣздахъ с.-петербургской губерніи, и что аналогичный результатъ зависѣлъ вездѣ отъ одной и той же причины.

Что вопросъ о мелкой территоріальной единицѣ, подъ какимъ бы именемъ онъ ни возникалъ въ земствѣ—подъ именемъ ли вопроса о всесословной волости, подъ именемъ ли измѣненія сельской и волостной организаціи, подъ именемъ ли частичнаго пересмотра положеній о крестьянахъ,—не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые несомнѣнно выходятъ изъ круга вѣдомства земскихъ учрежденій, это доказывается, прежде всего, различнымъ отношеніемъ къ нему мѣстныхъ губернскихъ властей. Еслибы постановка его была явно противозаконна, она вездѣ и всегда встрѣчала бы одинаково рѣшительный отпоръ; не было бы мѣста для тѣхъ колебаній и разнорѣчій, о которыхъ мы говорили выше. Разсматриваемый въ своемъ существѣ, вопросъ о мелкой единицѣ можетъ быть названъ земскимъ по преимуществу. Немного найдется другихъ, которые имѣли бы столь жизненное значеніе для земства, тѣснѣе были бы связаны съ земскими задачами и интересами. На каждомъ шагу земство чувствуетъ себя недостаточно близкимъ къ населенію; на каждомъ шагу отсутствіе мѣстныхъ органовъ затрудняетъ правильное осуществленіе и широкое развитіе земскихъ мѣропріятій. Молчать объ этомъ земство не въ правѣ; чѣмъ больше взводится на него обвиненій, тѣмъ настоятельнѣе для него обязанность показать, въ чемъ заключается одинъ изъ главныхъ тормазовъ его дѣятельности. Конечно, организація мелкой единицы не можетъ быть введена въ одной губерніи безъ распространенія ея на цѣлый рядъ другихъ, поставленныхъ въ одинаковыя условія: но вѣдь то же самое слѣдуетъ сказать о множествѣ вопросовъ, невозбранно составлявшихъ и составляющихъ предметъ земскихъ ходатайствъ. Мѣстныя нужды и пользы сплошь и рядомъ тѣсно, неразрывно переплетены съ общегосударственными—и для законности ходатайства необходимо только одно: чтобы оно было мотивировано мѣстными данными, пріурочено къ мѣстнымъ потребностямъ. Прошедшее земскихъ учрежденій представляетъ массу случаевъ, въ которыхъ ходатайства общегосударственнаго характера были разсмотрѣны высшимъ правительствомъ по существу, т.-е. признаны не противорѣчащими закону. Иногда на долю такихъ ходатайствъ выпадалъ полный успѣхъ: указа-

нія, сдѣланныя земствомъ, становились исходной точкой новаго закона [1])...

Правильность противодѣйствія, встрѣчаемаго постановкой, въ земскихъ собраніяхъ, вопроса о мелкой единицѣ, представляется намъ сомнительною еще въ силу другого, не менѣе важнаго соображенія. Представимъ себѣ, что губернское земское собраніе—хотя бы петербургское—сразу рѣшило бы возбудить ходатайство о мелкой земской единицѣ. Помѣшать дальнѣйшему движенію этого ходатайства губернаторъ, въ силу разъясненія правительствующаго сената, не имѣлъ бы права; ему слѣдовало бы дать узаконенный ходъ, и отклонить его, по той или иной причинѣ, могъ бы только комитетъ министровъ. Не явствуетъ ли отсюда, что протесту со стороны губернатора и отмѣнѣ губ. присутствіемъ не подлежатъ постановленія, *подготовляющія* ходатайство (выборъ коммиссіи, собраніе матеріаловъ, составленіе программы, передача вопроса на заключеніе уѣздныхъ земствъ)? Логично ли, въ виду свободы послѣдняго шага, стѣснять предъидущіе, не заключающіе въ себѣ еще ничего рѣшительнаго?.. Само собою разумѣется, что еще менѣе послѣдовательно вмѣшательство въ среднюю часть процесса, т.-е. наложеніе veto на *продолженіе* подготовительныхъ мѣръ, разъ что было допущено ихъ *начало*.

Изъ числа губернскихъ земскихъ собраній, которымъ удалось, въ теченіе послѣдней сессіи, не только поставить, но и обсудить вопросъ объ организаціи мелкой земской единицы, собранія курское и ярославское передали его, послѣ преній, на обсужденіе своихъ губернскихъ управъ, а собранія воронежское и новгородское—*единогласно* высказались за его утвердительное разрѣшеніе. Въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи побѣдило противоположное мнѣніе: за мелкую земскую единицу подали голосъ 19 гласныхъ, противъ нея — 28. По словамъ тверского корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", „на баллотировочномъ листѣ фамиліи расположились очень странно: люди, казалось бы, очень близкіе по общимъ своимъ воззрѣніямъ, росписались на разныхъ сторонахъ листа". И въ самомъ дѣлѣ, какъ главный противникъ, такъ и главный защитникъ мелкой земской единицы—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и И. И. Петрункевичъ—принадлежатъ къ одной и той же группѣ тверскихъ губернскихъ гласныхъ. Понятно, что доводы перваго изъ нихъ не совпадали съ обычными возраженіями противъ всесословной волости—возраженіями, носящими на себѣ печать реакціонныхъ или, по меньшей мѣрѣ, ультра-консервативныхъ настроеній. Не отрицая неудобствъ, про-

---

[1]) См. заключительную главу книги проф. Карышева: „Земскія ходатайства" (Москва, 1900).

истекающихъ отъ того, что органы самоуправленія далеки отъ народа, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ указалъ на опасность, которою грозитъ чрезмѣрная ихъ близость [1]). Къ общественному дѣлу можно относиться достаточно сознательно и безпристрастно лишь съ нѣкотораго отдаленія; вблизи—„злобы дня“ отвлекаютъ вниманіе отъ заботъ о будущемъ, интересы колокольни заслоняютъ широкія общественныя перспективы. Опасность становится прямо грозной, когда, какъ въ данномъ случаѣ, дѣло самоуправленія предполагается ввѣрить невѣжественному населенію. Представители крестьянства въ земскихъ собраніяхъ являются тормазомъ, задерживающимъ развитіе земскаго дѣла. Если крестьянамъ будетъ ввѣрено завѣдываніе общественнымъ хозяйствомъ, дешевая школа грамоты вытѣснитъ земское училище, дешевый фельдшеръ—образованнаго доктора. Совсѣмъ иную силу представляетъ изъ себя образованнѣйшая часть общества; въ своей земской дѣятельности она руководится, главнымъ образомъ, альтруистическими мотивами. Несмотря на то, что въ 1890 г. было увеличено значеніе дворянскаго элемента въ земствѣ, земскія заботы о меньшемъ братѣ не ослабѣли, а усилились. За 15 лѣтъ земскій бюджетъ возросъ съ 45 до 80 слишкомъ милліоновъ. Учрежденіе мелкой земской единицы, передача самоуправленія въ руки крестьянства неизбѣжно приведутъ къ тому, что образованные элементы будутъ оттѣснены отъ земскаго дѣла, а это скажется въ земскомъ хозяйствѣ рѣзкимъ регрессомъ.

Къ принципіальнымъ возраженіямъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ присоединилъ рядъ практическихъ. Вопросъ о всесословной волости неоднократно возникалъ въ русской жизни, но возникалъ въ моменты совершенно иного характера,—въ моменты общественнаго подъема, въ связи съ предстоявшими или, по крайней мѣрѣ, ожидавшимися крупными преобразованіями. Совсѣмъ не такой моментъ теперь. Мелкая земская единица оказалась бы существующей бокъ-о-бокъ съ земскимъ начальникомъ, который явился бы предсѣдателемъ ея собраній. Между элементами, выдвинувшими въ настоящее время вопросъ о мелкой земской единицѣ, наряду съ теоретиками, думающими больше всего о стройности органовъ управленія, и усталыми людьми, которые желали бы свалить съ своихъ плечъ земское дѣло, встрѣчаются и несомнѣнные враги земскаго самоуправленія. Легко понять, во что отольется, при такихъ условіяхъ, реформа...

Отдавая полную справедливость побужденіямъ и намѣреніямъ В. Д.

---

[1]) Мы приводимъ рѣчь В. Д. Кузьмина-Караваева по отчету „Русскихъ Вѣдомостей“, но съ небольшими измѣненіями, возстановляющими, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, настоящія слова оратора.

Кузьмина-Караваева, мы не можемъ согласиться ни съ однимъ изъ его аргументовъ. Ошибочнымъ кажется намъ, прежде всего, его взглядъ на положеніе, занимаемое, въ земской сферѣ, обѣими главными группами сельскаго населенія. Несмотря на то, что, при дѣйствіи Положенія 1890 г., гласные отъ сельскихъ обществъ—не столько уполномоченные своего сословія, сколько довѣренныя лица мѣстной администраціи,—они далеко не вездѣ и не всегда являются тормазомъ, задерживающимъ развитіе земскаго дѣла. Когда они предоставлены самимъ себѣ, они стоятъ, сплошь и рядомъ, за истинно земское рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, отстаивая, напримѣръ, интересы народнаго образованія, отдавая земской школѣ преимущество передъ школой грамоты, поддерживая прогрессивныя сельско-хозяйственныя мѣры. Наоборотъ, далеко не всегда симпатична роль гласныхъ отъ дворянъ. Пока еще были свѣжи старыя земскія традиціи, пока въ составѣ земскихъ собраній преобладали дѣятели шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, до тѣхъ поръ можно было думать, что сословное земство не сойдетъ съ пути, проложеннаго его предшественникомъ. Ростъ земскихъ бюджетовъ, въ значительной мѣрѣ обусловленный расширеніемъ школьной сѣти и поднятіемъ уровня земскихъ школъ, позволялъ надѣяться, что выше интересовъ личныхъ и сословныхъ по прежнему будутъ стоять, для земскихъ собраній, интересы народа. Есть, конечно, и до сихъ поръ земства, оправдывающія эту надежду; но во многихъ другихъ замѣтны зловѣщіе признаки поворота, знаменующаго собою разрывъ съ прошедшимъ. Мы видѣли еще недавно, во что обратилось зарайское уѣздное собраніе, и какъ пользуются своимъ большинствомъ и своею властью дворянскіе его члены, встрѣчающіе противодѣйствіе только въ средѣ горожанъ и крестьянъ [1]). Немногимъ лучше зрѣлище, представляемое балашовскимъ (саратовской губерніи) земскимъ собраніемъ, „самые рѣчистые и вліятельные члены котораго изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ категорически отвергли, а нѣкоторые даже осмѣяли предложеніе Н. Н. Львова (предсѣдателя саратовской губернской земской управы) объ учрежденіи должности уѣзднаго земскаго агронома“. „На приглашеніе агронома“,—продолжаетъ балашовскій корреспондентъ „Россіи“ (№ 937),—„требовалась со стороны уѣзднаго земства ассигновка всего въ 750 рублей, но этой суммы не дали, говоря, что мужиковъ агрономъ ничему не научитъ“. Напрасно *гласный изъ крестьянъ* Ляпуновъ доказывалъ поразительно яркими фактами необходимость агронома и его совѣтовъ для крестьянъ; „вліятельные“ гласные „провалили“ агронома. „У насъ“,—такъ заканчивается корреспонденція“,—„крестьянство, оплакивающее свой скотъ и изнывающее отъ

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстн. Европы“ за 1901 г.

тоски по работѣ, особенно нуждается въ друзьяхъ, какими оказались, напримѣръ, вятскіе и пермскіе земскіе агрономы; но ихъ нѣтъ. Когда же и кто поможетъ балашовскому крестьянину въ его невѣдѣніи и стихійныхъ невзгодахъ"? Итакъ, въ балашовскомъ уѣздѣ [1]), какъ и въ зарайскомъ, защитникомъ движенія явился крестьянинъ, защитниками застоя—дворяне; и это, безъ сомнѣнія, факты не единичные, не исключительные. Еще гораздо бо̀льшаго можно было бы, конечно, ожидать отъ крестьянъ—свободно выбранныхъ и освобожденныхъ отъ гнета „властной руки". Мы далеки отъ мысли, чтобы передовая роль должна была безусловно ускользнуть изъ рукъ наиболѣе образованнаго общественнаго класса; мы хотимъ только показать, что нельзя считать ее монополіей этого класса, нельзя относиться къ представителямъ крестьянства съ тѣмъ пессимизмомъ, который слышится въ словахъ В. Д. Кузьмина-Караваева.

Читая разбираемую нами рѣчь, можно подумать, что организація мелкой земской единицы была бы равносильна упраздненію земства, или рѣзкому ограниченію его функцій. Ничего подобнаго защитники мелкой единицы въ виду не имѣютъ; она должна, наоборотъ, создать крѣпкій базисъ для земства, отчасти служа его органомъ, отчасти пополняя неизбѣжные пробѣлы его дѣятельности. При сколько-нибудь нормальномъ устройствѣ, мелкая земская единица не можетъ *отмѣнять* рѣшеній, постановленныхъ земствомъ, не можетъ ставить *свое* на мѣсто *земскаго*. Если по силамъ волости окажется только небольшая затрата на народное образованіе или народное здоровье, то отсюда еще не слѣдуетъ, что фельдшеръ замѣнитъ собою доктора, школа грамоты—нормально организованное училище; приглашенный волостью фельдшеръ будетъ только помощникомъ земскаго врача, основанная волостью школа грамоты—только мѣстомъ обученія дѣтей, не принятыхъ, за отсутствіемъ вакансій, въ земское училище или живущихъ въ отдаленной отъ него деревнѣ. Отношеніе мелкой земской единицы къ уѣздному земству должно быть во многомъ аналогично отношенію уѣзднаго земства къ губернскому; основной чертой того и другого должна быть взаимная помощь, взаимная поддержка... Или, быть можетъ, опасенія В. Д. Кузьмина-Караваева основаны на предположеніи, что съ организаціей мелкой земской единицы необходимо связано коренное преобразованіе избирательной системы, пріуроченіе выбора гласныхъ не къ различнымъ группамъ населенія, а именно и исключительно къ вновь созданной волости? Наличность такой связи мы не

[1]) По земскому Положенію 1864 г., балашовское уѣздное земское собраніе состояло изъ 34 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, 4 отъ города и 30 отъ сельскихъ обществъ; теперь оно состоитъ изъ 22 гласныхъ отъ дворянъ, 7 отъ землевладѣльцевъ другихъ сословій и 11 отъ сельскихъ обществъ.

можемъ признать доказанною; при существованіи мелкой земской единицы выборы въ уѣздное земское собраніе могутъ происходить на прежнихъ началахъ, болѣе или менѣе исправленныхъ, но не замѣненныхъ чисто территоріальнымъ принципомъ. Съ другой стороны, внутри мелкой земской единицы можно достигнуть такого равновѣсія элементовъ, при которомъ результатъ выборовъ, еслибы они и происходили по волостямъ, не страдалъ бы систематическою односторонностью, не приводилъ бы къ чрезмѣрному перевѣсу одного сословія или общественнаго класса. Припомнимъ, что при дѣйствіи Положенія 1864-го года избранниками сельскихъ избирательныхъ сходовъ нерѣдко оказывались священники и землевладѣльцы, пользовавшіеся довѣріемъ и расположеніемъ крестьянъ. Нѣчто аналогичное было бы возможно и при выборахъ на преобразованныхъ волостныхъ сходахъ, какъ бы великъ здѣсь ни былъ численный перевѣсъ крестьянскихъ голосовъ.

Роль мелкой территоріальной единицы, какъ послѣдняго звена въ ряду земскихъ учрежденій, устраняетъ опасенія, внушаемыя В. Д. Кузьмину-Караваеву близостью ея къ народу. Именно „интересамъ колокольни“ и должна служить всесословная волость; заботу о „широкихъ общественныхъ перспективахъ“ она спокойно можетъ предоставить земскимъ собраніямъ—въ особенности губернскимъ,—и по составу, и по назначенію своему гораздо болѣе приспособленнымъ къ этой задачѣ. Общественныя дѣла до безконечности разнообразны; если одни изъ нихъ лучше поддаются изученію „съ нѣкотораго разстоянія“, то другія, наоборотъ, требуютъ чуть не микроскопическаго изслѣдованія и рѣшаются всего лучше при непосредственномъ соприкосновеніи съ предметомъ. Таково, напримѣръ, попеченіе о проселочныхъ дорогахъ, о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ, о призрѣніи стариковъ, дѣтей, калѣкъ, нуждающихся только въ кровѣ и кускѣ хлѣба. „Злобой дня“ исчерпывается здѣсь вся потребность; нѣтъ надобности заглядывать далеко въ будущее, чтобы починить поврежденный мостъ или пристроить осиротѣвшаго ребенка. Извѣстная доля предусмотрительности и вдумчивости необходима, конечно, и въ дѣлахъ, могущихъ войти въ сферу дѣйствій мелкой земской единицы; но гдѣ же основаніе предполагать, что особенно мала эта доля будетъ именно въ всесословной волости? Мелкая земская единица должна отчасти замѣнить собою нынѣшнюю, крестьянскую волость, отчасти взять на себя функцію нынѣшнихъ сельскихъ обществъ (напр. по общественному призрѣнію); что же даетъ право думать, что она окажется менѣе ихъ пригодной къ этому дѣлу? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, ожидать, что, благодаря присоединенію къ волостному сходу людей болѣе образованныхъ и развитыхъ—землевладѣльцевъ, священниковъ, арендаторовъ, врачей, учителей,—благо-

даря, съ другой стороны, обложенію волостнымъ сборомъ имуществъ, теперь отъ него изъятыхъ, она будетъ обладать такими личными и матеріальными средствами, которыя расширятъ предѣлы и поднимутъ уровень ея дѣятельности? Если высшій общественный классъ, несмотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій, вносилъ и вноситъ въ земство много прогрессивнаго и свѣжаго, то что же помѣшаетъ его представителямъ способствовать обновленію и оживленію небольшихъ ячеекъ, лежащихъ въ глубинѣ государственнаго организма? Теперь онѣ предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, искусственно разобщены со всѣмъ окружающимъ; самоуправленіе ихъ, стѣсненное сверху и не поддержанное вліятельными элементами мѣстнаго населенія, сведено на степень фикціи, мертвой буквы. Возродиться оно можетъ только въ новой формѣ—и этой формой должна стать мелкая земская единица.

Болѣе вѣскими, чѣмъ „принципіальныя" возраженія противъ мелкой земской единицы, представляются „практическія" замѣчанія В. Д. Кузьмина-Караваева; но это еще не значитъ, чтобы они были убѣдительны. Въ исторіи вопроса о всесословной волости былъ только одинъ моментъ, когда все, повидимому, обѣщало широкое и правильное его рѣшеніе: это—эпоха „диктатуры сердца", поставившей на очередь реформу мѣстнаго управленія и самоуправленія, включившей ее въ программу сенаторскихъ ревизій и вызвавшей обсужденіе ея въ земскихъ собраніяхъ и въ печати. Почти во всѣхъ земствахъ началась подготовительная работа, сосредоточенная въ коммиссіяхъ,—но когда она дошла до земскихъ собраній (въ сессію 1881—82 г.), обстоятельства успѣли уже существенно измѣниться: довѣріе къ земству исчезло, появились первые признаки обратнаго теченія, кульминаціонный пунктъ котораго былъ достигнутъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ законодательныхъ актахъ 1889-го и 1890-го гг. И тѣмъ не менѣе мысль о мелкой земской единицѣ не теряетъ своей привлекательной силы: въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ прошлаго вѣка она почти не сходитъ со сцены, все болѣе и болѣе выдвигаемая силою событій (неурожаями, эпидеміями, быстрымъ ростомъ мірскихъ сборовъ, усиленною заботливостью о путяхъ сообщенія и объ общественномъ призрѣніи)—а въ первый годъ XX-го столѣтія ее формулируетъ ясно и точно московскій агрономическій съѣздъ. И это вполнѣ понятно: мелкая земская единица настолько эластична, что можетъ быть приспособлена—безъ нарушенія ея основныхъ началъ—къ весьма различнымъ обстоятельствамъ. Само собою разумѣется, что еслибы руководителемъ мелкой территоріальной единицы явился земскій начальникъ, то въ этой единицѣ не было бы ровно ничего земскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего похожаго на истинное самоуправленіе. Не къ такой цѣли

стремились и стремятся прежніе и нынѣшніе защитники всесословной волости: объединеніе элементовъ, изъ которыхъ слагается мѣстное населеніе, дорого имъ не какъ средство усовершенствованія бюрократическаго механизма, а какъ источникъ самостоятельной жизни, какъ гарантія личной и коллективной иниціативы. Безспорно, этому не благопріятствуетъ административный строй, созданный Положеніемъ 12-го іюня 1889-го года; тѣмъ не менѣе рядомъ съ нимъ — но не внутри его — есть мѣсто и для мелкой земской единицы. Ни полицейскихъ, ни судебныхъ функцій на нее возлагать не слѣдуетъ; она должна имѣть—какъ находилъ и московскій агрономическій съѣздъ—чисто *хозяйственный* характеръ, существуя, если это будетъ признано нужнымъ, рядомъ съ нынѣшнею крестьянскою волостью. Возможность такого сосуществованія была подробно мотивирована нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда на очереди стояла новая организація общественнаго призрѣнія [1].

Въ рядахъ приверженцевъ мелкой земской единицы В. Д. Кузьминъ-Караваевъ усматриваетъ теоретиковъ, усталыхъ людей и, наконецъ, враговъ самоуправленія. Исчерпывающаго характера этому перечню самъ авторъ, по всей вѣроятности, не придаетъ; нельзя же допустить, въ самомъ дѣлѣ, что три указанныя группы вмѣщаютъ въ себѣ *всѣхъ* стоявшихъ и стоящихъ за всесословную волость, въ томъ числѣ *всѣхъ* гласныхъ двухъ губернскихъ земскихъ собраній (воронежскаго и новгородскаго). Сомнительно, дальше, чтобы между ними было много „теоретиковъ, думающихъ больше всего о стройности органовъ управленія". Стройность, понимаемую въ смыслѣ согласованности дѣйствій и простоты плана, всесословная волость, особенно въ настоящее время, можетъ скорѣе нарушить, чѣмъ усилить—да и въ средѣ земскихъ собраній, откуда, главнымъ образомъ, выходила и выходитъ мысль о всесословной волости, теоретики никогда не обладали ни численнымъ, ни нравственнымъ перевѣсомъ. Возраженія, которыя встрѣчала эта мысль, носили на себѣ преимущественно практическій характеръ; изъ практики долженъ былъ, поэтому, быть заимствованъ и матеріалъ для отвѣта на возраженія. „Усталымъ людямъ, желающимъ свалить съ своихъ плечъ земское дѣло", ничто не мѣшаетъ удалиться изъ числа земцевъ; это гораздо проще, чѣмъ придумывать способъ облегченія бремени для тѣхъ, кто вовсе имъ не тяготится. Мелкую земскую единицу, въ добавокъ, никто не предназначаетъ въ *наслѣдники* земству; на ея плечи предполагается возложить не то дѣло, которое дѣлаютъ теперь земскія учрежденія, а другое, совершенно особое, хотя и связанное съ первымъ. Что ка-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

сается до враговъ самоуправленія, то мы не помнимъ случая, когда они стояли бы за мелкую земскую единицу [1])—а противъ нея они выступаютъ весьма усердно и весьма часто. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть хотя бы недавнюю статью „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 293): „Для чего нужны мелкія земскія единицы“. Иниціаторамъ реформы нужна, по увѣренію реакціонной газеты, не мелкая единица, не децентрализація; имъ нужно „устраненіе правительственнаго крестьянскаго управленія и водвореніе на его мѣстѣ управленія земскаго“. Мотивируется это увѣреніе ссылкою на то, что защитники мелкой земской единицы стремятся, въ то же время, къ расширенію круга дѣйствій и власти губернскаго земства, въ ущербъ уѣзднымъ, и, слѣдовательно, являются крайними централизаторами... Нужно ли доказывать, что такого противорѣчія вовсе не существуетъ? *Дополняя*, въ нѣкоторыхъ, немногихъ случаяхъ, дѣятельность уѣздныхъ земствъ, губернское земство не умаляетъ ихъ значенія, не посягаетъ на ихъ самостоятельность; опасность, въ этомъ смыслѣ, грозитъ имъ совсѣмъ съ другой стороны. Къ мелкой земской единицѣ губернское земство не имѣло бы, въ добавокъ, никакихъ прямыхъ отношеній; непосредственною связью она была бы соединена только съ уѣзднымъ земствомъ... При сколько-нибудь нормальномъ устройствѣ, мелкая земская единица сдѣлалась бы прочнѣйшей опорой всего земскаго зданія—и уже по этому одному нельзя допустить, чтобы къ числу искреннихъ ея приверженцевъ могли принадлежать „враги самоуправленія“...

Потребность оживить дѣятельность земства, поставивъ ее въ болѣе тѣсное общеніе съ жизнью мѣстнаго населенія, выражается не въ одномъ только порывѣ къ мелкой земской единицѣ. Она вызываетъ мысль объ устройствѣ мѣстныхъ попечительствъ, безпрестанно возникающую то въ томъ, то въ другомъ земскомъ собраніи; она же внушила одному изъ гласныхъ гороховецкаго уѣзда, П. П. Булыгину, предложеніе, перенесенное изъ уѣзда въ владимірское губернское земское собраніе. По словамъ г. Булыгина, доклады, вносимые за послѣдніе годы въ уѣздное собраніе, носятъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, характеръ личный, а не общественный: кто-нибудь проситъ сложить съ него пеню или больничную недоимку, переоцѣнить мельницу и т. п. Объясняется это тѣмъ, что уѣздная управа не въ состояніи слѣдить за всѣми нуждами уѣзда, гласные не изъ крестьянъ заняты службой или живутъ внѣ предѣловъ уѣзда, а гласныхъ отъ крестьянъ такъ мало, что цѣлые огромные районы не имѣютъ пред-

[1]) Въ началѣ 70-хъ гг. мысль о мелкой территоріальной единицѣ находила сторонниковъ въ средѣ дворянъ, огорченныхъ отмѣною крѣпостного права—но то, что проектировалось тогда подъ именемъ всесословной волости, не имѣло, въ сущности, ничего общаго съ самоуправляющейся мелкой земской единицей.

ставителей въ собраніи [1]). Крестьянское населеніе, имѣющее право обсуждать свои нужды на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, настолько еще инертно, что весьма рѣдко пользуется этимъ правомъ. Между тѣмъ, главная задача земства заключается именно въ томъ, чтобы обсуждать подобныя нужды и по возможности удовлетворять ихъ. Разрѣшить возникающую отсюда задачу возможно, по мнѣнію г. Булыгина, въ такомъ лишь случаѣ, если до сессіи уѣзднаго земскаго собранія будутъ обязательно созываемы мелкіе съѣзды—напр. волостные,—съ правомъ участія въ нихъ землевладѣльцевъ изъ среды дворянства, духовенства и всѣхъ другихъ сословій. Такіе съѣзды дадутъ собранію возможность разсуждать не умозрительно, а на основаніи словъ населенія, ради котораго и работаетъ земство. Предложеніе гласнаго Булыгина передано владимірскимъ губ. собраніемъ въ губернскую управу, для всесторонней и детальной разработки. Само собою разумѣется, что съѣзды, проектируемые г. Булыгинымъ, не могли бы замѣнить собою мелкую земскую единицу, какъ потому, что они имѣли бы чисто совѣщательный характеръ, ничего не измѣняя въ порядкѣ исполненія земскихъ мѣропріятій, такъ и потому, что для усерднаго посѣщенія ихъ землевладѣльцами не изъ среды крестьянъ не было бы достаточной побудительной причины. Въ дѣлахъ самоуправляющейся и самооблагающейся всесословной волости каждый мѣстный землевладѣлецъ былъ бы заинтересованъ непосредственно, какъ плательщикъ волостного сбора и какъ участникъ выгодъ или невыгодъ, обусловливаемыхъ хорошимъ или плохимъ веденіемъ волостного хозяйства. Отстраняясь отъ волостныхъ дѣлъ, онъ рисковалъ бы не только потерей вліянія, но и матеріальнымъ ущербомъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ съѣздъ, ограничивающійся выраженіемъ пожеланій; чтобы отдать ему время и трудъ, нужна такая преданность общему дѣлу, какою обладаютъ далеко не всѣ землевладѣльцы. Нѣкоторую пользу, однако, „мелкіе съѣзды“ могли бы принести и въ томъ видѣ, въ какомъ намѣчаетъ ихъ гласный Булыгинъ; важно было бы уже самое признаніе солидарности всѣхъ элементовъ мѣстнаго населенія... Назрѣвшая потребность принимаетъ различныя формы, стучится въ двери подъ разными именами—и рано или поздно не можетъ не получить удовлетворенія.

Обсужденіе вопроса о мелкой земской единицѣ или ея суррогатахъ—не единственный признакъ живучести земскаго начала. Не-

[1]) Въ гороховецкомъ уѣздѣ теперь *шесть* гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, при 11 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ-дворянъ и 3 отъ не-дворянъ—а при дѣйствіи Положенія 1864-го года гласныхъ отъ сельскихъ обществъ было 13, при 15 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и 2 отъ города.

смотря на всѣ стѣсненія, которымъ подвергалось и подвергается земство, несмотря на продолжающееся ограниченіе его функцій, несмотря на преобладаніе теченій, враждебныхъ общественной иниціативѣ, несмотря, наконецъ, на избирательную систему, идущую въ разрѣзъ съ дѣйствительною группировкой земскихъ силъ,—сессіи земскихъ собраній, въ особенности губернскихъ, продолжаютъ ярко выдѣляться на тускломъ фонѣ русской жизни. Не угасаетъ въ ихъ средѣ, при всей горечи разочарованій, и вѣра въ будущность земства. Такой вѣры полна, напримѣръ, небольшая рѣчь, произнесенная, при открытіи звенигородскаго (московской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія, мѣстнымъ предводителемъ дворянства, гр. П. С. Шереметевымъ. Онъ выразилъ убѣжденіе, что не слѣдуетъ смущаться тревожными слухами объ измѣненіи земства, какъ самоуправляющагося установленія, о чуть ли не полномъ подчиненіи его администраціи или даже окончательномъ его упраздненіи. „Я твердо вѣрю"—воскликнулъ ораторъ,—„что въ земствѣ, не взирая на его недочеты,—наше будущее; что совокупная мѣстная дѣятельность всѣхъ частей общества, однажды призванная верховной властью на благо общее, должна съ каждымъ годомъ нашей исторической жизни развиваться, несмотря на временныя, прискорбныя недоразумѣнія. Искренно и горячо желаю, чтобы наконецъ кануло въ вѣчность печальное и удручающее нашу жизнь и наши труды недовѣріе къ земству. Да процвѣтаетъ оно и да крѣпнетъ, и да крѣпнетъ въ немъ живая общественная дѣятельность"!

Основательны ли или неосновательны надежды, отразившіяся въ этихъ словахъ—во всякомъ случаѣ онѣ лучше малодушнаго унынія, заставляющаго опускать руки и пассивно ожидать всего худшаго. Тяжесть условій, переживаемыхъ земствомъ, гр. Шереметевъ сознаетъ вполнѣ —и тѣмъ не менѣе не сомнѣвается въ великомъ его будущемъ. Это—именно то настроеніе, распространеніе котораго въ земской средѣ особенно желательно въ настоящее время.

Справедливое отношеніе къ земству встрѣчается, иногда, и среди представителей администраціи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, съ этой точки зрѣнія, рѣчь новаго саратовскаго губернатора А. П. Энгельгардта, произнесенная при открытіи саратовскаго губернскаго земскаго собранія. „Я видѣлъ въ деревняхъ"—сказалъ губернаторъ—„отлично обставленныя земскія больницы; на службѣ земства состоятъ 108 врачей и 287 фельдшеровъ и фельдшерицъ; при такомъ составѣ медицинскихъ силъ земская медицинская помощь можетъ уже проникать въ самые отдаленные уголки деревни. Ветеринарная часть получила широкую организацію, благодаря которой, а также страхованію скота, губернія до извѣстной степени избавилась отъ разорительныхъ эпидемій. Я видѣлъ земскія дороги и удивлялся тѣмъ капиталь-

нымъ сооруженіямъ, которыя созданы земствомъ. Вообще всюду, гдѣ земство принялось за фактическое живое дѣло, виденъ успѣхъ, видна заботливая рука хозяина" [1]). Слабую сторону саратовскаго земства А. П. Энгельгардтъ усматриваетъ въ отсутствіи попеченія о землѣ, о развитіи и усовершенствованіи сельско-хозяйственной культуры; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ увѣренность, что плодотворной будетъ работа и въ этомъ направленіи, когда за нее возьмется земство. И дѣйствительно, если въ саратовской губерніи земскія учрежденія запоздали вступить на путь экономической помощи населенію, то вѣдь во многихъ другихъ губерніяхъ этотъ путь проложенъ не кѣмъ инымъ, какъ земствомъ. Во всѣхъ сферахъ земской дѣятельности одни земства берутъ на себя иниціативу движенія, другія ограничиваются тѣмъ, что слѣдуютъ данному уже примѣру: но это не измѣняетъ общей суммы нововведеній, которыми Россія обязана земству, разсматриваемому какъ одно цѣлое. Отсталость, въ томъ или иномъ отношеніи, нѣкоторыхъ земскихъ губерній объясняется, въ добавокъ, не вездѣ одинаковымъ дѣйствіемъ условій, ухудшающихъ составъ земскихъ собраній. Припомнимъ отказъ балашовскаго земства ассигновать небольшую сумму на приглашеніе уѣзднаго агронома—и мы поймемъ одну изъ причинъ, задерживающихъ, въ саратовской губерніи, развитіе земскихъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій.

Какъ бы ни усиливалось, въ послѣднее время стремленіе уравнять земскія управы съ обыкновенными присутственными мѣстами, какъ бы ни умалялось значеніе земскихъ собраній, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи земство сохраняетъ еще свой первоначальный характеръ, рѣзко выдѣляясь, тѣмъ самымъ, изъ общаго административнаго строя: оно по прежнему имѣетъ право жалобы не только на губернатора и на губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, но и на министровъ, не исключая министра внутреннихъ дѣлъ. И нельзя сказать, чтобы это послѣднее право существовало только на бумагѣ: еще недавно имъ рѣшило воспользоваться орловское губернское земское собраніе, если окажется безуспѣшнымъ другой способъ достигнуть намѣченной цѣли. Рѣчь идетъ о циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23-го августа 1901-го года, ограничивающемъ свободу сношеній между земскими управами [2]). Орловская губернская зем-

---

[1]) Довѣріе А. П. Энгельгардта къ земскимъ учрежденіямъ выразилось и въ томъ, что, проектируя, въ особой запискѣ, рядъ мѣръ къ распространенію огнеупорныхъ крышъ и огнестойкихъ строеній, онъ допускаетъ возможность осуществленія ихъ черезъ посредство губернскаго земства, имѣющаго, въ лицѣ уѣздныхъ управъ и страховыхъ агентовъ, достаточно опытныхъ исполнителей противопожарныхъ мѣропріятій.

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1901 г.

ская управа нашла, что ст. 194-ая общ. губ. учр., на которую ссылается циркуляръ, относится къ *собраніямъ*, а не къ исполнительнымъ ихъ органамъ. Предварительныя сношенія земскихъ управъ между собою (хотя бы и по вопросамъ общегосударственнымъ), не нося характера опредѣлительныхъ дѣйствій или распоряженій, не вызываютъ и того надзора, который возложенъ на губернатора по отношенію къ дѣйствіямъ или постановленіямъ собраній. Несоотвѣтствіе циркуляра съ закономъ вытекаетъ, далѣе, изъ ст. 154 общ. губ. учр., по которой всѣ мѣста губернскія съ равными имъ, хотя бы и другихъ губерній, сносятся непосредственно,—а къ числу губернскихъ мѣстъ принадлежатъ, по закону, и губернскія управы. Усматривая, такимъ образомъ, въ циркулярѣ отмѣну существующаго закона, орловская губернская земская управа предложила губ. земскому собранію представить о томъ министру внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 178 общ. губ. учр. и ст. 78 законовъ основныхъ [1]). Собраніе, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, приняло предложеніе управы и поручило ей, въ случаѣ неуваженія ея представленія, принести на распоряженіе министра жалобу въ правительствующій сенатъ.

Не касаясь вопроса о томъ, заключаетъ ли въ себѣ циркуляръ 23-го августа отступленіе отъ закона, московская губернская земская управа усмотрѣла въ немъ поводъ возвратиться къ мысли объ основаніи общеземскаго періодическаго органа. Ходатайства по этому предмету, заявленныя, года три тому назадъ, какъ московскимъ, такъ и другими земствами, были отклонены въ виду существовавшаго тогда предположенія издавать подобный органъ при самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; но предположеніе это не осуществилось—а потребность стала еще болѣе настоятельною. „До циркуляра 23-го августа“ — говоритъ московская управа въ своемъ докладѣ,— „земскія управы, при проведеніи въ жизнь различныхъ мѣропріятій, ознакомлялись обыкновенно съ тѣмъ, что сдѣлано или дѣлается въ томъ же направленіи другими земствами, обращаясь къ нимъ съ циркулярными отношеніями и, такимъ образомъ, собирая отъ нихъ всѣ необходимыя данныя. Въ настоящее время этотъ путь закрытъ. Между тѣмъ, земское хозяйство все болѣе и болѣе усложняется; разрѣшеніе выдвигаемыхъ жизнью вопросовъ требуетъ крайняго напряженія земскихъ средствъ и силъ, для цѣлесообразнаго использованія которыхъ необходимо детальное знакомство съ опытомъ, имѣющимся уже въ земской дѣятельности. Особенно важное значеніе общеземскій органъ получаетъ въ настоящее время, при дѣйствіи закона о предѣльности

[1]) За силою этихъ статей, право входить съ подобными представленіями принадлежитъ и „подчиненнымъ начальствамъ“, т.-е. присутственнымъ мѣстамъ; но оно не равносильно праву *жалобы*, да и о примѣненіи его давно уже не слышно.

земскаго обложенія; фиксація доходовъ такъ сократила земскія средства, что при каждомъ, даже незначительномъ расширеніи и улучшеніи своего хозяйства земство встрѣчается съ дилеммой: или работа его будетъ не вполнѣ обоснована, и потому не вполнѣ цѣлесообразна — въ результатѣ безполезная трата части средствъ, — или предварительная разработка проектируемаго предпріятія поглотитъ значительную часть этихъ средствъ, а самое мѣропріятіе будетъ отложено на неопредѣленное время. Изданіе общеземскаго органа устранитъ такое нежелательное явленіе: подробно ознакомляя съ различными сторонами земской дѣятельности, общеземскій органъ въ то же время дастъ возможность широко пользоваться результатами предварительныхъ разработокъ, произведенныхъ въ земствахъ, и тѣмъ самымъ значительно съэкономить собственное время и средства. Московское губернское собраніе, раздѣляя мнѣніе управы, постановило ходатайствовать о разрѣшеніи изданія въ Москвѣ, съ 1-го января 1903-го года, „Земскаго Вѣстника". О необходимости такого органа мы говорили подробно въ мартовскомъ обозрѣніи 1899-го года; тамъ же разобраны и безцеремонно тенденціозные аргументы, которыми реакціонная печать старалась доказать его неблагонамѣренность и вредоносность.

Очень мало появляется въ печати—помимо оффиціальныхъ сообщеній—извѣстій о положеніи губерній, пострадавшихъ отъ неурожая. Изсякъ ли интересъ общества къ бѣдствію, повторяющемуся чуть не ежегодно, существуютъ ли какія-либо другія причины, объясняющія скудость оглашаемыхъ свѣдѣній—этого мы рѣшить не беремся; ограничиваемся констатированіемъ факта, тѣмъ рѣзче бросающагося въ глаза, чѣмъ живѣе память о недавнемъ прошломъ, когда борьба съ послѣдствіями неурожая привлекала къ себѣ напряженное вниманіе общества и печати. Мало кому извѣстными остаются и нѣкоторыя административныя распоряженія, далеко не лишенныя интереса. Сюда относится, напримѣръ, „объявленіе" бывшаго вятскаго губернатора Клингенберга (теперь переведеннаго во Владиміръ), распространенное среди крестьянъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. „Собственно говоря",—читаемъ мы здѣсь,—„каждый обязанъ самъ о себѣ заботиться и, въ случаѣ бѣды, найти способъ съ нею справиться, не разсчитывая на помощь; но такъ какъ отдѣльнымъ лицамъ иногда не подъ силу бываетъ выйти изъ затруднительнаго положенія въ самую минуту бѣдствія, то правительство и общество принимаютъ мѣры къ тому, чтобы облегчить пострадавшему населенію пережить тяжелое время... Выданныя ссуды будутъ по новому закону взыскиваться по тѣмъ же

правиламъ, по коимъ взыскиваются окладные сборы. Поэтому домохозяинъ, просящій и получившій ссуду, долженъ помнить, что онъ одинъ и долженъ будетъ ее возвратить, что никто ему не поможетъ и что взысканіе будетъ производиться строго, такъ что, въ случаѣ накопленія недоимки, *все* движимое имущество можетъ быть продано, а недвижимое—отобрано... При объѣздѣ губерніи я убѣдился, насколько крестьяне обдуманно и осторожно относятся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, боятся брать на себя не вызываемые крайнею необходимостью долги и твердо рѣшились терпѣливо ждать Божіей помощи въ будущемъ году, стараясь своими силами выйти изъ затруднительнаго положенія". Сопоставляя сказанное въ началѣ объявленія объ *обязанности* каждаго выйти изъ бѣды, не разсчитывая на постороннюю помощь, съ заключительными словами о стремленіи крестьянъ справиться съ бѣдою собственными силами, читатели объявленія легко могли понять его какъ призывъ къ отказу отъ продовольственной ссуды. Укрѣпить ихъ въ такомъ заключеніи должна была угроза строгаго взысканія, могущаго дойти до продажи *всего* движимаго имущества и отобранія недвижимаго [1]). Прибавимъ къ этому возможность или, лучше сказать, неизбѣжность подчеркивающихъ и преувеличивающихъ толкованій—и мы легко поймемъ, что объявленіе вятскаго губернатора должно было уменьшить количество и размѣръ ссудъ, внѣ пропорціи съ дѣйствительными нуждами населенія. Такъ и случилось, по крайней мѣрѣ въ слободскомъ уѣздѣ, гдѣ первоначально опредѣленная цифра ссудъ сократилась съ 26 до $8^1/_2$ тыс. пуд. Въ одной изъ пострадавшихъ волостей этого уѣзда *всѣ* сельскія общества отказались отъ ссуды, хотя два изъ нихъ, по удостовѣренію земскаго начальника, никакъ не могутъ обойтись безъ правительственной помощи, которая и предназначена для нихъ въ размѣрѣ 2 тыс. пуд. Сокращенію ссудъ въ вятской губерніи способствовало, повидимому, еще одно обстоятельство. Первоначально (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ земскихъ участкахъ) разсчетъ ссудъ былъ основанъ на дѣйствительной численности семействъ, но, по полученіи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 августа 1901 г., измѣненъ сообразно съ указаніями этого циркуляра, т.-е. на мѣсто реальной цифры поставлена предполагаемая (въ среднемъ—5 чел. на семью), вслѣдствіе чего въ трехъ волостяхъ слободскаго уѣзда число ѣдоковъ, нуждающихся въ ссудѣ, понижено съ 15.500 до 10.025. Намъ кажется, что такой образъ дѣйствій не соотвѣтствуетъ смыслу циркуляра. Разсчетъ по сред-

[1]) По закону о взысканіи окладныхъ сборовъ (23 іюня 1899 г.) продажа за недоимку *всего* движимаго имущества не допускается ни въ какомъ случаѣ, а отобраніе надѣла имѣетъ мѣсто лишь при круговой порукѣ, на продовольственныя ссуды, по закону 1900-го г., не распространяющейся.

ней величинѣ семьи рекомендуется имъ, главнымъ образомъ, въ виду невозможности заблаговременнаго составленія именныхъ списковъ; но если оно, въ томъ или другомъ случаѣ, оказалось возможнымъ, нѣтъ, очевидно, никакой причины отбрасывать его въ сторону и отдавать предпочтеніе менѣе надежному способу опредѣленія числа нуждающихся. Мы имѣли уже случай показать [1]), что какъ бы удачно ни былъ придуманъ порядокъ *приблизительнаго* исчисленія ссуды, замѣнить собою разсчетъ, сдѣланный на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ, оно не можетъ. Средняя семья—понятіе сплошь и рядомъ не соотвѣтствующее дѣйствительности; наиболѣе многочисленныя семьи часто оказываются, притомъ, и наиболѣе нуждающимися.

Несмотря на чрезвычайно быстрые успѣхи школьнаго дѣла въ городѣ Петербургѣ, мы тѣмъ не менѣе настаивали всегда на томъ, что эти успѣхи относятся исключительно къ *начальному* народному образованію, получаемому въ одноклассныхъ училищахъ, съ 3-лѣтнимъ обученіемъ въ нихъ; но *полное* народное образованіе, какое можно получить только въ „городскихъ" 4-классныхъ училищахъ, съ 4-лѣтнимъ обученіемъ въ нихъ, по окончаніи курса въ начальныхъ одноклассныхъ училищахъ, — и до настоящаго времени находится сравнительно съ начальнымъ, въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Четырехклассныя училища остались и остаются въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія, тогда какъ начальныя училища, лѣтъ 25 тому назадъ (въ 1877 г.), были переданы имъ въ вѣдѣніе спб. городского общественнаго управленія... Теперь, можно сказать, явилось и оффиціальное подтвержденіе относительно того, что полное окончательное народное образованіе, получаемое въ министерскихъ городскихъ 4-классныхъ училищахъ, чрезвычайно отстало, за эти 25 лѣтъ, отъ начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ городскою Думою: въ то время, когда начальныя одноклассныя училища, принятыя городомъ отъ министерства въ 1877 г. въ числѣ 14, съ 800 учащихся, въ теченіе 25 лѣтъ, возросли нынѣ до 470, съ 25.000 учащихся, — министерскія городскія 4-классныя, до самаго 1890 года, оставались неизмѣнно въ числѣ *6* на весь Петербургъ, и только въ 90-хъ годахъ, благодаря энергической настойчивости покойнаго попечителя спб. учебнаго округа, М. Н. Капустина, число ихъ удвоилось, но все же оно и теперь ничтожно, сравнительно съ числомъ начальныхъ училищъ, для которыхъ они должны служить завершеніемъ, какъ, напримѣръ, въ среднемъ образованіи, гимназія заканчиваетъ курсъ про-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1901 г.

гимназіи. Дѣйствительно, число „городскихъ“ 4-классныхъ училищъ въ Петербургѣ оказывается ничтожнымъ для Петербурга, съ его болѣе чѣмъ милліоннымъ населеніемъ и съ 470-ью начальными народными училищами, содержимыми нашимъ городомъ безъ малѣйшей субсидіи отъ того министерства, которое называется именно министерствомъ *народнаго* просвѣщенія;—въ справедливости того можно убѣдиться теперь изъ появившагося недавно въ печати („Россія“, 9 дек. 1901) нижеслѣдующаго разъясненія со стороны г. товарища министра народнаго просвѣщенія, по поводу заявленія, съ которымъ обратился въ городскую Думу попечитель спб. учебнаго округа, В. К. фонъ-Анрепъ:

„Въ настоящее время,—говорится въ разъясненіи,—число дѣтей, желающихъ поступить въ городскія четырехклассныя училища (по Положенію 1872 г.), значительно превышаетъ число вакансій, и *многимъ приходится отказывать въ пріемѣ.* По собраннымъ директоромъ народныхъ училищъ свѣдѣніямъ, въ августѣ текущаго (1901) года явились къ пріему 1.018 чел., изъ которыхъ оказалось возможнымъ принять только 694, *отказано 325.* Это изъ года въ годъ повторяющееся явленіе съ очевидностью свидѣтельствуетъ, что число городскихъ училищъ, по Положенію 1872 г., недостаточно. Такое положеніе дѣла побудило попечителя учебнаго округа войти съ представленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія о необходимости открытія въ Петербургѣ нѣсколькихъ новыхъ четырехклассныхъ училищъ, преимущественно въ районѣ тѣхъ изъ существующихъ училищъ этого типа, гдѣ оказывается ежегодно наибольшій приливъ жаждущихъ пріема: владимірскаго, сергіевскаго, рождественскаго, андреевскаго, казанскаго и воздвиженскаго, съ отнесеніемъ расхода по ихъ содержанію, по штатамъ 1872 г., и на наемъ помѣщеній всецѣло на средства государственнаго казначейства.

„Въ настоящее время, товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ Мѣщаниновъ увѣдомилъ попечителя округа, что въ Петербургѣ уже существуетъ *14 городскихъ четырехклассныхъ училищъ*, содержимыхъ средствами казны (на 470 начальныхъ училищъ, содержимыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ). При дороговизнѣ въ столицѣ квартиръ и помѣщеній, расходы на содержаніе этихъ учебныхъ заведеній достигаютъ значительной суммы. Поэтому принять полностью на средства казны расходы по содержанію проектируемыхъ училищъ не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ остальныхъ городахъ Россіи мѣстныя городскія общества никогда не отказываются отъ посильныхъ пособій правительству по содержанію такихъ учебныхъ заведеній, а расходъ по найму для нихъ помѣщеній всегда, по принятому министерствомъ народнаго просвѣщенія порядку,

относится на мѣстныя средства. Министерство народнаго просвѣщенія не видитъ основанія дѣлать въ этомъ отступленіе для с.-петербургскаго городского общественнаго управленія. То обстоятельство, что послѣднее расходуетъ весьма значительныя средства на развитіе въ столицѣ сѣти начальныхъ городскихъ училищъ, министерствомъ не можетъ быть признано убѣдительнымъ, такъ какъ и другія городскія общества не отказываются отъ посильныхъ жертвъ на это дѣло. Независимо отъ этого, необходимо отмѣтить, что главный контингентъ воспитанниковъ четырхклассныхъ училищъ составляютъ окончившіе курсъ въ начальныхъ городскихъ школахъ, содержимыхъ городомъ. Необходимо наблюдать соотвѣтствіе между числомъ заведеній того и другого типа. Городское общественное управленіе, озабоченное устройствомъ начальныхъ школъ, должно также взять на себя и заботы о созданіи возможности для школьниковъ продолжать свое образованіе".

Десять лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, когда, какъ мы уже сказали выше, было всего *шесть* „городскихъ" училищъ, — что также ни малѣйше не соотвѣтствовало тогдашнему же числу начальныхъ народныхъ училищъ (около 300), — содержимыхъ городомъ, — министерство народнаго просвѣщенія поспѣшило поддержать всѣ представленія тогдашняго попечителя М. Н. Капустина, заслужившаго тѣмъ великую признательность городского населенія — и число городскихъ 4-классныхъ училищъ начало увеличиваться съ каждымъ годомъ. Десять лѣтъ тому назадъ, министерство взяло на себя всѣ расходы по устройству новыхъ городскихъ училищъ, и не указывало городу, какъ нынѣ, на то, что „необходимо (городу) наблюдать соотвѣтствіе между числомъ заведеній того и другого типа", т.-е. начальныхъ одноклассныхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи города, и городскихъ 4-классныхъ. Но, спрашивается, какъ же городъ можетъ „наблюдать" такое соотвѣтствіе, когда послѣднія находятся не въ его вѣдѣніи, а въ вѣдѣніи министерства? Есть только одно средство исполнить указаніе министерства — сократить число начальныхъ школъ въ „соотвѣтствіи" съ наличнымъ числомъ министерскихъ „городскихъ" училищъ, и впредь не открывать ихъ, пока министерство не увеличитъ числа „городскихъ" училищъ; но никто, конечно, не пожелаетъ, чтобы гармонія между „двумя типами" (хотя это не типы, а низшіе и высшіе классы единой народной школы, съ 6-лѣтнимъ обученіемъ въ ней), была установлена такимъ жестокимъ путемъ— сокращенія начальнаго образованія до уравненія его съ окончательнымъ. Десять лѣтъ тому назадъ, министерство также не находило, какъ нынѣ, что „городское общественное управленіе, озабоченное устройствомъ начальныхъ школъ, должно также *взять на себя* и за-

боты о созданіи возможности для школьниковъ продолжить свое образованіе"—напротивъ, оно взяло на себя всѣ расходы, именно потому что оно знало, какъ городъ и безъ того „озабоченъ" начальнымъ народнымъ образованіемъ, и какія онъ дѣлаетъ матеріальныя пожертвованія на этотъ важнѣйшій предметъ.

Г. попечитель спб. округа, В. К. Анрепъ, имѣлъ, какъ будто, въ виду продолжить начатое счастливо десять лѣтъ тому назадъ однимъ изъ его предшественниковъ; но, кромѣ того, ему вполнѣ было знакомо положеніе начальнаго образованія въ столицѣ, такъ какъ еще весьма недавно онъ былъ членомъ спб. городского общественнаго управленія, и его представленіе о необходимости для министерства открыть новыя городскія училища на счетъ казны могло вытекать именно изъ личнаго знакомства съ настоящимъ дѣломъ. Въ подкрѣпленіе мнѣнія г. попечителя мы можемъ, съ своей стороны, привести слѣдующую историческую справку, выясняющую всю суть настоящаго дѣла.

Городу указывается теперь „взять также на себя заботы о созданіи возможности для школьниковъ продолжать свое образованіе", т.-е. также устроить „городскія" четырехклассныя училища, какъ онъ устроилъ одноклассныя. Но городская Дума уже 22 года тому назадъ, и два года спустя по принятіи одноклассныхъ училищъ въ свое вѣдѣніе, а именно, въ 1879 году, имѣла уже въ виду ходатайствовать о передачѣ въ ея вѣдѣніе также и „городскихъ" училищъ министерства нар. просв., съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы эти училища, какъ и одноклассныя, находились въ вѣдѣніи городского училищнаго совѣта. Рѣшено было, впрочемъ, обождать съ этимъ ходатайствомъ въ виду того, что въ то время (въ началѣ 80-хъ годовъ) число одноклассныхъ училищъ хотя и увеличилось—съ 14, принятыхъ отъ министерства въ 1877 г., до 90—но это число было слишкомъ еще мало для населенія столицы, да и существовавшее тогда число городскихъ 4-классныхъ училищъ мин. нар. просв. (6) не слишкомъ расходилось съ числомъ начальныхъ училищъ. Въ то время 15 начальныхъ училищъ приходилось на 1 городское, а нынѣ на одно городское училище приходится—33 начальныхъ училища!!.. Итакъ, положеніе народнаго образованія, въ полномъ смыслѣ этого слова, собственно ухудшилось вдвое! Теперь прошло послѣ того цѣлыхъ 20 лѣтъ: одно изъ препятствій къ ходатайству объ открытіи городомъ *своего* 4-класснаго училища значительно ослабѣло, такъ какъ въ половинѣ 90-хъ годовъ было уже не 90 начальныхъ училищъ, а свыше 300; но зато оставалось другое препятствіе: согласится ли министерство если не на ту перемѣну, какую имѣла Дума въ виду въ 1879 году, то вообще на болѣе близкое отношеніе города къ „город-

скимъ" училищамъ, подобно тому, какъ Дума завѣдуетъ одноклассными. Въ среду, 6-го ноября 1896-го года происходило засѣданіе Думы, въ самый день памяти столѣтней годовщины смерти Екатерины Великой; рѣшено было почтить память этой настоящей основательницы народнаго образованія открытіемъ перваго 4-класснаго городского училища, по „Положенію о городскихъ училищахъ 1872 года"; но при этомъ было постановлено ходатайствовать вмѣстѣ и объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей этого „Положенія", съ единственною цѣлью „дать городскому общественному управленію возможность не только отпускать деньги на содержаніе такихъ училищъ, но и приложить свой трудъ, какъ оно дѣлало и дѣлаетъ то по отношенію начальныхъ народныхъ училищъ, завѣдуя не только ихъ хозяйствомъ, но и учебною частью" [1]). Какого труда стоило Думѣ получить разрѣшеніе на открытіе собственнаго 4-класснаго училища, можно заключить изъ того, что ходатайство Думы состоялось въ апрѣлѣ 1897 года и только въ іюнѣ 1898 г., слишкомъ годъ спустя, послѣ безусловнаго отказа со стороны министра народнаго просвѣщенія, гр. Делянова, послѣдовало разрѣшеніе отъ его преемника, Н. П. Боголѣпова; впрочемъ, и онъ также отказалъ Думѣ въ главной части ея ходатайствъ, а именно объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей въ „Положеніи о городскихъ училищахъ 1872 года", но къ тому условно присовокупилъ: „Еслибы Дума желала учредить училище, которое не пользовалось бы правами правительственныхъ училищъ, а существовало бы на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, то съ мнѣніемъ Думы можно было бы согласиться". Городская коммиссія по народному образованію воспользовалась такимъ предложеніемъ и дала заключеніе, что Думѣ слѣдуетъ согласиться на предъявленное ей условіе, такъ какъ городскія училища 4-классныя если и не даютъ своимъ учащимся какихъ-нибудь особыхъ правъ, то тѣ права, какія каждому даетъ въ жизни болѣе высокій образовательный цензъ, не могутъ быть у нихъ отняты. Вотъ, такимъ образомъ, послѣ двухъ лѣтъ переписки, всякихъ отношеній и предложеній, городская Дума могла открыть свое „Первое мужское четырехклассное училище, имени императрицы Екатерины Великой"—на 200 учащихся изъ учениковъ начальныхъ училищъ, и новое училище, вслѣдъ за своимъ открытіемъ, наполнилось немедленно—такъ была велика потребность въ четырехклассныхъ училищахъ. Но дальнѣйшій успѣхъ этихъ училищъ зависитъ теперь, главнымъ образомъ, отъ того, въ какой степени будетъ

---

[1]) Желающихъ ознакомиться подробнѣе со всѣми перипетіями, какія испытало это ходатайство Думы, отсылаемъ къ отчету городской коммиссіи по народному образованію за 1899-й годъ, стр. 167—194, и къ докладамъ училищной коммиссіи по этому дѣлу, помѣщеннымъ въ „Изв. Гор. Думы" 1896, 1897 и 1898 гг.

найдено возможнымъ удовлетворить вышеупомянутыя ходатайства городской Думы о томъ, чтобы они были отданы,—какъ и начальныя,—въ вѣдѣніе городского училищнаго совѣта, или, по крайней мѣрѣ, были измѣнены въ „Положеніи о городскихъ училищахъ 1872 года"—тѣ статьи, которыя устраняютъ городъ совершенно отъ близкаго и непосредственнаго участія въ судьбѣ этихъ училищъ, предоставляя Думѣ отпускать въ министерство деньги на ихъ содержаніе...

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Л. БУХА О ВИННОЙ МОНОПОЛІИ.

Письмо въ Редакцію.

Свободная критика правительственныхъ учрежденій и мѣропріятій, появляющаяся въ газетахъ и журналахъ страны, является очень цѣннымъ источникомъ для руководства правящихъ сферъ, насколько она основана на серьезныхъ изслѣдованіяхъ даннаго дѣла. Такая критика не только допустима, но и вполнѣ желательна...

Русская питейная реформа, имѣющая высоко-нравственныя цѣли и задачи, является общественнымъ мѣропріятіемъ, совершенно новымъ, какъ у насъ въ Россіи, такъ и вообще въ цивилизованныхъ странахъ; не имѣя прецедента, которымъ можно было бы руководствоваться, дѣло это, само собой разумѣется, нуждается въ постоянномъ улучшеніи и усовершенствованіи, и именно въ такомъ нововведеніи, болѣе чѣмъ въ другихъ, оказывается необходимымъ собираніе всѣхъ замѣчаній, основанныхъ на наблюденіи за ходомъ новаго закона и примѣненіемъ его на практикѣ.

Отечественная печать не могла не заинтересоваться столь крупнымъ новымъ предпріятіемъ нашего правительства, затрогивающимъ какъ интересы милліоновъ жителей Россіи, такъ и общественную ея жизнь, вслѣдствіе чего появились многочисленные газетные и журнальные отзывы.

Среди этихъ статей есть много такихъ, въ которыхъ и не ознакомленный съ дѣломъ читатель легко можетъ судить, насколько слаба ихъ основа, и которыя, само собой разумѣется, остаются безъ вниманія; но есть и другія, которыя, опираясь на оффиціальныя статистическія данныя, могутъ показаться читателямъ вполнѣ убѣдительными; а между тѣмъ сопутствующіе имъ выводы автора, основанные зачастую не на изслѣдованіи на практикѣ самаго дѣла, а на чисто теоретическихъ построеніяхъ, могутъ выставить въ ложномъ свѣтѣ нововведеніе и препятствовать осуществленію нравственныхъ его задачъ, даже и тогда, когда авторомъ статьи руководили самыя лучшія побужденія.

Такого рода статья появилась въ ноябрьскомъ истекшаго года нумерѣ „Вѣстника Европы“, стр. 342. Такъ какъ и серьезная репутація, которой пользуется этотъ журналъ, и извѣстное имя автора,

болѣе другихъ доводовъ могутъ обратить вниманіе читателей на статью, то является необходимымъ указать на нѣкоторую неправильность взглядовъ автора и на ошибочность его выводовъ.

Вышепоименованная статья приводитъ рядъ обвиненій какъ противъ практическаго примѣненія новаго закона, такъ и противъ самаго введенія реформы, а одновременно указываетъ на измѣненія, которыя, по мнѣнію автора, слѣдовало бы ввести въ положеніе казенной продажи питей.

Увеличеніе потребленія питей въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, кажется, болѣе всего обратило на себя вниманіе автора статьи.

Почему увеличеніе потребленія спиртныхъ напитковъ стоитъ въ связи съ введеніемъ монополіи,—этого авторъ статьи не объясняетъ, а между тѣмъ ставитъ до нѣкоторой степени въ зависимость фактъ, впрочемъ пока не доказанный, увеличенія потребленія питей, отъ другого факта—введенія монополіи, а такой зависимости не только не существуетъ, но нельзя ее никакимъ способомъ себѣ представить.

Можно было бы еще понять, что въ мѣстности, гдѣ народъ голодалъ въ дореформенное время,—нуждающагося мужика, который отдавалъ кабатчику-кулаку свои пожитки въ залогъ для полученія хлѣба, кабатчикъ принуждалъ выпить нѣсколько лишнихъ чарокъ, но все это совершенно невозможно при существованіи казенной лавки. Если бы сидѣлецъ винной лавки и давалъ обѣднѣвшимъ крестьянамъ деньги въ заемъ и, пользуясь ихъ положеніемъ, наживалъ бы высокіе проценты,—чего пока и не бывало,—то все-же у него нѣтъ никакого разсчета всучать одновременно „мерзавчиковъ“, на продажѣ которыхъ онъ ничего не наживалъ.

Какъ на доказательство вліянія монополіи на увеличивающееся потребленіе водки, во время неурожая, авторъ указываетъ на то обстоятельство, что въ 1898 году предполагалось, по смѣтѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, въ виду неурожая, продать только 26.543.400 ведеръ въ монопольномъ районѣ, а между тѣмъ было продано 31.110.336 ведеръ. Мы не станемъ уже говорить о томъ, что въ Россіи потребленіе спиртныхъ напитковъ далеко не достигаетъ размѣровъ потребленія ихъ въ другихъ странахъ, и что вышеуказанныя мѣропріятія правительства сводились главнымъ образомъ къ тому, чтобы достичь урегулированія потребленія крѣпкихъ напитковъ, такъ какъ не выпиваемое количество водки, а способъ потребленія этого напитка являлся главнымъ зломъ, разоряющимъ трудящееся населеніе страны,—но и приведенныя авторомъ

цифры доказываютъ, насколько для главнаго управленія являлась нежелательной продажа большого количества вина въ голодающихъ мѣстностяхъ, насколько мало это вѣдомство разсчитывало на сбытъ водочныхъ издѣлій и отказывалось отъ увеличенія статьи соотвѣтственнаго дохода въ своемъ бюджетѣ. Можно ли при такихъ условіяхъ дѣлать упрекъ казенной продажѣ питей въ наживаніи на общественномъ бѣдствіи, когда не только ничего не было предпринято съ этой цѣлью, но оказывается, что были прямо противоположныя намѣренія, разъ главное управленіе въ своей смѣтѣ предполагало въ неурожайной мѣстности продать меньшее количество вина, чѣмъ это требовалось нормальной продажей. Въ общемъ не надо забывать, что министерство финансовъ не только не довольствовалось уменьшеніемъ до минимума мѣстъ продажи,—такъ что, напримѣръ, въ восточныхъ губерніяхъ, въ сравненіи съ количествомъ этихъ мѣстъ въ дореформенное время, осталась едва ли пятая часть ихъ,—но циркулярами предписывало закрытіе винныхъ лавокъ по субботамъ съ 5 часовъ пополудни, и по воскресеньямъ до 12 часовъ дня, а пополудни—съ 5 часовъ, чѣмъ даже вызвало жалобы всѣхъ содержателей трактировъ и населенія, стѣсненнаго въ своихъ привычкахъ.

Авторъ указываетъ на увеличеніе потребленія вина въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, но забываетъ о томъ, что если съ одной стороны возростающее число жителей (съ 1894 по 1899 населеніе Россіи увеличилось на 18.954.532 чел.) обусловливаетъ большій отпускъ въ этихъ губерніяхъ, то есть и другія еще причины, которыя хотя и имѣютъ громадное вліяніе, но ихъ нельзя высчитать точными статистическими цифрами.

Одною изъ такихъ причинъ является та, что количество отпущеннаго къ потребленію вина опредѣляется числомъ градусовъ, проданнымъ казенными винными лавками, а между тѣмъ надо считать, что продаваемое въ дореформенное время населенію вино, какъ мѣрою, такъ и крѣпостью по числу градусовъ, не соотвѣтствовало пріобрѣтенному вину. Не станемъ уже говорить о мѣрѣ, такъ какъ недоливъ считался какъ бы правомъ кабатчика, а что касается крѣпости, то кабатчики ухитрялись добавкой табака или иногда вредными для здоровья примѣсями дѣлать водку болѣе забористой, только для того, чтобы долить воды.

Нынѣшняя же продажа, отвѣчающая, какъ крѣпостью, такъ и мѣрою, указанной на посудѣ, при высчитываніи размѣровъ продажи даетъ самыя точныя цифры дѣйствительнаго отпуска вина населенію. Для поясненія вышеуказаннаго, приведемъ примѣръ. Четыре нынѣ бутылки (положимъ—„сороковки“) пріобрѣтались въ дореформенное время населеніемъ (въ виду разбавки водой и примѣсей) какъ 5 буты-

локъ, а въ разсчетъ общаго потребленія входили какъ четыре „сороковки". Въ настоящее же время, купленныя населеніемъ 5 бутылокъ, будутъ сосчитаны какъ 5 бутылокъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ проданныхъ градусовъ. Такимъ образомъ, сравненіе проданнаго вина до введенія монополіи и послѣ него даетъ поводъ дѣлать ошибочныя заключенія.

Другой упрекъ, который встрѣчаемъ въ упомянутой статьѣ, является повтореніемъ того, что̀ многократно уже было опровергнуто, а именно, что монополія, отнявши доходы у сельскихъ обществъ отъ торговли крѣпкими напитками, этимъ самымъ довела общества до отказа въ отпускѣ денегъ на школы.

Интересующихся этимъ вопросомъ можно отослать къ напечатанному въ изданіи антиалкогольной коммиссіи 1898 года труду Н. О. Осипова, который въ сдѣланномъ по этому поводу докладѣ доказалъ, что въ общемъ доходы сельскихъ обществъ по этой статьѣ не были особо значительными, и что только малая часть ихъ была обращаема на народное образованіе.

Интересующіеся нововведеніемъ навѣрно ознакомились уже съ этимъ докладомъ Н. О. Осипова, и потому повторять его выводовъ не станемъ. Обратимъ только вниманіе на одно обстоятельство, а именно на то, что столь ревнивые защитники интересовъ крестьянскихъ обществъ какъ-то странно представляютъ прежняго кабатчика въ роли какого-то благотворителя сельскихъ общинъ. Кабатчикъ, по ихъ мнѣнію, какъ будто прибывалъ въ деревню съ переполненными карманами, и съ минуты его прибытія, какъ изъ рога изобилія, сыпались средства на школы и другія народныя нужды счастливой деревни.

Между тѣмъ, глазамъ безпристрастнаго наблюдателя рисуется совершенно другая картина. Кабатчикъ обыкновенно являлся съ пустыми руками въ деревню; начиналось регулярное и методичное высасываніе средствъ населенія, и только тогда, когда эта общественная піявка разорила мужиковъ, тогда, отъ избытка вырученныхъ денегъ, передавала маленькую частицу въ руки сельской общины, но передавала по большей части въ такой моментъ и при такихъ обстоятельствахъ, что эти средства, взамѣнъ того, чтобы ихъ обратить на школу или на другое необходимое учрежденіе, пропивались тутъ же сельскимъ сходомъ и такимъ образомъ переходили обратно къ кабатчику.

Законъ 5 мая 1892 года установилъ, чтобы доходы отъ такихъ статей вписывались въ мірскія суммы, но и этотъ законъ далеко не устранилъ злоупотребленій, такъ какъ и кабатчики, и сельскія общества считали для себя крайне невыгоднымъ исполненіе этого требованія, и по словамъ Г. А. Мачтета: „пропивались и растрачивались по рукамъ сотни, а въ смѣты мірскихъ доходовъ поступали десятки".

Всѣ эти злоупотребленія прекратились съ введеніемъ монополіи, общественныя піявки сняты съ больного человѣка; онъ теперь можетъ жить и трудиться спокойно, никто не заинтересованъ въ его соблазнѣ, и если онъ еще расходуетъ на вредный напитокъ, то уже безъ посторонняго вліянія. Все то, что̀ когда-то per fas et nefas отнималось у крестьянина, остается у него; онъ теперь сберегаетъ и можетъ сберегать. Труднѣе ли ему теперь пожертвовать часть своихъ средствъ на школу, или легче это было сдѣлать въ кабацкія времена? На этотъ вопросъ сама уже логика даетъ отвѣтъ!

Что касается сельскихъ общинъ, то мы встрѣчаемъ въ упомянутой статьѣ другой, казалось бы еще болѣе тяжелый упрекъ, а именно тотъ, что въ дореформенное время сельскія общества имѣли право препятствовать открытію кабаковъ, а что реформа не только лишила ихъ этого права, „но и всѣ ходатайства,—какъ пишетъ авторъ статьи,—о закрытіи казенныхъ лавокъ остаются безъ послѣдствій".

Къ сожалѣнію, намъ приходится указать, что заявленіе автора не оправдывается дѣйствительностью, и что, вопреки категорическому увѣренію, „что всѣ ходатайства о закрытіи казенныхъ лавокъ остаются безъ послѣдствій",—закрыто, по ходатайствамъ сельскихъ обществъ, послѣ введенія монополіи, съ 1895 до 1900 года, въ оренбургской, пермской, самарской и уфимской губерніяхъ 21 лавка, въ херсонской, таврической, екатеринославской, бессарабской, подольской, кіевской, полтавской, черниговской и волынской губерніяхъ съ 1896 по 1900 г.—57 лавокъ; въ виленской, витебской, гродненской, ковенской, минской, могилевской и смоленской губерніяхъ съ 1897 по 1900 годъ—8 лавокъ, и въ с.-петербургской, новгородской, олонецкой, псковской и харьковской губерніяхъ съ 1898 по 1900 годъ—17 лавокъ, не считая винныхъ лавокъ, закрытыхъ по ходатайствамъ комитетовъ трезвости. Безъ всякихъ же ходатайствъ, а дѣйствуя по собственной иниціативѣ, главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей съ введеніемъ монополіи и послѣ введенія, не дожидаясь высказанныхъ населеніемъ пожеланій, стремилось, въ цѣляхъ народнаго оздоровленія, уменьшить число мѣстъ продажи крѣпкихъ питей, за что высказываются многіе западные спеціалисты. Въ этомъ отношеніи введеніе казенной продажи питей сдѣлало громадный шагъ впередъ. Въ нашемъ распоряженіи находятся статистическія данныя, относящіяся къ числу пунктовъ продажи крѣпкихъ питей, съ 1889 по 1898 годъ. Изъ этой статистики видно, что въ 1889 году заведеній, торгующихъ спиртными напитками, находилось въ Россіи 150.089, а въ 1898 году, подъ вліяніемъ монополіи, число ихъ уменьшилось до 99.265, хотя казенная продажа питей въ вышеуказанномъ году обнимала только 35 губерній Европейской Россіи. Итакъ, безъ чьихъ-либо ходатайствъ

министерство финансовъ сократило число мѣстъ продажи болѣе чѣмъ на одну треть.

Не довольствуясь этимъ сокращеніемъ общаго числа мѣстъ продажи питей, главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей закрывало казенныя винныя лавки въ праздничные дни почти во всѣхъ селахъ, населеніе которыхъ выражало желаніе въ этомъ направленіи. Общей статистики у насъ нѣтъ подъ рукой, но въ одной петербургской губерніи такихъ прекращеній торговли въ воскресные и праздничные дни послѣдовало 58, и, кромѣ того, въ Сестрорѣцкѣ, по ходатайству артиллерійскаго управленія, закрыта казенная винная лавка въ дни выдачи рабочимъ жалованья; то же самое въ посадѣ Колпино, гдѣ казенная лавка бываетъ закрытой не только въ день уплаты жалованья, но и въ слѣдующій за нимъ день. Даже безъ ходатайствъ и внѣ селеній, казенныя винныя лавки закрываются по воскресеньямъ и праздникамъ на правомъ берегу Невы, въ шлюссельбургскомъ участкѣ, въ домахъ № 106 и 130, и точно также —по Шлюссельбургскому проспекту.

Напротивъ того, органы самоуправленія, какъ оказалось, далеко не въ такой мѣрѣ заботились о сокращеніи числа мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ, и когда, съ введеніемъ реформы, осталось за городскими общинами право разрѣшать открытіе питейныхъ заведеній съ продажей пива, винограднаго вина и проч., то эти учрежденія самоуправленія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, изъ желанія увеличить свои доходы, такъ легко разрѣшали открытіе многочисленныхъ заведеній, и опьяненіе пивомъ и виноградным виномъ начало настолько развиваться, что пришлось, закономъ 29 мая 1897 года, отнять это право изъ рукъ общественныхъ представителей.

Слѣдующій упрекъ автора статьи относится къ уличному пьянству, увеличившемуся, по его мнѣнію, съ введеніемъ монополіи. Я позволю себѣ остановиться на двухъ обстоятельствахъ: 1) увѣренъ ли авторъ, что это уличное пьянство увеличивается? 2) и идетъ ли рѣчь объ устраненіи уличнаго пьянства, или вообще о прекращеніи пьянства? Что касается перваго пункта, нельзя отрицать, что пьяныхъ встрѣчается слишкомъ много по улицамъ, но не встрѣчались ли пьяницы и въ дореформенное время? не попадались ли и ранѣе 1895 г. по улицамъ люди въ грязной, оборванной одеждѣ, люди съ опухлымъ лицомъ, съ красными, полными слезъ, глазами, шатающіеся съ одной стороны тротуара на другую, люди, болѣе похожіе на несчастное животное, нежели на то прекрасное существо, которое когда-то Господь Богъ сотворилъ по своему образу и подобію. Такіе люди встрѣчались зачастую въ дореформенное время, и нѣтъ никакого доказательства на то, чтобы такихъ людей теперь было больше. А между тѣмъ, ны-

нѣшнія условія жизни пьяницы, при введеніи казенной продажи питей, сложились такъ, что можно было разсчитывать на увеличеніе уличнаго пьянства въ десять разъ больше, чѣмъ до 1895 года. До введенія монополіи, каждый случайный, а тѣмъ болѣе привычный пьяница, напившись въ кабакѣ, находилъ тутъ же убѣжище, гдѣ кабатчикъ, заботясь о судьбѣ дающаго ему доходъ кліента, оберегалъ его и пряталъ отъ глазъ какъ равнодушной публики, такъ и бдительной полицейской власти. Выходъ на улицу пьяницы былъ только рѣдкимъ случаемъ; лишь такіе пьяницы выталкивались на улицу, отъ которыхъ кабатчикъ никогда уже не могъ ожидать дохода, или пьяницы, слишкомъ уже шумящіе и начинающіе буйствовать. Русскій пьяница болѣе склоненъ къ нѣжности, къ плачу и чувствительности, нежели къ дракамъ и буйству, и потому громадное количество пьяницъ, напившись, оставалось въ кабакѣ. Вдругъ новые монопольные порядки, закрытіе кабака, выбросили всѣхъ этихъ пьяницъ на бѣлый свѣтъ; случилось что-то похожее на результаты первыхъ попытокъ истребленія червей или насѣкомыхъ. Подъ вліяніемъ кислоты или выкуриванія насѣкомыхъ изъ гнѣздъ, милліарды этихъ несчастныхъ, преданныхъ уничтоженію тварей разбѣгаются по всѣмъ сторонамъ, и кажется, будто въ эту минуту уничтоженія количество ихъ безмѣрно увеличивается.

Къ подобнаго рода послѣдствіямъ привело и закрытіе кабаковъ. Пьяницы внезапно очутились на улицѣ; но, какъ для истребленія насѣкомыхъ, является необходимымъ вывести ихъ на божій свѣтъ, такъ и для уничтоженія пьянства нужно, чтобы человѣчество и страдающее отъ алкоголиковъ населеніе могло посмотрѣть на результаты гнуснаго порока. Въ древности, чтобы оттолкнуть отъ пьянства молодыхъ спартанцевъ, учителя нарочно, на ихъ же глазахъ, спаивали рабовъ; отвратительный видъ пьянаго человѣка дѣйствовалъ въ желательномъ направленіи на умъ и на воображеніе молодыхъ людей и отвлекалъ ихъ отъ губительной наклонности.

Главная цѣль и задача введенія казенной продажи питей—это не борьба съ внѣшними сторонами пьянства, но полное искорененіе народнаго порока. Чтобы достичь этой цѣли, было необходимо уничтоженіе притоновъ, гдѣ язва могла скрываться и тѣмъ избѣгать лекарства и врача.

10 іюня 1900 года, изданъ былъ по ходатайству министерства финансовъ законъ, облегчающій мѣстной полиціи борьбу съ уличнымъ пьянствомъ; законъ этотъ, быть можетъ, еще не вездѣ примѣняется, но все-таки въ принципѣ гораздо легче будетъ въ настоящее время бороться съ тѣмъ пьянствомъ, которое теперь бросается въ глаза.

Легче сражаться съ видимымъ врагомъ; непобѣдимъ врагъ, котораго мы не видимъ.

Содержаніе, получаемое сидѣльцами, встрѣтило тоже осужденіе г. Буха. По его мнѣнію, высокое жалованье сидѣльцевъ привело къ тому, что учителя народныхъ школъ бросили школу и взялись за продажу вина въ казенныхъ лавкахъ. Съ другой стороны, въ той же статьѣ высказано мнѣніе, столько уже разъ нашедшее опроверженіе, что сидѣльцы казенныхъ лавокъ, желая перейти въ высшій разрядъ, усиливаютъ продажу крѣпкихъ напитковъ во ввѣренныхъ имъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, упрекъ въ высокихъ жалованьяхъ опровергается въ той же статьѣ упрекомъ недостаточнаго жалованья, и мы могли бы на немъ не останавливаться. Тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, въ дѣйствительности число учителей, бросившихъ школу для винной лавки, крайне незначительно, а А. А. Шумахеръ указалъ въ докладѣ своемъ, сдѣланномъ въ антиалкогольной коммиссіи въ 1898 году и опубликованномъ въ трудахъ общества охраненія народнаго здравія, что сидѣльцамъ казенныхъ винныхъ лавокъ нѣтъ никакого интереса усиливать продажу. Все то, что они могли бы предпринять для увеличенія этого сбыта, привело бы къ строжайшимъ наказаніямъ, даже и къ скамьѣ подсудимыхъ; а между тѣмъ достигнутое ими увеличеніе продажи водки изъ подвѣдомственнаго заведенія не приводитъ непремѣнно къ перечисленію лавки въ высшій разрядъ, что̀ и обусловлено спеціальными инструкціями министерства. Не довольствуясь этимъ, министерство финансовъ снеслось съ государственнымъ контролемъ о допущеніи оставленія въ высшихъ разрядахъ и такихъ лавокъ, продажа которыхъ уменьшилась, желая избѣгнуть усердія сидѣльцевъ винныхъ лавокъ, опасающихся, чтобы, вслѣдствіе паденія сбыта, лавка высшаго разряда, съ высшимъ окладомъ жалованья, не была переведена въ низшій разрядъ.

„Презрѣніе къ бывшему контингенту кабатчиковъ,—пишетъ авторъ, —переносится теперь на замѣнившихъ ихъ сидѣльцевъ и приказчиковъ казенныхъ лавочекъ, которые являются,—не надо забывать,—въ глазахъ народа, правительственными агентами и чиновниками“.

Вопреки вышеприведеннымъ указаніямъ, отчеты, получаемые изъ разныхъ концовъ имперіи, свидѣтельствуютъ о довѣріи, которымъ пользуются въ населеніи сидѣльцы винныхъ лавокъ, именно потому, что ихъ пріемы такъ значительно отличаются отъ пріемовъ прежнихъ кабатчиковъ. Насколько интересъ кабатчиковъ приводилъ ихъ къ принятію возможныхъ мѣръ для увеличенія сбыта напитка, обусловливающаго ихъ наживу, настолько нынѣшній сидѣлецъ почти заинтересованъ въ томъ, чтобы менѣе продать и этимъ путемъ уменьшить свой трудъ, такъ какъ и при большемъ трудѣ онъ больше не нажи-

ветъ. Такое отношеніе къ дѣлу сидѣльцевъ можетъ вызвать жалобы закоренѣлыхъ пьяницъ, но встрѣчаетъ полное одобреніе со стороны благоразумнаго и трезваго населенія.

Однимъ изъ доказательствъ того, какъ вредно отражаются дѣйствія сидѣльцевъ винныхъ лавокъ, служитъ для г. Буха приведенный имъ примѣръ, что въ одной сельской винной лавкѣ въ голодающемъ районѣ саратовской губерніи продано въ двѣ недѣли вина на 2.000 рублей. Правда, въ статьѣ указывается губернія, но не поименованы ни уѣздъ, ни волость, а тѣмъ менѣе село. Въ дѣйствительности же статистика насъ учитъ, что сельскія лавки продаютъ въ среднемъ на 200 рублей вина въ недѣлю, итого за двѣ недѣли 400 рублей, не при голодѣ, а при урожаѣ и обиліи средствъ въ деревнѣ. Голодающее же село, въ которомъ нашлось 2.000 рублей на водку въ 2 недѣли, т.-е. въ пять разъ больше, чѣмъ въ деревняхъ, не страдающихъ отъ голода, это былъ бы такой недородъ, какого можно пожелать всей Россіи.

Противъ оптовой казенной продажи вина авторъ не возражаетъ, но не надо забывать, что въ одной этой оптовой продажѣ заключается швейцарская монополія, которая, по свидѣтельству какъ профессора Фореля, такъ и всѣхъ безъ исключенія дѣятелей этой страны, не приводитъ ни къ какимъ результатамъ.

Что касается розничной продажи казенныхъ винныхъ лавокъ, то она подвергается сильнѣйшимъ нападкамъ и противоставляется готтенборгской системѣ, которую, по мнѣнію, автора, слѣдовало примѣнить въ Россіи. Вполнѣ основательное возраженіе на этотъ упрекъ далъ И. Р. Минцловъ въ антиалкогольной коммиссіи, читая тамъ же докладъ о готтенборгской системѣ и возможности ея примѣненія въ Россіи.—И. Р. Минцловъ, который нарочно ѣздилъ въ Скандинавію для изученія на мѣстѣ вышепоименованной системы, послѣ обстоятельнаго ознакомленія съ вопросомъ, приходитъ къ заключенію, что эта система, насколько бы она была примѣнена въ Россіи, не дала бы никакихъ результатовъ. Система, имѣющая успѣхъ въ странѣ, гдѣ съ давнихъ временъ расходуется на народное просвѣщеніе по два рубля съ человѣка, не можетъ дать благопріятныхъ результатовъ тамъ, гдѣ на народное образованіе расходуется и теперь еще на душу неполныхъ 40 копѣекъ!..

По мнѣнію критика, гораздо здоровѣе, приличнѣе и гигіеничнѣе выпить чарку вина въ хорошемъ помѣщеніи, за бесѣдой съ знакомыми и пріятелями, чѣмъ пить вино на улицѣ. Изъ этого можно было бы сдѣлать заключеніе о желательности такъ обставить выпивку, чтобы она сдѣлалась болѣе удобной. Естественнымъ послѣдствіемъ этого желанія было бы, что, при столь хорошей обстановкѣ и въ кружкѣ милыхъ друзей, больше выпивалось бы. Еслибы цѣлью правительствен-

ной реформы было увеличеніе потребленія водки, то, безъ сомнѣнія, главное управленіе позаботилось бы о самой роскошной обстановкѣ казенныхъ лавокъ, въ которыхъ населеніе могло бы прилично напиваться. Однакожъ, цѣль нововведенія противоположна вышеуказанной; пьющихъ вывели изъ кабаковъ съ тѣмъ, чтобы если уже они сами не могутъ бросить скверной привычки, то принудить ихъ выпивать на глазахъ и подъ контролемъ женъ, страдающихъ болѣе всѣхъ отъ порока мужей и представляющихся естественными союзницами въ борьбѣ, предпринятой правительствомъ.

Авторъ въ своей критикѣ не пощадилъ и попечительство о народной трезвости, о которомъ пишетъ, что „обѣщанная духовная пища далеко не дошла до народа; что въ столичныхъ центрахъ и другихъ городахъ открыты народныя увеселенія, но они оказались безсильными уменьшить пьянство; въ селахъ же и деревняхъ не сдѣлано и этихъ попытокъ".

Этого послѣдняго упрека не дѣлалъ бы авторъ, еслибы ему было возможно ближе ознакомиться съ дѣятельностью многихъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ.

Мы не только не можемъ признать справедливости обвиненія, что по деревнямъ и селамъ не сдѣлано попытокъ дать народу духовную пищу, но должны указать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи дѣятельность въ этомъ направленіи развилась съ неожиданной силой. Мы уже не станемъ говорить ни о возникновеніи многочисленныхъ чайныхъ и чайно-читаленъ, ни о раздачѣ брошюръ попечительствами (въ одной витебской губерніи роздано въ 1899 году 8.552 брошюры), ни о возникновеніи народныхъ хоровъ (въ одной пермской губерніи въ 1899 году было хоровъ, содержимыхъ и субсидированныхъ попечительствомъ—155); но то, что прямо можно уже назвать духовной пищей,—публичныя чтенія,—попечительство дало ихъ народу во многихъ мѣстностяхъ щедрой рукой. Мы здѣсь упомянемъ лишь о нѣсколькихъ губерніяхъ и уѣздахъ: такъ, въ пермской губерніи попечительство устроило 484 публичныхъ чтенія въ 1899 году; въ уфимской въ томъ же году—877; въ слуцкомъ уѣздѣ минской губерніи—492 чтенія; въ велижскомъ уѣздѣ витебской губерніи—843 въ 16 пунктахъ, и въ томъ же уѣздѣ и въ тѣхъ же мѣстностяхъ—132 народныхъ гуляній; въ оршанскомъ уѣздѣ могилевской губерніи—952 чтенія въ 72 пунктахъ, а въ рѣчицкомъ уѣздѣ минской губерніи въ томъ же 1899 году—1.383 чтенія.

На какомъ же основаніи сказано у г. Буха, что въ деревняхъ не сдѣлано даже попытокъ для того, чтобы дать народу духовную пищу? Не вводится ли этимъ способомъ читающая публика въ заблужденіе, которое только вредно можетъ отозваться на развитіи столь высоко-

нравственныхъ учрежденій, какими являются попечительства о народной трезвости?

Болѣе 20 тысячъ членовъ попечительства о народной трезвости трудятся, во всѣхъ концахъ Россіи, надъ поднятіемъ нравственнаго уровня народныхъ массъ; людей этихъ, часто забывающихъ и забрасывающихъ свои собственныя дѣла для общественнаго блага, не можетъ ли такая статья привести въ уныніе и отбить у нихъ охоту жертвовать своимъ безкорыстнымъ трудомъ въ пользу общества, голосъ прессы котораго умѣетъ только осуждать ихъ стремленія?

Критикъ указываетъ одновременно и на средство противъ зла, причиненнаго Россіи монополіей. По его мнѣнію, этимъ лекарствомъ явилась бы передача дѣла раздробительной продажи вина въ руки общественнаго самоуправленія, и эта передача представляется автору мѣрой столь глубокой государственной мудрости, что тогда въ лавочкахъ самоуправленія „явятся газеты, книги и живая рѣчь, подъ руководствомъ отзывчивыхъ и сердечныхъ попечителей, радѣющихъ объ интересахъ мѣстнаго общества“... „Сердечные попечители, радѣющіе объ интересахъ мѣстнаго общества“,—неужели только въ винной лавкѣ могутъ они сблизиться съ народомъ? Не могутъ ли они и теперь дѣйствовать въ благоустроенныхъ чайныхъ попечительства, когда законъ всѣми мѣрами поощряетъ ихъ дѣятельность, давая имъ особыя привилегіи въ качествѣ участковыхъ попечителей и членовъ-соревнователей? Странные были бы эти попечители, еслибы они теперь дѣйствовать не могли, а эта дѣятельность вдругъ у нихъ развилась бы, съ открытіемъ кабаковъ общественнаго самоуправленія.

При такой постановкѣ дѣла, авторъ согласенъ на сохраненіе за правительствомъ доходовъ отъ продажи спиртныхъ напитковъ. Онъ предлагаетъ налогъ, обременяющій водку, увеличить, на 50 коп. съ ведра, въ пользу народнаго образованія; но намъ кажется, что всетаки правильнѣе раздѣлить взгляды главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, которое во всѣхъ распоряженіяхъ и циркулярахъ указываетъ на главную цѣль нововведенія—уменьшеніе народнаго пьянства, не опасаясь одновременнаго сокращенія доходности питейной статьи бюджета, такъ какъ рядомъ съ этимъ уменьшеніемъ увеличится доходъ другихъ статей бюджета.

Государственная казна только тогда можетъ быть обезпечена, если народъ будетъ богатъ, а одно изъ условій богатства народа—несомнѣнно, трезвость его, такъ какъ только трезвое населеніе можетъ пріобрѣсти полную трудоспособность.

Говоримъ,—одно изъ условій, такъ какъ не менѣе важно и другое—поднятіе нравственности и просвѣщенія. Министерство финансовъ взяло на себя разрѣшеніе только той задачи, которая входитъ въ сферу его дѣй-

ствій и вліяній, а именно, устраненіе тѣхъ условій, которыя мѣшали населенію сдѣлаться трезвымъ; въ этомъ отношеніи, смѣемъ думать, у насъ сдѣлано больше, нежели гдѣ-либо въ другой странѣ, однимъ введеніемъ казенной продажи питей по новой системѣ. Учрежденіемъ же попечительства о народной трезвости министерство финансовъ способствуетъ, въ предѣлахъ своей компетентности, повышенію нравственнаго и умственнаго уровня народныхъ массъ.

А. Скаржинскій.

[redacted] 1901 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1902.

Политическія событія истекшаго года.—Общее международное положеніе и китайскій вопросъ.—Война въ южной Африкѣ и британская политика.—Возможная перемѣна министерства въ Англіи.—Колоніи и внѣшніе союзы. — Германскій проектъ таможеннаго тарифа въ парламентѣ.—Печальный прусско-польскій инцидентъ.—Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ.

Начало новаго столѣтія—насколько можно судить по первому году—не оставитъ крупныхъ слѣдовъ въ политической жизни народовъ. Старыя основы вооруженнаго мира ни въ чемъ не измѣнились. Повсюду патріотизмъ принимаетъ по прежнему холодныя эгоистическія формы и ведетъ неустанную борьбу съ побужденіями человѣколюбія и справедливости. Государственные люди разныхъ странъ часто говорятъ о благахъ международнаго общенія, но своими дѣйствіями и рѣчами сѣютъ раздоръ между націями подъ вліяніемъ ложной увѣренности, что твердая охрана отечественныхъ интересовъ несовмѣстима съ доброжелательностью къ чужимъ народамъ и племенамъ. Нѣкогда существовало еще уваженіе къ суду общественнаго мнѣнія Европы: это была высшая инстанція, къ которой обращались всѣ обиженныя и угнетаемыя народности и которая своимъ нравственнымъ авторитетомъ сдерживала одностороннія излишества и злоупотребленія внутренней и внѣшней политики отдѣльныхъ государствъ. Въ настоящее время не принято уже обращать вниманіе на чувства и отзывы иноземныхъ наблюдателей, и обращеніе къ Европѣ или даже ко всему культурному міру вызываетъ лишь презрительныя насмѣшки. Европа утратила способность объединяться во имя возвышенныхъ идей и стремленій съ тѣхъ поръ какъ національные порывы къ свободѣ и могуществу нашли себѣ удовлетвореніе. Каждое государство поглощено своими собственными дѣлами и интересами, не заботясь о мнѣніи другихъ, и этотъ принципъ индифферентизма становится все болѣе преобладающимъ въ современной политической практикѣ.

Совмѣстное предпріятіе великихъ державъ относительно Китая, доведенное до конца въ маѣ истекшаго года, ясно показало ничтожество руководящихъ взглядовъ и непримиримую рознь между участниками. Казни мандариновъ, виновныхъ въ исполненіи указовъ про-

тивъ иностранцевъ, и повальныя избіенія „боксеровъ“, вмѣстѣ съ откровенными грабительскими набѣгами на китайскія жилища, давали туземцамъ весьма опредѣленное представленіе объ европейцахъ, явившихся защитниками международнаго права и христіанства на дальнемъ Востокѣ. Союзники сломили сопротивленіе Китая, установили цифру денежнаго вознагражденія и потребовали разрушенія нѣкоторыхъ китайскихъ крѣпостей; но они не могли коснуться вопроса о дальнѣйшей судьбѣ злополучной имперіи и успѣли только обнаружить свой взаимный антагонизмъ въ безплодномъ спорѣ о Манчжуріи. Англичане на каждомъ шагу старались противодѣйствовать Россіи, обличая ея мнимые завоевательные замыслы, и въ то же время пытались утвердиться въ Шанхаѣ и въ богатѣйшей области по теченію Янъ-тзе-Кіана. Германія стремилась извлечь свои выгоды изъ этого англо-русскаго соперничества, вытѣсняя Англію изъ ея насиженныхъ торговыхъ мѣстъ подъ прикрытіемъ своей солидарности съ лондонскимъ кабинетомъ. Японія пробовала сыграть свою самостоятельную роль при англійской помощи, но должна была отказаться отъ смѣлыхъ воинственныхъ плановъ, направленныхъ противъ Россіи, такъ какъ неожиданно подверглась тяжелымъ послѣдствіямъ обострившагося финансоваго кризиса. Внѣшнее единство военныхъ дѣйствій, олицетворяемое личностью общаго главнокомандующаго, фельдмаршала графа Вальдерзе, нисколько не умаляло существовавшей путаницы отношеній и служило только къ пользѣ Германіи, доставивъ ея императору положеніе верховнаго вождя союзной экспедиціи противъ Китая. Побѣжденная имперія богдыхана не скоро возстановитъ свои силы; но данный ей толчокъ едва ли приведетъ къ результатамъ, благопріятнымъ для европейцевъ. Затаившееся въ китайскомъ народѣ чувство озлобленія противъ иноземныхъ „варваровъ“ воспользуется первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы вырваться наружу въ болѣе организованныхъ и внушительныхъ формахъ, чѣмъ стихійное боксерское движеніе. Легко достигнутая побѣда державъ надъ Китаемъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя приносятъ прочныя выгоды или славу побѣдителямъ.

Другое военное предпріятіе, волновавшее умы въ Европѣ въ теченіе прошлаго года, не закончено еще понынѣ. Затихшая-было война въ южной Африкѣ возгорѣлась съ новою силою, и англичане опять стали претерпѣвать серьезныя неудачи послѣ неоднократныхъ, оффиціальныхъ увѣреній о полномъ уничтоженіи противниковъ. Въ сентябрѣ 1900 года британское правительство объявило, что война фактически прекращена и что бывшія владѣнія Трансвааля и Оранжевой республики подчинены коронѣ; подъ впечатлѣніемъ этой радостной вѣсти распущенъ былъ парламентъ и назначены новые выборы, ко-

торые дали огромное большинство министерской консервативно-уніонистской партіи. Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались; многочисленные отряды буровъ появились въ Капской колоніи, тревожили и осаждали англійскіе гарнизоны, разстраивали ихъ способы сообщенія, захватывали склады провіанта и брали въ плѣнъ цѣлые баталіоны солдатъ и офицеровъ. Британскіе министры утверждали, что это только партизанская война, которой вскорѣ будетъ положенъ конецъ суровыми предупредительными и карательными мѣрами; вооруженные буры, нападающіе на англичанъ, должны, будто бы, считаться разбойниками или мятежниками, къ которымъ непримѣнимы общепринятые военные обычаи. Въ этомъ отношеніи англійскіе патріоты и политическіе дѣятели шли гораздо дальше мѣстныхъ военныхъ начальниковъ и самого генерала Китченера; они же побудили послѣдняго обнародовать прокламацію, въ которой назначался бурамъ срокъ для окончательнаго изъявленія покорности, подъ страхомъ изгнанія и конфискаціи недвижимаго имущества. Такимъ крайнимъ срокомъ объявленъ былъ день 15 сентября. Ожидали, что угроза подѣйствуетъ на бурскихъ вождей и заставитъ ихъ отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія, которое по здравому смыслу признавалось бы безнадежнымъ; однако, назначенный срокъ прошелъ, и война продолжалась съ прежнею энергіею и настойчивостью. Разрушеніе фермъ, владѣльцы которыхъ находятся въ рядахъ сражающихся, привело къ принятію особой системы сосредоточенія бурскихъ женщинъ и дѣтей, подъ охраною англійскихъ войскъ. Образованіе спеціальныхъ закрытыхъ лагерей для многихъ тысячъ бурскихъ семействъ наиболѣе повредило англичанамъ въ общественномъ мнѣніи; усиленная смертность въ массѣ собранныхъ дѣтей вызвала жестокіе нападки на военную администрацію, вслѣдствіе чего правительство вынуждено было озаботиться улучшеніемъ санитарныхъ условій этихъ лагерей и отречься отъ взгляда на нихъ, какъ на орудія устрашенія непокорныхъ буровъ. Безнадежное положеніе дѣлъ въ южной Африкѣ подорвало всякое довѣріе публики къ министерству и создало хроническій кризисъ и застой въ общемъ ходѣ парламентскаго механизма въ Англіи.

Смерть королевы Викторіи, въ январѣ, завершила собою богатую событіями эпоху политическаго процвѣтанія и могущества Великобританіи. Перемѣна царствованія ничѣмъ не отразилась на составѣ и характерѣ правительства; но общій упадокъ нравственной энергіи, замѣтный уже въ предъидущіе годы, дѣлается какъ бы систематическимъ и безповоротнымъ. Либеральная оппозиція подверглась постепенному разложенію, и только немногіе ея представители, изъ старыхъ сотрудниковъ Гладстона, рѣшаются идти противъ воинственно-патріотическаго теченія, господствующаго въ печати и въ обществѣ.

Англичане озлоблены противъ буровъ, которыхъ считаютъ виновниками всѣхъ своихъ невзгодъ; они требуютъ безпощаднаго подавленія южно-африканскихъ враговъ, нанесшихъ столько тяжелыхъ ударовъ авторитету и престижу британской имперіи,—но вмѣстѣ съ тѣмъ они сознаютъ безсиліе и безцвѣтность министерства, во главѣ котораго стоитъ номинально лордъ Сольсбери. Единственнымъ изъ министровъ, сохранившимъ популярность въ грубомъ смыслѣ этого слова, остается Чемберленъ, смѣлый и ловкій ораторъ, уважаемый за талантъ и силу воли, но страдающій недостаткомъ добросовѣстности. Бывшіе либералы разошлись въ разныя стороны: одни поддерживаютъ политику войны, чтобы покончить разъ навсегда съ южно-африканскимъ вопросомъ и затѣмъ возвратиться къ либеральной программѣ; другіе критикуютъ и осуждаютъ правительство, но не предлагаютъ ничего положительнаго и не высказываются ни за, ни противъ дальнѣйшихъ усилій къ покоренію буровъ; третьи прямо возстаютъ противъ пагубныхъ увлеченій Чемберлена, защищаютъ интересы права и мира, и этимъ навлекаютъ на себя обвиненіе въ солидарности съ измѣнниками и врагами отечества. Благодаря разброду и слабости оппозиціонныхъ группъ, кабинетъ Сольсбери-Чемберлена еще существуетъ; но необходимость перемѣны чувствуется всѣми, не исключая и консерваторовъ, и это сознаніе ярко выражается въ той необыкновенной роли, которую печать единодушно навязываетъ послѣднему либеральному премьеру, графу Розбери. Даровитый аристократъ, избранный главою либеральной партіи по совѣту и указанію Гладстона, отказался впослѣдствіи отъ этого отвѣтственнаго поста, въ виду возникшаго разлада въ лагерѣ оппозиціи, и въ послѣдніе годы онъ тщательно уклонялся отъ политической дѣятельности, несмотря на частые публичные призывы къ его патріотизму. Либеральные и консервативные ораторы при каждомъ удобномъ случаѣ высказывали сожалѣніе о томъ, что лордъ Розбери не поднимаетъ своего голоса по текущимъ вопросамъ и не беретъ на себя руководства оппозиціоннымъ движеніемъ; газеты всѣхъ оттѣнковъ говорили о немъ въ томъ же тонѣ, и каждая рѣчь его возбуждала всеобщее вниманіе, какъ возможный симптомъ выступленія его на политическую арену. Наконецъ, лордъ Розбери поддался настояніямъ своихъ согражданъ и публично выразилъ готовность отдать свои силы на служеніе родинѣ въ переживаемый ею трудный моментъ, причемъ подробно изложилъ свою программу.

Обстоятельная рѣчь, произнесенная лордомъ Розбери 16 декабря (нов. ст.) въ Честерфильдѣ, получила значеніе событія первостепенной важности; она сдѣлалась предметомъ радостныхъ толковъ и комментаріевъ даже въ такихъ консервативныхъ газетахъ, какъ „Times“,

хотя по характеру своему она имѣла рѣзко оппозиціонный оттѣнокъ. Ораторъ подробно разбиралъ главнѣйшіе факты, приведшіе къ настоящему тяжелому положенію, и останавливался на существенныхъ погрѣшностяхъ правительства; онъ указывалъ на „грубыя нарушенія политической морали“ министрами, которые сначала обманули страну ложными заявленіями объ окончаніи войны, а затѣмъ, во время парламентскихъ выборовъ, хотѣли помѣшать избранію либераловъ, выставляя ихъ союзниками непріятеля, виновниками продолженія военныхъ дѣйствій. Особенно возмущаетъ лорда Розбери увѣреніе консерваторовъ, что страна должна была по неволѣ оказать поддержку министрамъ, такъ какъ другого правительства нѣтъ и не можетъ быть при данныхъ условіяхъ. „Въ Англіи нельзя найти другихъ, болѣе подходящихъ людей для составленія правительства?—спрашиваетъ ораторъ.—Во всей имперіи не найдется другихъ кандидатовъ въ министры, кромѣ тѣхъ, которые, по сознанію значительной массы народа, такъ плохо и неудачно управляютъ нашими государственными дѣлами? Неужели нація, столь гордая традиціями своего могущества, неспособна была выработать людей, которые могли бы съ честью замѣнить нынѣшнихъ дѣятелей правительства и администраціи? Отъ злѣйшихъ враговъ Великобританіи я никогда не слышалъ такого унизительнаго утвержденія, какъ заключающееся въ этой доктринѣ“. По мнѣнію Розбери, необходимо ускорить водвореніе мира въ южной Африкѣ обѣщаніемъ широкой и либеральной амнистіи и немедленной равноправности подчинившихся буровъ, для чего можно бы завести переговоры съ президентомъ Крюгеромъ и его приближенными; „необходимо возстановить нормальную дѣятельность парламента, правительства и народа; во внѣшней политикѣ надо разсѣять ту атмосферу недовѣрія и ненависти, которая образовалась около насъ при нынѣшнемъ правительствѣ; а что касается войны, то нужно съ энергіею стремиться къ ея дѣйствительному окончанію и идти на встрѣчу переговорамъ о мирѣ, допуская справедливыя и либеральныя условія, за исключеніемъ лишь законченнаго и порѣшеннаго вопроса о присоединеніи“. „Таковы лучшія пожеланія и совѣты, какіе я могу преподать странѣ,—сказалъ далѣе ораторъ:—и что я въ состояніи сдѣлать больше, я сдѣлаю, ибо мои услуги, насколько позволятъ здоровье и силы,—какъ и услуги всѣхъ британскихъ подданныхъ,—находятся въ распоряженіи моей страны“. Эти слова, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ „Times“, были прерваны шумною, восторженною оваціею, причемъ многіе вскочили на платформу и „дико размахивали шляпами“. „Я не дѣлаю себѣ иллюзіи,—закончилъ ораторъ,—я могу пока сдѣлать очень мало или ничего, такъ какъ страна въ прошломъ (1900) году лишила себя свободы дѣйствій на ближайшія

шесть лѣтъ подъ вліяніемъ увѣренности, что война окончена. Моя политика основана не на партійныхъ соображеніяхъ, и я взываю не къ какой-нибудь партіи. Партіи въ этомъ случаѣ имѣютъ мало значенія. Отъ парламента съ его колеблющимся, но подавляющимъ большинствомъ, поддерживающимъ правительство, и съ разрозненною оппозиціею,—я апеллирую къ Цезарю,—къ тому молчаливому, но верховному трибуналу, который въ послѣднемъ счетѣ рѣшаетъ и контролируетъ судьбы нашего народа,—я разумѣю трибуналъ общественнаго мнѣнія и здраваго общаго чувства".

Двухчасовая рѣчь лорда Розбери, дѣйствительно замѣчательная по тону и содержанію, была передана въ тотъ же день по телеграфу во всѣ англійскія газеты и произвела повсюду необычайное впечатлѣніе. Лондонскій „Times", обыкновенно столь сдержанный и осторожный, посвятилъ ей подъ-рядъ двѣ хвалебныя и крайне сочувственныя передовыя статьи; въ заголовкѣ самаго отчета, занимающаго въ еженедѣльномъ изданіи восемь столбцовъ мелкаго шрифта, поставлены слова: „Важная рѣчь". „Times" отнесся къ этой рѣчи какъ къ манифесту будущаго главы кабинета, появленіе котораго есть только вопросъ времени. „Рѣчь лорда Розбери,—по словамъ газеты,—оправдала ожиданія его поклонниковъ и вполнѣ достойна его высокой репутаціи, какъ патріота и государственнаго человѣка... Совѣты его прямодушны, мужественны и ясны. Онъ не выступаетъ въ качествѣ вождя, но говоритъ языкомъ такого рода, который даетъ людямъ положеніе руководителей... Его разсужденія представляютъ какъ бы струю свѣжаго воздуха въ нашей политикѣ; особенно бросается въ глаза ихъ рѣзкій контрастъ съ общими мѣстами рѣчей министерскихъ защитниковъ и оппозиціонныхъ порицателей". „Times" придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что присутствовавшіе на митингѣ либеральные члены парламента, Аскитъ и сэръ Эдуардъ Грей, поздравляя лорда Розбери съ возвращеніемъ къ руководящей политической дѣятельности, безусловно присоединились къ предложенной имъ программѣ. Въ другой статьѣ, резюмируя различные отзывы о томъ же событіи, газета замѣчаетъ, что рѣчь „оказала могущественное и возбуждающее дѣйствіе на политику внутри страны и заграницею". Если,—продолжаетъ „Times",—лордъ Розбери твердо и рѣшительно будетъ поддерживать принципы, возвѣщенные имъ въ Честерфильдѣ, онъ сдѣлаетъ возможнымъ непосредственное возрожденіе дѣйствительной либеральной партіи, въ отличіе отъ существующей анти-національной фракціи. Онъ, быть можетъ, сдѣлаетъ возвращеніе ея къ власти вѣроятностью недалекаго будущаго".

Та поспѣшность, съ какою „Times" отрекается отъ нынѣшняго министерства Сольсбери-Чемберлена, лучше всего характеризуетъ по-

ложеніе дѣлъ. Одна мысль о замѣнѣ этого кабинета правительствомъ лорда Розбери наполняетъ умы какимъ-то патріотическимъ восторгомъ, точно дѣло идетъ объ избавленіи отъ мучительнаго и слишкомъ продолжительнаго недуга. Никто не споритъ о негодности стараго министерства; сами дѣятели и органы правительственнаго большинства въ парламентѣ не сомнѣваются въ благотворности предстоящей перемѣны,—сомнѣнія касаются лишь способовъ осуществленія спасительной комбинаціи. Кабинетъ не можетъ произвольно удалиться со сцены только потому, что лордъ Розбери соглашается взять на себя бремя управленія; король также не имѣетъ законнаго основанія разойтись съ министрами, пользующимися поддержкою значительнаго парламентскаго большинства, а это большинство тоже не можетъ внезапно отречься отъ своихъ собственныхъ недавнихъ рѣшеній и заявленій. Англійскіе министры, за весьма рѣдкими исключеніями, не принадлежатъ къ числу лицъ, дорожащихъ своими оффиціальными должностями по соображеніямъ личной карьеры или выгоды; большею частью они смотрятъ на министерскій постъ только какъ на почетное и отвѣтственное бремя, отъ котораго вовсе не зависитъ ихъ матеріальное и общественное положеніе. Лордъ Сольсбери и Чемберленъ останутся послѣ своей отставки тѣми же крупными политическими дѣятелями, какими были раньше, съ тою только разницею, что не ихъ будутъ критиковать, а они сами будутъ критиковать министровъ,—причемъ они могутъ только выиграть въ общественномъ мнѣніи. Оттого и нынѣшній премьеръ, утомлённый неудачами и болѣзнями, не разъ публично выражалъ свое прискорбіе по поводу отсутствія такого оппозиціоннаго вождя, который могъ бы считаться серьезнымъ претендентомъ на роль главы кабинета. Точно такъ же Чемберленъ не чувствуетъ себя обязаннымъ отстаивать свой министерскій портфель въ ущербъ интересамъ государства, а интересы государства несомнѣнно страдаютъ отъ общей непопулярности правительства. Съ переходомъ власти въ руки лорда Розбери политика не измѣнилась бы или мало измѣнилась бы по существу, а перестала бы только вызывать вражду и озлобленіе, что было бы, конечно, только выигрышемъ для страны. Этимъ объясняется господствующій тонъ министерской печати при оцѣнкѣ событія, которое на первый взглядъ должно было бы представляться непріятнымъ для министровъ и ихъ сторонниковъ. Министерскій карьеризмъ неизвѣстенъ въ Англіи, и никому тамъ не приходитъ въ голову обсуждать крупные государственные вопросы съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ и выгодъ отдѣльныхъ министровъ. Интересы государства одинаково важны и для правительства, и для оппозиціи; всякія частныя соображенія подчиняются имъ безпрекословно, и ни одинъ политическій дѣятель или сановникъ, какъ бы

важенъ онъ ни былъ, не считаетъ себя незамѣнимымъ и не смѣшиваетъ своего существованія у власти съ высшимъ благомъ государства, подлежащимъ принудительной охранѣ. Этотъ духъ истинной государственности, несовмѣстимой съ корыстолюбіемъ и карьеризмомъ, обезпечиваетъ Англію отъ злоупотребленій, столь частыхъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ.

Неудачи южно-африканской войны, вопреки ожиданіямъ, не только не ослабили приверженности автономныхъ британскихъ колоній къ метрополіи, но способствовали еще большему укрѣпленію существовавшихъ связей и возбудили новый имперскій патріотизмъ въ различныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ британской короны. Путешествіе герцога Корнвалійскаго, нынѣ принца Уэльскаго, вокругъ свѣта, для посѣщенія британскихъ земель, сопровождалось многочисленными и краснорѣчивыми подтвержденіями этого крупнаго факта. На банкетѣ, данномъ лондонскимъ городскимъ управленіемъ 5 декабря въ честь возвратившагося наслѣднаго принца, послѣдній произнесъ интересную рѣчь о возродившемся чувствѣ единства и солидарности между колоніями и Великобританіею. Въ томъ же духѣ говорили затѣмъ Чемберленъ и лордъ Сольсбери, которые по этому поводу высказали мысль о ненужности внѣшнихъ союзовъ для Англіи при тѣсной сплоченности ея съ британскими владѣніями въ разныхъ частяхъ земного шара. Министры дали этимъ косвенный отвѣтъ на вопросъ о новыхъ международныхъ комбинаціяхъ, поднятый однимъ изъ англійскихъ журналовъ и вызвавшій напрасную полемику также въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ. Союзы дѣйствительно не нужны Англіи, такъ какъ она и безъ того остается владычицею морей, опираясь на свои колоніи. Въ недавнемъ нумерѣ сатирическаго журнала „Punch“ эта мысль иллюстрируется каррикатурою, изображающею пары танцующихъ: впереди—фигура Британіи, съ женщиною, на которой значится надпись: „колоніи“; на заднемъ планѣ—Россія съ Франціею; въ сторонѣ—Германія, въ лицѣ Вильгельма II, смотритъ съ недоумѣніемъ на Британію и ея странную союзницу, какъ бы удивляясь, что мѣсто, бывшее прежде вакантнымъ, уже занято. Если такъ рисуютъ себѣ международныя отношенія сами англичане, то и другимъ націямъ нѣтъ разсчета добиваться союза, въ которомъ недоставало бы взаимности.

Англійскіе публицисты, предлагавшіе вступить въ прочное соглашеніе съ Россіею, упустили изъ виду, что никакія формальныя уступки не замѣнятъ простого уваженія къ чужому праву и довѣрія къ чужой добросовѣстности, а безъ обоюднаго уваженія и довѣрія немыслимо прочное соглашеніе, при множествѣ противорѣчащихъ и сталкивающихся между собою интересовъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ. Франко-русскій союзъ, вновь подтвержденный въ сентябрѣ

истекшаго года торжественными встрѣчами и празднествами въ Компьени и въ другихъ мѣстахъ, могъ установиться только потому, что у насъ нѣтъ матеріала для споровъ съ Франціею, и намъ нечего дѣлить съ нею. Сближеніе съ Англіею желательно для насъ не въ смыслѣ формально-дипломатическомъ, а въ культурномъ; отдѣльныя же соглашенія по возникающимъ спеціальнымъ вопросамъ политики могутъ всегда устраиваться въ духѣ взаимной уступчивости и миролюбія, какъ и до сихъ поръ, безъ всякихъ союзныхъ комбинацій.

Въ Германіи началась горячая парламентская борьба изъ-за предположеннаго правительствомъ значительнаго повышенія ввозныхъ пошлинъ на хлѣбные и сельскохозяйственные продукты. Новый таможенный тарифъ, внесенный въ имперскій сеймъ, является важнѣйшимъ предметомъ нѣмецкихъ заботъ и волненій за истекшій годъ. Вопросъ о покровительствѣ земледѣлію путемъ усиленныхъ пошлинъ давно уже усердно разрабатывается германскими аграріями, къ числу которахъ принадлежитъ большинство крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ. Противъ повышенія пошлинъ рѣшительно выступаютъ представители образованнаго средняго класса, промышленники и рабочіе. Либеральная печать ведетъ безпощадную кампанію противъ вліятельнаго „союза сельскихъ хозяевъ“, отстаивающаго интересы землевладѣнія. Покойный фонъ-Микель, вице-президентъ прусскаго министерства и министръ финансовъ, пытался подготовить нѣкоторый компромиссъ въ пользу аграріевъ, но возстановилъ противъ себя либераловъ и ослабилъ свое положеніе при дворѣ тѣми именно стараніями, которыя дѣлались имъ для пріобрѣтенія придворныхъ связей; въ маѣ онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Аграріи упорно отвергали проекты императора Вильгельма II относительно сооруженій новыхъ каналовъ въ промышленныхъ районахъ Эльбы и Рейна, и тѣмъ не менѣе добились того, что правительство взяло въ свои руки удовлетвореніе существенныхъ требованій непокорнаго прусскаго „юнкерства“. Канцлеръ графъ Бюловъ, выросшій также въ средѣ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, находилъ вполнѣ естественнымъ оказать имъ протекцію, однородную съ примѣняемою къ фабрично-заводской промышленности,—хотя сельско-хозяйственный протекціонизмъ направленъ исключительно къ искусственному поднятію цѣнъ на счетъ потребителей, чего нельзя сказать о протекціонизмѣ промышленномъ. Полемика съ обѣихъ сторонъ продолжается энергично, при участіи спеціалистовъ, ученыхъ и практиковъ; но разногласія какъ будто возростаютъ съ переходомъ ихъ на практическую почву, ибо они коренятся въ антагонизмѣ матеріальныхъ интересовъ. Въ народѣ собираются подписи къ грандіозной петиціи противъ новаго тарифа, и къ началу

декабря собрано было такихъ подписей около $3^1/_2$ милліоновъ. Разумѣется само собою, что бѣдное трудящееся населеніе не желаетъ платить пошлины въ пользу богатыхъ; задача только въ томъ, какъ примирить противорѣчивыя и одинаково настойчивыя требованія различныхъ классовъ общества.

Продолжительныя пренія по этому предмету въ имперскомъ сеймѣ не привели къ опредѣленному результату, но представляли живой интересъ по силѣ и яркости контрастовъ въ рѣчахъ воюющихъ сторонъ. Между прочимъ, весьма остроумная и содержательная рѣчь сказана была въ засѣданіи 5 декабря депутатомъ Бебелемъ, предводителемъ соціально-демократической партіи. Послѣ многихъ разсужденій консервативныхъ ораторовъ о тяжеломъ земледѣльческомъ кризисѣ, обрекающемъ массу хозяйствъ почти на полную бездоходность, палатѣ пришлось выслушать цѣлый рядъ ироническихъ вопросовъ, на которые нельзя было найти разумнаго отвѣта. Если жалобы на бездоходность имѣній справедливы,—спрашивалъ Бебель,—то чѣмъ живутъ бѣдные владѣльцы въ своихъ зáмкахъ и откуда добываютъ они громадныя суммы для содержанія своихъ сыновей въ гвардейскихъ полкахъ? Почему они несогласны уступить свои земли государству за денежный выкупъ, какъ предлагаютъ соціалисты? Продажныя цѣны земель ростутъ постоянно и повсемѣстно: какъ совмѣстить этотъ фактъ съ невыгодностью землевладѣнія? Толковые хозяева богатѣли бы и безъ пошлинъ. Бебель вычислилъ, что сельское хозяйство получаетъ на свою долю изъ таможеннаго сбора ежегодно не менѣе 197 милліоновъ марокъ непосредственно, а въ видѣ повышенныхъ цѣнъ съ населенія — всего 657 милліоновъ въ годъ; если же прибавить еще разныя побочныя отрасли производства, обыкновенно связанныя съ землевладѣніемъ, то получится колоссальная цифра—свыше милліарда марокъ. Неужели нуженъ еще болѣе ростовщическій тарифъ? Говоря о положеніи неимущихъ, Бебель раскрылъ передъ слушателями крайне печальную картину. Возвышать пошлину на хлѣбъ—значитъ вырывать пищу изъ рукъ бѣдняка. Рабочему пришлось бы отдавать заработокъ восемнадцати рабочихъ дней только для уплаты хлѣбныхъ пошлинъ въ теченіе года, при повышенномъ тарифѣ въ $7^1/_2$ марокъ; даже теперь, при пошлинѣ въ $3^1/_2$ марки, рабочіе вынуждены пополнять недостатокъ хлѣба картофелемъ. „Во многихъ мѣстностяхъ замѣчено, что дѣти рабочихъ имѣютъ болѣзненный видъ вслѣдствіе хроническаго недоѣданія; учащіеся въ школахъ нерѣдко остаются до вечера безъ хлѣба. Въ одной провинціальной газетѣ переданъ былъ слѣдующій случай: учитель говорилъ о смерти ученика и жалѣлъ его; по этому поводу одинъ худенькій мальчикъ отозвался, что онъ тоже охотно переселился бы на небо, потому что тамъ онъ не долженъ

былъ бы голодать". Трогательный разсказъ оратора вызвалъ неожиданный возгласъ графа Арнима: „Быть можетъ, отецъ этого ребенка пропилъ всѣ деньги"? Произошла шумная сцена, и въ результатѣ Бебель подвергся замѣчанію за слишкомъ рѣзкій отвѣтъ увлекшемуся стороннику высокихъ пошлинъ. Спорящіе часто не понимаютъ другъ друга, и каждый остается при своемъ мнѣніи; но односторонніе взгляды смягчаются и крайности стушевываются подъ вліяніемъ аргументовъ, дѣйствующихъ не только на умъ, но и на чувство слушателя.

Можно предвидѣть заранѣе, что аграріи и ихъ приверженцы не поколеблются въ своихъ руководящихъ идеяхъ и требованіяхъ; многіе доказываютъ даже, что предложенныя повышенія пошлинъ совершенно недостаточны и должны быть еще значительно увеличены, для дѣйствительной охраны сельскаго хозяйства отъ разорительной иноземной конкурренціи. Пререканія въ имперскомъ сеймѣ и въ печати были въ самомъ разгарѣ, когда въ нашемъ оффиціальномъ „Вѣстникѣ финансовъ" появилось сообщеніе о неминуемомъ возвратѣ къ прежнимъ высокимъ пошлинамъ на германскіе товары въ случаѣ принятія проектированнаго нѣмецкаго тарифа, направленнаго прежде всего противъ русскаго хлѣбнаго вывоза. Это предупрежденіе произвело въ Германіи тѣмъ большій эффектъ, что защитники проекта и въ томъ числѣ сами министры намекали на вѣроятную готовность Россіи возобновить торговые договоры на новыхъ началахъ, безъ ущерба для германской фабрично-заводской промышленности. Статья „Вѣстника финансовъ" поставила вопросъ вполнѣ ясно и просто; она дала понять германскому правительству и общественному мнѣнію, что на новыя мѣры противъ русскаго хлѣба мы отвѣтимъ столь же чувствительными ударами противъ нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ, снабжающихъ насъ своими издѣліями, и что, слѣдовательно, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ спорнаго тарифа будетъ таможенная война, способная причинить Германіи, какъ и намъ, неисчислимые убытки. Представители нѣмецкой промышленности сильнѣе чѣмъ когда-либо протестуютъ противъ притязаній аграріевъ, которые съ своей стороны лицемѣрно возмущаются ссылками на тарифныя угрозы иностранной державы. Какъ бы то ни было, проектъ имѣетъ за себя, повидимому, большинство въ имперскомъ сеймѣ, и по окончаніи перваго чтенія онъ переданъ въ особую коммиссію изъ 28 членовъ, для болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Обсужденіе таможеннаго тарифа занимало германскій парламентъ почти безъ перерыва съ начала декабря до рождественскихъ вакацій; только одно засѣданіе, 10-го числа, было посвящено постороннему вопросу—довольно щекотливому и непріятному, касающемуся прусской системы германизаціи познанскихъ поляковъ. Въ гнѣзненскомъ судѣ

разбиралось дѣло о безпорядкахъ, происшедшихъ въ городѣ Врешенѣ по поводу тѣлесныхъ наказаній, которымъ подверглись польскіе ученики мѣстной школы за упорный отказъ читать молитвы на нѣмецкомъ языкѣ, вмѣсто польскаго. Родители наказанныхъ дѣтей были въ свою очередь присуждены къ строгимъ карамъ за нарушеніе общественнаго спокойствія; но во время судебнаго процесса выяснились нѣкоторыя подробности, возмутившія общественную совѣсть не только въ польскихъ кругахъ и за границею, но и среди прогрессивной части нѣмецкаго общества. Оказалось что мѣстное католическое духовенство считало недопустимымъ преподаваніе религіи польскимъ дѣтямъ на нѣмецкомъ языкѣ; обыватели, проникнутые твердою вѣрою въ неразрывную связь католицизма съ польскимъ языкомъ, запрещали своимъ дѣтямъ подчиняться незаконнымъ, по ихъ мнѣнію, требованіямъ учебнаго начальства, которое, съ своей стороны, связано было положительными инструкціями изъ Познани и Берлина. Дѣти систематически не отвѣчали на обращенные къ нимъ вопросы по закону Божію на нѣмецкомъ языкѣ и отказывались читать нѣмецкую библію и нѣмецкіе молитвенники. Какъ видно изъ оффиціальнаго отчета, напечатаннаго въ нѣмецкихъ газетахъ, окружному школьному инспектору въ Врешенѣ предписано было задерживать непокорныхъ учениковъ въ школѣ и „при дальнѣйшемъ упорствѣ примѣнить также умѣренное тѣлесное наказаніе“. Въ день 20 мая инспекторъ нашелъ необходимымъ примѣнить эти мѣры къ четырнадцати учащимся, а именно: „три дѣвочки получили по четыре удара тонкою палкою по каждой рукѣ, три дѣвочки и одинъ мальчикъ—по три удара, одинъ мальчикъ и пять дѣвочекъ—по два удара по каждой рукѣ, и одинъ мальчикъ—два удара по мѣсту сидѣнія“. Этимъ происшествіемъ и вызваны были волненія, послужившія предметомъ судебнаго разбирательства въ Гнѣзнѣ. Процессъ и завершившій его карательный приговоръ суда дали поводъ къ демонстраціямъ противъ нѣмцевъ въ нашихъ польскихъ губерніяхъ и въ Галиціи, причемъ кое-гдѣ дѣло дошло до публичнаго оскорбленія прусско-германскаго герба и флага. Отношеніе нѣмецкой администраціи къ познанскимъ полякамъ и учащимся входитъ въ компетенцію прусскаго сейма и не могло бы обсуждаться въ имперскомъ парламентѣ; дѣло было внесено въ этотъ послѣдній только съ международной точки зрѣнія, въ виду возможныхъ непріятныхъ послѣдствій для внѣшняго престижа и авторитета имперіи. Въ этомъ смыслѣ предводитель польской группы въ имперскомъ сеймѣ, князь Радзивиллъ, обратился къ канцлеру графу Бюлову съ запросомъ, чтобы придать дѣлу широкую европейскую огласку и побудить правительство высказаться о печальной практикѣ принудительнаго онѣмеченія польскаго населенія въ Познани. Графъ Бюловъ ограничился

увѣреніемъ, что дружба съ Россіею и Австро-Венгріею не можетъ быть нарушена инцидентами, въ родѣ врешенскаго, и что нѣмцы будутъ съ неизмѣнною твердостью проводить строго-національную политику въ восточныхъ провинціяхъ; говорить же о познанскихъ, т.-е. прусскихъ дѣлахъ, неумѣстно въ имперскомъ сеймѣ. Отвѣтъ канцлера принятъ былъ палатою съ единодушнымъ и восторженнымъ сочувствіемъ, по свидѣтельству парламентскихъ газетныхъ отчетовъ. Весь этотъ эпизодъ бросилъ своеобразный свѣтъ на тѣ результаты, къ которымъ приводитъ господство узкаго націонализма даже въ самыхъ благоустроенныхъ и просвѣщенныхъ государствахъ.

Французскія политическія партіи обошлись и въ 1901 году безъ министерскаго кризиса. Кабинетъ Вальдека-Руссо держится благополучно уже третій годъ и не обнаруживаетъ еще пока признаковъ слабости или утомленія. Пророчества дальновидныхъ публицистовъ на этотъ разъ не оправдались: присутствіе соціалиста Мильерана въ составѣ правительства нисколько не помѣшало послѣднему сдѣлаться однимъ изъ самыхъ долговѣчныхъ въ исторіи третьей республики. Опираясь на сравнительную прочность своего существованія, министерство могло предпринять и довести до конца весьма серьезную задачу, нашедшую себѣ выраженіе въ новомъ законѣ объ ассоціаціяхъ. Обсужденіе и примѣненіе этого закона, направленнаго главнымъ образомъ противъ монашескихъ орденовъ, было главнѣйшимъ дѣломъ внутренней политики во Франціи за истекшій годъ. Въ области международныхъ отношеній стоятъ на первомъ планѣ сентябрьскія франко-русскія празднества, которымъ предшествовалъ вскорѣ улаженный дипломатическій конфликтъ съ Турціею изъ-за денежныхъ претензій двухъ французскихъ компаній въ Константинополѣ.

Неожиданною долговѣчностью пользуется и австрійское министерство фонъ-Кербера, существующее уже почти цѣлыхъ два года, среди самыхъ запутанныхъ обстоятельствъ, какія когда-либо удручали министерство. Зато въ настоящее время вопросы, которые надлежало разрѣшить или распутать фонъ-Керберу и его сотрудникамъ, находятся въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ были и раньше. Возможность распущенія парламента и временной пріостановки конституціи все чаще выдвигается на очередь,—по крайней мѣрѣ въ видѣ оффиціальной угрозы, исходящей изъ высшихъ придворныхъ сферъ; объ этомъ говорилось еще въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій австрійской палаты господъ, причемъ большинство рѣшительно протестовало противъ мысли о государственномъ переворотѣ, и министръ-президентъ счелъ долгомъ успокоить палату относительно намѣреній правительства. Но парламентъ, неспособный къ работѣ вслѣдствіе

внутренней непримиримой розни отдѣльныхъ національныхъ группъ, только номинально сохраняетъ свои полномочія, и фактически конституція, въ значительной своей части, бездѣйствуетъ. Кризисъ отражается косвенно на положеніи Венгріи, подвергая сомнѣнію прочность ея договорныхъ связей съ австрійскою половиною монархіи; только общіе имперскіе министры не страдаютъ отъ этой неурядицы, и изъ нихъ наибольшими преимуществами пользуется министръ иностранныхъ дѣлъ, свободно заправляющій высшею политикою въ духѣ старыхъ традицій и неуклонно поддерживающій могущественное вліяніе имперіи въ предѣлахъ Балканскаго полуострова.

Сербія избавилась отъ Милана, скончавшагося въ февралѣ истекшаго года; Болгарія не можетъ избавиться отъ финансовыхъ бѣдъ, въ которыхъ запуталась, благодаря непосильнымъ вооруженіямъ и щедрымъ государственнымъ расходамъ. Переговоры съ французскими банками о займѣ, начатые министерствомъ Каравелова и почти доведенные уже до успѣшнаго конца, не были одобрены болгарскимъ народнымъ собраніемъ, которое справедливо затруднилось отдать табачную монополію въ безконтрольное распоряженіе иностранныхъ кредиторовъ для обезпеченія исправной уплаты процентовъ.—Въ Македоніи продолжаются волненія, вызываемыя свойствами турецкаго режима; о защитѣ христіанскихъ подданныхъ султана великія державы перестали и думать. Заботы и усилія европейской дипломатіи относительно Турціи приняли вообще характеръ экономическій и промышленный, въ чемъ наиболѣе преуспѣваетъ Германія.

Внѣ Европы слѣдуетъ отмѣтить необыкновенно усилившееся политическое вліяніе сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатовъ. Президентъ Макъ-Кинлей, погибшій въ сентябрѣ отъ руки убійцы, былъ первымъ оффиціальнымъ представителемъ новой имперіалистской политики, выразившейся въ завоеваніи Филиппинскихъ острововъ и въ дѣятельномъ участіи въ военной экспедиціи противъ Китая; отъ преемника его, Рузевельта, можно ожидать дальнѣйшихъ, болѣе смѣлыхъ шаговъ въ этомъ направленіи. Перспектива—мало утѣшительная для старыхъ европейскихъ державъ: къ затрудненіямъ и опасностямъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго, прибавились новыя, и притомъ съ такой стороны, откуда всего менѣе должны были бы грозить намъ непріятности и разочарованія. Новый Свѣтъ, бывшій долго обѣтованною землею для европейскихъ націй, все болѣе усвоиваетъ взгляды и пріемы старой Европы въ сферѣ международныхъ отношеній, вмѣсто того, чтобы пролагать и указывать путь къ новому и свѣтлому будущему.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1902.

— Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. (1901).

Первый трудъ г. Шенрока по изученію Гоголя явился въ 1886 году и относился именно къ изслѣдованію объ его письмахъ: „Указатель къ письмамъ Гоголя, заключающій въ себѣ объясненіе иниціаловъ и другихъ сокращеній въ изданіи Кулиша (съ приложеніемъ неизданныхъ отрывковъ изъ писемъ матери Н. В. и его собственныхъ)". Дѣло въ томъ, что когда Кулишъ печаталъ впервые собраніе писемъ Гоголя при изданіи его сочиненій (въ 1857), онъ систематически устранялъ изъ писемъ собственныя имена лицъ, которыя онъ обозначалъ или заглавными буквами, или произвольными буквами латинскими: время было еще близко, и издатель не хотѣлъ называть лицъ здравствовавшихъ, изъ деликатности или изъ опасенія неудовольствій. Кончилось тѣмъ, что письма становились загадками, разрѣшать которыя было трудно даже для спеціалистовъ, и совсѣмъ невозможно для обыкновенныхъ читателей: что̀ можно было извлечь изъ упоминаній и отзывовъ Гоголя объ NN или FF? И напримѣръ, въ біографіяхъ Жуковскаго, составленныхъ Загаринымъ и другомъ Жуковскаго Зейдлицемъ, „даже такія лица, какъ Бѣлинскій и извѣстная по своимъ литературнымъ отношеніямъ А. О. Смирнова, при выпискахъ изъ писемъ къ нимъ Н. В. Гоголя, не названы по именамъ, но обозначены буквами WO и NF". Терялся, наконецъ, самый смыслъ писемъ. Г. Шенрокъ, „послѣ настойчивыхъ справокъ" и сопоставленій съ напечатанными потомъ письмами близкихъ къ Гоголю лицъ, напр. Жуковскаго, Плетнева, кн. Вяземскаго, художника Иванова и др., добился того, что разрѣшилъ всѣ эти загадки, — остались невыясненными только немногія имена, упомянутыя вскользь и не имѣющія существеннаго значенія въ перепискѣ.

Въ 1892—97, г. Шенрокъ издалъ „Матеріалы для біографіи Гоголя“, гдѣ собрано множество свѣдѣній о жизни и произведеніяхъ писателя: онъ внимательно изучилъ все, что до сихъ поръ извѣстно было въ литературѣ, и доставилъ много новыхъ фактовъ и объясненій. Между прочимъ, онъ разыскалъ и напечаталъ немало еще неизданной переписки Гоголя. По смерти Тихонравова, г. Шенрокъ доканчивалъ его извѣстное изданіе Гоголя, снабженное большимъ количествомъ варіантовъ изъ рукописей и комментаріемъ къ исторіи отдѣльныхъ произведеній Гоголя.—Такимъ образомъ, въ настоящее время г. Шенрокъ былъ, можетъ быть, больше чѣмъ кто-либо другой, приготовленъ къ новому изданію писемъ Гоголя. Первое собраніе Кулиша оказало въ свое время немалую услугу критикамъ и историкамъ Гоголя, но собраніе, въ свое время искалѣченное упомянутымъ умолчаніемъ именъ, лишено было всякаго комментарія; потомъ стало являться въ печати много новаго, разсѣяннаго въ журналахъ, и настоятельной потребностью становилось по возможности полное собраніе писемъ Гоголя въ цѣльномъ изданіи, съ необходимыми указаніями. Въ вышедшемъ теперь изданіи писемъ Гоголя объединено, кажется, все, что было въ прежнемъ изданіи и что появлялось съ тѣхъ поръ въ печати.

Программу изданія и свои пріемы въ распредѣленіи писемъ г. Шенрокъ подробно объясняетъ въ предисловіи.

„Настоящее изданіе,—говоритъ онъ,—заключая въ себѣ всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гололя, по своему объему почти вдвое больше прежняго, Кулишовскаго. Если, несмотря на то, и оно не можетъ быть названо безусловно полнымъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя письма и понынѣ продолжаютъ оставаться подъ спудомъ, то можно смѣло утверждать, что такихъ не появившихся пока въ печати писемъ должно быть очень немного. Во всякомъ случаѣ относительно полноты настоящаго изданія сдѣлано возможное, при чемъ въ него вошли нѣкоторыя нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя письма. Затѣмъ, въ видахъ достиженія надлежащей исправности текста, мы поставили своей непремѣнной задачей провѣрку всѣхъ писемъ по подлинникамъ. Намъ удалось это выполнить, однако, не безусловно, хотя и въ огромномъ большинствѣ случаевъ“.

Г. Шенрокъ подробно перечисляетъ подлинныя письма Гоголя, которыя удалось ему разыскать въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ рукахъ; иногда ему приходилось пользоваться только копіями, случайно сохранившимися, или провѣрять напечатанные тексты по собственнымъ замѣткамъ, какія онъ могъ сдѣлать по подлинникамъ, случайно бывавшимъ у него въ рукахъ.

Далѣе, относительно порядка изданія,—между прочимъ сравнительно съ изданіемъ Кулиша,—г. Шенрокъ говоритъ:

„Порядокъ въ изданіи писемъ принятъ строго хронологическій, какъ единственный удовлетворяющій требованіямъ научныхъ изслѣдованій, которымъ, несомнѣнно, должно служить настоящее изданіе. При изданіи писемъ Гоголя казалось намъ совершенно непростительнымъ упрощать свою задачу распредѣленіемъ писемъ по корреспондентамъ, при которомъ утратилась бы возможность слѣдить за постепеннымъ развитіемъ духовной жизни писателя, что̀ особенно важно при изученіи Гоголя.

„Извѣстно, что въ числѣ писемъ Гоголя встрѣчается значительное количество не имѣющихъ годовой, а иногда и вовсе какой бы то ни было даты, что̀, конечно, не могло не представлять огромнаго камня преткновенія для перваго издателя писемъ, безъ сомнѣнія затратившаго бездну упорнаго труда и остроумія не только на весьма нелегкое и неблагодарное дѣло отыскиванія и собиранія писемъ (это надо испытать для того, чтобы вполнѣ оцѣнить), но особенно на достиженіе стройнаго порядка среди невообразимаго хаоса, который представляла груда еще не разсортированныхъ писемъ. Если въ настоящее время, по прошествіи почти уже полустолѣтія, когда въ печати явилось огромное множество писемъ, не бывшихъ въ рукахъ Кулиша, и собрано не мало новыхъ матеріаловъ, все-таки немалую трудность представляетъ безусловно точное выясненіе датъ,—то можно представить себѣ, какой грандіозный трудъ выпалъ на долю Кулиша. Достаточно сказать, что именно эта сторона работы требовала и отъ насъ теперь особенно много упорныхъ усилій, причемъ мы все-таки вынуждены были въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ отношеніи небольшихъ записокъ и короткихъ, мало содержательныхъ писемъ, не имѣющихъ въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, ограничиваться лишь приблизительнымъ разъясненіемъ времени, къ которому онѣ должны быть отнесены. Вслѣдствіе всего этого мы сочли своимъ долгомъ сопровождать такія письма, въ нашихъ редакторскихъ примѣчаніяхъ, подробными указаніями соображеній, которыми мы руководились при измѣненіи датъ, принятыхъ Кулишомъ или другими издателями. Случалось, что, опредѣливъ дату письма приблизительно, мы встрѣчали соображенія, дававшія возможность установить ее точнѣе, что̀ вынуждало насъ, иногда уже во время печатанія, къ неудобнымъ для типографіи перестановкамъ. Въ результатѣ намъ удалось избѣгнуть нежелательнаго выдѣленія въ особый отдѣлъ „писемъ неизвѣстныхъ годовъ“.

Кромѣ опредѣленія времени, къ какому относятся письма, немалую трудность представлялъ самый текстъ: въ напечатанныхъ въ разное время письмахъ оказывались разночтенія—одинъ читалъ такъ,

другой иначе,—и за отсутствіемъ подлинниковъ новый издатель долженъ былъ впадать въ недоумѣніе.

„Всѣ подобныя недоразумѣнія, разнорѣчія въ текстѣ писемъ, помѣщенныхъ въ разныхъ изданіяхъ (особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда мы при всемъ желаніи не имѣли возможности окончательной провѣрки по тексту подлинныхъ писемъ), побудили насъ приводить значительно бо̀льшее число варіантовъ, чѣмъ мы сдѣлали бы это, еслибы въ нашемъ распоряженіи находились всѣ подлинники. Въ виду возможности упрековъ относительно мелочности нѣкоторыхъ варіантовъ и даже сомнѣнія вообще въ ихъ надобности и пользѣ, мы должны оговориться, что особаго значенія варіантамъ не придаемъ, но, разъ допустивъ ихъ и признавъ ихъ въ принципѣ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ (есть даже такой случай разногласія: по одному варіанту читается куница, по другому—курица), въ виду притомъ крайней трудности добыванія подлинныхъ писемъ, мы, не останавливаясь даже передъ педантической точностью, стремились по возможности использовать письма полнѣе. Но мы рѣшительно отвергаемъ ни къ чему не ведущее соблюденіе якобы Гоголевскаго правописанія, котораго, въ сущности, и не было (съ основательностью этого принципа единогласно согласились всѣ рецензенты редактированныхъ нами VI и VII томовъ X-го изданія сочиненій Гоголя) и только мѣстахъ въ двухъ-трехъ отмѣтили выдающіяся странности. Мы безусловно отвергаемъ также необходимость описанія формата писемъ, указанія цвѣта бумаги и пр. Но мы держимся иного мнѣнія относительно варіантовъ. Послѣдніе могутъ быть очень полезны какъ въ отрицательномъ смыслѣ, устраняя возможность многихъ произвольныхъ догадокъ и предположеній, на которыя особенно падки люди, подходящіе къ изученію писателя съ предвзятыми намѣреніями и взглядами, такъ особенно въ положительномъ, начиная отъ мелочей—въ родѣ ассигновки на раздачу бѣднымъ, сначала на большую сумму, затѣмъ на уменьшенную,—до тонкихъ психологическихъ соображеній по разнымъ поводамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ варіанты, безспорно, ближе вводятъ въ душевное состояніе автора и въ самый процессъ его мысли. Такъ, въ одномъ письмѣ къ о. Матвѣю (отъ 24 сентября 1847 г.) читаемъ: „Вотъ вамъ (скажу откровенно) причина моего писательства“, тогда какъ прежде было написано: „была причина моего писательства“. Здѣсь чрезвычайно любопытно видѣть во-очію, какъ совершалась борьба между прежними взглядами Гоголя и тѣми, на которыхъ настаивалъ о. Матвѣй. Защищая свое литературное призваніе, Гоголь колебался, и уже на минуту готовъ уступить, отказываясь отъ своего прежняго убѣжденія, какъ тотчасъ же оно снова беретъ верхъ, и слово „была“ зачеркивается“.

Эти критическіе пріемы были совершенно правильны, и приведенные примѣры достаточно указываютъ, что иногда въ мелкихъ подробностяхъ письма открываются любопытныя психологическія черты, что̀ можетъ быть особенно важно для человѣка съ такимъ недовѣрчивымъ, скрытнымъ характеромъ, какъ былъ Гоголь.

Письма распредѣлены по слѣдующимъ періодамъ. Въ первомъ томѣ: I, полтавскія и нѣжинскія письма; II, петербургскія, до половины 1836 года; III, заграничныя письма 1836—39 годовъ. Во второмъ томѣ: IV, письма изъ Россіи, 1839—40; V, письма изъ-за границы, 1840—41; VI, письма изъ Россіи, 1841—42; VII, заграничныя письма, 1842—48. Въ третьемъ томѣ продолжается этотъ седьмой отдѣлъ писемъ. Наконецъ, въ четвертомъ: VIII, письма послѣднихъ годовъ, изъ Россіи, 1848—52; затѣмъ, въ приложеніяхъ—варіанты и очень подробный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ письмахъ и въ комментаріяхъ издателя.

Понятно, какое великое удобство представляетъ этотъ указатель для біографическихъ и литературныхъ справокъ. Но странно, что къ изданію не прибавлено общаго оглавленія отдѣловъ (въ родѣ того, какой приведенъ нами выше—но, конечно, подробнѣе). Кромѣ того, по всему изданію проходитъ нумерація писемъ, начиная съ каждаго новаго отдѣла; она выдержана въ первыхъ отдѣлахъ, но самый обширный, седьмой отдѣлъ, подѣленъ особо по годамъ, и нумерація ведется по каждому новому году сначала. Зачѣмъ такъ сдѣлано, не понимаемъ. Или въ цѣломъ отдѣлѣ должна быть особая, доведенная до конца, нумерація,—или этой нумераціи по отдѣламъ и еще подъотдѣламъ совсѣмъ ненужно, и просто долженъ бы быть проведенъ цѣльный счетъ всѣхъ писемъ. Иначе — ненужное обиліе цифръ и неудобство отыскивать письма извѣстныхъ годовъ, за отсутствіемъ и общаго оглавленія, и оглавленій по томамъ.—Не поздно было бы припечатать листокъ и теперь—по крайней мѣрѣ для будущихъ читателей.

Самое изданіе текстовъ сдѣлано чрезвычайно внимательно. Почти нѣтъ письма, которое не сопровождалось бы примѣчаніями—варіантами, указаніями мѣстъ, пропущенныхъ въ изданіи Кулиша, свѣдѣніями объ упоминаемыхъ въ письмѣ лицахъ и обстоятельствахъ, и т. п.

Словомъ, письма Гоголя являются въ настоящемъ изданіи не только въ обширномъ количествѣ, далеко превышающемъ собраніе Кулиша, но съ необходимыми комментаріями, исправленными датами, настоящими именами (вмѣсто загадочныхъ буквъ) и пр. Г. Шенрокъ достойнымъ образомъ завершаетъ свои труды по изученію Гоголя, которые останутся важнымъ вкладомъ въ исторію нашей новѣйшей литературы.—А. П.

— „На трудовомъ пути“, литературно-художественный сборникъ. Къ тридцатипятилѣтію литературно-педагогической дѣятельности Д. И. Тихомирова. 1866—1901. М. 1901. (Чистый сборъ отъ продажи сборника поступаетъ на стипендіи имени Дмитрія Ивановича Тихомирова для дѣтей-сиротъ учителей народныхъ школъ).

Дм. Ив. Тихомировъ принадлежитъ къ числу нашихъ наиболѣе извѣстныхъ и наиболѣе заслуженныхъ практическихъ педагоговъ и педагогическихъ писателей, между прочимъ въ особенности для народной школы. Онъ самъ по рожденію вышелъ изъ среды, непосредственно близкой къ народному быту: знаніе народнаго быта для него было не книжное, и интересъ къ народу не теоретическій, а живой и непосредственный, такъ что впослѣдствіи, когда явились вліянія школы и общественныхъ настроеній, онѣ могли дать только сознательную научную опору для давняго нравственнаго интереса. Д. И. Тихомировъ (род. въ 1844) былъ сынъ сельскаго священника въ костромской губерніи; свою школу онъ прошелъ въ духовной семинаріи, потомъ въ военномъ училищѣ, наконецъ въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства въ Москвѣ и, по окончаніи здѣсь курса, оставленъ былъ „образцовымъ“ учителемъ въ состоявшей при семинаріи школѣ. Уже на первыхъ порахъ его влекло къ болѣе обширной, и именно практической, дѣятельности для народной школы. Вмѣстѣ съ товарищами онъ открылъ первую въ Россіи вечернюю воскресную школу для взрослыхъ рабочихъ, и съ тѣхъ поръ кругъ его народно-педагогической дѣятельности все расширялся; возростала и извѣстность его какъ опытнаго школьнаго организатора: къ нему обращаются для устройства большихъ фабричныхъ школъ; земства приглашаютъ его руководить учительскими съѣздами; совѣтъ московскаго благотворительнаго общества приглашаетъ его быть устроителемъ и инспекторомъ его училищъ, и т. д. Къ дѣятельности организаторской и преподавательской присоединились труды учебно-литературные: г. Тихомировъ издалъ цѣлый рядъ учебниковъ и руководствъ, разсчитанныхъ въ особенности на народную школу, начиная съ „Школы грамотности“ для первоначальнаго деревенскаго домашняго обученія: эти книжки имѣли вообще большой успѣхъ, требовали все новыхъ изданій, которыя авторъ обыкновенно каждый разъ исправлялъ и улучшалъ; наконецъ, онъ издавалъ школьно-народные и дѣтскіе журналы, и т. д.

Когда подходилъ срокъ тридцати-пяти лѣтъ дѣятельности Д. И. Тихомирова, его друзья, по распространяющемуся теперь обычаю, задумали ознаменовать юбилей литературнымъ сборникомъ. „Въ концѣ весны нынѣшняго года,—говорится въ предисловіи,—возникла мысль о чествованіи тридцатипятилѣтія педагогической и литературной дѣя-

тельности Д. И. Тихомирова. По предложенію Вас. И. Немировича-Данченко, рѣшено было издать сборникъ, чистый доходъ съ котораго долженъ пойти на образованіе дѣтей-сиротъ народныхъ учителей. Писатели и художники сочувственно откликнулись на призывъ, и размѣръ сборника далеко превысилъ предположенія составителей. Всѣ литературныя и художественныя произведенія были доставлены безвозмездно".

Дѣйствительно, сборникъ составляетъ очень обширный до 800 стр. томъ большого формата, гдѣ помѣстилось сверхъ восьмидесяти статей, разсказовъ, стихотвореній, и почти до сорока отдѣльныхъ рисунковъ,— и кромѣ того, при статьѣ, разсказѣ, стихотвореніи помѣщается также портретъ автора, и при картинкахъ—портретъ художника въ небольшой, очень хорошо исполненной цинкографіи; наконецъ, къ сборнику приложено пять музыкальныхъ пьесъ.—Въ ряду авторовъ находимъ не мало весьма популярныхъ современныхъ писателей, какъ гг. А. Чеховъ, Потапенко, Маминъ-Сибирякъ, Мордовцевъ, Златовратскій, Немировичъ-Данченко, г-жи Крестовская, Щепкина-Куперникъ; въ сборникѣ приняли также участіе критики и публицисты, какъ Н. И. Стороженко, гг. Гольцевъ, Ив. Ивановъ.

Наконецъ, при изданіи книги нѣсколько типографій, цинкографій, бумажныхъ фабрикъ, переплетная изъявили согласіе принять на себя часть работъ также безвозмездно,—что, конечно, и дало возможность назначить за огромную книгу съ рисунками и нотами очень умѣренную цѣну (2 руб.).

Весь этотъ трудъ, положенный на изданіе сборника, служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того уваженія, какое въ столь обширномъ кругу внушила долголѣтняя дѣятельность Д. И. Тихомирова на пользу— въ особенности народной школы.—А. П.

—Мандельштамъ, профессоръ гельсингфорсскаго университета. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ, 1902.

Книга г. Мандельштама представляетъ интересъ, прежде всего, какъ одна изъ немногихъ въ русской литературѣ попытокъ охарактеризовать творчество писателя со стороны языка и стиля. Этотъ вопросъ занялъ видное мѣсто въ разработкѣ произведеній народно-поэтическаго творчества, но по отношенію къ художникамъ-беллетристамъ и поэтамъ онъ останавливалъ вниманіе ученыхъ изыскателей большею частью случайно, мимоходомъ, лишь изрѣдка становясь предметомъ самостоятельнаго изученія, — тѣмъ больше заслуживаетъ сочувствія трудъ, предпринятый г. Мандельштамомъ. Авторъ внимательно и до-

бросовѣстно отнесся къ своей задачѣ: онъ произвелъ детальный анализъ Гоголевскаго языка, разверсталъ лексическій матеріалъ Гоголя на отдѣльныя слова и выраженія и раздѣлилъ его на категоріи, послужившія затѣмъ основаніемъ заключеній и общихъ соображеній автора. Исходя изъ понятія объ оригинальности стиля, какъ доли личной самодѣятельности автора въ выборѣ отдѣльныхъ словъ и разнообразныхъ сочетаніяхъ ихъ между собою, г. Мандельштамъ отмѣчаетъ особенности этого рода у Гоголя примѣрами примѣненія писателемъ однѣхъ и тѣхъ же словъ и выраженій въ различныхъ значеніяхъ и оттѣнкахъ. Характеризуя затѣмъ излюбленные обороты Гоголевской рѣчи, авторъ сопоставляетъ ихъ съ фактами языка народнаго и параллельными образами, взятыми у писателей ему современныхъ. Первыя литературныя произведенія Гоголя г. Мандельштамъ относитъ къ „періоду отсутствія всякаго стиля“, когда „мысль писателя не опредѣлялась до того, чтобы превратиться въ его духовное достояніе“, и въ языкѣ преобладаютъ общія выраженія, шаблонныя, не вполнѣ ясныя и точныя. Рано пробудившееся въ Гоголѣ стремленіе къ совершенствованію стиля вызвало его на упорную работу надъ текстомъ, основнымъ признакомъ которой явилось исключеніе иностранныхъ словъ и миѳологическихъ образовъ чисто-русскими и народными по преимуществу; послѣднее было „дѣломъ сознательнаго отношенія къ языку“, стоявшимъ въ непосредственной связи съ постепеннымъ возобладаніемъ преднамѣренности надъ инстинктивнымъ, полубезсознательнымъ выборомъ творческихъ элементовъ. Въ отношеніи стилистической переработки произведеній г. Мандельштамъ отмѣчаетъ любопытную черту у Гоголя: влеченіе къ новообразованіямъ, весьма замѣтное въ началѣ его литературной дѣятельности и приводившее писателя нерѣдко къ неестественности и вычурности выраженій, исчезаетъ во время расцвѣта творчества и снова обнаруживается въ послѣдній періодъ. Опредѣливъ затѣмъ характеръ Гоголевскихъ эпитетовъ, сравненій, художническихъ пріемовъ и т. д., авторъ переходитъ къ уясненію малороссійскаго элемента въ Гоголевскомъ стилѣ, причемъ указываетъ, что не мода на малороссійское, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, влекла Гоголя къ изображенію малорусской природы и быта, но „внутренняя потребность, вполнѣ органическая“ въ человѣкѣ „съ хохлацкой душой“; введеніе же элементовъ малорусской рѣчи обусловливалось вліяніемъ народныхъ пѣсенъ. Особой обстоятельностью отличается глава о Гоголевскомъ юморѣ, развитіе котораго на разныхъ ступеняхъ отражалось аналогичными измѣненіями въ стилѣ. „Юморъ Гоголя непремѣнно долженъ былъ исходить и, дѣйствительно, исходилъ изъ сознанія цѣнности для жизни идеала о высокомъ, изъ представленія о значеніи для жизни истины“... „Художественность и жи-

вучесть Гоголевскихъ образовъ вытекаетъ изъ того, что составныя ихъ части освобождены отъ случайностей, связаны между собою и не поддаются вовсе измѣненіямъ, или поддаются при условіи полнаго уничтоженія самыхъ образовъ. Такіе только сплоченные образы способны стать схемой спутанныхъ явленій жизни и служить ея объясненіемъ". Отмѣтивъ „спеціализацію" Гоголевскаго творчества въ области этическихъ положеній и „демократичность" Гоголевскаго стиля, г. Мандельштамъ, въ послѣдней главѣ, ставитъ общій методологическій вопросъ: можно ли всегда отдѣлять языкъ писателя отъ языка дѣйствующихъ въ его произведеніяхъ лицъ?—и, не замѣчая логической неточности, вносимой въ самую постановку вопроса словомъ „всегда", рѣшаетъ его, на основаніи *частныхъ* результатовъ изслѣдованія стиля Гоголя, отрицательно.

Выполненное г. Мандельштамомъ изслѣдованіе Гоголевскаго стиля, въ его постепенномъ развитіи къ возможному совершенству, несомнѣнно окажется полезнымъ при рѣшеніи общихъ и частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ творчества и личности великаго писателя. Но читатель замѣтитъ, вѣроятно, что стиль самого изслѣдователя далеко не свободенъ отъ неопредѣленныхъ и не вполнѣ точныхъ и ясныхъ выраженій, а методъ его нуждается въ большей обоснованности и опредѣлительности составныхъ частей. Съ одной стороны, мы встрѣчаемся въ книгѣ г. Мандельштама съ многочисленными апріорными положеніями, изъ которыхъ однѣ спорны, другія бездоказательны, третьи—прямо невѣрны, въ родѣ того, что „Гоголю слѣдуетъ отвести первое мѣсто въ исторіи русскаго самосознанія, какъ первому внесшему въ литературу народную рѣчь", и что „такимъ (?) языкомъ не писалъ и Пушкинъ"; или: „писатель отличается отъ другихъ (?) только тѣмъ, что личности своей вноситъ въ языкъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе всѣ"; или еще: „если языкъ прозы условностью своею имѣетъ почти безграничную власть надъ отдѣльной личностью, то въ языкѣ поэзіи, при всей зависимости поэта отъ языка своего народа, личность вноситъ свое вліяніе, насколько творчество заключается въ проявленіи своего собственнаго „я"... Съ другой стороны, авторъ не дѣлаетъ яснаго различія между „языкомъ" и „стилемъ" въ ихъ общемъ и примѣнительномъ смыслѣ и недостаточно выдѣляетъ свои апріорныя теоретическія сужденія изъ заключеній, дѣлаемыхъ на основаніи изслѣдуемаго матеріала,—а это обстоятельство нѣсколько затрудняетъ и чтеніе, и пользованіе книгой для спеціально-научныхъ цѣлей.—Е. Л.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1901 г., въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Арефьевъ, В.—Описаніе Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Вып. 2-й. Краткое описаніе губерній и областей Сибири.

Барановскій, Е. И.—Торговля керосиномъ въ Германіи, подъ исключительнымъ вліяніемъ американской монополіи. Спб. 901.

Беръ, Б. В.—Стихотворенія: Болѣзни.—Свѣтлый Богъ.—Природа и сердце.—Пророкъ.—Счастье.—Сѣверная легенда. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц 1 р. 50 к.

Божеряновъ, И., и *Вильбергъ*, А. И.—„Невскій проспектъ". 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка—XVIII-ый и XIX-ый. Юбилейное изданіе. Т. I, вып. 1: отъ Петра В. до Елисаветы Петровны. Всего 5 выпусковъ—15 р., съ доставкою 16 р.

Вагнеръ, Н. П., проф.—Очерки и разсказы. Картины изъ жизни животныхъ. Съ 300 рис. Спб. 902. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 5 р., въ роскошн. пер. 6 р.

Вейнбергъ, Петръ.—Стихотворенія, съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній Гейне изъ Тамбова. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Вольтке, Григ.—Право торговли и промышленности въ Россіи, въ историческомъ развитіи. Спб. 901.

Водовозова, Е. Н.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Шведы и Норвежцы. Съ 10 карт. Спб. 901. Ц. 40 к.

Гёте, Іоганъ-Вольфгангъ.—Лисъ Патрикѣичъ. Поэма въ 12 пѣсняхъ. Съ 36 эстампами на мѣди и 24-мя гравюрами по рисункамъ В. Каульбаха. Съ нѣм. В. С. Лихачевъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Вып. I. Ц. 1 р.—всѣ 12 вып.—12 р. безъ дост.; съ доставкой и перес.—14 руб.; роскошн. перепл.—3 р.

Гоголь, Н. В.—Похожденія Чичикова, или Мертвыя души. Поэма. Текстъ по послѣдней редакціи академика Н. С. Тихонравова, съ портретомъ Н. В. Гоголя, гравированнымъ на стали, 10 геліогравюрами и 355 иллюстраціями художниковъ В. А. Андреева, А. Ф. Аѳанасьева, Н. Н. Бажина, В. И. Быстренина, М. М. Далькевича, Ѳ. С. Козачинскаго, I. К. Маньковскаго, Н. В. Пирогова, Е. П. Самокишъ-Судковской, С. С. Соломко и Н. Н. Хохрякова. Художественный отдѣлъ выполненъ подъ наблюденіемъ П. П. Гнѣдича и М. М. Далькевича. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Ц. въ брошюр. 12 р.; въ изящн. перепл. 14 р.; пересылка за 15 фунтовъ.

——— 15 книжекъ иллюстрированнаго изданія: 1) Коляска, 5 к.; 2) Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, 6 к.; 3) Вій, 8 к.; 4) Майская ночь, 7 к.; 5) Сорочинская ярмарка, 5 к.; 6) Носъ, 6 к.; 7) Страшная месть, 8 к.; 8) Тарасъ Бульба, 18 к.; 9) Пропавшая грамота, 5 к.; 10) Ночь передъ Рождествомъ, 10 к.; 11) Женитьба, 8 к.; 12) Шинель, 8 к.; 13) Заколдованное мѣсто, 5 к.; 14) Ревизоръ, 20 к.; 15) Старосвѣтскіе помѣщики, 6 к. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Одобрены мин. нар. просвѣщенія и военно-учебн. комитетомъ. Всѣ 15 книж.—1 р. 27 к., съ перес. 1 р. 70 к.

——— Письма. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Голицынъ, кн. Д. М. (Муравлинъ).—Отъ смутныхъ дней. Романъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Горькій, М.—Разсказы. Т. V: Трое.—Пѣсня о Буревѣстникѣ. Спб. 902. Цѣна 1 руб.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 902. Ц. 3 р.

Грантъ Алленъ.—Въ тайникахъ природы. Борьба, защита, работа и сонъ въ мірѣ животныхъ и растеній. Съ англ. М. П. Волошинова. 257 рис. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 902. Ц. 2 р.

Грибовскій, В. М.—Въ годы юности. Повѣсти и разсказы. Спб. 902. Ц. 2 р.

Джемсъ, Упл.—Бесѣды съ учителями о психологіи. Съ англ. Ал. Тромбахъ. М. 902. Ц. 50 к.

Долгоруковъ, кн. П.—О школьныхъ попечительствахъ. Курскъ, 901.

Дюверпуа, Н. Л.—Чтенія по гражданскому праву. Т. I: Введеніе и Часть общая. Введеніе. 4-ое изд. Спб. 902. Ц. 1 р. 60 к.

Дмитріева, В. I.—Горюнъ, разсказъ для дѣтей младшаго возраста, удостоен. преміи Спб. Фребелевскаго общества. Спб. 902. Ц. 50 к.

Зеленинъ, Д.—Новыя вѣянія въ народной поэзіи. М. 901. Ц. 25 к.

Зеленко, П. М.—Поварское искусство. Спб. 902. Ц. 4 р.

Извѣстный.—Кругомъ отъ Владикавказа до Владивостока. Спб. 902. Цѣна 55 коп.

К., С.—Жестокости современной науки. М. 901. Ц. 20 к.

Кауфманъ, А. А.—Сибирское переселеніе на исходѣ XIX-го вѣка. Истор.-статист. очеркъ. 2-е изд. Спб. 901. Ц. 75 к.

Кенигъ, Эдм.—В. Вундтъ, его философія и психологія. Съ нѣм. С. Штейнбергъ. Спб. 901. Ц. 50 к.

Котъ-Мурлыка.—Повѣсти, сказки и разсказы. Т. III. Изд. 3-ье. Спб. 902. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Ландэзенъ, ф. Ѳ. З.—Проектъ переустройства пожарной части г. С.-Петербурга. Спб. 901.

Ломницкій, С. (Рэдженъ).—Персія и Персы. Эскизы и очерки. 1898—1900 г. Съ 44 рис. Спб. 902. Ц. 2 руб.

Луговой, А.—Pollice verso—„добей его"! Параллель. Съ 87 рис. А. В. Маковскаго. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Ц. 3 р.; въ роскошн. пер. 4 р.

Мандельштамъ, I.—О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ. 902. Ц. 2 р. 75 к.

Матвѣевъ, А.—Желѣзное дѣло въ Россіи въ 1900 г. Годъ VII. Спб. 901. Цѣна 5 руб.

Миччулинъ, П. П. Русскій государственный кредитъ. 1769—1899 гг. Опытъ историко-критическаго обзора. Т. III: Министерство С. Ю. Витте и задачи будущаго. Вып. 1: Конверсаціонныя операціи въ 1893—1901 г. Харьковъ. 901. Цѣна 75 коп.

Натансонъ, В., проф.—Популярная физика. Съ польск. перев. А. Р—го. Съ 140 рис. М. 901. Ц. 85 к.

Николаева, Е., и *Заморенко*, Е.—Начальное обученіе глухонѣмыхъ родной рѣчи. Съ 300 рис. Спб. 901. Ц. 75 к.

Ньюманъ, Д.—Бактеріи, ихъ роль въ экономіи природы и въ промышленныхъ процессахъ, и ихъ отношеніе къ общественному здоровью. Съ англ. Е. Гурвичъ, п. р. В. Воронина. М. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Оларъ, А.—Политическая исторія французской революціи. Происхожденіе и развитіе демократіи и республики. 1789—1804. Съ франц. Н. Кончевская. М. 902. Ц. 3 руб.

Папковъ, А.—Православные приходы въ Финляндіи. Спб. 901.

Пеллутье, Ф. и М.—Жизнь рабочихъ во Франціи. Съ франц., п. р. А. Минуслова. Спб. 901. Ц. 1 р. 20 к.

Пиленко, Ал.—Право изобрѣтенія. Привилегіи на изобрѣтенія и ихъ защита въ русск. и международн. правѣ. Т. I. Спб. 902. Ц. 3 р.

Пирлингъ, П.—Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Пирожковъ, М. В.—Прямолинейная тригонометрія, Серре. Съ 8-го франц. изд. Спб. 902. Ц. 60 к.

Позняковъ, Н. И.—На память дѣткамъ. Разсказы и стихотворенія. Съ рис. Одобрено Комитетомъ мин. нар. просв. для средн. и низш. учебн. завед. и для безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ. 3-ье изд. Спб. 902.

——— Святочные разсказы. Съ рис. В. Овсянникова и портретомъ автора. Спб. 902.

Радцигъ, А. А.—Лѣсъ и лѣсное хозяйство въ разныхъ государствахъ. Статистич. изслѣдованіе. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Ризонъ, I.—Университетскія и соціальныя поселенія. Съ англ. Е. С. Петрушевская, п. р. проф. Петрушевскаго. Спб. 901. Ц. 80 к.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Съ 5-го нѣм. изд. Е. Юргенсона, дополнен. русск. отдѣлъ, п. р. Ю. Энкеля. Вып. II. М. 901. По подп. 6 руб.

Россовъ, П.—Русскій Китай. Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія. Съ прилож. карты Квантуна. Портъ-Артуръ. 901. Ц. 2 р.

Симоненко, Г. Ѳ.—Объ экономическомъ и общественномъ значеніи крестьянскаго землевладѣнія и размѣровъ его, въ связи съ экономическимъ вліяніемъ экономическихъ условій жизни вообще на народную нравственность, по новѣйшимъ даннымъ уголовной статистики Привислянскаго края. Варш. 901.

——— Возможно ли возрожденіе нашихъ университетовъ, при сохраненіи въ нихъ нынѣшней системы преподаванія? Варш. 901. Ц. 60 к.

Сикорскій, И. А., проф.—Сборникъ научно-литературныхъ статей по вопросамъ общественной психологіи, воспитанія и нервно-психической гигіены, въ пяти книгахъ. Кіевъ. 900.

Скуратовъ, Павелъ.—Театральная правда. Очерки и фантазіи. Од. 901. Цѣна 75 коп.

Случевскій, К.—Пѣсни изъ уголка. Съ портретомъ автора. Спб. 901. Цѣна 1 р. 80 коп.

Соболевъ, М. Н.—Коммерческая Географія Россіи. Очеркъ хозяйственной статистики и географіи Россіи, сравнительно съ иностранными государствами. 2-е изд. Томскъ. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Соболевъ, Н. Н.—Элементы термодинамики. Для промышленныхъ училищъ и самообразованія. М. 902. Ц. 75 к.

Соколинскій, А.—Пятнадцать разсказовъ. М. 902. Ц. 80 к.

Соколовъ, Д. А., и *Гребенщиковъ*, В. И.—Смертность въ Россіи и борьба съ нею. Спб. 901.

Фостеръ, М., и Л. Шоръ.—Физіологія для начинающихъ. Библіотека для самообразованія. Т. XXIV. Ц. 1 р. 50 к.

Фришмутъ, Марія.—Критическіе очерки и статьи. Посмертное изданіе. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Цертелевъ, кн. Д. Н.—Стихотворенія. 1883—1901 г. Спб. 902. Ц. 1 р.

Чайковскій, М.—Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II: 1877—1884. М. 901. Цѣна 40 коп.

Чеховъ, Антонъ.—Разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Шейнъ-Фогелъ, А.—Къ реформѣ орѳографіи, или правописанія русскаго языка. Съ разборомъ русскаго алфавита. Тифл. 901.

Шубартъ, Ив.—Книга для крестьянъ о лучшемъ устройствѣ сельскаго хо-

зяйства. Съ прилож. статьи проф. Леске, а также о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Саксоніи, и о томъ, какъ можно завести такое хозяйство у насъ. Перев. съ нѣм., съ примѣчаніями учительницы сельскаго народнаго училища Ю. С. Еремѣевой. Кіевъ. 901. Ц. 30 к.

Щегловъ, Ив.—Юмористическіе очерки. Спб. 902. Ц. 1 р.

Koschkine, M-me.—Lectures choisies des meilleurs historiens français munies de notes et de résumés. Livre I: Depuis les origines jusqu'a Jeanne d'Arc. Livre II: Depuis Louis XI jusqu'à Napoléon I. St.-Pét. 98. Ц. за 2 кн. 2 руб.

Pietrowski, Stanisław. — Wspòlna własność ziemska w gminie wielkorosyjskiej. Studyum economiczno-spoleczne. Warszawa. 902.

— 1901-ый годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV: Урожай хлѣбовъ и фруктовъ. Съ 2 картами. Спб. 901.

— Дешевая Библіотека: № 326, а, б. Н. И. Новиковъ, Трутень, еженед. журн., ч. I и II.—№ 336. Байронъ, Каинъ, перев. Б. Зарина.—№ 337. Его же, Манфредъ и Двое Фоскари, перев. Б. Зарина.—327 и 328. Н. П. Новиковъ, живописецъ, еженед. журн., ч. I и II. Спб. 902. Ц. за 2 т. по 40 коп.

— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Перев. со 2-го нѣм. изд. п. р. С. Н. Булгакова. Въ приложеніи: Теоретическое введеніе въ вопросы сельско-хозяйственной политики. Первыя теоретическія главы изъ книги проф. Л. Брентано. „Сельскохозяйственная политика", 1 ч. Спб. 901. Ц. 1 р. 60 к.

— Историческій Каталогъ Музея севастопольской обороны. Спб. 902.

— Каталогъ Библіотеки при Справочно-Педагогическомъ Комитетѣ. Изданіе Харковскаго Общества распространенія грамотности. Харьк. 901. Ц. 35 к.

— Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ св. Правит. Синода. Т. X: 1730-й годъ. Спб. 901.

— Отчетъ Попечительства Имп. Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство. XVIII-ый годъ. Спб. 901.

— Педагогическіе курсы Нижегород. Губ. Земства 1900 года. Н.-Новг. 901.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1900—1901 г. Годъ VI. Вып. 1. Уфа, 901. Ц. 1 р.

— Чтеніе въ Обществѣ любителей русской словесности при имп. Казанскомъ университетѣ. XI: Русскіе писатели въ нѣмецкой оцѣнкѣ, Д. П. Шестакова. Каз. 901.

— Шахматные вечера. Альманахъ „Шахматнаго Обозрѣнія" за 1901 г. М. 901. Ц. 2 руб.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Louis Bertrand. La Cina. Стр. 441. Paris, 1901.

Романъ Луи Бертрана, „La Cina", рѣзко выдѣляется среди произведеній французской беллетристики: въ немъ нѣтъ описаній свѣтскихъ и полу-свѣтскихъ парижскихъ нравовъ, нѣтъ того, что средніе французскіе романисты называютъ психологіей французской женщины, т.-е. описаній ея „паденій" и ея заботъ о туалетахъ. Въ немъ есть зато очень яркая картина сложной общественной жизни и художественное изображеніе глубокой душевной драмы: герой романа стремится быть дѣятельнымъ, служить обществу; онъ избираетъ политическую карьеру, но слишкомъ слабъ, чтобы справиться съ разочарованіями на этомъ пути, и кончаетъ тѣмъ, что, послѣ долгой борьбы, оставляетъ, побѣжденный, избранный имъ путь. Самое интересное въ романѣ Бертрана — среда, которая въ немъ описана. Авторъ переноситъ читателя въ современный Алжиръ и рисуетъ происходящую тамъ грозную борьбу между тѣснящими другъ друга разноплеменными народами, отношенія завоеванныхъ туземцевъ къ завоевателямъ-французамъ, борьбу между католичествомъ и исламомъ, а также ужасы антисемитизма, раздуваемаго разными политическими партіями изъ корыстныхъ видовъ. Романъ Бертрана вызвалъ во Франціи очень оживленные толки; ему посвящены были обстоятельныя статьи въ „Temps" и другихъ газетахъ и журналахъ. Это объясняется и художественными достоинствами романа, и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вопросы, задѣтые авторомъ, представляютъ особый интересъ, въ виду недавнихъ печальныхъ событій въ Алжирѣ. Но Бертранъ выясняетъ въ предисловіи, что онъ не пользовался общеизвѣстными фактами въ своемъ романѣ и не думалъ обличать живыхъ людей. Лица, дѣйствующія въ романѣ, вымышлены, также какъ и самыя событія. „La Cina"—не roman à clef, подобно „Безсмертному" Альфонса Додэ, а отраженіе дѣйствительныхъ условій жизни въ судьбѣ вымышленныхъ героевъ. Бертранъ говоритъ, что романъ его былъ задуманъ задолго до разыгравшихся въ Алжирѣ событій, весной 1895 г., во время путешествія къ развалинамъ Типазы. „Прежде чѣмъ я началъ писать „La Cina",—говоритъ Бертранъ,—я уже долго слѣдилъ за эмиграціоннымъ движеніемъ, ко-

торое все болѣе и болѣе влечетъ южные народы въ сѣверную Африку. Съ другой стороны, то, что̀ я зналъ о прошломъ Алжира, о римскомъ завоеваніи и о кровавыхъ распряхъ, такъ долго раздѣлявшихъ африканскую церковь, помогло мнѣ понимать настоящее. Видъ развалинъ Типазы, которую поочередно разрушали донатисты и вандалы, которую оспаривали другъ у друга мавританскіе царьки, византійцы и мусульмане, воспоминаніе о религіозныхъ войнахъ, которыя, по всей вѣроятности, были только войнами расъ—вотъ что̀ побудило меня написать эту книгу. Я видѣлъ передъ своими глазами тѣ же страсти, которыя шестнадцать вѣковъ тому назадъ волновали страну. Я тогда представилъ себѣ, что̀ должно случиться при данныхъ условіяхъ съ людьми, въ которыхъ кипятъ такія же страсти. Если впослѣдствіи дѣйствительныя происшествія совпали съ моими предположеніями, то я могу только видѣть въ этомъ подтвержденіе вѣрности моихъ догадокъ". Если вѣрить искренности этихъ объясненій,—а мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить автору,—то это только увеличиваетъ интересъ книги, объясняющей историческимъ и логическимъ путемъ событія, которыя явились неожиданными для тѣхъ, кто не знакомъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ во французской колоніи на сѣверѣ Африки.

При всей важности затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, романъ Бертрана не носитъ тенденціозно-политическаго характера, главнымъ образомъ потому, что авторъ вполнѣ безпристрастенъ въ изображеніи событій и страстей. Рисуя политическія и религіозныя распри въ Алжирѣ, онъ вникаетъ въ психологію каждой изъ враждующихъ между собой націй и партій, не становится на сторону ни одной изъ нихъ, а только показываетъ, къ какой смутѣ ведетъ эта вражда, и какое удобное поле дѣйствія она представляетъ для безпринципныхъ политическихъ авантюристовъ, преслѣдующихъ корыстныя цѣли. Кромѣ того, хаосъ политическихъ событій составляетъ въ романѣ лишь фонъ,—написанный очень сильно и жизненно,—на которомъ выдѣляется душевная драма главнаго героя романа. Внутренняя борьба, происходящая въ немъ, очень характерна для современныхъ людей, жаждущихъ дѣйствія, и въ то же время безсильныхъ, потому что ихъ скептическій умъ ясно раскрываетъ имъ оборотную сторону всякой общественной дѣятельности. Въ душевной борьбѣ героя романа играетъ большую роль любовь. Она парализуетъ его способность къ дѣйствію, и онъ все время то готовъ, подъ вліяніемъ страсти, отречься отъ своей общественной дѣятельности, то, напротивъ того, возбужденный событіями, чувствуетъ презрѣніе къ женщинѣ, отвлекающей его отъ дѣла своей бурной южной страстью. Исторія любви героя романа, Мишеля Боттери, къ его красавицѣ-женѣ, бывшей пѣвицѣ, La Cipa,

изображена Бертраномъ съ большимъ драматизмомъ. Въ ней нѣтъ обычныхъ элементовъ, столь опошленныхъ французскими романистами. „La Cina"—одинъ изъ очень немногихъ французскихъ романовъ безъ адюльтера, безъ измѣнъ со стороны жены и мужа. Мишель и Сина̀ любятъ другъ друга неизмѣнной любовью, даже ревность омрачаетъ лишь на одинъ моментъ ихъ счастье, и все же любовь ихъ трагична, какъ трагично всякое глубокое чувство. Трагизмъ истинной любви, которая черпаетъ изъ глубины самой себя и свое блаженство, и свои муки—вотъ что̀ хотѣлъ показать Бертранъ на примѣрѣ Мишеля и Сина̀, и это ему удалось сдѣлать, не прибѣгая къ изображенію внѣшнихъ катастрофъ въ семейной жизни. Любовь его героя и героини осложнена внутренними психологическими мотивами, и въ этомъ—главное художественное достоинство романа.

Въ романѣ Бертрана душевная жизнь дѣйствующихъ лицъ тѣсно сплетается съ общественными событіями, такъ что описаніе среды не составляетъ внѣшнюю декорацію, а сливается съ психологическимъ содержаніемъ въ цѣльную драму. Два друга, Мишель Боттери и Клодъ Желлѐ, ѣдутъ въ Алжиръ. Оба они молоды, оба вращались въ политическихъ и артистическихъ кружкахъ въ Парижѣ, искали возможности примѣнить свои силы, но скоро разочаровались, чувствуя, что во всѣхъ кружкахъ и молодежи, увлеченной политикой, и художниковъ, бьющихъ на оригинальность, все сводится къ пустому „говоренью" или къ мелкому карьеризму,—имъ же хочется дѣла. Оба они серьезно образованы; Мишель занимался долго исторіей философіи, изучалъ ее въ нѣмецкихъ университетахъ; Клодъ Желлѐ, потомокъ знаменитаго художника Клода Лоррена, много работалъ въ области искусства. У Мишеля есть опредѣленный политическій идеалъ. Воспитанный въ строгой католической семьѣ, онъ сохранилъ нѣкоторую долю религіозности и на всю жизнь остался католикомъ, по крайней мѣрѣ воображеніемъ и чувствами. Стремясь къ практическому дѣлу, онъ открылъ въ Евангеліи, вмѣстѣ съ божественнымъ ученіемъ, и лекарство противъ всѣхъ общественныхъ золъ, и извлекаетъ изъ него нѣчто въ родѣ политическаго катехизиса. Клодъ занятъ другими мыслями. Въ искусствѣ онъ дилеттантъ и мечтаетъ о жизни среди природы; такъ какъ помѣстья его семьи въ Лотарингіи проданы, то онъ хочетъ эмигрировать куда-нибудь въ далекія колоніи. Оба друга не знаютъ, на какомъ родѣ дѣятельности сосредоточиться, когда причины политическаго свойства побуждаютъ ихъ ѣхать въ Алжиръ. Отецъ Мишеля, генералъ Боттери, оставилъ послѣ смерти огромное помѣстье въ Типазѣ, гдѣ онъ долго служилъ и пользовался огромнымъ вліяніемъ. Землями своими онъ не управлялъ самъ, такъ какъ вернулся во Францію и посылалъ въ Алжиръ не всегда добросовѣстныхъ управляющихъ.

Теперь же его сыну, Мишелю, представляется случай поѣхать въ Типазу—тамъ готовятся выборы новаго депутата, и кандидатура Мишеля, богатаго землевладѣльца и сына вліятельнаго въ свое время отца, имѣетъ большіе шансы на успѣхъ. Мишель рѣшается ѣхать. Онъ надѣется, что ему легче будетъ примѣнить свои силы и осуществить свой идеалъ въ странѣ, гдѣ онъ надѣется встрѣтить больше непосредственности и неиспорченности въ политической жизни, чѣмъ въ разъѣденной распрями Франціи. Онъ убѣждаетъ Клода поѣхать съ нимъ, и они оба отправляются въ Алжиръ искать настоящаго дѣла, радуясь уже тому, что оставляютъ разочаровавшій ихъ Парижъ. Восторженныя ожиданія Мишеля становятся еще болѣе свѣтлыми оттого, что начало новой дѣятельности совпадаетъ у него съ расцвѣтомъ молодой, страстной любви. Мишель любитъ красавицу пѣвицу, итальянку Фелисьену Колонна или, какъ всѣ ее называютъ, La Cina. Они полюбили другъ друга съ первой встрѣчи, уѣхали вмѣстѣ въ Италію, тамъ обвѣнчались, и теперь, пріѣхавъ въ Алжиръ, Мишель поджидаетъ свою жену и украшаетъ свой домъ для пріема ея.

Первое время Мишель настолько охваченъ красотой окружающей его природы и своимъ молодымъ супружескимъ счастьемъ, что жажда активной дѣятельности нѣсколько слабѣетъ въ немъ. Онъ увлеченъ красотой развалинъ Типазы, мыслями о прошломъ этой римской колоніи, превратившейся теперь въ скромный маленькій городокъ, управляемый французскимъ префектомъ; онъ ведетъ долгія бесѣды съ Полемъ Гартманомъ, молодымъ археологомъ, пріѣхавшимъ дѣлать раскопки, и занимается перестройкой своего дома съ помощью архитектора Кареля. Но болѣе всего его опьяняетъ южная природа съ ея безконечнымъ разнообразіемъ и непривычными для сѣверянина яркими красками. Все же онъ, чувствуя угрызенія совѣсти отъ овладѣвшей имъ нѣги и лѣни, присматривается къ странѣ и людямъ, чтобы выяснить себѣ планъ дѣйствій. Его кандидатура оффиціально объявлена, и нужно только рѣшить, на поддержку какой партіи ему слѣдуетъ опираться въ избирательной борьбѣ. Передъ Мишелемъ развертывается картина политической жизни Алжира, сразу нарушая всѣ иллюзіи, съ которыми онъ пріѣхалъ. Онъ видитъ вокругъ себя непримиримую борьбу расъ и религій. Типаза полна переселенцами изъ Италіи и Испаніи, которые ненавидятъ и другъ друга, и мѣстное арабское населеніе; всѣ отбиваютъ другъ у друга жалкій кусокъ хлѣба, и, при ихъ южной горячности, дѣло часто доходитъ до пролитія крови. Къ враждѣ переселенцевъ противъ арабовъ примѣшивается также дурное чувство противъ мѣстныхъ евреевъ, которые, по причинѣ своей долгой осѣдлости, сравнительно болѣе благоденствуютъ, чѣмъ пришлый элементъ. Эта борьба расъ служитъ опорой католиче-

скому духовенству, во главѣ котораго въ Типазѣ стоитъ архіепископъ, монсиньоръ Пюи. Онъ слѣдуетъ очень опредѣленному политическому плану и хочетъ противопоставить тому, что онъ называетъ сентиментальнымъ идеализмомъ своего предшественника, кардинала Леспеса, болѣе твердый и соотвѣтствующій мѣстнымъ условіямъ образъ дѣйствій. Онъ считаетъ безсмысленнымъ тратить силы на то, чтобы обращать въ христіанство полу-дикое арабское населеніе, и очень цинично заявляетъ, что для этого нужны войска, а не слова. „Пусть дадутъ армію въ мое распоряженіе, — говоритъ онъ,—и я искореню всѣхъ невѣрующихъ". Но такъ какъ онъ не надѣется осуществить свои воинственные замыслы, то задается другимъ широкимъ планомъ— онъ хочетъ бороться противъ африканскаго ислама укрѣпленіемъ ислама католическаго. „Оставимъ въ покоѣ дикарей,—говоритъ онъ, — они все-равно никогда не будутъ любить Францію, не будутъ заодно съ нами". Лучше заняться пришельцами, которые все болѣе и болѣе наводняютъ Африку. Эти нео-африканцы могутъ стать оплотомъ католической церкви. Монсиньоръ Пюи мечтаетъ о томъ, чтобы образовать тѣсно сплоченное цѣлое изъ католиковъ, переселяющихся въ Африку изъ Франціи, Испаніи и Африки и натравить ихъ на общаго врага, на мусульманъ, которыхъ слѣдуетъ истреблять безпощадно, а не оставлять ихъ въ живыхъ, какъ имѣли глупость дѣлать до сихъ поръ. Нужно внушить нео-африканцамъ, что истребленіе мусульманъ необходимо для ихъ спокойствія, для ихъ будущности, что это для нихъ—вопросъ жизни. „И они это поймутъ,—говоритъ архіепископъ:—это доказываетъ все болѣе и болѣе усиливающаяся вражда къ арабамъ и евреямъ. Они почувствуютъ необходимость слѣдовать примѣру туземцевъ, чтобы одолѣть ихъ, почувствуютъ необходимость сплотиться, соединиться противъ нихъ въ общемъ дѣлѣ. Католическая церковь даетъ имъ эту вѣру, и успѣхъ католичества зависитъ отъ того, чтобы не быть слишкомъ требовательными, не настаивать на глубинѣ религіозныхъ убѣжденій. Пусть только они объявятъ себя католиками и дѣйствуютъ подъ общимъ знаменемъ нашимъ. Намъ только этого и нужно, и намъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ въ ихъ душахъ. Они намъ нужны какъ средство укрѣпить нашу власть. Чтобы достигнуть этой цѣли и сгруппировать вокругъ себя католическое населеніе, намъ нужно быть подготовленными, когда наступитъ моментъ дѣйствія. Поэтому, прежде всего нужно быть богатыми, владѣть какъ можно бо̀льшимъ количествомъ земли въ этой новой странѣ. Нужно копить деньги, а не расточать ихъ, ослѣпляя толпу роскошью процессій и церемоній. Здѣсь страна новая, поселенцамъ нуженъ кредитъ,—замѣнимъ же евреевъ, откроемъ нашъ кошелекъ колонистамъ, требуя отъ нихъ только умѣренныхъ процентовъ, такъ какъ во всемъ нужна чест-

ность—даже въ дѣлахъ. Нужно понимать, кто можетъ быть полезнымъ для нашихъ цѣлей, и поддерживать нужныхъ людей всѣми средствами. Такимъ образомъ мы создадимъ поземельную аристократію, привязанную къ намъ сначала изъ выгоды, потомъ, надѣюсь, изъ благодарности".

Такова корыстная до циничности политика архіепископа, съ которой, однако, жаждущій „дѣла" Мишель долженъ войти въ соглашеніе, чтобы укрѣпить свою кандидатуру. Его другъ Клодъ уговариваетъ его выступить подъ флагомъ антисемитизма и привлечь на свою сторону демагога Кармелò, мальтійца, лишеннаго всякаго представленія о честности; его можно купить за деньги—но народъ его обожаетъ за бурность рѣчей, и онъ можетъ привлечь большинство избирателей на сторону поддерживаемаго имъ кандидата. Онъ ведетъ въ своей газетѣ ожесточенную антисемитическую пропаганду, и въ союзѣ съ нимъ Мишель можетъ быть увѣреннымъ въ побѣдѣ. Клодъ доказываетъ Мишелю, что именно для пользы дѣла, для того чтобы измѣнить возмущающіе ихъ обоихъ порядки, Мишелю необходимо стать депутатомъ, и потому нельзя быть брезгливымъ въ выборѣ средствъ. Мишель сначала соглашается—онъ прежде всего боится своей собственной инертности, своего стремленія отказаться отъ политики изъ-за ея уродства и готовъ на все для побѣды надъ своимъ малодушіемъ. У него начинается въ то же время интимная семейная драма. Продолжая страстно любить свою жену, порвавъ изъ-за нея съ матерью, онъ, однако, чувствуетъ временами къ ней отвращеніе за отсутствіе въ ней духовныхъ интересовъ, за ея эгоистическую любовь. Его собственное чувство къ ней кажется ему низменнымъ, убивающимъ въ немъ душу, и, борясь съ самимъ собой, онъ бросается очертя голову въ избирательную агитацію, въ которой видитъ хоть призракъ дѣйствія. Онъ призываетъ Кармело, условливается съ нимъ о цѣнѣ за его содѣйствіе, и выступаетъ оффиціальнымъ кандидатомъ антисемитической и клерикальной партіи. Но тутъ только ему раскрывается весь ужасъ политической борьбы. Прежде всего, его религіозное чувство оскорблено торгашествомъ архіепископа, который требуетъ, чтобы за поддержку его кандидатуры Мишель отдалъ огромный участокъ земли для постройки новой церкви. Мишель страстно любитъ искусство, врагъ казенной католической архитектуры,—архіепископъ же заботится только о томъ, чтобы было побольше церквей, такъ какъ это возвышаетъ его вліяніе, и совершенно пренебрегаетъ художественными соображеніями. Мишель ему рѣзко отказываетъ, и уже этимъ теряетъ поддержку католической партіи. Затѣмъ онъ видитъ вокругъ себя наростаніе антисемитическаго движенія, вызваннаго Кармелò. Дѣло доходитъ до ужасныхъ уличныхъ сценъ; чернь, возмущенная своимъ любимымъ орато-

ромъ, доходитъ до полнаго остервенѣнія: на улицахъ убиваютъ, громятъ дома и магазины съ молчаливаго одобренія католическаго духовенства и среди полной растерянности властей. Сцены безпорядковъ описаны въ романѣ Бертрана очень сильно и колоритно, а также съ тонкимъ психологическимъ пониманіемъ всѣхъ причинъ, вызывающихъ буйство толпы. Мишель абсолютно не можетъ мириться съ дѣйствіями Кармело, объявляетъ о своемъ выходѣ изъ партіи и становится ожесточеннымъ противникомъ мальтійца. Онъ сначала вѣритъ въ возможность борьбы противъ антисемитизма, выступаетъ на общественныхъ собраніяхъ, заводитъ сношенія съ представителями рабочей партіи, но всѣ его попытки приводятъ къ новымъ разочарованіямъ. Онъ расходится съ своимъ другомъ Клодомъ, а потомъ окончательно отказывается отъ политики, поселяется въ своемъ помѣстьѣ, ища исхода для своихъ душевныхъ силъ въ проснувшейся съ новой силой страстной любви къ женѣ, и пищи для духа—въ созерцательной жизни, въ занятіяхъ искусствомъ. Для человѣка съ тонкой душевной организаціей активная дѣятельность оказывается невозможной при данныхъ условіяхъ. Клодъ тоже разочарованъ въ своихъ попыткахъ вліять на общественную жизнь. Онъ пріобрѣтаетъ участокъ земли и становится фермеромъ. Въ политической жизни Алжира по прежнему главенствуетъ архіепископъ монсиньоръ Пюи. Антисемитическіе безпорядки способствуютъ его торжеству; онъ удаляетъ при помощи интригъ нежелательныхъ ему въ администраціи людей, расширяетъ владѣнія церкви и добивается избранія въ кардиналы. Описаніемъ торжества, послѣдовавшаго послѣ избранія, заканчивается романъ, задуманный крайне пессимистически, написанный съ большимъ реалистическимъ талантомъ. Всѣ эпизодическія лица, политическіе дѣятели, карьеристы и увлекающіеся идеалисты, фанатическіе защитники католичества и пріѣзжающіе въ Алжиръ иностранцы, какъ, напр., русскій аристократъ-свободолюбецъ Дубровинъ, а также разные типы низшаго класса населенія—изображены чрезвычайно живо и интересно и даютъ очень яркое представленіе о сложности элементовъ, входящихъ въ составъ общественной жизни въ Алжирѣ со всѣми ея неожиданностями и катастрофами. Прекрасны также описанія природы, памятниковъ искусства, красоты развалинъ. Все это дѣлаетъ романъ Бертрана очень значительнымъ и интереснымъ какъ по идейному замыслу, такъ и по художественности исполненія.

II.

Max Messer. Moderne Essays. 1901.

Въ новой книгѣ нѣмецкаго критика, Макса Мессера, обращаютъ на себя вниманіе очерки, посвященные писательницамъ, которыя пріобрѣли извѣстность главнымъ образомъ своими работами въ области литературной критики, какъ, напр., Лаура Маргольмъ и др. Въ печати, отъ времени до времени, въ числѣ другихъ праздныхъ вопросовъ, возбуждаютъ вопросъ о томъ, способны ли женщины быть критиками. Это одна изъ варіацій на общую, столь благодарную для разсужденій „вообще", тему о феминизмѣ,—хотя въ дѣйствительности никакого „вопроса" о роли женщинъ въ той или другой области литературнаго творчества нѣтъ и быть не можетъ. Есть даровитые и слабые писатели, произведенія которыхъ подлежатъ оцѣнкѣ, а то обстоятельство, что данный писатель—мужчина или женщина, представляетъ лишь второстепенный интересъ. Къ сожалѣнію, это еще пока приходится доказывать.

Говоря по существу, феминизма нѣтъ,—его выдумали люди, любящіе праздныя слова, въ томъ числѣ и женщины, которымъ пріятнѣе съ воодушевленіемъ говорить о своихъ правахъ, чѣмъ дѣлать самое простое дѣло. Женщины стараются открыть себѣ доступъ къ разнымъ профессіямъ, бывшимъ для нихъ закрытыми вслѣдствіе историческихъ и бытовыхъ условій,—но это не „женскій вопросъ", а просто одна изъ сторонъ общаго развитія культуры, захватывающаго въ своемъ поступательномъ движеніи новые элементы. Женщина была сначала порабощена, потомъ замкнута въ семьѣ, не могла умственно развиваться, и потому отстала въ духовномъ отношеніи отъ мужчинъ, т.-е. средній уровень женщинъ былъ ниже средняго уровня мужчинъ. Постепенно условія измѣнялись, у женщины проснулось и укрѣпилось сознаніе своей личности, и въ настоящее время она уже приблизительно сравнялась съ мужчиной въ своихъ способностяхъ и подготовленности къ умственному труду. Ей остается проявить это въ дѣйствительной жизни и отстоять свои права на участіе во всѣхъ областяхъ умственной и практической дѣятельности. Въ современной культурной жизни женщина находится въ положеніи болѣе молодой націи среди народностей съ долгимъ историческимъ прошлымъ. На теперешнее появленіе женщинъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ общественной и умственной жизни слѣдуетъ смотрѣть какъ на нарождающійся новый элементъ, быть можетъ даже новую силу въ исторіи культуры, и слѣдить затѣмъ, что она дастъ, а не задаваться вопро-

сомъ о томъ, имѣетъ ли она право проявляться, такъ какъ, очевидно, самый фактъ ея появленія доказываетъ ея право на жизнь.

Нелѣпость феминизма заключается именно въ возбужденіи вопроса о правахъ. Виноваты сами феминистки, которыя, вмѣсто того, чтобы заботиться о фактической возможности примѣнять свои силы, занимаются доказываніемъ своихъ правъ. А между тѣмъ дѣло только въ фактахъ. Существуютъ женщины-врачи, женщины адвокаты, женщины-писательницы,—значитъ, не можетъ быть „вопроса" о томъ, способны ли онѣ быть адвокатами и писательницами. Еще болѣе странно разсуждаютъ враги феминизма. Ихъ система даже нѣсколько наивна. Когда женщины-врачи сдѣлались обыденнымъ явленіемъ, эти выдумщики „женскаго вопроса" говорили: конечно, врачами женщины могутъ быть, но онѣ никогда не будутъ адвокатами; это недоступно ихъ нелогичному капризному уму. Теперь уже появились въ Европѣ женщины-адвокаты; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., француженка Жанна Шовенъ,—такіе же трезвые, буржуазные дѣльцы, какъ всѣ ихъ confrère'ы—и „враги" корятъ женщинъ неспособностью стать инженерами, архитекторами и т. д. Очевидно, разсуждать съ такими скептиками не приходится—отвѣтъ имъ дадутъ факты, исторія.

Враги „феминизма", желающіе во что бы то ни стало продлить существованіе „женскаго вопроса", т.-е., вѣрнѣе, переживаніе стараго предразсудка, находятъ для себя пищу и въ литературѣ. Нельзя отрицать того, что женщины могутъ быть даровитыми, даже геніальными писательницами, но можно празднословить относительно того, въ какой области литературы женщина можетъ проявить свой талантъ. Есть среди женщинъ много знаменитыхъ и среднихъ поэтовъ и романистовъ, — анти-феминисты сейчасъ же создаютъ „вопросъ": конечно, женщина можетъ писать стихи и романы, но способна ли она дѣлать выводы, заниматься отвлеченнымъ анализомъ, дѣлать оцѣнку мыслей—можетъ ли она быть литературнымъ критикомъ?

Изъ всѣхъ праздныхъ вопросовъ это—наиболѣе праздный. Какая разница въ смыслѣ проявленія духовной силы и таланта между беллетристомъ, поэтомъ и критикомъ? Ихъ пути различны. Одни черпаютъ впечатлѣнія и образы изъ міра явленій, изъ дѣйствительности, и, переработывая ихъ въ себѣ, раскрываютъ смыслъ того, что̀ есть, противопоставляя дѣйствительное желательному, идеальному. Критикъ тоже беретъ то, что̀ есть, но уже орудуетъ дѣйствительностью, отраженной въ искусствѣ, а затѣмъ дѣлаетъ выводы о томъ, что̀ должно быть. Цѣль у романиста, поэта и критика—одна и та же; они въ равной степени анализируютъ—одни непосредственную дѣйствительность, другіе—дѣйствительность, отраженную въ искусствѣ. И тѣ, и другіе выражаютъ прежде всего себя, свои мысли, свое пониманіе жизни;

они дѣлаютъ выводы, обобщаютъ свои впечатлѣнія, объясняютъ явленія—все равно, относятся ли эти явленія къ міру дѣйствительности, или же таковыми служатъ художественныя произведенія. Какъ показатель умственной силы писателя, романъ, глубоко захватывающій сущность жизни, и критическій очеркъ, объясняющій творчество писателя, смыслъ литературнаго движенія,—имѣютъ совершенно одинаковое значеніе. Поэтому упрекъ женщинамъ въ томъ, что онѣ могутъ быть романистками и неспособны стать критиками, доказываетъ только близорукость литературныхъ сужденій.

Но этотъ упрекъ несправедливъ и фактически. Во всѣхъ европейскихъ странахъ существовали и въ прежнія времена, а въ особенности существуютъ теперь, когда женщины очень ярко выдвинулись въ журналистикѣ, авторитетные и даровитые критики среди женщинъ. Перечисленіе женщинъ-критиковъ слѣдовало бы начать издалека, съ эпохи „Возрожденія": среди ученыхъ гуманистовъ, изучавшихъ и толковавшихъ классическихъ авторовъ, писавшихъ о философіи и поэзіи, встрѣчается не мало женскихъ именъ. Екатерина Сфорца, Юлія Гонзага, Олимпія Морато и др. играютъ видную роль въ исторіи гуманизма, также какъ королевы Маргарита Наваррская и Рената Феррарская, которыя группировали вокругъ себя видныхъ дѣятелей эпохи „Возрожденія". Во Франціи XVII-го вѣки женщины очень плодотворно занимались литературой, и не столько непосредственнымъ художественнымъ творчествомъ, какъ именно разборомъ и критикой, разработкой того, что въ эпоху Людовика XIV считалось самымъ существеннымъ въ литературѣ—стиля и литературныхъ формъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ существованіе отеля Рамбулье́ и пародіи Мольера на ученыхъ женщинъ. Сочиненій по литературной критикѣ ни одна изъ „Précieuses" не оставила, но это объясняется тѣмъ, что въ ихъ время не существовало литературной критики въ современномъ смыслѣ слова; критика сводилась къ спорамъ о значеніи словъ, объ оттѣнкахъ рѣчи, къ оцѣнкѣ „деликатныхъ" описаній искусственныхъ на нашъ взглядъ чувствъ. Въ этихъ спорахъ—не столь смѣшныхъ, какъ кажется теперь, потому что они содѣйствовали выработкѣ французскаго классическаго языка—женщины участвовали наравнѣ съ мужчинами. Во французской литературѣ XVII и XVIII-го вѣковъ такъ называемыя „женщины салоновъ" имѣли, какъ извѣстно, большое вліяніе на умственную жизнь Франціи. Всѣ эти м-мъ де-Лафайетъ, м-мъ де-Ламберъ, м-мъ де-Тенсенъ, м-мъ Рекамье́ и т. д. отличались большимъ литературнымъ вкусомъ и пониманіемъ. Онѣ не писали сочиненій по критикѣ,—критика не составляла еще въ то время обособленнаго рода литературы,—но имѣли не менѣе вліянія на общественное мнѣніе въ вопросахъ литературы, чѣмъ многіе современные профессіо-

нальные критики. Съ ихъ сужденіями очень считались. Отзывъ м-мъ де-Севинье въ какомъ-нибудь изъ ея писемъ становился извѣстнымъ и могъ составить успѣхъ произведенія, или уничтожить интересъ къ нему въ обществѣ. Она была чисто интеллектуальной натурой, искала въ литературѣ главнымъ образомъ отраженія отвлеченныхъ идей и предпочитала мысли Корнеля чувствамъ Расина. Ея классическіе, какъ по языку, такъ и по вѣрности сужденій, разборы Корнеля способствовали тому, что великій драматургъ былъ сразу оцѣненъ своими современниками. Въ XVIII вѣкѣ, во время такъ называемаго второго „Спора о значеніи старыхъ и новыхъ авторовъ", среди спорящихъ выступила также женщина, м-мъ Дасье, знаменитая переводчица и комментаторша Гомера; въ рѣзко написанномъ разсужденіи „Les Causes de la Corruption du goût" она вполнѣ основательно напала на Ла-Мотта, исказившаго Гомера съ цѣлью приспособить его къ манерному вкусу его времени.

Литературная критика—созданіе XIX-го вѣка, и среди ея представителей встрѣчается не мало женскихъ именъ. Въ исторіи нѣмецкаго романтизма есть два прославленныхъ имени: Беттины фонъ-Арнимъ, сестры Клеменса Брентано, и Рахели Варнгагенъ фонъ-деръ-Энзе. Книги Беттины, „Goethes Briefwechsel mit einem Kinde", а также „Clemens Brentano's Frühlingskranz" и „Die Günderode", принадлежатъ къ выдающимся произведеніямъ романтической школы. Беттина—тонкая толковательница Гёте, и на ея сужденія ссылаются всѣ новѣйшіе біографы и критики великаго поэта. Салонъ Рахели Варнгагенъ фонъ-деръ-Энзе долго былъ литературнымъ центромъ писателей „Молодой Германіи". Рахель имѣла большое вліяніе на Гейне, Бёрне и другихъ, и „Переписка" ея, изданная послѣ ея смерти, доказываетъ значительность и оригинальность ея литературныхъ сужденій.

Съ развитіемъ критики въ обособленную область литературы появляются женщины, спеціально занимающіяся изученіемъ авторовъ, толкованіемъ и оцѣнкой идей, отраженныхъ въ литературѣ. Уже Бѣлинскій называлъ въ числѣ лучшихъ знатоковъ и толкователей Шекспира женщину, англійскую писательницу м-ссъ Джемсонъ. Въ настоящее время въ Англіи есть прекрасный художественный критикъ въ лицѣ Вернонъ Ли (настоящее имя ея—Віолета Паджетъ). Ея „Очерки Италіи въ XVIII вѣкѣ", также какъ и другія книги, „Belcaro", „Euphorion", „Essays on Renaissance", принадлежатъ къ той же категоріи, какъ и знаменитая книга о „Возрожденіи", Вальтера Пэтера. Вернонъ Ли очень глубоко изучила эпоху итальянскаго Возрожденія, и толкуя художественныя произведенія какъ поэтъ, даетъ философское объясненіе искусству. Въ такъ называемомъ „эстетическомъ возрожденіи Англіи XIX вѣка", начатомъ прерафаэлитами и

пророкомъ прерафаэлитизма, Рёскиномъ, Вернонъ Ли занимаетъ выдающееся мѣсто: въ своихъ изслѣдованіяхъ „Ренессанса“ она указываетъ на глубокую связь искусства съ религіей. Ея критика—творческая, свидѣтельствующая какъ о глубинѣ аналитическаго ума, такъ и о художественности ея таланта.

Къ числу уважаемыхъ въ Англіи критиковъ принадлежитъ также м-ссъ Ритчи, дочь Теккерея, написавшая, кромѣ множества беллетристическихъ произведеній, одну изъ лучшихъ біографій Теннисона, критическіе очерки о Джоржъ Элліотъ, о м-мъ де-Севинье́ и т. д., также какъ и біографію своего отца, приложенную къ ея изданію сочиненій Теккерея. Мы называемъ этихъ нѣсколькихъ выдающихся женщинъ-критиковъ, не упоминая о многочисленныхъ англійскихъ журналисткахъ, пишущихъ критическіе очерки въ газетахъ и журналахъ, а также издающихъ біографическіе очерки классическихъ и новѣйшихъ писателей. Въ современной Франціи, несмотря на болѣе низкій, сравнительно съ другими странами, уровень образованія и развитія женщинъ, отдѣльныя женщины занимаютъ очень видное мѣсто въ литературѣ, какъ въ области беллетристики, такъ и въ критикѣ. При условіяхъ французскаго журнализма, всякій газетный и журнальный дѣятель, хотя бы онъ даже избралъ своей спеціальностью политику и общественную жизнь, непремѣнно касается и текущей литературы, и въ этомъ смыслѣ много извѣстныхъ во Франціи журналистокъ—въ то же время и литературные критики. Прежде всего слѣдуетъ назвать хорошо извѣстную и у насъ м-мъ Жюльету Аданъ, редактора „Nouvelle Revue“. Она въ теченіе долгихъ лѣтъ „создавала“ общественное мнѣніе во Франціи, и въ вопросахъ политики, и въ вопросахъ общественныхъ и литературныхъ. Ея общественно-политическіе очерки свидѣтельствуютъ о проницательномъ аналитическомъ умѣ и о твердыхъ убѣжденіяхъ; съ ними, конечно, далеко не всѣ соглашались и могутъ соглашаться, но во всякомъ случаѣ она умѣетъ очень блестяще ихъ отстаивать. Она также писала о чисто литературныхъ вопросахъ; извѣстны ея очерки о ново-греческой поэзіи, о разныхъ текущихъ явленіяхъ французской литературы. Вѣрность своего критическаго чутья она доказала также тѣмъ, что привлекала въ свой журналъ начинающихъ писателей, и почти всегда открываемые ею молодые таланты пріобрѣтали потомъ громкую извѣстность; такъ она „открыла“ Поля Бурже́, и какъ бы ни относиться къ этому любимцу французской публики, все-же нельзя отрицать у него выдающагося таланта, отгаданнаго м-мъ Аданъ по первымъ же опытамъ молодого дебютанта. Талантливая журналистка—также и Северина, ученица Жюля Валлеса; она очень ярко, хотя и тенденціозно, освѣщаетъ литературныя явленія и проповѣдуетъ свои общественные идеалы. Увлекающаяся и

сентиментальная, какъ всѣ французы, она въ литературной критикѣ предпочитаетъ обличительныя темы, и главную цѣль искусства, какъ и общественной дѣятельности, видитъ въ обличеніи буржуазности. Въ критикѣ поэтому она не руководствуется эстетическими требованіями, а принадлежитъ скорѣе къ разряду критиковъ-публицистовъ, обнаруживая въ этой области несомнѣнное крупное дарованіе. Къ числу „присяжныхъ" литературныхъ критиковъ принадлежитъ м-мъ Венсенъ, пишущая подъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ, постоянная сотрудница „Journal des Débats", авторъ интересной книги о Мюссé, сборника критическихъ этюдовъ „Les Nevrosés" и мн. др. Среди своихъ собратьевъ она выдѣляется столь рѣдкимъ для французовъ знаніемъ иностранной литературы, пишетъ о новыхъ явленіяхъ въ нѣмецкой и англійской литературѣ, а также иногда и въ русской. Она обладаетъ также большимъ психологическимъ чутьемъ и въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, „Princesses et grandes dames", „Bourgeois et gens de peu" и др., придаетъ блѣднымъ историческимъ фигурамъ большую жизненность. Очерки ея читаются какъ увлекательный романъ.

Очень яркую фигуру среди французскихъ критиковъ представляетъ писательница, извѣстная подъ псевдонимомъ Рашильдъ; ея настоящее имя м-мъ Валетъ,—она жена редактора „Mercure de France". Рашильдъ —романистка, несомнѣнно одна изъ самыхъ талантливыхъ въ современной Франціи. Въ началѣ своей дѣятельности она увлекалась натурализмомъ и выдѣлялась чрезвычайной, иногда даже чрезмѣрной смѣлостью своихъ замысловъ. Но въ послѣдніе годы содержаніе ея произведеній сильно измѣнилось, и лучшіе изъ ея новѣйшихъ романовъ, „La Tour d'Amour", „La Jongleuse" и др., имѣютъ психологическій и символическій характеръ. Рашильдъ—большой художникъ. Почти безъ всякой фабулы, разсказывая про страннаго человѣка, живущаго въ полномъ уединеніи на башнѣ маяка, она увлекаетъ читателя внутренними трагическими переживаніями совершенно исключительнаго свойства. Она раскрываетъ ужасы, таящіеся въ глубинѣ человѣческой души, и выплывающіе наружу, когда человѣкъ живетъ наединѣ съ собою среди стихій,—и читатель усматриваетъ символическій смыслъ въ описаніи маяка, который издали кажется спасительнымъ свѣтомъ, въ то время какъ внутри его таятся невообразимые ужасы. По глубинѣ замысла и художественной силѣ описаній, „Tour d'Amour"—одно изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній новѣйшей французской литературы. И такую же силу пытливаго, способнаго къ яркимъ и смѣлымъ обобщеніямъ ума, такую же оригинальность и художественность манеры Рашильдъ проявляетъ и въ критикѣ. Она уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ ведетъ критическій отдѣлъ въ „Mercure de France". Въ сжатыхъ, смѣлыхъ отзывахъ о

текущей французской беллетристикѣ Рашильдъ умѣетъ и очень зло выпутить какого-нибудь моднаго, но безцвѣтнаго въ чисто-литературномъ смыслѣ романиста, и указать на значительность молодого, не имѣющаго успѣха у публики писателя. Она умѣетъ въ нѣсколькихъ словахъ дать формулу писателя, указать на нелѣпость идеи, скрывающейся подъ пестрымъ нарядомъ внѣшнихъ эффектовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ ея тонкаго критическаго чутья никогда не ускользнетъ проблескъ истиннаго таланта. По уму и вкусу Рашильдъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся нынѣшнихъ критиковъ во Франціи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о женщинахъ-критикахъ въ современной Германіи. Во главѣ ихъ стоятъ двѣ писательницы, извѣстныя и у насъ, такъ какъ нѣкоторыя ихъ книги переведены на русскій языкъ. Это—Лу Андреасъ Саломэ и Лаура Маргольмъ. Лу А. Саломэ—авторъ одной изъ лучшихъ книгъ о Ницше. Среди огромной литературы о нѣмецкомъ философѣ книга г-жи Саломэ пользуется особой извѣстностью, такъ какъ въ ней установлена классификація произведеній Ницше. Лу Саломэ сдѣлала чрезвычайно много для выясненія личности и творчества столь мало понятаго и столь часто искажаемаго—въ особенности его приверженцами—философа. Она сдѣлала попытку привести въ систему афоризмы Ницше, объяснить тѣ противорѣчія, которыя онъ допускалъ въ своихъ произведеніяхъ, будучи вѣчно занятымъ борьбой съ самимъ собою. Книга Лу Саломэ вызвала много возраженій, съ ея толкованіями не всѣ согласны, но даже въ спорѣ съ ней и ея выводами всякій признаетъ въ ней большую силу критическаго анализа. Пусть тотъ Ницше, котораго она изобразила въ своей книгѣ, и не соотвѣтствуетъ вполнѣ дѣйствительному Ницше, все-же она извлекла изъ его сочиненій цѣльный образъ философа, стройно развивающуюся изъ кажущихся противорѣчій философскую систему—а это свидѣтельствуетъ о большомъ критическомъ талантѣ. Кромѣ книги о Ницше, Лу Саломэ написала и пишетъ въ настоящее время много отдѣльныхъ очерковъ по литературнымъ, также какъ и отвлеченнымъ философскимъ вопросамъ. Укажемъ, напримѣръ, на очеркъ объ индивидуализмѣ въ религіи, помѣщенный въ книгѣ Дитца: „Egoismus“. Въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ появляются отъ времени до времени ея литературныя статьи, всегда очень содержательныя и смѣлыя по выводамъ.

Лаура Маргольмъ извѣстна какъ авторъ книги о психологіи выдающихся женщинъ, писательницъ и художницъ („Buch der Frauen“). Ея толкованія психологіи женскаго творчества очень парадоксальны; она придаетъ слишкомъ большое значеніе „женственности“ въ своихъ характеристикахъ, но, во всякомъ случаѣ, проводитъ свою идею очень сильно и смѣло. Кромѣ того, она много пишетъ чисто критическихъ

статей, въ особенности по театру, и ея сужденія считаются въ Германіи весьма авторитетными. Будучи пламенной, увлекающейся натурой, она стала крайней „модернисткой"; всякое новое литературное явленіе кажется ей побѣдой надъ предъидущимъ, и въ своихъ критическихъ статьяхъ она всегда торжествуетъ побѣду сегодняшняго дня надъ вчерашнимъ. Когда стали извѣстными въ Германіи первыя произведенія Стриндберга, она сразу почувствовала таящуюся въ нихъ силу, и уже объявила, что Ибсенъ побѣжденъ и превзойденъ Стриндбергомъ. Эта чрезмѣрная отзывчивость, также какъ склонность увлекаться парадоксами, составляетъ слабость критическихъ сужденій Лауры Маргольмъ, но, съ другой стороны ея импрессіонистская критика пріобрѣтаетъ отъ этого большую яркость и силу. Изъ другихъ нѣмецкихъ женщинъ-критиковъ назовемъ еще Эллу Ментъ, автора интересной книги о новѣйшей литературѣ—„Der Neue Kurs". Очень извѣстна также въ Германіи скандинавская писательница Эленъ Ки, талантливая эссеистка, произведенія которой появляются на нѣмецкомъ языкѣ и возбуждаютъ большой интересъ.

Мы, конечно, далеко не исчерпали именъ выдающихся женщинъ, критиковъ въ Европѣ, такъ какъ говорили лишь о тѣхъ, которыя наиболѣе пользуются извѣстностью въ настоящее время. Но намъ кажется, что ихъ уже достаточно, чтобы прекратить разговоры о неспособности женщинъ къ критическому анализу. Среди женщинъ-критиковъ есть болѣе даровитыя и менѣе способныя—какъ и среди мужчинъ. Можно поэтому говорить только о хорошихъ и дурныхъ писателяхъ, а то, окажется ли писатель женщиной или мужчиной — вопросъ въ сущности совершенно второстепенный. Въ дѣйствительности это никого и не интересуетъ. Когда женщина становится писателемъ, о ней судятъ, совершенно не принимая во вниманіе ни ея женскаго безправія, ни такъ называемыхъ женскихъ привилегій, не стараются даже щадить ее, и очень часто, нападая на нее, не выказываютъ никакого рыцарства или даже просто — вѣжливости, которая въ общежитіи считается обязательной относительно женщинъ. Такъ оно, впрочемъ, и должно быть, и мы менѣе всего протестуемъ противъ „неделикатности" въ обсужденіи литературныхъ произведеній женщинъ. Мы только видимъ въ ней еще одно доказательство того, что—по крайней мѣрѣ въ литературѣ—„женскаго вопроса" не существуетъ,—и не должно существовать.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1902.

„Вѣстникъ Европы"—сто лѣтъ тому назадъ.—Старые и новые земцы. — Земство и печать. — Три громкихъ земскихъ имени: Б. Н. Чичеринъ, Д. Ѳ. Самаринъ (†), Д. Д. Дашковъ (†).—Систематическое извращеніе истины въ „Москов. Вѣд."—Десятилѣтіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — Чествованіе П. И. Вейнберга и Н. И. Стороженко.—P.-S. Правительственныя сообщенія.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ началѣ января 1802-го года, вышла въ свѣтъ первая книжка перваго въ Россіи журнала, включившаго въ свою програму вопросы политическаго характера. Это былъ „Вѣстникъ Европы", основанный Карамзинымъ и просуществовавшій, затѣмъ, до 1830-го года. Небольшой томикъ (о размѣрахъ его можно судить по fac-simile заглавнаго его листа, помѣщеннаго въ началѣ настоящей книжки нашего журнала), заключающій въ себѣ не болѣе ста страничекъ, представляетъ до сихъ поръ своеобразный интересъ, и какъ первообразъ позднѣйшихъ „толстыхъ" журналовъ, и какъ выраженіе давно пережитыхъ настроеній. „Письмо къ издателю", стоящее во главѣ книги и написанное, какъ полагаютъ, самимъ Карамзинымъ, полно надеждъ на свѣтлое будущее: и это понятно—не окончился еще первый годъ царствованія Александра I. „Сердца наши, подъ кроткимъ и благодѣтельнымъ правленіемъ юнаго монарха, покойны и веселы; вся Европа, наскучивъ безпорядками и кровопролитіемъ, заключаетъ миръ, который по всѣмъ вѣроятностямъ будетъ твердъ и продолжителенъ; науки и художества въ быстрыхъ успѣхахъ своихъ обѣщаютъ себѣ еще болѣе успѣховъ; таланты, въ свободной тишинѣ и на досугѣ, могутъ заниматься всѣми полезными и милыми для души предметами; литература, по настоящему расположенію умовъ, болѣе нежели когда-нибудь должна имѣть вліяніе на нравы и щастіе". Ожиданія Карамзина осуществились далеко не всѣ. Нарушенъ былъ, прежде всего, миръ, на прочность котораго онъ разсчитывалъ. Началась новая эпоха войнъ, къ которымъ скоро примкнула и Россія. Задачи, которыя поставило себѣ „благодѣтельное правленіе юнаго монарха", были отодвинуты на задній планъ или совершенно забыты. „Свободной тишины", способствующей свободному развитію, таланты не находили; вліяніе литературы расло медленно, встрѣчая преграды всякаго рода. И все-таки русская

мысль, однажды пробужденная, не возвращалась въ старыя, узкія рамки; и все-таки журналъ, въ новой формѣ, созданной для него Карамзинымъ, занималъ все болѣе и болѣе видное мѣсто въ общественной жизни.

Съ этой точки зрѣнія моментъ появленія „Вѣстника Европы" имѣетъ историческое значеніе. Сквозь налетъ сентиментализма, перенесеннаго изъ повѣстей Карамзина на страницы его журнала, виднѣется вѣрный взглядъ на призваніе литературы вообще и періодической печати въ особенности. „Въ Россіи"—читаемъ мы въ томъ же „Письмѣ къ издателю"—„литература можетъ быть еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ: чувство въ насъ новѣе и свѣжѣе; изящное тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на сердце и тѣмъ болѣе плодовъ приноситъ. Сколь благородно, сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ россійскій, развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ со благомъ другихъ людей"! На первыхъ порахъ журналъ, по мнѣнію Карамзина, могъ ограничиться „*выборомъ* пріятнѣйшаго изъ иностранныхъ цвѣтниковъ и пересаживаніемъ его на землю отечественную". Сообразно съ этимъ и велся политическій отдѣлъ въ первыхъ книжкахъ „Вѣстника Европы"; но за усвоеніемъ чужого неизбѣжно должна была послѣдовать самостоятельная разработка сначала общихъ, а затѣмъ и спеціально-русскихъ темъ. Первая борозда была проведена—и обращеніе ея въ обширное поле было только вопросомъ времени. Весь XIX-ый вѣкъ пошелъ въ Россіи, съ этой точки зрѣнія, на продолженіе дѣла, начатаго вторымъ его годомъ [1]).

Въ земскихъ собраніяхъ обнаруживается, въ послѣднее время, все ярче и ярче антагонизмъ между лучшими земскими традиціями и новыми теченіями, зависящими отъ измѣнившихся условій общественной жизни. До сихъ поръ побѣда, въ большинствѣ случаевъ, остается на сторонѣ первыхъ—но нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что онѣ сохранятъ за собою перевѣсъ въ ближайшемъ будущемъ. Представителями взглядовъ, еще недавно не находившихъ мѣста въ земской средѣ, являются, сплошь и рядомъ, люди сравнительно молодые, идущіе на смѣну старому поколѣнію земскихъ дѣятелей. Это—признакъ

---

[1]) Карамзинъ оставался редакторомъ „Вѣстника Европы" два года: 1802 и 1803. Послѣ него редактировалъ журналъ поэтъ В. А. Жуковскій и наконецъ проф. исторіи москов. университета Каченовскій. Мы возстановили имя Карамзинскаго журнала въ 1865 году, когда исполнилось столѣтіе со дня рожденія Карамзина, желая тѣмъ самымъ почтить его память.

неблагопріятный, внушающій серьезныя опасенія. Въ послѣдней сессіи казанскаго губ. земскаго собранія разсматривалось предложеніе гласнаго кн. П. Л. Ухтомскаго объ установленіи гражданской отвѣтственности сельскихъ обществъ по уголовнымъ преступленіямъ, совершеннымъ членами этихъ обществъ—предложеніе, подробно развитое въ брошюрѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Находя, что міръ, при существованіи круговой поруки и общиннаго владѣнія, облеченъ громадною властью надъ общественниками-крестьянами и часто употребляетъ ее во зло, укрывая или даже вызывая преступленія, кн. Ухтомскій утверждалъ, что сельское общество должно нести на себѣ вознагражденіе за вредъ и убытки, понесенные „вслѣдствіе преступнаго участія или бездѣйствія общества, или вслѣдствіе бывшаго очевиднымъ для общества преступнаго участія или бездѣйствія выбранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ". Казанская губернская земская управа присоединилась къ предложенію кн. Ухтомскаго; высказались за него и многіе молодые гласные (по словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" — представители крупнаго землевладѣнія), въ томъ числѣ профессоръ международнаго права Догель, бывшій товарищъ прокурора Баратынскій, земскій начальникъ Мельниковъ. Профессоръ Догель, —если вѣрить казанскому корреспонденту „Россіи",—старался доказать, что „установленіе коллективной отвѣтственности сельскихъ обществъ было бы актомъ величайшей справедливости, такъ какъ тогда землевладѣльцы были бы гарантированы отъ убытковъ, причиняемыхъ порубками, потравами и т. п., которые въ концѣ концовъ приводятъ ихъ къ разоренію, а земледѣліе—къ паденію". Не значитъ ли это низводить справедливость на степень односторонней заботы объ интересахъ общественнаго класса, безъ того уже съ особенною тщательностью оберегаемаго закономъ? Юристу ли подобаетъ ставить на первый планъ покрытіе убытковъ, если только они понесены землевладѣльцемъ, и стремиться къ этой цѣли съ явнымъ нарушеніемъ началъ, обусловливающихъ отвѣтственность? Ему ли позволительно забывать, что всякое *преступное* дѣйствіе (или бездѣйствіе), какъ бы велико ни было число повинныхъ въ немъ лицъ, и теперь можетъ быть преслѣдуемо въ порядкѣ уголовномъ? Ему ли позволительно не видѣть другого противорѣчія, въ которое впалъ кн. Ухтомскій, связывая съ *преступными* дѣяніями *гражданскую* отвѣтственность? Не обязательнымъ для себя профессоръ Догель считаетъ, повидимому, и простѣйшее правило, не столько юридическое, сколько общежитейское—правило, въ силу котораго всякое обвиненіе, гдѣ бы и противъ кого бы оно ни предъявлялось, должно быть подтверждено хотя бы „началомъ доказательства". Онъ разсказалъ въ земскомъ собраніи легендарную исторію объ убійствѣ (нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ казанскомъ уѣздѣ)

помѣщицы Солнцевой, совершенномъ, будто бы, всѣмъ міромъ, вслѣдствіе чего преступники остались необнаруженными и безнаказанными. Оказалось, однако—по справкѣ, сообщенной другимъ гласнымъ,—что госпожу Солнцеву убили два ея работника, которые и были осуждены за это преступленіе казанскимъ окружнымъ судомъ... Оригиналенъ выводъ, приведенный въ пользу отвѣтственности сельскихъ обществъ земскимъ начальникомъ Мельниковымъ: онъ сообщилъ, что два раза привлекалъ къ отвѣту цѣлое общество за порубку и потраву, и оно осталось этимъ очень довольно, находя это справедливымъ. Не касаясь вопроса о вѣроятности *удовольствія*, испытаннаго осужденными сельскими обществами, мы желали бы знать, на чемъ былъ основанъ образъ дѣйствій г. Мельникова? Быть можетъ, въ порубкѣ и потравѣ дѣйствительно участвовали *всѣ* домохозяева даннаго общества? Въ такомъ случаѣ привлеченіе ихъ къ суду было совершенно правильно—но не можетъ служить подтвержденіемъ мысли кн. Ухтомскаго. Если, наоборотъ, фактически участвовали въ порубкѣ и потравѣ только нѣкоторые члены общества, то возложеніе отвѣтственности на все общество было со стороны земскаго начальника явнымъ превышеніемъ власти. Нарушеніемъ закона его приговоръ слѣдуетъ считать и въ такомъ случаѣ, если виновнымъ—т.-е. непосредственно, реально виновнымъ—былъ признанъ каждый членъ общества въ отдѣльности, но имущественная отвѣтственность обращена на все общество, какъ на одно цѣлое... Противъ кн. Ухтомскаго и его защитниковъ выступили преимущественно „земцы стараго закала". За ними, въ концѣ концовъ, оказалось большинство—но большинство всего *двухъ* голосовъ. Еще нѣсколько шаговъ въ сторону „новыхъ вѣяній"—и казанское земство останется земствомъ только по имени...

Не особенно крупнымъ большинствомъ (27 голосовъ противъ 20) разрѣшенъ въ „староземскомъ" духѣ саратовскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ одинъ изъ вопросовъ, давно занимающій и волнующій земство. Саратовское собраніе нѣсколько лѣтъ сряду назначало пособіе школамъ грамоты (въ размѣрѣ 3.200 рублей)—назначало его вопреки мнѣнію губернской управы, находившей эти школы „безнадежно плохими". И въ нынѣшнемъ году губернская управа осталась вѣрной своему убѣжденію, но коммиссія по народному образованію предложила вновь ассигновать прежнюю субсидію, точнѣе только опредѣливъ способъ ея употребленія. Завязались горячія пренія, продолжавшіяся цѣлыхъ два дня. Крайніе защитники школъ грамоты обвиняли своихъ противниковъ въ систематическомъ недоброжелательствѣ къ церковной школѣ, въ „европейничаньѣ", въ стремленіи къ „западнымъ порядкамъ", въ желаніи поиграть въ „анти-клерикализмъ". Приверженцы противоположнаго взгляда были болѣе сдержанны: утверждая,

что духовно-религіозные запросы народа находятъ полное удовлетвореніе въ земской школѣ, они привели массу фактовъ, свидѣтельствующихъ, съ одной стороны, о крайне плохой постановкѣ обученія въ школахъ грамоты, съ другой—о невозможности для земства имѣть серьезный контроль надъ этими школами и оказывать на нихъ дѣйствительное вліяніе. Значительно обострились пренія вслѣдствіе участія въ нихъ представителя духовнаго вѣдомства. „Меня давно мучитъ вопросъ,—воскликнулъ г. Розановъ,—почему земство цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ ведетъ школьное дѣло и такъ недалеко ушло? Теперь я просидѣлъ въ собраніи шесть часовъ, выслушалъ обширные дебаты, и мнѣ этотъ вопросъ сталъ ясенъ: чѣмъ больше говорится, тѣмъ меньше дѣлается". На другой день мѣсто г. Розанова въ собраніи занялъ свящ. Хитровъ и заявилъ, отъ лица саратовскаго преосвященнаго и духовнаго вѣдомства, что мнѣніе г. Розанова есть только мнѣніе частнаго лица. „Его преосвященство"—сказалъ о. Хитровъ—„поручилъ мнѣ передать собранію, что и онъ, и духовное вѣдомство, высоко цѣнятъ заслуги земства по школьному дѣлу. Всѣ стремленія духовенства направлены къ тому, чтобы работать рука объ руку съ земствомъ. Мы просимъ забыть вчерашнее недоразумѣніе, извиняемся и надѣемся, что оно не повліяетъ на отношенія земства къ духовенству". Эти симпатичныя слова не изгладили впечатлѣнія, произведеннаго рѣчью г. Розанова—не изгладили его, надо думать, потому, что многіе увидѣли въ ней яркое выраженіе тѣхъ чувствъ, съ которыми значительная часть духовенства относится къ земству и земской школѣ. Нѣкоторые гласные заявили, что подадутъ голосъ противъ субсидіи школамъ грамоты именно въ виду сказаннаго наканунѣ епархіальнымъ наблюдателемъ надъ церковно-приходскими школами (эту должность занимаетъ г. Розановъ). Не помогла и рѣчь предсѣдателя собранія (П. А. Кривскаго), старавшагося доказать, что школы грамоты „все же лучше, чѣмъ ничего". Отказавъ въ продолженіи субсидіи школамъ грамоты, собраніе избрало, однако, коммиссію для окончательнаго выясненія отношеній губернскаго земства къ церковнымъ школамъ. Той же коммиссіи поручено выработать типъ дешевой земской школы, могущей замѣнить существующія школы грамоты. Еще недавно всякая попытка въ этомъ направленіи могла показаться безнадежной, въ виду того, что учрежденіе дешевыхъ, небольшихъ начальныхъ школъ разсматривалось министерствомъ народнаго просвѣщенія какъ монополія духовнаго вѣдомства; но въ настоящее время министерство, повидимому, готово отступить отъ своего прежняго взгляда. Въ виленскомъ учебномъ округѣ не только допускается, но даже рекомендуется устройство *деревенскихъ училищныхъ отдѣленій* или домашнихъ элементарныхъ школокъ, преподавателями

въ которыхъ могутъ быть окончившіе курсъ въ городскомъ, уѣздномъ или хотя бы приходскомъ училищѣ, а наблюдателями и руководителями—учителя сосѣднихъ народныхъ училищъ. Если такія школы, ничѣмъ, въ сущности, не отличающіяся отъ школъ грамоты, появятся въ одномъ учебномъ округѣ, то не будетъ, очевидно, никакой причины препятствовать ихъ повсемѣстному распространенію, хотя бы и при участіи земства. По справедливому замѣчанію „Саратовскаго Дневника", виленскій проектъ, намѣчая тѣсную связь между элементарными школами и нормально организованными начальными училищами, слѣдуетъ примѣру, данному, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, земствами нѣсколькихъ уѣздовъ, плодотворная работа которыхъ надолго была остановлена передачей школъ грамоты въ духовное вѣдомство.

Большую роль школьный вопросъ игралъ и въ преніяхъ нижегородскаго губернскаго земскаго собранія. Ближайшимъ поводомъ къ его возбужденію послужилъ здѣсь докладъ гласнаго Зыбина, прежде занимавшаго должность непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а теперь состоящаго земскимъ начальникомъ. Подобно А. И. Новикову (автору извѣстныхъ „Записокъ земскаго начальника"), г. Зыбинъ убѣдился на опытѣ въ ошибочности своихъ предвзятыхъ мнѣній; изъ противника „идеи широкаго народнаго образованія" онъ сдѣлался горячимъ ея защитникомъ. Переѣхавъ въ деревню, онъ понялъ, что считать образованіе для мужика роскошью, и притомъ роскошью вредною, возможно только „подъ вліяніемъ чужихъ мнѣній, не провѣренныхъ и непереваренныхъ". Ему тяжело видѣть, что „народная школа, съ точки зрѣнія русскаго закона, является предметомъ не необходимымъ, а народное невѣжество—чѣмъ-то почти нормальнымъ". Если въ деревняхъ существуютъ школы, то этимъ крестьянство обязано почти исключительно земству и обществу. Пока государство не возьметъ на себя расходы по народному образованію, земство, по мнѣнію г. Зыбина, должно работать не покладая рукъ, изыскивая средства не дать народу „закостенѣть въ своемъ невѣжествѣ".

Совершенно отрицательно, насколько можно судить по отрывочнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, г. Зыбинъ отнесся къ дѣятельности духовенства на поприщѣ начальнаго обученія. Возражали докладчику не только тѣ, которыхъ онъ непосредственно затронулъ, но и принципіальные противники идеи, на сторону которой перешелъ г. Зыбинъ; одинъ изъ нихъ прямо высказалъ убѣжденіе, что народу большой грамотности не надо, такъ какъ образованіе отрываетъ работника отъ земли. Усердна была, съ другой стороны, и защита доклада, не столько потому, чтобы она бросила новый свѣтъ на избранную имъ тему, сколько потому, что она „вылилась изъ сердца", ясно показала жгу-

чій характеръ наболѣвшаго вопроса. „Деликатно принять докладъ къ свѣдѣнію“, какъ предлагалъ одинъ изъ гласныхъ, собраніе не согласилось и постановило передать его для разработки, при участіи самого докладчика, въ коммиссію о нуждахъ общаго и профессіональнаго образованія. И здѣсь, такимъ образомъ, восторжествовали „староземскія“ преданія, съ точки зрѣнія которыхъ распространеніе, въ ширь и глубь, народнаго образованія всегда было и остается до сихъ поръ основной задачей земскаго самоуправленія.

Любопытна, но нимало не удивительна одна черта, общая всѣмъ „новоземцамъ“: это—нерасположеніе ихъ къ періодической печати. Въ казанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи разсматривалось „странное“ (по выраженію корреспондента „Россіи“) предложеніе одного изъ членовъ губернской управы „разсудить его съ прессой“. Въ нижегородскомъ земскомъ собраніи одинъ изъ противниковъ г. Зыбина (г. Хотяинцевъ), отрицая приписанное ему во время преній стремленіе задерживать развитіе народнаго образованія, выразился такъ: „печать давно уже указываетъ, что я будто бы иду по этому пути. Пусть она лжетъ, сколько ей угодно,—я отвѣчать ей не буду“. Въ орловскомъ губернскомъ собраніи гласный Володимеровъ старался доказать, что указанія въ печати на безпорядки въ земской больницѣ должны быть оставляемы безъ вниманія именно потому, что они исходятъ отъ печати. Тотъ же гласный предлагалъ составить списокъ книгъ, которыя желательно было бы изъять изъ обращенія, и затѣмъ войти съ соотвѣтственнымъ ходатайствомъ въ подлежащее вѣдомство [1]). Въ саратовскомъ губернскомъ собраніи, во время преній о субсидіи школамъ грамоты, гласный графъ Уваровъ (одинъ изъ защитниковъ субсидіи) воскликнулъ: „для общаго принципіальнаго рѣшенія вопросовъ не нужно намъ и собираться сюда; для этого достаточно прочесть *какой-нибудь корявый Вѣстникъ Европы*“ [2]). Все это совершенно естественно: кто идетъ въ разрѣзъ съ земскими традиціями, тотъ не можетъ не относиться враждебно къ печати, продолжающей стоять за нихъ.

---

[1]) Еще дальше пошло козьмодемьянское (казанской губерніи) уѣздное земство, предполагавшее ходатайствовать о воспрещеніи административно-высланнымъ проживать и появляться въ гор. Козьмодемьянскѣ! Казанское губ. земское собраніе отказалось отъ обсужденія этого ходатайства.

[2]) Нѣсколько раньше предсѣдатель собранія спросилъ одного изъ гласныхъ, какой источникъ онъ цитируетъ въ своей рѣчи? „Вѣстникъ Европы“,—отвѣчалъ гласный. „А! Вѣстникъ Европы“! — воскликнулъ П. А. Кривскій, въ устахъ котораго это восклицаніе имѣло, думается намъ, весьма опредѣленный смыслъ.

Чѣмъ больше растутъ и крѣпнутъ въ средѣ самого земства антиземскія тенденціи, тѣмъ дороже воспоминанія о людяхъ, имена которыхъ неразрывно связаны съ лучшими страницами земской исторіи. Съ живымъ сочувствіемъ, поэтому, мы прочитали адресъ, который тамбовское земское губернское собраніе постановило представить тяжко заболѣвшему Б. Н. Чичерину, много лѣтъ сряду состоявшему тамбовскимъ губернскимъ гласнымъ. Вспоминаются въ адресѣ, прежде всего, знаменательныя слова, сказанныя Б. Н. Чичеринымъ еще въ 1869 г., въ самомъ началѣ земской дѣятельности: „земскія учрежденія—начало самоуправленія въ Россіи. За успѣшный ходъ его мы отвѣчаемъ не только передъ своими избирателями, но и предъ Россіей. Самоуправленіе не дается даромъ: для того, чтобы оно двигалось, нужно живое содѣйствіе общества; необходимы и нѣкоторыя жертвы, которыхъ общество въ правѣ требовать отъ своихъ членовъ". „Широкое развитіе общественной самодѣятельности"—писалъ Б. Н. Чичеринъ тридцать лѣтъ спустя—„необходимо и для бюрократіи: это—одно, что ставитъ ее въ надлежащія рамки... Только въ постоянномъ, живомъ соприкосновеніи съ независимыми общественными силами она въ состояніи выйти изъ своей рутинной инерціи и наполнить свою формальную дѣятельноеть жизненнымъ содержаніемъ". Перечисливъ другія ожиданія, связываемыя Б. Н. Чичеринымъ съ ростомъ общественной самодѣятельности, указавъ на высокія требованія, предъявляемыя имъ къ представителямъ самоуправленія, собраніе приходитъ къ заключенію, что гордиться Б. Н. Чичеринымъ въ правѣ не одна тамбовская губернія, но и вся Россія. Отсутствіе Б. Н. Чичерина въ рядахъ гласныхъ „повергаетъ собраніе въ глубокую печаль, особенно теперь, когда земство все болѣе и болѣе ограничивается въ своихъ правахъ, когда поле его дѣятельности все съуживается и съуживается". Собраніе шлетъ Б. Н. Чичерину „искреннія пожеланія многолѣтней плодотворной работы на пользу горячо любимаго имъ земства и еще болѣе любимой Россіи". Къ этимъ пожеланіямъ присоединятся, безъ сомнѣнія, всѣ тѣ, кому дорого поступательное движеніе русской общественной мысли. Можно расходиться съ Б. Н. Чичеринымъ по тому или другому отдѣльному вопросу, но нельзя отрицать его заслуги, какъ защитника законности и права. Справедливая оцѣнка этихъ заслугъ со стороны земства производитъ по истинѣ освѣжающее впечатлѣніе. Это лучъ свѣта среди потемокъ, надвигающихся, мало-помалу, и на земскую сферу—и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивое возраженіе моднымъ взглядамъ, побѣда которыхъ была бы смертнымъ приговоромъ для самоуправленія.

Симпатичная нота, лежащая въ основѣ тамбовскаго адреса, слы-

шится и въ рѣчахъ, посвященныхъ памяти недавно скончавшихся земскихъ дѣятелей—Д. Ѳ. Самарина и Д. Д. Дашкова. По опредѣленію предсѣдателя московской губернской земской управы, Д. Ѳ. Самаринъ (двѣнадцать лѣтъ состоявшій гласнымъ московскаго земства) былъ „выдающимся представителемъ консервативнаго направленія въ истинномъ значеніи этого слова. Усматривая въ нашемъ государственномъ строѣ самобытную форму, являющуюся выраженіемъ національной русской идеи, онъ находилъ, что развитіе общественной самодѣятельности въ области мѣстнаго управленія не только не составляетъ противорѣчія нашему государственному строю, но, напротивъ, является необходимымъ его основаніемъ". Чествованіе *такихъ* консерваторовъ пріобрѣтаетъ особенную цѣнность, хотя бы въ виду того свѣта, который оно бросаетъ на *мнимый* консерватизмъ, на псевдо-охранительную прессу... Д. Ѳ. Самаринъ былъ однимъ изъ первыхъ, призывавшихъ земство на путь улучшенія экономическихъ условій крестьянской жизни; онъ способствовалъ основанію первой въ московской губерніи—да, кажется, и во всей земской Россіи—губернской лечебницы, т.-е. шелъ прямо въ разрѣзъ съ нынѣшними „консервативными" взглядами на взаимное отношеніе губернскаго и уѣздныхъ земствъ; какъ гласный московской городской думы, онъ воспрепятствовалъ (въ семидесятыхъ годахъ) осуществленію проекта, смѣшивавшаго начальное обученіе съ ремесленнымъ, т.-е. отстоялъ тотъ типъ начальной школы, за который теперь высказываются лучшіе теоретики и практики школьнаго дѣла [1]); сознавая необходимость мелкой территоріальной единицы, онъ предлагалъ отождествленіе ея съ приходомъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ возстановленія древняго права прихожанъ на выборъ приходскаго священника... Д. Д. Дашковъ въ послѣднее время своей жизни занималъ должность предсѣдателя уфимской губернской земской управы, но особенно глубокіе слѣды его дѣятельность оставила, повидимому, въ рязанской губерніи, гдѣ онъ былъ гласнымъ вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій [1]). По словамъ кн. Волконскаго (состоявшаго недавно предсѣдателемъ рязанской губернской земской управы), „немного было въ земствѣ такихъ людей, какъ Д. Д. Дашковъ. Кто слышалъ его въ земскихъ собраніяхъ, тотъ никогда не забудетъ впечатлѣнія, которое производили его слова и мысли. Онъ

---

[1]) Объ этомъ эпизодѣ въ дѣятельности Д. Ѳ. Самарина см. интересную статью г. М. Щепкина въ № 331 „Русскихъ Вѣдомостей".

[2]) Въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1877 г. Д. Д. Дашковъ помѣстилъ статью: „Педагогическіе софизмы".

принадлежалъ къ числу тѣхъ представителей дворянскаго сословія, которыми дворянство расплатилось съ русскимъ народомъ за всѣ привилегіи, какими оно въ прежнее время несправедливо пользовалось. Онъ отдавалъ всѣ свои силы, всего себя обществу, земству. Особенно велики были его заслуги въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Онъ первый возбудилъ вопросъ о необходимости и неотложности разныхъ мѣропріятій по народному образованію—и возбудилъ ихъ въ то время, когда большинство гласныхъ считало эти мѣропріятія недостижимыми и для земства непосильными". Да, глубоко жизненнымъ было дѣло, создавшее такихъ дѣятелей какъ Б. Н. Чичеринъ, Д. Ѳ. Самаринъ, Д. Д. Дашковъ. Преемниковъ имъ, пока, мы видимъ мало—но они несомнѣнно будутъ, если только уцѣлѣетъ самостоятельность земства и не измельчаютъ въ конецъ земскія задачи.

Какой ничтожной и низменной кажется газетная травля земства, если перейти къ ней непосредственно отъ воспоминаній о лучшихъ земскихъ дѣятеляхъ! Не хватаетъ духа погрузиться въ это море злобы и обскурантизма, мутныя волны котораго грозятъ смыть послѣдніе слѣды самостоятельности и свободы мысли. Мы извлечемъ изъ него, на этотъ разъ, только двѣ капли, вѣрно отражающія въ себѣ его характерныя свойства. „Совсѣмъ неожиданный репримандъ" — читаемъ мы въ петербургской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 346) —„выкинуло одно изъ нашихъ уѣздныхъ земствъ, именно новоладожское: оно возбудило ходатайство ни болѣе, ни менѣе какъ о передачѣ одного изъ своихъ училищъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія! Будемъ давать ежегодно пособіе въ размѣрѣ 730 рублей, лишь бы училище было для пользы дѣла министерское... Само земство, такимъ образомъ, признало, что въ правительственной школѣ больше пользы, чѣмъ въ земской. Но еще болѣе знаменательно, что это ходатайство уѣзднаго земства одобрено и нашимъ передовымъ [1]) губернскимъ земствомъ". Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ изъ доклада спб. губ. земской управы губернскому собранію? Новоладожская уѣздная земская управа предложила уѣздному собранію „ходатайствовать объ учрежденіи въ селѣ Усадищѣ, Усадище-Спасовской волости, начальнаго двухкласснаго или, по крайней мѣрѣ, одноклассного училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Къ такому ходатай-

---

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что с.-петербургское губернское земство вовсе не принадлежитъ къ числу „передовыхъ". Честно и заботливо исполняя свои обязанности, оно не проявляетъ большой иниціативы, рѣдко возбуждаетъ „щекотливые" вопросы и въ нововведеніяхъ своихъ слѣдуетъ, бо́льшею частью, примѣру другихъ земствъ, болѣе предпріимчивыхъ и подвижныхъ.

ству побуждала, съ одной стороны, многолюдность существующей въ этомъ пунктѣ земской школы, съ двумя преподавателями, такъ какъ составъ учащихся въ послѣдніе годы свыше 100 человѣкъ, съ другой —крайняя затруднительность пріискать достаточно просторное и удовлетворительное помѣщеніе для школы: мѣстное церковно-приходское попечительство требуетъ нынѣ за домъ, въ которомъ издавна помѣщалась школа, чрезмѣрную плату по 300 р. въ годъ, и, кромѣ того, на отопленіе его, освѣщеніе и прислугу нужно до 150 р. въ годъ; этимъ вызывается необходимость въ постройкѣ собственнаго школьнаго дома, непосильной для земства. Въ случаѣ удовлетворенія ходатайства и учрежденія *двухкласснаго* министерскаго училища, земство принимаетъ на себя обязательство выдавать изъ своихъ суммъ пособіе на содержаніе его по 730 р. въ годъ. Предложеніе было принято уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, постановившимъ ходатайствовать о преобразованіи усадищскаго земскаго училища въ министерское. Признавая доводы приведеннаго ходатайства вполнѣ убѣдительными, хотя самое постановленіе уѣзднаго собранія недостаточно ясно и точно редактировано и можетъ допускать различныя толкованія, губернская управа, во избѣжаніе задержки дѣла, предложила губернскому собранію поддержать ходатайство новоладожскаго уѣзднаго земскаго собранія о преобразованіи усадищскаго земскаго училища въ министерское, съ обязательствомъ для уѣзднаго земства, въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства и учрежденія *двухкласснаго* министерскаго училища, выдавать изъ своихъ суммъ пособіе на содержаніе его по 730 руб. въ годъ". Это предложеніе и было принято губернскимъ собраніемъ. Совершенно ясно, что ходатайство новоладожскаго земства было вызвано вовсе не сознаніемъ, что „въ правительственной школѣ больше пользы, чѣмъ въ земской", а съ одной стороны—недостаткомъ средствъ, съ другой—потребностью въ *двухклассномъ* училищѣ, которое, по закону, можетъ быть *только* правительственнымъ, а не земскимъ. Съ учрежденіемъ *двухкласснаго* училища связано и обязательство уѣзднаго земства вносить ежегодно 730 руб. Открытіе одноклассного министерскаго училища допускается земствомъ, очевидно, лишь условно, при невозможности устроить двухклассное училище—и въ этомъ случаѣ земство не беретъ на себя никакихъ имущественныхъ обязательствъ. Само собою разумѣется, что еслибы новоладожское земство смотрѣло на школьное дѣло черезъ очки реакціонной газеты, ему слѣдовало бы просить о принятіи въ число министерскихъ не *одной*, а *всѣхъ* школъ своего уѣзда... Въ слѣдующемъ (347-мъ) нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" тотъ же корреспондентъ, смѣшивая начальныя городскія школы съ „городскими"

училищами, открываемыми на основаніи устава 1872-го года, приписываетъ министерству народнаго просвѣщенія открытіе 14 *начальныхъ* школъ, вызванное, будто бы, недостаточною заботливостью городского управленія о распространеніи начальнаго образованія. Выше, во внутреннемъ обозрѣніи (стр. 360—365), читатели найдутъ подробное изложеніе фактовъ, извращенныхъ корреспондентомъ московской газеты: они увидятъ, что рѣчь идетъ о „городскихъ" училищахъ высшаго народнаго образованія, завѣдываніе которыми принадлежитъ непосредственно министерству народнаго просвѣщенія. Et voilà comme on écrit l'histoire... на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей"! Очевидно, ихъ корреспондентъ не знаетъ различія между „начальнымъ" народнымъ училищемъ, съ 3-лѣтнимъ обученіемъ, и „городскимъ" 4-класснымъ училищемъ, съ 4-лѣтнимъ обученіемъ въ немъ.

Какимъ авторитетомъ газета г. Грингмута пользуется въ кругахъ, которые она считаетъ себѣ родственными и близкими—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ результатъ недавнихъ дворянскихъ выборовъ въ Орлѣ. Съ конца сентября до половины декабря почти не проходило дня, когда бы „Московскія Вѣдомости" не метали грома и молніи въ М. А. Стаховича, за его извѣстную рѣчь на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ—а орловское дворянство вновь избрало его въ свои предводители, громаднымъ большинствомъ 336 голосовъ изъ 419. Это—торжество тѣмъ болѣе полное, чѣмъ меньше можно было ожидать его. Конечно, нельзя утверждать, что всѣ подавшіе голосъ за г. Стаховича раздѣляютъ его взглядъ на свободу совѣсти—но во всякомъ случаѣ они не видятъ въ этомъ взглядѣ ничего несовмѣстнаго съ призваніемъ и обязанностями губернскаго предводителя дворянства [1]).

9-го минувшаго декабря исполнилось десять лѣтъ со времени учрежденія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, состоящей при литературномъ фондѣ. Немного найдется дѣлъ, которыя въ такое короткое время получили бы столь широкое и успѣшное развитіе. Число членовъ кассы доходитъ до 650, капиталъ ея превышаетъ 55 тыс. рублей; годовой расходъ составляетъ въ послѣдніе годы до 20 тыс. (а всего за десять лѣтъ израсходовано 107 тыс. рублей). Болѣе сорока осиротѣвшихъ семействъ воспользовались помощью кассы—помощью тѣмъ болѣе цѣнною, что она приходитъ въ трудную минуту жизни, приходитъ сама собою, безъ всякихъ проволочекъ, безъ всякихъ ходатайствъ

[1]) Во время тѣхъ же выборовъ авторъ одной изъ самыхъ рѣзкихъ статей противъ М. А. Стаховича, г. Нилусъ, баллотировался въ кандидаты мценскаго уѣзднаго предводителя дворянства—и получилъ 34 неизбирательныхъ голоса противъ 22 избирательныхъ.

и напоминаній. Завѣдываніе дѣлами кассы, постоянно усложняющимися, ведется безвозмездно, какъ и дѣлопроизводство литературнаго фонда; и тамъ, и тутъ, затрачивается масса труда, невиднаго, негромкаго— и тѣмъ болѣе имѣющаго право на сочувствіе. Одинъ изъ ораторовъ, привѣтствовавшихъ правленіе кассы (Л. Е. Оболенскій), былъ совершенно правъ, когда нашелъ въ дѣятельности кассы краснорѣчивый отвѣтъ на газетныя выходки противъ интеллигенціи, противъ самоуправленія и выборнаго начала... Заслуга учрежденія кассы принадлежитъ почти всецѣло Г. К. Градовскому; онъ составилъ и провелъ ея уставъ, онъ былъ ея первымъ предсѣдателемъ и не переставалъ руководить ею, пока его не сломила тяжкая болѣзнь. Торжество кассы обратилось само собою въ чествованіе ея учредителя, письмо котораго, прочитанное въ общемъ собраніи кассы, заканчивается трогательными словами: „Много лѣтъ всѣмъ подвижникамъ русской литературы и науки! Живите, дѣйствуйте и не поминайте лихомъ несчастнаго умирающаго“.

Въ половинѣ декабря чествовалось въ Петербургѣ пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности П. И. Вейнберга, а въ Москвѣ—тридцатилѣтіе научной дѣятельности профессора Н. И. Стороженко. Оба празднества отличались рѣдкимъ единодушіемъ и задушевностью. Въ лицѣ П. И. Вейнберга петербургскіе друзья искусства привѣтствовали даровитаго переводчика художественныхъ произведеній, поэта „по собственному праву“, лектора, будившаго въ широкихъ кружкахъ интересъ къ „писанной мысли“, человѣка, неустанно работавшаго и работающаго на пользу общаго литературнаго дѣла. Въ томъ возрастѣ, когда на первый планъ выступаетъ обыкновенно стремленіе къ отдыху и покою, П. И. Вейнбергъ соединяетъ въ своихъ рукахъ двѣ сложныя задачи —предсѣдательство въ союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей, которое онъ сохранялъ до самаго закрытія союза, и предсѣдательство въ литературномъ фондѣ, остающееся за нимъ и въ настоящее время. И тамъ, и тутъ, онъ трудится съ энергіей юноши, весь проникнутый заботой о пишущей братіи, разнообразныя бѣдствія которой извѣстны ему, какъ немногимъ. Понятно, что пишущая братія—а слѣдовательно, и всѣ сознающіе свою солидарность съ нею—относятся къ нему съ симпатіей, такъ ярко выразившейся въ день его юбилея [1])...

Н. И. Стороженко принадлежитъ къ числу профессоровъ, хранящихъ лучшія преданія московскаго университета. „Носитель кроткаго свѣта идеализма и гуманности“, онъ далъ русскому обществу цѣлый рядъ

---

[1]) Стихотворенія П. И. Вейнберга появлялись въ „Вѣстникѣ Европы“, начиная съ 1871 года, и далѣе въ 1872, 1873, 1874, 1875, 1900 и 1901 гг.

трудовъ, посвященныхъ, лучшимъ произведеніямъ всемірной литературы. Какъ шекспирологъ, онъ оцѣненъ даже на родинѣ великаго поэта: его книга о Робертѣ Гринѣ (одномъ изъ предшественниковъ Шекспира) переведена на англійскій языкъ, и онъ былъ выбранъ однимъ изъ вице-президентовъ „новаго шекспировскаго общества (New Shakespeare Society). По словамъ одного изъ его учениковъ, онъ „является неизмѣннымъ помощникомъ и руководителемъ молодыхъ ученыхъ и начинающихъ писателей и всегда готовъ тратить свое время на всевозможныя указанія и хлопоты ради всякаго, кто только нуждается въ немъ". Для углубленія и расширенія интереса къ русской литературѣ Н.-И. Стороженко много сдѣлалъ какъ предсѣдатель московскаго общества любителей русской словесности. Наши читатели хорошо знакомы съ основными свойствами его таланта: въ „Вѣстникѣ Европы" напечатаны многія его изслѣдованія („Шекспировская критика въ Германіи", 1869, № 10 и 11; „Госпожа Сталь и ея друзья", 1879, № 7; „Новая книга о Макіавелли", 1880, № 6; „Англійскіе моралисты XVII-го вѣка", 1881, № 9; „Философія Донъ-Кихота", 1885, № 9; „Психологія любви и ревности у Шекспира, 1899, № 9).

P. S.—Наше внутреннее обозрѣніе было уже въ печати, когда появилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Государь Императоръ, въ 6-ой день октября 1901 г., Высочайше повелѣть соизволилъ для обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ проекта уголовнаго Уложенія образовать особое присутствіе подъ предсѣдательствомъ члена сего совѣта статсъ-секретаря дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Палена, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1. Въ составъ особаго присутствія въ качествѣ его членовъ входятъ предсѣдатели и члены департаментовъ законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, государственной экономіи и промышленности, науки и торговли, Государственнаго Совѣта, члены совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Розингъ и тайный совѣтникъ фонъ-Дервизъ, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, государственный секретарь статсъ-секретарь Плеве, и первоприсутствующій въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената, сенаторъ тайный совѣтникъ Таганцевъ. 2. Министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями предоставляется принимать личное участіе въ засѣданіяхъ особаго присутствія или представлять ему объясненія черезъ своихъ товарищей. 3. Предсѣдателю особаго присутствія предоставляется приглашать въ засѣданія онаго для представленія объясненій лицъ, входившихъ въ составъ Высочайше утвержденной редакціонной коммиссіи по начертанію проекта уголовнаго Уложенія, а также другихъ лицъ,

по своимъ знаніямъ и опыту могущихъ принести пользу участіемъ въ трудахъ присутствія. 4. Заключенія особаго присутствія вносятся на разсмотрѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта. 5. Дѣлопроизводство особаго присутствія возлагается на статсъ-секретаря департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта тайнаго совѣтника Харитонова и на отдѣленіе гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственной канцеляріи".

Наступаетъ, такимъ образомъ, послѣдній фазисъ работы, предпринятой почти двадцать лѣтъ тому назадъ и законченной особою коммиссіею еще въ 1895 г.; приближается, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній часъ Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, устарѣвшаго, можно сказать, въ самый моментъ его изданія и до крайности затруднявшаго и затрудняющаго дѣятельность нашихъ судебныхъ учрежденій.

Другое правительственное сообщеніе появилось въ „Финляндской Газетѣ":

„Со времени изданія"—читаемъ мы здѣсь—„Высочайшаго манифеста отъ 29 іюня сего (1901-го) года и новаго устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, а тѣмъ болѣе со дня опубликованія этихъ законовъ, въ установленномъ порядкѣ, въ „Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго", агитація, сосредоточенная въ Гельсингфорсѣ и направленная вообще противъ мѣропріятій въ духѣ тѣснѣйшаго единенія финляндской окраины съ имперіей, стала дѣйствовать съ особенной настойчивостью. Подготовка къ этой агитаторской дѣятельности началась много раньше, уже со времени учрежденія въ Петербургѣ особыхъ коммиссій по выработкѣ новаго устава о воинской повинности. Руководители этой агитаціи, въ томъ числѣ „многочисленные члены бывшаго земскаго сейма",—какъ о томъ сообщено было въ одной изъ послѣдовавшихъ затѣмъ прокламацій,—собрались на о. Тургольмѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Гельсингфорсомъ, этимъ центромъ агитаціи. Въ результатѣ сего собранія явился, какъ извѣстно, рядъ въ высшей степени нелегальныхъ листковъ, брошюръ и прокламацій, наводнившихъ Финляндію, адресованныхъ къ лютеранскимъ пасторамъ и къ ихъ прихожанамъ и внушавшихъ, что новые законы о воинской повинности не должны быть опубликованы съ церковныхъ каѳедръ, какъ требуется существующими постановленіями, подъ предлогомъ, что тогда сіи законодательные акты не получатъ въ краѣ законной силы. Но такъ какъ эта агитація, возбудивъ вначалѣ нѣкоторыя колебанія среди лютеранскаго духовенства, въ общемъ не достигла своей цѣли, и законы о воинской повинности, въ концѣ концовъ, были опубликованы съ церковной каѳедры почти во всѣхъ лютеранскихъ приходахъ края,

за исключеніемъ нѣкоторыхъ приходовъ боргоской епархіи, то руководители агитаціи, предвидѣвшіе и ранѣе возможность такого неблагопріятнаго исхода подобныхъ мѣръ, избрали еще и иной образъ дѣйствій. Былъ составленъ на сей случай проектъ адреса, по существу своему повторявшаго доводы вышеупомянутыхъ прокламацій, носившаго по своему изложенію характеръ крайне дерзкаго протеста и тщетно стремившагося доказать несогласіе новыхъ законовъ о воинской повинности съ общимъ строемъ финляндской окраины. Въ числѣ подписей, какія удалось собрать организаторамъ сего адреса, составленнаго и направленнаго, вопреки точному смыслу Высочайшаго постановленія 30-го іюня 1826 года, безъ предварительнаго донесенія мѣстнымъ губернаторамъ и безъ разрѣшенія начальника края, имѣются наряду съ другими и подписи мѣстныхъ чиновниковъ, даже занимающихъ посты, замѣстители коихъ облекаются Монаршимъ довѣріемъ. Государь Императоръ, въ Своемъ безпредѣльномъ и отеческомъ снисхожденіи къ увлеченнымъ агитаціей, въ высокой степени милостиво отнесся къ заблуждающимся, оставивъ адресъ-протестъ только безъ послѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ повелѣть, при замѣщеніи въ краѣ должностей, облеченныхъ Монаршимъ довѣріемъ, при отсутствіи соотвѣтствующихъ кандидатовъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ, назначать на таковыя должности уроженцевъ имперіи".

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ городской Коммиссіи по народному образованію.

Коммиссія по народному образованію, состоящая при С.-Петербургской городской Думѣ, согласно состоявшемуся постановленію ея о чествованіи памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, по случаю исполняющагося въ 1902-мъ году 50-ти-лѣтія со дня смерти этихъ великихъ писателей, приступивъ въ настоящее время къ печатанію Сборника избранныхъ ихъ сочиненій, для раздачи оканчивающимъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга, считаетъ долгомъ сообщить:

1) печатаемый, подъ наблюденіемъ Коммиссіи по народному образованію, съ разрѣшенія цензуры, означенный Сборникъ избранныхъ сочиненій и изъ нихъ извлеченій, доступныхъ дѣтскому пониманію, составленный педагогомъ-литераторомъ В. П. Острогорскимъ, подраздѣленъ, по содержанію сихъ произведеній, на отдѣлы съ объяснительными къ нимъ статьями и приложеніемъ біографическихъ очерковъ великихъ писателей;

2) Сборникъ изданъ будетъ, по образцу Сборника изъ сочиненій А. С. Пушкина, выпущеннаго въ 1899 г.,—двумя изящными книжками въ переплетѣ, форматомъ въ 1/8 долю листа, объемомъ около 45 печатныхъ листовъ, съ 15—20 помѣщенными внѣ текста, соотвѣтствующими Сборнику портретами и видами;

3) согласно постановленію городской Думы, остающіеся отъ раздачи окончившимъ курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ г. С.-Петербурга экземпляры издаваемаго городомъ Сборника поступятъ въ продажу, причемъ цѣна Сборника назначена въ 75 коп. за экземпляръ, безъ пересылки; печатаніе Сборника закончено будетъ: одной части къ 21 февраля, а другой части—къ 12 апрѣля 1902 года и тогда же будутъ выданы подписчикамъ на Сборникъ;

4) при выдачѣ подписчикамъ первой части Сборника, обнимающей собою сочиненія Н. В. Гоголя, будетъ выданъ билетъ на полученіе

другой части Сборника, заключающей въ себѣ сочиненія В. А. Жуковскаго.

Обращаться съ требованіями можно въ Канцелярію Коммиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ, въ зданіи городской Думы (по Думской ул., 3-ьи ворота отъ Невскаго пр.).

II.—Извлеченіе изъ Положенія о Всероссійскомъ Пожарномъ Съѣздѣ.

Всероссійскій Пожарный Съѣздъ созывается Императорскимъ Россійскимъ Пожарнымъ Обществомъ, съ соизволенія Августѣйшаго предсѣдателя его Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича и съ разрѣшенія господина министра внутреннихъ дѣлъ, въ городѣ Москвѣ весною 1902 года.

Съѣздъ имѣетъ цѣлью: а) выясненіе современнаго состоянія противопожарнаго дѣла въ Россіи; б) обсужденіе вопросовъ о предохранительныхъ и оборонительныхъ мѣрахъ противъ пожаровъ; в) разсмотрѣніе мѣропріятій по устраненію бѣдственныхъ послѣдствій пожаровъ.

День открытія и продолжительность Съѣзда, а равно и подробная организація будутъ опубликованы впослѣдствіи Совѣтомъ Императорскаго Россійскаго Пожарнаго Общества.

Предсѣдательство на Съѣздѣ соизволилъ принять на себя Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Августѣйшій Предсѣдатель Императорскаго Россійскаго Пожарнаго Общества.

Занятія Съѣзда распредѣляются между слѣдующими отдѣлами его:

1.—О средствахъ и способахъ предупрежденія пожаровъ въ строительномъ отношеніи.

а) Въ системѣ постройки и устройствѣ разнаго рода жилыхъ, нежилыхъ и общественныхъ зданій, церквей, фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, складовъ, театровъ, цирковъ, залъ для общественныхъ собраній, сельскихъ и другихъ построекъ и распланированіи городовъ и селеній и отдѣльныхъ построекъ.

б) Въ устройствѣ отопленія и освѣщенія.

в) Въ канализаціи электрическаго тока.

г) Въ устройствѣ громоотводовъ.

д) Въ способахъ приданія свойства невоспламеняемости дереву, соломѣ, тканямъ и проч.

е) Испытательныя станціи.

ж) Обязательныя постановленія по строительной части.

2.—О средствахъ и способахъ предупрежденія пожаровъ въ общихъ мѣропріятіяхъ.

Древонасажденіе; надзоръ за малолѣтними въ селахъ въ рабочую пору взрослаго населенія; мѣры содѣйствія къ распространенію заводовъ и мастерскихъ огнестойкихъ матеріаловъ; распространеніе въ народѣ полезныхъ противопожарныхъ свѣдѣній; мѣры къ содержанію въ постоянной пожарной безопасности всякаго рода казенныхъ, общественныхъ и частныхъ зданій, обязательныя постановленія по различнымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ пожарному дѣлу; установленіе болѣе тщательнаго изслѣдованія причинъ возникновенія пожаровъ и причиняемыхъ ими убытковъ; привлеченіе къ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ возникновеніи пожаровъ.

3.—Огнегасительныя средства.

а) Механическія.

Ручныя, паровыя и другія пожарныя трубы и насосы; обозъ и принадлежности его; пожарныя лѣстницы, спасательные мѣшки, корзины, веревки и проч.

Водопроводы и средства для усиленнаго напора въ нихъ, резервуары, пожарные краны съ принадлежностями и проч.

б) Химическія.

Химическіе составы, гранаты, экстинкторы, цилиндры и т. п., а также реагенты для дѣйствія изъ пожарныхъ трубъ, гидропультовъ и т. д.

в) Электрическія.

Электрическіе огнегасительные приборы и двигатели въ примѣненіи къ пожарному дѣлу.

г) Сигнализація.

Способы извѣщенія о пожарахъ.

4.—Противопожарныя мѣры на водныхъ, желѣзнодорожныхъ и другихъ путяхъ сообщенія.

Противопожарная охрана на водныхъ, желѣзнодорожныхъ и обыкновенныхъ путяхъ сообщенія какъ въ отношеніи безопасности самихъ судовъ, поѣздовъ, транспортовъ, обозовъ и т. п., такъ и въ отношеніи безопасности прилегающихъ къ этимъ путямъ населенныхъ пунктовъ, лѣсовъ и другихъ мѣстныхъ предметовъ.

5.—Организація противопожарной помощи.

а) Городскія пожарныя команды.

б) Добровольныя городскія и сельскія, частныя и фабричныя пожарныя команды и дружины.

в) Самооборона сельскаго населенія при отсутствіи организованной пожарной помощи.

г) Участіе войсковыхъ частей и обывателей въ тушеніи пожаровъ въ населенныхъ пунктахъ и въ лѣсахъ.

д) Тушеніе пожаровъ на разнаго рода промыслахъ и при подземныхъ работахъ.

6.—Пожарно-страховой Отдѣлъ.

Участіе страховыхъ учрежденій въ развитіи противопожарныхъ мѣропріятій. Регулированіе размѣра страховой преміи въ зависимости отъ пожарнаго благоустройства населеннаго пункта. Регулированіе оцѣнокъ имущества для принятія ихъ на страхъ въ цѣляхъ уменьшенія числа пожаровъ. Участіе агентовъ страховыхъ обществъ въ надзорѣ за правильнымъ противопожарнымъ содержаніемъ принимаемыхъ на страхъ имуществъ.

7.—Врачебный и благотворительный Отдѣлъ.

Оказаніе первой врачебной помощи во время пожаровъ. Транспортированіе и переносъ пострадавшихъ. Заботы о дальнѣйшемъ леченіи. Общедоступные курсы и брошюры по сему предмету. Временныя и постоянныя пособія пострадавшимъ пожарнымъ дѣятелямъ. Кассы взаимопомощи пожарныхъ дѣятелей. Оказаніе матеріальной помощи пострадавшему отъ пожарныхъ бѣдствій населенію.

Во Всероссійскомъ Пожарномъ Съѣздѣ могутъ участвовать въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ его: представители правительственныхъ учрежденій, городскихъ и земскихъ управъ, члены Императорскаго Россійскаго Пожарнаго Общества, ученые, техники, врачи и другія лица, извѣстныя своею дѣятельностью по пожарному дѣлу, представители добровольныхъ пожарныхъ командъ, городскихъ, частныхъ и сельскихъ пожарныхъ обществъ и дружинъ, обществъ коммерческаго и взаимнаго страхованія и всѣхъ вообще общественныхъ и частныхъ учрежденій, прикосновенныхъ къ пожарному дѣлу. Лица, упомянутыя въ предыдущемъ параграфѣ, заявляютъ заблаговременно о своемъ желаніи участвовать въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ на Съѣздѣ Совѣту Общества (С.-Петербургъ, Дворцовая наб. 22), который о ихъ пріемѣ составляетъ постановленія.

Члены Съѣзда вносятъ за входный билетъ, значокъ и экземпляръ программы Съѣзда и печатныхъ трудовъ его по 10 рублей. Представители учрежденій и отдѣльныя лица, состоящія членами Императорскаго Россійскаго Пожарнаго Общества, платятъ только 6 рублей.

Отъ Редакціи. — Въ декабрьской книгѣ журнала, 1901 года, на стр. 855 и слѣд. напечатано: Леонъ Цолюшъ, вмѣсто: Леонъ Цолгошъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Б

3p